Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Материалы международной научной конференции
Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г.

Иркутск
Издательство «Оттиск»
2015

УДК 902/ 904+39
ББК 63.4+63.5
А 43

Издание подготовлено при поддержке гранта РГНФ
Проект № 15-01-14053

Ответственный редактор:
чл.-к. РАН Б.В. Базаров

Редакционная коллегия:
чл.-к. РАН Н.Н. Крадин
д-р ист. наук П.Б. Коновалов
к-т ист. наук А.Д. Гомбожапов
к-т ист. наук А.И. Бураев
к-т ист. наук Д.А. Миягашев

Рецензенты:
д-р ист.наук М.Н. Балдано
д-р ист.наук Д.И. Бураев
д-р ист.наук А.В. Константинов

Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Материалы междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г. / отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2015. 504 с.

ISBN 978-5-9906676-9-3

В сборнике рассматриваются актуальные проблемы археологии и этнологии Центральной Азии. Издание посвящено памяти известного российского археолога, специалиста по истории Сибири и Центральной Азии, доктора исторических наук Сергея Владимировича Данилова. На конференции были рассмотрены проблемы археологии эпохи камня, бронзового и раннего железного веков. Значительное внимание было уделено археологии хунну, как одному из наиболее ярких явлений евразийской культуры. Особое место в тематике докладов занимает одна из наиболее дискуссионных тем в современном кочевниковедении – тема городских и поселенческих комплексов номадов, которой в последние годы плодотворно занимался С.В. Данилов. В ряде сообщений, представленных участниками конференции, затрагиваются проблемы социально-политической истории, духовной культуры и мировоззрения кочевников от эпохи средневековья до современности. Одной из наиболее острых тем, рассмотренных авторами, стала проблема сохранения памятников археологии и историко-культурного наследия в целом. В сборник вошли материалы археологов и этнологов из России, Монголии и Германии.

Книга предназначена для специалистов по истории, археологии, этнологии и антропологии, преподавателей и студентов, всех интересующихся историей и культурой номадов Евразии.

© ИМБТ СО РАН, 2015
© Б.В. Базаров, 2015
© Коллектив авторов, 2015

Предисловие

Осуществленные за последние десятилетия совместные международные проекты археологических раскопок памятников разных эпох (палеолит, неолит, бронзовый и железные века) и комплексные этнологические исследования на территории Монголии, Южной Сибири, Байкальского региона детерминировали необходимость сопоставления и междисциплинарного анализа, а также широкого научного обсуждения результатов исследований, обмен научными гипотезами. Реализацией данного замысла стала организация и проведение на базе Института монголоведения, буддологии и тибетологии международной научной конференции «Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии» 7–8 апреля 2015 года.

Перед участниками конференции стояли высокие научные задачи. Прежде всего, это формирование консолидированных представлений о современном состоянии, перспективах и ориентирах развития археологии и этнологии Центральной Азии.

В то же время современное состояние межэтнических, межконфессиональных и международных взаимоотношений актуализируют исследования по этно-, культуро-, социо- и политогенезу древних и современных народов. Становление гражданского общества взаимосвязано с возросшим уровнем этнической самоидентификации народов России и Центральной Азии. Основы культурного наследия и этнических традиций требуют научного обоснования и скрупулезного анализа факторов генезиса современных этнических образований и их взаимоотношений на ранних этапах. Археологические и этнографические материалы позволяют проследить истоки и основы формирования этносов, историю международных отношений в исторической ретроспективе в условиях отсутствия или недостаточности иных данных. Указанные обстоятельства подразумевает как расширение археологических исследований, так и осмысление полученных результатов на новом концептуальном уровне с позиции современного состояния развития методологии и методики изучения древней истории этносов Центральной Азии.

На конференции были представлены доклады ведущих российских и мировых специалистов, отражающие современные достижения и перспективы в области изучения археологии, этнологии и кочевниковедения центральноазиатского региона, многие из которых опубликованы в данном сборнике. География участников конференции охватила представителей не только регионов России, но и страны дальнего зарубежья (ФРГ, Монголия, КНР).

В рамках конференции получили детальное освещение проблемы социальной и политической истории, духовной культуры и мировоззрения номадов, а также этнической истории Центральной Азии. Особое внимание было посвящено истории городских и поселенческих комплексов кочевников.

2014 год в Российской Федерации был объявлен годом культуры, это обусловило повышенное внимание к вопросам сохранения историко-культурного на-

следия, в том числе памятников археологии. Данное обстоятельство не могло остаться вне поля зрения участников конференции: обсуждались инновации в области законодательства, формирующие новые условия проведения археологических работ, а также были рассмотрены актуальные вопросы сохранения и охраны объектов культурного наследия древности и средневековья.

Состоявшаяся встреча способствовала укреплению научных связей и формированию дискуссионного поля, в рамках которого произошло обновление научного дискурса, концептуальных и методологических позиций по вопросам выделения новых археологических культур, генезиса номадизма, возникновения и развития городской культуры у кочевников, уточнения территориальных и хронологических границ кочевых империй Центральной Азии, идентификации генетического разнообразия древних популяций.

В дни проведения международной конференции «Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии» исполнилось бы 65 лет крупному ученому, известному археологу, доктору исторических наук, заведующему отделом истории и культуры Центральной Азии ИМБТ СО РАН Сергею Владимировичу Данилову. Символично, что прошедшая конференция прошла с почтением к его памяти как видного ученого, посвятившего всю свою творческую жизнь исследованию истории и материальной культуры кочевых народов Центральной Азии.

Директор Института монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН,
чл.-корр. РАН
Б.В. Базаров

Б.В. Базаров[1], П.Б. Коновалов[2], Н.Н. Крадин[3]

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДАНИЛОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Краткая научная биография бурятского археолога, доктора исторических наук, 33 года проработавшего в Бурятском научном центре, из которых последние 22 года руководившего Лабораторией археологии Отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Основным направлением его научных интересов были вопросы номадизма, поселенческие и городские комплексы монгольских и тюркских кочевников Внутренней Азии.

Ключевые слова: археология, номадизм, оседлость и кочевничество, социогенез, политогенез.

B.V. Bazarov, P.B. Konovalov, N.N. Kradin

SERGEY VLADIMIROVICH DANILOV – RESARCHER OF NOMADIC CULTURES OF INNER ASIA

Сергей Владимирович Данилов родился 7 апреля 1950 г. в г. Улан-Удэ в семье служащих – Владимира Сагахановича и Марии Нанзановны Даниловых. В 1967 г. он закончил среднюю школу и поступил в Бурятский пединститут на исторический факультет. В 1974 г. закончил институт и в течение двух лет работал учителем истории в сельских школах Бурятии. В 1976 г. С.В. Данилов поступил в целевую аспирантуру в Институт археологии АН СССР (Москва) и после окончания аспирантуры пришел на работу в Бурятский филиал СО АН СССР (в фотолабораторию). С 1981 г. до конца жизни он трудился в БИОН – ИМБТ СО РАН, в Отделе истории, этнографии и археологии и Отделе истории и культуры Центральной Азии.

Еще после 9-го класса средней школы и затем во время учебы в Пединституте несколько полевых сезонов С.В. Данилов работал в археологической экспедиции на раскопках хуннских некрополей Ильмовая падь и Черемуховая падь под руководством П.Б. Коновалова. С этим «боевым крещением» полевой археологией Сергей был направлен в аспирантуру Института археологии (Москва), где он попал под руководство С.А. Плетневой – известного специалиста в области кочевниковедения (восточно-европейских степей). Кандидатская диссертация была написана на тему «Жертвоприношения животных в ритуалах древних племен Забайкалья как источник по истории религиозных верований скотоводческих народов». Работа была написана на основе материалов эпохи бронзы, хунну и средних веков на территории Забайкалья. В диссертации рассматривался остеологический мате-

[1] БАЗАРОВ Борис Ванданович – д.и.н., чл.-корр. РАН, директор ИМБТ СО РАН. E-mail: bazarov60@mail.ru

[2] КОНОВАЛОВ Прокопий Батюрович – д.и.н., главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии ИМБТ СО РАН. E-mail: konpb@yandex.ru

[3] КРАДИН Николай Николаевич – д.и.н., чл.-корр. РАН, заведующий Центром политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: kradin@mail.ru

риал из археологических памятников как особая категория источников для изучения религиозных верований древнего населения. В этом состояла значимость и новизна данного исследования.

С 1981 г. Данилов работал в секторе археологии отдела истории, затем в секторе этнографии и археологии БИОН СО РАН. В те годы сектор под руководством П.Б. Коновалова осуществлял свою деятельность по теме «Древние культуры Бурятии». В ее рамках Данилов проводил раскопки на территории Бурятии и Читинской области – курганов-керексуров, плиточных могил, хуннских и средневековых могил (Нижний Бургалтай, Балеевка, Пестерево, Кибалино, Баргай, и др.).

Важнейшим вкладом в археологическую науку стала разработка С.В. Даниловым проблематики городов в кочевых империях Центральной Азии. Здесь нужно отметить, что достаточно давно сложилось предвзятое ориенталистское мнение, что кочевники – это варвары и завоеватели и никаких городов в их обществах не было. Несмотря на то, что еще в середине прошлого века советским археологом чл.-корр. АН СССР С.В. Киселевым было доказано, что городища и города встречаются на территории Монголии и Забайкалья с древности, данная предвзятая точка зрения продолжает существовать до сих пор.

С 1986 г. в рамках тематики «История Бурятской АССР» С.В. Данилов приступил к исследованию раннемонгольских поселенческих комплексов на территории Бурятии (в местностях Сутай, Нарсатуй, Темниковское поселение). С этих пор основным направлением исследований С.В. Данилова становятся поселения и городища древних и средневековых кочевников. Он стал одним из главных пропагандистов данной проблематики (1992). Им были проведены раскопки усадьбы монгольского времени Нарсатуй и хуннского городища Баян Ундэр, Темниковского поселения.

В 1987–1989 гг. С.В. Данилов раскапывал одно из зданий монгольского времени в с. Нарсатуй. Это было большое здание с колоннами на платформе, покрытое черепичной крышей. Платформа была окружена кирпичной стенкой. Найдены каменные базы, служившие основаниями для колонн. Пол был покрыт кирпичами. В 1987 г. им также исследовалось Темниковское поселение. Результаты раскопок позволили выявить глазурованную посуду, кирпичи, другие находки.

В 1992 г. при организации в БИОН СО РАН отдела истории и культуры Центральной Азии Данилов назначен заведующим Лаборатории археологии и приступает к раскопкам хуннского городища в местности Баян Ундэр на р. Джиде. Здесь были получены весьма интересные результаты. Памятник был окружен двумя валами. На основном валу были зафиксированы остатки деревянного частокола. Раскапывалось здание, которое находилось внутри городища. Были выявлены конструктивные особенности сооружения, внутри найдены остатки отопительной системы, покрытой камнями (кан). С.В. Данилов интерпретировал данное городище как резиденцию предводителя определенного ранга. Таким образом, был сделан важный шаг в типологии хуннских городищ. Если Иволгинское городище

представляло собой город ремесленников и земледельцев, то Баян Ундэр был административным пунктом [Данилов 1995, 1998].

В 1996 г. в Улан-Удэ состоялся крупный международный научный форум – интер-конгресс Всемирного археологического конгресса (WAC) «100 лет гуннской археологии. Номадизм - прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен». Идея проведения такой конференции закономерно родилась в Бурятском научном центре, где к этому времени П.Б. Коноваловым были осуществлены масштабные исследования хуннских некрополей Бурятии. С.В. Данилов был главным идеологом данного мероприятия и внес предложение провести такой форум в ознаменование столетия открытия памятников хунну на бурятской земле, будучи участником конгресса WAC в Дели в 1994 г. И он же стал главным организатором проведения интер-конгресса в Улан-Удэ – Кяхте, сам выступил с постановочным докладом по вопросу городов хунну [Данилов, 1996]. Форум собрал большое количество исследователей и стал определенной вехой в изучении хунну. На полевой экскурсии гостям конгресса был показан самый крупный в Забайкалье хуннский некрополь в Ильмовой пади, где перед участниками предстали впечатляющие конструкции раскопанных Ю.Д. Талько-Грынцевичем и П.Б. Коноваловым, а также продолженных раскопками С.В. Даниловым элитных погребальных сооружений типа или ранга княжеских/царских.

С 1999 г. С.В. Данилов начал проводить экспедиционные исследования на территории Монголии, сначала в составе Международной экспедиции «Трансформация кочевых народов Центральной Азии», затем со-руководителем Международной российско-монгольской археологической экспедиции по изучению киданьских и хуннских городищ и поселений. Тем самым организаторы и руководители этих исследований (С.В. Данилов, Н.Н. Крадин, А. Очир) становятся основателями приоритетного направления – социально-политические и экономические предпосылки формирования городов и городской культуры в кочевых обществах Внутренней Азии. За последние полтора десятка лет С.В. Данилов провел исследования в качестве руководителя трех российских грантов и со-руководителя четырех российско-монгольских грантов, и все они по вопросам специфики кочевой культуры, политогенеза в Центральной (Внутренней) Азии.

Первым этапом стали совместные (Н.Н. Крадин, А. Очир, С.В. Данилов) исследования киданьских городищ на территории Монголии. В течение ряда лет они проводили раскопки города Чинтолгой-балгас в Монголии. В работах бессменно также участвовали А.Л. Ивлиев, С.А. Васютин и Л. Эрдэнэболд, в разной степени принимали участие сотрудники БНЦ СО РАН и ДВО РАН, Международного института изучения кочевых цивилизаций ЮНЕСКО, Института археологии МАН, монгольские и российские аспиранты и студенты.

Городище Чинтолгой-балгас представляет собой настоящий город. Его площадь более 80 га, имеется 35 башен и 5 ворот, три улицы. Город разделен внутренним валом на северную, более статусную и южную части. С запада и юга городища находилось русло реки. В процессе раскопок было обнаружено несколько жилищ

верхнего горизонта с отопительной системой (*кан*). Найдено большое количество артефактов, включая керамику, фарфор, украшения, черепицу, фаунистические остатки. К югу от городища за пределами городских стен найдены печи для обжига керамики.

Исследования показали, что город имел компактную квартальную застройку, с улицами и переулками. Внутри кварталов достаточно скученно располагались жилища. Было зафиксировано присутствие на территории города бохайского населения, насильственно переселенного киданями из Манчжурии и Приморья. Данный памятник идентифицирован как киданьский город Чжэньчжоу, который был основан в 1004 г. и просуществовал вплоть до киданьского исхода на Запад в 1130 г. Результаты раскопок были представлены в различных статьях и в двух коллективных монографиях. Одним из авторов обеих книг был С.В.Данилов [Очир и др. 2008; Крадин и др.2011].

Раскопки Чинтолгой-балгаса вооружили исследователей необходимым опытом масштабных раскопок подобных памятников и поставили на повестку дня вопрос таких же раскопок более ранних памятников – городов хунну на территории Монголии. Составлен новый двухсторонний проект на грант РГНФ – Министерство ОКН Монголии (руководители – с российской стороны С.В. Данилов, с монгольской стороны А. Очир). Выбор пал на хуннское городище Тэрэлжийн дөрвөлжин в долине одноименной речки Тэрэлж – правого притока Керулена в восточных отрогах Хэнтэя. В течение двух полевых сезонов 2007–2008 гг. многочисленный отряд Монголо-российской совместной экспедиции провел раскопки на центральном объекте в виде бугра или холма продолговатой формы размерами 60х30 м, под которым вполне естественно предполагать какое-то строение – здание. Вскрытие части юго-западного склона холма на площади в 224 кв. м. подтвердило это предположение – там оказалась часть строения с черепичной кровлей. Но ограниченные сроки и средства экспедиции не позволили выяснить конструкцию здания, не говоря уже о деталях, но судя по размерам здания и по сравнению с известными строениями на Иволгинском городище и в Баян Ундэре, где черепичное покрытие обнаружено не было, здесь, в Тэрэлжине, при дальнейшем исследовании речь может идти, вероятно, о дворцовом или храмовом здании. Предварительные результаты раскопок опубликованы в Германии, а также в отечественных изданиях [Danilov, 2008, P. 241-246; Данилов и др. 2008; Данилов и др. 2011, с. 30-50].

Звездный час исследователя настал в 2009 г., когда С.В. Данилов вместе с монгольскими коллегами А. Очиром и Л. Эрдэболдом, осуществил раскопки кургана Шороон-дов, датируемого временем между Первым и Вторым Тюркскими каганатами. В ходе исследования в Центральном аймаке Монголии киданьских городищ профессор Аюдайн Очир обратил особое внимание на земляной курган вблизи Заамар сомона, заподозрив в этом объекте киданьское захоронение. После раскопок городища Чинтолгой было принято решение раскопать и предполагаемый киданьский курган. Результат был неожиданным – курган оказался «тюркско-уйгурским». Пишем это определение в кавычках потому, что при несомненных документальных

свидетельствах, полученных из раскопок (найден текст-эпитафия на каменной плите у входа в подземный склеп) об этнической принадлежности захороненного, вся погребальная обрядность и уникальный сопровождающий инвентарь дают повод к размышлениям. Вот что написал по этому поводу сам С.В. Данилов: «Погребальный инвентарь раскопанного кургана не имел ничего общего с привычными предметами характерными для погребального обряда средневековых тюрков… Из текста надписи следует, что погребенный…человек был из племени пугу, состоявший на службе Танской администрации в качестве генерал-губернатора административного округа». По уточненному переводу А.Л. Ивлиева человек, которому была посвящена данная надпись, являлся военным губернатором округа Цзиньюйчжоу, правителем области Пугуфу Ияоюэ. Сообщается, что он умер в 677 году в своем племени.

Уникальность этой археологической находки определяется тем, что во-первых, это первая находка такого рода на территории Монголии и во всей Центральной Азии. Во-вторых, найденная каменная плита с эпитафией является первым памятником, обнаруженным в кургане и таким образом становится в один ряд с всемирно известными эпитафиями знаменитых политических деятелей Второго тюркского каганата Бильге-кагана, Кюльтегина и Тоньюкука. Эта находка только подтверждает точку зрения о том, что монгольская земля хранит еще много тайн и перед монгольской археологией стоят задачи открытия и изучения новых памятников позволяющих сделать вклад в изучение истории и культуры древнего населения Монголии» [Очир А. и др., 2013, с.9]. Раскопки кургана Шороон-дов стали одним из самых ярких и выдающихся открытий в археологии Центральной Азии последнего десятилетия.

В последние 2010–2014 гг. под руководством С.В. Данилова и А. Очира проводилась обширная работа по российско-монгольскому проекту по составлению «Электронной карты древних городов и поселений Центральной Азии». Эспедиционными маршрутами пройдено с GPS-фиксацией, топосъемкой и внешним описанием по ранее известным и вновь обнаруженным пунктам на большей части территории Монголии, Забайкалья и Тувы. В предстоящих планах этого проекта были выходы во Внутреннюю Монголию и Синьцзян-Уйгурию КНР. Краткие отчеты по пройденным памятникам опубликованы в статьях [Данилов и др. 2012; 2012; 2013].

С.В. Данилов написал не так много научных работ – около семидесяти. Для 37 лет работы в науке, это не так много. Но он не относился к числу, как говорят, «писучих» ученых, его творчество характеризуется неторопливостью, тщательной выверенностью фактологии, честностью выводов и заключений. В стиле изложения часто констатируется недостаточность данных, признания невозможности того или иного решения вопроса, вместо стремления непременно высказать, утвердить то или иное свое мнение. По существу, многие статьи являются во многом предварительными (оперативные публикации материалов, постановка проблем): так как сами эти проблемы – генезиса и специфики номадизма, соотношения в нем кочевничества и оседлости, градостроительство в степи и др. до сих пор остаются недостаточно исследованными.

В списке его трудов одна авторская монография («Города в кочевых обществах Центральной Азии». – Улан-Удэ, 2004), две в соавторстве с российскими и монгольскими коллегами, посвященные исследованиям на киданьском городище Чинтолгой-балгас, еще одна монография в соавторстве с двумя авторами настоящей статьи – Н.Н. Крадиным и П.Б. Коноваловым («Социальная структура хунну Забайкалья». – Владивосток, 2004).

Собственные теоретические воззрения С.В. Данилова на проблему градостроительства нашли отражение в монографии «Города в кочевых обществах Центральной Азии», опубликованной в 2004 г. [Данилов, 2004] и защищенной в форме докторской диссертации [2005]. Эта книга также имеет во многом постановочный характер, поскольку масштабные полевые исследования на территории Монголии начались фактически уже после написания книги. Надо сказать, что это не была первая монография на данную тему. Ранее разработкой этой тематики занимались археологи С.В. Киселев, Х. Пэрлээ, Л.Р. Кызласов, А.В. Давыдова, архитекторы Н.М. Щепетильников, Д. Майдар, Д. Пюрвеев, В.Н. Ткачев, Л.К. Минерт и др. Однако С.В. Данилову удалось выйти на новые аспекты и грани этой темы, на вопросы социо-экономических закономерностей политогенеза, систематизировать накопленную в кочевниковедении информацию на новом концептуальном уровне.

Книга состоит из четырех глав. В первой главе приводится историография исследования. Вторая посвящена становлению производящего хозяйства и номадизма в Центральной Азии. В третьей главе дана сводная хронологическая выборка по городищам на территории Центральной Азии на момент написания книги. Четвертая глава носит обобщающий характер и в ней автор попытался систематизировать накопленный материал, показать динамику градостроительства в изучаемом регионе.

В книге автор показал объективную картину зарождения и эволюции становления оседлой городской жизнедеятельности в кочевых обществах. Изложив имеющиеся на тот момент данные о поселенческих комплексах хунну, уйгуров, киданей и монголов, все свое внимание направляет на попытку понять закономерность становления оседлости в кочевой среде степняков, ее специфики и функции «городской» жизни. Изучена роль сети оседлых поселений для экономической жизни, для управленческо-административных функций, показан, что феномен «городских» центров может быть понят только в связи с проблемой образования государственности в обществах номадов.

В результате исследования материала С.В. Данилов констатирует, что мы имеем дело со сложными процессами социального, политического и экономического развития кочевых сообществ; на каждом историческом этапе эти процессы протекали по-разному, хотя имелись и общие закономерности, пока только намечаемые в ходе исследования. Книга заканчивается следующим выводом: «Появлению в центральноазиатских степях обществ со сложной социально-политической структурой, с городской культурой предшествовали сотни лет развития, во время которых происходило стихийное “отлаживание” системы социальных взаимоотношений и форм политической организации кочевого социума. Исследование

истории этого растянутого на тысячелетия процесса во всем его многообразии является задачей ученых, занимающихся изучением различных аспектов истории и культуры Центральной Азии» [Данилов, 2004, с.194].

Книга нашла своего читателя и оказалось востребованной. Ее часто цитируют и используют коллеги и студенты. Если набрать в Гугле фамилию автора и название книги, получится около восьми тысяч упоминаний в Интернете. Это немало. Основные положения книги вошли в состав докторской диссертации, тема которой была несколько изменена и уточнена в сравнении с монографией: «Древние и средневековые города в кочевых обществах Центральной Азии». Защита прошла успешно и работа вскоре была утверждена ВАКом.

Осталось сказать о научно-организационной деятельности С.В. Данилова и работе в сфере связи вузовского образования и академической науки. В течение 22-х лет С.В. Данилов руководил сначала лабораторией археологии, затем отделом истории и культуры Центральной Азии, совмещал периодически должности заместителя директора по науке и по международным связям. В этой ипостаси проявлялся его истинный талант организатора – от природы лояльного, но твердого. В недавние годы (2006–2011 гг.) он был организатором подготовки и ответственным редактором первого тома «Истории Бурятии», членом редколлегии «Историко-этнографического атласа Бурятии». В разные годы С.В. Данилов вел курсы лекций в Бурятском пединституте (Археология СССР), Бурятском филиале Новосибирского государственного университета (Основы археологии), Бурятском государственном университете (Археология Евразии). Его лекции и рассказы всегда вызывали живой интерес у студентов.

Научная и педагогическая деятельность С.В. Данилова были отмечены рядом высоких наград. Среди них – звания «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия», «Заслуженный работник образования Республики Бурятия». Он стал Лауреатом государственной премии Республики Бурятия в области науки и техники (2002 г.), был награжден Почетными грамотами Президиума СО РАН, Президиума РАН, Международного института изучения кочевых цивилизаций, медалью «800-летие Великого Монгольского государства», медалью «Хубилай хаан» АН Монголии.

Можно много говорить и о других организаторских достижениях, удивительной доброте, общительности и коммуникабельности. Случилось так, что жизнь Сергея Владимировича оборвалась во время выполнения важного совместного монголо-российского проекта «Карта древних городов и поселений кочевников Центральной Азии» (руководители Данилов и Очир), до завершения которого оставалось совершить еще один маршрут по Монголии. Завершить эту работу еще предстоит.

Литература

Данилов С.В. Жертвоприношения животных в ритуалах древних племен Забайкалья как источник по истории религиозных верований скотоводческих народов // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Специальность 07.00.06 – археология. – Кемерово, 1988.

Данилов С.В. Средневековые поселения Западного Забайкалья // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. – Новосибирск, 1992. – С. 137-145.

Данилов С.В., Жаворонкова Т.В. Городище Баян Ундэр – новый памятник хунну в Забайкалье // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ, 1995. – С. 26-36.

Данилов С.В. К проблеме городов хунну // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее и будущее. Гуннский феномен»/ Тез. докл. Ч. 1. – Улан-Удэ, 1996.- С.20-22.

Данилов С.В. Раскопки здания на хуннском городище Баян Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 1998. – С. 111-114.

Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2004.

Данилов С.В. Древние и средневековые города в кочевых обществах Центральной Азии. – Автореф. дисс. докт. ист. наук. Специальность 07.00.03 – всеобщая история. – Улан-Удэ, 2005.

Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Коновалов П.Б., Именохоев Н.В., Цыденова Н.В., Симухин А.И., Бураев А.И., Базаров Б.А., Анхбаяр Б., Эгиима Ц. Предварительные результаты раскопок на хуннском городище Тэрэлжийн Дэрвэлжин в Центральном аймаке Монголии // Археология Степной Евразии. Международный сборник научных трудов. – Кемерово – Алматы, 2008. – С. 104-110.

Danilov S.V. Preliminary Rezults of the investigations on a Xiongnu settlement in Mongolia // Current Archaeological research in Mongolia. Papers from the First International conference on "Archeolodical Research in Mongolia" held in Ulaanbaatar, Audust 19-23, 2007/ – Vor-und Fruhgeschichtliche Archaologie Rheinische Fridrich-Wilhelms-Universitat, Bonn, 2009, p.241-246.

Данилов С.В., Симухин А.И., Цыденова Н.В. Черепица из хуннского городища Тэрэлжин Дэрвэлжин // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 20011. – С. 30-50.

Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья». – Владивосток, 2004.

Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Данилов С.В. и др. Киданьский город Чинтолгой-балгас.- М.: Восточная литература, 2011.

Очир А., Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Данилов С.В. и др. Археологические исследования на городище Чинтолгой. – Улаанбаатар, 2008 (на монг. рус. яз.).

Очир А., Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны малтлага, судалгаа. - Улаанбаатар, 2013.

О работе экспедиции по созданию электронной карты древних и средневековых городов Центральной Азии / **С. В. Данилов, Н. В. Именохоев, Б. З. Нанзатов, А. И. Симухин (Улан-Удэ), А. Очир, Л. Эрдэнэболд** (Улан-Батор, Монголия) // Мир Центральной Азии: тез. докл. международной научной конференции. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012.

Предварительные результаты работ экспедиции по исследованию древних и средневековых городов Центральной Азии./ **Данилов С.В., Очир А., Именохоев Н. В., Эрдэнэболд Л., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Уртнасан.** // Проблемы сохранения, изучения и использования культурного наследия в современном музее. – Сб. ст. межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы сохранения, изучения и использования культурного наследия в современном музее, посвященного 90-летию музея истории Бурятии им. М.Н.Хангалова и 155- летию со дня рождения выдающегося этнографа М.Н.Хангалова». 21-25 октября 2013 г. – Улан-Удэ. Изд. БСХА им.В.Р.Филиппова. 2013. С.184-190.

Средневековые города Тувы и Западной Монголии (предварительные результаты работы экспедиции «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии» в 2011 г.) / **С. В. Данилов, Н. В Именохоев, Б. З. Нанзатов, А. И. Симухин, А. Очир, Л. Эрдэнэболд** // Культурное наследие народов Центральной Азии: сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. Вып. 3.

С.В. Данилов[4], Н.В. Именохоев[5], Б.З. Нанзатов[6], А.И. Симухин[7]

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ПРОЕКТУ: «СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КАРТЫ ГОРОДОВ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ» (2010–2014 гг.)

В статье представлены предварительные результаты исследования древних и средневековых городов Центральной Азии. На основе полевых исследований коллективом авторов обобщены сведения о числе и местонахождении более ста древних городищ и поселений на территории Монголии, Бурятии, Тувы и Забайкалья.

Ключевые слова: Центральная азия, кочевники, города, древность, средневековье

S.V. Danilov, N.V. Imenohoev, B.Z. Nanzatov, A.I. Simuhin

PRELIMINARY RESULTS OF THE INTERNATIONAL RUSSIAN-MONGOLIAN ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION ON THE PROJECT: «ESTABLISHMENT OF ELECTRONIC MAP OF FORTS OF ANCIENT CENTRAL ASIAN NOMADS « (2010-2014)

The article presents preliminary results of the research on ancient and medieval forts of Central Asia. On the basis of field research the authors compiled data on the number and location of more than hundred ancient forts and settlements in Mongolia, Buryatia, Tuva and Transbaikalia.

Key words: Central Asia, nomads, forts, ancient, medieval

Одним из наиболее слабоизученных археологических памятников Центрально-Азиатского региона являются стационарные оседлые поселения и городища кочевых народов, возникновение которых относят к периоду формирования и расцвета империи Хунну (III в. до н.э. – II в. н.э.), хотя некоторые древние китайские письменные источники и современные археологические данные свидетельствует и о более раннем их появлении. «Проблема появления ранних городов чрезвычайно сложна и до сих пор нет окончательного решения о механизме перехода обширных сельскохозяйственных поселений к городам и формированию в них своеобразной городской культуры» [Данилов, 2004, с. 7]. Формирование оседлых поселений и городищ обычно связывают с развитием экономических, социальных, политических отношений в кочевых обществах, приводивших к возникновению институтов ранней государственности. Города, как своеобраз-

[4] ДАНИЛОВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

[5] ИМЕНОХОЕВ Николай Владимирович – научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

[6] НАНЗАТОВ Баир Зориктоевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: nanzatov@yandex.ru

[7] СИМУХИН Александр Ильич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: simply.sima@mail.ru

ные маркеры более высокого уровня развития, считаются одним из признаков перехода кочевых обществ Центральной Азии к новым общественным отношениям. Имеющиеся в настоящее время данные о поселениях и городищах, распространенных на территории Центральной Азии, позволяют выстраивать историко-культурные схемы исторических процессов протекавших в регионе с появлением производящей экономики – скотоводства [Данилов и др., 2012, с. 97].

Наиболее информационным методом научного исследования поселений и городищ являются крупномасштабные археологические раскопки, которые дают возможность создать наиболее полную характеристику памятника: его планиграфии, месте в географической зоне и окружающем ландшафте, особенностям фортификации, технологии строительства зданий и сооружений; по находкам предметов материальной культуры и сопровождающим некрополям – уровень материального и духовного благосостояния, социальную структуру и политическую деятельность населения в период функционирования объекта. Ряд функций поселений и городищ можно выявить только при наличии данных о природно-географических условиях их формирования и распространения, привязанности к водным артериям и торговым путям, соотношению с иными одновременными археологическими памятниками, удалению или приближению к границам распространения конкретного этнополитического образования, включенность в окружающие природно-ландшафтные обстановки. Выяснение перечисленных характеристик невозможно без создания карты распространения древних поселений и городов на территории России и Монголии. Имеющиеся в настоящее время опубликованные данные о распространения городов и поселений Центрально-Азиатских кочевников не сведены в единое целое и уже не отвечают требованиям и уровню современной науки. Для восполнения недостающих данных в 2010-2014 гг. международной Российско-Монгольской археологической экспедицией в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ №10-01-00542а/G «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии» проводились полевые исследования памятников на территории Монголии, Бурятии, Забайкальского края и Тывы.

В составе экспедиции работали сотрудники Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН: д.и.н. Данилов С.В. – руководитель проекта, основные исполнители с российской стороны: Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., так же в разное время принимали участие Коновалов П.Б., Миягашев Д.А., Гомбожапов А.Д., Цыденова Н.В., Урбазаев В.И., Коновалов С.В., Райцанов С.Б. С монгольской стороны участвовали представители Международного института по изучению кочевых цивилизаций Монголии проф. Аюдайн Очир – руководитель с монгольской стороны, Л. Эрдэнэболд, Н. Уртнасан. В 2011 г. в работе экспедиции на территории Тывы принимал участие сотрудник Тувинского института гуманитарных исследований Тулуш Д.К.

Основная задача выполнения проекта – выявление памятников древней городской культуры Центральной Азии, составление топографических планов объектов и географической карты расположения оседлых поселений и городов Центральной Азии.

На начальном этапе исследовательской группой решались следующие задачи:

разработка методики сбора и обработки материалов, составление списка всех известных стационарных памятников оседлости древних кочевников на указанной территории;

выяснение особенностей географического расположения городов и поселений в различные исторические эпохи;

съемка глазомерных планов оседлых поселений и городищ с применением GPS-навигаторов;

подготовка фотографий с изображением памятников в ландшафте и основных видов подъемного археологического материала;

подготовка текстов с описанием памятника и выявленных на нем археологических материалов;

поиски новых подходов к изучению письменных источников, содержащих сведения об оседлости и городской жизни в кочевых обществах и выявление в них данных о предпосылках появления городов у кочевников.

Фиксация археологических объектов проводилась с помощью приборов глобального позиционирования в системе WGS-84 Методика исследований отрабатывалась и апробировалась во время полевых работ [Данилов и др., 2012, с. 99].

Полевые работы были начаты в 2010 году на территории Бурятии и продолжены в Монголии. Всего исследовано 27 городов разных исторических периодов: в Бурятии – Иволгинское городище, Темниковское поселение, городище Баян Ундэр, поселения Дурены и Нижний Мангиртуй, Сутайская и Нарсатуйская феодальные усадьбы; в Монголии – Улан Хэрэм, Чин Тологой, Эмгэтийн Хэрэм, Хара Бух Балгас, Хара Балгас, Чилэн Балгас, Цаган Дэнжийн Балгас, Цаган Дэнжийн Балгас–II, Бэлхийн гол, Хэрмэн Дэнж, Харахорин, Цаган Сумийн Балгас, Гэзэг Бурдын Дорволжин, Лун, Модонгийн Туурь, Хэрлэн Зун Хэрэм, Хэрлэнун Барун Хэрэм, Хурэт Дэнж, Гун Галуут, Заамар.

В 2011 году экспедиционные исследования проводились в три этапа с мая по сентябрь на территории Республики Тыва, Монголии и Забайкальского края. На первом этапе работ экспедиции полевыми исследованиями охвачены территории Кызылского, Тандинского, Улуг-Хемского, Дзун-Хемчикского, Барун-Хемчикского, Бай-Тайгинского, Овюрского районов Тывы и Убсунурского, Завханского, Хубсугульского, Булганского, Арахангайского, Центрального аймаков Монголии.

В результате работ обследованы городища и поселения на территории Тывы: Кыйлыч Хову, Могой, Межегейское городище, Ден Терек, Боом, Барык, II Ша-

гонарское городище, III Шагонарское городище, IV Шагонарское городище, Баажын Алак, Малгаш бажын, Тээли, Бора Тайга, Бора Тайга-2; на территории Монголии: дворец Алтан хана, Улистай (крепость эпохи Цин), Галуутын хурээний туурь (крепость эпохи Цин, внутри храм более позднего времени), Донойн акшы суурин, Заг зугийн хэрэм, Алтан гадас уулын баруун талд (дворец Мункэ хана), Хар хул ханы балгас, Дов дэрс.

На втором этапе полевых работ 2011 года обследованы памятники расположенные в Борзинском районе Забайкальского края: городище на реке Хирхира, остатки здания Кондуйского дворца, поселение Алестуй.

На третьем этапе были обследованы памятники, находящиеся в восточной части Монголии: Цэнхэрийн голын хэрэм, Аварга, Улегчийн хэрэм, Хулстайн бурдын суурин, Овотын бага хавцал, Ханзат хотын туурь, Барс хот-1, Барс хот-2, Барс хот-3, Гуулин хот, Буир нур, Сумтийн турь, Довджо, Олон булаг довжо, Олон байшин, Гуа дов, Башинтын дэрс.

Таким образом, в полевом сезоне 2011 г. был обследован 41 памятник в том числе: три – на территории Забайкальского края, двенадцать – на территории Тывы и двадцать шесть – в Монголии. Общая длина маршрута в целом составила 13 тысяч километров. За два полевых сезона обследована территория северной части Монголии и Южно-сибирский регион. По результатам полевых исследований на территории Тывы и Западной Монголии была подготовлена статья [Данилов и др, 2011]

Экспедиционные работы в 2012 году проходили в два этапа и охватили территориально некоторые аймаки Западной, Центральной и юго-восточной Монголии. Были исследованы 26 поселений и городов: Зимняя стоянка хана Угэдэя на р. Онгин; Мазар-1; Мазар-2 (поселение имперского периода в местности Тоздор); воинские поселения периода междуусобицы – Хухшин тээли балгас – 1, 2, 3; Шазин толгой хот; Ховд балгас; Ховд (крепость маньчжурского времени); Сантын ширээтийн балгас; Бат-оргийн хэрэм; Ихэ газарын чулуу (поселение имперского периода); Эмээл толгой хэрэм; серия городищ имперского периода Хатан булаг -1, 2, 3, 4, 5 и оборонительные сооружения в окрестностях этих городищ – Барун шивээ и Зун шивээ; Баян бургийн балгас; Дэрсын усны цайз; Хурмэн цаган овоон цайз; Шинэ усны цайз (Дайн буудал); Готил балгас; Сумхэх бурд. К завершению этого этапа работ 2011-2012 гг. была подготовлена публикация о первичных результатах [Данилов и др, 2013]

В 2013 году полевые исследования были проведены в один этап, в июне – июле, на территории Центрального, Убэр-Хангайского, Ара-Хангайского, Булганского, Орхонского, Селенгинского и Центрального аймаков.

За период работы на территории Монголии исследованы 14 городских поселений: Хурумнын узуур, Захын булгийн балгас, Улургийн дэрвэлжин, Загстай дэрвэлжин, Саган сумын- 2, городище – монастырь (Занабадар-?), Цаган дэрвэлжин, Хужиртын балгас, Хуннуйн голын балгас, Байбалык (Байбулаг) – 1, 2, 3, Шувуутын хэрэм (Шувууты балгас), Тэрэлжийн дэрвэлжин, Бурхийн дэрвэлжин

газар (Ганз мод). Всего пройдено 2550 км, охвачены участки правобережья реки Орхон, долины р. Хуннуй, левобережья р. Селенга, правобережья р. Хэрлэн.

В результате, проведенных в 2010 – 2013 гг. работ экспедиции ИМБТ СО РАН и Института кочевых цивилизаций Монголии собраны описательные, графические, фото-кино материалы, определены координаты местонахождения городов и городских поселений раннего и развитого средневековья в различных экологических зонах Монголии, Тувы, Бурятии и Забайкальского края.

В завершении полевого сезона 2013 года было принято решение о продолжении работ экспедиции в 2014 году с целью исследования городских поселений в Южногобийском, Восточногобийском, Арахангайском, Булганском и Селенгинском аймаках Монголии при совместном финансировании.

В 2014 году по ряду объективных причин экспедиционные исследования не состоялись. Было принято решение о проведение коррекции собранных материалов: уточнение координат выявленных памятников, сопоставление результатов топографических планов археологических объектов, выявление неточностей в описании топографических условий, ландшафта, местоположения, названия городищ, поселений, их детализация и первая редакция подготовленного «чернового» текста «Атласа древних городов кочевников Центральной Азии».

В сжатые сроки проведены работы по уточнению названий и составлению общего списка 115-ти исследованных городов и стационарных поселений; сопоставлены исходные данные глазомерных съемок объектов исследования и выполнены вторые экземпляры топографических планов для монгольских коллег; собраны фотоматериалы за весь период работ экспедиции, выполненные сотрудниками ИМБТ СО РАН и переданы для редакционного отбора монгольской стороне; составлены электронные варианты графики исследованных памятников в количестве 61 объекта; частично проведена редакция текстового материала составленного на русском языке (общий объем – 150 стр.) и также передана для дальнейшей работы монгольским коллегам. Составлен отчет за весь период совместной работы для ознакомления и правки текстового материала: информация о местоположении памятников (географические координаты), ориентация, геометрическая форма (наличие рвов, валов, стен, угловых и фронтальных башен) и линейные размеры объектов и выявленных внешних и внутренних сооружений, предположительная технология строительства оборонительных сооружений и применяемый материал для возведения валов и стеновых конструкций, наличие культурного слоя на памятнике, датировка и история исследования.

Полевые исследования известных и изученных поселений и городов показали наличие четырех этапов своеобразной культуры градостроительства в кочевых обществах. Первый этап связан с периодом образования в Великой степи кочевой империи хунну (III в. до н.э. – II в. н.э.), второй – государства уйгуров (742–840 гг. н.э.), третий – империи Ляо (киданей) (916 – 1125 гг.н.э.), четвертый – империи Чингис-хана и его потомков (X–XIVвв). Каждый этап формирования и развития градостроительства имел свои специфические, конструктивные чер-

ты, адаптированные к локальным природно-климатическим условиям окружающей среды в различных экологических зонах центрально – азиатского региона. В тоже время являлся своеобразным «фундаментом» для дальнейшей эволюции технологии строительства и архитектуры кочевых народов. Предварительный анализ собранных материалов свидетельствует о наличии руинированных поселений и городищ: в Западном Забайкалье (Бурятии) хуннского и монгольского времени; на южной части Восточного Забайкалья – киданьских и монгольских, периода империи; в Тыве – хуннских, уйгурских и монгольских; в Западной Монголии – монгольских и маньчжурских; в Восточной Монголии – киданьских и монгольских; в Центральной Монголии – хуннских, уйгурских, киданьских и монгольских.

В результате работ выявлен локальный район формирования всех типов памятников кочевой архитектуры, известных на территории Центральной Азии – это долины рр. Орхона и Толы, верхнего течения рр. Керулена и Онона.

Для возведения поселений и городищ древние строители выбирали ровные площади высоких береговых террас без какой-либо растительности, небольшие межгорные котловины или же широкие степные участки в непосредственной близости от рек. В регионе преобладает подквадратная и подпрямоугольная геометрическая форма городищ с явно выделенными каменистыми, глинобитными или земляными оборонительными сооружениями от одного рва и вала до 40-метровой мощной оборонительной полосы в четыре вала и три рва между ними (Иволгинское городище [Давыдова, 1995]). Округлые и подовальные в плане городища зафиксированы на юге Восточного Забайкалья [Кирилов, 1979, с. 69]. В период уйгурского каганата (745-840 гг.) изменилась система строительства оборонительных сооружений – предварительно возведенные высокие в среднем до 3 м и шириной до 25 м (в нижней части) валы дополняются глинобитными стенами высотой до 3-х м из плотно утрамбованной смеси мелко нарезанной соломы глины и земли. В киданьский и монгольский периоды истории Центральной Азии площади памятников градостроительства значительно увеличились, отражая изменения функций городищ как крупных административных, ремесленных и торговых центров. Все городища имели въездные ворота от одних до 4-х в оборонительной системе (проемы ворот в земляных валах фиксируются по небольшим понижениям в центре каждой стены). Центральная часть – композиционный акцент планировочного принципа любого города кочевых обществ – была занята крупными общественными и культовыми стационарными сооружениями, возведенными на высокой глиняной платформе. Вокруг них располагались жилые помещения горожан высокого социального положения и ранга. Остальное внутригородское пространство занимали наряду с небольшими стационарными сооружениями ремесленников, легкие переносные жилища рядовых жителей – земледельцев, скотоводов, типа современных юрт. Однако для каждого из Центрально-Азиатских народов – хунну, сяньби, жужан, тюрков, уйгуров, киданей и монголов – характерны основные элементы привычных им

типам жилищ, которые перестраивались применительно к природе окружающего ландшафта, той или иной экологической зоне диктовавшей способы ведения хозяйства, а тем самым способствовавшего формированию особого бытового уклада.

В течение длительного времени сложилась уникальная единая планировочная система застройки и структура плана поселений, «берущая начало от древнего куренного принципа – различные социальные группы населения обособляются друг от друга, храмовые и дворцовые комплексы резко выделяются из основной массы строений, но принцип круга оставался основным при застройке городов, поселений, монастырей» [Майдар, Пюрвеев, 1980, с. 40].

Обширная территория Центрально-Азиатского региона не позволяет выявить и обследовать все объекты стационарной архитектуры кочевников в столь короткие сроки, с учетом фактора ежегодного пополнения сведений о новых еще неисследованных памятниках, определить в архитектуре, самобытные и привнесенные элементы в кочевое градостроительство, интернациональные черты в планиграфии и структуре поселений и городищ, поэтому необходимо продолжение исследований.

Литература

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. – Т. 1. Иволгинское городище.- Спб.,1995. – 286 с.

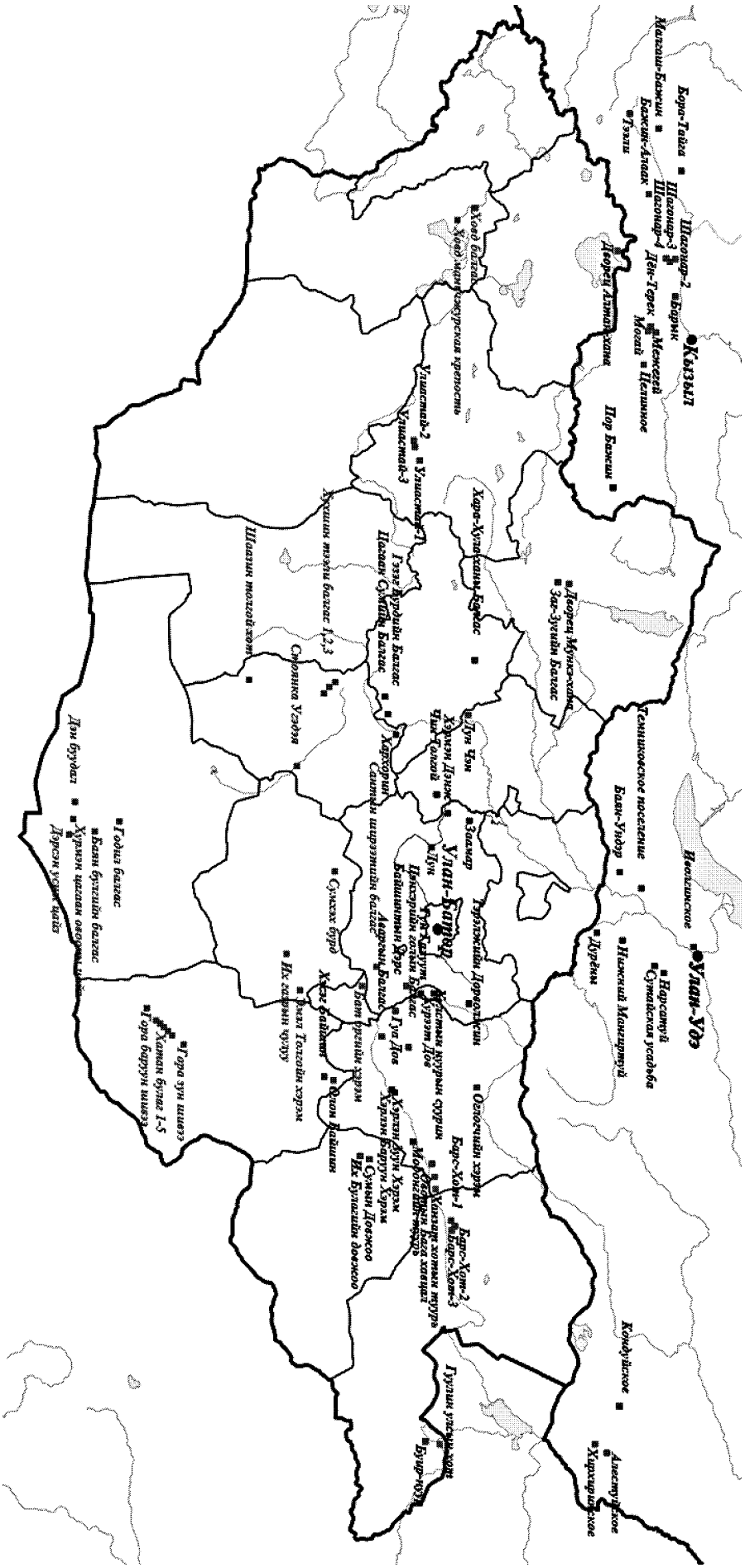
Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии.- Улан-Удэ, 2004.- 201 с.

Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Очир А., Эрдэнэболд Л. Средневековые города Тувы и Западной Монголии (предварительные результаты работы экспедиции «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии» 2011г.) // Культурное наследие народов Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2012. – С. 97-119.

Данилов С.В., Очир А., Именохоев Н.В., Эрдэнэболд Л., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Уртнасан Н. Древние и средневековые города Центральной Азии (Предварительные результаты экспедиционного исследования) // Tartaria Magna, 2013, №1 – с.70-86

Кирилов И.И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. – Иркутск, 1979. – 96 с.

Майдар Д., Пюрвеев Д.Б. От кочевой до мобильной архитектуры.- М., 1980. – 215 с.

Исследованные в 2010-2013 древние средневековые города Центральной Азии

I. Культуры эпохи камня, бронзового и раннего железного веков

А.А. Анойкин[8]

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ НА ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА: ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА РУБАС-1

В статье представлены данные о стратиграфии памятника Рубас-1 (Дагестан) и технико-типологическая характеристика археологических материалов, полученных при работах 2006-2007 г. Проводится анализ индустрии и определяется сырьевая база стоянки. По результатам комплексного изучения индустрии рассматриваемый археологический комплекс относится к рубежу среднего – верхнего палеолита.

Ключевые слова: средний палеолит, верхний палеолит, археологический уровень, первичное расщепление, орудийный набор, леваллуа, Дагестан.

A.A. Anoykin

ON THE PROBLEM OF MIDDLE TO UPPER PALEOLITHIC TRANSITION OF DAGESTAN: ON MATERIALS OF RUBAS-1 SITE

The article presents archaeological and stratigraphic descriptions of Rubas-1 – a Paleolithic site in Dagestan. A technological and typological study of lithics from test-pits 1 – 5 (excavations 2006-2007). Sources of raw material and possible economic specialization are discussed. Taken together these findings indicate that the site dates to the late Middle Paleolithic or early Upper Paleolithic.

Key words: Middle Paleolithic, Upper Paleolithic, archaeological level, tools, primary reduction technique, Levallois, Dagestan.

Введение

До недавнего времени территория Дагестана оставалась одной из наименее изученных в палеолитическом отношении областей Кавказа. Начало исследования каменного века здесь относится к 1939 году, когда М.З. Паничкина в окрестностях с. Геджух обнаружила серию отщепов и пластин архаичного облика, отнесенных ей к палеолитическому времени [Круглов, 1940]. Следующий этап приходится на 1950–60-е гг. и связан с работами В.Г. Котовича. В ходе его экспедиций, проходивших как в горных, так и в прибрежных районах республики, было обнаружено более 30 местонахождений и стоянок, относящихся к различным периодам каменного века. Однако абсолютное большинство выявленных памятников палеолита представляли собой открытые местонахождения, материалы которых находились в переотложенном состоянии и залегали на современной поверхности [Котович, 1964]. Исследования палеолитических па-

[8] АНОЙКИН Антон Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН, старший научный сотрудник лаборатории «Геоархеология и палеоэкология человека» Новосибирского государственного университета. E-mail: anui1@yandex.ru

мятников Дагестана, проводившиеся в последнее десятилетие, позволили кардинально изменить представления о каменном веке региона [Деревянко и др., 2012]. Наиболее значимые результаты о времени рубежа среднего–верхнего палеолита были получены при исследовании стоянок в долине реки Рубас, в том числе памятника Рубас-1.

Памятник Рубас-1

Многослойный памятник Рубас-1 находится на правом борту р. Рубас, в 3 км выше по течению от с. Чулат (Табасаранский район Республики Дагестан). Памятник расположен в 200 м от современного русла реки, в теле крупного оползня блочного типа, в настоящее время имеющего вид протяженного террасовидного уступа. Верхний край уступа находится на высоте около 25–30 м над урезом воды.

В ходе работ на памятнике получен сводный разрез четвертичных отложений мощностью до 18 м, где выделено 6 основных литологических тел, с которыми связано три комплекса археологических материалов палеолитического времени [Деревянко и др., 2012]. Наиболее поздний в культурно–хронологическом плане комплекс находок, связанный с верхней частью разреза, изучался в 2006–2007 гг. серией из 5 шурфов, общей площадью 20 кв. м, перекрывающих участок около 1 тыс. кв.м. В ходе раскопочных работ была вскрыта толща отложений мощностью до 7 м [Анойкин и др., 2007; Деревянко и др., 2006; Деревянко и др., 2007]..

Археологический материал из всех шурфов, связан с пачкой слоев 2–9 (всего на разрезах выделено 10 основных литологических тел) и, в основном, залегал в гравийно-щебнисто-галечных горизонтах. Всего в ходе работ на шурфе 1 во вскрытой толще выделено 7 уровней локализации артефактов (археологический уровень), связанных со слоями 2, 3, 6–9. Анализ стратиграфии остальных шурфов позволил найти прямые соответствия между литологическими телами, вскрытыми при работе на них и на шурфе 1, а также скоррелировать уровни залегания археологического материала на объектах.

Общая коллекция стратифицированного археологического материала полученного в ходе работ из шурфа 1 насчитывает 804 экз. каменных артефактов, из шурфа 2 – 32 экз., из шурфа 3 – 108 экз., из шурфа 4 – 67 экз., из шурфа 5 – 210 экз.

Каменная индустрия, представленная во всех шурфах, достаточно монотонна и условия залегания артефактов позволяют предполагать их близкий возраст в рамках одного культурно-хронологического подразделения. Кроме того, общее количество находок не позволяет рассматривать материалы отдельно по каждому шурфу как статистически репрезентативную выборку. В связи с этим, артефакты из разных шурфов будут анализироваться нами суммарно по выделенным археологическим уровням, а также в целом, поскольку данные комплексы, с боль-

шой степенью вероятности, относятся к единому культурно–хронологическому интервалу.

Полученный при работах на шурфах археологический материал позволяет утверждать, что данная каменная индустрия моносырьевая и основана на использовании кремня, при этом исходным для производства изделий материалом была кремневая галька ремня, извлекаемая из русла реки или из разрушающихся конгломератов в естественных обнажениях.

Среди артефактов в большом количестве представлены обломки и осколки (818 экз.), которые составляют в среднем 67 % археологического материала. Поскольку данная категория предметов не является технологически значимой, далее все статистические данные будут приводиться без ее учета, за исключением орудийных форм.

Распределение артефактов (всего 1221 экз., из которых 403 экз. относится к значимым категориям, а 70 экз. имеют вторичную обработку) по археологическим уровням выглядит следующим образом:

Археологический уровень 1. Всего – 24 экз., в том числе нуклевидные формы – 1, пластины – 1, пластинчатые отщепы – 2, отщепы – 14, технические сколы – 6. Группа нуклевидных изделий представлена нуклевидным обломком. В орудийный набор входят 5 предметов: скребок с плечиками; нож с обушком–обломом; комбинированное орудие (ретушированный анкош + нож); обломки с ретушью (2).

Археологический уровень 2. Всего – 59 экз., в том числе нуклевидные формы – 3, пластины – 7; пластинчатые отщепы – 5, отщепы – 39, технические сколы – 5. Группа нуклевидных изделий представлена нуклевидным обломком и двумя ядрищами: одноплощадочным и двухплощадочным монофронтальными параллельного принципа скалывания для удлиненных заготовок. В орудийный набор входят 15 предметов: скребло поперечное; скребок с плечиками; долотовидное; резцы (2) угловой и плоский; нож с естественным обушком; выемчатое с ретушированным анкошем; шиповидное; пластина с ретушью; отщепы с ретушью (3); обломки с ретушью (3).

Археологический уровень 3. Всего – 61 экз., в том числе нуклевидные формы – 9, пластины – 8, пластинчатые отщепы – 7, отщепы – 35, технические сколы – 2. Группа нуклевидных изделий представлена 5 нуклевидными обломками и 4 ядрищами: одноплощадочными (3) и двухплощадочным монофронтальными параллельного принципа скалывания для удлиненных заготовок. На двухплощадочном нуклеусе выполнено выемчатое орудие. В орудийный набор входят 11 предметов: ножи (2) с естественным обушком; тронкированный пластинчатый скол; клювовидное; шиповидное; выемчатые (2) с ретушированным анкошем; комбинированное орудие (концевой скребок + ретушированный анкош); отщепы с ретушью (3).

Археологический уровень 4. Всего – 139 экз., в том числе нуклевидные формы – 20, пластины – 22, пластинчатые отщепы – 10, отщепы – 70, технические

сколы – 13, сколы леваллуа – 4. Группа нуклевидных изделий представлена 15 нуклевидными обломками и 5 ядрищами: леваллуазское одноплощадочное монофронтальное для отщепов (черепаховидный), истощенное; одноплощадочные (2) монофронтальные параллельного принципа скалывания для отщепов; торцовое одноплощадочное монофронтальное для удлиненных заготовок; подпризматическое. В орудийный набор входят 18 предметов, без учета не ретушированных леваллуазских сколов: скребло продольное; резец угловой (рис 3,*4*); нож с обушком-гранью; шиповидные (5) (одно из изделий сильно замыто и возможно имеет более древний возраст); пластины с ретушью (3); отщепы с ретушью (2); технические сколы с ретушью (4), в том числе, леваллуазский скол оформления фронта нуклеуса; обломок с ретушью.

Археологический уровень 5. Всего – 53 экз., в том числе нуклевидные формы – 8, пластины – 10; пластинчатые отщепы – 6, отщепы – 24, скол леваллуа – 1. Группа нуклевидных изделий представлена 7 нуклевидными обломками и истощенным подпризматическим ядрищем. В орудийный набор входят 6 предметов, без учета не ретушированных леваллуазских сколов: скребловидное; скребок с лезвием по 2/3 периметра; пластины с ретушью (2); отщепы с ретушью (2).

Археологический уровень 6. Всего – 66 экз., в том числе нуклевидные формы – 10, пластины – 7, отщепы – 30, технические сколы – 12, сколы леваллуа – 7. Группа нуклевидных изделий представлена 6 нуклевидными обломками и 4 ядрищами: леваллуазское для острий; леваллуазское для удлиненных заготовок; одноплощадочные (2) монофронтальные параллельного принципа скалывания для отщепов. В орудийный набор входят 15 предметов, без учета не ретушированных леваллуазских сколов: скребла (4) продольные одинарные (2) и двойное на сколе леваллуа, диагональное; скребки (3) концевые и тройной; ножи (2) с естественным обушком и с обушком-гранью; шиповидные (2) (одно из изделий сильно замыто и возможно имеет более древний возраст); пластина с ретушью; обломки с ретушью (3).

Археологический уровень 7. Всего – 1 экз., в том числе, нуклевидные формы – 1 экз. Группа нуклевидных изделий представлена аморфным истощенным ядрищем.

Характеризуя ассамбляжи выделенных археологических уровней верхнего комплекса артефактов памятника, в целом, можно сделать следующие выводы. Индустрию отличает наличие большого количества обломков и осколков (более 65% от всего состава коллекции), а также частое использование их в качестве заготовок для орудий. Возможно, причину этого явления следует искать в качестве исходного сырья, т.к. кремневые отдельности, использованные при производстве артефактов, имели множественные внутренние дефекты [Деревянко и др., 2012]. Сырьевыми ограничениями могут также объясняться и небольшие размеры большинства реализованных сколов.

Среди ядрищ доминируют простые монофронтальные нуклеусы параллельного принципа расщепления в одно- и двухплощадочных вариантах (11), при

этом среди них пропорционально представлены как ядрища предназначенные для получения удлиненных заготовок (6), так и нацеленные на производство отщепов (5). Скалывание заготовок пластинчатых пропорций производилось также с торцовых (1) и подпризматических (2) разновидностей ядрищ. На памятнике фиксируется присутствие двух видов развитой леваллуазской техники (черепаховидной отщеповой и конвергентной однонаправленной для острий). Об их наличии свидетельствуют как находки непосредственно ядрищ, так и присутствующие в коллекции технические сколы их оформления. В целом, можно заключить, что в анализируемой коллекции наблюдается, по меньшей мере, четыре основные стратегии расщепления камня: подпризматическая для пластинчатых заготовок с применением редуцирования кромки ударной площадки; простая параллельная, используемая для получения как отщепов, так и удлиненных заготовок, иногда встречающаяся в биполярном встречном варианте леваллуазская черепаховидная и леваллуазская конвергентная однонаправленная для острий.

Дополнительные сведения о техниках расщепления камня на памятнике может дать анализ леваллуазских и технических сколов. Количество последних в коллекции не велико и среди них доминирующей категорией являются краевые сколы оформления ядрищ параллельного принципа расщепления. Сколы разжелвачивания редки. Леваллуазские сколы также являются в основном сколами оформления рельефа ядрищ, а не итоговыми заготовками.

Орудийный набор коллекции достаточно представителен (17,4% от общего количества значимых категорий артефактов), однако, около 40% от этого числа составляют сколы и обломки с ретушью. Среди типологически выраженных орудийных форм практически все категории представлены в равных пропорциях (около 10%) – скребла, скребки, ножи, шиповидные и выемчатые изделия. За исключением скребков, большинство которых далеки от классических образцов, верхнепалеолитические типы орудий (резцы, долотовидное и тронкированное изделия) единичны. Также следует отметить отсутствие к коллекции каких-либо признаков бифасиальной техники оформления орудий.

Общий анализ коллекции позволяет выделить в нем две группы ассамбляжей – археологические уровни 1–3 и 4–7.

Характеризую каменную индустрию группы нижних уровней (4–7), в целом, можно резюмировать, что первичное расщепление определяется в них сочетанием простой параллельной и левалуазской техниками, при наличии признаков эпизодического использования объемных стратегий раскалывания. Орудийный набор (39 экз., из них 17 экз. – сколы и обломки с ретушью) демонстрирует преобладание скребел и шиповидных форм, ножи и скребки менее многочисленны, причем последние далеки от классических верхнепалеолитических типов. Таким образом, по совокупности признаков данная индустрия, с большой долей вероятности, может соответствовать финальным стадиям среднего палеолита. Здесь, при сохраняющейся леваллуазской технике, начинает использоваться по-

луобъемное и объемное расщепление, а в орудийном наборе наряду с классическими среднепалеолитическими типами встречаются верхнепалеолитические категории изделий, еще не имеющие устойчивых форм.

Комплекс артефактов верхних уровней (1–3) менее многочисленнен, а типологически выраженные ядрища представлены простыми одно- и двухплощадочными монофронтальными нуклеусами. Среди сколов резко падает количество предметов с фасетированными площадками, сколы леваллуа отсутствуют. Орудийный набор (31 экз., из них 12 экз. – сколы и обломки с ретушью) демонстрирует большее разнообразие форм. Преобладают ножи, скребки и выемчатые орудия с ретушированными анкошами. Среди остальных форм равномерно представлены как верхнепалеолитические типы (резцы, долотовидное и тронкированное изделия), так и другие категории орудий (скребло, клювовидное и шиповидные изделия). При этом верхнепалеолитические типы не только более разнообразны, но и более выражены. Среди них стоит отметить скребок с плечиками, тип характерныq для позднепалеолитических индустрий. Таким образом, давая общую оценку индустрии верхних археологических уровней можно, с определенной долей вероятности, отнести ее к началу перехода к верхнему палеолиту, что может подтверждаться как изменениями в первичном расщеплении (отказ от леваллуазской техники), так и изменением соотношения средне– и верхнепалеолитических типов орудий при большем разнообразии последних.

Общий анализ археологических материалов верхнего комплекса стоянки Рубас-1, показывает, что на объекте представлен набор каменных артефактов в культурном плане соответствующий индустриям финала среднего и рубежа среднего – верхнего палеолита. Отсутствие данных абсолютной хронологии не позволяет определить точные хронологические рамки существования данных индустрий. Вместе с тем, прямые аналогии этим технокомплексам находятся в материалах расположенной в том же районе многослойной стоянки Тинит-1 (11 археологических горизонтов) [Анойкин и др., 2013; Деревянко и др., 2012]. Ее ассамбляжи также характеризуются большим количеством простейших форм плоскостных ядрищ и наличием в нижних археологических горизонтах выразительных леваллуазких форм (для отщепов и острий) и торцовых разновидностей нуклеусов. На более поздних этапах леваллуазская техника, претерпевает существенные изменения, приближаясь к варианту зафиксированному в материалах стоянок Бокер Тахтит и Странска Скала [Škrdla, 2003; Volkman, 1983], ориентируясь на получение сильно удлиненных остроконечных заготовок близких остроконечным пластинам, а в верхних горизонтах исчезает из первичного расщепления. На смену ей приходит параллельная объемная техника раскалывания, ориентированная на снятие пластинчатых заготовок, имеющих продольную и бипродольную огранку дорсальных поверхностей. В орудийном наборе всех археологических горизонтов преобладают изделия с режущими и скребущими лезвиями, что связано, вероятнее всего, с хозяйственным типом стоянки. Следует отметить, как и на Рубасе-1, полное отсутствие среди орудий бифасиальных

изделий, а также предметов с признаками двухсторонней обработки. В нижних горизонтах закономерно значительна доля леваллуазских сколов и изделий на них, а также группы зубчато–выемчатых орудий. Орудия верхнепалеолитических категорий во всех археологических уровнях не выразительны и представлены в основном атипичными формами скребков и резцами, однако, в средней части разреза (археологические горизонты 4–6) в единичных экземплярах присутствуют скребки высокой формы, тронкированно–фасетированные орудия и многогранный поперечный резец, являющиеся руководящими орудийными формами для многих археокомплексов рубежа среднего – верхнего палеолита [Вишняцкий, 2008; Рыбин, 2000; Burins Préhistoriques…, 2006; Dibble, 1984; Solecki, Solecki, 1970]. С учетом не только общих черт в облике индустрий Тинита-1 и Рубаса-1, но и общих тенденций изменений в первичном расщеплении и орудийных наборах, а также учитывая определенные параллели в локализации и стратиграфических последовательностях на этих стоянках, можно утверждать, что с большой долей вероятности эти памятники относятся к одному культурно–хронологическому подразделению, а их индустрии синхронны в пределах этого интервала. Опираясь на данные радиоуглеродного датирования, полученные для археокомплексов Тинита-1, наиболее вероятным периодом их бытования является временной отрезок 50–35 тыс. л.н.

Заключение

Таким образом, и технологически, и хронологически, материалы верхнего комплекса Рубаса-1 соответствуют рубежу среднего–верхнего палеолита, причем материал нижних археологических уровне памятника, по всем характеристикам соотносятся с финальной стадией среднего палеолита. В целом, это согласуется с данными, полученными по другим палеолитическим стоянкам Кавказа, где присутствуют финальные среднепалеолитические индустрии. Согласно последним оценкам для территории Грузии (Сакаджиа, Ортвала, Бронзовая пещера, Ортвале Клде и др.) и Краснодарского края (Мезмайская пещера) время существования таких комплексов, непосредственно предшествующих переходу, определяется рамками 37–44 тыс. л.н. [Pinhasi R. etc., 2012]. Вместе с тем, материалы верхних уровней стоянки, где уже не фиксируется леваллуазская техника даже в единичных проявлениях, позволяют по ряду признаков относить эти ассамбляжи к переходным индустриям.

Таким образом, развитие финальных среднепалеолитических индустрии стоянки Рубас-1, зафиксированное на временном отрезке протяженностью более 10 тыс. лет, демонстрирует постепенные изменения, связанные с модификацией леваллуазской техники расщепления, имеющей продолжительную историю существования на данной территории. Кроме того, в технокомплексах постепенно возрастает количество нуклеусов для производства пластин, как плоскостного, так и объемного типов расщепления, включая их торцовые разновидности, растет процент целевых пластинчатых заготовок и увеличивается доля верхне-

палеолитических форм орудий при незначительном уменьшении среднепалеолитических типов. При этом общий типологический состав орудийных форм остается в пределах одной функциональной направленности. Таким образом, можно предполагать, что процесс перехода к верхнему палеолиту на территории Дагестана носил достаточно продолжительный и плавный характер при наличии развитой местной леваллуа–мустьерской индустрии, могущей служить для него основой [Деревянко и др., 2012]. К сожалению, на настоящий момент, в регионе не известно стратифицированных стоянок с четко идентифицируемыми ранневерхепалеолитическими ассамбляжами, в связи с чем, нельзя полностью исключать какого-либо внешнего культурного воздействия, запустившего механизм изменений в направлении «верхнепалеолитической революции» на рубеже 50 тыс. л.н. или резкой смены культурной парадигмы в более позднее время.

Работа выполнена в рамках госзадания ИАЭТ СО РАН.

Литература

Анойкин А. А., Славинский В.С., Борисов М.А. Палеолитический многослойный комплекс стоянки Рубас–1. (Республика Дагестан): предварительные результаты // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Т. I. – Иркутск, 2007. – С. 14–25.

Анойкин А.А., Славинский В.С., Рудая Н.А., Рыбалко А.Г. Новые данные об индустриях рубежа среднего–верхнего палеолита на территории Дагестана // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2 (54). – С. 26–39.

Вишняцкий Л. Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. – СПб: Изд–во Санкт–Петербургского государственного университета, 2008. – 251 с.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд–во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А., Лещинский С.В. Новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас (Республика Дагестан): предварительные результаты исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд–во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII.– С. 71–76.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А. Новые данные о позднепалеолитических комплексах местонахождения Рубас–1 (по материалам разведочных шурфов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд–во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 66–71.

Котович В.Г. Каменный век Дагестана – Махачкала, Изд–во Дагестанского филиала АН СССР, 1964. – 226 с.

Круглов А.П. Археологические работы на Северном Кавказе // КС ИИМК – Л., 1940, – Вып. V. –С. 65–69.

Рыбин Е. П. К вопросу о «руководящих ископаемых» в индустриальных комплексах ранней поры верхнего палеолита Горного Алтая // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий. – Красноярск, 2000. – С. 123–126.

Burins Préhistoriques: formes, fonctionnements, fonctions: Actes de la Table–Ronde d'Aix–en–Provence (3–5 mars 2003). Archéologiques 2. – Luxembourg: MNHA, 2006 – 384 p.

Dibble H. The Mousterian Industry from Bisitun Cave (Iran) // Paléorient. Paris: CNRS, 1984. – № 10. – P. 23–34.

Pinhasi R., Nioradze M., Tushabramishvili N., Lordkipanidze D., Pleurdeau D., Moncel M.–H., Adler D.S., Stringer C., Higham T.F.G. New chronology for the Middle Palaeolithic of the southern Caucasus suggests early demise of Neanderthals in this region // Journal of Human Evolution. – 2012. – № 63. – P. 770–780.

Solecki R., Solecki R. A. New Secondary Flaking Technique at the Nahr Ibrahim Cave Site, Lebanon // Bulletin du Musée de Beyrouth. – Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, 1970. – № 23. – P. 137–142.

Škrdla P. Comparison of Boker Tachtit and Stránská skála MP/UP Transitional Industries // Journal of the Israel Prehistoric Society. – 2003.– № 33. – P. 37–73

Volkman P. Boker Tachtit: core reconstructions // Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev. – Israel, 1983. – Vol. III: – P.127–190.

Ю.Е. Антонова[9]

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ДАБХУР (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ): ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В статье представлены новые археологические материалы эпохи палеолита с местонахождения Дабхур, выявленного в ходе разведок последних лет. Местонахождение представляет собой серию котловин выдувания со сконцентрированными в пятнах подъемными материалами, которые относятся к широкому хронологическому диапазону от каменного века до средневековья. В центре внимания статьи лежит характеристика материалов каменного века, демонстрирующих развитое микропластинчатое расщепление и использование бифасов как заготовок под производство торцовых-клиновидных нуклеусов, так и в качестве орудий, их культурно-хронологическая интерпретация. Материалы местонахождения Дабхур рассматриваются в рамках чикойской технологической традиции Западного Забайкалья, выделенной В.И. Ташаком на основе каменной индустрии местонахождения Аршан-Хундуй. Предварительно материалы каменной индустрии отнесены к финальному палеолиту на основе аналогий с археологическими культурами Северо-Восточной Азии этого времени.

Ключевыев слова: археология, финальный палеолит, Западное Забайкалье, чикойская технологическая традиция

Yu.E. Antonova

Stone industry of Dabhur site (Western Transbaikal): questions of cultural and chronological identification

New archeological materials of Palaeolithic period from Dabhur site revealed in the course of last years' archeological survey are represented in the article. The site is several deflation basins with concentrated in local zones artifacts which are referred to a wide chronological period from srone age till Middle Age. The article focused on characterization of Stone Age materials demonstrating well-developed microblade production and the using of bifaces both as a blank for wedge-shaped cores production and tools, and also cultural-chronological interpretation of this industry. The materials of Dabhur site are considered in the frames of chikoy technological tradition of Western Transbaikal distinguished by V.I. Tashak on the base of ctone industry from Arshan-Hunduy site. Preliminary materials of Dabhur stone industry are dated to final palaeolithic on the base of analogues with archeological culture of North-East Asia of this time.

Key words: archeology, final Palaeolithic, Western Transbaikal, chikoy technological tradition

Местонахождения с поверхностным залеганием археологических материалов и разрушенным культурным горизонтом в силу своей неполной информативности являются одними из наиболее сложных объектов для исследований в плане культурно-хронологических корреляций, особенно, если представлен разновременный материал. В то же время некоторые локальные районы характеризуются преобладанием памятников такого типа, что обусловлено сочетанием природных и антропогенных факторов. Протяженная широкая падь Нарин-Хундуй, тянущаяся между отрогами разных хребтов по левобережью р. Чикой (Кяхтинский рай-

[9] АНТОНОВА Юлия Евгеньевна – хранитель фондов Музея Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: yulya_an@mail.ru

он, Республика Бурятия) является именно таким районом. Здесь зафиксировано 4 местонахождения с поверхностным залеганием материалов. Представление археологического комплекса эпохи палеолита одного из них – Дабхур – является целью настоящей статьи.

Местонахождение Дабхур было обнаружено в ходе разведок в 2011 г. В.И. Ташаком и Ю.Е. Антоновой. Оно расположено в 11,7 км на северо-запад от северо-западной окраины с. Усть-Киран, в 10 км на запад от левого берега р. Чикой. Стоянка связана с отложениями протяженных пологих подгорных шлейфов, протянувшихся от склонов южной и юго-восточной экспозиции отрогов локального хребта Дабхур, входящего в систему более протяженного хребта Бургутуй. Отроги хребта Дабхур окаймляют с северо-запада падь Нарин-Хундуй. Археологическое местонахождение Дабхур располагается в приустьевом участке небольшого пологого распадка, разделяющего две юго-восточные оконечности хребта Дабхур, в месте его выхода к пади Нарин-Хундуй. Местонахождение состоит из двух пунктов концентрации археологического материала, найденного в котловинах выдувания. Пункты разделены устьем распадка, который частично используется для организации огородов (посадки картофеля).

Пункт 1 связан с пологими протяженными подгорными шлейфами, имеющими вид террасовидного мысовидного уступа и образующими восточный борт приустьевой части широкого распадка. Представляет собой несколько соединенных между собой котловин выдувания, в двух из которых археологический материал залегает на поверхности сконцентрировано, а в остальных рассеян. Протяженность распространения археологического материала с севера на юг составляет около 200 м., с востока на запад – около 100 м. Насыщенность археологическим материалом неравномерная, встречаются зоны лишь с единичными находками. Пункт 2 расположен в 100 – 120 м. западнее от пункта 1 по шлейфу, образующему западный борт распадка. Размеры котловины выдувания, где найден археологический материал, составляют 80 м на 55 м. Поверхности южных шлейфов отрогов Дабхура и другие пологие участки в данной местности в советские годы подвергались распашке. Вероятно, именно этот момент способствовал разрушению поверхности и образованию обширных, довольно глубоких (до 1,5 м) котловин выдувания.

Пятна с материалом представляют собой развеянные культурные горизонты, артефакты которых спроецированы на поверхность нижележащих слоев. Культурных горизонтов было несколько, что мы наблюдаем по совместному залеганию артефактов, датирующихся разными эпохами от каменного века до средневековья. При этом следует отметить компактность залегания находок, что свидетельствует о планиграфической непотревоженности либо о крайне незначительном перемещении. Примером может служить локальное пятно концентрации фрагментов железного котла и некоторых других изделий из железа, расположенное практически по центру котловины выдувания. Здесь же зафиксирована концентрация изделий из черного камня (окатанный туф), некоторые каменные артефакты из

этой концентрации аппликируются между собой. По периферии, на удалении от этого пятна, визуально территориальная рассредоточенность материала. В соседней котловине выдувания зафиксированы остатки разрушенного прокалённог пятна грунта и зольно-углистых примазок с концентрацией мелких фрагментов керамики. Данный момент также может говорить в пользу относительной планиграфической целостности комплекса.

Как уже отмечалось ранее, в комплексе представлены археологические материалы разных эпох. В то же время стоит отметить явное численное преобладание каменных артефактов, представляющих, в основном, предметы первичного расщепления и совсем незначительно – орудийные формы. Фрагмент поливной керамики коричневого цвета и фрагмент китайской монеты являются яркими датирующими артефактами для комплекса артефактов позднего времени и позволяющие отнести эти материалы к эпохе не ранее монгольского средневековья.

Артефакты каменного века, представление которых является одной из задач данной статьи, концентрировались в локальных скоплениях. Сбор подъемных материалов производился непосредственно по скоплениям без осуществления зачистки поверхности с применением методик, разработанных на подобных местонахождениях, в частности на расположенном в нескольких километрах восточнее объекте Аршан-Хундуй [Ташак, 2000а].

Первичное расщепление скопления 1 первого пункта представлено двумя торцовыми клиновидными нуклеусами для получения микропластин, фронтальным сколом с нуклеуса такого же типа, фрагментом краевого реберчатого скола, резцовым сколом, микропластинами (21 ед.), отщепами (25 ед.). Среди орудийных форм фиксируются: два долотовидных орудия и один обломок изделия этого типа, фрагмент изделия с двусторонней обработкой, один крупный боковой скребок, два мелких концевых скребка и фрагмент лезвия скребка, два трансверсальных резца, один угловой резец, три скребловидных изделия, один бифас, отщеп с пологой ножевидной ретушью и проколка. Нуклеусы имеют тщательно обработанные латерали, ударную площадку, оформленную сколами с одной латерали на другую. Фронт скалывания заходит на латерали, фронт и ударная площадка образуют острый угол. В зоне расщепления одного нуклеуса фиксируется тщательное удаление карниза, по фронту видны заломы от неудачных предшествующих снятий (рис. 1 – 4). У второго нуклеуса не оформлен гребень, контрфронт плавно переходит в ударную площадку, они покрыты галечной коркой, лишь в зоне расщепления галечная корка была удалена боковым снятием. У этого нуклеуса фронт сплошь покрыт негативами неудачных снятий, кроме того в зоне расщепления выделяется неудаленный карниз.

Среди сколов вызываются интерес предметы, аплицирующиеся между собой. Это – два фрагмента дивергентного вторичного отщепа с параллельной огранкой дорсала; и два вторичных укороченных отщепа, представляющих последовательные снятия – сколы декортикации. У всех отщепов остаточные ударные площадки мелкие линзовидные, фиксируются следы удаления карниза в зоне расщепления.

Еще одну аппликативную связь дают один из резцов и резцовый скол. Резец выполнен на фрагменте отщепа. Одна продольная сторона обработана дорсальной скребловидной заломистой ретушью. На двух концах изделия фиксируются диагональные резцовые сколы, на одном конце один, на втором – негатив, к которому подходит имеющийся в коллекции резцовый скол, и негатив от дополнительного короткого скола, окончившегося заломом. Кроме этого на втором конце отмечается серия мелких параллельных снятий с продольной стороны на вентрал. Второй трансверсальный резец выполнен на пластинчатой основе с параллельными ретушированными краями (рис. 1 – 3). Угловой резец изготовлен на отщепе с параллельными продольными краями с альтернативной ретушью.

Единственный бифас, зафиксированный в материалах пункта 1 имеет листовидную форму и тщательно оформленные обе стороны. Один продольный край обработан крутой ретушью и представляет собой скребловидное выпуклое лезвие. Часть второго продольного края путем удаления косым сколом переоформлена в обушок.

Долотовидное изделие любопытно тем, что выполнено на сильно истощенном торцовом клиновидном нуклеусе. Фронт скалывания демонстрирует неудачные снятия, ударная площадка сильно скошена, по большей степени покрыта галечной коркой, декортикация произведена лишь в зоне расщепления единственным снятием. Нуклеус был переоформлен в долотовидное изделие: в качестве лезвия долота использовался клин нуклеуса и дистальная часть фронта нуклеуса была утончена (срезана) сколами с фронта на латераль. Второе целое долотовидное изделие имеет желобчатое (вогнутое) лезвие, оформленное двусторонней подтеской

У проколки пластинке дорсальной модифицирующей ретушью по двум краям оформлено удлиненное жало с плечиками у основания. Фрагменты скребловидных орудий, нож и скребки оформлены ретушью по дорсалу.

В этой же котловине выдувания, но уже в 15 м на удалении к югу от вышеописанной концентрации были найдены: преформа торцового клиновидного нуклеуса в виде гальки с двусторонней обивкой (рис. 1 – 7), истощенный торцовый клиновидный нуклеус с грубо оббитыми латералями и фасетированной ударной площадкой, технический краевой скол оформления площадки нуклеуса, крупная вторичная пластина с двумя дорсально ретушированными краями (рис. 1 – 5), округлый микроскребок с дорсальной обработкой, концевой микроскребок с дорсальной обработкой.

Скопление 2 первого пункта связано с расщеплением другого сырья. Большинство предметов здесь выполнено из яшмоидов различных оттенков (бежевых, зеленых, коричневых и т.д.). Первичное расщепление представлено микропластинами и их фрагментами (38 ед.), мелкими отщепами и краевыми реберчатыми сколами (4 ед.). В коллекции этого пятна также имеются два аппплицирующихся фрагмента одного изделия – лыжевидного скола оформления площадки клиновидного нуклеуса. Среди орудийных форм можно отметить крупное полифунк-

циональное орудие, скребло с обушком, концевой скребок и фрагмент орудия с двусторонней обработкой. Скребок концевой с высоким лезвием, оформленным ретушью по дорсалу. Скребок имеет характерную для финального палеолита и раннего неолита форму с широким лезвием и узкой проксимальной частью (т.н. скребки куналейского типа) [Константинов, 1994; Антонова, 2009], правда здесь плечики естественные, не ретушированные. Кроме этого здесь зафиксированы микропластины с ретушью утилизации по дорсалу и вентралу.

Материалы со второго пункта местонахождения Дабхур были собраны в одной широкой котловине выдувания. Всего собрано 14 артефактов. Среди артефактов привлекает внимание бифас обушковой полулунной формы, обе поверхности которого оформлены крупными снятиями (рис. 1 – 1). Более тщательного оформления лезвия не производилось. Можно предполагать, что бифас в данном случае является заготовкой для торцового клиновидного нуклеуса. К этому же комплексу относится торцовый клиновидный нуклеус с фрагментированной дистальной фронтальной частью (рис. 1 – 6). Латерали нуклеуса тщательно оформлены, ударная площадка подготовлена сколами с латерали. По фронту наблюдается небольшой карниз в зоне расщепления. Нуклеус находится на последней стадии утилизации.

Также в комплексе материалов второго пункта представлены отщепы, микропластины, краевой скол, микропластина с мелкой крутой дорсальной ретушью по двум краям, отщеп с дорсальной фрагментарной крутой ретушью. Кроме этого здесь отмечен проксимальный фрагмент крупной пластины с пологой крупнофасеточной ретушью по двум краям непосредственно у проксимального конца (рис. 1 – 2). Все артефакты, исключая бифас, нуклеус и проксимальный фрагмент пластины, выполнены из яшмоидного сырья, для изготовления бифаса, нуклеуса и пластины использовалось более крупнозернистое и менее качественное сырьё.

Оценивая комплекс материалов каменного века с местонахождения Дабхур в целом, а также учитывая явную их неодновременность, все же предполагаем финальноплейстоценовый, возможно, раннеголоценовый, возраст, хотя отсутствие керамики неолитического облика говорит в пользу более ранней датировки. Концентрация артефактов локальными пятнами, наличие аппликирующихся элементов свидетельствуют о минимальном горизонтальном смещении комплекса, что предполагает возможность ассоциировать пятна с определенными функциональными площадками (например, выделить участки обработки сырья и производства орудий). Технологически комплекс материалов может быть охарактеризован в рамках чикойской технологической традиции финального палеолита, выделяемой В.И. Ташаком на основе материалов местонахождения Аршан-Хундуй [Ташак, 2000б]. А именно, использование бифаса в качестве основы для оформления торцовых клиновидных нуклеусов, наличие сопутствующих данной технологии технических краевых и лыжевидных сколов, применение двусторонней обработки для производства орудий, использование трансверсальных резцов.

В то же время морфология представленных нуклеусов демонстрирует близость к селенгинской технологии [Ташак, 2000б; 2005; Антонова, 2012]. Сходство выражено в пропорциях нуклеусов и оформлении ударной площадки сколами с латерали, в результате чего получается латеральная скошенность ударной площадки. Однако, как отмечалось выше, все нуклеусы представленные здесь являются истощенными или близкими к тому, о реальных размерах можно судить по бифасу, который мы расцениваем в качестве основы под изготовление нуклеусов. А его длина в два – три раза превосходит длину имеющихся нуклеусов. Относительно оформления ударных площадок клиновидных нуклеусов стоит отметить ряд деталей. Наприме, непосредственно в материалах Аршан-Хундуя зафиксированы нуклеусы не только с гладкой ударной площадкой, подготовленной длинным сколом с фронта, но и также площадки, оформленные серией сколов со стороны одной латерали. Кроме этого, в материалах обоих памятников представлены технические сколы оформления ударной площадки по типу обушковых реберчатых, полученных, как представляется, при выравнивании латерально подготовленной площадки. Кроме этого, зафиксированный нами на местонахождении Дабхур бифас, предстаёт как обушковая заготовка нуклеуса. По этой начальной форме видно, что площадка нуклеуса изначально оформлялась подобным образом. А переоформление и подживление ударной площадки, вероятно, проходило через этап снятия удлиненных сколов с фронта. Если в материалах Аршан-Хундуя и Дабхура такие сколы фиксируются, то в материалах памятников селенгинской технологической традиции их нет, что говорит о существенных различиях в приёмах подготовки ударных площадок.

Таким образом, ближайшие аналогии представленных в статье материалов, мы видим в материалах местонахождения Аршан-Хундуй, которое расположено всего в нескольких километрах северо-восточнее. Кроме того, следует отметить и сходство ситуационного расположения, и характер залегания артефактов. Местонахождение Аршан-Хундуй также связано с пологими подгорными шлейфами южной экспозиции. На момент исследований, проводившихся там, местонахождение представляло собой серию котловин выдувания, где материал был сосредоточен локальными пятнами концентрации [Ташак, 2000а].

Определенное сходство материалов чикойской традиции можно видеть с материалами ранних этапов существования студёновской археологической культуры, выделенной М.В. Константиновым [1994]. Ранее нами уже выдвигалось предположение о некоторой смене технологического облика микропластинчатого расщепления на последних этапах существования студёновской культуры под влиянием селенгинской технологической традиции, вероятно, в связи с расширением последней на восток [Антонова, 2012]. Аналогии материалов местонахождения Дабхур, так же как и Аршан-Хундуй, прослеживаются именно с археологическим комплексом более древних горизонтов студёновской культуры: использование горизонтально удлиненных торцовых клиновидных нуклеусов, наличие лыжевидных сколов оформления ударной площадки, использование

трансверсальных резцов. При этом следует отметить такой существенный момент, как отсутствие широкого применения бифасов для изготовления клиновидных нуклеусов в студёновской культуре, что существенно отличает её от местонахождений чикойской технологической традиции.

Вообще, комплексы с микропластинчатым расщеплением, основанным на использовании продолговатого бифаса в качестве преформы для клиновидного нуклеуса, а также в качестве орудий, широко распространены в Центральной и Северо-Восточной Азии и на Дальнем Востоке и относятся, в большинстве своем, к эпохе финального палеолита [Деревянко, Волков, Ли Х., 1998; Мочанов, 1977; Кузнецов, 1992; Антонова, 2011; Gai Pei, 1992; Seong Ch., 2007 и др.]. Каменные материалы местонахождения Дабхур вполне вписываются в общую картину финального палеолита (финального плейстоцена), как в рамках локальных технологических традиций, так и в более широком региональном плане. Несмотря на то, что материал на данном местонахождении представлен в котловинах выдувания, благодаря минимальному горизонтальному смещению перспективными остаются исследования в области планиграфии и разделения локальных концентраций по временному критерию. Кроме того, вполне вероятно, что культурные горизонты сохранились на других участках шлейфа, поверхность которых не нарушена. В целом, данный археологический объект может быть перспективным для дальнейших исследований.

Литература

Антонова Ю.Е. Индустрия микропластин в неолите юга Западного Забайкалья (по материалам стоянки Били) // Вузовская научная археология и этнология северной Азии. Иркутская школа 1918-1937 гг.: Материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. – Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009. – С. 182 – 186.

Антонова Ю.Е. Аршан-Хундуй: финальнопалеолитическое местонахождение Западного Забайкалья в контексте материалов Северной и Восточной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3-7 мая, 2011 г.) / под общ. ред. А.В. Харинского. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 13 – 19.

Антонова Ю.Е. Селенгинская индустрия в финале палеолита Западного Забайкалья (к вопросу о межкультурном взаимодействии) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы III Международной научной конференции (Улан-Батор, 05-09 сентября 2012 г.). – Т. 1. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. С. 1 – 7.

Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Х. Селемджинская позднепалеолитическая культура. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 336 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ – Чита, 1994. 180 с.

Кузнецов А.М. Поздний палеолит Приморья. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. – 240 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 263 с

Ташак В.И. Местонахождение Аршан-Хундуй: опыт исследования и интерпретации // Байкальская Сибирь в древности. – Вып. 2. – Ч. 1. – Иркутск: Иркутский гос. пед. ун-т, 2000а. – С. 161-180.

Ташак В.И. Торцовые клиновидные нуклеусы Западного Забайкалья в позднем палеолите и мезолите // Каменный век Южной Сибири и Монголии: теоретические проблемы и новые открытия. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000б. – С. 59 – 74.

Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 130 с.

Gai Pei. Microblade cores of Late Palaeolithic period in China // The Origin and dispersal of microblade industry in Northern Eurasia. Supporo, 1992. P. 76 – 90.

Seong Ch. Late Pleistocene Microlithic Assemblages in Korea // Origin and spread of microblade technology in Northern Asia and North America. Burnaby: Archaeology Press, Simon Fraser University, 2007. P. 103 – 114.

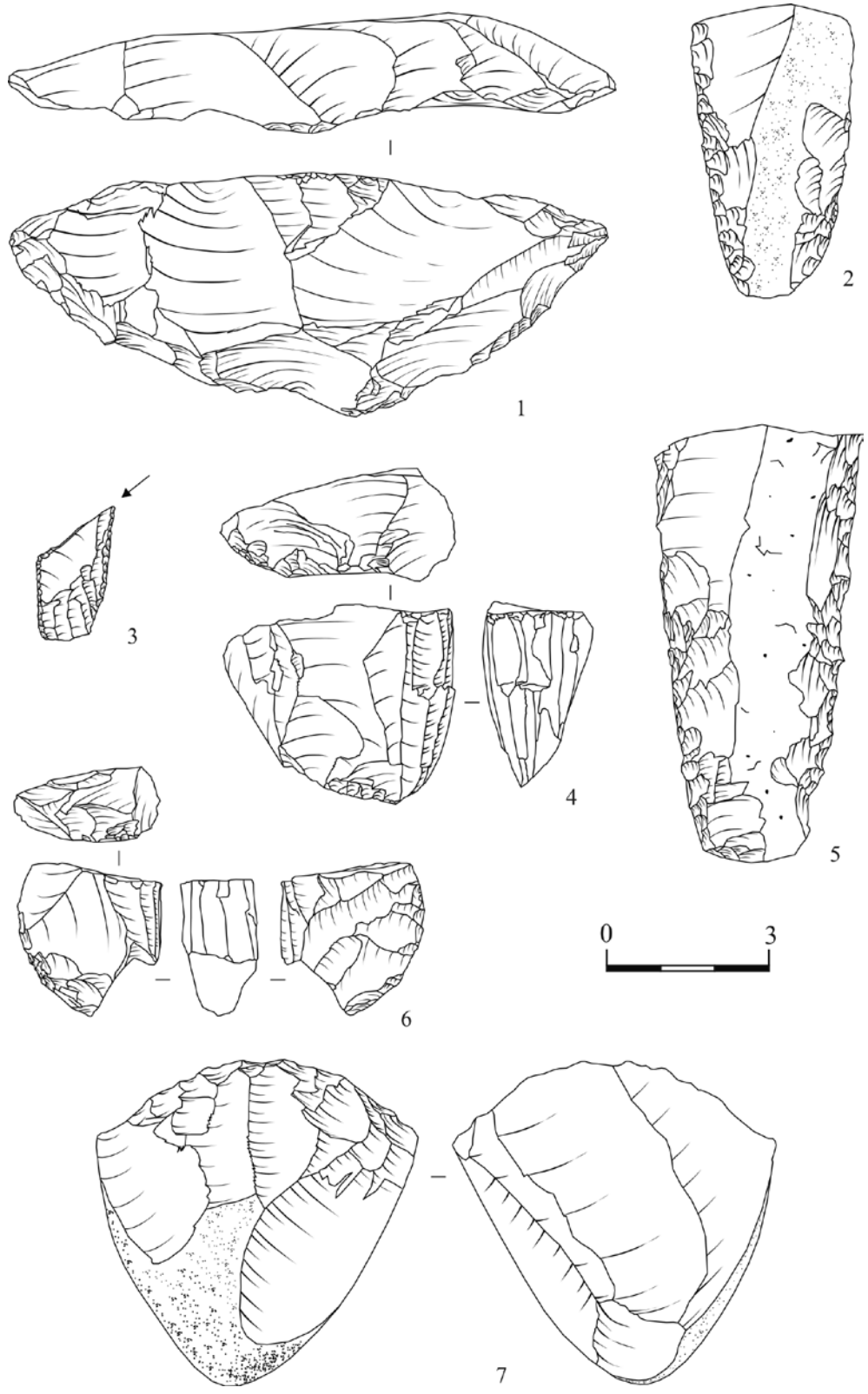

Рис. 1. Археологический материал с местонахождения Дабхур: 1 – бифас; 2, 5 – фрагменты пластин с ретушью; 3 – трансверсальный резец; 4, 6 – торцовые клиновидные нуклеусы; 7 – двусторонне оббитая галька. 3-5, 7 – пункт 1; 1, 2, 6 – пункт 2.

Fig. 1.Archeological material from Dabhur site: 1 – biface; 2, 5 – fragmants of retouched blades; 3 – transversal burin; 4, 6 – wedge shaped cores; 7 – pebble with bilateral trimming. 3-5, 7 – point 1; 1, 2, 6 – point 2.

М. А. Борисов[10], А. А. Анойкин[11]

ПАЛЕОЛИТ ДОЛИНЫ РЕКИ РУБАС (ДАГЕСТАН)

Статья посвящена результатам археологических работ на памятнике Рубас-1 (Табасаранский район Республики Дагестан) в 2006–2012 гг. В ходе работ был исследован комплекс артефактов среднего палеолита (слой 3) на площади около 100 кв. м и получена коллекция из 481 предмета. В целом, среднепалеолитические комплексы долины р. Рубас и прилегающих территорий Приморского Дагестана характеризуются широким применением леваллуазской техники расщепления (отщеповая и конвергентная острийная), наряду с простой параллельной и радиальной; наличием в ассамбляжах мустьерских остроконечников, а также представительной группой зубчато–выемчатых изделий и единичными вещами с бифасиальной обработкой.

Ключевые слова: средний палеолит, первичное расщепление, орудийный набор, леваллуа, мустье, Дагестан.

M. A. Borisov, A. A. Anoykin

THE MIDDLE PALEOLITHIC INDUSTRIES FROM RUBAS VALLEY (DAGESTAN)

The Rubas–1 is situated on the right bank of the Rubas River (Seaside Dagestan). In the course of field works, the excavation area reached approximately 100 m^2 (layer 3). In 2006–2012, a set of artifacts (N=481 pcs.) was found in the layer 3, which appears to have formed as river alluvium during the initial stage of Late Pleistocene. In general, the reduction systems of the Middle Paleolithic technocomplex of Rubas 1 site are characterized by Levallois cores (for flakes and pointes) as well as radial cores and single–platform cores. Tools are characterized by side-scrapers and double side-scrapers, Levallois and Mousterian pointes, great quantity of denticulates and notched forms and a few bifacially retouched tools.

Keywords: Middle Paleolithic, primary technology, tools, Levallois, Mousterian ,Dagestan.

Введение

Первые палеолитические материалы в долине р. Рубас были обнаружены в ходе разведочных работ 2003 г. совместным отрядом ИА РАН и ИАЭТ СО РАН на правом берегу реки, в придорожном гравийно-галечном карьере около с. Сиртыч (Табасаранский район Республики Дагестан). В небольшой коллекции каменных изделий, присутствовали леваллуазские нуклеусы и сколы, скребла, остроконечник мустье, выемчатые и шиповидные орудия [Деревянко и др., 2009]. В 2004–2005 гг. разведочные работы были продолжены. В результате обнаружено несколько палеолитических местонахождений (Рубас-1-5), локализованных в среднем течении р. Рубас, в районе с. Чулат. Местонахождения вы-

[10] БОРИСОВ Михаил Анатольевич, младший научный сотрудник отдела геохронологии кайнозоя Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: maborisov72@gmail.com

[11] АНОЙКИН Антон Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН, старший научный сотрудник лаборатории «Геоархеология и палеоэкология человека» Новосибирского государственного университета. E-mail: anui1@yandex.ru

явлены в ряде естественных склоновых обнажений и придорожных карьеров, в галечно–конгломератной толще аллювиального происхождения, перекрытой покровными суглинками и современной почвой. Археологический материал залегал в галечниках и конгломератах. Все найденные артефакты характеризовались разной степенью дефляции поверхности, однако, часть материалов извлеченных непосредственно из конгломератов не несла следов постседиментационный изменений. Характеристики и условия залегания находок позволили датировать комплекс этих местонахождений средним палеолитом, с возможной незначительной примесью более ранних и поздних материалов. Новый этап, начатый в 2006 г., включал стационарные раскопки на разных участках местонахождения Рубас-1, определенного как наиболее перспективного, а также продолжение разведочных работ на исследуемом участке долины. Индустрии среднего палеолита в стратифицированном залегании были неизвестны ранее на российском побережье Каспийского моря, поэтому материалы памятника Рубас-1 позволяют закрыть существовавшую лакуну в наших представлениях о древнейшей истории Кавказа и включить материалы Дагестана в круг культур, связанных с неандертальским заселением Европы, Передней и Средней Азии.

Среднепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1

Местонахождение Рубас-1 находится на правом берегу р. Рубас, приблизительно, в 3 км выше по течению от с. Чулат (Табасаранский район Республики Дагестан). Памятник расположен в 200 м от русла реки, в теле оползня блочного типа, в настоящее время имеющего вид террасовидного уступа с ровной, слабо поднимающейся столообразной поверхностью и крутыми склонами.

В 2006 г. на местонахождении была заложена разведочная траншея, шириной 2 м и протяженностью 28 м, при максимальной глубине до 18 м от дневной поверхности.

Анализ полученного стратиграфического разреза, с учетом данных официального картирования района, позволил выделить на данном участке четыре разновозрастные пачки отложений с различными типами седиментогенеза. Пачка 1 (слой 6) – илы шельфа (глубина вод от 20–30 до 200 м). Время формирования – поздний миоцен (тортонский век). Пачка 2 (слои 4 и 5) образована в субаэральных и субаквальных условиях типичного морского побережья (глубины 0 – 15 м, пляжная, предфронтальная и переходная зоны). Время формирования – эоплейстоцен (поздний акчагыл). Пачка 3 (слои 2 и 3) – речные аллювиальные образования. Время формирования – поздний (?) неоплейстоцен. Пачка 4 (слой 1) – субаэральные образования. Время формирования – поздний неоплейстоцен – голоцен.

Основной комплекс археологических материалов среднего палеолита был связан с галечно–конгломератной толщей (слой 3 в общей стратиграфии памятника). Он изучался двумя врезками и сплошным раскопом (раскоп 3 в общей нумерации памятника) в 2006 и 2012 гг. на площади около 100 кв. м, при мак-

симальной глубине до 5,1 м от дневной поверхности. Были вскрыты отложения слоев 1–3 в общей стратиграфической колонке памятника, при этом археологический материал обнаружен только в слое 3.

Слой 3 – гравийно–галечно–валунные отложения желтовато–рыжего, реже – светло–коричневого цвета. Слой состоит из двух мощных галечных горизонтов (горизонты 3.1 и 3.3), разделенных горизонтом тонко–слойчатых желто–серых разнозернистого песков и плотного светло–серого алеврита (до 1,5 м), с примесью гравия и обломков раковин моллюсков (горизонт 3.2). Отложения типичны для горного аллювия. Мощность слоя 3–4 м.

Общее число изделий из камня, представленных в коллекции слоя 3, составляет 481 экз. Практически весь материал, из которого изготовлены артефакты, представляет собой кремень, в единичных случаях использовался окремненный известняк и песчаник. Исходя из анализа необработанных участков поверхности артефактов, можно утверждать, что исходным сырьем служила галька и желваки кремня. Все артефакты, характеризуются разной степенью «сглаженности» поверхности, в основном, слабой и средней, однако, встречаются предметы, как с очень сильной ее степенью, так и совсем без следов изменений.

По своему составу коллекция археологического материала слоя 3 включает следующие категории первичного расщепления: гальки – 2 экз., плитки – 3 экз., нуклевидные формы – 38 экз., в том числе, 30 экз. типологически выраженных нуклеусов, пластины – 67 экз., пластинчатые отщепы – 41 экз., отщепы – 263 экз., сколы леваллуа – 6 экз., обломки, осколки – 61 экз. Вторичной отделкой 76 предметов преобразованы в орудия.

Анализ первичного расщепления в коллекции показал, что среди нуклеусов (30) преобладают ядрища параллельного принципа скалывания, представленные одно– и двухплощадочными нуклеусами (14.). При этом доминирует категория одноплощадочных монофронтальных ядрищ (10). Ядрища более сложных вариантов этой техники (одноплощадочные и двухплощадочные с двумя сопряженными фронтами скалывания) единичны. Радиальные формы (8), как правило, монофронтальные, сильно сработанные, уплощенные. В коллекции присутствуют леваллуазские ядрища для снятия пластинчатых заготовок (4), как в простом одноплощадочном варианте (2), так и с использованием двух площадок при встречном чередующемся расщеплении (2). Следует отметить, что на одном из нуклеусов фиксируется прием тщательной подработки одной из латералей в бифасиальной технике. В коллекции есть торцовые ядрища (2 экз.), причем одно из них выполнено на небольшом сколе. Показательным является большая степень сглаженности поверхности у всех радиальных и леваллуазских нуклеусов. Торцовые разновидности практически не окатаны, остальные типы не имеют четкой группировки по степени дефляции поверхности.

Орудийный набор (76 экз.) включает остроконечник леваллуа, остроконечники мустье (2), остроконечники удлиненные (2), скребла (10), скребловидные (2), скребло-нож (1), скребки (10, все относятся к атипичным), ретушированные

пластины (2), проколку с выделенными плечиками, шиповидные (11), выемчатые с ретушированными анкошами (7), зубчато-выемчатые (7), комбинированные орудия (4), в том числе скребловидные – выемчатые (2), скребок – выемчатое и скребло – резец (рис. 2, *2*), орудие с элементами бифасиальной обработки, пластину с ретушью, треугольные сколы с ретушью (2), отщепы с ретушью (7), обломки с ретушью (3) и фрагменты орудий (2).

Таким образом, орудийный набор коллекции не многочисленнен, но в нем присутствуют единичные яркие формы леваллуазских и мустьерских остроконечников, интенсивно ретушированных пластин, угловатых скребел и комбинированных орудий. Единственное изделие с бифасиальной отделкой по форме и характеру обработки не находит аналогов как в ашельских, так и среди более поздних бифасов и, возможно, не является законченной орудийной формой. Часть орудийного набора представлена небольшими замытыми шиповидными и выемчатыми изделиями, имеющими аналоги в раннепалеолитических мелкоорудийных комплексах Дагестана [Деревянко и др., 2012].

В целом, археологический материал из слоя 3 представляет собой смесь артефактов нескольких индустрий различных культурно–хронологических этапов. Наиболее древний мелкоорудийный компонент может быть отнесен к финалу раннего палеолита, леваллуазские и мустьерские формы орудий и нуклеусов, а также основная часть археологических материалов, которые имеют степень дефляции не ниже средней, относятся, видимо, к развитому среднему палеолиту, и, наконец, единичные слабо- и недефлированные изделия, как правило, более удлиненные и тонкие, относятся в финалу среднего палеолита и близки хронологически комплексам из подошвы венчающих разрез лессовидных суглинков (слой 1). Последние (на основе технико–типологического облика и условий залегания коррелируются с материалами стоянки Тинит-1) имеют возраст в интервале 37–50 тыс. л. н. [Анойкин и др., 2013].

Местонахождения Рубас-2–5

Все местонахождения локализованы по правому берегу р. Рубас на участке протяженностью около 2 км, между памятником Рубас-1 и с. Чулат и связаны с галечно–конгломератной толщей по своим характеристикам и генезису, скорее всего, аналогичной слою 3 Рубаса-1.

На местонахождении **Рубас-2** обнаружено 24 артефакта, которые можно разделить на две группы – склоновую «подъемку» и комплекс, обнаруженный в галечнике при зачистке стенки придорожного карьера. На поверхности найдено 20 предметов, из них: нуклевидные обломки – 2 экз., плитка – 1 экз., пластины – 6 экз., отщепы – 10 экз., остроконечник – 1 экз. Определимые остаточные ударные площадки гладкие, точечные и двухгранные. Из найденных предметов 6 являются орудиями. Это скребло, мустьерский остроконечник, зубчато–выемчатые изделия (3) и отщеп с ретушью. Находки в галечной толще (4 экз.) залегали на трех уровнях. В кровле толщи было зафиксировано два небольших отщепа. В 2 м ниже

первого уровня находок было обнаружено комбинированное орудие (скребковое лезвие – ретушированная выемка). Еще ниже обнаружен третий уровень залегания находок, представленный диагональным скреблом с обушком.

На местонахождении **Рубас-3** в поверхностном залегании найдено 10 предметов, в том числе нуклевидный обломок – 1 экз., пластина – 1 экз., отщепы – 7 экз., обломок – 1 экз. Из них орудия составили 4 экз.– остроконечник мустье на леваллуазском сколе, зубчато–выемчатое орудие, нож на краевом сколе и шиповидное изделие.

На местонахождении **Рубас-4** в поверхностном залегании найдено 8 артефактов, из них пластины – 3 экз., отщепы – 3 экз., обломки – 2 экз. Среди остаточных ударных площадок– гладкие и точечные. Пять предметов вторичной отделкой оформлены в орудия: скребло, выемчатые с ретушированными анкошами (2), комбинированное орудие (скребок – долотовидное) и обломок с ретушью.

На местонахождение **Рубас-5** обнаружено 34 артефакта, которые можно разделить на две группы – склоновую «подъемку» и комплекс обнаруженный непосредственно в толще сцементированного галечно–ракушечного конгломерата. На поверхности найдено 28 экз., из них: нуклеусы – 2 экз., пластины – 2 экз., отщепы – 22 экз., обломки – 2 экз. Определимые остаточные ударные площадки в основном гладкие, но есть также естественные и двухгранные. Нуклеусы – одноплощадочный монофронтальный параллельного принципа скалывания и бессистемный кубовидный. Среди орудий (13) представлены долотовидное, шиловидные (3), выемчатые (3), зубчатое, комбинированные (3), в том числе скребок–выемчатое (2) и скребло–скребок и отщепы с ретушью (2). Из конгломератов извлечено 5 артефактов – нуклеус (параллельного принципа одноплощадочный монофронтальный для пластин), три отщепа и осколок. Орудийных форм нет.

Как уже писалось, материалы местонахождений Рубас-2-5, также непосредственно происходят или, с большой вероятностью, связаны с гравийно–галечно–валунной толщей аллювиального происхождения, аналогичной слою 3 местонахождения Рубас-1 и залегающей на соответствующих гипсометрических уровнях. Это предполагает их аналогичный генезис и время формирования. Общий облик обнаруженных на данных местонахождениях артефактов (85 экз.), их технико–типологическая характеристика, особенности залегания и степень сохранности поверхности также позволяют считать эти ассамбляжи близкими археологическим материалам слоя 3 на Рубасе-1 и рассматривать их в совокупности, относя в культурно–хронологическом плане к индустриям среднего палеолита с возможной примесью отдельных более древних изделий.

Видимо в тех же культурно–хронологических рамках находится часть коллекций поверхностных сборов с памятников в долине р. Дарвагчай (Чумус-Иниц, Дарвагчай-залив-1), а также артефакты из строительного карьера в нижнем течении р. Количи [Деревянко и др., 2012]. В этих коллекциях, наряду с большим количеством простейших форм плоскостных нуклеусов, хорошо представлены радиальные формы и леваллуазкие ядрища для острий и отщепов. Среди

остаточных ударных площадок около 2/3 составляют гладкие, однако, заметно представлены также фасетированные, двухгранные и естественные. В инвентаре представлены интенсивно ретушированные скребла, шиповидные орудия, значителен процент зубчато–выемчатых изделий, есть единичные экземпляры леваллуазских технических и целевых (острия и отщепы) сколов и мустьерских остроконечников. Верхнепалеолитическая группа орудий не выразительна и малочисленна, представлена, в основном, атипичными скребками на отщепах.

Таким образом, среднепалеолитические комплексы долины р. Рубас и прилегающих территорий Приморского Дагестана характеризуются широким применением леваллуазской техники расщепления (отщеповая и конвергентная острийная), наряду с простой параллельной и радиальной; наличием в ассамбляжах леваллуазких и мустьерских остроконечников и большого числа скребел, а также представительной группой зубчато–выемчатых изделий, атипичных скребков на отщепах и единичными вещами с бифасиальной обработкой.

Заключение

В настоящее время на территории Кавказа известно более 400 памятников, где зафиксировано присутствие каменных индустрий среднего палеолита. Большая часть этих объектов относится к комплексам с поверхностным залеганием археологического материала или имеют разрушенный/переотложенный культурный слой [Палеолит..., 1984; Любин, Беляева, 2006]. В связи с этим, все теоретические построения, связанные со средним палеолитом Кавказа (хронология и территориальное распространение индустрий, их возникновение и развитие, возможные связи и т. д.), проводятся по данным с гораздо меньшего числа стоянок (около 50), с залеганием археологических материалов in situ. В основном, эти памятники связаны со скальными убежищами и локализованы в южной и северо–западной частях Кавказа [Любин, 1989; Голованова, Дороничев, 2003]. На территории Северо–Восточного Кавказа до последнего времени комплексы этого времени были неизвестны. Материалы слоя 3 Рубаса-1 в определенной степени закрывают имеющуюся лакуну, однако их общая оценка и сравнение с синхронными индустриями Кавказа, в целом, затруднена тем, что рассматриваемые в работе материалы принадлежат к переотложенным комплексам, поэтому, скорее всего, неполны и не отражают всех параметров, являясь своеобразной выборкой.

Наиболее близки к среднепалеолитическим индустриям долины р. Рубас по территориальному расположению и, скорее всего, в возрастном плане, комплексы Азербайджана (пещеры Таглар, Газма и др.), однако, при общем сходстве в первичном расщеплении здесь наблюдается значительное расхождение в типологии орудийных наборов [Джафаров, 1999]. В дагестанских материалах отсутствуют такие специфические типы как остроконечники с утонченным основанием, транкированно–фасетированные изделия, лимасы, незначителен процент остроконечников и конвергентных форм, наоборот, велик процент зубчато–выемчатых изделий. Схожая картина наблюдается при сравнении ма-

териалов Рубаса-1 с другими среднепалеолитическими комплексами Кавказа. Здесь основные различия наблюдаются, как правило, в отсутствии в дагестанских коллекциях оформленных бифасов, орудий с утончением и лимасов, крайне редкое использование вентральной подправки, небольшой процент остроконечников. Наибольшее сходство в первичном расщеплении, а также по составу и процентному соотношению орудийного набора, фиксируется с материалами Монашеской пещеры (гупская группа), которую исследователи на основе комплекса естественнонаучных данных датируют средним вюрмом [Любин, 1977]. Это хорошо соотносится с предполагаемой верхней временной границей среднего комплекса палеолитических материалов памятника Рубас-1 – около 50 тыс. л. н. [Деревянко и др., 2012].

В целом, исходя из имеющихся данных, можно заключить, что, несмотря на значительное количество известных среднепалеолитических памятников на Кавказе и большое технико–типологическое разнообразие внутри их групп, прямых аналогий со среднепалеолитическими материалами долины р. Рубас в настоящее время проследить не представляется реальным. Это может быть связано как с неполной представленностью дагестанских индустрий, состоящих из достаточно многочисленных, но разновременных и переотложенных материалов, так и с имевшимся в то время культурным разнообразием, не исключающим возможность существования на данной территории оригинальной среднепалеолитической культуры. Определенное сходство, прослеживаемое у них с материалами некоторых стоянок Северо–Западного Кавказа, а также ряд принципиальных отличий между ними и комплексами Восточного Закавказья, позволяют предполагать с большей степенью вероятности связь индустрий долины Рубаса с предкавказским регионом.

Работа выполнена в рамках госзадания ИАЭТ СО РАН.

Литература

Анойкин А. А., Славинский В.С., Борисов М.А. Палеолитический многослойный комплекс стоянки Рубас-1. (Республика Дагестан): предварительные результаты // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Т. I. – Иркутск, 2007. – С. 14–25.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Средний палеолит Кавказа // Археологический альманах. – Донецк: Изд–во «Донеччина», 2003. – № 13. С. 18–66.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд–во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лещинский С.В. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана. – Новосибирск: Изд–во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 124 с.

Джафаров А.Г. Средний палеолит Азербайджана. – Баку: Изд–во «Елм», 1999. – 346 с.

Любин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. – Л.: Наука, 1977. – 224 с.

Любин В.П. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. – Л.: Наука, 1989. – С. 9–144.

Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя преистория Кавказа. – СПб: «Петербургское востоковедение», 2006. – 108 с.

Палеолит СССР. – М.: Наука., 1984. – 384 с.

А.П. Деревянко[12], А.В. Кандыба[13], А.А. Цыбанков[14], А.М. Чеха[15]

КАМЕННЫЙ ВЕК ВЬЕТНАМА: МАТЕРИАЛЫ ПЕЩЕРНОГО КОМПЛЕКСА ЗИЕМ

Вплоть до недавнего времени основным мнением в палеолитоведении являлась точка зрения, что важнейший эволюционный скачок в культурном и технологическом развитии человека современного типа произошел около 40 тыс. лет назад в результате т.н. верхнепалеолитической революции. Причем, начало культурных и технологических изменений непосредственно связывалось с эволюцией физического облика и ментальных способностей самого человека. Однако, по мере интенсификации палеолитических исследований за пределами Европы, данная парадигма утратила свою универсальность. Так на территории Северного Вьетнама, главным образом на материалах памятников расположенных в северных предгорьях Аннамского нагорья, были получены археологические и геохронологические данные, свидетельствующие о непрерывном существовании единой технологический традиции в обработке камня на протяжении всего плейстоцена и даже после рубежа плейстоцена-голоцена. На основе археозоологического анализа рассмотрены трофические приоритеты обитателей пещер. Возможно, в результате палеоэкологических катастроф (похолодания и т.д.) ареал древних популяций человека в китайско-малайской зоне сужался, но архантропы никогда не покидали ее. Здесь эволюционно, без каких-либо существенных влияний извне развивались и сам человек, и его индустрии.

Ключевые слова: Северный Вьетнам, пещера Зием, верхний палеолит, неолит, каменная индустрия, плейстоцен, голоцен.

A.P. Derevyanko, A.V. Kandyba, A.A. Tsybankov, A.M. Chekha

STONE AGE OF VIETNAM: THE MATIREALS OF DIEM CAVE

Up until recently, the main opinion in the Paleolithic science is the view that the most important evolutionary leap in the cultural and technological development of modern humans occurred about 40 thousand years ago as a result of the so-called Upper revolution. Moreover, the beginning of the cultural and technological changes directly associated with the evolution of the physical appearance and mental abilities of the individual. However, with the intensification of Paleolithic research outside Europe, this paradigm has lost its versatility. So in northern Vietnam, mainly on materials monuments located in the northern foothills of the Annam Highlands were obtained geochronological and archaeological evidence of the existence of a single continuous technological tradition in stone processing throughout the Pleistocene, and even after the turn of the Pleistocene-Holocene. On the basis of the analysis examined the trophic Archaeozoological priorities of cave dwellers. Perhaps as a result of disasters paleoecological (cooling, etc.) area of ancient human populations in the Sino-Malay area narrowed, but ancient people never left her. Here evolutionarily, without any significant outside influences evolved and the man himself, and his industry.

[12] ДЕРЕВЯНКО Анатолий Пантелеевич – действительный член РАН, доктор исторических наук, директор Института археологии и этнографии СО РАН, профессор НГУ. e-mail: derev@archaeology.nsc.ru

[13] КАНДЫБА Александр Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН. e-mail: arhkandyba@gmail.com

[14] ЦЫБАНКОВ Александр Алексеевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом охранно-спасательной археологии Института археологии и этнографии СО РАН. e-mail: tsib@archaeology.nsc.ru

[15] ЧЕХА Андрей Михайлович – младший научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: chekha@archaeology.nsc.ru

Keywords: North Vietnam, Diem cave, Upper Paleolithic, Neolithic, stone industry, Pleistocene, Holocene.

Для изучения истории заселения человеком современного вида и его дальней эволюции в Юго-восточной Азии территория республики Вьетнам представляет особенный интерес.

Впервые изучение каменного века на территории Вьетнама было предпринято французскими геологами. В 1909–1923 А. Мансюи проводит исследования в пещерных объектах провинции Лангшон, и на данных материалах была выделена ранненеолитическая культура Бакшон [Mansuy, 1924; Mansuy, Colani, 1925]. В 1926–1931 М. Колани проводит раскопки в пещерных памятниках в провинциях Хоабинь, Ниньбинь, Тханьхоа и Кванбинь, по итогам изучения которых была выделена Хоабиньская археологическая культура, отнесенная к финалу позднего палеолита – началу неолита [Colani, 1927]. В 1960-х были начаты исследования палеолита собственно вьетнамскими археологами. Им принадлежит открытие более древней культуры позднего палеолита Шонви [Ha Van Tan, 1970; Ha Van Tan, Nguyễn Khắc Sử, Trình Năng Chung, 1999].

Несмотря на сделанные открытия, проблема происхождения этих культур, их развития и преемственности еще далека от решения. Поэтому в качестве опорного памятника для исследований была выбрана многослойная пещера Конмонг, археологические комплексы которой относятся к выделенным ранее культурно-хронологическим диапазонам эпохи финала плейстоцена – начала голоцена [Nguyễn Khắc Sử, 1977; Nguyễn Khắc Sử, 2009; Деревянко и др., 2012а]. Исследования не ограничивались изучением лишь одного пещерного памятника. Параллельно проводились разведки на предмет обнаружения новых археологических объектов [Деревянко и др., 2012б]. Одним из таких открытых пещерных объектов стала пещера Зием, обнаруженная в 2012 г. [Деревянко и др., 2013].

Пещера Зием (N 20012’43,8”, E 105055’56,6”) расположена на территории деревни Бансан, коммуны Тханьен района Тханьтхань провинции Тханьхоа и относится к национальному парку Кукфыонг. Пещера Зием расположена на высоте 100 м. над уровнем моря и обращена выходом на северо-восток. Освещенная входовая часть пещеры трубообразной формы при длине около 30 м и ширине колеблющейся от 5 до 10 м, продолжается в глубь известнякового массива в виде карстовых полостей общей площадью 500 м^2. Как и во многих других пещерах этого региона, характерной особенностью пещеры Зием является наличие на стенах крупных кальцинированных конкреций, натечных сталагмитовых и сталактитовых образований, а также присутствие, как в конкрециях, так и в рыхлых отложениях, огромного количества лесных водных моллюсков. Рыхлые отложения зафиксированы лишь во входовой части.

Раскоп 2013 года был заложен на месте разведочного шурфа 2012 года, и составил 5 м^2. В 2014 году площадь раскопа была расширена в северо-западном направлении на 3 м^2. Таким образом, общая площадь исследованной площади

составила 9 м^2. В ходе исследований было выделено, помимо механически перемешанного верхнего слоя, включавшего в себя разновременные культурные остатки, три крупных культурно-литологических подразделения.

Первое культурно-литологическое подразделение (слой 1) залегает в толще пепельно-серой супеси мощностью 0,1–0,4 м. Археологический материал насчитывает 429 артефактов, из них галек 15 экз. Первичное расщепление представлено колотыми гальками в количестве 7 предметов и двумя нуклевидными обломками.

Индустрия сколов насчитывает 365 экз. Отщепов в коллекции 251 предметов, из них два скола фрагментировано. Целые артефакты в 95% процентах случаев мелкие и короткие и с параллельной однонаправленной огранкой дорсала. Остаточные ударные площадки отщепов представлены естественной, гладкой и неопределенной типами в равных пропорциях. Первичные сколы насчитывают 16 предметов, в основном мелких и коротких. Остаточные ударные площадки представлены естественным и неопределимым типами в равных пропорциях. Вторичные сколы насчитывают 39 предметов в большинстве коротких средних и мелких размеров. Остаточные ударные площадки в 90% случаев естественные. Обломков в коллекции 39 экз., осколков 7 экз., чешуек 13 экз.

Орудийный набор насчитывает два предмета. Фрагментированный топор миндалевидной в плане формы создан на окатанном куске известняка. Рабочий край сохраняет чешуйчатую постоянную сильномодифицирующую крупнофасеточную ретушь. Также присутствует обломок унифасиального орудия, предположительно топора, рабочий край сформирован первоначально оббивкой, потом оформлен постоянной чешуйчатой крупнофасеточной сильномодифицирующей ретушью. Местами на топорах отмечаются элементы шлифовки.

Также в коллекции присутствует 39 фрагмента керамики, орнаментация которой создана путем зигзагообразного прерывистого протаскивания гребенки. Культурная принадлежность данного типа керамики позволяет определить хронологический интервал накопления данного слоя 1 и соотнести его с неолитической культурой Дабут (7000-4000 л.н.). Антропологический материал представлен скоплением человеческих костей, предположительно одной особи, сильная обугленность и раздробленность которых затрудняет дать более подробную характеристику.

Второе культурно-литологическое подразделение (слой 2) соотносится красновато-буро-коричневой супесью общей мощностью 0,5-0,6 м. Археологический материал насчитывает 1011 экз., из них 4 гальки. К первичному расщеплению отнесено 9 предметов, из них восемь колотых галек и два нуклевидных обломка. В коллекции присутствует двуплощадочный бифронтальный нуклеус с удлиненным телом ядрища. Исходным сырьем служила продолговатая вытянутая галька. Расщепление с двух узких краев велось без предварительной подготовки. Противолежащие фронты скалывания содержат негативы укороченных и коротких заломистых сколов.

Индустрия сколов насчитывает 996 экз. Отщепов в коллекции 702 экз. (из них целых 664 предметов.). Из целых артефактов подавляющее большинство (472

экз.) короткие мелкие отщепы с параллельной огранкой дорсала. Аналогичная ситуация наблюдается у отщепов средних размеров. Первичных сколов насчитывается 39 экз., коротких пропорций мелких и средних размеров в равных количествах. Вторичные сколы составляют 71 предмета, также в основном средних и мелких размеров. 2/3 предметов коротких пропорций. Определимые остаточные ударные площадки для всех сколов в 90% случаев представлены естественным типом. Единичным предметом представлен технический скол, являющийся удаленным фронт скалывания. Обломков в коллекции 37 экз., осколков 38 экз., чешуек 108 экз.

Орудийный набор составляет 14 экз. Исходным сырьем для четырех выпуклых скребел являются окатанные плитки известняка. Рабочий край создан постоянной полукрутой чешуйчатой местами заломистой среднефасеточной ретушью. Единственным отличием является наличие у одного из предметов оформленного противолежащего обушка. По одному предмету в коллекции присутствуют отщеп листовидной формы с вентральной подтеской и отщеп с ретушью. Два чоппера, присутствующие в коллекции, созданы на гальках округлой формы первоначально оббивкой, а впоследствии оформлены постоянной чешуйчатой крутой ретушью. Большая группа орудий фрагментирована. Два обломка предположительно являются фрагментами выпуклых скребел, аналогичным выше описанным. Исходными типами орудий для четырех фрагментированных предметов являлись суматролиты. Также присутствуют два обломка топора и одного тесла. В коллекции присутствуют костяное орудие типа шила, созданное путем строгания, и украшение из гематита трапециевидной в плане формы с прорезанным и просверленным насквозь отверстием. Также в слое присутствовали небольшие куски охры.

В слое 2 было обнаружено погребение человека. Костные останки были раздроблены, но воздействию огня, как в предыдущем слое 1 не подвергались. Мощный глыбовый горизонт, находящийся в данном литологическом подразделении и свидетельствующий о мощном землетрясении, а также полное отсутствие керамики, позволяет отнести данное культурное подразделение к раннеголоценовому времени (10 тыс. л.н.).

Третье культурно-хронологическое подразделение (слой 3) относится к коричнево-желтой супеси, местами сильно травертинизированной, с мощными включениями жильного кварца. Мощность слоя варьируется от 0,1 до 0,9 м. Данное литологическое подразделение залегает непосредственно на скальном основании. Археологический материал, приуроченный к кровле слоя, насчитывает 757 экз., из них 23 целые гальки. Первичное расщепление представлено 25 предметами, из них 10 колотых гальки и 12 нуклевидных обломков. Присутствует также одноплощадочный монофронтальный нуклеус поперечной ориентацией скалывания, выполненный на окатанном куске известняка. Расщепление велось без всякой предварительной подготовки. Фронт скалывания выпуклый содержит негативы параллельных средних сколов коротких и укороченных про-

порций. Присутствуют два обломка нуклеусов, предположительно радиальной системы расщепления.

Индустрия сколов насчитывает 709 экз. Отщепов 416 экз. (из них целых предметов 392 экз.). Также как и в предыдущих культурно-литологических подразделениях доминируют короткие мелкие отщепы с параллельной огранкой дорсала (271 экз.). Отщепы средних размеров также демонстрируют преобладание предметов с короткими пропорциями и параллельной огранкой (44 экз.). Определимые остаточные ударные площадки демонстрируют преобладание такого типа как естественные (181 экз.), гладких площадок существенно меньше (113 экз.). Первичных сколов коллекции 28 экз., из них 26 предметов, представленных в равных количествах мелкими и средними размерами, имеют короткие пропорции и естественную остаточную площадку. Вторичные сколы насчитывают 32 предметов, в 95% случаев мелких и средних размеров коротких пропорций. Остаточные ударные площадки демонстрируют преобладание естественного типа (30 экз.). Технических сколов в коллекции два экземпляра и являются удаленными фронтами скалывания. Обломков насчитывается 157 экз., осколков 25 экз., чешуек 49 экз.

Орудийный набор насчитывает 6 экз. В коллекции присутствует концевой скребок на отщепе с краевой чешуйчатой крутой мелкофасеточной слабомодифицирующей ретушью. Скребло с рабочим лезвием на 3\4 периметра было создано на окатанном куске известняка путем оббивки и нанесением постоянной заломистой многорядной крутой ретушью. Обушок сохраняет естественную поверхность. Схожим оформлением обладает еще одно аналогичное скребло с сильно фрагментацией. Шиповидное орудие выполнено на кварцевом обломке трапециевидной в плане форме. При создании рабочего элемента использовался естественный контур заготовки. Шиповидный выступ оформлен постоянной среднемодифицирующей крутой чешуйчатой среднефасеточной ретушью. Проколка выполнена на мелком коротком отщепе. Рабочий элемент оформлен в медиальной части постоянной мелкофасеточной полукрутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью. Интересно костяное орудие типа шила, созданное из кончика ребра путем строгания. В коллекции также присутствуют два отщепа с эпизодической вентральной ретушью и два обломка галек с ретушью.

В кровле слоя было обнаружено погребение женщины. Костные останки располагались в анатомическом порядке. Скелет расположен на боку с поджатыми коленями и ориентирован головой вглубь пещеры. Следует отметить, что погребение частично перекрывалось травертиновыми отложениями и залегало практически на скальном основании пещеры. Полученная радиоуглеродная датировка из погребения составляет 11240±120 л.н. Культурная принадлежность двух нижних культурных подразделений определяется эпохой Хоабинь. Несмотря на присутствие археологического материала в литологическом слое 3, следует отметить, что культурное единство двух нижних культурно-литологических подразделений подтверждается сходством каменной индустрии и резким отличием от верхнего культурного слоя эпохи Дабут.

В пределах двух нижних культурно-литологических подразделений было собрано более 1000 костных обломков пресмыкающихся, птиц и млекопитающих. Среди них 286 костей и зубов удалось идентифицировать в основном до уровня отряда, хотя в некоторых случаях удалось определить и видовую принадлежность. Более 50 % определенных костей и зубов принадлежит оленям средних размеров (Cervus nippon – пятнистый олень, Cervus swinhoe – свиной олень), высока доля также диких свиней (Sus scrofa). Учитывая, что это стадные животные, вероятно охота на них была более эффективной, нежели на одиночные виды.

Из крупных млекопитающих найдены остатки тигра, крупного быка (возможно новый вид) и вероятно носорога. Фрагмент нижней челюсти макаки имеет необычно крупные премоляры и, возможно, принадлежит медвежьему макаку. Практически на всех уровнях найдены остатки черепах, в то время как птиц практически не было (2 кости).

Найдено было также 3 кости человека, причем одна из них была обожжена. Плечевая кость замбара (Cervus unicolor) имеет следы погрызов хищника, судя по ширине следов, скорее всего собаки.

Прямой переход от позднего палеолита к раннему неолиту происходил в пещере Зием и во Вьетнаме в целом, без прибытия сюда микролитических традиций наблюдаемых в палеолитическом переходе от палеолита к неолиту в Европе. Во многих местах мира палеолитические индустрии переходят в неолитические через мезолит, но только не Южно-Восточной Азии. Это очевидно, что развитие доисторической культуры в пещере Зием простое в этом смысле; все материалы и палеоэкологические признаки показывают долговременное интенсивное заселение пещеры в тропических муссонных условиях во время перехода от плейстоцена в голоцен. Третий культурный период, представленный самым верхним слоем с дабутскими артефактами, соотноситься с ранним неолитом везде и характеризуется появление топоров с заточенными лезвиями и керамики. Существование этих топоров тысячи лет назад говорит о больших достижениях в изготовлении каменных орудий. Они могли использовать для рубки деревьев с целью очистки мест от леса для пашни. Появление одновременно с топорами с заточенными лезвиями керамики свидетельствует о важном развитии культуры в пещере Зием. Поселение, производство керамики и пахотное земледелие в Национальном парке Кукфыонг, а также существующий здесь высокий уровень биологического разнообразия были выдающиеся достижения для начала поздней ‘неолитической революции’ во Вьетнаме и Юго-восточной Азии. В заключение, данные полученные при изучении пещеры Зием демонстрируют существование следующих друг за другом археологические культуры (от Хоабиня к Дабуту), которые в свою очередь отражают переход от типичного палеолита к неолиту в период от с. 15,000 т.л. до 7,000 т.л. в северном Вьетнаме.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта № 13-06-12008-офи-м «Палеоэкология древнего человека в плейстоцене и проблема первоначального заселения территории Восточной и Юго-Восточной Азии».

Литература

Деревянко А.П., Нгуен Зианг Хай, Нгуен Хак Шу, Цыбанков А.А., Кандыба А.В., Тихонов А.Н., Чеха А.М., Нгуен За Дой, Фан Тхан Тоан. Предварительные итоги исследований российско-вьетнамской археологической экспедиции на территории Северного Вьетнама в 2010-2011 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2012. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 63 – 67.

Деревянко А.П., Нгуен Зианг Хай, Нгуен Хак Шу, Цыбанков А.А., Кандыба А.В., Тихонов А.Н., Нгуен За Дой, Фан Тхан Тоан. Результаты полевых исследований пещеры Манчин (Вьетнам) в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2012. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 59 – 62.

Деревянко А.П., Нгуен Хак Шу, Цыбанков А.А., Кандыба А.В., Тихонов А.Н., Нгуен За Дой, Чеха А.М. Некоторые результаты исследований российско-вьетнамской археологической экспедиции на территории Северного Вьетнама в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. 2013. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 70 – 73.

Co1ani M. L'age de la pierre dans la province de Hoa-Binh // Memoires du Service Geologique de L'Indo-Chine. – Hanoi, 1927. – T. XIV. I.

Ha Van Tan. Văn hóa Son Vi // Khảo cổ học. – 1971. – Số11-12. – T. 60–69.

Ha Van Tan, Nguyễn Khắc Sử, Trình Năng Chung. Văn hóa Son Vi. – Hanoi: Nhà Xuất bản Khoa học xã hội, 1999. – 150 t.

Mansuy H. Contribution à l'etude de la préhistoire de l'Indo-Chine. IV. Stations préhistoriques dans les cavernes du massif calcaire de Bac-Son // Memoires du Service Geologique de L'Indo-Chine. – Hanoi, 1924. – T. XI.

Mansuy H., Co1ani M. Contribution à l'étude de la préhistoire de l'Indo-Chine. VII. Néolithique inferieur (Bacsonien) et néolithique supérieur dans le Haut-Tonkin // Memoires du Service Geologique de L'Indo-Chine. – Hanoi, 1925. – T. XII. 3.

Nguyễn Khắc Sử. Hang Con Mong giới thiệu và nhận xét // Khảo cổ học. – 1977. – Số2. – T.26-35.

Nguyễn Khắc Sử. Con Mong cave: new data and new perceptions // Vietnam Archaeology. – 2009. – №4. – P.40-52.

В.Н. Зенин[16], А.Г. Рыбалко[17]

СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ (по материалам памятника Дарвагчай-залив-1)

В статье представлены предварительные результаты, полученные в ходе исследований среднепалеолитического комплекса памятника Дарвагчай-залив-1. Основное место отведено описанию и анализу коллекции каменных артефактов и сопоставление ее с индустриями наиболее значимых среднепалеолитических памятников Кавказа.

Ключевые слова: Дагестан, каменные индустрии, средний палеолит, плейстоцен, морские трансгрессии.

V. N. Zenin, A. G. Rybalko

THE MIDDLE PALEOLITHIC OF THE WESTERN CASPIAN (according to the materials of the monument Darvagchai-Bay-1)

The article presents new results obtained during studies of the middle Paleolithic cultural-chronological complex of Darvagchai-Bay-1 site. Central to this article is a description and analysis

[16] ЗЕНИН Василий Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель отдела геохронологии кайнозоя Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail:zenin@archaeology.nsc.ru

[17] РЫБАЛКО Андрей Геннадьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail:rybalko@archaeology.nsc.ru

of the stone industry of the middle Paleolithic complex of Darvagchai-Bay-1 site and its correlation with the industries of the middle Paleolithic site of the Caucasus.

Key words: Dagestan, lithic industry, Middle Paleolithic, Pleistocene, sea transgressions

Территория западного побережья Каспийского моря оставалась до недавнего времени одной из наименее изученных в палеолитическом отношении областей Кавказа. Основные археологические материалы этого времени происходили в основном из горных районов Азербайджана и освещали лишь отдельные этапы развития древней культуры. Территории Дагестана была изучена в плане палеолитоведения крайне слабо, что обуславливалось почти полным отсутствием здесь известных памятников древнекаменного века.

Начало исследованию палеолита в Дагестане было положено в 1939 году, когда М.З. Паничкина в Кайтагском районе (окрестности с. Геджух) обнаружила серию отщепов и пластин архаичного облика, отнесенных ей к палеолитическому времени. Следующий этап исследований древнейших этапов истории региона приходится на 1950–60–е гг., и связан с работами археологической экспедиции под руководством В.Г. Котовича. В ходе археологических исследований, было обнаружено более 30 местонахождений и стоянок, относящихся к различным периодам каменного века. Однако подавляющее большинство выявленных палеолитических памятников представляли собой открытые местонахождения, материалы которых залегали непосредственно на современной поверхности [Котович, 1964]. Тем не менее, полученные археологические коллекции позволили соотносить время начального заселения Западного Прикаспия с наиболее ранними этапами человеческой истории и предполагать непрерывность присутствия здесь древних коллективов на различных культурно-хронологических этапах развития первобытного общества. Вместе с тем, возможность более точно проследить эволюцию культур каменного века на значительном хронологическом отрезке, охарактеризовать культуры отдельных этапов, определить их связи и взаимоотношения с синхронными культурами сопредельных областей Кавказа была затруднена неравномерностью хронологического и территориального распределения имеющегося археологического материала. Заполнить, в определенной мере, имеющуюся лакуну в знаниях о палеолитической эпохе в данной части Кавказа позволяют данные, полученные в последние годы при исследовании археологических объектов Дарвагчайского геоархеологического района (среднее течение р. Дарвагчай). Наиболее ярким из них является памятник Дарвагчай-залив-1, на котором обнаружено несколько разновременных культурно-хронологических комплексов эпохи палеолита.

Стоянка Дарвагчай-залив-1 была открыта в 2007 г. в ходе разведочных работ Кавказского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН, во время обследования береговых обнажений и отмелей небольшого залива в районе хутора (кутана)

Кудагу на правом берегу Геджухского водохранилища (Дербентский район, Республика Дагестан).

Памятник (42°07'36.7» с.ш., 048°01'51.2» в.д.) расположен, на крутом юго-западном склоне останца древнекаспийской террасы. Верхняя часть террасы имеет неровную распаханную поверхность, абсолютная высота колеблется в пределах 154–167 м. Высота склона в районе памятника от уреза водохранилища составляет ≈40 м. Склон местами задернован, покрыт луговой растительностью и редким кустарником. В его нижней части, на высоте 11–14 м от уреза, прослеживается прерывистая линия глыб монолитного ракушняка бакинского возраста, переходящих в структурный уступ высотой до 4–5 метров. Анализ полученных в ходе раскопочных работ разрезов и геологическое описание района позволяет разделить исследуемые отложения на три разновозрастные пачки: склоновые, делювиальные отложения (верхний неоплейстоцен); галечно-гравийная толща с линзами и прослоями суглинков и песков, аллювиального генезиса (верхний – средний неоплейстоцен (?)) и подстилающая их толща ракушняков-известняков (нижний неоплейстоцен, бакинское время). Последние являются своеобразным стратиграфическим репером, позволяющим коррелировать геологические разрезы в долине р. Дарвагчай между собой.

В 2009 г. на памятнике были проведены масштабные рекогносцировочные исследования, в ходе которых на склоне террасы была заложена серия шурфов. Результатом данных работ явилось обнаружение здесь нескольких разновозрастных культурно-хронологических комплексов палеолитических артефактов [Деревянко и др., 2012].

Основной комплекс каменных артефактов, представленный изделиями среднего палеолита, локализован в верхней части склона террасовидного уступа, на котором расположен памятник и изучался сплошным раскопом в 2012–2014 гг. [Деревянко и др., 2013].

В ходе археологических исследований была вскрыта толща плейстоценовых отложений на глубину до 3,5 м от дневной поверхности. Ниже приводится описание разреза (сверху вниз):

Слой 1А. Серо-коричневый лессовидный легкий суглинок с неоднородной, комковатой текстурой. Техногенная толща (пашня). Мощность – 0,3–0,4 м.

Слой 1Б. Светло-коричневый лессовидный суглинок с неоднородной текстурой. По-видимому, изменен в ходе хозяйственной деятельности человека (выравнивание поверхности террасы). Мощность – 0,3–0,4 м.

Слой 2. Лессовидный серо–коричневый суглинок. Плотный, умеренно пористый. Генезис эоловый, при незначительном участии делювиальных процессов. Текстура слоя пятнистая, из-за карбонатизированных пятен. В средней части и в подошве слоя встречаются немногочисленные ходы землеройных животных. Мощность – 0,6–0,85 м.

Слой 3. Буро–коричневая, гумусированная супесь (погребенная почва). Текстура слоя пятнистая. Нижняя часть горизонта имеет более темный черно-бурый оттенок (последние 0,1–0,2 м). По всему слою отмечаются многочисленные кро-

товины разнообразной формы и размеров, заполненные светло–коричневым суглинком. Генезис биогенный и эоловый. Мощность – 0,8 м –1,5 м.

Слой 4. Плотный желтовато-коричневый тяжелый суглинок. Верхняя часть слоя (первые 20–25 см) имеет красно-бурый оттенок (контактная зона). Генезис, делювиально-эоловый. Текстура пятнистая. Отмечаются карбонатные стяжения. В кровле слоя видны трещины усыхания (средняя ширина в устье 2–3 см, при глубине 0,2 м). Видимая мощность слоя – 0,4 м.

Археологические материалы данного комплекса находок связаны со слоем 3, в котором обнаружена немногочисленная, но выразительная коллекция каменных артефактов.

Основным часть каменных артефактов в коллекции изготовлена из окремненного известняка, реже использовался кремень. Оба вида сырья встречаются в обнажениях в виде галек, желваков и плитчатых обломков в непосредственной близости от памятника. При этом кремнистный известняк представляет собой плотную и достаточно твердую метаморфическую породу серого цвета, хорошо поддающуюся расщеплению и обработке, хотя и уступающей по твердости кремню. Редкое использование последнего, видимо, может объясняться тем, что характерные для местного кремня низкое качество и небольшие размеры желваков и галек, обусловленные геологической историей района создали предпосылки для широкого применения в индустрии альтернативного каменного сырья [Деревянко и др., 2012].

Анализ планиграфии археологических материалов, наряду с данными стратиграфии, показывает, что артефакты залегают in situ и претерпели минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. Об этом свидетельствуют горизонтальная или близкая таковой ориентация практически всех находок и их согласное залегание относительно вмещающего геологического тела. Также, артефакты преимущественно образуют небольшие по плоскостному простиранию изолированные скопления, в которых фиксируется небольшой вертикальный разброс каменных изделий, при этом, в пределах таких «пятен» встречаются аплицирующиеся предметы.

В слое, содержащем культурные остатки, также присутствуют разрозненные угольки и примазки древесного угля. Кроме того, в нижней трети слоя зафиксированы следы двух кострищ, разнесенных относительно друг друга, как пространственно, так и гипсометрически.

Остатки позвоночных в раскопе не обнаружены. Их отсутствие объясняется, скорее всего, агрессивной химической средой вмещающих отложений, вызывающей быструю деструкцию остеологического материала.

Археологическая коллекция из слоя 3 обладает следующими характеристиками:

Первичное расщепление данной индустрии демонстрирует преобладание леваллуазской техники расщепления, при подчиненном положении простой параллельной системы скалывания, которая, видимо, использовалась преимущественно при апробации сырья (рис. 1–7, 8). Для большинства ядрищ характерна высокая

степень утилизации, а целевыми заготовками, судя по всему, являлись массивные короткие отщепы крупных и средних размеров (рис. 1 – 1, 3). Пластины представлены единичными экземплярами и являлись попутными нецелевыми продуктами расщепления. Подавляющее большинство сколов не несет на дорсалах желвачной корки, что косвенно свидетельствует о предварительном оформлении ядрищ вне раскопанного участка стоянки. Основными категориями остаточных ударных площадок являются гладкие и фасетированные. Это, наряду с большим количеством истощенных ядрищ, может характеризовать стоянку как место реализации заключительных этапов утилизации каменного сырья, а именно, получение целевых заготовок (сколы леваллуа), как непосредственно с уже подготовленных нуклеусов, так и после их предварительного оформления/переоформления.

Орудийный набор коллекции не многочисленен, в нем присутствуют единичные яркие формы, такие как, леваллуазские сколы (рис. 1–1), мустьерский остроконечник (рис. 1–6) и угловатое скребло (рис. 1–2). Основными же категориями изделий являются выемчатые формы с ретушированными анкошами (31%) и ситуационные иррегулярные орудия, в виде сколов и обломков с ретушью (34%) [Деревянко и др., 2013].

Имеющиеся на настоящий момент данные позволяют определить памятник как многократно посещаемый кратковременный лагерь, где осуществлялась деятельность возможно связанная с первичной разделкой туш животных, а каменное производство определялось ситуационным расщеплением не направленным на серийное изготовление заготовок и оформление сложных орудийных форм. Данная интерпретация памятника хорошо согласуется с такими фактами как малое количество артефактов в пределах «пятен» находок; их небольшое распространение по площади; локализация нескольких «пятен» в одном месте, но на разных высотных уровнях; использование для расщепления уже оформленных ядрищ; слабое разнообразие типологически выраженных орудий, а также насыщенность отложений мелкими частицами древесного угля и наличие нескольких очажных пятен, без следов каких-либо конструкций.

Комплексный анализ материалов данного археологического комплекса позволяет утверждать, что по своим технико-типологическим характеристикам эти материалы более всего соответствуют развитой поре среднего палеолита. Об этом свидетельствует типологический состав орудийного набора, в котором наблюдается сочетание леваллуазских и мустьерских форм, очень значительный процент выемчатых орудий и полное отсутствие изделий верхнепалеолитической группы, а также характер первичного расщепления, где фиксируется абсолютное доминирование отщепового варианта леваллуазской техники. Этому определению не противоречат и вероятные хронологические рамки индустрии, которая залегает в слое погребенной почвы. С учетом гипсометрических отметок памятника и наличия в основании террасовидного уступа, где локализован объект, ракушняков, по геологической шкале имеющих бакинский возраст (≈750–450 тыс. л.н.) и принимая во внимание облик индустрии, можно опреде-

лить временной диапазон ее существования началом верхнего неоплейстоцена. Образование столь мощного почвенного горизонта (до 1,5 м), должно быть связано с очень теплыми и одновременно влажными условиями, которые были характерны для рисс-вюрмского межледниковья, соответствующего подразделению 5е кислородно-изотопной шкалы (130/126–118/115 тыс. л.н.).

На территории Кавказа наиболее близки данному хронологическому промежутку памятники образующие кударско-джручульскую группу пещерных стоянок, локализованную в южной части региона. Общими чертами для этих индустрий является наличие леваллуазской технологии расщепления с большим количеством пластинчатых заготовок, большое количество удлиненных остроконечников на пластинах и продольных скребел. Присутствуют такие типы орудий как лимасы, ножи и зубчатые орудия. Исследователи соотносят кударско-джручульскую группу с левантийским мустье типа Табун D [Любин, Беляева, 2006]. Хронологически близки изучаемому среднепалеолитическому комплексу памятника Дарвагчай-залив-1 и нижние слои пещеры Матузка. Первичное расщепление здесь демонстрирует параллельную систему расщепления, фасетированные и точечные площадки единичны. Типологический ряд представлен различными модификациями скребел и зубчатых орудий. Отличительной чертой комплексов является наличие позднеашельских бифасиальных наконечников и ножей, что позволяет предполагать более древний, чем мустьерский, возраст индустрии [Голованова, Дороничев, 2003]. Еще большие отличия от материалов Дарвагчай-залива-1 демонстрируют хронологически более поздние фации, такие как восточный микок Северо-Восточного Кавказа, мустье загросского и цуцхватского типов. Определенное сходство в таком технологическом аспекте, как морфология леваллуазских нуклеусов и таких типах орудий, как мустьерские остроконечники и ретушированные леваллуазские сколы, прослеживается с материалами слоя 3 пещеры Азых [Гусейнов, 2010]. Однако некоторые исследователи оспаривают наличие в мустьерской индустрии Азыха, как ашельских, так и позднемустьерских компонентов, предполагая в ней некую примесь в результате объединения трех литологических подразделений [Голованова, Дороничев, 2003].

В заключении необходимо отметить, что в культурно-хронологической шкале палеолита Дагестана нет прямых аналогий данному культурному комплексу, как в самом Дарвагчайском геоархеологическом районе, так и в комплексе стратифицированных стоянок р. Рубас. В тоже время, эта индустрия хорошо согласуется с общей шкалой развития древнекаменного века Северо-Восточного Кавказа, демонстрируя все черты развитого среднего палеолита весьма специфичного регионального облика.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ № 13-06-12012-офи_м.

Литература

Гусейнов М. Древний палеолит Азербайджана. Баку: «ТекНур», 2010. – 247 с.

Котович В.Г. Каменный век Дагестана / АН СССР. Даг. филиал. Ин–т ист., яз. и лит. – Махачкала, 1964. – 226 с.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Левковская Г.М., Лозовой С.П., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Романова Г.П., Харитонов В.М. Пещера Матузка. Санкт-Петербург, 2003. – 194 с.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: Изд–во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Любин В. П., Беляева Е. В. Ранняя преистория Кавказа. СПб: «Петербургское востоковедение», 2006. – 108 с.

Рыбалко А. Г., Кандыба А.В. Полевые исследования памятника Дарвагчай-залив 1 в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX . – С. 139-144.

А.М. Клементьев[18]

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ИЗ ИСТОРИИ ПАЛЕОЛИТОВЕДЕНИЯ БУРЯТИИ

Работа посвящена малоизвестному архивному факту, касающемуся истории палеолитоведения Бурятии. Приводится обзор кадров документального видеоматериала, хранящегося в архиве Восточно-Сибирской студии кинохроники. Сообщается история поисков данного документа. Освещается значение этого свидетельства для палеолитоведения и археологии Бурятии в целом.

Ключевые слова: кинохроника, археология, палеолит, ископаемые млекопитающие, Ошурково, Тологой.

A. M. Klement'ev

DOCUMENTARY EVIDENCE FROM THE HISTORY PALEOLITHICS RESEARCH IN BURAYTIA

The work is devoted to the little-known archival facts concerning the history of the Paleolithic Buryatia. Provides an overview of the documentary newsreel shots from the archives of the East Siberian TV and Radio. Tells the story of the search of the document. Highlights the importance of this evidence for Paleolithic archeology and Buryatia in general.

Key words: newsreels, archeology, Paleolithic, fossil mammals, Oshurkovo, Tologoi.

Введение

Представлена информация о малоизвестном видеоматериале, который отражает начало послевоенных исследований в археологии Забайкалья. Этот видеоматериал стал доступен в последние годы в связи с развитием коммерческих отношений между Восточно-Сибирской студией кинохроники и населением Иркутска.

Материал и обсуждение

В 2001 году, будучи аспирантом Геологического института СО РАН, автор познакомился с Евгенией Алексеевной Хамзиной, старейшим археологом Бурятии. В процессе общения Е.А. много рассказывала о начальных этапах исследований палеолита Забайкалья, связанных с именами А.П. Окладникова, И.В. Аремовского, Л.Н. Иваньева. Автора непосредственно интересовали сведения о находках палеолитической фауны вокруг Байкала. В очередной из дней посещения Е.А. вспомнила о занимательном эпизоде съемок на раскопках местонахождения Тологой, сообщив при этом год (1951) и фамилию оператора – Зекки. При

[18] КЛЕМЕНТЬЕВ Алексей Михайлович – научный сотрудник ИЗК СО РАН. E-mail: klem-al@bk.ru

этом она сообщила, что киножурнал должен храниться в Улан-Удэ. Попытки обнаружить этот материал в течение 2001-2007 гг. не принесли успеха.

Начиная с середины 2000-х годов, на иркутском телевидении появился рекламный ролик о предоставлении видеоматериалов по просьбе жителей Иркутска и области. Автор несколько раз пытался связаться со студией кинохроники, но в силу технических причин (переезды студии) это удалось осуществить только в 2009 г. Материал о раскопках входит в киножурнал «Восточная Сибирь, № 33 за 1952 год (март, сентябрь)» под третьим порядковым номером с названием «Эртэ урда сагта» («В глубь веков»). К сожалению, сохранилась только копия киножурнала на бурятском языке без звукового сопровождения. Приводим описание этого видеоматериала. Весь ролик занимает по времени 1 мин 55 сек. При этом первые 20 сек идут титры. Следующие кадры можно разделить на несколько эпизодов:

– с 20 по 28 секунды транслируется вид долины нижнего течения реки Селенги в окрестностях д. Ошурково;

– с 28 по 41 сек показано начало раскопочных работ на склоне г. Тологой, а также крупным планом А.П. Окладников, фиксирующий общую ситуацию (рис. 1);

– с 41 по 56 и с 72 по 75 сек можно наблюдать процесс раскопок на стояночном комплексе Ошурково, непосредственно у автомобильной трассы (рис. 2);

– отрезок 56-72 сек демонстрирует обсуждение раскопанного материала в составе А.П.Окладникова, Д.Г. Бажеева и М.И. Рижского (персоналии указаны в аннотации к киножурналу);

– с 75 по 88 сек представлены кадры раскопок палеонтологического материала на Тологойском местонахождении (череп винторогой антилопы зачищает Е.А. Сазонова);

– 88-98 сек – показательная зачистка черепа ископаемого бизона А.П. Окладниковым;

– в заключение идут кадры, отснятые в отделе природы Иркутского областного краеведческого музея (демонстрируются череп бизона, статуэтки носорога и мамонта, фрагменты картины, изображающей палеолитических охотников).

Важность этого документа для палеолитоведения Бурятии неоднозначна. Помимо простого автобиографического интереса к отдельным персоналиям этого видеоматериала необходимо отметить и другие аспекты. Прежде всего, интересен данный этап деятельности А.П. Окладникова. Свои работы в Забайкалье он начинал еще до Отечественной войны. Они были связаны с исследованием долины Селенги, и в частности с погребальными комплексами неолита – бронзового века Фофановского могильника [Константинов, 1992]. Поиски забайкальских палеолитических памятников во многом были связаны с работами в Монголии. Вот что пишет И.А. Ефремов о встрече с Окладниковым в своей научно-популярной книге «Дорога ветров»: «Прозоровский, Рождественский и я оставались в Улан-Баторе. Кинооператор проявлял свои пленки, а мы с Рождественским тосковали по Гоби и возились с отчетностью, которую Академия наук из года в год усложняла. Машины вернулись одиннадцатого августа (1949 года – *А.К.*), и мы собрались в отъезд. Неожиданно к нам

прибыл крупный советский археолог – профессор А.П. Окладников. Ученый был приглашен Монгольским комитетом наук для консультации по изучению каменного века – эпохи, по которой Окладников был ведущим специалистом. Наибольшее количество кремневых орудий каменного века встречалось в Гоби, и Окладников обратился к нам, уже считавшимся знатоками тамошних мест. Мы с Рождественским показали профессору кое-что из наших коллекций кремневых орудий, а когда я рассказал о найденной нами недалеко от впадины Оши «мастерской», Окладников пришел в восторг. Еще молодой (40 лет, ровесник И.А. Ефремова – *А.К.*) и необычайно живой, профессор нам понравился. Мы предложили ему ехать с нашей автоколонной до Южногобийского аймака, взявшись показать оттуда дорогу к важнейшим местам находок кремневых орудий. Окладников с радостью принял предложение». Таким образом, свои работы в Бурятии (Бурят-Монголии) А.П. успешно сочетал с монгольскими экспедициями, и в 1950 году было обнаружено Тологойское местонахождение (Окладников, 1975: рис. 1).

Для М.И. Рижского 1952 год явился началом его долголетнего сотрудничества с А.П. Более десяти лет работы в Читинском пединституте для него были связаны с археологическими экспедициями [Малая энциклопедия …, 2011]. Е.А. Сазонова, связавшая свою судьбу с археологией Бурятии [Хамзина, 1998] впоследствии инициировала поиски этого материала. Даниил Гаврилович Бажеев, директор Краеведческого музея БМ АССР, немало способствовал развитию археологической науки [Курас, 2007], в том числе и своим непосредственным участием в работах.

Второй аспект связан непосредственно с характеристикой объектов. На имеющихся кадрах кинохроники выявляются некоторые моменты стратиграфии Ошурковской стоянки. По всей видимости, фиксация литологических горизонтов производилась по тыловой стенке, самой высокой. Можно различить выделение слоев очерченными линиями и обозначения уровней «II», «/5». Хорошо прослеживаются темные и светлые горизонты по зачищенной стенке, что характеризует присутствие палеопочвенных прослоев в субаэральной (устойчивая стенка, в отличие от сыпучей аллювиальной) пачке отложений. Также хорошо видно наличие глыбового материала при расчистке слоев. Все эти частности возможно связать с поздним описанием объекта с целью уточнения его характеристики.

Для Тологойского местонахождения важны следующие моменты. Это прежде всего выявление точного места дислокации первых раскопок. Также необходимо отметить, что были найдены верхнечелюстные зубы носорога в анатомическом порядке, возможно в сочленении с челюстными костями, которые были использованы при описании тологойского носорога Е.И. Беляевой. Несмотря на достоверный факт полевой фиксации клеевым (?) раствором этой челюсти (рис. 3), в описании зубы названы отдельными [Вангенгейм и др., 1966, стр. 98]. Нельзя пройти мимо кадров расчистки черепа винторогой антилопы, впоследствии он появлялся и в специальных публикациях, и на страницах обложек. Важным моментом для А.П. являлся факт привязки известного черепа антилопы со срезан-

ным роговым стержнем из южной Бурятии к данной находке и корреляция Тологойской фауны со средним плейстоценом Китая [Окладников, 1959]. В целом показательна археологическая фотофиксация моментов раскопок палеонтологического материала. Имеющиеся опубликованные фотографии непосредственно материала в выработках принадлежат в основном А.П. Окладникову [см. Соколов, 1961, Вангенгейм и др., 1966]. Впоследствии лишь А.Г. Покатилов на этом объекте выполнял фотосъемку таких моментов [Покатилов, 2004].

Интересна дальнейшая судьба открытых А.П. Окладниковым местонахождений. Первые сведения о результатах раскопок касались палеонтологических материалов, и были опубликованы в МИА [Бибикова и др., 1953]. Наиболее интересным оказалось местонахождение Тологой. Количество палеонтологического материала оказалось настолько велико и своеобразно, что в первые десятилетия после открытия была опубликована серия работ по новым формам млекопитающих [Хабаева, 1958, Вангенгейм и др., 1966, Ербаева, 1966, Ербаева, Покатилов, 1966, Иваньев, 1966, Покатилов, 1966, Межерин, Покатилов, 1969]. Целенаправленные работы на местонахождении с 1953 года были продолжены научным сотрудником Восточно-Сибирского геологического института СО АН СССР (в дальнейшем Института земной коры) Л.Н. Иваньевым [Егоров, Иваньев, 1956, Верещагин и др., 1960], который выявил здесь также и плиоценовый комплекс ископаемой фауны. Многие специалисты местных и центральных научных учреждений обращались и обращаются к изучению этого местонахождения. В дальнейшем данные по этим объектам вошли в обобщающие геологические и палеонтологические работы [Базаров, 1968, Ербаева, 1970, Равский, 1972, Вангенгейм, 1977, Калмыков, 1990, Покатилов, 2004]. Всего на тологойских материалах было описано 13 новых таксонов в основном мелких млекопитающих (некоторые из них требуют ревизии). К сожалению до сих пор не опубликованы многие материалы по хищным и копытным млекопитающим, раскопанные здесь Л.Н. Иваньевым.

Ошурковкая стоянка является важным стратифицированным комплексом забайкальского палеолита. Благодаря пристальному изучению фауны здесь впервые для каменного века Забайкалья было указано присутствие дзерена и толая [Верещагин, 1954]. В дальнейшем были опубликованы археологические материалы и геологические условия этой стоянки [Окладников, 1959, Окладников, Флоренсов, 1961, Равский, 1972, Цейтлин, 1979, Базаров и др., 1982, Константинов, 1994]. Полученные радиоуглеродные датировки предоставляют широкие возможности интерпретации раскопанного материала.

Заключение

Проанализированный архивный документ является важным источником информации по истории палеолитоведения Бурятии. При более тщательном подходе специалиста-археолога он может предоставить и другие сведения, не затронутые в настоящей работе. Необходимо рекомендовать представленную кинохронику Восточно-Сибирской киностудии к приобретению специализированными

археологическими и палеонтологическими учреждениями с правом публичной трансляции для широкого круга зрителей.

Литература

Базаров Д.Б. Четвертичные отложения и основные этапы развития рельефа Селенгинского среднегорья. – Улан-Удэ: БКИ, 1968. – 166 с.

Базаров Д.-Д. Б., Константинов М.В., Иметхенов А.Б., Базарова Л.Д., Савинова В.В. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1982. – 164 с.

Бибикова В.И., Верещагин Н.К., Гарутт В.Е., Юрьев К.Б. Новые материалы по четвертичной фауне Забайкалья // Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 39. – М., Изд-во АН СССР, 1953. – С. 463-475.

Вангенгейм Э.А. Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогена Северной Азии (по млекопитающим). – М.: Наука, 1977. – 172 с.

Вангенгейм Э.А., Беляева Е.И., Гарутт В.Е., Дмитриева Е.Л., Зажигин В.С. Млекопитающие эоплейстоцена Западного Забайкалья. – М.: Наука, 1966. – 164 с.

Верещагин Н.К. Байкальский як (*Poephagus baicalensis* N. Ver. sp. nova) из плейстоценовой фауны Восточной Сибири // ДАН СССР. – 1954 (99). – № 3. – С. 450-455.

Верещагин Н.К., Иваньев Л.Н., Кузнецов М.Ф. К истории фауны млекопитающих и стратиграфии кайнозойских отложений Западного Забайкалья // Тр. БКНИИ СО АН СССР. – 1960. – вып. 2. – С. 51-66.

Евгения Алексеевна Хамзина: библиография научных трудов и каталог музейной коллекции. К 70-летию со дня рождения / Сост. Л.В. Лбова, В.И. Ташак. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. – 40 с.

Егоров А.Г., Иваньев Л.Н. Ископаемый осетр Забайкалья // Природа. – 1956. – № 3-4.

Ербаева М.А. Новые данные для биостратиграфии антропогеновых отложений Западного Забайкалья // Бюллетень КпИЧП. – 1966. – № 31. – С. 91-103.

Ербаева М.А. История антропогеновой фауны зайцеобразных и грызунов Селенгинского среднегорья. – М.: Наука, 1970. – 132 с.

Ербаева М.А., Покатилов А.Г. Новый вид эоплейстоценового суслика из Тологоя (Западное Забайкалье) // Палеонтологический журнал. – 1966. – № 1. – С. 162-164.

Ефремов И.А. Дорога ветров. – М.: ГУПИ, 1958. – 360 с.

Иваньев Л.Н. Новый вид ископаемого сурка (тарбагана) из третичных отложений Западного Забайкалья // Известия ВСО ГО СССР. – 1966. – т. 65. – С. 173-175.

Калмыков Н.П. Фауна крупных млекопитающих плейстоцена Прибайкалья и Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1990б. – 116 с.

Константинов М.В. Исследователи древнего Забайкалья. – Чита: Изд-во ЧПИ, 1992. – 52 с.

Константинов М.В. Каменный век Восточного региона Байкальской Азии. – Чита; Улан-Удэ, 1994. – 266 с.

Курас Л.В. Даниил Гаврилович Бажеев (1907-1981) // Иркутский историко-экономический ежегодник. – 2007. – С. 408-410.

Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. –Новосибирск: Наука, 2011. – 368 с.

Межерин В.О., Покатилов А.Г. Новые виды эоплейстоценовых насекомоядных рода *Sorex* из Западного Забайкалья // Стратиграфия УССР. – Т. XI. – Киев, 1969.

Окладников А.П. Палеолит Забайкалья. Общий очерк // Археологический сборник. – Улан-Удэ: БКНИИ, 1959. – Вып. 1. – С. 5-25.

Окладников А.П. Древнее Забайкалье (культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2. Забайкалье. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 6-20.

Окладников А.П., Флоренсов Н.А. Новые данные по палеолиту и четвертичной геологии Забайкалья (находки на г. Тологой и у д. Ошурково) // Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. – Т. 1. –М.: 1961. – С. 472-478.

Покатилов А.Г. Комплексы мелких млекопитающих плиоценовых и четвертичных отложений Забайкалья // Геология и геофизика. – 1966. – № 8. – С. 65-73.

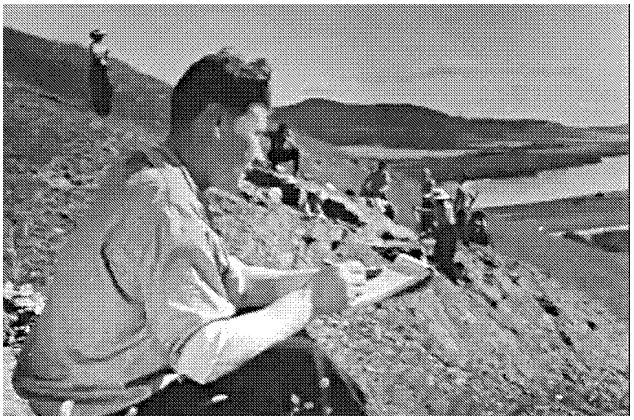
Покатилов А.Г. Палеонтология и стратиграфия кайнозоя юга Восточной Сибири и сопредельных территорий. – Иркутск: ИрГТУ, 2004. – 275 с.

Равский Э.И. Осадконакопление и климаты Внутренней Азии в антропогене. – М.: Наука, 1972. – 336 с.

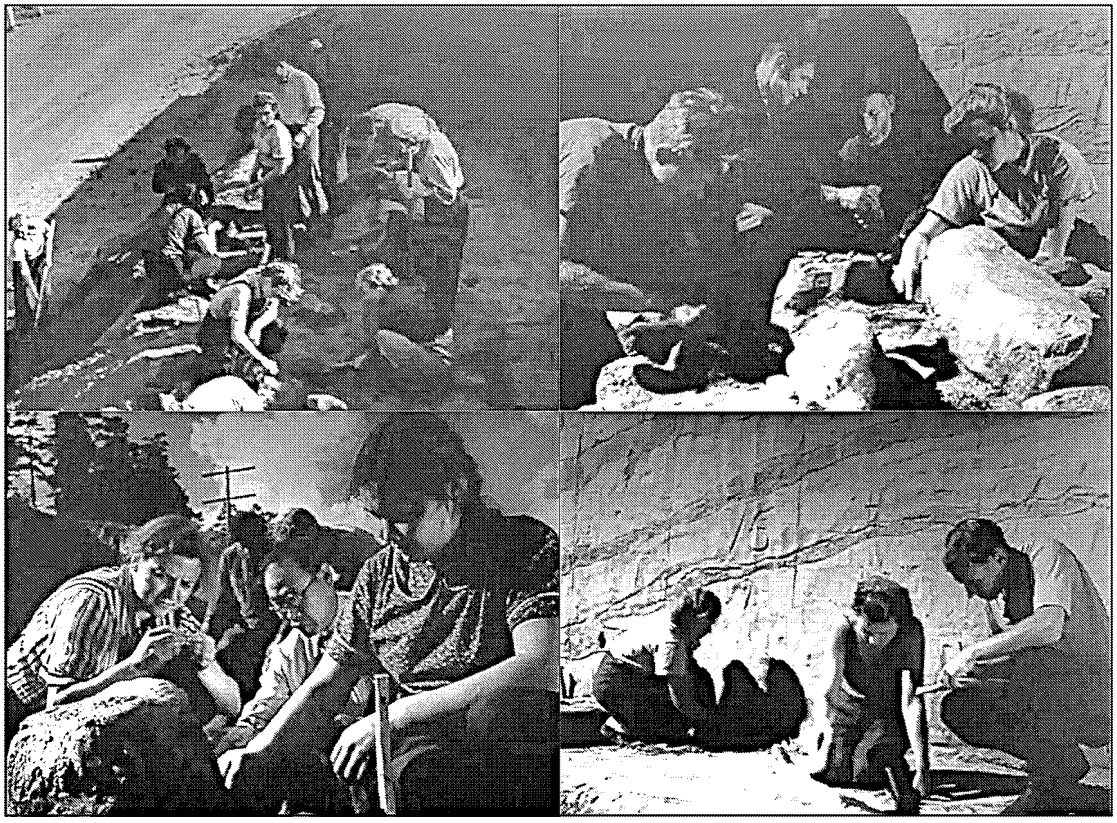
Соколов И.И. Винторогие антилопы рода *Spirocerus* Boule et Teilhard de Chardin // Труды ЗИН АН СССР. – 1961. – Т. XXIX. – С. 156-182.

Цейтлин С.М. Геология палеолита Северной Азии. – М.: Наука, 1979. – 284 с.

Хабаева Г.М. Ископаемая пищуха (Lagomorpha, Ochotonidae) из Забайкалья // Краевед. сб. Бурят.-Монг. фил. ГО СССР. – Улан-Удэ: 1958. – Вып 2. – С. 108-115.

Начало раскопок 1952 года на Тологойском местонахождении.
На переднем плане А.П. Окладников ведет записи

Кадры кинохроники, отражающие процесс раскопок на Ошурковской стоянке в 1952 г.

Расчистка и фиксация челюстных костей носорога на Тологойском местонахождении

К.А. Колобова[19], А.И. Кривошапкин[20]

КАРЕНОИДНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЯХ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Согласно устоявшимся представлениям юго-восточной границей распространения кареноидных изделий являлась территория южной части Афгано-Таджикской депрессии. Материалы, полученные в ходе новейших исследований в западной части Центральной Азии позволяют переместить эту границу вплоть до северо-западной окраины Высокой Азии. На означенной территории свидетельства кареноидной технологии наиболее типичны для комплексов кульбулакской культуры. В процессе своего развития (от 35-30 тыс.л.н. до 20 тыс. л.н.) данная культура прошла несколько этапов, связанных с появлением (в уже полностью сложившемся виде), расцветом и замещением кареноидной технологии, реализовывавшейся в рамках одной основной технологической схемы.

Ключевые слова: верхний палеолит, западная часть Центральной Азии, кареноидная технология.

K.A. Kolobova, A.I. Krivoshapkin

Carinated technology in western central asia paleolithic industries

According to long-held beliefs a southeastern boundary of the carinated technology was a territory of Southern Afghan-Tajik depression. New data obtained during the latest research in the western part of Central Asia allows moving the boundary to the north-western border of High Asia. In this area a carinated technology is the most typical for Kulbulakian industries. In Kulbulakian culture (35 – 20 ka BP. uncal.) several stages were identified. Those stages are associated with the appearance (in developed form), wide distribution and replacement of carinated technology.

Keywords: Upper Paleolithic, Western Central Asia, carinated technology.

Кареноидная технология, нацеленная на производство пластинок с непрямым профилем, традиционно ассоциируется с верхнепалеолитическими и эпипалеолитическими индустриями Европы, Ближнего и Среднего Востока.

В действительности кареноидные изделия имеют достаточно широкое распространение на территории Евразии: они фиксируются в Западной и Восточной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, на Кавказе, на Русской Равнине [Belfer-Cohen A., Bar-Yosef, 1999; Demidenko, Otte, 2001-2002; Le Brun-Ricalens, 2005; Noiret, 2005; Golovanova, Dronichev, 2012]. Северо-восточной границей распространения данных предметов до недавнего времени считался Горный Алтай [Деревянко, 2001]. Однако единичные кареноидные предметы отмечены и в комплексах

[19] КОЛОБОВА Ксения Анатольевна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии каменного века ИАЭТ СО РАН, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, E-mail: kolobovak@yandex.ru;

[20] КРИВОШАПКИН Андрей Иннокентьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии каменного века ИАЭТ СО РАН, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, заведующий кафедрой археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, ведущий научный сотрудник лаборатории «Геоархеология и палеоэкология человека» Новосибирского государственного университета E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

Дербинского залива Красноярского водохранилища (Восточная Сибирь) [Харевич, Акимова, Стасюк, 2010]. Юго-восточной границей распространения вплоть до недавнего времени являлась территория южной части Афгано-Таджикской депрессии [Davis, 2004]. Результаты археологических работ последнего десятилетия в предгорьях Западного Памиро-Тянь-Шаня (рис. 1) позволяют переместить эту границу вплоть до северо-западной окраины Высокой Азии.

Прежде всего, необходимо определится с подходом к определению и интерпретации кареноидных изделий. Артефакты данного морфологического облика в рассматриваемых индустриях западной части Центральной Азии интерпретируются нами как нуклеусы по следующим причинам. 1) В коллекциях культурных слоев изучаемых верхнепалеолитических стоянок было обнаружено большое количество мелких пластинчатых заготовок с непрямым профилем, многие из которых использовались в качестве орудийных основ. Происхождение данных сколов в комплексах связано в значительной степени с расщеплением кареноидных изделий. 2) Проведенные трасологические исследования показали отсутствие следов использования в качестве орудий на проанализированных кареноидных изделиях со стоянок Кульбулак и Додекатым-2 [Колобова, 2014]. 3) В русскоязычной специальной литературе отсутствует устоявшаяся традиция определения кареноидных предметов в качестве орудий (в отличие от франкоязычной и англоязычной научных школ), что позволяет определять эти предметы как нуклеусы без замещения терминов.

Подобный подход аналогичен позиции ряда исследователей, рассматривающих кареноидные изделия в рамках технологического аспекта [Bordes, 2006; Teyssandier, Bon, Bordes, 2010]. По нашему мнению, в тех случаях, когда фиксируются макропризнаки, по которым можно определить использование предмета кареноидной технологии в качестве орудия, нет никаких препятствий включать его в орудийный набор изучаемой коллекции, тем самым сохраняя всю фиксируемую типологическую вариабельность каменной индустрии. Это согласуется с мнением Г. Лукаса, согласно которому кареноидные изделия в большинстве своем являются нуклеусами, что, не исключает их конечной утилизации в качестве орудий [2006]. Конечно, необходимо учитывать и дополнительные факторы, сопутствующие кареноидной технологии, а именно наличие в коллекциях пластинок с непрямым профилем и орудий на них [Goring-Morris, 1980].

Кареноидные нуклеусы в нашем понимании обладают следующими характеристиками:

1. принцип расщепления – объемный (рис. 2);

2. фронт ядрища изогнут в профиле, придавая килевидный облик всему изделию;

3. зона ударной площадки, с которой происходила реализация целевых снятий, образует в плане четко выраженную плавную дугу;

4. ядрища предназначены исключительно для получения мелких пластинчатых заготовок (шириной до 12 мм включительно).

Кареноидная технология не является одновариантной, а включает ряд отдельных разновидностей (схем расщепления), в той или иной мере свойственных различным географическим и культурным ареалам [Le Brun-Ricalens, 2005]. Варианты расщепления кареноидных нуклеусов, свойственные верхнепалеолитическим комплексам западной части Центральной Азии, описываются ниже.

В качестве заготовок для кареноидных нуклеусов используются как отдельности сырья, так и сколы различной морфологии, обычно массивные в поперечном сечении.

Если нуклеус, удовлетворяющий перечисленным условиям, изготовлен на отдельности сырья, то он определяется как *простой* кареноидный.

Если ядрище изготовлено на сколе, и фронт расщепления располагается между вентральной и дорсальной плоскостями изделия, а в роли площадки выступает его вентральная (в редких случаях дорсальная) поверхность, то оно определяется как кареноидное *поперечной ориентации* на сколе (рис. 3, *а*). Ядрища с такими характеристиками типологически наиболее близки кареноидным (нуклевидным) скребкам, которые широко выделяются в западноевропейских и ближневосточных комплексах.

Если фронт расщепления ядрища, изготовленного на сколе, ориентирован таким образом, что ударной площадкой служила одна из продольных или поперечных граней скола, а в процессе утилизации выбирался полезный объем ядрища относительно параллельно вентральной и дорсальной плоскостям заготовки, то оно определяется как кареноидный нуклеус *продольной ориентации* на сколе (рис. 3, *б, в*). Данную категорию нуклеусов отличает ограниченность ширины фронта толщиной заготовки, поэтому выраженность дуги ударной площадки может быть не столь явной. Этим кареноидным изделиям наиболее близки кареноидные резцы европейской и ближневосточной классификаций.

В результате изучения новых (Додекатым-2, Кызыл-Алма-2) и ранее известных ключевых (Кульбулак, Шугноу) верхнепалеолитических объектов западной части Центральной Азии была определена их принадлежность к кульбулакской верхнепалеолитической культуре, которая демонстрирует развитие в регионе мелкопластинчатой техники с самобытным микролитическим комплексом, включающим изделия с притупленной спинкой и треугольные микролиты. При этом кареноидная технология является наиболее яркой и типичной для кульбулакской культуры. В процессе своего развития кульбулакская культура прошла несколько этапов развития, связанные с появлением, становлением, расцветом и замещением кареноидной технологии для изготовления пластинок с непрямым профилем.

Общее количество и типологический состав кареноидных нуклеусов в индустриях исследуемых памятников представлены в таблице 1. Среди кареноидных ядрищ выделено три типа: простые (на отдельностях сырья), поперечной ориентации на сколах, типологически аналогичные кареноидным скребкам, и ядрища продольной ориентации на сколах, типологически близкие кареноидным резцам типа «вашон» [Dinnis, 2008]. В зависимости от количества зафиксированных на

ядрищах фронтов расщепления были выделены вариации этих типов. Важно отметить, что кроме перечисленных наименований ни в одном комплексе не было зафиксировано ни одного кареноидного предмета другого облика.

Таблица 1.

Общий состав кареноидных нуклеусов в верхнепалеолитических индустриях Западного Памиро-Тянь-Шаня

Комплексы кульбулакской культуры	Кареноидные нуклеусы на отдельностях сырья	Кареноидные нуклеусы на сколах поперечной ориентации	Кареноидные нуклеусы на сколах продольной ориентации	Всего кареноидных нуклеусов	Доля кареноидного расщепления в индустриях
Кульбулак сл. 2.1	38	19	7	62	19,0%
Кульбулак сл. 2.2	0	1	1	2	2,7%
Шугноу сл. 1	17	8	3	28	40,5%
Шугноу сл. 2-3	4	3	0	7	12,2%
Додекатым-2 сл.5	3	4	0	7	53,8%
Додекатым-2 сл.4	4	0	0	4	21,0%
Додекатым-2 сл.2	4	0	0	4	18,2%
Кызыл-Алма-2	1	1	1	3	7,8%

На основе проведенного атрибутивного анализа кареноидных изделий удалось восстановить основные этапы утилизации нуклеусов данной типологической принадлежности. Результаты наблюдений, показали, что кареноидные нуклеусы всех типов в исследуемых индустриях принадлежат к одной технологической схеме. Различия в их морфологии в большой степени продиктованы типом выбранной для расщепления заготовки. Также от типа и формы заготовки зависело применение определенных типов подправок, но в основной своей массе подправки идентичны для ядрищ на разных заготовках. Ограниченное количество вариантов нуклеусов и их подправок в комплексах свидетельствует как о технологическом единстве изученных ансамблей, так и о том, что единая кареноидная технология в рассматриваемых комплексах предстает перед нами в уже сложившемся виде с устоявшимися техническими приемами.

Выделение предметов кареноидной морфологии (наряду с другими технико-типологическими характеристиками индустрий) позволяет связывать эволюцию комплексов кульбулакской культуры на территории западной части Центральной Азии с развитием верхнепалеолитических ассамбляжей Ближнего и Среднего Востока.

Ареал распространения кареноидных предметов в западной части Центральной Азии не ограничивается комплексами кульбулакской культуры. Такие изделия были отмечены практически во всех верхнепалеолитических комплексах рассматриваемой территории.

Так, в комплексах Самаркандской стоянки (Узбекистан) была зафиксирована выразительная группа «скребков высокой формы» [Коробкова, Джуракулов, 2000], аналогичных по своему облику кареноидным нуклеусам. В двух комплексах стоянки Харкуш (Таджикистан) также были обнаружены кареноидные изделия, при

этом отмечено, что их количество возрастает снизу вверх по разрезу [Филимонова, 2007], что соотносится с тенденциями развития каменного инвентаря в рамках кульбулакской культуры. В комплексах стоянки им. Ч. Валиханова и Майбулак (Казахстан) Ж.К. Таймагамбетовым и Д.В. Ожерельевым были выделены немногочисленные, но выразительные серии кареноидных нуклеусов [2008].

В индустриях раннего этапа мезолита Памиро-Алая (Туткаул, слой 3, Оби-Киик) также фиксируется кареноидная технология для производства пластинок. При этом отмечается ее отсутствие в последующих позднеголоценовых комплексах (Туткаул, слой 2) [Шнайдер, 2014]

Проведенные корреляции внутри исследуемого региона позволяют сделать вывод, что в западной части Центральной Азии в начале и на среднем этапе верхнего палеолита существовал единый тренд развития, выраженный в распространении мелкопластинчатых индустрий с присутствием кареноидных технологий [Колобова, 2014].

Таким образом, если до недавнего времени юго-восточным форпостом распространения кареноидных изделий считалась южная часть Афгано-Таджикской депрессии (стоянка Кара-Камар, Афганистан) [Davis, 2004], то в настоящий момент данная граница переместилась на северо-западную окраину Высокой Азии (рис. 1). Стоит отметить, что на сопредельных территориях к северу и к востоку от изучаемого ареала присутствие кареноидных предметов в комплексах каменного века не фиксируется.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проект № 13-06-12039 офи_м и проект № 15-36-20820 мол_а_вед.

Литература

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3 (7). – С. 70–103.

Колобова К.А. Верхний палеолит западного Памиро-Тянь-Шаня: автореф. дис. … докт. ист. наук. – Новосибирск, 2014. – 38 с.

Коробкова Г.Ф., Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка как эталон верхнего палеолита Средней Азии (специфика техники расщепления и хозяйственно-производственной деятельности) // Stratum plus. – 2000. – Вып. 1. – С. 385–462.

Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В. Изучение стратифицированной стоянки Майбулак в Жэтысу (Юго-восточный Казахстан в 2004-2007 гг) // Miras. – 2008. – № 1(29). – С. 70-85.

Филимонова Т.Г. Верхний палеолит и мезолит Афгано-Таджикской депрессии: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Душанбе, 2007. – 28 с.

Харевич В.М., Акимова Е.В., Стасюк И.В. Каменная индустрия верхнепалеолитического местонахождения Дербина V // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология. – 2010. – Т. 8. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 74–97.

Шнайдер С.В. Каменная индустрия мезолитической стоянки Оби-Киик (Таджикистан) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 108–117.

Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O. The Levantine Aurignation: 60 years of research // Dorothy Garrod and the Progress of the Paleolithic. Studies of Prehistoric Archeology of the Near East of Europe. – Oxword: Oxbow Books, 1999. – P. 118–134.

Bordes J.-G. News from the West: a reevaluation of the classical Aurignacian sequence of the Périgord // Towards a Definition of the Aurignacian. – Lisboa: Instituto Portugés de Arqueologia, 2006. – P. 147-172.

Davis R. Kara Kamar in Northern Afghanistan: aurignacian, aurignacoid, or just plain upper Paleolithic? // Археология и палеоэкология Евразии. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – С. 211–217.

Demidenko Y.E., Otte M. Siuren-I (Crimea) in the context of an European Aurignacian // Préhistoire européenne, 2001-2002. – Vol. 16-17. – P. 133-146.

Dinnis R. On the technology of Late Aurignacian burin and scraper production, and the importance of the Paviland lithic assemblage and the Paviland burin // Lithics: The Journal of the Lithic Studies Society, 2008. – Vol. 29. – P. 18–35.

Golovanova L., Dronichev V. The Early Upper Paleolithic of the Cacasus in the West Eurasian Context // The Aurignation of Yaftech cave and its context (2005-2008 excavation). – Liege: ERAUL, 2012. – P. 137–160.

Goring-Morris A.N. Upper Palaeolithic Sites from Wadi Fazael, Lower Jordan Valley // Paleorient. – Vol. 6. – 1980. – P. 173-191.

Le Brun-Ricalens F. Chronique d'une reconnaissance attendee. Outils «carénés», outils «nucléiformes»: nukléus à lamelles. Bilan aprés un siécle de recherches typologiques, technologues et tracéologies. // Productons lamellaires attribuées à l'Aurignacien. – Luxembourg: Musée national d' histoire d'art, 2005. – P. 19–75.

Lucas G. Re-evaluation of the principal criteria of the Aurignacian: the example from Grotte XVI (Cénac-et-Saint-Julien, Dordogne) // Towards a Definition of the Aurignacian. – Lisboa: Instituto Portugés de Arqueologia, 2006. – P. 173–187.

Noiret P. The Aurignacian in Eastern Europe // Anatolia. – Vol. 29. – 2005. -P. 39-56.

Teyssandier N., Bon F., Bordes, J.-G. Within projectile range. Some thoughts on the appearance of the Aurignacian in Europe // Journal of Anthropological Research, 2010. – 66. – P. 209-229.

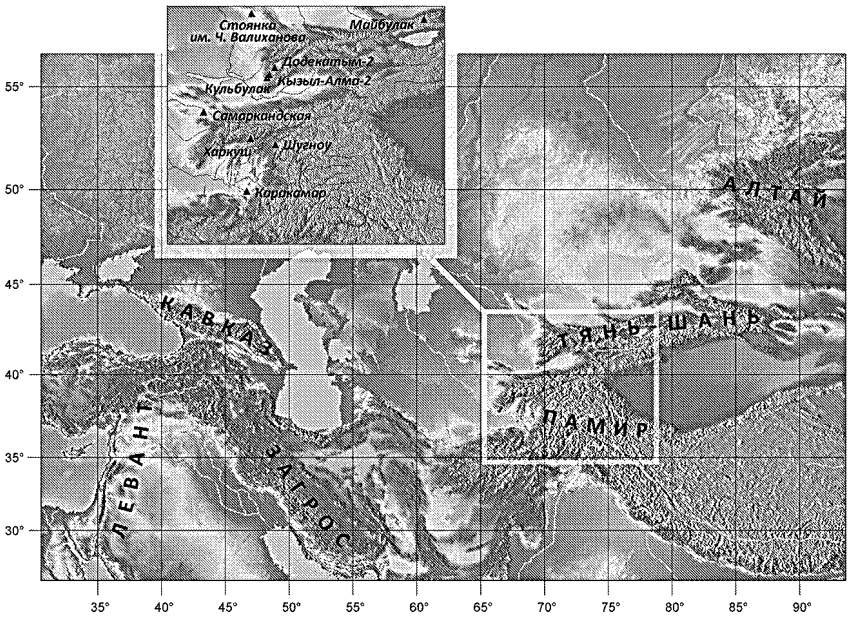

Рис. 1. Карта расположения верхнепалеолитических памятников Памиро-Тянь-Шаня, в индустриях которых зафиксированы кареноидные изделия.

Fig. 1. Map showing the location of Upper Paleolithic sites with carinated pieces in the Pamir–Tien Shan region.

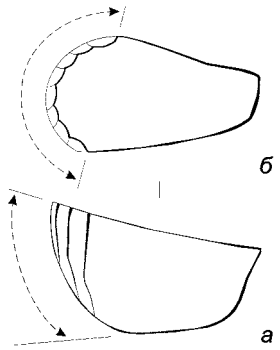

Рис. 2 Характеристики кареноидных нуклеусов: а – изогнутость фронта расщепления в профиль; б – снятия пластинок в плане формируют дугу.

Fig. 2. Characteristics of carinated cores: a – curved flaking surface in profile; б – bladelet removals create arc.

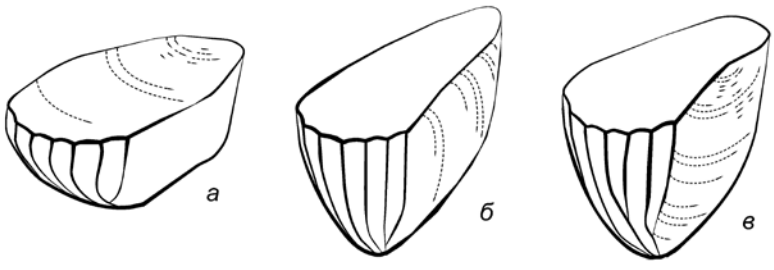

Рис. 3 Кареноидные нуклеусы на сколах: а – кареноидный нуклеус на сколе поперечной ориентации; б, в – кареноидные нуклеусы на сколах продольной ориентации.

Fig. 3. Carinated cores on blanks: a – transversal carinated core on blank; б, в – longitudinal carinated cores on blanks.

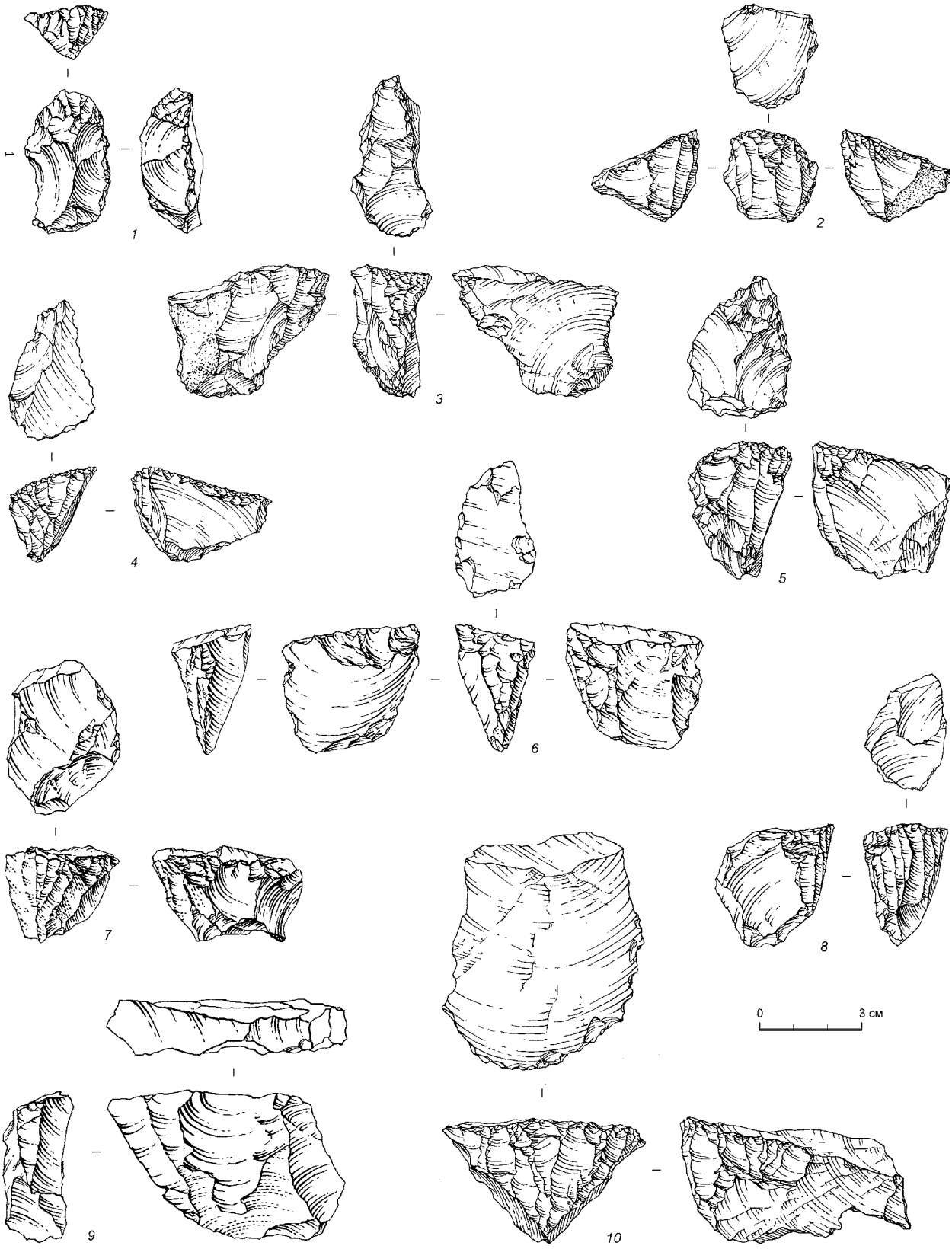

Fig. 4. Carinated cores from Kulbulakian industries.

А.И. Кривошапкин[21], К.К. Павленок[22]

ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ КОМПЛЕКСОВ ОБИРАХМАТСКОЙ ТРАДИЦИИ В КАМЕННОМ ВЕКЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В данной работе авторами анализируются материалы опорных памятников обирахматской традиции (грот Оби-Рахмат, стоянка Худжи, слой 23 стоянки Кульбулак), во многом определяющий характер развития индустрий западной части Центральной Азии на протяжении почти половины верхнего плейстоцена. В результате исследования авторами была предложена интерпретационная модель, согласно которой технико-типологическая вариабельность комплексов объясняется в первую очередь их позицией на хронологической шкале. На этом основании была предложена схема членения обирахматской традиции на три последовательных этапа. Это позволило четко определить статус данной традиции. В частности, был предложен набор аргументов для ее рассмотрения в качестве отдельного культурного явления, демонстрирующего полный набор признаков «переходной» индустрии, но при этом не претендующего на роль связующего звена между верхнепалеолитической культурой региона и комплексами предшествующих этапов каменного века.

Ключевые слова: переходные от среднего к верхнему палеолиту индустрии, западная часть Центральной Азии, технологическая вариабельность.

A.I. Krivoshapkin, K.K. Pavlenok

VARIABILITY OF OBIRAKHMATIEN ASSEMBLAGES IN PALEOLITHIC OF CENTRAL ASIA

As a result of detailed investigation of Obirakhmatien sites (Obi-Rakhmat grotto, Huji site, and layer 23 of Kulbulak site) the nature of the cultural development in western part of Central Asia during the second half of the Upper Pleistocene was determined. According to proposed interpretative model the techno-typological variability of regional complexes is primarily explained in terms of their position on the chronological scale. This made it possible to clearly define the cultural status of Obirakhmatien tradition. In particular, it is argued to describe this tradition as a separate cultural phenomenon demonstrating the full feature set of «transitional» industry, but it does not pretend to be a direct link (or a bridge) between the Middle and Upper Paleolithic cultures of the region in a sense of predecessor/descendant model.

Keywords: transitional industries, Western Central Asia, technological variability.

На настоящий момент большинство специалистов сходятся во мнении, что начало среднего палеолита в западной части Центральной Азии приходится на

[21] КРИВОШАПКИН Андрей Иннокентьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии каменного века ИАЭТ СО РАН, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, заведующий кафедрой археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, ведущий научный сотрудник лаборатории «Геоархеология и палеоэкология человека» Новосибирского государственного университета E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

[22] ПАВЛЕНОК Константин Константинович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии каменного века ИАЭТ СО РАН, научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, научный сотрудник лаборатории «Геоархеология и палеоэкология человека» Новосибирского государственного университета. E-mail: pavlenok-k@yandex.ru.

хронологический отрезок 100 – 130 тыс. л.н., хотя некоторые исследователи склонны относить его к началу КИС 7 (200-240 тыс. л.н.) [Ранов, Каримова, 2006].

Согласно имеющимся данным, индустрии среднего палеолита не связаны своим происхождением с ранним палеолитом этой территории, поскольку ни галечная каратауская культура горных районов Таджикистана, ни морфологически архаичные индустрии с бифасами Красноводского плато (Туркмения) не демонстрируют использования развитых приемов камнеобработки («техника подготовленного нуклеуса») [Там же; Деревянко, 2011]. Более вероятным признается появление подобного рода индустрий в результате культурной интервенции из-за пределов региона, но и эта точка зрения не может быть принята окончательно.

Исследователи советского периода (В.А. Ранов, Р.Х. Сулейманов, М.Р. Касымов и др.) были склонны выделять в региональном среднем палеолите несколько отдельных фаций. Наиболее известна схема В.А. Ранова и Р. Девиса [1999], которые подразделили средний палеолит региона на 4 крупные фации: леваллуа (стоянки Ходжакент, Оби-Рахмат, Джар-Кутан), леваллуа-мустье (Кайрак-Кумы, Капчигай, Тосор), типичное (горное) мустье (стоянки Тешик-Таш, Семиганч, Огзи-Кичик) и мустье соанской традиции (стоянки Кара-Бура, Кухи-Пиез, Ак-Джар). Позднее В.А. Рановым было признано существование отдельной фации зубчатого мустье (стоянки Кульбулак, Бозсу 1-4), а стоянки леваллуа и леваллуа-мустье были объединены в единую леваллуа-мустьерскую группу [Ранов, Каримова, 2006].

Л.Б. Вишняцкий в своих работах второй половины 1990-х годов [1996, 1999] предложил объединить все индустрии среднего палеолита запада Центральной Азии в одну категорию – «мустье типичное». Но при этом исследователь отмечал своеобразие Оби-Рахмата и близких ему индустрий, для которых характерно серийное производство относительно регулярных удлиненных заготовок (пластин и остроконечников).

На современном этапе исследований [Кривошапкин, 2012] было предложено отказаться от фациального деления среднего палеолита, сохранив его подразделение на две линии развития: мустьерскую и пластинчатую. В последнюю включены наиболее репрезентативные комплексы, ранее входящие в леваллуа-мустьерскую фацию. Это грот Оби-Рахмат (Чарвакская впадина, Узбекистан) и стоянка Худжи (Гиссарский хребет, Таджикистан). Каменные индустрии этих объектов были объединены в обирахматскую культурную традицию, которая легла в основу региональной модели перехода к верхнему палеолиту. К ней же были отнесены и новые материалы из слоя 23 стоянки Кульбулак (бассейн р. Ахангаран, Узбекистан), полученные в ходе раскопок 2007-2010 гг. [Кривошапкин и др., 2010]. Схожая направленность расщепления, в менее яркой форме, но достаточно хорошо прослеживается и на многих других местонахождениях ре-

гиона: Ходжакент I и II, Капчигай, Джаркутан, Тосор [Деревянко, Кривошапкин, 2001; Деревянко, 2011].

Таким образом, независимо от автора схемы членения среднепалеолитических индустрий региона [Devis, Ranov, 1999; Вишняцкий 1996, 1999; Ранов, Каримова, 2006; Кривошапкин 2012], и критериев, положенных в его основу, общепризнанным является своеобразие памятников обирахматской (ранее «леваллуа-мустьерской») группы. Однако, несмотря на генеральное сходство индустрий входящих в нее памятников, они существенно разнятся по ряду значимых технико-типологических признаков. В сложившейся ситуации была поставлена задача выявления специфики означенной группировки и интерпретация вариабельности включенных в нее комплексов.

Для достижения этой цели были проанализированы коллекции значимых категорий артефактов грота Оби-Рахмат (более 50 тыс. артефактов), стоянки Худжи (8178 экз.) и слоя 23 стоянки Кульбулак (4997 экз.). В ходе анализа археологических коллекций и опубликованных источников было установлено следующее:

– для данной традиции характерно плавное развитие на протяжении более чем 40 тыс. лет: ее специфика заключается в сочетании средне- и верхнепалеолитических черт, как в первичном расщеплении, так и в орудийном наборе [Деревянко, Кривошапкин, 2001; Кривошапкин 2012]. Однако выявленные в ходе данного исследования технологические изменения позволяют подразделить обирахматскую традицию на несколько последовательных этапов. К раннему этапу отнесены индустрии слоев 19-21 Оби-Рахмата и слоя 23 Кульбулака [Кривошапкин и др., 2010]. Их точная хронологическая позиция не установлена, но, судя по определениям для стратиграфической последовательности Оби-Рахмата и Кульбулака, она соответствует 80 тыс. л.н., или несколько древнее этой отметки [Деревянко, Кривошапкин, 2001; Vandenberghe at al., 2014]. К среднему этапу отнесены материалы из средней и верхней пачек отложений Оби-Рахмата (~ 80-40 тыс. л.н.), а к позднему – материальный комплекс стоянки Худжи (42–37 тыс. л.н.) [Павленок, Кривошапкин, 2014];

– с момента появления данной традиции в ее каменном производстве фиксируется вариабельное мелкопластинчатое расщепление. При этом на раннем этапе среди нуклеусов для пластинок зафиксирована более высокая степень технологического разнообразия. В частности, среди них выделяется серия ядрищ, которые по всем формальным признакам можно назвать кареноидными [Кривошапкин и др., 2012]. Кроме того, в индустрии слоя 23 Кульбулака зачастую пластины и пластинки получали в рамках одних технологических схем, в которых размер реализуемого скола зависел от степени сработанности ядрища [Кривошапкин и др., 2010]. Постепенно с развитием традиции фиксируется унификация и некоторое упрощение схем мелкопластинчатого производства, которое полностью дистанцируется от изготовления более крупных заготовок;

– основной вектор технологических изменений при переходе от среднего к позднему этапу был направлен в сторону большей специализации камнеобра-

ботки при изготовлении крупных и средних удлиненных сколов-заготовок [Павленок, Кривошапкин, 2014]. Для среднего этапа свойственно использование единой схемы серийного получения пластин и удлиненных остроконечников, которая применялась и на раннем этапе. На позднем этапе фиксируется две отдельные технологические схемы получения пластин и удлиненных остроконечников с изначально объемных широкофронтальных нуклеусов, каждая со своим уникальным набором технических приемов;

– на всем протяжении существования обирахматской традиции в коллекциях присутствуют тронкировано-фасетированные изделия [Колобова, Шалагина, 2013], но на среднем и позднем этапах они чаще используются в качестве нуклеусов для небольших отщепов и пластин. Встречное скалывание заготовок и леваллуазское расщепление, хоть и фиксируются в данной традиции на всех ее этапах, не играют существенной роли в первичном расщеплении [Павленок, Кривошапкин, 2014];

– орудийный набор достаточно однороден и представлен, главным образом, остроконечными формами, ретушированными пластинами, резцами, скреблами на пластинах и скребками. На среднем этапе присутствуют немногочисленные леваллуазские остроконечники, а также тщательно отретушированные мустьерские остроконечники, часто с базальным утончением, которые находят параллели в среднепалеолитических комплексах Ближнего и Среднего Востока (Левант, Загрос) [Кривошапкин, 2012]. Также можно отметить зависимость состава инструментария от функциональной специфики объекта – доминирующим типом орудий на Кульбулаке являются концевые скребки верхнепалеолитического облика, присутствующие в последовательности Оби-Рахмата в малом количестве. Но в его индустрии отсутствуют резцы, которые являются одной их «фоновых» категорий изделий на Оби-Рахмате.

– происхождение обирахматской традиции до сих пор остается дискуссионным. Как было указано выше, в западной части Центральной Азии на настоящий момент не прослеживается связи этой индустрии с комплексами предшествующих этапов каменного века [Кривошапкин, 2012; Деревянко, 2011]. Но в тоже время нет и оснований для принятия гипотезы о депопуляции региона в период расселения там «обирахматцев». Видимо, сейчас существование определенной информационной лакуны следует связывать с недостаточной изученностью этого этапа преистории. Продолжение исследований многослойных объектов с протяженной хронологией культурных отложений (стоянка Кульбулак) в перспективе позволит ликвидировать этот дефицит данных. Имеющиеся на настоящий момент свидетельства позволяют усматривать истоки обирахматской традиции в раннем левантийском мустье, что могло быть связано с расселением носителей индустрии типа Табун D в юго-западные районы Центральной Азии [Там же]. Косвенно на это указывают присутствие в коллекциях памятников ярких категорий изделий (острия с подтеской основания, тронкировано-фасетированные

формы и др.), которые с определенной долей уверенности возможно расценивать как свидетельства контактов с обитателями сопредельных территорий;

– если отталкиваться от принятой на настоящей момент модели складывания региональных традиций верхнего палеолита, согласно которой комплексы обирахматского круга являются одним из основных источников формирования верхнепалеолитической кульбулакской культуры [Колобова и др. 2013; Колобова, 2014], то в регионе не фиксируется плавная эволюция приемов камнеобработки во времени. Кульбулакская культура, в основе которой лежит изготовление пластинок с торцовых и объемных форм нуклеусов, включая кареноидные, технологически гораздо более близка комплексам раннего этапа обирахматской традиции, а не археологическим ансамблям среднего и позднего этапа, где схемы микрорасщепления также присутствуют, но гораздо более упрощены.

Учитывая этот комплекс наблюдений, а также продолжительность существования обирахматской традиции (по меньшей мере, 40 тыс. лет, если отталкиваться от имеющихся возрастных определений) правомерным представляется рассмотрение ее в качестве отдельного культурного явления, демонстрирующего полный набор признаков «переходной» индустрии, но при этом не претендующего на роль связующего звена между верхнепалеолитической культурой региона и комплексами предшествующих этапов каменного века.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проект № 13-06-12039 офи_м и проект № 15-36-20820 мол_а_вед.

Литература

Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб.: Европейский Дом, 1996. – 213 с.

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа / А.П. Деревянко; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 560 с.

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейманов Р.Х. Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2–14) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 42–63.

Колобова К.А. Верхний палеолит западного Памиро-Тянь-Шаня: автореф. дис. … докт. ист. наук. – Новосибирск, 2014. – 38 с.

Колобова К.А., Флас Д, Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2 (54). – С. 2–25.

Колобова К.А., Шалагина А.В. Тронкированно-фасетированные изделия нижних слоев индустрии грота Оби-Рахмат (Узбекистан) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия История, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 106–113.

Кривошапкин А.И. Обирахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. … докт. ист. наук. – Новосибирск, 2012. – 38 с.

Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Фляс Д., Павленок К.К., Исламов У.И., Лукъянова Г.Д. Индустрия слоя 23 стоянки Кульбулак по материалам раскопок 2010 года // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 105–110.

Павленок К.К., Кривошапкин А.И. Специфика перехода к верхнему палеолиту в западной части Центральной Азии: индустрия стоянки Худжи // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. I. – С. 113–115.

Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 252 с.

Davis R., Ranov V.A. Recent work on the Paleolithic of Central Asia // Evolutionary Anthropology. – 1999. – Vol. 8. – P. 186–193.

Vandenberghe, D.A.G.; Flas, D.; De Dapper, M.; Van Nieuland, J.; Kolobova, K.; Pavlenok, K.; Islamov, U.; De Pelsmaeker, E.; Debeer, A.-E.; Buylaert, J-P. Revisiting the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan): First results from luminescence dating. In: Quaternary International, Vol. 324, 2014: pp. 180-189.

Vishnyatsky L. 1999. The Paleolithic of Central Asia. Journal of World Prehistory. 13(1), 69–122.

А.Г. Рыбалко[23]

ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ (по материалам памятника Дарвагчай-залив-1)

В статье представлены новые результаты, полученные в ходе исследований раннепалеолитического комплекса памятника Дарвагчай-залив-1. Центральное место отведено описанию и анализу коллекции каменных артефактов и сопоставление ее с индустриями наиболее значимых раннепалеолитических памятников Кавказа.

Ключевые слова: Дагестан, каменные индустрии, ранний и средний палеолит, плейстоцен, морские трансгрессии.

A. G. Rybalko

STUDIES OF THE EARLY PALAEOLITHIC ON THE TERRITORY OF THE WESTERN CASPIAN REGION (on materials of the monument Darvishi-Bay-1 site)

The article presents new results obtained during studies of the early Paleolithic cultural-chronological complex of Darvagchai-Bay-1 site. Central to this article is a description and analysis of the stone industry of the early Paleolithic complex of Darvagchai-Bay-1 site and its correlation with the industries of the early Paleolithic site of the Caucasus.

Key word: Dagestan, lithic industry, Early and Middle Paleolithic, Pleistocene, sea transgressions

До недавнего времени на территории Дагестана было известно менее десяти местонахождений, где в поверхностном залегании были обнаружены немногочисленными изделия палеолитического облика. Сведения о находках артефактов каменного века были весьма разрозненными и отрывочными.

Первые данные о существовании палеолита на этой территории были получены М.З. Паничкиной в 1939 г. (сборы у с. Геджух, Кайтакский район). Дальнейшие исследования связаны с именем В.Г. Котовича осуществлявшего в 1950-60-х гг. поиски стоянок каменного века. В ходе работ на территории предгорной зоны Дагестана им было обнаружено несколько местонахождений, археологические материалы которых находились в переотложенном состоянии непосредственно на современной поверхности. Самые древние артефакты были обнаружены в урочище Чумус-иниц (по кайтакски «соленая вода) на границе Кайтакского и Дербентского районов (среднее течение р. Дарвагчай).

[23] РЫБАЛКО Андрей Геннадьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail:rybalko@archaeology.nsc.ru

Наиболее архаичная часть этой коллекции отнесена В.Г. Котовичем к ашельскому времени [Котович, 1964]. Полученные данные позволили отодвинуть время первоначального заселения западного Прикаспия к наиболее ранним этапам человеческой истории.

Новый этап исследования начинается в 2003 году, когда совместными экспедициями Института археологии РАН, Института этнологии и антропологии РАН и Института археологии и этнографии СО РАН в юго-восточной части Дагестана в бассейнах рек Дарвагчай и Рубас обнаружено более 20 памятников палеолита. Данные археологические изыскания позволили значительно увеличить объем информации о древнейших этапах истории этого района Кавказа, в том числе, благодаря данным полученным в ходе работ на палеолитических объектах в Дарвагчайском геоархеологическом районе. Хронологический интервал обнаруженных и изученных каменных индустрий, охватывает огромный период от нижнего до начала верхнего палеолита, что позволяет представить общую картину развития древнейших культур на территории Приморского Дагестана. В тоже время, ашельская эпоха в данных археологических материалах представлена разовыми находками ручных рубил. Наиболее ранние свидетельства появления бифасов (рубил) на рассматриваемой территории отмечены в сл. 8 памятника Дарвагчай-1 и в аналогичных отложениях местонахождений Дарвагчай-залив-2 и 4. Другие бифасы известны из подъемных сборов на местонахождениях Дюбекчай, Дарвагчай-карьер и Чумус-Иниц, однако их точная периодизация в рамках ашельского времени пока не совсем ясна. Сопутствующий ручным рубилам археологический материал может быть выделен менее уверенно, т.к. в основном, он происходит из поверхностных сборов с различных местонахождений, где помимо собственно раннепалеолитического компонента присутствуют артефакты более поздних эпох. Исключение составляют памятники Дарвагчай-1 и Дарвагчай-залив-4, где комплексы с бифасами имеет четкую стратиграфическую привязку. [Деревянко и др., 2012].

Стоянка Дарвагчай-залив 1 расположена в Дербентском районе Республики Дагестан. Место расположения стоянки соответствует переходу от предгорий к равнинной части Западного Прикаспия, представляющее собой узкую (до 30 км шириной) полосу, протянувшуюся с юго-востока на северо-запад. С востока он огражден Каспийским морем, с запада – горными хребтами, а в геоморфологическом плане подразделяется на две обособленные части: прибрежную равнину и область предгорий, естественная граница между которыми проходит по третьей древнекаспийской террасе имеющей бакинский возраст. В районе местонахождения Дарвагчай-залив – 1, на берегах водохранилища к настоящему времени обнаружено несколько пунктов с палеолитическими артефактами. Все они связаны с крутыми береговыми склонами и обнажениями, в которых прослеживаются прибрежно-морские и континентальные осадки [Рыбалко, 2014].

В 2009 г. на памятнике были проведены полномасштабные рекогносцировочные исследования, в ходе которых на склоне террасы была заложена серия шурфов. В ходе раскопок артефакты в разной степени концентрации были обнаружены во всех шурфах на протяжении всей мощности вскрытых отложений. Результатом данных исследований явилось обнаружение нескольких разновозрастных *культурно-хронологических комплексов* палеолитических артефактов [Деревянко и др., 2013].

Стационарные раскопки на памятнике проводятся с 2010 г. В общей сложности на разных гипсометрических уровнях террасы (которые соответствуют культурно-хронологическим комплексам стоянки) было заложено четыре раскопа, которые последовательно объединены в общую схему археологических исследований памятника.

В полевом сезоне 2013 г. были начаты археологические раскопки на части памятника, где были обнаружены каменные артефакты, составляющие *культурно-хронологический комплекс*, датируемый ранним палеолитом [Деревянко, Рыбалко, 2014].

В ходе полевых исследований была вскрыта толща плейстоценовых отложений на глубину до 3 м от дневной поверхности. Ниже приводится сокращенное описание разреза (сверху вниз):

Слой 1. Серо-коричневая супесь с большим содержанием гравия и гальки (хорошо окатанной). Генезис делювиальный. Мощность до 0,1 м.

Слой 2. Галечно-гравийные отложения с линзами и прослоями (мощностью до 0,5 м) глинистого крупнозернистого коричневого песка и темно-коричневой глины. В подошве слоя в качестве заполнителя появляется грубозернистый белесый песок, обломки разной степени окатанности. Сортировка обломков практически отсутствует, но в нижней трети слоя отмечено увеличение размера галек и наличие валунов до 0,4 м в диаметре, ориентировка относительно четкая субгоризонтальная. Мощность слоя до 2,8 м.

Слой 3. Среднезернистый желтовато-серый песок. Состав кварцево-детритовый. Кровля неровная. В центре раскопа слой представлен в виде мощной, сильно выступающей линзы. Кровля слоя, местами, сильно перемешена с перекрывающими отложениями, контактная зона до 0,2 м. Видимая мощностью до 0,6 м.

Археологические материалы залегали в слое 2 (галечно-гравийные отложения). Данный литологический горизонт ориентирован почти горизонтально, и образовался в результате горного аллювия и селевых процессов. Каменные изделия равномерно расположены по всей мощности слоя, по условиям залегания хронологическое расчленение артефактов не представляется возможным. Образование данного слоя рассматривается как довольно длительный многоэтапный процесс, который происходил параллельно с накоплением археологических материалов. Этот процесс завершился после образования современного рельефа местности [Рыбалко, 2014].

Индустрия памятника Д-З-1 сформировалась на местной полисырьевой базе. В качестве исходного сырья использовались гальки и отдельности породы в виде разнообразных обломков и плиток из песчаника, известняка и кремня которые являются непосредственной составляющей данного слоя. Все эти породы весьма разнообразны по своим поделочным свойствам. Технологические особенности каждого вида сырья в значительной мере определяли типы производимых орудий. Так, несмотря на то, что наибольшее количество артефактов выполнено из кремня, все макро изделия изготовлены из песчаника и известняка. Кремень темно-серого, почти черного цвета, данное сырье плохого качества, трещиноватое не дающее правильного раковистого излома при скалывании. Поверхность артефактов в основном средне и слабо окатанная, также следует отметить наличие в коллекции небольшого количества не окатанных артефактов, у которых полностью отсутствуют следы соударений, которые образуются на каменных предметах при переносе их водным потоком.

Наиболее яркими типами изделий, характерными для раннепалеолитических комплексов, являются т.н. макроорудия. В коллекции каменных артефактов Д-З-1 есть галечные орудия в виде чопперов, чоппингов и нуклевидных скребков. Отдельно, стоит отметить наличие в орудийном наборе ашельского рубила в качестве заготовки использовалась плоская галька из кремнистого известняка, изделие представляют собой т.н. частичный бифас с определенной комбинацией рабочих элементов (два продольных лезвия оформленные двусторонними сколами и приостренный дистальный край) (рис. 1 – 6), а также рубящего орудия выполненного на очень крупном первичном сколе. Что касается прочих орудий количество функциональных типов среди них невелико. Это, в основном, скребловидные изделия, представленные преимущественно одинарными формами (рис. 1 – 3). В качестве заготовок помимо сколов широко использовались различные обломки и плитки. Вторая крупная серия представлена острийными и шиповидными формами объединяет их наличие четко выраженного острого выступа оформленного ретушью или клектонскими выемками (рис. 1 – 1, 2). Последняя сводная группа состоит из скребков, выемчатых, зубчатых и различных комбинированных форм [Рыбалко, 2014].

В целом раннепалеолитический комплекс памятника Дарвагчай-залив 1 характеризуется, в первую очередь, слабой типологической выраженностью и неустойчивостью нуклевидных и орудийных форм. Морфологически выраженных нуклеусов единицы (рис. 1 – 5). Для получения заготовок широко использовался прием дробления. Последнее может быть связано, как с примитивной техникой расщепления камня, так и с использованием каменного сырья (в основном кремня), имеющего многочисленные внутренние дефекты. Сколы имеют массивные укороченные пропорции, преимущественно естественную ударную площадку и ярко выраженный ударный бугорок. Индустрия памятника характеризуется высоким удельным весом орудий, которые составляют

до 30 % от общего количества артефактов коллекции [Деревянко, Рыбалко, 2014].

Высокая концентрация артефактов (для раннего палеолита), полный набор продуктов первичного расщепления (включая мелкие отщепы и чешуйки) и разнообразный перечень орудий (среди которого выделяются достаточно наглядные серии), свидетельствует о наличии полного набора каменных артефактов, характерного для полноценных раннепалеолитических каменных индустрий.

Для раскрытия специфических особенностей каменной индустрии стоянки Д-З-1 необходимо сопоставление ее с наиболее значимыми, хорошо изученными и более-менее синхронными по возрасту кавказскими археологическими объектами.

Все раннепалеолитические памятники Кавказа можно условно разделить на две большие группы:

– первую составляют основанные на вулканическом сырье ашельские индустрии Южной Грузии и Армении (армянское или закавказское нагорье памятники Сатани-дар, Арзни, Джрабер и др.), где собрано большое количество ашельских рубил по разным данным более 1000. Характерные черты этих индустрий: развитая техника первичного расщепления (леваллуа, удлиненные, пластинчатые сколы в поздних комплексах), большое количество ашельских бифасов (до 50%) от орудийного набора. Бифасы имеют уплощенный профиль, среди них много изготовленных на крупных отщепах – (LF технология) широко распространенная в позднеашельских комплексах Африки и Ближнего Востока;

– вторую группу составляют стоянки, базирующиеся на осадочных породах (пещеры Кударо 1 – Южная Осетия, Азых – территория Нагорного Карабаха и стоянка отрытого типа Яштух в Абхазии). Характерные черты: менее развитая техника первичного расщепления в основном отщеповая, большой процент ретушированных орудий среди которых преобладание скребловидных и шиповидных форм, малое количество (менее 1%) бифасиальных орудий, много частичных бифасов для которых отмечается наличие галечной пятки или обушка, бифасы в целом более массивные, выполненных на отщепах мало.

Раннепалеолитическая коллекция памятника Д-З-1 наиболее близка второй группе раннепалеолитических стоянок Кавказа. Среди которых, особенно выделяется пещерная стоянка Кударо 1, как наиболее хорошо изученная и освещенная в археологической литературе.

Если проанализировать основные составляющие каменной индустрии памятника Дарвагчай-залив-1, то становится, очевидно, что они имеют много общего, а в некоторых случаях полностью аналогичны раннепалеолитическому ассамбляжу Кударо 1. Обе индустрии сформировались на местной полисырьевой базе (представленной известняками, песчаниками и низкокачественным кремнем). Характерной чертой индустрий является высокий процент

орудийных форм и невыразительное первичное расщепление, представленное в основном архаичными одноплощадочными нуклеусами. Низкий процент макроорудий и практически аналогичный их набор, включающий чопперы, чоппинги, нуклевидные скребки, рубила и кливеровидные орудия. Также следует отметить высокий процент и богатый ассортимент орудий на отщепах, среди которых выделяются большие серии скребловидных, шиповидных, выемчатых, зубчатых и комбинированных изделий. Большое количество и вариабельность шиповидных и комбинированных изделий является особенностью памятников (Кударо1, Азых, Яштух и ДЗ-1) и не находит аналогий в других раннепалеолитических индустриях Кавказа.

Подытоживая вышесказанное, стоит отметить, что территория Западного Прикаспия, несомненно, является зоной распространения раннепалеолитических индустрий с бифассиально обработанными орудиями. В тоже время бифасы классических типов имеющие сплошную обработку поверхности здесь немногочисленны, преобладают т.н. частичные бифасы. Технологические особенности сырья, а также чрезвычайно разнообразные формы исходных заготовок обусловили большое разнообразие морфологических форм и соответственно низкую стандартизацию указанных орудий. Раннепалеолитические комплексы Западного Прикаспия имеют свои региональные особенности, которые благодаря подобным исследованиям все более четко вырисовываются.

Работа выполнена в соответствии с планом НИР (госзаданием). Программа X.100.1. «Освоение первобытным человеком Северной Евразии: становление культурных традиций, эволюция рода Homo и развитие природной среды».

Литература

Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала. 1964 – 226 с.

Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Деревянко А.П., Рыбалко А. Г. Ранний палеолит Западного Прикаспия (по материалам памятника Дарвагчай-залив 1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX . – С. 46-50.

Деревянко А.П., Рыбалко А. Г., Кандыба А.В. Исследование раннего палеолита стоянки Дарвагчай-залив 1 в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 74-79.

Рыбалко А. Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-залив 1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX . – С. 73-76.

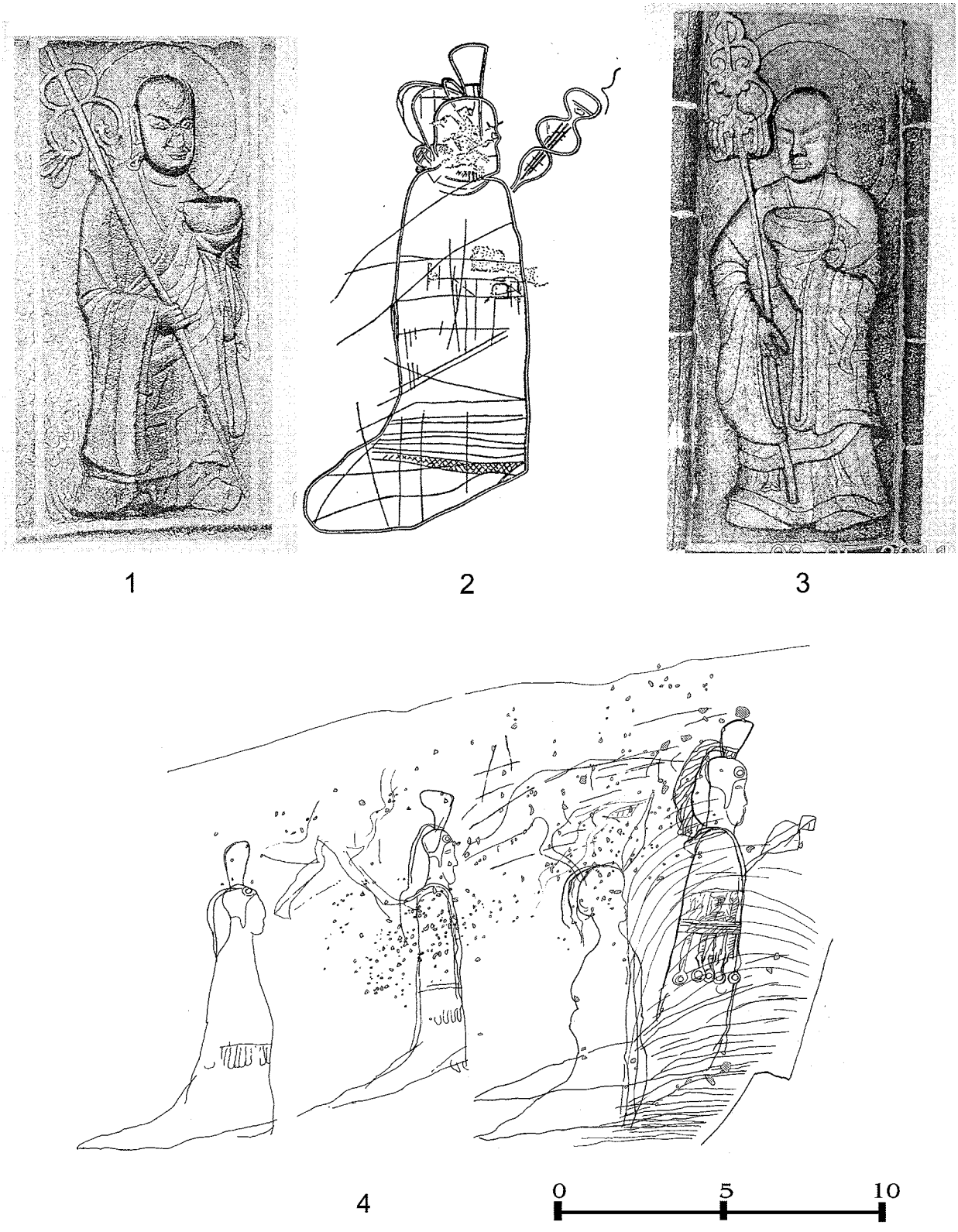

Рис. 1 – 1,3. Бодхисаттва Маудгальяяна – барельефы пагоды Чжуан-Чоу. Китай, по: (P.Demieville, 1935, P.75,14E)

Рис. 1 – 2. Персонаж с ваджрой. Подкамень, по: (Appelgren-Kivalo N., 1931, P.58, abb. 304-308)

Рис. 1 – 4. Четыре фигуры. Барстаг, левый берег Белого Июса (материалы автора)

А.В. Санникова[24], Л.Н. Беседнов[25], Ю.Е. Вострецов[26]

РЫБОЛОВСТВО НАСЕЛЕНИЯ ЗАЙСАНОВСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА КЛЕРК-5 В ПРИМОРЬЕ

Статья посвящена результатам исследования остатков рыб из слоя светло-коричневого суглинка связанного с появлением первой волны раннеземледельческого населения зайсановской культурной традиции на морском побережье зал. Петра Великого около 4500 лет назад.

Ключевые слова: археозоология, неолит, раковинные кучи, рыболовство, система жизнеобеспечения, Приморье.

A.V. Sannikova, L.N. Bessednov, Yu. E. Vostretsov

FISHING OF POPULATION OF ZAISANOVSKY CULTURAL TRADITION ON KLERK-5 SITE IN PRIMORYE

The article study fish bone remnants from light-brown lay connected with activity of expansion of first wave early cultivators of zaisanovsky cultural tradition to the marine coast of Peter The Great bay (Primorye, Russia)

Key words: archaezoology, neolith, shell midden, fishing, subsistence system, Primorye.

Введение

Многослойный памятник Клерк-5 расположен на полуострове Клерка в Хасанском района Приморского края. Памятник локализуется на северо-западной оконечности возвышенной части полуострова, обращенной к бух. Бойсмана, на стыке с песчаной косой соединяющей полуостров с материком. Участок суши на которой находится памятник представляет собой береговую линию конца атлантического периода голоцена когда возвышенная часть п-ва Клерк была островом. Впоследствии, по мере регрессий уровня Японского моря, обусловленных похолоданиями климата, между палеоостровом Клерк и материком формировалась песчаная коса с внутренним водоемом типа лагуны-озера [Короткий и др., 1998]. С конца атлантического периода голоцена памятник неоднократно заселялся группами населения с различными культурными традициями, которые, наряду с разнообразными видами хозяйственной деятельности, занимались собиранием моллюсков. Моллюски обрабатывались на местах обитания человека, формируя так называемые «кухонные» отложения (раковинные кучи). В раковинных кучах, карбонаты от разложения раковин способствуют сохранению различных органических остатков (костям рыб, птиц и млекопитающих,

[24] САННИКОВА Анастасия Викторовна – лаборант-исследователь Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: jok-17@yandex.ru

[B]ОСТРЕЦОВ Юрий Евгеньевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: vost54@mail.ru

[25] БЕСЕДНОВ Лев Николаевич – кандидат биологических наук Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет

[26] ВОСТРЕЦОВ Юрий Евгеньевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: vost54@mail.ru

семенам, плодам и крахмалу растений и т.п.) от разложения. Именно остатки раковин моллюсков в культурных отложениях всех этапов заселения делают этот памятник уникальным полигоном для реконструкции систем жизнеобеспечения древнего населения в связи с меняющейся природной обстановкой в интервале 5000-2000 л.н.

Ранее мы реконструировали рыболовство населения пятого этапа бойсманской культурной традиции связанного с суглинистыми отложениями сероватого оттенка с дресвой из шурфа 2 памятника Клерк-5 датированными по углю около 4750 л.н. [Беседнов и др., 2010]. В результате было сделано заключение, что «обитатели поселения Клерк-5, жившие уже после минимизации и/или исчезновения лагуны, вели принципиально иной промысел, добывая, по-видимому, закидными орудиями лова, стайных прибрежных рыб, полностью перейдя на морской прибрежный лов. Основу уловов у них составляли сельдь и сардина (61,27%), а также красноперка (22,16%). Кроме того увеличился вылов скумбрии (7,03% – против 0,13 у босманцев третьего этапа), а также окуней, бычков и камбал (9,09% против 3,3% у бойсманцев третьего этапа). Зато кефали они вылавливали всего 0,18% против 89,08% у бойсманцев третьего этапа». Кроме того, «увеличение плотности грузил свидетельствует об изменении объектов и технологии рыболовства». [Беседнов и др., 2010, с. 347]. Значение полученных выводов заключается в том, что в результате ландшафтно-климатических изменений связанных с похолоданием климата и падением уровня моря в начале перехода от атлантического периода голоцена к суббореальному произошло «кардинальное изменение характера рыболовства у населения одной культурной традиции». Тогда как ранее, мы склонялись к заключению, что кардинальное изменение рыболовства, с лагунного на морской, произошло после затухания бойсманской культурной традиции и связано с появлением на морском побережье раннеземледельческого населения зайсановской культурной традиции [Вострецов и др., 2002, с. 38]. Таким образом, мы наблюдаем доминирующее воздействие на изменение системы жизнеобеспечения природных факторов над культурными.

В данной статье мы продолжаем исследование остатков связанных с рыболовством на многослойном памятнике Клерк-5. Для исследования мы так же используем материалы шурфа 2, где наиболее отчетливо прослеживается стратиграфия отложений [Раков и др., 2010] и в каждом из слоев содержатся представительные выборки костных остатков рыб. Для исследования мы использовали костные остатки рыб из средней части (пласт 2) слоя светло-коричневого суглинка, отложения которого залегали над слоем суглинистых отложений сероватого оттенка с дресвой и отделялись от него угольной прослойкой мощностью 1-2 см. В предыдущей статье при описании стратиграфии произошла опечатка, там слой «суглинистых отложений сероватого оттенка с дресвой» был ошибочно назван «светло-коричневым суглинком и дресвой» [Беседнов и др., 2010, с. 343].

Слой светло-коричневого суглинка связан с деятельностью раннеземледельческого населения носителей традиции веревочной орнаментации керамики типа Кроуновка-1. По нашим наблюдениям раннеземледельческое население, которое в конце атлантического периода голоцена обитало в долине р. Кроуновки, расселяется в переходный период от атлантического периода к суббореальному около 4575 лет назад (ТКа-14077) на морское побережье Хасанского района, где оставляет свидетельства заселения на памятниках Рыбак-1 [Гарковик, 2003], Бойсмана-1 [Первые рыболовы …, 1998], Бойсмана-2, Посьет-1, Ханси-1 [Морева и др., 2002], и Клерк-5 [Klerk-5 site …, 2007]. Это первая волна ранних земледельцев зайсановской культурной традиции на морском побережье Приморья. Переселение было инициировано похолоданием климата и ухудшением агроклиматических ресурсов, особенно в континентальных районах. На побережье раннеземледельческое население должно было столкнуться с необходимостью использования морских ресурсов для компенсации недостатка агроклиматических.

Цель данной статьи дать характеристику рыболовства раннезайсановского населения и сравнение с таковым у бойсманского населения пятого этапа на памятнике Клерк-5.

На памятнике было обнаружено и идентифицировано 1375 костных остатков рыб из средней части светло-коричневого суглинка связываемого с обитанием ранних земледельцев зайсановской культурной традиции (табл. 1).

Анализ результатов показал, что костные остатки принадлежали как минимум 12 видами рыб, относящиеся к 12 родам, 10 семействам и 8 отрядам.

Как следует из таблицы 1 все добывавшиеся виды, исходя, из их численности в уловах, можно разделить на основные (более 60%), второстепенные (более 10%) и прочие (или прилов) (менее 6%). Основу улова составила тихоокеанская сельдь (Clupea pallasii) доля которой составила 67,57%, второстепенную роль играли красноперка (Tribolodon ssp.) 14,84% и японская (восточная) скумбрия (10,55%). Немаловажную роль в уловах древних рыбаков имели также – камбалы (3,27%), дальневосточная навага (1,53%), бычки – рогатки (1,01%), морские окуни (0,51%). Возможно, остальные виды встречались в качестве прилова (тихоокеанские лососи (0,36%), кефаль gen.sp. (0,22%), серебряный карась (0,22%), собака – рыба (0,07%)), т.к. их доля от общего улова составила всего 0,87%. Раннеземледельческое население занималось рыболовством с ранней весны до поздней осени.

Заключение

Таким образом, население первой волны ранних земледельцев зайсановской культурной традиции занималось выловом рыб примерно на двести лет позже предшественников, бойсманцев пятого этапа. За этот период похолодание и падение уровня моря продолжались и песчаная коса соединяющая памятник с континентом, увеличивалась. Пока не ясны экологическая характеристика внутреннего водоема формировавшегося в центральной части песчаной косы. Тем не

менее, мы можем констатировать продолжение той же тенденции ландшафтных изменений обусловленных продолжением похолоданием климата и падением уровня моря.

Сравнение количественного и качественного состава вылавливаемых рыб у бойсманцев и пришедших на их смену ранних земледельцев зайсановской культурной традиции демонстрирует сохранение той же ориентации рыболовства на преимущественно морские виды, как у их предшественников. Тем не менее, наблюдаются и некоторые изменения, так сравнительный анализ видового состава рыб показал, что у бойсманцев существовавших около 4750 л.н. среди доминирующих видов отмечена теплолюбивая сардина – иваси (30,18%). В то время как у ранних земледельцев, обитающих на поселении около 4575 л.н. она в уловах отсутствовала, за то выросла добыча холодолюбивой сельди (67,57%) (таблица 1). Это можно объяснить тем, что сардина-иваси теплолюбивый пелагический вид, и похолодание вод в районах ее нереста снижает ее воспроизводство, что влечет за собой резкое падение ее численности и сокращение области на нагул, а, значит, уменьшаются возможности вылова. Следует также помнить что, сардина – иваси относится к флюктуирующим видам, у которого, периоды высокой численности в силу естественных причин (при глобальных климатических изменениях) сменяются периодами глубокой депрессии с разницей показателей более чем 100 раз [Соколовский, и др. 2011]. Таким образом, наличие сардины говорит о более длительном теплом периоде летом и о ее большой численности во время существования бойсманцев пятого этапа.

Небольшие изменения в соотношении вылавливаемых видов, которые не имели существенного значения в уловах, так же говорят об изменении климата. Так у рыбаков бойсманцем около 4750 л.н. в уловах встречался теплолюбивый сарган (0,09%), а в уловах ранних земледельцев около 4575 л.н. в уловах его нет, зато присутствует холодолюбивая навага (1,53%), но также встречаются тихоокеанские лососи (0,36%) и теплолюбивые рыбы-собаки (0,07%) (таблица 1).

Наличие лососей не является стабильным индикатором для характеристики состава добываемых видов рыб на данном и большинстве других памятников, поскольку сохранность костей этих рыб повсеместно очень плохая из-за хрупкости.

Костные остатки теплолюбивой рыбы – собаки, хотя и встречены в отложениях светло-коричневого суглинка (ок. 4575 л.н.), когда продолжалась похолодание, но и в этот период нельзя исключать теплые годы, и вероятность рыбалки на хорошо прогреваемых мелководьях, где она была выловлена в качестве прилова.

Остальные виды рыб представлены примерно одинаково как в уловах бойсманцев пятого этапа живших около 4750 л.н., так и уловах ранних земледельцев-зайсановцев мигрировавших на морское побережье около 4575 л.н.

Литература

Беседнов Л. Н., Вострецов Ю.Е. Памятник Клерк-5: Рыболовство населения последнего этапа бойсманской культурной традиции // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой. – Владивосток: ООО «Рея», 2010. – С. 343-347.

Беседнов Л.Н., Вострецов Ю.Е. Рыболовство // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. – Владивосток: ДВО РАН, 1998. Гл. 6. – С. 276-320.

Вострецов Ю.Е., Короткий А.М., Беседнов Л.Н., Раков В.А., Епифанова А.В. Изменение систем жизнеобеспечения у населения устья р. Гладкой и залива Посьета в среднем голоцене // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С. 3-41.

Гарковик А.В. Неолитический керамический комплекс многослойного Рыбак-1 на юго-западном побережье Приморья // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточ. археол. экспедиции РАН. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – С. 94-101.

Короткий А.М., Вострецов Ю.Е. Географическая среда и культурная динамика в среднем голоцене в заливе Петра Великого // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. – Владивосток: ДВО РАН, 1998. Гл. 1. – С. 9-29.

Морева О.Л., Попов А. Н., Фукуда М. Керамика с веревочным орнаментом в неолите Приморья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 2002. – С. 57-68.

Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. – Владивосток: ДВО РАН, 1998. – 390 с.

Соколовский А.С., Соколовская Т.Г., Яковлев Ю.М. Рыбы залива Петра Великого: 2-е изд., испр.и доп. Владивосток: Дальнаука, 2011. – 431 с.

Klerk 5 Site in Primorye, Russia. Prelimenary results of Excavation in 2005 / Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia. – Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd., 2007. – 54 p.

Таблица 1

Сравнительная характеристика видового состава рыб бойсманского (4750 л.н.) и раннезайсановского населения (4575 л.н.) обнаруженных на памятнике Клерк-5

Отряд, семейство, род, вид	Кол-во костных остатков				Время возможного вылова
	Бойсманские отложения (4750 л.н.)		Раннезайсановские отложения (4575 л.н.)		
	Шт.	%	Шт.	%	
1	2	3	4	5	6
Отряд Clupeiformes – Сельдеобразные					
Семейство Clupeidae- Сельдевые Род Clupea – Морские сельди	345	31,09	929	67,57	Весна
Вид C. pallasii – Дальневосточная сельдь					
Род Sardinops – Сардинопс **Вид S. melanostictus – Дальневосточная сардина, Иваси**	335	30,18	–	–	Конец весны – лето
Отряд Cypriniformes – Карпообразные					
Семейство Cyprinidae – Карповые Род Carassius – Караси	1	0,9	1	0,07	Весна-осень
Вид C. auratus gibelio – Серебряный карась					
Род Tribolodon – Дальневосточные красноперки **Вид T. ssp.**	246	22,16	204	14,84	Весна – осень

Отряд Salmoniformes – Лососеобразные					
Семейство **Salmonidae – Лососевые** Род Oncorhynchus – Тихоокеанские лососи **Вид O.ssp.**	–	–	5	0,36	Конец весны – лето, осень
Отряд Трескообразные Семейство Gadidae – Тресковые Род Eleginus **Вид Eleginus gracilis – Дальневосточная навага**	–	–	21	1,53	Зима – начало весны
Отряд Beloniformes – Сарганообразные Семейство Belonidae – Сарганы Род Strongilura – Стронгилуры **Вид S.anastomella – Дальневосточный сарган**	1	0,09	–	–	Лето
Сем.Scorpaenidae –Скорпеновые Сем. Sebastidae – Себастовые Род Sebastes – Морские окуни **Вид S. schlegelii – Темный окунь** **S. ssp.**	2 27	0,18 2,43	– 7	– 0,51	Лето – осень
Сем. Cottidae – Керчаковые Род Gymnacanthus – Гимнаканты **Вид G. ssp.**	23	2,07	9	0,65	Лето-осень
Род Myoxocephalus – Керчаки **Вид M. ssp.**	26	2,34	5	0,36	Лето-осень
Отр. Perciformes – Окунеобразные Семейство Mugilidae – Кефалевые Род Mugil – Кефали **Вид M. ssp.**	2	0,18	3	0,22	Лето
Семейство Scombridae – Скумбриевые Род Scomber – Скумбрии **Вид S. Japonicus – Восточная скумбрия**	78	7,03	145	10,55	Лето
Отряд Pleuronectiformes – Камбалообразные Семейство Pleuronectidae – Камбаловые Род **Gen. sp.**	24	2,16	45	3,27	Весна, лето, осень
Отр. Tetraodontiformes – Сростночелюстные **Сем.Tetraodontidae –Четырехзубые** Takifugu spp.			1	0,07	
Всего определено:	1110	100,00	1375	100,00	

В.И. Ташак[27]

Первичное расщепление в 6-м слое Барун-Алана-1 (западное Забайкалье)

В статье дается подробная характеристика первичного расщепления в каменной индустрии нижнего уровня 6-го литологического слоя археологического местонахождения Барун-Алан-1 в Западном Забайкалье. На основе археологических материалов 6-го слоя Барун-Алана-1 выделена археологическая культура, получившая наименование – хэнгэрэктэ. По результатам морфологического и технико-типологического анализов установлено, что главным направлением первичного расщепления каменной индустрии археологической культуры хэнгэрэктэ является расщепление нуклеусов с плоским фронтом для получения продолговатых отщепов.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, верхний палеолит, археологическая культура, каменная индустрия, нуклеус, первичное расщепление.

V.I. Tashak

PRIMARY TECHNOLOGY IN THE 6TH LAYER OF BARUN-ALAN-1 (WESTERN TRANSBAIKAL)

Detailed characterization of primary technology in stone industry from 6th layer's lower level of archeological site Barun-Alan-1 in Western Transbaikal is given in the article. On the base of archeological materials of Barun-Alan-1 6th layer a new archeological culture is distinguished, it's named hengerecte culture. After considering the results of morphological, technological and typological analysis it was found out that the main trend of primary technology in stone industry of Hengerecte archeological culture is knapping of cores with flat surface for getting oblong flakes.

Key words: Western Transbaikal, Upper Palaeolithic, archeological culture, stone industry, core, primary technology.

Введение

Многослойное местонахождение археологического материала Барун-Алан-1, расположенное в 6 км на северо-запад от села Алан в Хоринском районе Республики Бурятия, систематически исследуется с 2004 г. [Ташак, 2009]. Археологические материалы залегают в рыхлых отложениях у подножия вертикальной скалы высотой 12,5 м на западном склоне горы Хэнгэрэктэ. В раскопе под скалой зафиксировано (с учётом зоны дезинтеграции скального основания) 10 стратиграфических слоёв разной мощности, содержащих разновременные археологические материалы. На раскопанном участке эти слои покоятся на скальном основании. Максимальная глубина раскопа достигла пяти метров. Наибольшее количество артефактов, полученных в ходе раскопок, относится к различным этапам палеолита. Эпоха плейстоцена повсеместно на стоянках такого типа на склонах горы Хэнгэрэктэ маркируется большим количеством щебня, камней и скальных обломков – результаты обрушения скал. Слои плейстоценового времени Барун-Алана-1 насыщены каменными артефактами и обломками костей животных. Деформация литологических горизонтов наряду с геологическими

[27] ТАШАК Василий Иванович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: tvi1960@mail.ru.

подвижками обусловлена активным биологическим воздействием – здесь фиксируются многочисленные норы грызунов. Кроме этого, в эпоху бронзового и железного веков здесь функционировал сложный культовый объект и осуществлялись погребения, что также приводило к разрушению культурных горизонтов. Палеолитические материалы залегают в слоях 6, 7, 7г, 8 и встречаются в зоне дезинтеграции скального основания – слой 9. Слои 6 и 7 подразделяются на несколько уровней.

В процессе изучения археологических материалов Барун-Алана-1 стало очевидным, что коллекции каменных артефактов из слоя 6, с одной стороны, и слоёв 7, 7г и 8, с другой стороны, имеют выраженные отличия друг от друга. Исследование двух каменных индустрий, представленных в указанных стратиграфических слоях, позволило выделить материалы 6-го слоя в отдельную археологическую культуру, получившую наименование «хэнгэрэктэ», по названию горы, на склонах которой эта культура впервые зафиксирована [Ташак, 2010а; 2010б]. Вместе с тем, в работах, посвященных археологическим материалам слоя 6, давалась общая характеристика каменной индустрии без детального рассмотрения особенностей большинства основных групп артефактов и процессов их производства. Исключение составили бифасы как наиболее характерная для культуры хэнгэрэктэ группа артефактов [Ташак, 2007; 2011]. В данной статье впервые приводятся наиболее полные результаты морфологического и технико-типологического анализов нуклевидных форм, обнаруженных в 6-м слое. Детальная характеристика нуклевидных форм предстает как существенная часть блока артефактов, характеризующих первичное расщепление в археологической культуре хэнгэрэктэ.

Залегание археологических материалов в 6-м литологическом слое

Мощность слоя 6 на разных участках раскопа варьирует от 50 см до полутора метров. Максимальная мощность слоя зафиксирована непосредственно у подножия скалы. По мере удаления от скалы – уже в 15 метрах южнее, 6-й литологический слой почти выходит на современную поверхность – отделен от неё только маломощным современным задернованным слоем. Как было установлено ещё на этапе исследований 2006 г. верхняя часть слоя 6, мощностью около 15 см, формировалась в период позднего бронзового и железного веков. На некоторых участках раскопа этот уровень выделялся по цвету (коричневый), но на всей площади раскопа данный уровень можно было выделить только условно. На удалении 15–20 м от скалы, где мощность слоя 6 не превышает 50 см., около 30 см его верхней части сформировано начиная с эпохи бронзового века. На долю не потревоженных отложений, содержащих каменные артефакты приходится около 20 см.

Многочисленные норы сусликов сильно повредили толщу 6-го слоя. При рытье нор грызуны выбрасывали вместе с грунтом каменные артефакты, которые оказывались значительно выше тех уровней, где они первоначально были захоронены в результате накопления грунта. Несмотря на значительные нарушения толщи 6-го литологического слоя норами и большое количество обломков скал и камней в слое (каменные завалы в результате обрушения скал), в нем четко выделяется нижний

уровень залегания археологических материалов. Этот уровень маркируется массовыми скоплениями артефактов в компактных группах, образовавшихся в ходе расщепления каменного сырья, т.е. производственными местами и значительным количеством каменных орудий. По мере удаления раскапываемой площади от скалы в нижнем уровне 6-го слоя увеличивается количество костей животных, указывающих на то, что здесь была стоянка, а не только мастерская по обработке камня. Большинство каменных артефактов нижнего уровня демонстрируют морфологическое и типологическое единство. Также в материалах 6-го слоя выделяются специфические элементы, позволяющие говорить об определенной динамике каменной индустрии от нижнего уровня к среднему. Безусловно, в толще 6-го литологического слоя сформировалось, как минимум, три позднепалеолитических уровня обитания человека, которые в настоящее время выделить по внешним признакам довольно сложно. При этом разделение слоя на три условных уровня, вполне правомерно: нижний с массовым и компактным залеганием археологических материалов; средний с большим количеством палеолитических материалов, среди которых появляются новые элементы по сравнению с нижним; и верхний с небольшим количеством палеолитических материалов, смешанных с небольшим числом артефактов неолита, бронзового и железного веков.

Наибольший интерес представляет нижний уровень 6-го слоя, поскольку именно здесь отмечено компактное залегание артефактов, отличающих индустрию 6-го слоя от каменной индустрии нижележащих слоёв.

Первичное расщепление 6-го слоя: нуклеусы

В данной работе представлена выборка, отражающая 90 % всех нуклевидных форм обнаруженных в 6-м литологическом слое Барун-Алана-1. Всего учтено 122 нуклеуса и предметов нуклевидных форм, зафиксированных во всей толще 6-го слоя.

Непосредственно к нуклеусам различных типов в 6-м слое Барун-Алана-1 отнесено 82 артефакта. В группу нуклевидных форм вошло 40 экземпляров, это фрагменты нуклеусов, по которым сложно установить первоначальный тип изделия, и различные куски сырья, с которых производились пробные снятия, а также фрагменты нуклеусов, преобразованные в массивные орудия. На нескольких обломках сырья со сколами отмечены дополнительные мелкие сколы, указывающие на то, что на этих обломках попытались оформить полноценные нуклеусы.

Все нуклеусы и нуклевиды следующим образом распределились по толще 6-го литологического слоя. В подошве слоя 6 и на контакте со слоем 7 (уровень 7а) зафиксировано 58 артефактов из этой группы. Начиная от середины слоя 6 и во всей его нижней части, за исключением подошвы слоя, зафиксирован 41 артефакт. В верхней части слоя 6 отмечено 23 экземпляра нуклеусов и нуклевидных форм. Причём большинство из последней серии находок тяготеют к среднему уровню слоя.

В подошве слоя 6 найдены компактные скопления каменных артефактов, среди которых отмечаются и нуклеусы. В ряде случаев, в этих скоплениях наблюдается преобладание технологически значимых сколов, потенциально пригодных для про-

изводства орудий. Сосредоточение артефактов в подошве 6-го слоя, в том числе и в виде скоплений, явно образованных в процессе расщепления, осуществлявшегося на этих локальных участках, позволяет предположить, что именно в подошве 6-го слоя формировался уровень обитания. Вне всякого сомнения, в верхних уровнях слоя 6 также имели место уровни обитания, но из-за однородности слоя, большого количества нор и рассеянного расположения археологических находок в толще слоя эти уровни обитания выделить не удаётся.

Морфологический и технико-типологический анализы всех типов нуклеусов 6-го слоя, в целом, показали превалирование здесь нуклеусов с плоским фронтом. Нуклеусы с плоским фронтом разделены на две большие группы по ориентации основного направления скалывания: с высоким (вертикально протяжённым) фронтом скалывания (20 экз.) и низким (горизонтально удлинённым) фронтом скалывания (29 экз.). Обе группы нуклеусов получили обозначения: вертикальные плоскофронтальные и горизонтальные плоскофронтальные. Среди нуклеусов с горизонтально удлинённым фронтом скалывания отмечены крупные экземпляры, позволяющие при расщеплении получать сколы длиной не уступающие сколам с вертикальных плоскофронтальных нуклеусов.

Следует подчеркнуть, что для плоскофронтальных нуклеусов 6-го слоя характерны параллельная и реже конвергентная системы расщепления. Подавляющее большинство нуклеусов одноплощадочные с однонаправленным скалыванием. Из всех плоскофронтальных нуклеусов только 4 экземпляра двухплощадочные и только 3 из них с полюсным расположением ударных площадок и встречным скалыванием с одной плоскости (фронта). Ещё один нуклеус двухплощадочный двухфронтальный со встречным скалыванием, но плоскости расщепления этого ядрища противолежащие – на двух широких поверхностях, поэтому скалывание для каждого фронта было однонаправленным. Также следует обратить внимание и на то, что плоскофронтальные нуклеусы изначально оформлялись на плитчатых кусках сырья или на обломках с выраженной плоской или слабовыпуклой поверхностью, на которой оформлялся фронт скалывания.

Еще одной распространенной формой плоскостных нуклеусов в данной индустрии являются плоские нуклеусы подтреугольной формы. Скалывание с таких нуклеусов велось без предварительной подготовки фронта, ударная площадка подправлялась несколькими крупными сколами, а рабочий объем поддерживался за счет снятия широких отщепов с лёгким уклоном на один из краев – это не ведущий, но характерный прием скалывания отщепов в данной индустрии. При этом сколы, как правило, получались широкие, и при их получении, нередко, снималось две трети фронтальной поверхности нуклеуса. Следующее снятие ориентировалось на ставший более объёмный другой край. Этот процесс мог повторяться несколько раз, пока нуклеус полностью не истощался. Похожий процесс получения сколов с обушком или асимметричных отщепов детально описан новосибирскими археологами на материалах хребта Арц-Богдо в Монголии [Деревянко, Петрин и др., 1998]. Впоследствии похожая система расщепления была выявлена в ближайших окрестностях Барун-Алан-1

на склонах горы Хэнгэрэктэ. В первую очередь это местонахождения Хэнгэр-Тын-2, Хэнгэр-Тын Скальная и скальное убежище Барун-Алан-3 [Ташак, 2004а; 2004б]. Здесь надо подчеркнуть, что новосибирские археологи рассматривают получение асимметричных отщепов в рамках леваллуазского расщепления, в то время как получение широких отщепов Барун-Алана-1 не леваллуазское.

У плоскофронтальных нуклеусов, как правило, расщеплению подвергались широкие или удлинённые (в зависимости от ориентации) плоские поверхности. На латерали расщепление переносилось редко, зафиксировано два чётких примера такого переноса. Интересно, что торцовые нуклеусы, вероятно из уровней 7-го слоя, переоформлялись в плоскофронтальные нуклеусы в 6-м слое.

Несмотря на то, что в 6-м слое преобладает параллельная система расщепления, пластины с плоскофронтальных нуклеусов скалывались крайне редко. Основным типом заготовки, получаемой при расщеплении данных нуклеусов, был пластинчатый (продолговатый, но широкий для пластины) отщеп. Также часто с таких нуклеусов получали удлинённые двухгранные широкие отщепы со слегка выпуклыми краями или с одним обушковым краем.

Все остальные типы нуклеусов представлены 33 экземплярами, что количественно меньше, чем группа плоскофронтальных нуклеусов. Из них наиболее многочисленная, это группа нуклеусов и их фрагментов, которые по признаку реберчатого оформления латералей и центральных негативов снятий на фронтальной поверхности, можно отнести к леваллуазским (6 экз.). Говоря о леваллуазских нуклеусах в 6-м слое Барун-Алана-1, стоит сделать несколько замечаний. Во-первых, один из них зафиксирован в слое 6/7 (контактная зона на границе двух литологических слоёв), но тыльная сторона нуклеуса была полностью погружена в тело слоя 7 (уровень 7а), а фронтальная поверхность перекрывалась отложениями слоя 6. Исходя из этого, можно предполагать, что нуклеус происходит из кровли слоя 7. Во-вторых, два выраженных ядрища с черепаховидным фронтом скалывания, но в разной степени повреждённых, найдены в норных ходах, которые изобилуют в слое 6, что также может служить основанием для предположения о перемещённости этих нуклеусов из 7-го слоя. Ещё два экземпляра отнесены к леваллуазским условно, поскольку оба предмета повреждены – расколоты вдоль. У них чётко выражено латеральное ребро, обозначены центростремительные сколы, оформляющие как фронтальную поверхность, так и тыльную. При этом в обоих случаях ударные площадки не оформлялись, фронтальные поверхности, за исключением латеральных рёбер, абсолютно плоские и по ним не прослеживаются этапы расщепления, как это можно наблюдать на многих нуклеусах этого типа из разных уровней седьмого слоя. Оба предмета имеют идентичные повреждения – продольное раскалывание, образующее своеобразный обушок, противолежащий реберчатой латерали. В таком виде артефакты напоминают заготовки бифасов. Подобное предположение не лишено оснований, поскольку на многих бифасах из 6-го слоя чётко прослеживаются приёмы подготовки и расщепления плоскофронтальных нуклеусов. Тем не менее, на фронтальных поверхностях артефактов сохранились следы продольных широких снятий, что позволяет

их рассматривать как повреждённые нуклеусы. Таким образом, леваллуазское расщепление в 6-м слое Барун-Алана-1, зафиксированное в виде нескольких нуклеусов, следует рассматривать нехарактерным для этого литологического уровня, а часть нуклеусов здесь явно оказалась случайно, остались на поверхности 7-го слоя и были переиспользованы населением 6-го слоя или были перемещены по норам.

Среди оставшихся нуклеусов можно выделить ещё две группы по четыре экземпляра. Одна из них представлена подпризматическими нуклеусами. Они отличаются от призматических нуклеусов 7-го слоя с выраженной направленностью на получение пластинчатых отщепов. Ни по одному негативу не видно, что с них скалывались пластины. На всех фронтальных поверхностях нуклеусов сохранились негативы от пластинчатых отщепов или широких отщепов. В плане получаемых заготовок, подпризматические нуклеусы являются частью каменной индустрии 6-го слоя. В плане принципа снятий подпризматические нуклеусы близки простым плоскофронтальным, поскольку скалывание ориентировалось на широкие грани, расположенные под углом друг к другу. Близки по внешнему виду и характеру расщепления плоскофронтальным нуклеусам ядрища типа шательперон – они демонстрируют такое же однонаправленное параллельное расщепление как и обыкновенные плоскофронтальные нуклеусы [Нехорошев, 1999, с. 36]. Один из них является заготовкой с только наметившимся расщеплением, два значительно повреждены и только один можно рассматривать как типичный. Это также нуклеус широким фронтом, но ярко выраженным началом расщепления с латерали и последовательным переносом скалывания на широкую плоскость. Не исключено, что некоторые плоскофронтальные нуклеусы 6-го слоя это сильно сработанные ядрища такого типа.

Призматическое расщепление в 6-м слое представлено косвенно – в средней части слоя обнаружен фронтальный скол с призматического нуклеуса. Кроме него в среднем и верхнем уровнях слоя 6 обнаружено две преформы с оформленными в виде клина дистальными концами и подготовленными ударными площадками. Один из них напоминает заготовку призматического нуклеуса, второй заготовку торцового клиновидного нуклеуса. Нуклеусы подобного типа на территории Западного Забайкалья встречаются в памятниках финала плейстоцена и раннего голоцена. В верхнем уровне 6-го слоя найден и один клиновидный нуклеус для микропластин, по форме близкий к коническим, что также характерно для памятников финального плейстоцена. Этот нуклеус изготовлен из риолит-порфира – типичного и обильного на данном памятнике сырья. Второй клиновидный микронуклеус, происходящий из 6-го слоя, найден в его подошве, в норе с жёлтым суглинистым заполнением, что предполагает его происхождение из слоя 7. Микронуклеус узкий, изготовленный на отщепе яшмового сырья, одна его латераль ровная и гладкая, на вторую латераль далеко распространяются негативы от снятых микропластинок – фронт скалывания активно перемещался с торца на боковую поверхность.

Показательно, что заготовки призматического и клиновидного нуклеусов, характерные для финальной стадии палеолита или неолита Забайкалья, встречены в верхней части слоя 6, где каменные находки разрознены и среди них преобладают отходы

расщепления, что затрудняет их культурную интерпретацию. Исходя из большого количества нор в верхней части слоя 6 и разрозненного на разных уровнях положения каменных артефактов и фрагментов керамики, верхнюю часть слоя 6 следует рассматривать как уровень переотложения каменных артефактов, в котором и могли оказаться нуклеусы из маломощных и полностью повреждённых культурных горизонтов финального плейстоцена – раннего голоцена. Ещё одна группа артефактов представлена многогранными и кубовидными ядрищами – всего 5 экземпляров. Именно на кубовидных ядрищах (3 экз.) наблюдается ортогональное расщепление.

Все остальные типы нуклеусов единичны, в совокупности это 10 экземпляров. Треть из них представляют начальную стадию расщепления.

Заключение

Анализ представительного набора нуклеусов 6-го слоя убедительно демонстрирует преобладание плоскофронтальных (неповоротных) форм. Основным типом скола, получаемом при расщеплении таких нуклеусов в 6-м слое, является продолговатый отщеп, как правило, с одной широкой гранью и узкими остальными гранями и/или обушком по одному краю. Пластины, явление очень редкое для слоя 6 Барун-Алана-1, что сближает индустрию хэнгэрэктэ с каменной индустрией 3-го культурного горизонта Куналея и Каменки (комплекс Б).

Сравнение первичного расщепления на Куналее и в нижнем уровне 6-го слоя Барун-Алана-1 показывает, что ортогональные нуклеусы, широко представленные на Куналее, согласно М.В. Константинову [1994], более редки для Барун-Алана, на котором предпочтение отдавалось параллельному расщеплению плоскофронтальных нуклеусов. Характеризуя ортогональное расщепление Куналея М.В. Константинов подчёркивает, что это бессистемное расщепление многоплощадочных и многогранных кусков сырья, которые предстают как нуклеусы для получения отщепов [Константинов, 1994, с. 137]. В 6-м слое Барун-Алана-1 также зафиксированы крупные куски сырья с разнонаправленными негативами от сколотых отщепов, но они немногочисленны относительно всей группы нуклеусов. Как было показано, кубовидные ядрища Барун-Алана-1, демонстрирующие ортогональное расщепление по типу Куналея, зафиксированы всего в трёх экземплярах. Таким образом, анализируя первичное расщепление двух непластинчатых археологических объектов Западного Забайкалья: 3-го культурного горизонта Куналея и 6-го слоя Барун-Алана-1 следует подчеркнуть, что в их основе лежат две сильно различающиеся каменные индустрии.

Археологические материалы 3-го культурного горизонта Куналея, в плане первичного расщепления, рассматриваются Л.В. Лбовой как «ближайший аналог в Забайкалье» археологическим материалам Каменки (комплекс Б) [Лбова, 2000, стр. 122]. В описательной части археологических материалов Каменки (Б) приведены характеристики 15 нуклеусов, среди которых наблюдается разнообразие: дисковидные, торцовые, монофронтальные двухплощадочные с параллельной системой снятия заготовок. Кроме этого, указано ещё 8 микронуклеусов или остаточных нуклеусов

(по терминологии Л.В. Лбовой) [там же, стр. 48]. Давая общую характеристику каменной индустрии Каменки (Б), Л.В. Лбова пишет об ортогональных нуклеусах как важном элементе в технологии ансамблей, но в описательной части к ортогональным можно отнести разве, что один экземпляр. В целом, нуклеусы Каменки (Б), во-первых, немногочисленны, что затрудняет получение репрезентативной картины по первичному расщеплению и, во-вторых, довольно разнообразны, что не позволяет однозначно рассматривать как близкие аналоги первичное расщепление 3-го культурного горизонта Куналея и Каменки (Б). Сравнение первичного расщепления, в части нуклеусов, Каменки (Б) и 6-го слоя Барун-Алана-1 также не позволяет говорить о единой традиции в расщеплении каменного сырья.

Таким образом, первичное расщепление 6-го слоя Барун-Алана-1 (в первую очередь его нижнего уровня) демонстрирует самостоятельную каменную индустрию, направленную, преимущественно, на получение продолговатых, но достаточно широких пластинчатых отщепов. Данная индустрия, в целом отличается как от индустрии 3-го культурного горизонта Куналея, так и от индустрии Каменки (Б).

Литература

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Кривошапкин А.И. Вариант леваллуазского рекуррентного метода для получения треугольных сколов в палеолитических комплексах северо-восточного фаса Арц-Богдо (Южная Монголия) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий (Материалы международного симпозиума). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 256 – 264.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ – Чита: Изд-во ИОН БНЦ СО РАН; ЧГПИ им. Н.Г. Чернышевского, 1994. – 265 с.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.

Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. – СПб: Издательство «Европейский дом», 1999. – 172 с.

Ташак В.И. Археологические памятники среднего палеолита Западного Забайкалья // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2004а. – Вып. 2. – С. 103 – 111.

Ташак В.И. Вариант развития среднепалеолитических индустрий Западного Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004б. – № 4. – С. 2 – 12.

Ташак В.И. К вопросу о происхождении бифасиальных орудий в Западном Забайкалье // Этноистория и Археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. – С. 85 – 88.

Ташак В.И. Стратиграфия и хронология палеолитических памятников горы Хэнгэрэктэ (Западное Забайкалье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. – С. 53 – 62.

Ташак В.И. Индустрия отщепов в начале верхнего палеолита Забайкалья // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. – Материалы XV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Аграф-Пресс, 2010а. – С. 288 – 291.

Ташак В.И. К обоснованию новой археологической культуры в верхнем палеолите Забайкалья // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8. Востоковедение, 2010б. – С. 234 – 241.

Ташак В.И. Бифасиальные изделия в палеолите Забайкалья // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. – Уссурийск: Изд-во УГПИ (Уссурийский государственный педагогический университет), 2011. – С. 130–140.

А.В. Тетенькин[28]

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ КОВРИЖКА IV НА НИЖНЕМ ВИТИМЕ

Статья посвящена обзору результатов исследования в 2004-2014 гг. стоянки Коврижка IV на Витиме и перспективам развития на этой основе археологии раннего голоцена в районе. На стоянке выделено 10 уровней залегания культурных остатков. Полученные радиоуглеродные даты по 5 и 6 культурным горизонтам – около 8 тыс.л.н. Наиболее информативным является 6 культурный горизонт. Культурно-типологически комплексы наиболее представительных культурных горизонтов характеризуются как финальнопалеолитические. Для 6 культурного горизонта наиболее близкие аналоги найдены среди ансамблей типа Авдеихи.

Ключевые слова: Коврижка IV, финальный палеолит, ранний голоцен, Витим, технологии производства клиновидных нуклеусов, проблема культурной вариабельности ансамблей.

A.V. Tetenkin

The results and perspectives of research of the site Kovrizhka IV on lower Vitim River

The article is devoted to review of some results of research of site Kovrizhka IV on Lower Vitim River in 2004-2014 and some perspectives of developing the archaeology of Early Holocene in this region. There are 10 cultural levels delineated in site Kovrizhka IV. Two radiocarbon dates of cultural horizons 5 and 6 are dated by 8,000 BC (non calibrated). The most informative assemblage is cultural horizon 6. All well-presented assemblages have Final Paleolithic oblique. For the 6th cultural horizon analogues are found among the Avdeikha Type of Assemblages.

Key words: Kovrizhka IV, Final Paleolithic, Early Holocene, Vitim River, technologies of manufacturing of wedge-shaped microcores, problem of cultural variability of assemblages.

Введение

В 2004 году автором данной статьи в урочище Коврижка на Витиме был заложен шурф с порядковым номером 10. Выявленный в нем первый археологический материал положил начало исследованиям на данном участке долины. Спустя 10 лет это местонахождение, известное как Коврижка IV, становится одним из самых перспективных и информативных в археологии первой половины голоцена в долине нижнего течения Витима.

Памятник входит в ансамбль геоархеологических местонахождений «Коврижка» (Коврижка I-V), расположенный на правом берегу Витима, в 15 км ниже по течению от г. Бодайбо и в 2 км ниже от устья рч. Большой Якорь и одноименной стоянки Большой Якорь I [Тетенькин, 2010]. В местонахождение Коврижка IV выделен участок 11-метровой надпойменной террасы, приходящийся на поперечное куэстовое тело (селективно денудированные моносинклинально залегающие горные породы), огра-

[28] ТЕТЕНЬКИН Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии Иркутского государственного технического университета. E-mail: altet@list.ru

ниченное выше и ниже по течению ложками. Работы на стоянке проводились в 2007, 2009, 2010, 2012 и 2014 гг.

Культуровмещающие отложения последовательно представлены подпочвенными супесчаными горизонтами В, С мощностью до 0,60 м, пачкой аллювиальных ритмичнослоистых песков мощностью около 1,9 м, галечно-валунной толщей, пройденная мощность 0,8 м (рис. 1). На данный момент выделено 10 уровней залегания артефактов: 1, 2, 3, 3А, 3Б, 4, 4А, 5, 6, 7 культурные горизонты. По 5 и 6 к.г. получены радиоуглеродные даты, соответственно, 7940±205 л.н. (СОАН-7294) и 8350±120 л.н. (СОАН-8839) (здесь и далее возраст не калиброван). Поскольку в 1 к.г., подпочвенной оранжево-бурой супеси был найден клиновидной нуклеус (рис. 3 – 1), по-видимому, кровля рыхлых отложений здесь была сформирована не позднее середины голоцена (~6-7 тыс.л.н.). 4А и 7 к.г. представлены пока единичными находками в аллювиальных слойках. 1, 2, 3, 3А, 3Б, 4, 5 и 6 к.г. в разной степени археологически представительны. Для 1-5 к.г. общей выявленной планиграфической особенностью являются немногочисленные пятна скоплений культурных остатков, приуроченные к крупным камням, плитам или валунам, формирующим рабочее место – наковальням, столикам и т.п.

Каменное производство во всех выявленных культурных горизонтах основано на расщеплении порфиритовых и диабазовых галек местного происхождения. Небольшую долю (около 1%) составляют артефакты из экзотичных жильного и дымчатого кварца, горного хрусталя, граффитита, бардового аргиллита, халцедона. Соответственно, часть орудий – это морфо-типологически неустойчивые отщепы с маргинальной ретушью. Наиболее многочисленной категорией орудий являются скребки (рис. 2 – 2, 3, 5, 6, 7, 9, 10; 3 – 4, 5, 19; 4 – 6, 7). В 3Б к.г. найден копьевидный остроконечник-унифас (рис. 2 – 13). Предмет имеет ярко выраженную тщательно выработанную форму, встреченную в археологии Витима впервые. Дорсальный фас его тщательно и полностью обработан. Левый край помимо крупной оформляющей ретуши имеет ряд «нижней» мелкой ретуши подтески лезвия. Правый край имеет тщательную отделку лишь на половине лезвия, прилегающей к концу конвергенции лезвий. База остроконечника имеет негативы удаления ударного бугорка на вентральном фасе и на дорсале желобчатый негатив широкого подпрямоугольного снятия, продольного оси орудия, смещенного к правому краю. Лезвие левого края имеет выемку амортизационного происхождения и несколько негативов той же природы на вентральном фасе. По-видимому, это нож, имевший и рукоять.

Для получения микропластин служили клиновидные нуклеусы (рис. 2 – 11, 12; 3 – 1; 4 – 10-13, 15). В 1, 3, 3А и 6 к.г. они имели ударную площадку, оформленную множественными поперечными и фронтальными сколами. Для всех выявленных клиновидных нуклеусов преформой были бифасы. В 4 и 5 к.г. найдены лыжевидные сколы (рис. 3 – 3, 16), по-видимому, оставшиеся в результате действия юбецоидной техники редуцирования бифаса. Эталонными ансамблями этого типа являются 3А-8 к.г. Большого Якоря I [Инешин, Тетенькин, 2010].

Фрагмент графititовой поделки из 4 культурного горизонта (рис. 3 – 6) представляет собой обломок, судя по всему, подвески с одной лицевой, уплощенной шлифовкой стороной. Фрагмент имеет часть конического сверленого отверстия диаметром 6 мм. Ребро изделия образовано плоской шлифованной лицевой поверхностью и фаской-гранью вдоль края на противолежащей, обратной стороне, не несущей, в целом, следов оформления. По ребру изделия просматриваются 7 поперечных насечек. Длина обломка 3, 5 см, ширина 2,3 см. Учитывая то, что одна из сторон подвески не отшлифована, а две насечки едва намечены, можно предположить, что подвеска была сломана в процессе изготовления.

Наиболее выразительным является 6 культурный горизонт. Культурные остатки залегают *in situ*. Мощность культурного слоя около 1 см. Частично выявлена жилая структура, представленная очагом, скоплением артефактов вокруг него и выявленной в пределах раскопа дугой из 9 плит и валунов внешней обкладки радиусом около 2 м. Раскопки этого комплекса продолжаются. Его инвентарь на данный момент типологически наиболее представителен для Коврижки IV. Изделия представлены 4 клиновидными нуклеусами, 1 скреблом-унифасом, двумя округло-овальными скребками с параболическим лезвием, 2 отщепами с фигурно выделенным краевой ретушью лезвием, 1 ножом-унифасом с вогнутым лезвием, 3 резцами из осколков горного хрусталя, дымчатого кварца и халцедона, 1 подчетырехугольным вкладышем из сланца, 1 массивным крупнозернистым сколом с краевой ретушью, 3 сбитыми лезвиями (рис. 4).

Культурно-типологическая оценка 6 к.г. следует как финальнопалеолитическая. Все типы изделий – нуклеусы, скребло, скребки, нож, резцы – находят свои аналоги в ансамблях Авдеихи, Коврижки III, или Большого Якоря I [Инешин, Тетенькин, 2010; Тетенькин, 2014]. Акцент на технике изготовления клиновидного нуклеуса ставит 6-ой, а также верхние 1, 3, 3А к.г. в линию ансамблей типа Авдеиха: Авдеиха (12-15 тыс.л.н.) – Коврижка III, 2, 3 к.г. (10,4 – 11,4 т.л.н.) – Коврижка II, 1-4, 4А к.г. (7-8,3 тыс. л.н.).

Несмотря на плохую сохранность кости А.М. Клементьевым по зубам были определены для 3Б, 5, 6 к.г. особи снежного барана и для 6 к.г. – лося.

Продолжение исследования Коврижки IV и, прежде всего, 6 культурного горизонта имеет перспективы развития ряда аспектов археологии конца плейстоцена – раннего голоцена Нижнего Витима.

Инситный характер культурных остатков 6 к.г., быстро погребенных паводковым аллювием в купе с обстоятельствами наличия жилых структур позволяет изучать вопросы организации поселения, сезонности и хозяйственного уклада. Орудийный комплекс именно в силу принадлежности к одной для всех предметов деятельностной ситуации становится наиболее репрезентативным для ансамблей типа Авдеихи на этапе около 8 тыс.л.н.

Время 8 – 8,3 тыс.л.н. представлено наиболее широко в группе местонахождений Коврижка. На 1-ой (11 м) террасе это 6 к.г. Коврижки IV, на 2-ой (17-18 м) террасе это 3, 4, 4А к.г. Коврижки II, на 3-ей (22 м) террасе это 1, 1А к.г. Коврижки III. Если

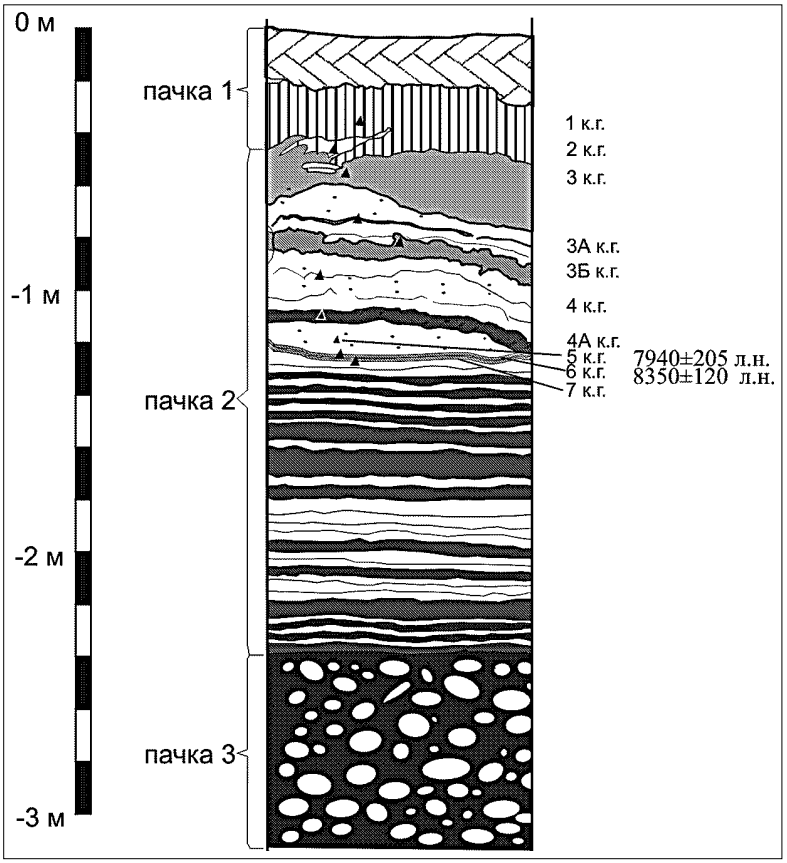

Рис. 1. Схема стратиграфического разреза Коврижки IV.
Figure 1. Schema of stratigraphic section of site Kovrizhka IV

комплексы Коврижки IV и II принадлежат к ансамблям типа Авдеиха, то 1А к.г. Коврижки III – это представитель линии ансамблей типа Большой Северной. Они отличаются приносным цветным вулканическим стеклом (кремнями), массовым производством микропластин с призматических микронуклеусов [Мочанов, 1977; Тетенькин, 2011; Тетенькин, 2014]. Гипотеза объяснения причин вариабельности археологически синхронных ансамблей состоит в сезонном характере смены технологического и типологического облика. Суть идеи в том, что комплексы палеолитического облика базируются на местное галечное сырье, а более «прогрессивные», «мезолитические» комплексы основаны на эксплуатации приносного сырья. С начала голоцена, когда в результате масштабной дегляциации стали доступны к эксплуатации удаленные внутренние районы Байкало-Патомского нагорья, были открыты источники цветного кремня (вулканического стекла) и началась эксплуатация этого ресурса на основе техники микропластинчатого отжима призматических нуклеусов. В ситуациях сезонной нехватки этого производственного сырья люди переходили к эксплуатации местного галечного ресурса, неизбежно приводившего к более архаичным способам расщепления: отщеповому производству и технике клиновидно-торцового микронуклеуса. Роль сезонного паводка на Коврижке в этой связи может быть ключом к выявлению сезонной закономерности в выборе для поселения низких или высоких участков долины Коврижки.

Работы, проводимые на стоянке Коврижка IV, на текущий момент, таким образом, являются «точкой роста» развития археологии каменного века Нижнего Витима.

Литература

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. – Новосибирск: Наука, 2010. – 270 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.

Тетенькин А.В. Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995-2009 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2010. – Вып.8. – С. 64-134.

Тетенькин А.В. Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т.I. – СПб-М-Великий Новгород, 2011. – С.94-95.

Тетенькин А.В. Стоянка Коврижка III в археологии Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I. – Казань: Отечество, 2014. – С.163-168.

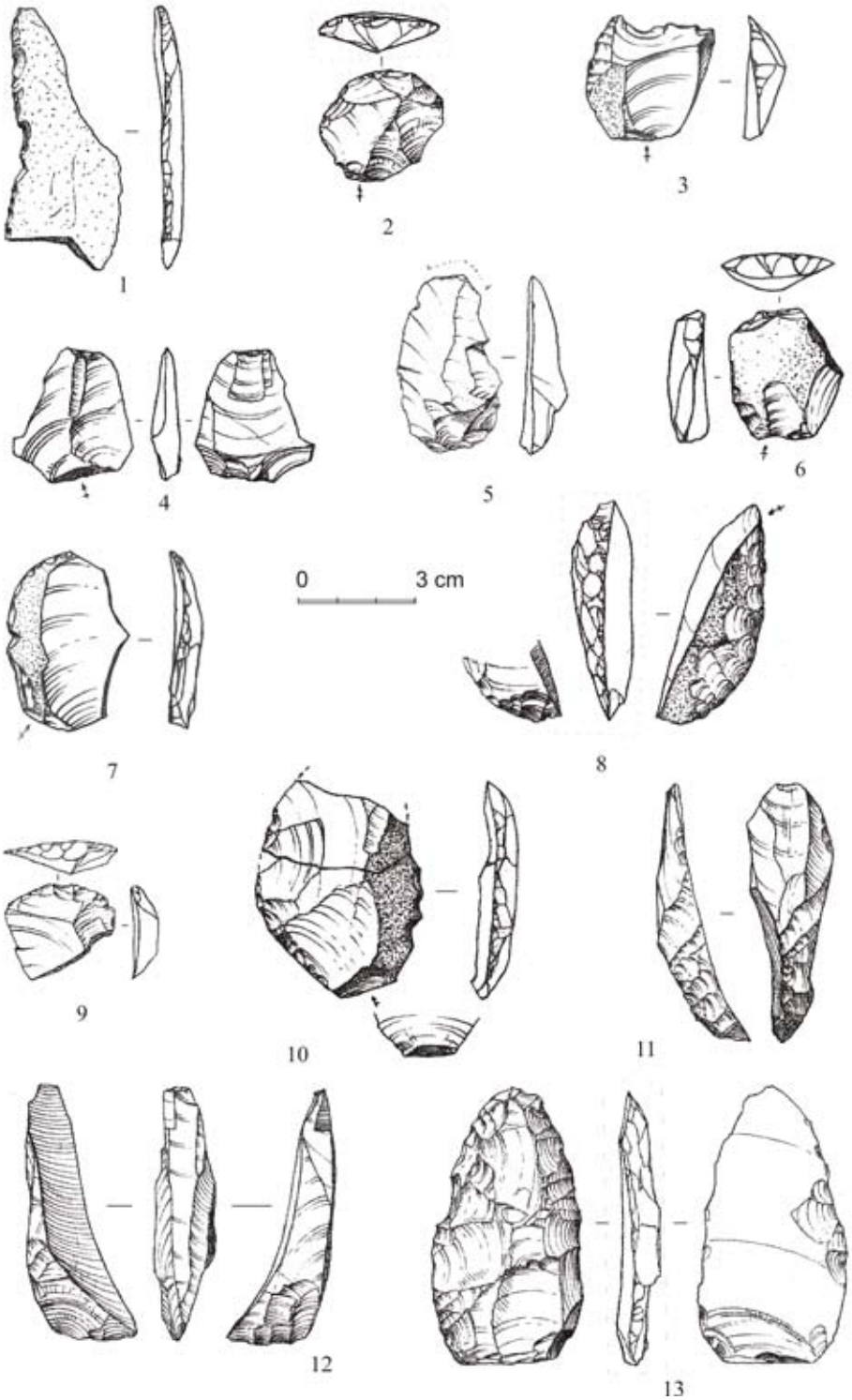

Рис. 2. Изделия из камня: 1 – отщеп с ретушью, 2,3, 5-7, 9,10 – скребки, 4 – долотовидное орудие, 8 – сбитое лезвие, 11, 12 – фронтальные сколы с клиновидных нуклеусов, 13 – унифасиальное орудие (нож?); 1 - 1 к.г., 2 - 8 - 2 к.г., 9 - 11 - 3 к.г., 12 - 3А к.г., 13 - 3Б к.г.

Figure 2. Stone tools: 1 – retouched flake, 2,3, 5-7, 9,10 – endscrapers, 4 – chisel, 8 – splitted working edge, 11, 12 – frontal spalls from wedge-shaped microcores, 13 – unifacial tool (knife?); 1 - cultural horizon 1 (c.h.), 2 - 8 - c.h. 2, 9 - 11 - c.h. 3, 12 - c.h. 3A, 13 - c.h. 3B.

С.М. Фокин[29]

НОВЫЙ ГОЛОЦЕНОВЫЙ ПАМЯТНИК НИЖНЕГО ПРИАНГАРЬЯ – ПОСЕЛЕНИЕ-МОГИЛЬНИК СКОРОДУМНЫЙ БЫК

Археологической экспедицией музея Сибирского федерального университета под руководством автора статьи в 2010 г. было открыто поселение-могильник Скородумный Бык, расположенное в Мотыгинском районе Красноярского края на Ангаре. В 2010 и 2012 гг. исследовалась восточная часть памятника. В результате исследований на памятнике были выявлены материалы от неолита до этнографического времени, в том числе четыре погребения, относящиеся к эпохе железа. Ведению в научный оборот полученных материалов и посвящена данная статья.

Ключевые слова: археология, неолит, бронзовый век, железный век, средневековье, могильник, поселение, Нижнее Приангарье.

S.M. Fokin

NEW GOLOTSENOVY MONUMENT OF LOWER ANGARA REGION – THE SETTLEMENT-BURIAL GROUND THE SKORODUMNY BIK

Archaeological expedition of the museum of the Siberian federal university under the leadership of the author of article in 2010 opened the settlement burial ground the Skorodumny Bik located in the Motyginsky region of Krasnoyarsk Krai on Angara. In 2010 and 2012 east part of a monument was investigated. In 2013 excavation was carried out in the western part. As a result of researches on a monument materials from the Neolithic till ethnographic time, including four burials relating to an iron era were revealed. In a scientific turn of the received materials this article is devoted to maintaining.

Key words: archeology, Neolithic, bronze age, Iron Age, Middle Ages, burial ground, settlement, Lower Angara region

Поселение-могильник Скородумный Бык расположен на поверхности 22-24-метровой террасы левого берега р. Ангары в 2,3 км юго-западней с. Рыбное (на другом берегу от села). Терраса занимает всю площадь скалистого утеса Скородумский Бык. Протяженность памятника вдоль р. Ангара составляет почти 500 м, ширина вглубь террасы до 100 м. На этой территории параллельно краю террасы выявлены 74 котлована углубленных археологических объектов. Кроме того здесь визуально читается заброшенная траншея неизвестного назначения глубиной от 1,5 до 2 м и шириной до 2 м, проходящая почти через всю территорию памятника, вдоль его южной границы. Археологические изыскания в 2010 и 2012 гг. проводились на восточной части памятника непосредственно на быку. Суммарная площадь вскрытия составила 69 м^2. Археологический материал залегал в двух культурных слоях.

[29] ФОКИН Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела археологии и этнографии Красноярского краевого краеведческого музея. E-mail: smf.kkkm@mail.ru

I культурный слой представлен поддерновым слоем серой супеси мощностью от 5 до 20 см, залегающем на глубине от 4 до 20 см от уровня современной дневной поверхности. В слое выявлено погребение № 2, еще два погребения – № 3 и № 4 впущены в нижележащий слой. Все захоронения выполнены по обряду трупосожжения на стороне. Так как материалы погребений опубликованы [Фокин, 2013а], то ограничимся их краткой характеристикой. Сопроводительный инвентарь погребения № 2 состоял из остатков железного ножа и железной ременной пряжки. В третьем захоронении выявлены железные тесак, тесло, «Y»-образный предмет, скоба, семь длинночерешковых долотовидных шипастых наконечников стрел и два ножа. В погребении № 4 встречены железные накладки на поясной ремень и ременная пряжка. Погребения датируются средневековым временем: № 2 – середина – 2-ая пол. I тыс. н.э.; № 3 – XI – XIV вв.; № 4 – X – XI вв.

Помимо погребений в слое обнаружены остатки железоплавильного горна и куски железоплавильных шлаков. Поблизости от горна найдены железные, вторично закаленные предметы, включающие в себя восемь плоских подтреугольных наконечников стрел, пять из которых имеют шиповидное оформление плечиков и короткий насад (рис.1 – 13-20), напильничек (рис.1 – 11), иглу (рис.1 – 9), две подпрямоугольные пластины (рис.1 – 12, 21), короткий стерженек (рис.1 – 8) и еще один стержень один край которого заострен, а другой уплощен (рис.1 – 10). Встречены отдельные камни со следами шлифовки и потертостей. Большинство находок представлено фрагментами от 10 керамических сосудов. Среди них часть сосуда выполненного на гончарном круге, и сосуды украшенные рядами гребенчатых штампов в зоне венчика (рис.1 – 5-7). Помимо этого в слое попадаются отдельные находки, приуроченные к нижележащему горизонту. Среди них бронзовый нож, имеющий спиралевидную орнаментацию у отверстия рукояти с одной стороны. В профиле он изогнут и надломан посередине (рис.1 – 1, 1а). Так же имеются отдельные фрагменты керамики и отщепы, явно происходящие из нижележащего слоя.

II культурный слой представлен слоем коричневой супеси мощностью от 20 до 65 см (средняя мощность 40 см), залегающей на глубине от 15 до 30 см от современной дневной поверхности. К этому горизонту приурочено подавляющее большинство находок. В основном находки залегают в верхней половине слоя. Распределение артефактов не связано с глубиной залегания – в нижней части слоя выявлено немалое число фрагментов керамики, принадлежащих сосудам, фиксируемых в верхней половине слоя. Не наблюдается типологическое различие и между каменными артефактами. Археологический материал со слоя представлен бронзовыми, керамическими, каменными и костяными артефактами.

К бронзовым находкам относятся вотивный нож (рис.1 – 3), обломок острия ножа с ребром жесткости (рис.1 – 4) и боченкообразная бусинка (рис.1 – 2). Кроме того в слое выявлено погребение № 1, выполненное по обряду трупосожжения на стороне, которое так же опубликовано [Фокин, 2013б]. Погребальный

инвентарь включал в себя бронзовые нож, фигурку льва, диадему и 11 боченкообразных бусинок. Датируется захоронение VI в. до н.э.

Керамическая коллекция представлена фрагментами от 45 сосудов, семь из которых были частично реставрированы по венчику. Пять сосудов имеют прямой, либо слабопрофилированный венчик. Внешние стенки несут следы залощения и орнаментированы поясом ямок. За исключением одного сосуда на остальных орнамент дополнен гребенчатыми штампами, нанесенными как изнутри, так и снаружи (рис.2 – 1-3, 7). Шестой сосуд орнаментирован рядами налепных тонких обмазочных валиков, расщепленных пальцевыми защипами, которые по тулову выстраиваются в шевроновдиный мотив. Венчик утолщен и его края офрмлены под мотив «волна». В зоне плечиков и по тулову проходят два ряда прямоугольно-ямочных вдавлений (рис.2 – 4, 4а). Седьмой сосуд несет следы выколотки стенок рубчатой колотушкой. Орнаментирован поясом ямок под венчиком и спускающимся неровным рядом аналогичных, но неглубоких вдавлений по тулову. С внутренней стороны край венчика украшен наклонными вдавлениями (рис.2 – 6). Еще один сосуд имеет утолщенный венчик и налепное горизонтальное ушко (рис.2 – 5).

Остальные сосуды представлены отдельными фрагментами керамики. Среди них семь сосудов, украшенных «жемчужным» орнаментом, венчик сосуда, орнаментированный горизонтальными прочерченными линиями, сосуд с техническим декором «шагающая качалка», фрагменты стенок сосудов с выколоткой рубчатой колотушкой и шесть сосудов, декорированные «сеткой-плетенкой».

Многочисленны и выразительны каменные артефакты. Выявлено одиннадцать топоров-тесел (рис.2 – 8-15, 19). Среди них пять экземпляров, включая нефритовое шлифованное теслецо, лежали компактной группой глубже всех остальных находок в кровле материкового слоя (рис.2 – 8, 9, 12-14). Так же в значительном числе представлены скребловидные орудия (14 экземпляров) (рис.2 – 20 – 25), пятнадцать каменных наконечников стрел, из которых десять являются подтреугольными с вогнутой базой, два листовидной формы и один ромбовидный с насадом. Еще два экземпляра представлены обломками. Было найдены семь нуклеусов, включая четыре призматических и девять выпрямителей стрел. Имеются каменное грузило и более двух десятков камней со следами сколов и сработанности. В слое обнаружено 382 отщепа и 124 скола.

Остеологическая коллекция представлена 13 костями и 7 зубами медведя.

Проведенные раскопки дали многообразный и выразительный материал, который требует тщательного анализа. Ограничимся пока предварительными заключениями.

I культурный слой. Наличие в слое керамики, выполненной на гончарном круге, свидетельствует, что верхней границей существования памятника является XVIII – нач. XX вв. В основном слой содержит более ранние находки. Судя по керамической коллекции, материалы могут датироваться периодом развитого средневековья [Фокин, 2007, с. 16-20]. Выявленные в слое железные предметы

не являются эталонными. Плоские подтреугольные наконечники стрел начали изготавливать еще в начале н.э. и такого вида наконечники дожили до начала XX в. Стерженьки, как и напильничек и вовсе не могут являться хронологическими маркерами.

Не вносит определенной ясности и выявленные погребения. Различный сопроводительный инвентарь погребений и разная его сохранность позволяют считать, что могильник в средневековье существовал длительное время и погребения неодновременные. Вопрос этнокультурной принадлежности захоронений пока остается открытым, хотя не вызывает сомнений, что все они оставлены автохтонным таежным населением. Автохтонность населения подтверждается и наличием вышеописанной керамики, характерной для тайги Приенисейской Сибири.

Таким образом, на сегодняшний день можно с уверенностью сказать только то, что на протяжении всего средневековья данный памятник функционировал. Наличие в слое остатков железоплавильного производства свидетельствует, что это место в определенные временные рамки функционировало не как кладбище, но и как трудовая площадка.

II культурный слой. Датировка бронзовых изделий определяется по ножам. Заметна массивность ножей, что характерно для раннего этапа тагарской культуры. Н. Л. Членова датирует такой материал VII-V вв. до н.э. [Членова, 1967, с.170-171]. Не противоречит этой датировке и возраст погребения № 1 – 2545±95 лет (СОАН-8322). Боченковидные бусы были распространены в течение всего раннего железного века на широкой территории Сибири. Таким образом, бронзовые предметы с поселения относятся к раннему периоду раннего железного века.

Однако датировка металлических изделий не позволяет нам в целом датировать материалы слоя, поскольку они охватывают более широкий хронологический диапазон.

Датировку многочисленного материала можно конкретизировать по анализу керамики.

Большинство сосудов (рис.2 – 1-3, 7) имеют сходство с керамикой серовского времени неолита Прибайкалья (оз. Байкал: IV слой Саган-Забы, IX слой Улан-Хады и др). Датируются слои в диапазоне 4850±130 л. н. – 4560±100 л.н. [Савельев, Генералов, Абдулов, 1984; Горюнова и др., 2007]. Встречены похожие экземпляры и в окрестностях г. Красноярска в 10 культурном слое пещеры Еленева. Слой датируется 4655+30 л.н. (СО АН 2905); 4930+55 л.н. (СО АН 3295); 5365±95 л.н. (СО АН 2940) [Макаров и др., 2008]. Однако подобный орнамент продолжает существовать и в эпоху бронзы. Упрощение композиции орнамента по сравнению с серовскими и форма сосудов могут указывать как на хронологическую, так и территориальную специфику.

Сосуд № 6 находит аналогии по Енисею. Ближайший сосуд, отличающийся отсутствием утолщенного венчика и наличием овальных, а не прямоугольных

вдавлений, найден на стоянке Лесосибирская-3 (раскопки П. В. Мандрыка). Другие аналогии встречены на поселении Язаевка по Енисею. Керамика, украшенная тонкими обмазочными валиками, появляясь в конце II – нач. I тыс. до н. э. начинает распространяться в раннем железном веке и приобретает широкое бытование в Приенисейской Сибири уже в I тыс. н. э. Раннюю керамику отличает

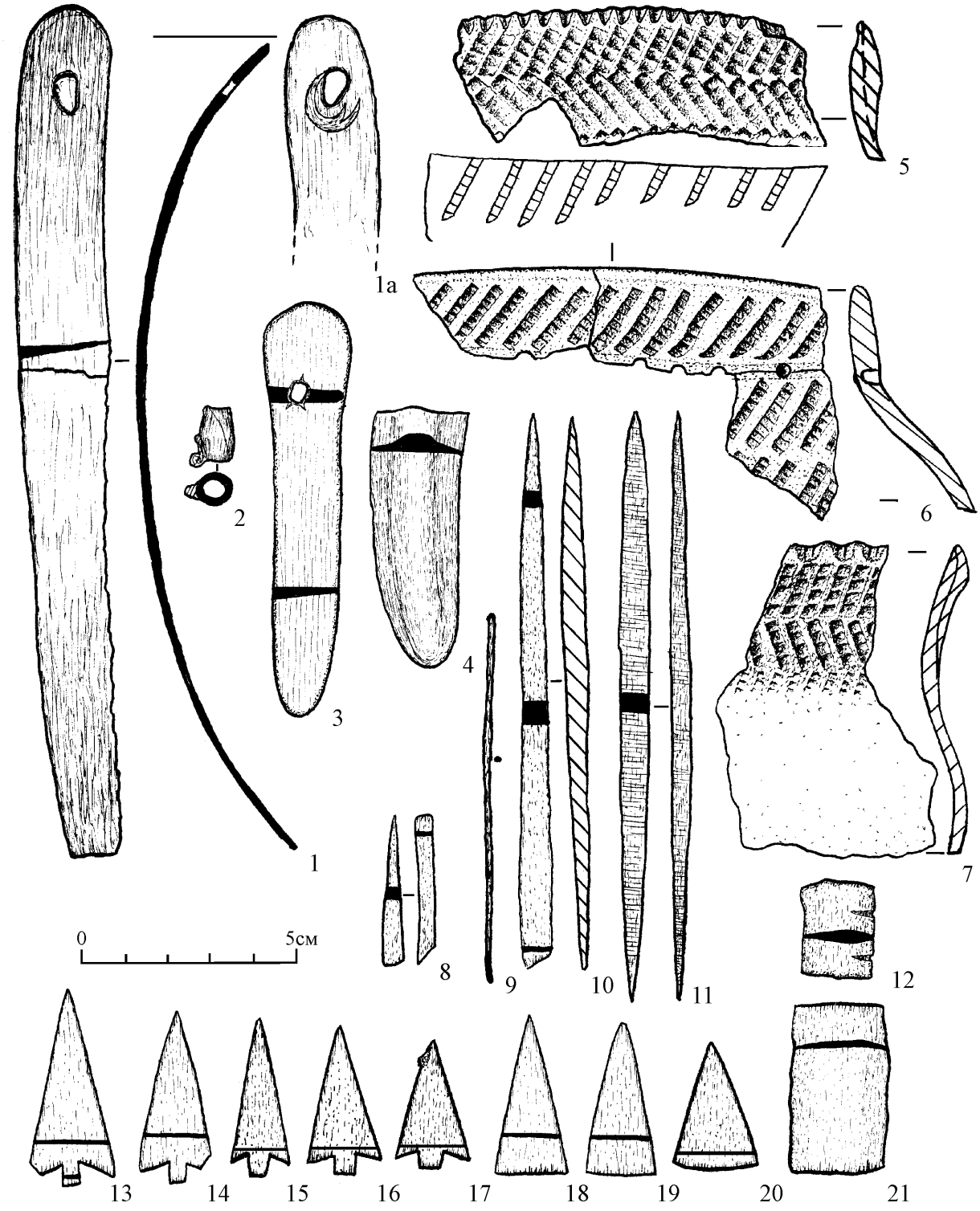

Рис. 1. Находки I (1, 1а, 5-21) и II (2-4) культурного слоев. 1 – 4 – бронза, 5 – 7 – керамика, 8 – 21 – железо.
Drawing 1. Finds I (1, 1a, 5-21) and II (2-4) of occupation layers. 1 – 4 – bronze, 5 – 7 – ceramics, 8 – 21 – iron.

богатство и разнообразие орнаментации, в то время как позже все сводится к налепу валиков, которые с начала н. э. становятся уже просто гладкими, а не оформленными пальцевыми защипами.

Сосуды, для которых характерна техника выколачивания рубчатой или обмотанной шнуром колотушкой относятся к бронзовому веку. Широко они представлены на памятниках Енисея в районе Казачинских порогов (поселения Бобровка, Усть-Шилка, Шепилево и др.). Ближайшие к Скородумному Быку памятники, где найдена подобная керамика – стоянка Усть-Фомина у Стрелковского порога на Ангаре и стоянка Усть-Самоделка ниже устья Ангары по Енисею. С поселения Бобровка с 6 и 7 культурных слоев, в которых обнаружена керамика с подобным техническим декором имеются ряд дат: 4065±25 л.н. (СОАН – 3679), 4150±25Л.Н. (СОАН – 3680), 4475±100 л.н. (СОАН – 3681) и 4560±65 л.н (СОАН – 3682), то есть укладываются в границы XXVI–XXI вв. до н.э [Мандрыка и др. 1998, с.171-172].

Сосуды, где основным орнаментом является пояс «жемчужин» под венчиком, датируются так же бронзовым веком. Именно в это время они получают широкое распространение. Общее хронологические рамки определяются в 2,7 – 4,5 тыс. л. н. [Савельев и др., 2011].

Сосуд, украшенный «шагающей качалкой», был широко распространен в сибирском регионе в III тыс. до н.э. [Макаров, 2003, с.162-163].

Сосуды с оттисками «сетки-плетенки» характеризуют хронологический интервал для памятников Приангарья, Прибайкалья и таежного Енисея в рамках 7 (7,9) – 5 тыс. л.н. [Горюнова и др., 2011].

Что касается каменного инвентаря, то, несмотря на наличие целого набора выразительных предметов (каменная рыбка, топоры, скребки и нуклеусы), они не выступают четким хронологическим маркером. Все эти изделия широко использовались как в период неолита, так и в бронзовом веке. Каменные наконечники стрел и выпрямители применялись еще и в раннем железном веке. Поэтому, учитывая, что большинство керамического материала относится ко времени конца IV – III тыс. до н.э., считаем, что именно к этому периоду и относится основное функционирование памятника, как поселения. В целом же хронологические рамки для II культурного слоя охватывают время от V тыс. до н.э. (по керамике «сетка-плетенка») до середины I тыс. до н.э. (по бронзовым изделиям).

Наличие аналогий среди материалов Прибайкалья и Енисея позволяет считать, что в период неолита и бронзового века здесь проживали этнические группы близкие по своему культурному облику населению Прибайкалья, входя, вероятно в единую культурную общность.

Таким образом, нами открыт новый археологический памятник, материалы которого датируются от неолита до этнографического времени. Значительная площадь памятника, наличие закрытых объектов и многочисленные яркие выразительные находки позволяют считать продолжение дальнейших исследований на поселении-могильнике Скородумный Бык перспективными.

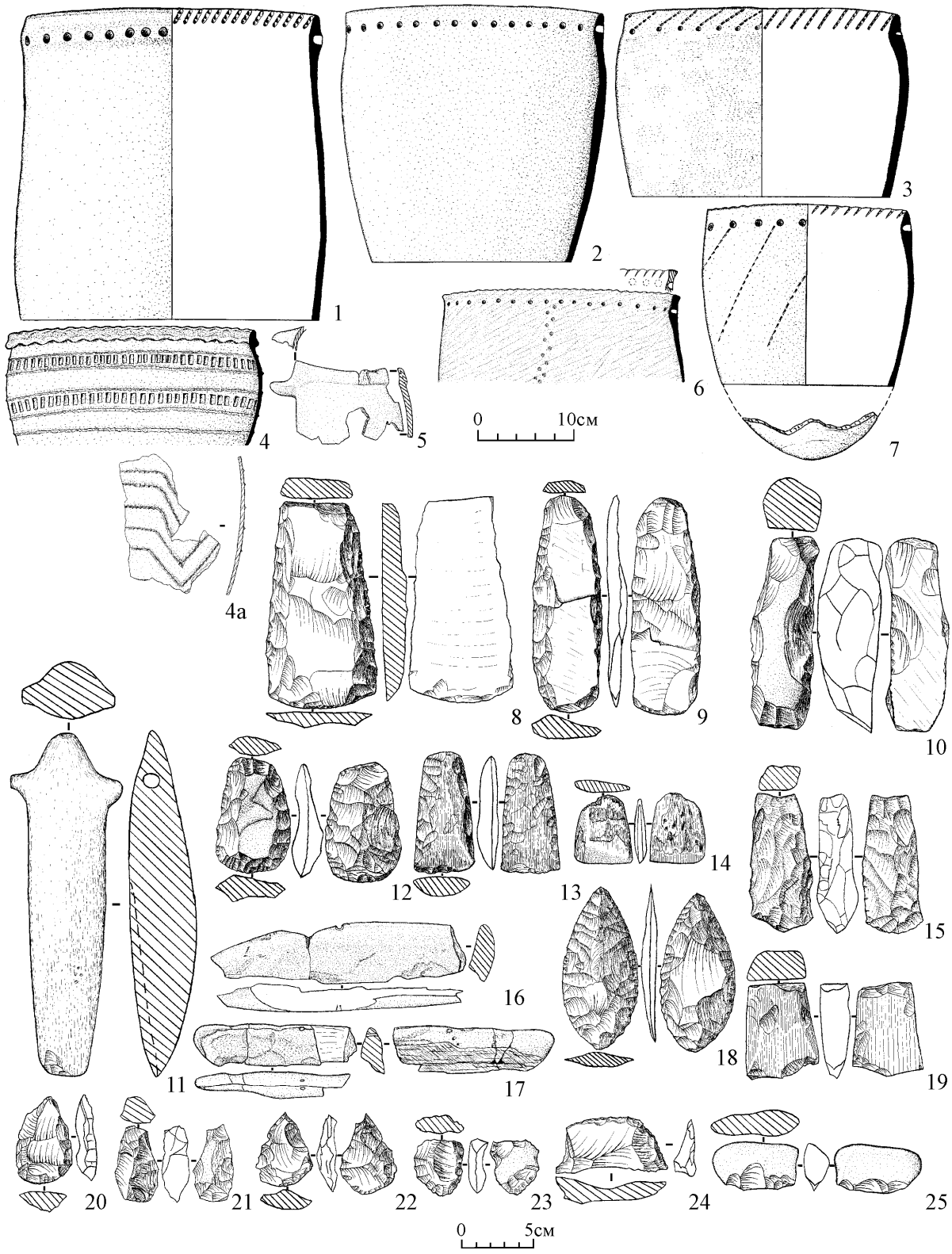

Рис. 2. Находки II культурного слоя. 1 –7 – керамика, 8 – 25 – камень, 14 – нефрит.
Drawing 2. Finds II of an occupation layer. 1 – 7 – ceramics, 8 – 25 – a stone, 14 – nephrite.

Литература

Горюнова О.И. Новиков А.Г., Воробьева Г.А., Вебер А.В., Лозей Р.Дж., Номаконова Т.Ю, Орлова Л.А. Продолжение работ Росийско-Канадской экспедиции в бухте Саган-Заба на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т.13. – С .212-215.

Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Из-во Иркутского Государственного технического ун-та. – 2003. – №3. – С.149 – 171.

Макаров Н.П., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д. Пещера Еленева – многослойный голоценовый памятник на среднем Енисее. Краткие итоги изучения // Пещеры: охрана, история исследований, культура, туризм, современное состояние и перспективы научных исследований в пещерах на территории бывшего СССР. Красноярск: Изд-во СФУ, 2008. – С.81-103.

Мандрыка П.В., Ямских А.А., Орлова Л.А., Ямских Г.Ю., Гольева А.А. Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее. Красноярск, Изд-во КрасГУ, 2003. – 138 с..

Савельев Н.А., Генералов А.Г., Абдулов Т.А. Многослойное археологическое местонахождение Казачка как основа для периодизации Канско-Рыбинской котловины // Проблема исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее. Красноярск, 1984. – С.136-142.

Савельев Н.А., Тимощенко А.А., Бадмаев Д.А. Спасательные работы Пятого Усть-Илимского отряда на памятнике Сосновый Мыс в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т.XVII. – С. 457-463.

Фокин С.М. Культурно-исторические процессы в раннем и развитом средневековье Красноярской лесостепи: Автореф. дис…. канд. ист. наук. Кемерово, 2007. – 24с.

Фокин С.М. Новые сведения о погребальной обрядности населения Нижнего Приангарья в эпоху железа // Вестник ТГУ. История. Томск. – 2013а. – №2 (22). – С. 125 – 128.

Фокин С.М. Новое погребение раннего железного века в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2013б. – С.177 – 186.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967.

С.В. Шнайдер[30]

МЕЗОЛИТ ПАМИРО-АЛАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ТУТКАУЛ (ГОР. 3, 2А) И ОБИ-КИИК)

В данной статье рассмотрены коллекции ключевых мезолитических комплексов Памиро-Алая Туткаул (гор. 3 и 2а) и Оби-Киик, материалы которых до настоящего времени не были обработаны и опубликованы в полном объеме. При проведении сравнительного анализа между данными коллекциями выделяется ряд общих тенденций в развитии каменного производства. Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что рассматриваемые индустрии относятся к единой мезолитической линии развития.

Ключевые слова: мезолит, геометрический микролит, прямоугольник, сегмент, острие туткаульского типа, кареноидный нуклеус, Памиро-Алай.

S.V. Shnaider

MESOLITHIC OF PAMIR-ALAI (BASED ON TUTKAUL (LAYER 2A, 3) AND OBI-KIIK SITES)

In the article lithic artifacts of Pamir-Alai Mesolithic key-sites Tutkaul (layer 2a, 3) and Obi-Kiik are described. Previous investigators published the materials from Obi- Kiik and Tutkaul sites not completely. Comparative study of these materials shows common trends in lithic production. We proposed hypothesis that Tutkaul and Obi-Kiik industries belong to one Mesolithic tradition.

Key words: Mesolithic, geometric microliths, rectangle, lunate, Tutkaulian point, carinated core, Pamir-Alai.

[30] ШНАЙДЕР Светлана Владимировна – младший научный сотрудник ИАЭТ СО РАН; младший научный сотрудник Новосибирского государственного университета; младший научный сотрудник Алтайского государственного университет. E-mail: kulbulak@gmail.com.

Введение

До настоящего времени мезолит Памиро-Алая воспринимался как дискретное явление, состоящее из нескольких не связанных между собой этапов чего? (культур). [Коробкова, 1989; Ранов, Каримова, 2005].

На новом этапе изучения опорных мезолитических комплексов Памиро-Алая (Туткаул и Оби-Киик) удалось внести существенные дополнения в их технико-типологические характеристики и предложить новые положения, касающиеся развития мезолита региона.

Туткаул

Памятник Туткаул располагался в Южном Таджикистане в 70 км на юго-восток г. Душанбе. Стоянка изучалась в период с 1963 по 1969 гг. под руководством В.А. Ранова, им на памятнике было выделено четыре культуросодержащих горизонта. Верхние горизонты (1 и 2) были отнесены исследователем к неолиту, а нижние (3 и 2а) – к эпохе мезолита [Ранов, Каримова, 2005].

Технико-типологическая характеристика индустрии гор. 3.

Коллекция каменных артефактов насчитывает 874 экземпляра, из них отходы производства составляют 440 экз. (50%).

Для культурного горизонта 3 ведущим научным сотрудником ИАЭТ СО РАН, канд. геол.-минерал. наук Н.А. Кулик был проведен петрографический анализ, который показал, что подавляющую часть коллекции (96%) составляют изделия из высококремнистых пород – кремня и халцедона, 2% – изделия из эффузивных пород и 2% – из песчаника. Важно отметить что, судя по геологическим картам, ближайшие выходы этого сырья, есть в карбоновых отложениях севернее г. Душанбе, примерно в 85 км от стоянки [Геологическая карта …, 1966].

В комплексе выделено два морфологически выраженных ядрища – кареноидный нуклеус для пластинок и микропластин (рис. 1, *8*) и конвергентный нуклеус для микропластин.

Технических сколов насчитывается 11 экз. (1,3%), среди них представлены «таблетки» (4 экз.), краевые сколы (3 экз.), сколы подправки дуги скалывания (3 экз.) и скол латеральной подправки кареноидного ядрища.

Индустрия сколов представлена отщепами – 121 экз. (28%), пластинами – 53 экз. (12%.), пластинками – 182 экз. (42%) и микропластинами – 65 экз. (15%).

Орудийный набор насчитывает 130 экземпляров.

Основную часть орудийной коллекции составляют геометрические микролиты (38 экз.), среди которых выделяются прямоугольники (32 экз.) (рис. 1, *1, 2*), сегменты (5 экз.) (рис. 1, *4*) и треугольник (рис. 1, *3*). Также были выделены пластинки (10 экз.) и микропластины (5 экз.) с притупленным краем. Выразительную группу в орудийном наборе составляют пластины с альтернативной ретушью (5 экз.) (рис. 1, *5*). В индустрии широко представлены скребки (21 экз.), среди которых выделяются микроскребки (14 экз.) (рис. 1, *6, 7*), боковые скребки (2 экз.), скребки с широким выпуклым лезвием (5 экз.). Помимо этого в

коллекции выделены проколки (5 экз.), один экземпляр шиповидного орудия и выемчатое изделие.

Типологически менее значимые изделия представлены пластинами с ретушью (11 экз.), пластинками с ретушью (7 экз.) и отщепами с ретушью (4 экз.). Также в орудийной коллекции выделены сколы с ретушью утилизации (13 экз.) и фрагменты орудий (9 экз.) типологическое определение которых провести затруднительно.

Технико-типологическая характеристика индустрии гор. 2а

Коллекция гор. 2а насчитывает 2807 экз., ее большую часть составляют отходы производства – 1266 экз. (45%).

Для комплекса гор. 2а был проведен петрографический анализ канд. геол.-минерал. наук Н.А. Кулик, который показал, что в коллекции доминируют изделия из эффузивных пород (54%), кремня и халцедона (43,9%) при незначительном использовании песчаника (2%) и кварца (0,1%). Важно отметить, что источник эффузивных пород находится в непосредственной близости от стоянки, в виде гальки, принесенной р. Вахш с верховьев, в частности, с хребта Петра 1 [Филимонова, 2007]. Согласно полевым исследованиям Т.Г. Филимоновой, основным источником кремневых пород являлись выходы по берегам р. Вахш пластов известняка с трещиноватым непрозрачным серым кремнем в виде небольших желваков. Более высокого качества кремнёвое сырье, по мнению того же автора, приносилось с р. Аму-Дарья.

Нуклевидных изделий в комплексе насчитывается 72 экз. (5%), из них обломков выделено 8 экз. Нуклеусы в коллекции представлены 64 экз., из них 7 экз. определяются как истощенные, что не позволяет произвести их типологического определения. Типологически определимые ядрища (57 экз.) выполнены в рамках плоскостного, торцового и объемного принципов расщепления.

Нуклеусы плоскостного принципа расщепления представлены 28 экз. Типологически выделяются следующие их категории: радиальные (2 экз.), дисковидный, продольные (7 экз.), поперечные (8 экз.), бипродольные (2 экз.), бипоперечный, ортогональные (4 экз.), перекрестные (3 экз.).

Торцовый принцип расщепления представлен. торцовыми продольными нуклеусами для пластинок (6 экз.) и торцовыми бипродольными нуклеусами для пластинок (5 экз.) (рис. 1, *21*).

Нуклеусы объемного принципа расщепления представлены подцилиндрическими нуклеусами для пластин (2 экз.), подконусовидными нуклеусами для микропластин, (10 экз.) и цилиндрическими ядрищами для микропластин (7 экз.).

Технических сколов в коллекции выделено 78 экз. Наиболее представительной группой технических сколов являются сколы подправки фронта расщепления (24 экз.), краевые снятия (15 экз.) и «таблетки» (13 экз.). Для изначального придания фронту необходимой степени объемности в индустрии использовались приемы снятия реберчатых (7 экз.) и полуреберчатых (9 экз.) пластин. Также в индустрии представлены сколы подправки терминальной части нуклеусов

(7 экз.), сколы латеральной подправки (2 экз.). В коллекции выделен один заныривающий скол, снявший основание эффузивного плоскостного нуклеуса.

Большая часть сколов в индустрии представлена отщепами – 835 экз. (54%), пластинчатых заготовок насчитывается 550 экз. (35%) (из них пластин – 322 экз., пластинок – 197 экз., микропластин – 31 экз.).

Орудийный набор насчитывает 264 экз.

Наиболее многочисленной категорией орудийной коллекции являются геометрические микролиты (46 экз.): сегменты (43 экз.) (рис. 1, *16, 17*) и треугольники (3 экз.). К категории негеометрических микролитов отнесены пластинка с притупленным краем и узкое микроострие с тронкированным основанием. Значительная часть орудийной коллекции представлена остриями туткаульского типа (45 экз.) (рис. 1, *18, 19*). В комплексе также выделены остроконечные пластины с ретушью притупления (6 экз.), пластины с притупленным краем (2 экз.), пластины с притупленными продольными краями (6 экз.). В коллекции широко представлены скребки (30 экз.), среди которых выделяются концевые скребки с широким выпуклым лезвием (16 экз.) (рис. 1, *20*), с узким выпуклым лезвием (4 экз.), с прямым лезвием (4 экз.), скребки ¾ (2 экз.), скребки высокой формы (4 экз.). Также в коллекции выделены скребла (4 экз.) следующих модификаций: одинарные продольные прямые (3 экз.) и двойное продольно-поперечное прямое скребло. В орудийном наборе значительно представлены выемчатые (17 экз.), шиповидные (13 экз.) и долотовидные изделия (10 экз.), а также стамески (2 экз.).

Помимо этого в коллекции были определены пластины (6 экз.), пластинки (5 экз.), микропластины (3 экз.) и отщепы (22 экз.) с ретушью. В комплексе представлены сколы с ретушью утилизации, среди них выделяются пластинка, микропластины (2 экз.) и отщепы (7 экз.), также выделены фрагменты орудий (34 экз.), типологическое определение которых затруднительно.

Оби-Киик

Памятник Оби-Киик располагается в 50 км южнее г. Душанбе (Таджикистан). Стоянка была обнаружена А.П. Окладниковым в 1948 г. и повторно им исследовалась в 1953 г. В 1964 г. раскопки проводились В.А. Рановым, им на памятнике был выделен один горизонт с археологическим материалами, которые залегали в переотложенном состоянии [Ранов, Каримова, 2005]. Судя по сохранившимся описаниям характера залегания артефактов в слое и по имеющимся в коллекции склейкам, представленный на данном памятнике археологический материал является единым комплексом.

Технико-типологическая характеристика индустрии памятника Оби-Киик

В коллекции каменных артефактов памятника Оби-Киик насчитывается 309 экз., из общего количества отходы производства составляют 22% (69 экз.).

Для коллекции проведен петрографический анализ канд. геол.-минерал. наук Н.А. Кулик, который показал, что все изделия изготовлены из кремня. Согласно

анализу геологических литературных источников ближайших выходы данного типа сырья находятся в 65 км от стоянки [Геологическая карта…, 1966].

Нуклевидные изделия 14 экз. (6%) представлены обломками (7 экз.), типологически выраженные нуклеусы (4 экз.) выполнены в рамках объемного и торцового принципов расщепления. Также в коллекции выделены фрагменты торцового и кареноидного нуклеусов и заготовка кареноидного ядрища. Торцовый принцип расщепления представлен одноплощадочными нуклеусами для пластинок (2 экз.).

Объемный принцип расщепления представлен кареноидными одноплощадочными бифронтальным (1 экз.) и монофронтальным (1 экз.) нуклеусами для пластинок (рис. 1, *15*).

Технических сколов насчитывается 6 экз. (3%), среди которых определены сколы латеральной подправки (2 экз.) и скол-«полутаблетка», полученные с кареноидных нуклеусов. Также были выделены сколы удаления ошибок на фронте расщепления и краевой скол.

Большая часть сколов в индустрии представлена отщепами – 145 экз. (60%). Пластинчатых сколов в коллекции насчитывается 75 экз. (31%), из них пластин – 20 экз. (8%), пластинок – 55 экз. (21%).

Орудийный набор индустрии насчитывает 75 экз.

Основную часть орудийной коллекции составляют геометрические микролиты – сегменты (14 экз.) (рис. 1, *9–11*). К категории негеометрических микролитов были отнесены пластинки с притупленным краем (7 экз.), остроконечные пластинки с притупленным краем (4 экз.). В коллекции также были выделены пластины с альтернативной ретушью (3 экз.) (рис. 1, *12*). Единственным экземпляром представлена пластина с притупленным краем. Также в коллекции были выделены концевые скребки (3 экз.), выемчатые (12 экз.) (рис. 1, *13*), шиповидные изделия (3 экз.) (рис. 1, *14*), двулезвийное долотовидное орудие и угловой монофасеточный резец.

Сколы с ретушью представлены пластинами (3 экз.), пластинкой и отщепами (11 экз.). Сколы с ретушью утилизации представлены пластинами (4 экз.) и пластинками (4 экз.). Также в коллекции выделено три фрагмента орудий, типологическое определение которых затруднительно.

Обсуждение

Мезолитические горизонты Туткаула демонстрируют использование различных типов сырья. Индустрия гор. 3 является моносырьевой, где основная часть изделий (96%) выполнена на кремне. В индустрии гор. 2а при расщеплении практически в равной степени использовались эффузивные и кремневые породы. Важно отметить, что здесь прослеживается избирательность сырья на стадии первичного расщепления: для производства отщепов в большей степени использовались эффузивные породы; при производстве заготовок с пластинчатыми пропорциями обычно использовалось кремневое и эффузивное сырье.

Среди пластинчатых сколов в гор. 3 преобладают пластинки, в то время, как в более позднем горизонте насчитывается большее количество пластин. Данное обстоятельство объясняется, как с точки зрения расширения сырьевой базы в коллекции гор. 2а за счет менее качественного, чем кремень, но большего по размерам конкреций эффузивного сырья. Увеличение в верхнем слое количества пластин согласуется со значительной долей изделий на пластинах в орудийном наборе.

Если проводить сопоставление между орудийными коллекциями горизонтов, то в обоих случаях присутствуют руководящие для мезолита региона формы – это сегменты (в гор. 3 они представлены единичными экземплярами, в гор. 2а являются ведущим типом орудий), пластинки с притупленным краем и концевые скребки.

В гор. 2а выделены такие яркие орудийные формы как острия туткаульского типа, остроконечные пластины, пластины с притупленным краем, скребла, а также выемчатые, долотовидные изделия, которые не представлены в гор. 3. И, напротив, в гор. 2а отсутствуют пластины с альтернативной ретушью, которые имеются в гор. 3.

На основе представленных характеристик прослеживаются общие тенденции каменного производства между рассматриваемыми горизонтами. Это, во-первых, использование при производстве мелкопластинчатых заготовок кремневого сырья. В производстве пластинок и микропластин использование преимущественно одноплощадочного продольного расщепления. Важно отметить, что в мелкопластинчатом производстве верхнего горизонта зафиксирован отказ от кареноидных нуклеусов в пользу цилиндрических, подконусовидных и торцовых нуклеусов. В орудийном наборе наблюдаются следующие тенденции: широкое распространение в более позднем горизонте 2а получают геометрические микролиты в виде сегментов и острия туткаульского типа.

В итоге проведенного анализа установлено, что мезолитические горизонты памятника Туткаул демонстрируют как значительное количество общих, так и множество различающихся характеристик. Тем не менее, схожие черты с нашей точки зрения позволяют рассматривать комплексы горизонтов 2а и 3 как принадлежащие различным этапам одной линии развития. В этом вопросе частично подтвердилась точка зрения В.А. Ранова, который данные комплексы интерпретировал, как принадлежащие раннему и позднему этапам мезолита [Ранов, Каримова 2005]. Индустрии горизонтов 3 и 2а демонстрируют значительную динамику в своем развитии. Данный фактор свидетельствует об определенном временном разрыве между двумя комплексами. Если на ранних этапах (гор. 3) использовался один тип сырья, то в позднем мезолите человек осваивает более широкую сырьевую базу. Важно отметить, что расширение сырьевой базы произошло за счет включения менее качественного сырья, что может свидетельствовать о снижении требований к определенным типам изделий.

Заключение, о принадлежности обоих комплексов стоянки Туткаул к разным этапам одной линии развития было бы крайне спорным без результатов анализа индустрии стоянки Оби-Киик.

При проведении сопоставительного анализа между комплексами Оби-Киик и Туткаул выделяется ряд схожих черт, как в первичном расщеплении, так и в орудийном наборе.

Петрографический состав индустрий Оби-Киика и гор. 3 Туткаула схож, основным использовавшимся типом сырья здесь являлся приносной кремень. Выходы данного вида сырья располагаются, согласно анализу геологических литературных источников, около 65–80 км от стоянок, несмотря на то, что в обоих районах было доступно эффузивное сырье пригодное для расщепления (личное сообщение Т.Г. Филимоновой, 2013).

В первичном расщеплении обеих индустрий отмечается значительная роль кареноидного расщепления. В материалах Оби-Киика кареноидные нуклеусы представлены практически во всех стадиях (заготовки, фрагменты нуклеусов, технические сколы, целые ядрища), в гор. 3 Туткаула, выделено кареноидное ядрище и скол латеральной подправки. Важно отметить, что среди мелкопластинчатых сколов четко фиксируются изделия, полученные в рамках кареноидной технологии, для них характерен изогнутый и закрученный латеральный профиль.

Проведенный анализ показал, что в этих индустриях не было целенаправленного производства сколов с пропорциями отщепов, на что указывает, во-первых, отсутствие нуклеусов для заготовок данного типа сколов; во-вторых, миниатюрные размеры и отсутствие стандартизации по форме, поперечному сечению, оформлению ударных площадок отщепов; в-третьих, незначительный процент орудий на них.

Между орудийными наборами комплексов прослеживаются аналогии в присутствии пластинок с притупленным краем и пластин с альтернативной ретушью. Важно отметить, что заготовки и вторичная обработка изделий имеют схожие морфологические характеристики, помимо этого, изделия близки по своим размерам.

При корреляции орудийных коллекций Оби-Киика и гор. 2а Туткаула обнаруживаются общие черты: доминирование сегментов и выемчатых орудий. Важно отметить, что метрические параметры заготовок и характер вторичной обработки этих изделий в обеих индустриях схожи.

Анализ всей каменной коллекции памятника Оби-Киик показал, что в одной индустрии сочетались геометрические микролиты (сегменты) и кареноидные нуклеусы. Ранее сочетание этих типов изделий в одних комплексах не отмечалось. Кареноидное расщепление ассоциировалось с верхнепалеолитическими-раннемезолитическими индустриями (Шугноу, Харкуш, Додекатым-2, Туткаул гор. 3) [Колобова и др., 2013; Шнайдер, 2013], а сегменты маркировали поздний этап развития мезолита региона (Туткаул гор. 2, Дарай-Шур) [Ранов, Кримова,

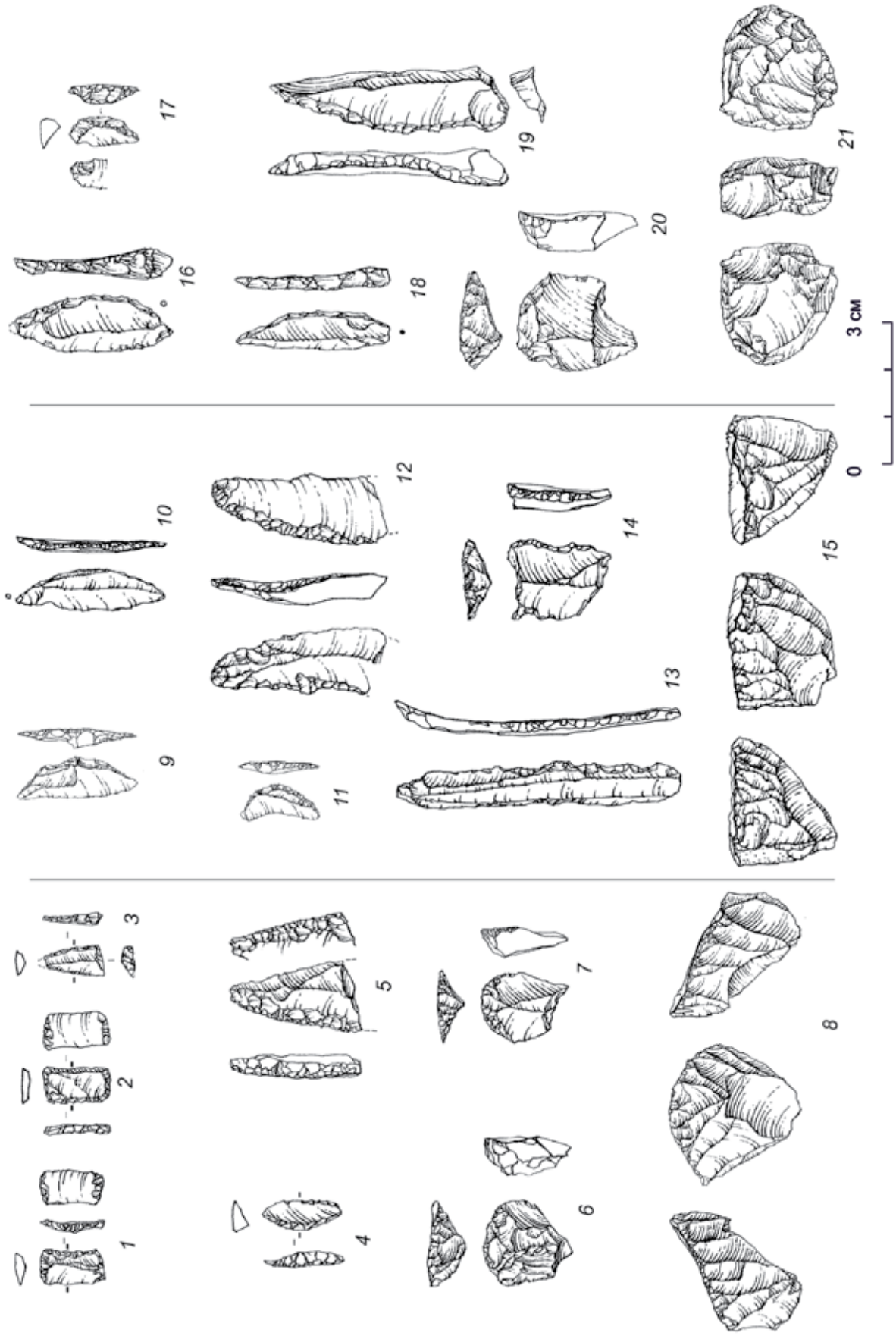

Рис. 1. Каменные артефакты мезолитических комплексов памятников Туткаул и Оби-Киик (1–8 – каменные артефакты гор. 3 памятника Туткаул; 9–15 – каменные артефакта памятника Оби-Киик; 16–21 – каменные артефакты гор. 2а памятника Туткаул).

2005; Филимонова, 2007]. Таким образом, нами предлагается отнести материалы Оби-Киика к переходной стадии от раннего к позднему мезолиту.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ коллекций Туткаула (гор. 3, 2а) и Оби-Киик указывает на наличие ряда общих тенденций в развитии каменного производства. Зафиксированные процессы свидетельствуют о поступательном развитии и трансформации данных комплексов в рамках одной линии развития, где ранний мезолит маркирует индустрия Туткаула (гор. 3), переходный статус от раннего к позднему мезолиту имеют материалы памятника Оби-Киик и к позднему мезолиту относится гор. 2а Туткаула.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта № 13-06-12039 офи_м «Палеоэкология и хронология переломных этапов развития культур каменного века запада Центральной Азии».

Литература

Геологическая карта Средней Азии и прилегающих территорий. Масштаб 1: 1500000 / ред. коллегия А.П. Марковский, Б.Б. Митгарц, П.К. Чихачев и др. – М.: ВСЕГЕИ, 1966.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Павленок К.К. Кареноидные изделия в палеолитических индустриях Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4 (60). – С. 13–29.

Коробкова Г.Ф. Мезолит средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. – 1989. – С. 149–174.

Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век афгано-таджикской депрессии. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 252 с.

Филимонова Т.Г. Верхний палеолит и мезолит афгано-таджикской депрессии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Душанбе, 2007. – 24 с.

Шнайдер С.В. Каменная индустрия мезолитической стоянки Оби-Киик (Таджикистан) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 108–117.

А.В. Варенов[31]

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЮЖНОМ СКЛОНЕ ГОР ЯНЬШАНЬ БЛИЗ ПЕКИНА

В статье продолжен краткий обзор погребальных памятников кочевников скифо-сакского времени (VII-III вв. до н.э.) из района Великой Китайской стены, начатый нами в 2012 г. Если первый обзор был посвящен находкам из южной части Внутренней Монголии и с плато Ордос, то в данной работе мы рассмотрели ключевые могильники другого региона, где сконцентрированы подобного рода памятники – южного склона гор Яньшань близ Пекина. По наиболее представительному из них – могильнику Юйхуанмяо – получила наименование и местная культура раннего железного века. Большинство китайских археологов считает, что она оставлена племенами горных *жунов* (*шань-жунов*). Более детальный анализ погребального обряда и сопроводительного инвентаря позволит в дальнейшем уточнить культурно-хронологическое соотношение как археологических типов и культур, так и отдельных памятников между собой.

Ключевые слова: Китай, археология, скифо-сакское время, погребальные памятники кочевников, культура Юйхуанмяо, горные *жуны* (*щань-жуны*), горы Яньшань.

[31] ВАРЕНОВ Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Востоковедения Новосибирского государственного университета. E-mail: avvarenov@mail.ru

A. V. Varenov

BURIAL SITES OF SCYTHIAN TIME ON THE SOUTHERN SLOPE OF YANSHAN MOUNTAINS NEAR BEIJING

This article continues a brief review of burial sites of nomads of Scythian time (VII-III centuries B.C.) in the region of the Great Wall, which we began in 2012. While the first part of review was dedicated to the sites of the Southern part of Inner Mongolia and of Ordos plateau, the present one deals with the southern slope of Yanshan Mountains near Beijing in the Eastern stretch of the Great Wall. After the biggest of the sites – Yuhuangmio cemetery – the local culture of the Early Iron Age was called Yuhuangmio culture. The majority of Chinese archaeologists believe it to be the relicts of mountain *rong* (*shan-rong*) tribes. A detailed analysis of burial rites and grave goods of different sites will enable a more exact cultural and chronological correlation of archaeological types.

Key words: China, archaeology, Scythian time, burial sites of nomads, Yuhuangmio culture, mountain *rong* (*shan-rong*) tribes, Yanshan mountains.

В статье продолжен краткий обзор погребальных памятников кочевников скифо-сакского времени (VII-III вв. до н.э.) из района Великой Китайской стены, начатый нашей предыдущей публикацией [Варенов, 2012]. Если первая статья была посвящена находкам из южной части автономного района Внутренняя Монголия и с плато Ордос, то сейчас мы рассмотрим ключевые могильники другого региона, где сконцентрированы подобного рода памятники: южного склона гор Яньшань близ Пекина на востоке Великой Стены (рис. 1).

Погребальные памятники с южного склона гор Яньшань

Археологические находки «северных бронз» скифо-сакского времени сделаны в нескольких десятках пунктов на севере пров. Хэбэй и в северных уездах Пекинского округа. Все они происходят из района, охватывающего южные склоны гор Яньшань. Однако, детально исследованных и опубликованных погребальных памятников немного. В основном они расположены в районе гор Цзюньдушань в северной части Пекинского округа, где известно около десятка могильников, три из которых недавно опубликованы монографически [Цзюньдушань, 2007; Цзюньдушань, 2009]. Далее мы кратко охарактеризуем основные памятники региона.

1. Могильник Юйхуанмяо

Наиболее представительный среди них – могильник Юйхуанмяо, который находится в дер. Юйхуанмяо волости Цзиньцзябао уезда Яньцин Пекинского округа (рис. 1 – 1). С 1986 по 1989 гг. проводились раскопки 400 погребений, расположенных на южном склоне гор Цзюньдушань. Могилы в основном представляли собой грунтовые ямы с вертикальными стенками. В большинстве (в 366 погребениях, или 91,5% случаев) умершие были ориентированы головой на восток, в остальных – на север. Обычно они лежали на спине, лицом верх, с вытянутыми конечностями. Во многих могилах сохранились остатки погребальной камеры. Предполагается, что имелись и деревянные гробы, но следов их обнаружить не удалось. В стенках могил прослежены уступы. В могильнике

Юйхуанмяо присутствует и небольшое количество каменных гробов. Есть примеры, когда в каменные гробы вставлены деревянные. На нос и глазницы погребенного часто помещали бронзовые бляшки. У женщин ото лба до ушей иногда можно обнаружить дорожку из бронзовых бляшек, предположительно, следы головного украшения. Жертвенные животные найдены приблизительно в 60% могил. Самыми многочисленными являлись собаки, далее идут овцы, коровы и лошади. Голова и бедренная кость жертвенного животного обычно ориентированы в ту же сторону, что и голова погребенного.

Погребальный инвентарь помещали в деревянный гроб, керамику клали в районе головы, упряжь – в районе конечностей погребенного. В могильнике найдены бурая песчанистая и серая глинистая керамика, но преобладает первая. Для изготовления серой глинистой керамики применялся гончарный круг. Среди посуды этого типа большинство составляли кувшины *ху* с высоким устьем и горшки *гуань* с изломанным плечиком. Бурая песчанистая керамика ручной лепки не орнаментирована. Преобладали горшки *гуань*. Из бронзовых изделий находят кинжалы, ножи, наконечники стрел, клевцы. Что касается конской упряжи, то обнаружены удила, псалии, наосники и колокольчики. Из украшений находят бронзовые поясные пряжки, поясные крючки, пластины, орнаментированные в зверином стиле, бронзовые бляшки *пао* и серьги-кольца из витой бронзовой или золотой проволоки. В больших могилах № 2 и № 18 были открыты выполненные в стиле изделий Центральной равнины бронзовые сосуды, такие как триподы *дин*, блюда *пань*, сосуды *и* [Цзинь Фэнъи, 1989; Цзинь Фэнъи, 1990, С. 79-84; Цзюньдушань, 2007].

2. Могильник Хулугоу

В 1985 и 1986 гг. проведено два сезона исследований могильника Хулугоу, расположенного в местечке Гучэнцунь уезда Яньцин (рис. 1 – 2). Обнаружено около 150 могил, большинство из которых ориентировано по линии восток-запад, могил с ориентацией север-юг немного. Погребенные похоронены в грунтовых ямах с вертикальными стенками, в вытянутом положении на спине, головой на восток или на север.

Среди жертвенных животных преобладали собаки, но встречены также коровы и овцы, а лошадей нет. Погребальный инвентарь аналогичен инвентарю могильника Юйхуанмяо, но не столь обилен. Среди бронзовых изделий нет конской упряжи, из бурой песчанистой керамики находят горшки *гуань*, триподы *дин* [Цзинь Фэнъи, 1989; Цзинь Фэнъи, 1990, С. 72-76; Цзюньдушань, 2009, С. 1-437].

3. Могильник Силянгуан

В 1987 г. проведены раскопки могильника Силянгуан, также расположенного в местечке Гучэнцунь уезда Яньцин (рис. 1 – 3). Обнаружено 18 могил, ориентированных по линии запад-восток. Погребенные похоронены в грунтовых ямах с вертикальными стенками, в вытянутом положении на спине, лицом вверх, головой на восток. В одной трети могил найдены остатки деревянного гроба, в

одной четверти обнаружили следы ткани, закрывавшей лицо погребенного. Среди жертвенных животных помимо собак и коров встречены лошади. По погребальному инвентарю могильник Силянгуан схож с могильником Хулугоу, есть горшки *гуань* песчанистой бурой керамики и бронзовые сосуды [Цзинь Фэнъи, 1989; Цзинь Фэнъи, 1990, С. 76-79; Цзюньдушань, 2009, С. 438-550].

4. Стоянка Баймяо

В 1983 году начались исследования стоянки Баймяо, расположенной в дер. Баймяоцунь волости Баймяо уезда Лунцзябао, близ г. Чжанцзякоу в пров. Хэбэй (рис. 1 – 4). Отложения там делятся на несколько типов, III и IV типы относятся к скифскому времени.

В отложениях III типа обнаружено четыре погребения в грунтовых ямах с вертикальными стенками. Погребенные захоронены лицом вверх на спине. В трех могилах умершие лежали головой на север, в одной – головой на запад. В двух могилах обнаружены остатки деревянных гробов, в одной могиле найдены и гроб, и погребальная камера. Среди инвентаря есть бурая песчанистая и серая глинистая керамика. Первая представлена горшками *гуань* ручной лепки с двумя ушками, треножниками *дин* с парой ушек. Среди серой глинистой керамики преобладали горшки *гуань* с двумя ручками.

В отложениях IV типа исследовано 12 погребений в грунтовых ямах с вертикальными стенками. Погребенные лежали лицом вверх на спине, в могилах направления запад-восток голова ориентирована на восток, в могилах направления север-юг – на север. Практически во всех могилах находят остатки деревянных гробов, в двух случаях – в каменной погребальной камере. В пяти погребениях есть жертвенные животные – черепа собак и овец помещали внутрь могилы. В четырех захоронениях в головах покойного в торцовой стенке могилы обнаружена ниша, в которую ставили глиняные горшки. Бурая песчанистая керамика, представленная горшками *гуань*, кувшинами *ху*, чашами, лишена орнамента или украшена шнуровым орнаментом. Погребальный инвентарь, помимо глиняной посуды, представлен бронзовыми поясными крючками, бронзовыми кинжалами и железными ножами. В могиле М25 бронзовый поясной крючок найден в районе темени, у головы покойного [Тао Цзунъе, 1985].

5. Могильник Сяобайян

В 1985 г. начались исследования могильника Сяобайян, расположенного в дер. Сяобайян волости Лицзябао уезда Сюаньхуа (рис. 1 – 5). Обнаружено 48 погребений в грунтовых ямах с вертикальными стенками, ориентированных по линии восток-запад. Умершие лежали лицом вверх, на спине, головой на восток или на запад, но восточная ориентация преобладала. Внутримогильных погребальных конструкций не встречено, только в погребении М7 отмечены остатки деревянного гроба. В могиле М9 найдены жертвенные животные (бедренные кости и черепа коров и лошадей). Черепа лежали в районе головы погребенного, бедренные кости – в ногах.

Погребальный инвентарь делится на керамику, бронзовые и костяные изделия. Красно-бурая песчанистая керамика представлена в основном горшками *гуань* и кувшинами *ху*. Среди бронзовых изделий встречены кинжалы, ножи, поясные крючки, бронзовые прорезные колокольчики, кельты, долота, копоушки, орнаментированные в зверином стиле пластинки, украшения в виде личин [Тао Цзунъе, 1987].

6. Могильник Паотайшань

Могильник Паотайшань находился в коммуне (ныне волости) Хушэха уезда Луаньпин пров. Хэбэй (рис. 1 – 6). В 1978 г. там обнаружено две могилы, а в 1979 г. – еще 35. Все могилы являлись грунтовыми ямами с вертикальными стенками, 25 могил ориентированы по линии восток-запад, а 10 – по линии север-юг. Погребенные лежали лицом вверх на спине, в шести могилах головой на запад, а в 28 – на восток. В большинстве могил есть остатки деревянного гроба. В пяти могилах найдены кости жертвенных животных, в основном собак, но также обнаружены одна лошадь и одна корова. В заполнении могилы М28 черепа девяти собак и одной коровы ориентированы на восток.

Погребальный инвентарь представлен бронзовыми изделиями (кельтами, долотами, мечами, ножами, поясными крючками, наосниками, колокольчиками, удилами, псалиями, наконечниками стрел, клевцами; керамикой (чашами *доу*); костяными изделиями (псалиями и наконечниками стрел) [Чжэн Шаоцзун, 1983].

7. Могильник Лишугоумэнь

В 1990 и 1993 гг. проведены исследования могильника Лишугоумэнь, расположенного близ дер. Инфанцунь волости Хушэха уезда Луаньпин в пров. Хэбэй (рис. 1 – 7). Раскопано 39 захоронений, совершенных в грунтовых ямах с вертикальными стенками. На вершине склона находилось большое количество погребений, ориентированных по линии запад-восток, у подножия – много могил, ориентированных по линии север-юг. Погребенные лежали лицом вверх на спине. В большинстве могил обнаружены остатки деревянных гробов, а каменных конструкций не встречено.

В половине случаев есть жертвенные животные. Много коров, собак, лошадей, причем коровы преобладают. На деревянный гроб клали бедренную кость жертвенного животного и череп с рогами, мордой ту же сторону, что и голова погребенного. В 40% могил обнаружены остатки ткани, которой накрывали умершего. Встречаются бронзовые бляшки, которые клали на лоб, нос и глаза покойного.

Погребальный инвентарь представлен керамическими, бронзовыми, костяными, каменными изделиями. Красно-бурая песчанистая керамика ручной лепки, преобладают горшки *гуань*. Бронзовые изделия представлены кинжалами, ножами, кельтами, наконечниками стрел, поясными крючками, украшениями в виде личин и витыми серьгами-кольцами [Ма Циньпэн, Чжао Чжихоу, 1995].

8. Могильник Бэйсиньбао

В дер. Бэйсиньбаоцунь уезда Хуайлай пров. Хэбэй (рис. 1 – 8) в мае 1964 г. провели раскопки двух крупных погребений. Среди находок преобладают изделия Центральной Китайской равнины, такие как бронзовые сосуды, конская упряжь, оружие. Однако есть и вещи, относящиеся к так называемым «северным» бронзам, например, кинжалы с двукольчатым навершием, бронзовые колокольчики, бронзовые трехлопастные стрелы, костяные псалии и распределители ремней. Встречены и жертвенные животные, в засыпку могил помещали бедренные кости и черепа лошадей, коров, овец [Лю Лайчэн, 1966].

Юйхаунмяо в отечественной археологической литературе

Могильники на южном склоне гор Яньшань многие китайские исследователи относят к культуре Юйхуанмяо и считают памятниками племен горных *жунов* (*шань-жунов*). Традиция эта пошла еще с момента первой публикации, предпринятой Цзинь Фэнъи в 1989 г. Первооткрыватель могильников в горах Цзюньдушань даже в заголовке своей статьи подчеркнул их шань-жунскую принадлежность [Цзинь Фэнъи, 1989]. В следующем году Цзинь Фэнъи снова обратился к этим памятникам в юбилейном сборнике, посвященном 40-летию пекинской археологии [Цзинь Фэнъи, 1990]. Еще через год он опубликовал статью, где описал особенности выделенной им культуры горных жунов [Цзинь Фэнъи, 1991].

В отечественной археологической литературе первые упоминания о данных памятниках появились в 1992 г. в заметке С.А.Комиссарова, который кратко пересказал основные сведения из работ Цзинь Фэнъи, включая и шань-жунскую атрибуцию Юйхаунмяо [Комиссаров, 1992]. В том же 1992 г., в ходе полевой экскурсии в рамках Международной конференции по археологическим культурам древних северных народов Китая, Юйхуанмяо посетили А.В.Варенов и А.А.Ковалев [Варенов, 1992, С. 70]. Они осмотрели музеефицированную часть захоронений данного могильника и ознакомились с коллекциями его погребального инвентаря, на тот момент еще в значительной степени не изданными. Тогда же, в 1992 г., А.А.Ковалев высказал предположение, что *шань-жуны* в VIII-VI вв. до н.э. «населяли земли на стыке современных провинций Хэбэй, Ляонин и АР Внутренняя Монголия», где распространены памятники типа Наньшаньгэнь, отличающиеся «от т.н. культуры верхнего слоя Сяцзядянь» [Ковалев, 1992, С. 97]. Что касается этнической принадлежности могильников на южном склоне гор Яньшань, то, по крайней мере, некоторые из погребений Юйхуанмяо и Сяобайян он связал с деятельностью племен *дунху* [Ковалев, 1992, С. 98]. Позже, в 1998 г., А.А.Ковалев дал развернутое и весьма убедительное обоснование *шань-жунской* атрибуции памятников типа Наньшаньгэнь 101 – Сяохэйшигоу, распространенных преимущественно в уездах Нинчэн, Цзяньпин и Пинцюань, но к *дунхуской* принадлежности Юйхуанмяо более не возвращался [Ковалев, 1998].

После первых публикаций могильники раннего железного века на южном склоне гор Яньшань выпали из поля зрения отечественных исследователей почти на 20 лет. Интерес к ним возродился только после монографического издания опорного

памятника – Юйхуанмяо и близлежащих Хулугоу и Силянгуан [Цзюньдушань, 2007; Цзюньдушань, 2009]. Особую активность в этом плане проявил П.И.Шульга. В 2010 г. он высказал предположение о близости культуры Юйхуанмяо, культуры плиточных могил Забайкалья и памятников Дворцовского типа и вхождении их в «восточную» культурную общность [Шульга, 2010]. В 2012 г. П.И.Шульга добавил к этому перечню культуру оленных камней и сравнил расположение оружия на оленных камнях монголо-забайкальского типа и в погребениях могильника Юйхуанмяо [Шульга, 2012], а вместе с соавторами описал относительную хронологию последнего и обсудил проблемы его абсолютной датировки [Шульга, Гирченко, Шульга, 2012]. В следующем, 2013 г. П.И.Шульга сопоставил материалы могильника Юйхуанмяо не только с изображениями на оленных камнях монголо-забайкальского стиля, но и с инвентарем кочевнических культур Саяно-Алтая и Казахстана [Шульга, 2013а]. Тогда же он использовал данные об эволюции конского снаряжения в Юйхуанмяо для реконструкции этнокультурных процессов на востоке Евразии [Шульга, 2013б, 2013в]. В 2014 г. П.И.Шульга проанализировал бронзовые наконечники стрел из могильника Юйхуанмяо, выделив среди них три группы: «местные», «северные» и «южные» [Шульга, 2014]. Вместе с Е.А.Гирченко он высказал предположение, что культура Юйхуанмяо сложилась не только под влиянием населения культуры плиточных могил, но и под непосредственным воздействием более ранних и более северных соседних культур Шиэртайинцзы и верхнего слоя Сяцзядянь, а после своего угасания дала начало более западной культуре Маоцингоу [Шульга, Гирченко, 2013]. В 2014 г. те

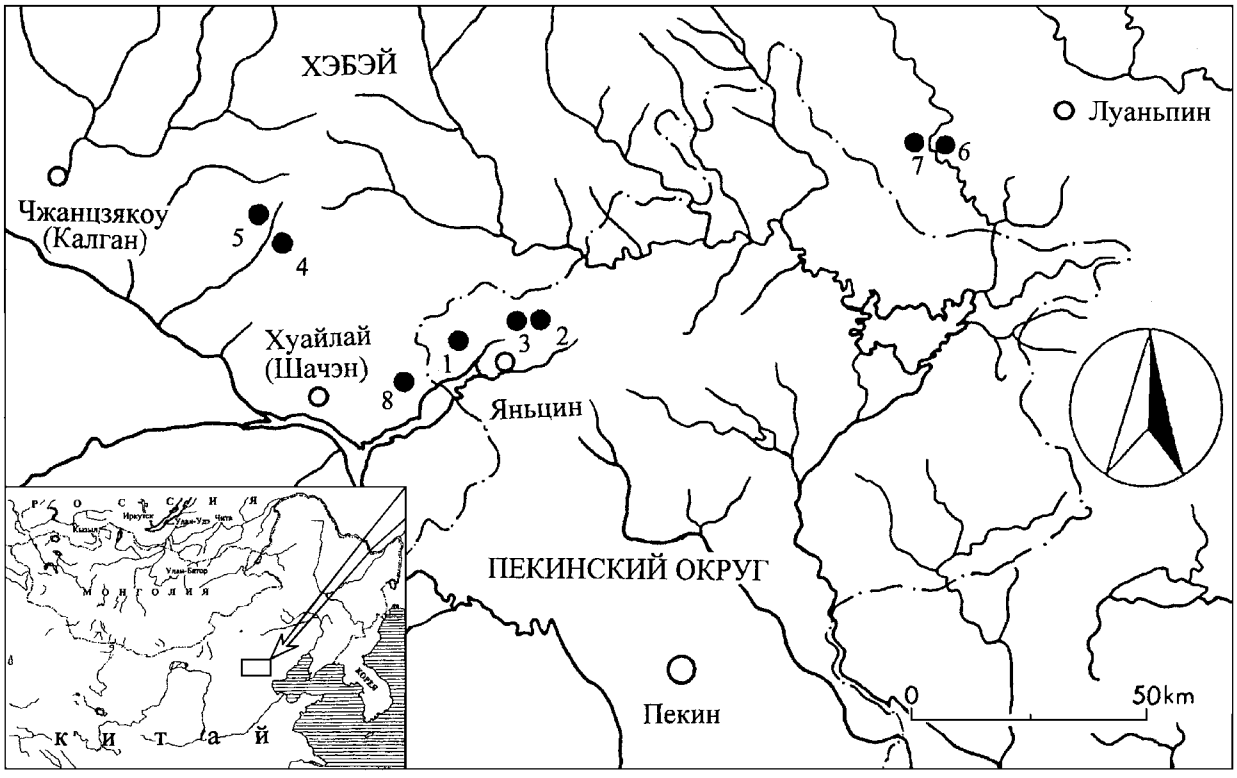

Рис. 1. Памятники скифо-сакского времени на южном склоне гор Яньшань.
1 – Юйхуанмяо, 2 – Хулугоу, 3 – Силянгуан, 4 – Баймяо, 5 – Сяобайян, 6 – Паотайшань, 7 – Лишугоумэнь, 8 – Бэйсиньбао.

же соавторы развили свои идеи, предположив не только влияние культуры Юйхуанмяо на сложение культуры Маоцингоу, но и участие в этом процессе более западных культур Северного Китая Янлан и Шацзин [Шульга, Шульга, Гирченко, 2014].

Заключение

В данной работе мы кратко рассмотрели ключевые могильники одного из регионов у Великой Китайской стены, где сконцентрированы некитайские погребальные памятники скифо-сакского времени – южного склона гор Яньшань близ Пекина и историю их изучения в отечественной науке. Более детальный анализ погребального обряда и сопроводительного инвентаря позволит в дальнейшем уточнить их культурно-хронологическую атрибуцию, прояснить соотношение как археологических типов, так и отдельных памятников между собой.

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (№ 33.702.2014/К).

Литература

Варенов А.В. Международная конференция по археологическим культурам древних северных народов Китая // Известия СО РАН, Сер. ист., филол. и филос. – 1993. – Вып.2. – С. 69-70.

Варенов А.В. Погребальные памятники и случайные находки скифо-сакского времени на юге Внутренней Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы III Международной научной конференции. – Т.1. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – С.146-153.

Ковалёв А.А. Варварские племена скифской эпохи на границах китайских государств (к проблеме локализации) // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Археологические изыскания, СПб.: 1992. – С. 97-100.

Ковалёв А.А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии. – СПб.: Культ-информ –пресс, 1998. – С. 122-131.

Комиссаров С.А. Археологические памятники шань-жунов // П.А.Кропоткин – гуманист, ученый, революционер. Российская научная конференция. Сборник тезисов. – Чита: Изд-во Читинского пед. института, 1992.

Лю Лайчэн. 刘来成。河北怀来北辛堡战国墓 // 考古。1966 – 5。(*Лю Лайчэн.* Чжаньгоские погребения в Бэйсиньбао уезда Хуайлай провинции Хэбэй // Каогу. – 1966. – № 5. – С. 231–242.)

Ма Циньпэн, Чжао Чжихоу. 马清鹏，赵志厚。河北省滦平县梨树沟门山戎墓地清理简报 // 考古与文物。1995 – 5。(*Ма Циньпэн, Чжао Чжихоу.* Краткое сообщение о раскопках шань-жунского могильника Лишугоумэнь в уезде Луаньпин провинции Хэбэй // Каогу юй вэньу. – 1995. – № 5. – С. 8–15.)

Тао Цзунъе, 1985. 陶宗冶。张家口市白庙遗址清理简报 // 文物。1985 – 10 (*Тао Цзунъе.* Краткий отчет об исследованиях стоянки Баймяо в городе Чжанцзякоу // Вэньу. – 1985. – № 10. – С. 23–30.)

Тао Цзунъе, 1987. 陶宗冶。河北宣化县小白阳墓地发掘报告 // 文物。1987 – 5 (*Тао Цзунъе.* Отчет о раскопках могильника Сяобайян в уезде Сюаньхуа провинции Хэбэй // Вэньу. – 1987. – № 5. – С. 41–51.)

Цзинь Фэнъи, 1989. 靳枫毅。北京延庆军都山东周山戎部落墓地发掘纪略 // 文物。1989 – 8 (*Цзинь Фэнъи.* Сообщение о раскопках восточночжоуских могильников племени шань-жунов в горах Цзюньдушань в уезде Яньцин в окрестностях Пекина // Вэньу. – 1989. – № 8. – С. 17–35, 43.)

Цзинь Фэнъи, 1990. 靳枫毅。东周时期的山戎文化 // 北京考古四十年。北京： 燕山出版社，1990。(*Цзинь Фэнъи.* Культура шань-жунов в период Восточного Чжоу // 40 лет пекинской археологии [Бэйцзин каогу сыши нянь]. – Пекин: Изд-во «Яньшань», 1990. – С. 68–86.)

Цзинь Фэнъи, 1991. 靳枫毅。军都山山戎文化墓地葬制与主要器物特征 // 辽海文物学刊 1991. № 1. (*Цзинь Фэнъи.* Организация цзюньдушаньских могильников культуры горных жунов и важнейшие особенности их инвентаря // Ляохай вэньу сюэкань. – 1991. – № 1. – С. 61-73.)

Цзюньдушань, 2007. 军都山墓地 – 玉皇庙。北京：文物出版社，2007。 (Цзюньдушаньские могильники – Юйхуанмяо. [Цзюньдушань муди – Юйхуанмяо.] – Пекин: Изд-во «Вэньу», 2007. – Т. 1–4. – 1660 с., 72, 449 л. илл.)

Цзюньдушань, 2009. 军都山墓地 – 葫芦沟与西梁垙。北京：文物出版社，2009。 (Цзюньдушаньские могильники – Хулугоу и Силянгуан. [Цзюньдушань муди – Хулугоу юй Силянгуан.] – Пекин: Изд-во «Вэньу», 2009. – Т. 1–2. – 850 с., 24, 114 л. илл.)

Чжэн Шаоцзун. 郑绍宗。滦平县虎什哈炮台山山戎墓地的发掘//文物资料丛刊。Вып. 7，北京，1983 (*Чжэн Шаоцзун.* Раскопки шань-жунского могильника Паотайшань в коммуне Хушэха уезда Луаньпин // Вэньу цзяляо цункань. – Вып. 7. – 1983. – С. 67–74.)

Шульга П.И. О хронологии и культурной идентификации памятников VIII-VI вв. до н.э. Забайкалья и Северного Китая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 135-140.

Шульга П.И. Особенности расположения оружия на оленных камнях и в погребениях могильника Юйхуанмяо (Северный Китай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы III Междунар. науч. конф. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – С. 298-306.

Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо и кочевнические культуры Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы Итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2013 г. Т. XIX. – Новосибирск, ИАЭТ СО РАН, 2013а. – С. 382-386.

Шульга П.И. Новые данные об эволюции удил и псалиев в VI в. до н.э. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. – Чита: Изд-во Заб. гос. ун-та, 2013б.– Ч. I. – С. 354-360.

Шульга П.И. Особенности угасания и трансформации раннескифских культур в VI в. до н.э. на востоке Евразии (к постановке проблемы) // Вестник Томского гос. университета. Серия: История. – 2013в. – № 3. – С. 319-323.

Шульга П.И. Бронзовые наконечники стрел из могильника Юйхуанмяо VII-VI вв. до н.э. (Северный Китай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы V Междунар. науч. конф. – Кызыл: Изд-во Тувинского гос. ун-та, 2014.– Ч. I. – С. 139-143.

Шульга П.И., Гирченко Е.А. Новые данные о взаимосвязях культуры Юйхуанмяо в Северном Китае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы Итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2013 г. Т. XIX. – Новосибирск, ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 387-390.

Шульга П.И., Гирченко Е.А., Шульга Д.П. О хронологии могильника Юйхуанмяо (Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы Итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. Т. XVIII. – Новосибирск, ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 316-320.

Шульга П.И., Шульга Д.П., Гирченко Е.А. Происхождение скифоидной культуры Маоцингоу (Северный Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. – Новосибирск, ИАЭТ СО РАН, 2014. – С. 321-324.

Ганболдын АНХСАНАА[32]

РАНЕЕ НЕИЗВЕСТНОЕ ДРЕВНЕЕ КАМЕННОЕ ИЗВАЯНИЕ В МЕСТНОСТИ ИХ БЭЛЧИР (МОНГОЛИЯ)

Статья вводит в научный оборот и посвящена ранее неизвестному каменному изваянию, обнаруженному автором в местности Их бэлчир на территории Завхан аймака Монголии.

Ключевые слова: археология, бронзовый век, каменное изваяние, Монголия

G.Ankhsanaa

Earlier Unknown Ancient Stone Man Stone from The Ikh Belchir Site (Mongolia)

The article is devoted to a new archaeological object – Man Stone, discovered by author in the Ikh belchir site of Zavkhan province of Mongolia.

Key words: archaeology, bronze age, menhirs, Mongolia.

Одним из важнейших памятников истории Монголии и сопредельных территорий являются древние каменные изваяния.

[32] Ганболдын АНХСАНАА - специалист недвижимых культурных памятников, центр культурного наследия, Монголии. E-mail: g.anhaa@yahoo.com.

Исследователи отмечают, что число каменных изваяний, зафиксированных на сегодняшний день в Монголии, составляет свыше 500 единиц [Баяр, Мунхтулга, 2008, с. 89]. По данным монгольского археолога Ч.Амартувшина насчитывается изваяний: бронзового века – 2; древнетюркских – 628; уйгурских – 12; киданьских – 1; монгольского времени – 74. Всего в итоге 731 каменное изваяние. Все данные по этим памятникам введены в систему глобального географического позиционирования и опубликованы [2014, с. 301].

В 2013 году во время работ по фиксации и документированию объектов историко-культурного наследия Завхан аймака нами найдено ранее неизвестное и нетипичное каменное изваяние. Этому памятнику мы дали название “Каменное изваяние Их бэлчира”. Нами были выполнены географическая привязка, краткое описание, а также первичная фотодокументация объекта.

Изваяние расположено в 53.9 км к северо-востоку от сомонного центра Эрдэнэхайрхан Завхан аймака, на западном берегу горной реки Их бэлчир, на высоте 2127 м над уровнем моря, на 48° 15' 32.1» южной широты и 96° 24' 43.4» восточной долготы (погрешность измерения составляет 4 м). Изваяние находится посреди округлой в плане кладки диаметром 2.5 м, сложенной из камней средного размера, завалившись на северо-запад нелицевой (тыльной) стороной (рис. 1).

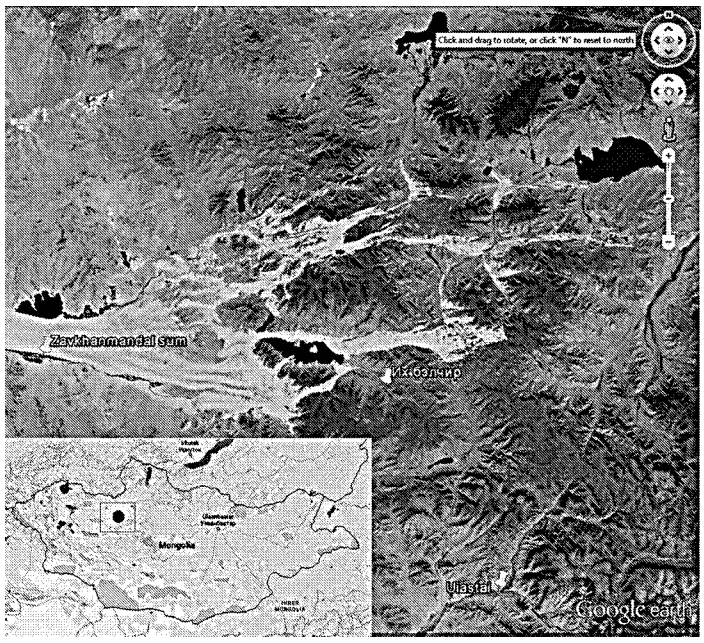

Рис. 1

Высота изваяния 56 см, ширина 41см, толщина 17см. В верхней части, уплощенного с одной стороны сколом крупнозернистого куска гранита розово-серого цвета, выбито изображение лица курносого человека с узкими глазами, у которого также обозначены уши и рот. На уровне груди имеется также выбитое, немного продолговатое изображение, возможно, какого-то сосуда. Каких-либо следов изображения волос и головного убора не прослеживается (Рис. 2, Приложение 1.с). Интересно, что у изваяния “Их бэлчира” отсутствует и борода [Анхсанаа, 2013].

Мы предполагаем, что данное изваяние может быть отнесено к раннему времени. Исследователи, изучающие подобные изваяния, отмечают, что для эпохи палеометалла был характерен определённый метод их изготовления. Чаще всего они изготавливались на каменных плитах или выбивались в виде торса мужчины, а то и вовсе в виде бюста. В большинство случаев на этих изваяниях изображаются также нагрудные украшения, пояс, кнут и предметы вооружения «скифского» типа – боевой топорик, колчан, меч, шлем и нагрудный парный

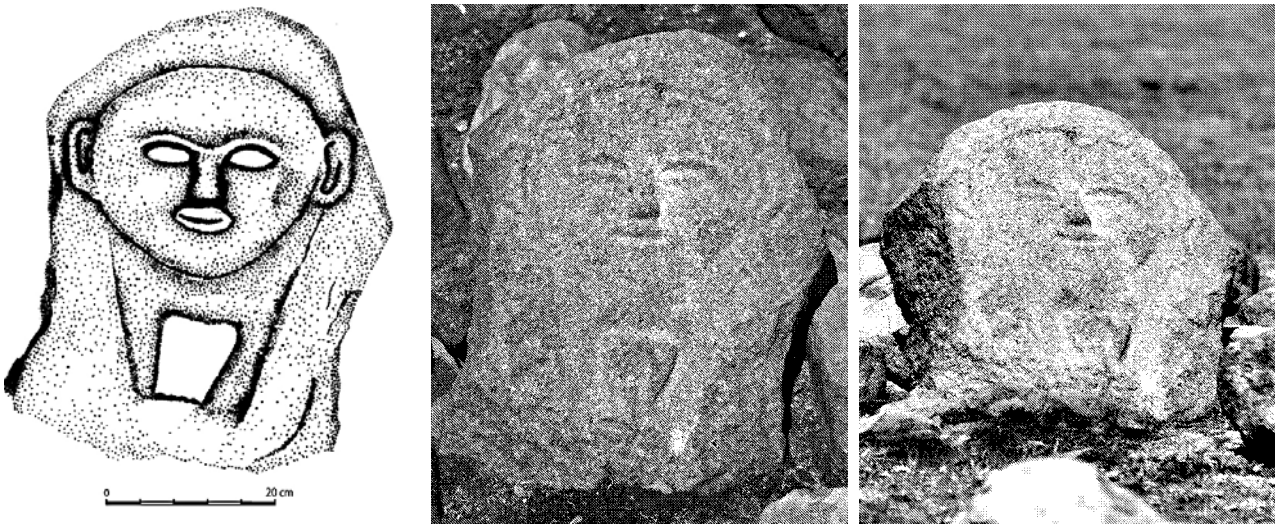

Рис. 2

панцирь [Ольховский, 2005, с. 260]. Сам человек изображался круглолицым, с явно короткой шеей, иногда с нефокусированным взглядом, а иногда обнаженным с небольшой бородкой стрелообразной формы, мускулистой грудью и четко обозначенными лопатками, а иногда с вертикально поднятым большим пальцем и растопыренными остальными пальцами [Ольховский, 2005, с. 265]. Подобные памятники или каменые изваяния древних кочевников распространились в разных регионах Евразии, начиная с эпохи бронзового века. Особенно немало обнаружено их в сопредельном с Монгольским Алтаем Алтайском аймаке Синьцзян – Уйгурского автономного округа Китая [Ковалев, 2012]. Также следует отметить, что в последние годы обнаружены ранее неизвестные каменные изваяния, датирующиеся бронзовым веком, и в поясе Монгольского Алтая [Эрдэнэбаатар, Ковалев, 2007, с. 37; Турбат, Батбаяр, 2010, с. 170].

Если сравнить изваяние “Их бэлчира” с ранее известными и изученными в Монголии древнетюркскими и уйгурскими, то оно обнаруживает ряд отличий [Баяр, 2013, с. 9-77]. Так, конструкция каменной кладки округлой формы данного комплекса резко отличается от конструкции жертвенников тюркского времени (рис. 3). Отличается и сам метод изготовления изваяния, как и стиль изображения. Поэтому, мы предполагаем, что обнаруженный нами комплекс, вероятно, датируется более ранним временем. Месторасположение и стиль изготовления этого изваяния особенны, но обнаруживают некоторое сходство с изваяниями бронзового века из Монгольского Алтая [Эрдэнэбаатар, Ковалев, 2007, с. 150-162; Турбат, Батбаяр, 2010, с. 35-50]. Такие характеристики как, расположение на местности, метод изображения (моделирования), а также круглое лицо, стилистические особенности изображения носа и глаз, позволяют считать данное изваяние довольно древним (рис. 2). Скорее всего, оно должно быть отнесено к бронзовому веку. Однако отметим, что считаем необходимым проведение более детальных исследований в будущем.

Литература

Амартүвшин Ч., Батзориг О. К проблеме исследования каменных изваяний Монголии (результаты географического позиционирования) // *Studia Archaeologica.* Tom. XXXIV. fasc. 23. – Улан-Батор, 2014. – С. 283-304.

Анхсанаа Г. Отчёт о документировании недвижимых памятников историко-культурного наследия Завханского аймака Монголии. Центр культурного наследия. Государственная база данных регистрации и информации о состоянии объектов культурного наследия. – Улан-Батор, 2013.

Баяр Д., Мөнхтулга Р. Каменные изваяния и стелы (оленные камни, каменные бабы, стелы // Сохранение и охрана недвижимых памятников историко-культурного наследия Монголии. Национальный семинар. – Улан-Батор, 2008. – С. 88-103

Баяр Д. Отчёт научной экспедиции Института истории АНМ в Завхан аймаке// Баяр Довдойн. Археологические исследовании средневековья Монголии. Сборник трудов. Том II (1992-2003 гг). – Улан-Батор, 2013. – С. 9-77

Ковалев А.А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. СПб. – 2012

Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М. – 2005

Турбат Ц., Батбаяр Т. Новый комплекс каменных изваяний эпохи палеометалла в Монгольском Алтае)// Studia Archaeologica. Tom. (IX) XXIX. fasc. 8. – Улан-Батор, 2010. – С. 150-162

Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А.А. Археологические культуры Монгольского Алтая // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethology. Vol. 3, No. 1 (287). – Ulanbataar, 2007. – С. 35-50

П.К. Дашковский[33]

КУРГАНЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА МОГИЛЬНИКЕ ИНСКОЙ ДОЛ В ЗАПАДНОМ АЛТАЕ

Статья посвящена предварительным результатам исследования курганов №6-7 на могильнике Инской дол, расположенного в Краснощековском районе Алтайского края (Западный Алтай). Зафиксированные особенности погребального обряда и инвентаря позволяют дополнить сведения о куртуском типе погребений и афанасьевской культуре Южной Сибири.

Ключевые слова: курганы, эпоха бронзы, афанасьевская культура, Алтай

P.K. Dashkovskiy

THE BURIAL MOUNDS OF THE THE BRONZE AGE AT THE INSKOY DOL. BURIAL GROUND IN WESTEN ALTAY

The article is devoted to the preliminary results of the research of the burial mounds №6-7at the Inskoy Dol. burial ground which is situated in Krasnoshchyokovsky district of the Altai region (North-West Altai). Fixed features of the funeral rite and inventory allow us to add the information about the Kurtuk type of grave and Afanasevo culture of Southern Siberia.

Key words: burial mounds, Bronze Age, Afanasevo culture, Altai

Курганный могильник Инской дол был выявлен автором публикации в 2010 г. в процессе изучения разновременных археологических памятников в пределах Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в Краснощековском районе Алтайского края. Обнаружение памятника связано с целенаправленным обследованием южной части долины, в северной и центральной части которой ранее были выявлены и частично исследованы некрополи Чинета-II и

[33] Дашковский Петр Константинович – доктор исторических наук, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, e-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru

Ханкаринский дол. Курганный могильник Инской дол расположен на второй надпойменной террасе в 2 км к ЮВВ от с. Чинета (Краснощековский район Алтайского края) на левом берегу р. Иня в южной части долины. В 0,8 км к северу от могильника Инской дол протекает р. Ханкара. В 0,7 км к юго-востоку от памятника находится фундамент от здания пионерского лагеря у края берега р. Иня. На некрополе выявлено две группы курганов. Первая группа из двух курганов располагалась в 20 м к западу от дороги, ведущей в направлении с. Чинета-с. Тигирек. Вторая группа из 14 курганов находится в 400 м к востоку от первой по обе стороны оврага и на небольшом елбане. Изучение топографии, планиграфии и конструктивных особенностей насыпей курганов позволило установить, что на могильнике Инской дол есть объекты скифо-сакского периода, результаты которых частично опубликованы [Дашковский, Мейкшан, 2014; Дашковский, 2014], а также курганы эпохи бронзы. Именно краткой характеристике результатов исследования последних и посвящена данная публикация.

Курганы эпохи бронзы пока выявлены в северной части могильника Инской дол на небольшом по площади террасном выступе. На уровне современной поверхности никаких признаков наличия археологических объектов первоначально из-за высокой степени задернованности не было видно. В данном случае поиск курганов осуществлялся с помощью металлического щупа, благодаря которому удалось зафиксировать наличие определенной каменной кладки на елбане. Поскольку выявленная кладка носила не сплошной характер, а была растянута по всему елбану, то был заложен максимально большой в этой ситуации раскоп 19,5х11,25 м, чтобы охватить все элементы сооружения. В последующем выяснилось, что в этом месте находилось три кургана №6-8, насыпи которых примыкали и частично перекрывали друг друга. При этом два кургана №6-7 по погребальному обряду и инвентарю относятся к эпохе бронзы. Курган №8 не содержал погребения и существенно отличался по конструктивным особенностям от двух вышеназванных объектов, поэтому возможно, он был сооружен гораздо позднее. Рассмотрим результаты раскопок курганов №6-7 более подробно.

Курганы № 6-7. После зачистки насыпи курганов было установлено, что южная пола кургана №6 и северная пола кургана №7 перекрывают друг друга, образуя фактически единое сооружение. Диаметр каменной насыпи кургана №6, сложенного преимущественно в один слой из камней, достигал 9 м. Высота объекта составляла 0,35 м. При этом внешне курган представлял собой каменное кольцо шириной 1,5-2 м из мелких и средних камней. В центральной части кургана камни фактически отсутствовали. При разборе каменного кольца в северо-западной его части был обнаружен неорнаментированный фрагмент керамики. После полного снятия каменной конструкции удалось выявить могильную яму, которая была ориентирована длинной осью с небольшими отклонениями по линии СВ-ЮЗ. Могильная яма имела следующие размеры от уровня древнего горизонта 2х1,2х0,94 м. В могиле выявлен скелет человека, который был уложен в вытянутом положении на спине с подогнутыми ногами в сторону левого бока и

ориентирован головой на восток. Скелет был обильно посыпан красной охрой. Никаких предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Курган № 7 имел диаметр каменной насыпи, сложенной преимущественно в один слой также из мелких и средних камней, – 7,5 м. Высота объекта составляла 0,35 м. Как и у кургана №6 по периметру сооружения выявлено кольцо из небольших камней шириной 1,5-2 м. В центре кургана камни практически отсутствовали. После снятия каменного кольца была выявлена могильная яма, ориентированная длинной осью по линии СВ-ЮЗ. Могильная яма имела следующие размеры от уровня древнего горизонта: 1,54х0,9х0,79 м. В могиле обнаружено парное погребение умерших людей. Скелеты оказались не очень хорошей сохранности. Погребенные, вероятно, были уложены в вытянутом положении на спине с подогнутыми ногами в левую сторону и ориентированы головой на восток. В процессе зачистки скелетов были обнаружены остатки красной охры, которой посыпали тела умерших. В северо-западном углу могилы у ног первого скелета человека выявлен орнаментированный керамический сосуд плоскодонной формы (рис. 1).

Важным является вопрос о культурно-хронологической атрибутации исследованных курганов на некрополе Инской дол. Решение этой проблемы лежит в плоскости изучения памятников афанасьевской культуры Алтая. Данная проблематика в последние годы активно рассматривается учеными, что нашло отражение в целой серии тематических сборников и монографических изданиях [Ларин, 2005; Афанасьевский сборник, 2010; 2012; Кирюшин, Грушин, Семибратов, Тюрина, 2010; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014; и др.]. В указанных работах довольно подробно представлен историографический анализ рассмотрения проблемы существования афанасьевской культуры, поэтому не будем на этом останавливаться. Укажем только на то, что выше отмеченные признаки погребального обряда на могильнике Инской дол имеют определенные аналогии в материалах афанасьевской культуры. В тоже время, Н.Ф. Степанова вслед за рядом других ученых обращает внимание на неоднородность памятников афанасьевской культуры. Более того, проанализировав значительный массив источников, она предлагает выделить т.н. куротинский тип погребений [Степанова. 2012, с. 179-180]. По мнению исследовательницы для куротинского типа характерны следующие признаки: надмогильные сооружения округлой формы, положение умерших в грунтовых могилах на спине с согнутыми в коленях ногами; ориентация умерших головой на В, СВ, СВВ; окраска умерших охрой. Кроме того, как правило, такие погребения безынвентарны или в них встречаются преимущественно сосуды баночного типа. Идея о выделении куротинского типа погребений нашла отражение в недавно опубликованной обобщающей монографии по афанасьевской культуре [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, с. 325-327]. При этом авторы указывают на сложность культурно-хронологической атрибутации памятников такого типа. Исследователи полагают, что, во всяком случае, часть памятников куротинского типа может быть датирована серединой III тыс. до н.э., в то время как вопрос о верхней и нижних границах датировок они остав-

ляют открытым [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, с. 328]. Очевидно этим же периодом предварительно можно датировать и два кургана из могильника Инской дол. В тоже время, в процессе исследования памятника в 2014 г. были выявлены еще объекты эпохи бронзы, которые по внешним конструктивным признакам (например, наличие хорошо выраженной каменной ограды) могут быть отнесены непосредственно к памятникам афанасьевской культуры. Дальнейшее исследование курганов на могильнике Инской дол будет способствовать не только накоплению фактического материала, но и уточнению вопросов, связанных с культурно-хронологической атрибутацией памятников куротинского типа и афанасьевской культуры Южной Сибири.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №14-31-01201, «Погребально-поминальная обрядность кочевников Западного Алтая и Восточного Казахстана как источник для реконструкции этногенетических и социальных процессов в контексте культурно-исторической ситуации в саяно-алтайской горной провинции в древности и раннем средневековье»).

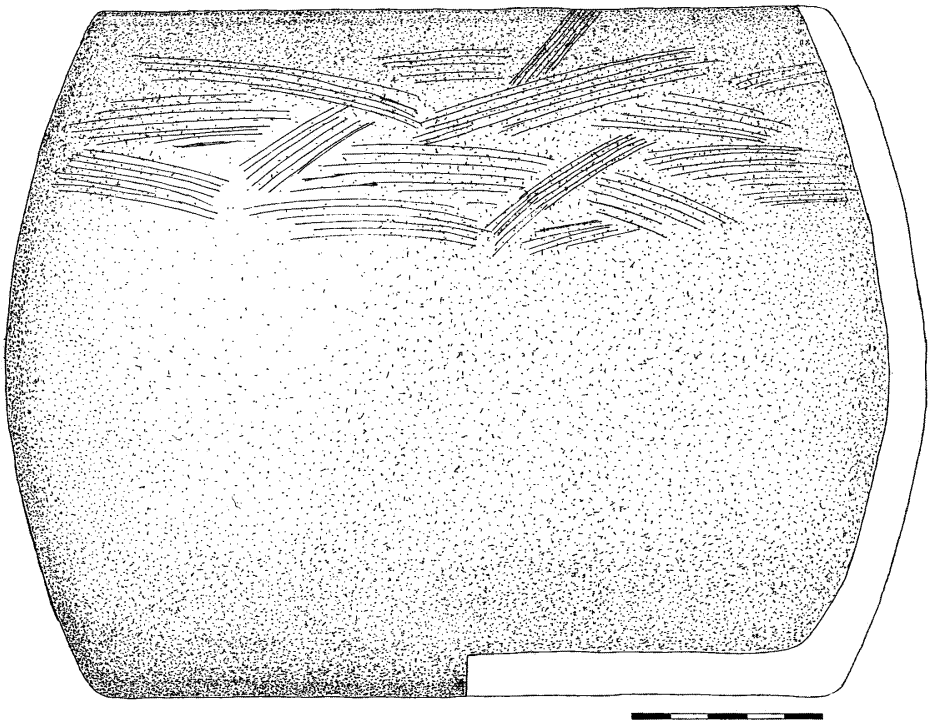

Рис. 1. Керамический сосуд из кургана №7 могильника Инской дол.

Литература

Афанасьевский сборник: сборник научных статей / отв. ред. Н.Ф. Степанская, А.В. Поляков. – Барнаул: Азбука, 2010. Вып. I. – 293 с.:илл.

Афанасьевский сборник 2: сборник научных статей / отв. ред. Н.Ф. Степанская, А.В. Поляков. – Барнаул: АЗБУКА, 2012. Вып. II. – 226 с.:илл.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. 380 с.

Дашковский П.К. Стелы и оленные камни из памятников древних кочевников Северо-Западного Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 46-62.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Исследование курганов скифского времени на могильнике Чинета-II и Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – Вып. XX. – С. 94-100.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Степанова Н.Ф., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы средней Катуни (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006-2007 гг.). Изд-во Алт. ун-та, 2010. 80 с.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр- 1. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 208 с.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и погребения куротинского типа // Афанасьевский сборник 2: сборник научных статей.– Барнаул: АЗБУКА, 2012. – С 173-182.

Г.Л. Иванов[34]

МАНХАЙ IV – СТОЯНКА В ДОЛИНЕ РЕКИ КУДЫ

Публикация посвящена введению в научный оборот материалов стоянки Манхай IV, расположенной в среднем течении реки Куды – правого притока реки Ангары. На стоянке установлено наличие 4-х культурных слоев, зафиксированный материал большей частью представляет собой гладкостенную керамику, типичную для памятников Предбайкалья эпохи железа. Кроме того, на объекте было обнаружено некоторое количество фаунистического материала. Датировка стоянки охватывает период с мезолита до позднего железного века. Исследование подобных памятников позволит точнее восстановить течение культурно-хронологических процессов на территории Ангаро-Ленского водораздела.

Ключевые слова: Предбайкалье, эпоха железа, керамика, сосновостровский тип, налепный валик.

G.L. Ivanov

MANHAI IV – THE CAMP IN THE VALLEY KUDA

Publication of an introduction to research circulation materials with camp Manhal IV, located in the middle of the river Kuda – the most full-flowing right tributary of the Angara River. Parked established the presence of 4-cultural backgrounds, recorded material for the most part is a smooth-walled pottery, typical monuments Predbajkalja Iron Age. In addition, the object has been detected a number faunal residues. The dating of the monument covers the period from the Mesolithic to the Late Iron Age. The study of such sites will more accurately restored for cultural and historical processes on the territory of the Angara-Lena watershed.

Key words: Cisbaikal, Iron Age, pottery, relief rolle, type of Sosnov island.

Введение

Стоянка Манхай IV расположена на левом берегу реки Куды, на террасовидном склоне у северо-западного подножия горы Манхай, в 3 км к юго-востоку от поселка Бозой (Эхирит-Булагатский район, Иркутская область). Территория памятника представляет собой ровную площадку, поросшую травой, северную границу объекта ограничивает овраг, с юго-востока на северо-запад спускающийся к пойме реки Куды, а на южном участке, у самого края обрыва имеется три холма [Роговской, Сидорчук, Туркин, Харинский 1997].

[34] ИВАНОВ Григорий Леонидович – заведующий сектором, Иркутский областной краеведческий музей. E-mail: ivanov85@mail.ru

История исследований

Памятник известен с 1952 г., благодаря исследованиям А.П. Окладникова и П.П. Хороших, которые закладывают у края надпойменной террасы раскоп площадью 12 кв. м. и фиксируют три уровня залегания археологического материала – два мезолитического возраста и один – эпохи железа. Находки, датируемые мезолитом были представлены изделиями из кварцита – скребками и отщепами и соотносились со слоем серой супеси [ИОКМ, №8519]. Материалы эпохи железа – несколько фрагментов берестяного сосуда и кости животных, были обнаружены в поддерновом гумусированом слое на глубине около 0,1 м. [Хороших, 1953].

В 1990 г. А.В. Харинский производит на стоянке Манхай IV сбор подъёмного материала (фрагменты гладкостенной неорнаментированной керамики и зуб лошади), затем в 1996 г. на объекте возобновляются раскопочные работы – А.В. Харинский закладывает на памятнике шурф 2х2 м. в результате чего фиксируется следующая стратиграфическая ситуация:

1. Дерн
2. Красно-бурая опесчаненная супесь
3. Серый пылевидный суглинок
4. Темно-коричневый жирный суглинок
5. Серо-желтый жирный суглинок
6. Красно-бурый тяжелый суглинок
7. Черный тяжелый суглинок.

Установлено, что археологический материал, залегает в 4-х культурных слоях: 1-й приурочен к геологическому слою №4, 2-й к слою 5, 3 – соответственно 6, а 4 к 7 [Харинский, Сидорчук, Туркин, Роговской, 1997].

Инвентарь первого культурного слоя представлен фрагментами кости и керамики, среди последней категории находок некоторые украшены налепными валиками. Кроме того, среди находок имеется пластинчатое изделие из железа продолговатой формы с отверстием в центре непонятного назначения.

Материалы второго культурного слоя так же представляют собой кость и керамику (гладкостенную и декорированную налепными валиками), среди них следует отметить фрагменты плоскодонного сосуда сосновостровского типа. Для второго культурного слоя стоянки Манхай 4 имеется абсолютная дата – 2165±150 л.н. [Харинский, 2005, с. 208].

Находки из 3 и 4 слоя представляют собой фрагменты костей животных [Харинский, Сидорчук, Туркин, Роговской, 1997]

Описание материалов 2014

В 2014 г. на стоянке Манхай IV было вскрыто 4 кв. м. культурсодержащей площади и собран многочисленный археологический материал. Стратиграфическая ситуация полностью соответствует описанной выше.

Материалы 1-го культурного слоя представляют собой фрагменты керамики (большей частью неорнаментированной), из которых предварительно можно диагностировать фрагменты 7 сосудов, два куска шлака и фрагменты костей животных. Среди керамического материала следует выделить фрагмент венчика сосуда грибовидной внешнеассиметричной формы, орнаментированного параллельными налепными валиками с поперечными вдавлениями (рис. 1-1). Кроме того, в данном комплексе имеется небольшой предмет из железа продолговатой формы (предположительно часть иглы).

Материалы 2-го культурного слоя аналогично представляют собой фрагменты гладкостенной керамики орнаментированной рассеченными налепными валиками и неорнаментированной, два фрагмента шлака и неопределимую кость. Фрагментов орнаментированных сосудов – три. Из них два с рассеченным налепным валиком и один с изогнутой прочерченной линией, который предположительно можно отнести к сосновостровскому типу (рис. 1-2,3,4).

В отложениях 3 и 4-го культурных слоев находки отсутствуют.

Материалы

Большая часть находок на стоянке Манхай IV представляет собой фрагменты керамики, большей части лишенную декора. Орнаментированную можно разбить на две группы: керамика с налепным валиком и керамика сосновоостровского типа. Рассмотрим каждую из них поподробнее.

Керамика с налепными валиками

Гладкостенный плоскодонный сосуд, украшенный горизонтальными налепными валиками в привенчиковой зоне или по внешнему борту, изготовленный без применения гончарного круга – самый распространенный тип керамической посуды, использовавшейся в Предбайкалье на протяжении достаточно длительного периода. Однако бытование керамики, украшенной подобным образом в различных частях Байкальского региона имеет различные хронологические рамки. Так в Приольхонье фрагменты керамики с налепными валиками фиксируются в памятниках, датируемых в пределах I тыс. до н.э. – первой трети I тыс. н.э., на археологических памятниках северного Байкала хронологические рамки бытования сосудов с налепных валиков охватывают период с начала I тыс. до н.э. до конца I тыс. н.э., аналогичные даты имеются для объектов восточного побережья озера Байкал [Свинин, 1966, Харинский, 2001]. В бассейне реки Ангары различия так же существенны: в его средней части – это период с начала I тыс. до н.э. вплоть до II тыс. н.э., а в верховьях Ангары имеются находки с абсолютной датой – 9-10 вв. до н.э. [Харинский, 2001, с. 49 – 50].

В Кудинской долине фрагменты керамики с налепными валиками так же является широко распространенной категорией археологического материала – подобные артефакты имеются в коллекциях из раскопок Б.Э. Петри на опселение Шохтой, культурных слоях объектов Манхайского археологического комплекса

и стоянки Балин I [Петри, 1923, Харинский, 2001, с. 49, Асеев, 1980, с. 95, Иванов, 2014]. Наряду с материалами стоянок, сосуд, декорированный рассеченным налепным валиком, был обнаружен в погребении 2 могильника Хабсагай, датируемое 1-й половиной II тыс. н.э. [Дашибалов, 2005, с. 230, 234 – 235].

Керамика сосновоостровского типа

Фрагменты сосудов подобного облика (сочетание прочерченного изогнутого растительного орнамента и тонких рассеченных налепных валиков) впервые была зафиксирована на археологических памятниках Предбайкалья В 1927 г. А.П. Окладниковым во время раскопок на острове Сосновый в низовьях Ангары Её он описывает как тонкую изящную керамику, украшенную своеобразным узором, представляющим собой «декоративно-стилизованное изображение дерева со свисающими вниз ветвями или листьями». Внешний облик сосудов, глубоко отличный от уже известных предметов железного века позволил А.П. Окладникову о выявление нового более древнего этапа истории Предбайкалья, названным им «ранним железным веком». Кроме того, в тех же слоях были обнаружены китайские монеты 1 в. н.э. [Окладников, 1958, с. 19, 20]. Кроме о. Сосновый, фрагменты подобных сосудов были обнаружены на островах Кочерга, Лесном и на стоянке Никола в устье р. Ангары [ИОКМ №428, 549].

Окончательно понятие керамики сосновоостровского типа оформлено А.В. Харинским в 2005 г. и представляет собой сочетание следующих признаков:

1. прочерченный криволинейный орнамент (зигзаг комбинированный, подтреугольный, двусоставной овально-подтреугольный), сочетающийся преимущественно с налепными горизонтальными валиками и дугообразными вдавлениями

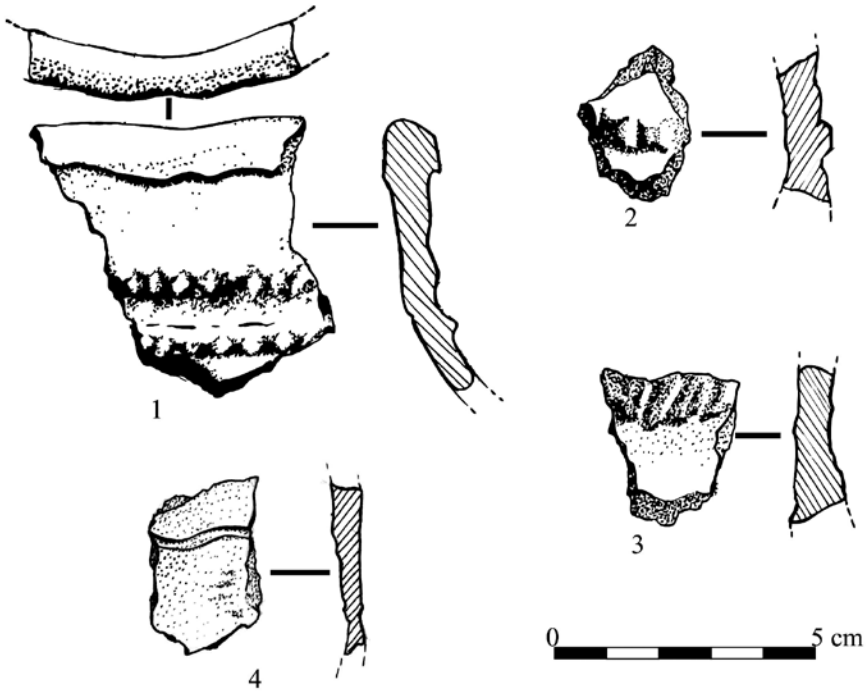
2. венчик с налепами с внешней стороны.

3. наличие двух конструктивных элементов – тулова и устья [Харинский, 2005, с. 208].

На сегодняшний день географический ареал керамики сосновостровского типа охватывает низовья р. Ангары, Северный Байкал и долину реки Куды, хронологический, от 3-2 вв. до н.э. до 3-4 вв. н.э., [Харинский, 2005, с. 208]. Фрагменты сосудов данного типа встречаются исключительно в стояночных материалах, и в составе погребальных комплексов на сегодняшний день не зафиксированы.

Заключение

Эпоха железа Предбайкалья еще имеет территориальные и хронологические лакуны. Достаточно полно выстроена периодизация культурно-хронологических процессов I тыс. до н.э. – I в н.э. в Приольхонье (на основании погребальных комплексов). В остальных же районах Предбайкалья археологические исследования находятся в стадии накоплении фактов. Исследование стояночных комплексов, таких как Манхай IV позволит получить новые данные и существенно дополнить эту работу.

Керамика - инвентарь Манхай IV: 1 – 1-й культурный слой, 3-4 – 2-й культурный слой.
Pottery from inventory of Manhal IV: 1 - 1s cultural layer, 3-4 - 2-1 cultural layer.

Литература

Асеев И.В. Прибайкалье в Средние века (по археологическим данным). Новосибирск: Наука, 1980 – 152 с.

Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995 – 191 с.

ДашибаловБ.Б. Средневековые захоронения саянтуйской культуры на р. Куде // ИЛДТ ИрГТУ, вып. 3, 2005 – С. 230 – 236.

Иванов Г.Л. Стоянка Балин I — памятник железного века в долине реки Куды (Иркутская область).// Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. [Вып. 5] Материалы V Междунар. науч. конф., Кызыл, 15 – 19 сент. 2014 г. Ч. I. Кызыл: ТувГУ. 2014. — С. 85 – 88.

Окладников А.П. Археологические работы в зоне строительства ангарских гидроэлектростанций (общие итоги). // Изв. / Иркут. обл. краев. музея. – 1958 – С. 17 – 28.

Петри Б.Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье: (вопросу о доисторическом прошлом якутов)// Наука и школа, 1923. – №1 – 18 с.

Роговской, Е.О., Сидорчук, М.Л., Туркин, Г.В., Харинский, А.В. Отчет об археологических исследованиях на территории Эхирит-Булагатского района в 1996 г. Иркутск, 1997 – 75 с.

Свинин В.В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963-1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963 – 1965 годы: (мат-лы и докл. на науч сессии Ин-та археологии АН СССР). – Иркутск: ИОКМ, 1966 – С. 50-69.

Харинский А.В. Об орнаментики керамического комплекса Байкальское I // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск: Наука, 1992 – С. 117 – 135.

Харинский А.В. О керамических традициях Байкальских берегов в 1-м тыс. н.э. // Керамика как исторический источник. Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1996 – С. 62 – 64.

Харинский А.В. Предбайкалье в конце I тыс. до н.э. – сер. IIтыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001 – 199 с.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в Iтыс. до н.э. – Iтыс. н.э. // ИЛДТ ИрГТУ, вып. 3. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005 – С. 198 – 215

Хороших П. П. Отчет об археологических исследованиях, произведенных летом 1952 г. в Прибайкалье// ИА РАН Ф-1. Р-1. № 713. 76 л., 41 илл.

М.Е. Килуновская[35]

Комплекс памятников скифского времени на Белом Озере в Уюкской котловине (Тува)

На восточном берегу Белого Озера в Уюкской котловине Республики Тыва в 2013 г. полностью раскопан могильник Белое-Озеро 3, на котором исследовано 38 поминальных выкладок, а также раскопано 4 кургана скифского времени с захоронениями в срубах, одно захоронение воина эпохи средневековья и три объекта ритуально-поминального характера. В межкурганном пространстве, в выкладках и насыпях курганов найдено большое количество костей животных и фрагментов керамики скифского времени, свидетельствовавших о существовании поминальных пиршеств на территории могильника. В погребениях, которые были все сильно разграблены, найдены остатки украшений из золотой фольги, наконечники стрел из кости и бронзы, украшения пояса. Сами курганы представляют собой сложное погребальное сооружение, состоящее из каменного панциря, окруженного кольцом из камней или рвом (курган 3), покрывающего высокий валик выброса из центрального захоронения. Центральное погребение заполнялось землей и глиной, взятой из Белого Озера. Ограбления захоронений, судя по всему, носили также ритуальный характер. Исследование данного памятника, безусловно, внесет существенный вклад в изучение древней истории Саяно-Алтайского нагорья.

Ключевые слова: курганный могильник, ритуальные выкладки, уюкская культура, скифское время, керамика, золотые украшения

M.E. Kilunovskaya

Complexes of Scythian age monuments on the Beloe lake in Uyuk Basin (Tuva)

On the eastern shore of the lake Beloe in the Uyuk Basin, Republic of Tuva, during the field season 2013, excavations on the grave field Beloe Ozero 3 were been finished. 38 funeral stone layouts were been studied, 4 Scythian mounds with graves into deep pits with timbers, one medieval grave of the warrior and 3 objects which had some ritual meaning. In the space between mounds, also within stone circles and mound constructions a lot of pottery fragments and animal bones were been discovered, this suggest that some funeral feasts took part on the territory of the grave field. In the tombs, all of which had been hardly plundered, pieces of gold foil jewelry, bronze and bone arrowheads and belt decorations were mainly been found. Mounds represent themselves a complex funeral constructions which consist of stone shell covering the ejection roller from central burial and surrounded with a stone circle or a moat, grave pits were been filled with mud and clay from the Beloe lake. Robbery of the mounds seems to be also a ritual of some kind. Research of this monument brings a significant endowment into the studying of the ancient history of Sayan-Altai upland.

Key words: Gravefield, Ritual layouts, Uyuk culture, Scythian time, Ceramics, golden jewelry

Вокруг Белого Озера и стоящей на его берегу горы Кош-Пей сосредоточены основные погребальные комплексы, среди которых выделяются курганы больших размеров, связанные с существующей в скифское время на Саяно-Алтайском нагорье военной элитой. В целом эта территория ассоциируется с понятием Геррос – т.е. местом захоронения усопших вождей и отправной точкой их в иной мир. Турано-Уюкская котловина в скифское время была, безусловно,

[35] КИЛУНОВСКАЯ Марина Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН. E-mail: kilunmar@mail.ru.

центральной сакральной территорией для Верховьев Енисея, Центральной Тувы и прилегающих территорий по рекам Ус, Бий-Хем, Каа-Хем и Хемчик.

На восточном берегу Белого Озера в ходе археологических разведок, проводимых Тувинской археологической экспедицией в 2009-2010 гг. было обнаружено несколько могильников, получивших название Белое Озеро 1-6. В 2012-2014 гг. проводились раскопки на могильниках Белое Озеро 1, 3А, 3 и 4, где исследованы памятники монгун-тайгинской, уюкской культуры и кокэльской культур [Семенов и др., 2014, с.327-349].

Могильник Белое Озеро 3 находился в 18,1 км к западу от пос.Туран на подножии южного склона хребта Кара-Орга на возвышенной террасе около 1 км к юго-востоку от Белого озера. Визуально до раскопок были четко видны 4 кургана, которые образовывали цепочку, вытянувшуюся в направлении ЮЗ-СВ. Они находились на всхолмлении, где прослеживались остатки других каменных конструкций и изменения травяного покрова в виде пятен, что свидетельствовало о наличии здесь объектов, которые были уничтожены при распашке, проводившейся на берегу Белого озера и склонах Кара-Орга особенно интенсивно в 1970-х годах. В 2012 г. заказчиком работ был предоставлен спутниковый снимок, на котором отчетливо видны каменные выкладки между курганами и повышение почвенного слоя вокруг курганов, которое свидетельствовало о наличии здесь ритуальных площадок. Поэтому было решено территорию могильника рассматривать, как единый культурный комплекс с визуально выделяемыми объектами — курганными насыпями и межкурганным пространством с ритуально-поминальными выкладками. Его уникальность подчеркивается сходством наземных сооружений в виде уплощенного высокого холма, облицованного камнем, и сопроводительных ритуальных выкладок с раскопанным в начале 2000-х годов всемирно известным царским курганом Аржан 2, который находится в 3 км к СЗ [Чугунов, 2004].

На территории могильника было исследовано 4 кургана скифского времени и 12744 кв. м межкурганного пространства, на котором исследовано 38 поминальных выкладок. Кроме того исследованы объекты 5 и 6 также поминального характера, а также объект 7 – захоронение воина эпохи раннего средневековья – Уйгурского каганата (IX в.). Получена серия находок в основном украшения из золотой фольги, украшенные изображениями в скифском зверином стиле, а также наконечники стрел из кости и бронзы скифского времени. В насыпи кургана 4 найден средневековый клад – полностью сохранившийся доспех типа бригандины. Несмотря практически на полную ограбленность исследованных объектов получена важная и неоспоримо ценная новая информация по погребальному обряду скифского времени населения Центральной Азии [Семенов и др. 2013].

Диаметр и высота курганных насыпей до разборки были почти одинаковы: курган 1 — 22 м, высота 1,15м, курган 2 — 24 м, высота 0,8 м, курган 3 — 23 м, высота 1, 28 м, курган 4 — 23 м, высота 1,6 м. Они имели уплощенные вершины с неглубокими западинами диаметром около 3 м и глубиной около 10 см.

Все курганы по конструкции и погребальному обряду отличаются друг от друга. Однако есть объединяющие их общие черты, которые позволяют отнести все погребальные комплексы к скифскому времени, а конкретнее к уюкской культуре – VI-V в.в. до н.э. В основании наземных сооружений курганов находится валик выброса из могильной ямы, представляющего собой гравийно-супесчаный слой красноватого цвета с частичными вкраплениями суглинка с включением мелкой дресвы и угольков. Диаметр валика выброса: курган 1 — 12, 2 м, курган 2 — 13,8 м, курган 3 — 13, 8 м, курган 4 — 3 м, высота около 50-80 см. Валик выброса достигал высоты 50-80 см.

Валик выброса покоится на подсыпке из темно-серой гумусированной супеси, своеобразной платформе, которая окружала центральную могилу. Перекрывала ли эта прослойка то место, где должна была быть сделана могила, трудно сказать, к этому пока нет данных, но валик выброса лежал на платформе.

Также на платформе лежало кольцо-крепида, сделанное из крупных камней по краю наземного сооружения. В кургане 1 кольцо-крепида состояла из двух дуг (рис.1 -1). Южная дуга сложена из одного ряда камней, северная — из двух рядов камней с забутовкой посередине мелкими камнями. Западные концы дуг сложены внахлест, восточные с разрывам 1,7 м. То есть, зафиксирована два «входа» во внутрикурганное пространство — с ЮЗ и В. Ширина разрывов-«входов» между дугами — 2,5 м. Наиболее четко оформлен юго-западный «вход» — дорожка длиной 2 м из установленных вертикально камней, уходящая от кольца к востоку.

В кургане 2 первоначально земляная насыпь кургана по периметру была оконтурена кольцом-оградой диаметром 17,0 м из крупных камней в один-два ряда (рис.1 – 2). В юго-западной части ограды удалось проследить так называемый «вход» в курган — две небольшие плиты (размером до 55х40х20 м), поставленные вертикально на расстоянии 1,0 м друг от друга. «Вход» впоследствии был заложен камнем среднего размера. В основании кургана кроме того был сооружен каменный вал, внутренней частью перекрывающий первоначальное кольцо ограды. Он представлял собой полукруглый в разрезе наброс шириной 2,2 – 3 м, из камня среднего и крупного размера, максимальной высотой до 0,5 м. Диаметр каменной насыпи с каменным валом составил 20,8 м. Юго-восточная часть каменной конструкции практически полностью разобрана грабителями.

В кургане 3 вместо кольца-крепиды наземное сооружение опоясывал неглубокий ров шириной 1,0 м и глубиной 20-25 см, диаметром по внешним контурам 19,8 м (рис.1 -3). Заполнение рва состояло из коричневой гумусированной супеси. С северо-западной и юго-восточной сторон фиксируются перемычки шириной 1,3 и 2,8 м, разделяющие ров на два полукольца. По своей конфигурации ров напоминал ограду из дуг на кургане 1. В засыпке рва были зафиксированы зольные пятна со скоплениями мелких кальцинированных костей и фрагментов керамики, в северо-западной его части каменный треугольник. По краю валика выброса и каменной наброски его перекрывающей были уложены большие пли-

ты и обломки скал, которые поддерживали каменную наброску от сползания в ров.

В кургане 4 кольцо-крепида из крупных камней было четко видно еще до расчистки насыпи (рис.1 – 4). Его диаметр — 19 м. За пределами кольца с юго-западной и юго-восточной сторон зафиксированы два каменных «треугольника». Такие каменные «треугольники» были обнаружены за пределами оград всех четырех курганов. Интересная деталь отмечена на кургане 1, где было выявлено три каменных «треугольника», два из которых перекрыты обработанными камнями типа бифасов, а около третьего такой обработанный камень лежал рядом. Каменные треугольные выкладки из поставленных на ребро плиток или плоских камней могут быть ритуальными захоронениями, которые по аналогии с этнографическими наблюдениями у тувинцев и хакасов возможно связаны с захоронениями последа.

Валик выброса покрывался камнями, уложенными в один-два слоя. Для сооружения всех курганов использовались только обломки скал разных размеров. Ближе к краю укладывались более крупные камни. В кургане 3 по внешнему краю валика выброса были уложены крупные плиты. В кургане 4, который является самым большим и крайний в цепочке курганов, вытянувшейся в направлении СВ-ЮЗ, для увеличения высоты наземного сооружения каменный панцирь над валиком выброса, центр кургана и кольцо были покрыты слоем темного суглинка.

В центре всех наземных сооружений над центральными погребениями каменной выкладки не было, так что она представляло собой кольцевидную обкладку валиков выброса. Накопившаяся над могильным пятном почва имела естественные происхождение. Она накапливалась со временем в результате естественного почвообразования. Сам валик выброса не использовался для заполнения центрального погребения.

В валике выброса устраивались и сопроводительные захоронения, в основном детские – в деревянных колодах, небольших деревянных срубах – коробах и в каменных ящиках. В кургане 1 обнаружено захоронение ребенка 6-8 лет в каменном ящике. Погребенный лежал скорченно на левом боку головой на Ю.

В кургане 2 сопроводительных захоронений не было, но выявлено впускное захоронение двух человек в северо-западной части центральной могильной ямы. Один скелет принадлежал взрослому мужчине (40-45 лет). Умерший был похоронен в скорченном положении на левом боку и ориентирован головой на СЗ. Ноги согнуты и слегка поджаты. Правая рука была согнута в локте, кисть ее лежала на тазу. Левая рука вытянута вдоль туловища. Череп был обращен лицевой частью к востоку. В районе грудного отдела позвоночника найден фрагмент железного предмета (наконечник стрелы?). Второе захоронение принадлежало ребенку (9-12 месяцев). Костяк лежал под деревянной обработанной плашкой и в районе нижних конечностей мужского скелета, между бедренными и берцо-

выми костями. Большая часть костей была перемещена грызунами, in situ сохранился фрагмент черепа.

В кургане 3 обнаружено пять захоронений в валике выброса. В погребении 1 в деревянном срубике, сложенном в лапу с остатком из планок 10 см толщиной был уложен скелет ребенка (5-6 лет). Погребенный лежал на левом боку с ногами согнутыми в коленях, головой ориентирован на СЗ. Ноги согнуты в коленях. Кости верхних конечностей и таза были смещены. От перекрытия сохранились фрагменты дерева и бересты. Другие четыре были совершены в каменных цистах, сделанных из нескольких небольших камней. Погребение 2 — это циста овальной формы (1,2х0,6 м) длинной осью ориентированная по линии С-Ю, сложенная из девяти камней. Перекрытие отсутствовало. Внутри цисты находились фрагменты детских костей (возраст 0-0,5 года), по которым не удалось установить первоначальное положение погребённого. В погребении 3 в яме овальной формы был выявлен заклад из небольших камней. Под ним находился каменный ящик (1,2х0,55 м), в котором найдены фрагменты детских костей (возраст —9-12 месяцев). Погребённый был ориентирован головой на В. Погребение 4 сделано в яме овальной формы, заложенной одним рядом камней. В яме располагалась циста овальной формы (2,0х0,75 м) длинной осью ориентированная по линии СЗ-ЮВ. Она была сложена из 11 камней среднего размера, сверху перекрытая пятью плоскими камнями. Внутри цисты находились перемещенные фрагменты детских костей (возраст 0 – 0,5 года), потревоженные грызунами. Погребенный лежал головой на В. В погребении 5 открыто погребение младенца (возраст около года), положенного в центр между трех камней, установленных вертикально (0,35х0,35х0,35м) в углубление диаметром до 0,2 м. Скелет лежал на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой ориентирован на ЮЗ. Удивительная сохранность костей годовалого ребёнка в погребения 5 и его расположение в грунте валика выброса рва за обкладкой кургана, а не в подсыпке вокруг центральной ямы, где находились остальные детские погребения, позволяют заключить, что процесс захоронения происходил несколько позже, вероятно, после завершения строительства кургана, с использованием ритуального обряда, связанного с возжиганием огня и приношением в жертву животного, о чём может свидетельствовать пятно прокала в 0,5 м от кольца насыпи, с зафиксированными в нём фрагментами кальцинированных костей и керамики.

В кургане 4 обнаружены два сопроводительных захоронения-кенотафа (?) в виде выкладок из мелкого рваного камня. Выкладка 1 располагалась с северо-восточной стороны в 0,8 м за кольцом-оградой кургана, имела подтреугольную форму (0,5х0,4 м) и была сооружена на поверхности насыпанного над валиком выброса холма, на его краю. Выкладка сооружена в один слой по всей площади, исключая центр, где некоторые камни уходили вниз, составляя второй слой. Выкладка 2 была в СВ-В части, в пределах кольца-ограды, в нижнем слое насыпного холма над валиком выброса и представляла собой скопление овальной формы (0,5х0,4 м) из рваного камня мелких размеров, положенного в один слой.

Под обеими вкладками ничего не было обнаружено. Возможно, они являлись имитацией детских захоронений.

В курганах 3 и 4 зафиксированы, прорезающие валик выброса «дромосы» – с ЮЗ на кургане 4 и с СВ на кургане 3. Скорей всего это были грабительские ходы, но возможно и подхоронительные. В кургане 4 он шел до самого перекрытия сруба и был заполнен камнем.

Грунт, заполнявший все ямы центральных погребений, отличался от местных материковых слоев и был специально доставлен к месту погребения — это были суглинистые отложения, скорей всего ил с берегов соседнего Белого озера. Это заполнение располагалось в ямах только над срубом, ближе к стенкам заполнение было из красной материковой супеси.

Ямы имели прямоугольную форму и были ориентированы углами по странам света. Глубина от края по материку: курган 1 — 3,8 м, курган 2 — 4,1 м, курган 3 —4, 1 м, курган 4 — 4, 3 м. В центральной яме кургана 4 на глубине 2 м была сделана приступка, на которой уложена дополнительная деревянная рама и перекрытие. Остатки такого промежуточного перекрытия, которое символизировало перекрытие ямы, характерное для ранних курганов уюкско-алды-бельской традиции, по-видимому, были и в кургане 1, но они не сохранились.

В ямах находились срубы, перекрытые горбылём или лагами в несколько слоев. Перекрытие лежало в направлении СЗ-ЮВ. В том же направлении лежал и пол из деревянных досок. В курганах 2 и 3 между верхним и нижнем слоями перекрытия была проложена береста, а в кургане 3 кроме того береста лежала и на верхнем венце сруба. В нижних уровнях перекрытия были сделаны вырубы для крепления их на бревнах сруба. Длина бревен около 3 м, ширина около 20 см, количество около 15.

Срубы сложены в несколько венцов в обло. Ориентированы углами по странам света. Их высота составляла примерно1 м. Курган 1 — четыре венца, внешние размеры 2,4х2,4 м, внутренние1,75х1,75; курган 2 — четыре венцы, размеры 2,4х2,3 м и 2,0х2,1 м; курган 3 — три венца, 2,5х2,5 м и 2,05х2 м; курган 4 — 4 венца (пятый полувенец с вырубом для пола), 2,5х2,5 м и 2,05х2 м. В нижнем венце срубов сделаны продольные вырубы по всей длине для фиксации досок пола. Под досками пока кое-где зафиксирована подсыпка для выравнивания пола.

Количество погребенных в срубах и их позы не установлены, так как все захоронения ограблены, по-видимому, еще в древности (рис.2). Причины и процесс ограбления — это отдельная тема для исследования. Грабили ямы через центр, так как все перекрытия проломлены в центре. Но ограбление было совершено очень тщательно, так как костей погребенных в ямах практически нет. Только в кургане 1 на краю центральной могилы с СЗ и ЮВ были обнаружены остатки скелетов, которые сначала были приняты за отдельные захоронения. Тем не менее, сейчас можно утверждать, что это останки погребенных, которые были извлечены со дна центральной могилы и уложены на деревянные помосты.

Материал из погребений в основном представлен остатками золотых нашивок на одежду (в виде грифонов, фигурок горного козла, льва, лепестковых розеток), характерных для уюкской культуры (рис. 4 – 1, 2, 10, 12, 13), но наборный пояс на кожаной основе с бронзовыми обоймами, фрагмент которого найден в кургане 1, характерен для алды-бельской культуры (рис.4 – 4, 15). Наконечники стрел из кости и бронзы с укороченным бойком и длинным черешком характерны для ранних этапов скифского времени Тувы (рис.3).

Из ритуальных кольцевых выкладок, которые приурочены к курганам, получен также интересный материал. Это керамики скифского облика, представляющая два типа сосудов – красноглиняных и сероглинянных, с выделенными венчиками и налепами с насечками под валиками, баночной формы, которая находится в основном в курганах алды-бельской культуры (рис.5). Обжиг керамики слабый, иногда в тесте встречается примесь песка или шамота. Толщина стенок 0,6-1,3 см, диаметр венчиков варьирует от 10 до 20 см.

Можно выделить несколько типов ритуальных сооружений (исследование ритуальных сооружений проводились В.О.Глуховым):

Во-первых, это каменные кольца-вымостки. Они располагались в центральной части раскопа на расстоянии 32 м к Ю от объекта 2 и в 19 м к ЮВ от объекта 3. Всего выявлено 38 поминальных сооружений, которые после расчистки представляли собой плотное скопление крупных и средних камней, шириной 3,2-4,6 м. После разборки с оставлением камней, лежащих in situ и составляющих основу конструкций, выкладки приобрели четкие округлые или овальные кольцевидные очертания. Кольца находились на расстоянии 0,2-1,0 м друг от друга, образуя цепочку в виде смыкающихся трех дуг, огибающих объекты 2 и 3. Размеры и цвет выбранного для их сооружения камня различаются. В большинстве случаев конструкция по периметру оконтурена крупными обломками скал розовых оттенков (от 8 до 11 шт.), а внутреннее пространство заполнено мелкими камнями серого цвета. В двух случаях (п.12, 13) каменные кольца были сложены из мелких плоских камней серого цвета, положенных вплотную друг к другу. В трех случаях внутренняя часть выкладок заполнена крупными плитами и рваным необработанным камнем (п.15, 16, 17). Их максимальная высота доходит до 0,4 м, камни уложены в один-два ряда. Можно предположить, что конструкция колец первоначально имела куполообразную форму и была разрушена при распашке.

Интересной является находка вертикального кола в центре п.18, выявленного после удаления камней из внутреннего пространства на уровне древней погребенной почвы. Диаметр его составляет 0,1 м, высота сохранившейся части — 0,2 м. Можно предположить, что конструкция могла выполнять функцию коновязи или жертвенного столба, что подтверждается находками трубчатых костей и фрагментом нижней челюсти лошади в пределах поминальника. Аналогии находятся среди поминальных сопроводительных конструкций культур ранне-

скифского времени на территории Тувы, Монголии, Алтая [Е.В.Шелепова, 2012, с.116-122].

В юго-восточной части раскопа на уровне древнего горизонта были расчищены еще 2 цепочки поминальных колец, находящиеся на расстоянии 24,2 м друг от друга. Эти цепочки получили наименование объект 5 и 6. Эти объекты были приурочены к объекту 4.

Ближайшей аналогией комплексу ритуальных сооружений является курган Аржан (IX-VIII до н.э). Более половины окружности кургана Аржан охватывала дуга из 120-130 группирующихся в два-три ряда выкладок на расстоянии 15-30 м от кургана (в юго-восточной части раскопана 21 поминальная выкладка, найдены кости черепа и голеностопных суставов лошади и МРС) [Грязнов,1980]. В кургане Аржан 2 таких колец было не менее 150; на трех участках раскопано более 20, в большинстве из которых найдены угли, кости животных, оплавленные предметы (Чугунов, 2004). Подобные сооружения, объединенные в две дуги, также обнаружены на кургане Аржан IV [Марсадолов, 2004].

Вторую группу поминальных сооружений составляют каменные треугольники. Всего на площади раскопа зафиксировано 9 поминальных треугольников, сложенных из небольших плоских плит, стоящих на ребре, размерами 20х10х4 см. Пять из них располагалось с Ю-ЮВ стороны на расстоянии 0,4-2,0 м от каменной насыпи курганов (курган 1, 4), в двух случаях в юго-западной части каменного кольца-крепиды кургана 1 и 2. На кургане 3 треугольник был зафиксирован на дне рва к северу от центра кургана. Также два треугольника было найдено на межкурганном пространстве в 20 м от насыпи кургана 3 и между поминальными кольцами п.9 и п.10. В большинстве случаев они были закрыты крупными камнями, либо рядом с ними находился перемещенный при распашке крупный камень-«крышка». Треугольники рядом с насыпью кургана 1 были перекрыты каменными нуклеусами. Вероятнее всего, эти камни имели ритуальное значение и относились к какому-то из погребений.

Одиночной находкой является заклад из небольших камней. В северном секторе, в 0,8 м за кольцом-оградой кургана 4 а обнаружена выкладка ромбовидной формы из мелкого рваного камня, сооруженная на краю поверхности насыпной платформы. Размеры выкладки 0,5х0,4 м. Выкладка сооружена в один слой по всей площади, исключая центр, где некоторые камни уходили вниз, составляя второй слой. Под ней ничего не обнаружено. Между этой выкладкой и кольцом ограды найден небольшой фрагмент белого кварца. Такой же фрагмент белого кварца обнаружен напротив, с южной стороны, также за пределами кольца-ограды (аналогичная находка была сделана К.В. Чугуновым при раскопках кургана Ченге-Тей в 30 км ниже по долине р.Уюк).

Также свидетельством ритуальных (поминальных) действий являются многочисленные находки костей МРС и лошади (составляет большинство). При раздерновке наземного сооружения во всех секторах в пределах кольца-ограды, а также за его пределами, встречались отдельные, часто разломанные или раз-

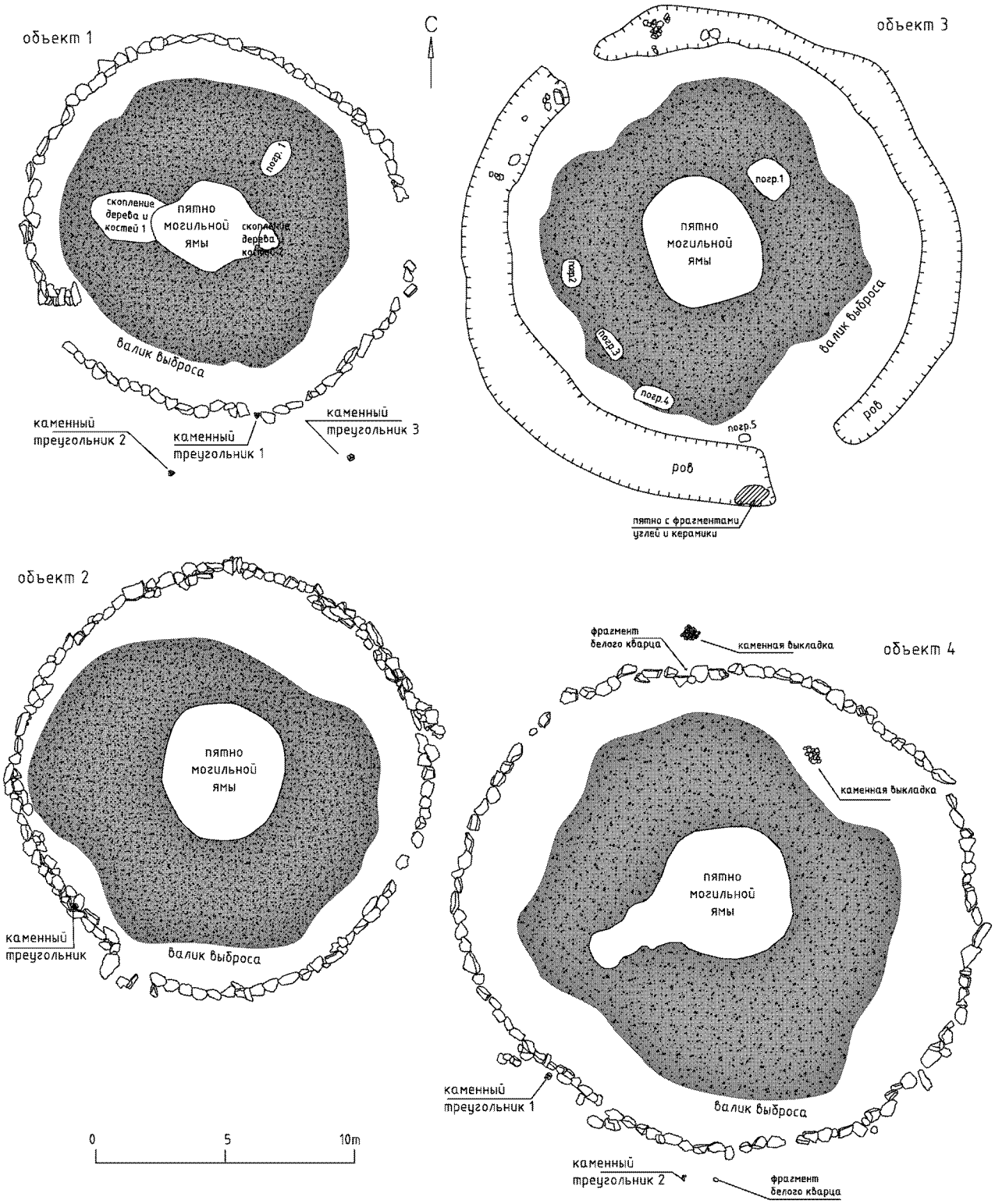

Рис. 1. Могильник Белое Озеро 3. Планы курганов после снятия каменного панциря.
Fig.1. The Burial Beloe lake 3. Plans of mounds after removing of stone shell

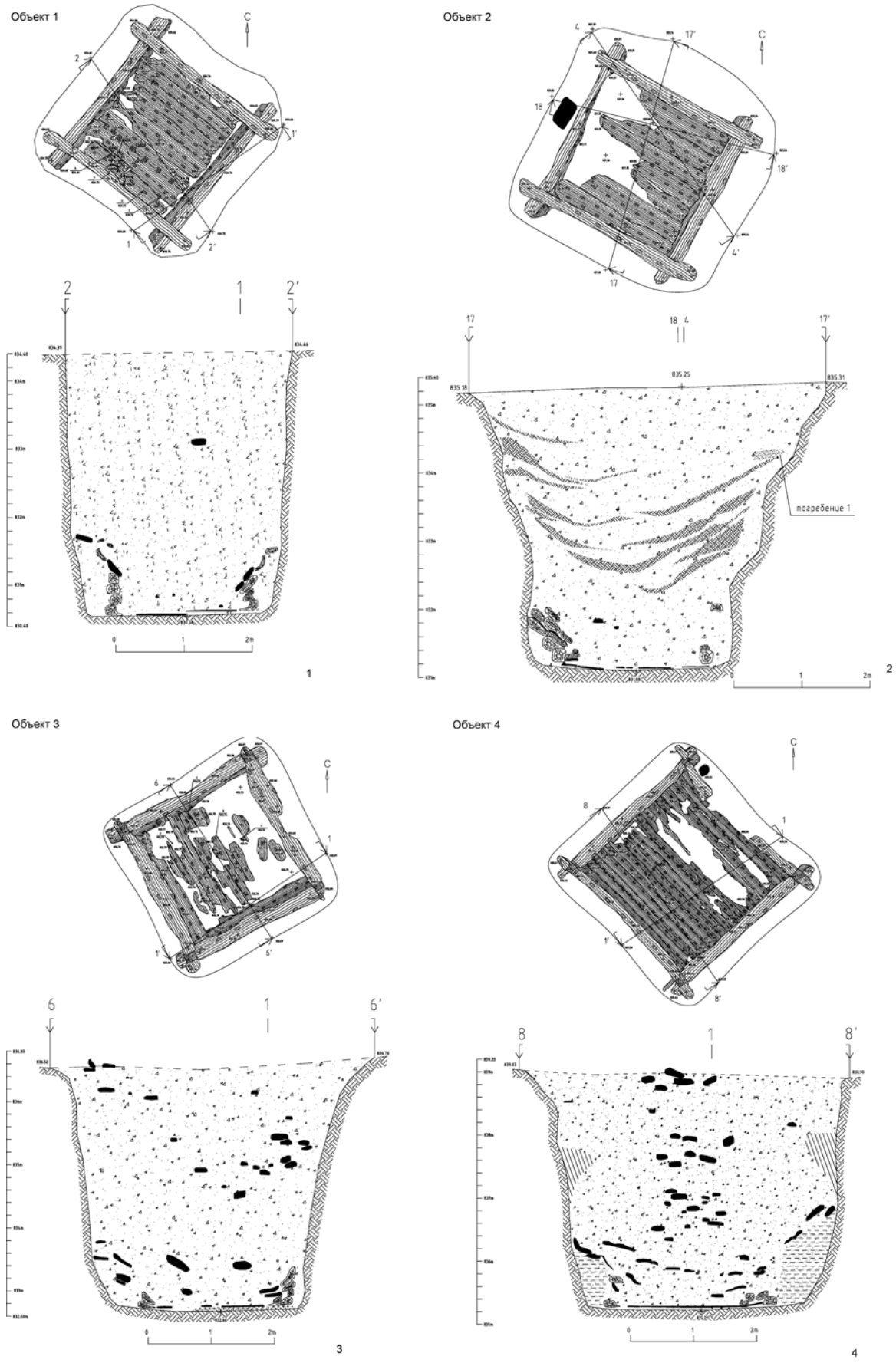

Рис. 2. Могильник Белое Озеро 3. Планы остатков захоронений на полу срубов и разрезы.
Fig. 2 The Burial Beloe lake 3. Plans of remains of skeletons on floor of timbers and section

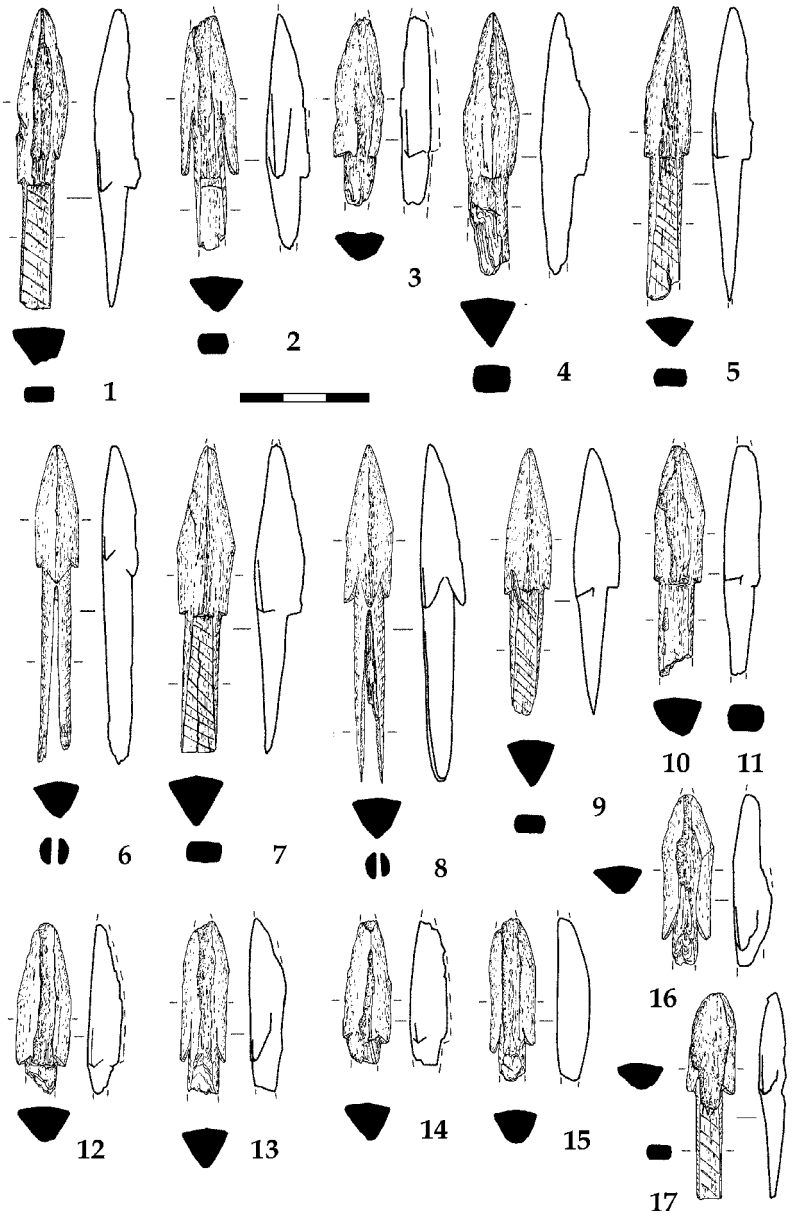

Рис. 3. Могильник Белое Озеро 3. Костяные наконечники стрел.
Fig. 3 The Burial Beloe lake 3. Bone arrow-heads

дробленные кости животных (кости конечностей, ребра, кости черепа, зубы): лошади, кулана, коровы, барана, овцы, также обнаружены единичные обломки костей птицы, собаки или волка, косули и благородного оленя. Остатки этих приношений располагались как среди камней «панциря», так и на уровне древней поверхности на расстоянии 0,2 – 7,0 м от насыпи кургана, а также в ритуальных выкладках. Более всего таких остатков было встречено в южном и восточном секторах.

Подводя итог, можно сказать о несомненной необходимости раскопок курганных могильников широкой площадью для получения более полной реконструкции ритуальной стороны жизни кочевников. Что, несомненно, позволит сделать выводы о характере локальных особенностей и преемственности погребальных ритуалов на всем степном поясе Евразии.

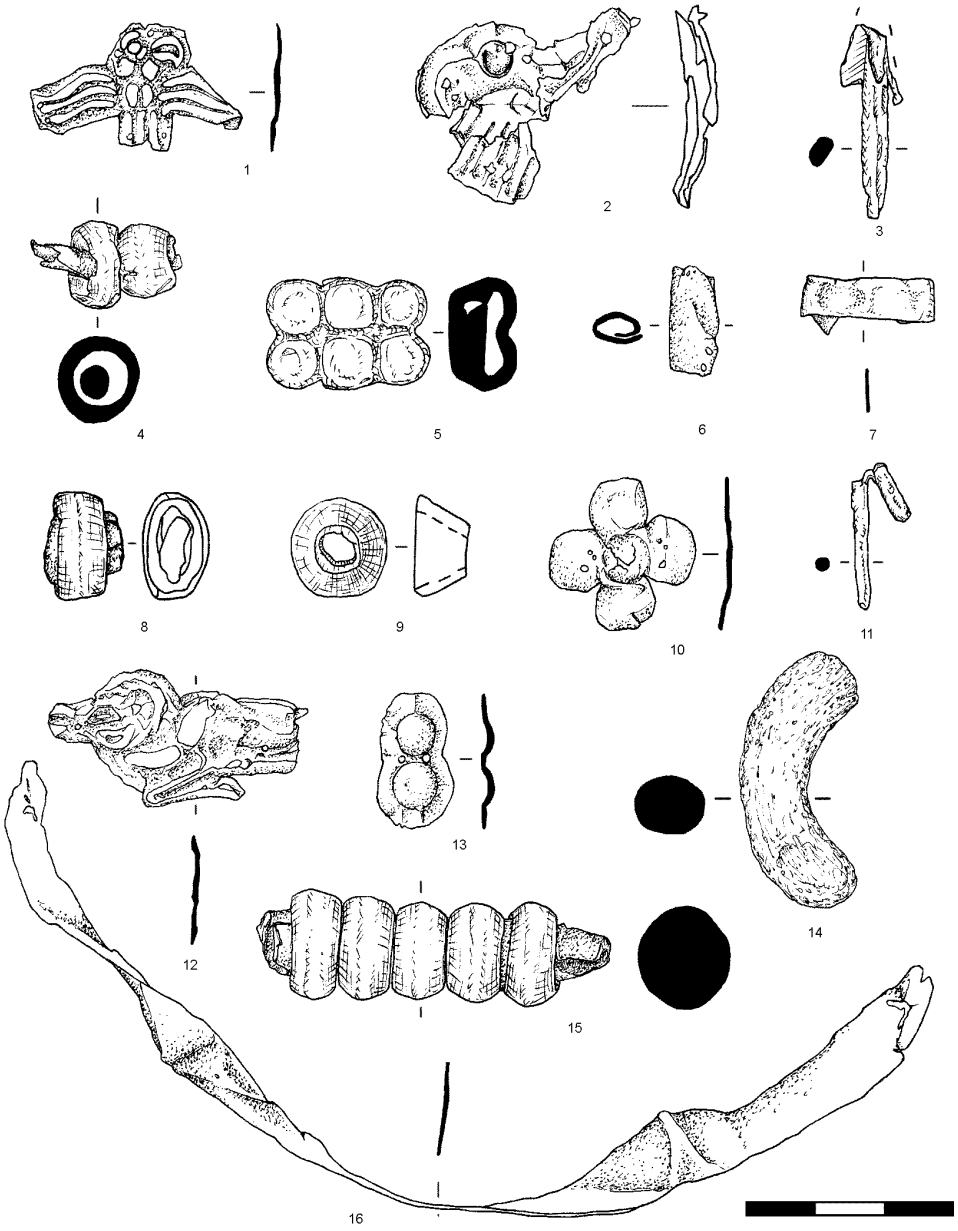

Рис. 4. Могильник Белое Озеро 3. Находки. 1, 2, 6, 7, 10, 12, 13, 16 – золото; 3, 4, 5, 11, 15 – бронза, 14 – кость.
Fig. 4 The Burial Beloe lake 3. Finds 1, 2, 6, 7, 10, 12, 13, 16 – gold; 3, 4, 5, 11, 15 – bronze, 14 – bone

Литература

Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. – Л. 1980. – 64 с.

Марсадолов Л.С. Памятник Аржан IV в Туве // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Вып.2. – Улан-Удэ, 2004. – С.121-133.

Чугунов К.В. Аржан – источник // Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. – СПб.: «Славия», 2004. – С.10-39.

Шелепова Е.В. Сакральное пространство и погребально-поминальные обряды в культурах кочевников Центральной Азии раннескифского времени. // Вестник Томского государственного университета. – Вып.362 – Томск,2012 – С.116-122

Семенов Вл.А. Килуновская М.Е., Глухов В., Завьялов В.А., Садыков Т.Р., Смирнов Н.Ю. Предварительные итоги исследований Тувинской археологической экспедиции в 2013 г.// Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. – СПб.:Изд-во ООО «Периферия», 2014. – С.327-366.

Г.Д. Коваленко[36]

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СЕМАНТИКЕ АРТЕФАКТОВ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (Хакасия, бронзовый век)

Поиску информационной основы изображений в артефактах Окуневской культуры в синергетическом аспекте посвящено данное сообщение.

Ключевые слова: Петроглифы, стелы, фракталы, стратификации, ноосфера, импакты, солярные знаки.

G.D. Kovalenko

SINERGETIC APPROACH TO THE SEMANTICS ARTEFACTS OF OKUNEV CULTURE (KHAKASSIA BRONZE AGE)

Search for the information of the image in artifacts Okunevskaya culture in synergistic aspects devoted to this message.

Key words: petroglyphs, steles, fractal. stratification, the noosphere, impact, solar signs,

Фрактальный аспект взаимосвязи мировых систем

В семантике для распознания сакрального смысла в древних изображениях используются традиционные образы, возникшие в начале прошлого века на артефактах бытовой сферы. Для распознания петроглифов и писаниц Окуневской культуры в Хакасии традиционный подход не всегда приемлем. Требуются не просто астрономические знания а, в большей степени, новые подходы космогонического толка. Ранее нами выполнен ряд исследований в аспектах палеоконтакта на территории Хакасии [Коваленко 2008; 2009]. В опубликованных работах показаны артефакты, содержащие смысловую основу различных событий в течение предшествующих трех-пяти тысяч лет. Через расшифровку знаков в петроглифах и их идентификацию получены ассоциативные представления неких исторических событий, связанных с цивилизацией Сириуса. Однако не ясна до сих пор информационная основа передачи знаний от далеких космических систем.

Поиску информационной основы изображений в артефактах Окуневской культуры в синергетическом аспекте посвящено данное сообщение.

Развитие сложных систем, как показано нами [Коваленко 2003, с. 15], зависит от соотношения уровней трансформативного, коммуникативного и консервативного порядка. Устойчивость процесса развития достигается при гармоническом соотношении указанных уровней, а совершенство системы, в конечном счете, может характеризоваться фрактальными уровнями, предопределяемых энергетическим ресурсом совершения преобразующих процессов [Коваленко 2003, с.

[36] Коваленко Геннадий Дмитриевич – доцент кафедры технической эксплуатации летательных аппаратов и двигателей Сибрского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнова. E-mail: kovalenko43@list.ru

101]. Определение фрактальных уровней можно выполнять по синергетической шкале, которую имеет смысл рассмотреть для понимания строения мировой среды а, следовательно, особенностей систем, обитающих в ней. Синергетическая шкала (СШ) представляется в виде семивитковой спирали, по числу физических тел, отображаемых в детерминации современных знаний (рис.1). В основу шкалы заложена градация 112 событий (7×16), заполняющих поле проявленности процессов в условиях земной среды и окружающего ее пространства. Предельно малая величина работы импульса, обнаруженная Планком, задает крайнее граничное значение для всей шкалы – 112-го фрактального уровня. При последовательных фазовых переходах через 16 фрактальных уровней образуется кластерная стратификация космической среды (КС) в формах тел: ***монокристаллов, кристаллов, молекул, атомов, лептонов; фотонов, кварков***. Переходы сопровождаются, в данном случае, «свертыванием» или «развертыванием» кластеров в соответствии со свойствами семи стратификаций. Здесь изменение свойств показано через температуру и собственную частоту колебаний кластеров (табл. 1). Такая закономерность была найдена нами и проверена для основных случаев преобразований материи.

Стратификации	Кластеры	Фрактальные уровни, f	Собственная частота $С^{-1}$	Температура Переходов Т, К
VII	кварки	112	$5{,}2\ 10^{33}$	$2{,}5\ 10^{23}$
VI	фотоны	96	$7{,}9\ 10^{28}$	$3{,}8\ 10^{18}$
V	лептоны	80	$1{,}2\ 10^{24}$	5,7 10
IV	атомы	64	$1{,}8\ 10^{19}$	$8{,}6\ 10^{8}$
III	молекулы	48	$2{,}8\ 10^{14}$	$1{,}3\ 10^{3}$
II	кристаллы	32	$4{,}3\ 10^{9}$	$2{\cdot}10^{-2}$
I	монокристаллы	16	$6{,}5\ 10^{4}$	$9{,}2\ 10^{-7}$
0	Нуль- состояние	1	1	$4{,}8\ 10^{-12}$

Применим СШ для оценки уровня совершенства космических цивилизаций. Интеллектуальный уровень в самосознании представителей данной цивилизации всегда будет обусловлен фрактальной глубиной в познании особенностей среды обитания и применения этого познания в виде построения алгоритмов преобразующих процессов. Техногенные особенности всякой цивилизации обусловлены фрактальным уровнем среды обитания. Главными факторами развития объектов среды, таким образом, являются температура и быстродействие обменных процессов, задаваемое собственной частотой.

Например, земные обитатели, назовем их «планетянами», устойчиво могут обитать в диапазоне температур 273–333 К, что соответствует фрактальному уровню ~35. Это очень малый диапазон параметров для обитания в условиях космической среды. Чтобы переходить на соседние среды, «планетянам» необходимо прибегать к защите от разрушающих воздействий Космоса с помощью

различных техногенных способов. Учитывая высокую вероятность сокрушительных явлений в природе формы жизни «планетян» являются весьма рискованными. Только переход в следующие стратификации может сохранять сущностные индивидуальные признаки обитателей планетных сред.

Известно о проявлении предполагаемых разумных форм в виде полевых систем – назовем их «плазманоиды». Диапазон их существования обусловлен их носителями от молекулярных до фотонных включительно. По СШ – это стратификации от IV по VI от 48 по 96 фрактальным уровням. А это предопределяет быстродействие процессов в среде обитания «плазманоидов» в несколько тысяч миллиардов раз больше, чем у «планетян» и среда их устойчивого обитания характеризуется сверхвысокими температурами на уровне глубинных процессов планет и звезд. Подобные процессы свойственны ядерным реакциям, поэтому следует ожидать, что «плазманоиды» «умеют» преобразовывать вещественные плотные формы в чистую энергию и, возможно, создают как автономные энергетические сферы обитания, так и могут существовать внутри звезд, а также в ядрах планет.

Из СШ следует, что содержание составных частей едино для всех форм обитания. Очевидно, что указанное единство рано или поздно приведет к объединению соседствующих форм, причем одним необходимо будет познавать особенности высокофрактальных уровней, а другим разрабатывать систему замедления процессов до диапазонов восприятия их низкофрактальными «собеседниками». Коммуникативные возможности при этом должны заключаться не в телесных взаимодействиях и вербальным общением, а в обмене информацией на полевых уровнях. Оформление знаний в таком случае должно быть построено на ассоциативной основе, включающей отображение событий, распознаваемых обеими системами.

Отображения техногенности в древних рисунках Хакасии

Покажем несколько примеров отображений на основе древних рисунков. Как первый пример, можно рассмотреть изображение на петроглифе со стелы 98 [Леонтьев, 2006] (рис. 2), где хорошо различимы символы сперматозоидов и хромосом. Учитывая многотысячелетний возраст петроглифа, подобные сведения могли появиться от цивилизации, достигшей знаний митогенетического характера. В конечном понимании данного петроглифа содержится отображение генетической обработки семени в излучении, сходного с радиоактивным.

Вторым примером высокофрактального свойства сообщения является изображение на Шалаболинской писанице (рис. 3). Здесь, по нашей идентификации, показан космический корабль – бомба, снабженный радиоактивным движителем, состоящим из массивного реактора с топливными и замедляющими стержнями [Коваленко, 2012], Для настройки вышеуказанных стержней показаны теплоизоляторы, отображенные через образ берцовых костей. В нижней части обтекаемого корпуса купольной формы показан элемент, символизирующий ци-

кличные колебания, возможно для создания циклотронного вихря. Управление кораблем, очевидно предусмотрено через приемную антенну, изображенную на верху реактора. Вероятность использования атомных технологий показана в ряде последних сообщений, согласно которым на территории древней Хакасии не только добывались радиоактивные элементы, но и проводились ядерные испытания космического оружия [Коваленко, 2011; 2012; 2013 б].

Третий пример – солярные знаки, содержащие концентрические круги. Сопоставляя их со стратификациями, рассмотренных выше в СШ, можно полагать, что так отображался статус цивилизаций в нашей галактической системе Макошь (Млечный путь). Из рис. 4 видно, что в составе Галактического единства находятся, как центральные управляющие – цивилизации Большой Медведицы, Большого Пса. Как подчиненные – жизненные системы Марса, Луны, Земли. Луна, при этом, отображена без точки в центре, что характерно для космических межзвездных кораблей планетарного типа. Одним из признаков космических кораблей в изображениях является присутствие серповидного элемента, отображающего головную волну при движении объектов в любой среде. Нами выделены функциональные назначения кораблей как межзвездных, межпланетных, орбитальных и челночных. Изображения солярных знаков на скалах и писаницах распространены по всей планете [Коваленко, 2009 а]. По всей видимости, это была общегалактическая ранговая система. Нами была найдена Ширинская плита, где с помощью солярных знаков отображена событийная картина экспансии Сириуса на территории Хакасии [Коваленко, 2009; 2010] и найдены ее техногенные следы [Коваленко, 2010 б; 2011; 2012; 2013 а].

Поиск скрытых древних исторических сведений и артефактов

Чтобы узнать историю какого-либо места используют разные способы. Чаще всего расспрашивают тех, кто там живет или жил. Такие «житейские» сведения, вроде бы возникли из первоисточника непосредственных свидетелей, но передают субъективное виденье фактов и в своем полном сочетании содержат много противоречий. Но самое главное – они распространяются на небольшой период времени, максимум на 50-60 лет, время проживания человека. Иногда свидетельство событий запечатлевается каким-либо способом – в форме сказания, украшенное подробностями разного рода; в виде документа, также не лишенного домыслов; и, наконец, высекается в камне на тысячелетия. На камне отобразить сложную эпопею возможно при хорошем знании таких дел и при владении особыми знаками, различаемых через тысячу лет. Но век людской скоротечный, меняет знания и языки, так что древность уходит во мрак заблуждений и выдумок. И не помогают самые четкие петроглифы и знаки, так как их смысл утрачивается в процессе изменений менталитета земных обитателей. Истина выскальзывает из рук, оставляя иллюзию знаний, и остается в пространстве, хранимая вблизи места событий.

Кто же ее может хранить? Об этом знают шаманы. Для них мир разделен на две части – наш вещественный и мир духов, с которыми можно разговаривать, если знаешь сокровенные слова, переданные посвященными. Это возможно при выполнении ритуалов. Для урбанизированного человека, привыкшего жить инструктивно в рамках условного мира придуманных законов, все это предрассудки и мистика. Однако если приглядеться, то многие законы, даже физические, дают приблизительные грани, которые показывают теоретическую тенденцию разграничений, а частные решения могут быть получены при дополнительных эмпирических поправках. Следует посмотреть на детей, когда они, не ведая правил и законов могут достигать цели даже в таком сложном деле, как компьютерная техника. С ее появлением появилось иное отношение к информации и знаниям. Нас не очень удивляет, что целую книгу можно запомнить в течение минуты, и даже распечатать ее с помощью маленького камешка кремния – флешки. Вот тебе и доказательство былинных истин, где в камне могут храниться тайны, раскрываемые по заветным словам типа «Сим – сим откройся». Большинство пользователей компьютеров понятия не имеют, что в нем происходит, нет необходимости проводить ритуалы и моления, надо знать только какие кнопки нажимать, да иногда пыль стирать. Так что, принципы и механизм переработки информации очень похожи на те, которые показаны в религиях, как небесные откровения и в шаманизме, как общение с духами.

Обрести умение получать достоверные сведения из информационного мира, названного Ноосферой, автору довелось не сразу. Почти три года пришлось постигать особенности общения с неведомыми сущностями, объявлявших себя Богами, Духами, бесами, Мудрецами. Сначала они дурачились, как могли, заставляя искать то кристалл с Луны, то космический корабль потерпевшего аварию и многое другое, что могло сделать человека безумно одержимым. Но впоследствии удалось разобраться в иерархии тонкого мира, и одурачивание сменилось деловыми отношениями. Были проведены видеосъемки аномальных объектов по заранее оговоренным условиям места, траектории и времени полетов (рис.5 *а*). Запечатлены, в виде стоп кадра, сами летающие объекты (рис 5 *б*, 6 *а*, 7 *а*) и картины энергетических полей вокруг них (рис 5 *в*, 6 *б*, 7 *б*). По результатам более двух десятков экспериментов, было установлено, что наблюдаемые объекты были, в свою очередь сами наблюдатели и демонстрировали наличие контакта. Кроме этого обнаружено, что мы имели дело с полевыми формами разумной жизни, протекающей в Космосе и контролирующей земные события и процессы.

В результате более чем семилетнего периода общения были получены сведения об исторических событиях многотысячелетней давности. Достоверность сведений проверялась по доступным реальным проявлениям, Например, была запрошена помощь в поисках древних рисунков, скрытых от предыдущих исследователей. Отозвался, назвавший себя, Дух Травы. По его сообщению было найдено место на кургане, в десяти километрах севернее с. Троицкое, где с глу-

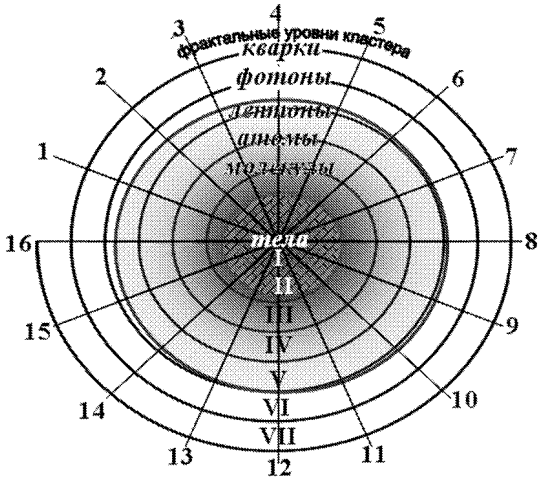

Рис.1. Синергетическая шкала развития космической среды. Здесь: I…VII – стратификации, 1….16 – фрактальные уровни; кластеров.

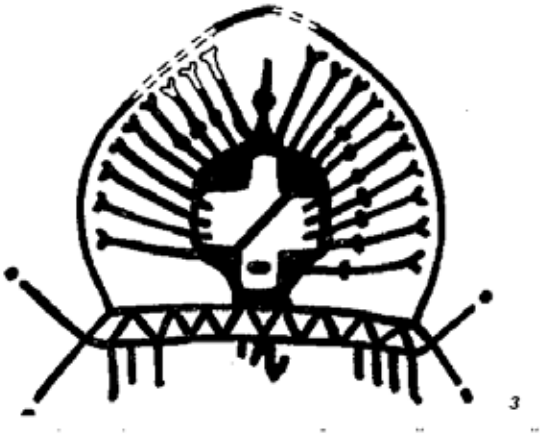

Рис. 3. [Леонтьев, 2006]

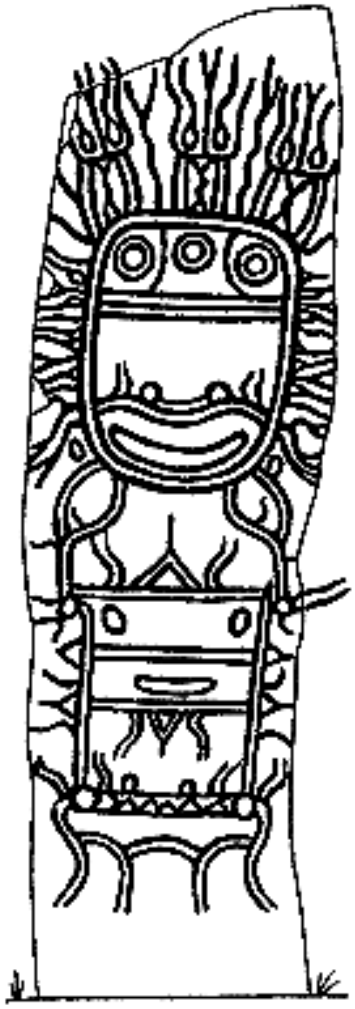

Рис.2 [Леонтьев, 2006]

Рис. 4. Идентификация солярных знаков в изображениях Окуневской культуры. [Коваленко, 2008 б]

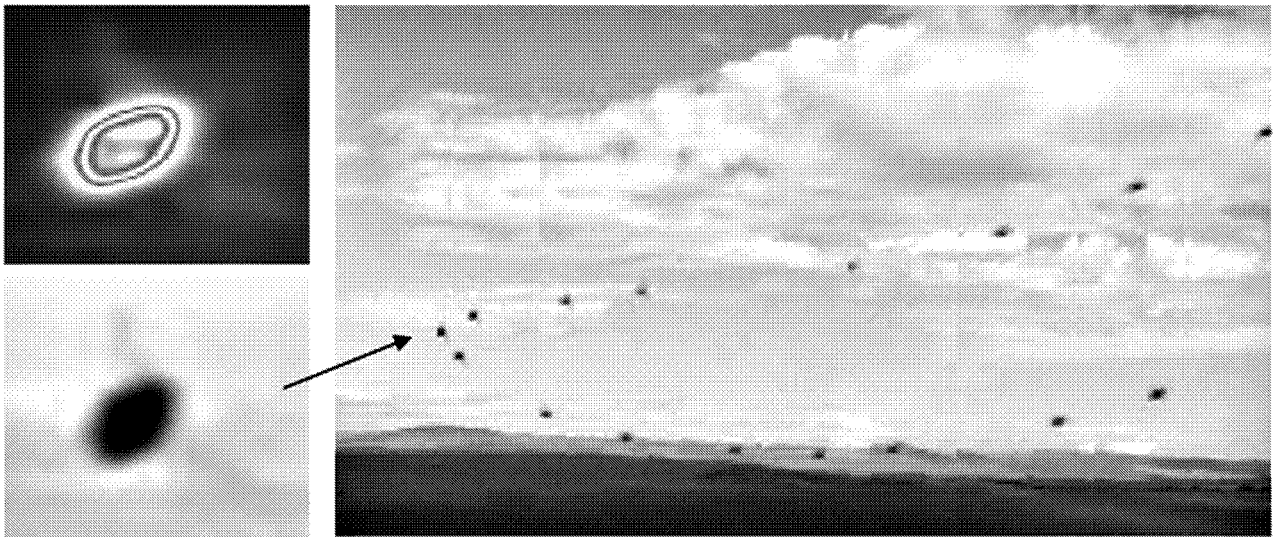

Рис.5. Киноrрама полета (а) и увеличенное изображение аномального объекта «Тимофей» (б), обработанное в фильтре ByW HESPERUS (в). Видеосъемка и обработка автора.

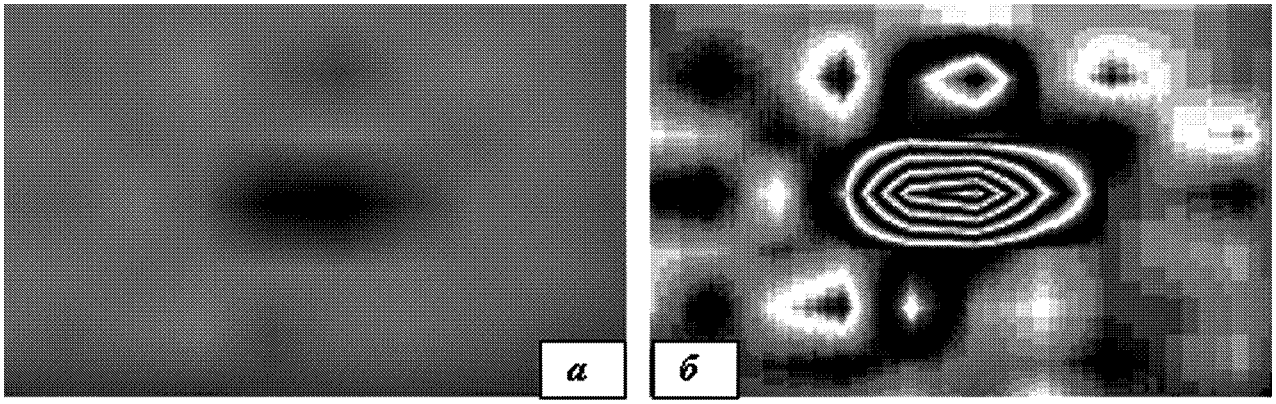

Рис. 6. Аномальный объект «Виктор», реальный вид из видеосъемки (а) и его растр (б), выполненный в фильтре FLAG B HESPERUS. Видеосъемка и обработка автора

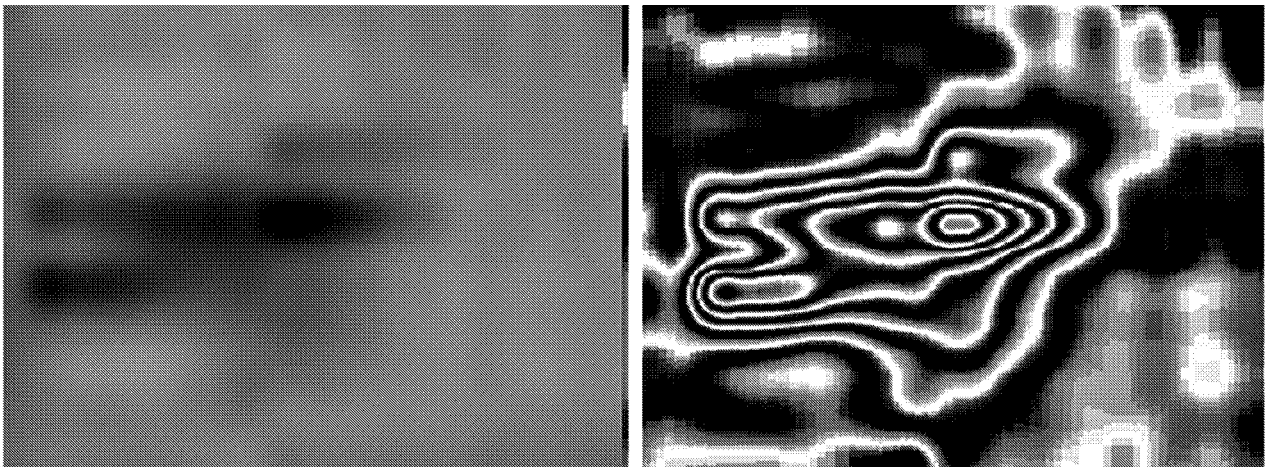

Рис. 7. Аномальный объект «Ширинский человек», реальный вид из видеосъемки (а) и его растр (б), выполненный в фильтре FLAG B HESPERUS. Видеосъемка и обработка автора.

бины полуметра была извлечена двухсот килограммовая стела с высеченным на ней рисунком человека. В присутствии трех свидетелей она была выкопана, сфотографирована и обратно закопана. Подобным образом удалось обнаружить еще несколько рисунков на других курганах. Но это детальные результаты. Интересны сведения, касающихся исторических событий.

При использовании ноосферной связи была получена картина событий шести тысячелетнего периода Сирианской экспансии на территории Хакасии. Сообщения были получены от участников последней пятой экспедиции, назвавшими себя: Сабытом (начальник), Мусатом, Ламой, Месытом, Нургетом, Селенитом, Самбытом, Мотыгом, Лесом (специалисты нескольких направлений). Главной задачей пятой экспедиции являлось:

– обновление семени древних аборигенов путем митогенетической обработки;

– защита населения сирианских баз от нападения марсиан;

– создание индустриального центра на территориях Ширинского района вблизи озер Шира, Матарак, Шунет, Утичье 3;

– контроль за добычей урана на оз. Шира, золота на горах вблизи Тургуюла, редких металлов в шахтах Туима, строительного камня в горах Сундуки, Тарпиг.

Золото и редкие металлы добываются до сих пор на указанных местах. В донных отложениях оз. Шира обнаружено аномально высокое содержание стронция. В почвах вблизи оз.Утичье 3 были выявлены признаки атомного взрыва по наличию импактных оплавленных частиц с высокой степенью намагниченности. Пробы брались с глубины 25 см. на травянистой поверхности. Весовое соотношение магнитной фракции к весу взятой пробы составило 72 %. Такая намагниченность может свидетельствовать о мощном облучении, характерном для эпицентра термического воздействия, подобного ядерному взрыву, так как на озерах Шира, Шунет, Матарак, удаленных от Утичьего, магнитных включений втрое меньше.

Таким образом, достоверность сообщений была установлена.

Синергетический подход позволил расширить границы познания древних событий на основе адекватных физических проявлений в артефактах Окуневской культуры в Хакасии.

Литература

Коваленко Г.Д. Гармоническое единство мира и его параметрическое оформление в техногенных процессах. – Красноярск, 2003. – 240 с.

Коваленко Г.Д. Древние следы Палеокосмической трассы // В сб. 100 лет падению Тунгусского метеорита. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Красноярск ИПК СФУ, 2008 а. – С. 191-213.

Коваленко Г.Д. Древние следы космической культуры на хакасских стелах // Homo Euersicus в глубинах и пространствах истории. Посвящается 100-летию со дня рождения академика А.П.Окладникова. Сборник научных трудов международной конференции: Изд-во Астерион, Санкт- Петербург, 2008 б. – С. 298-309.

Коваленко Г.Д. Палеокосмический аспект содержания петроглифов Окуневских стел //. Известия Горно-Алтайского отдела русского географического общества. – 2009 а. – Вып. 2. – С. 152-178.

Коваленко Г.Д. Космические знания в отображении древних артефактов Сибири//. Альманах «Енисейская провинция». – 2009 б. – Вып. 4. – С. 250-263.

Коваленко Г.Д. Ширинская плита (Хакасия) // Сборник научных трудов международной коференции: Изд-во Астерион, Санкт- Петербург, 2009 в. – С. – 509-523 .

Коваленко Г.Д. Зарождение человечества в отображении археологических памятников Окуневской культуры // homo.eurasicus.land.ru/sbornik2010/kovalenko.htm

Коваленко Г.Д. Сакральный смысл окуневских петроглифов в аспекте палеовизита // homo.eurasicus.land.ru/sbornik2010/kovalenko2.htm

Коваленко Г.Д. Сопоставление космических объектов с артефактами древности // Труды международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки» (Россия, Тамбов, 30 мая 2011 г.). – Тамбов, 2011. – С.37-44.

Коваленко Г.Д. Древний индустриальный комплекс на озере Шира // Сб. трудов Международной научно-практической конференции «Общество, современная наука и образование». М-во обр. и науки. Тамбов, ноябрь, 2012. – Тамбов, 2012. – С. 72-74.

Коваленко Г.Д. Космологический аспект древних наскальных изображений Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Матер. IV международной научной конференции. – Чита, 2013 а. – С.

Коваленко Г.Д «Война Богов» в отображении древних артефактов Хакасии // «Алтай и финский географ Йоханес Даниил Гранё». Материалы международной научно-практической конференции. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2013 б. – С. 161-166.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы Окуневской культуры. – Абакан. Хакасское книжное издательство, 2006. – 236 с.

В.П. Леонтьев [37]

ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

Статья посвящена результатам исследований памятников железного века Северного Приангарья.

Полученный археологические материалы позволяют эпоху железного века региона разделить на два хронологических периода (без учета этнических процессов): первый – в пределах VIII-II в. до н. э., второй I в. до н. э. – Хв. н. э. Оба периода в свою очередь делятся на отдельные хронологические этапы.

Ключевые слова: археология, железный век, эпоха средневековья, памятники железного века.

V.P. Leontiev

CHRONOLOGY OF IRON AGE MONUMENTS NORTH PRIANGARE

The article is devoted to the research sites Iron Age Northern Angara region.

The resulting archaeological materials allow the Iron Age in the region divided into two chronological periods (excluding ethnic processes): first – within the VIII-II in. b. c. e. the second I in. b.c. e. – X b. n. e. Both periods are in turn divided into separate chronological stages.

Tags: archeology, the Iron Age, the Middle Age, the Iron Age monuments.

Первый период (VIII – II вв. до н. э.)

К этому периоду следует отнести погребальный инвентарь трех захоронений со стоянки Пашино [Дроздов и др, 2005, с.50-58], в котором найдены бронзо-

[37] ЛЕОНТЬЕВ Виктор Павлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Красноярской лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири, Институт археологии и этнографии СО РАН. E-mail:leontiew.vict@yandex.ru

вые наконечники стрел, близкие аналогии которым встречаем среди бронзовых трехлопастных наконечников со скрытой втулкой в материалах лесостепной тагарской культуры. Подобные типы изделий датируются V-IV вв. до н. э. [Мартынов, 1979, табл. 12, 1, с.162].

Бронзовому изогнутому двулезвийному ножу из пашиновского погребения находятся близкие аналогии в Забайкалье [Гришин, 1981, с.175, рис. 66; 5,6,7,8].

Подобные ножи были зафиксированы гораздо севернее указанных районов, на юге Якутии, где они были обнаружены на стоянке Усть-Миль [Ивашина, 1975, с.98-101; Федосеева, 1970, с.134-137]. «Уникальной находкой является нож со стоянки Усть-Миль. Острие ножа сломано. Сохранившаяся часть лезвия имеет прямоугольную форму. Одна сторона лезвия плоская.

В средней части обратной стороны проходит продольное ребро, не треугольной, как у меча и наконечников копий, а трапециевидной формы. Лезвие имеет двустороннюю заточку» [Федосеева, 1974, с.151]. Аналогичный нож был обнаружен В. И. Привалихиным в погребении № 6 стоянки Отика на р. Ангаре в 1982 г. Материал погребения был датирован автором раскопок – VIII-V вв. до н. э. [Привалихин, 1989, табл. 2,1, с.192].

Эти ангарские находки подтверждают мнение Гришина Ю. С. о том, что подобные ножи были распространены не только в Прибайкалье, но и еще далее: в низовьях Ангары и в районе Красноярска [Гришин, 1971, с.10].

Он же считает, что енисейские – нижнеангарские и якутско – забайкальские изделия «представляют собой местные варианты характерных восточносибирских таежных ножей эпохи поздней бронзы и раннего железа, по своим формам (изогнутый клинок с двумя лезвиями) хорошо приспособленных для различных деревообрабатывающих работ» [Гришин, 1985, с.34].

В процессе изучения археологических памятников железного века Северного Приангарья (Отика, Сосновый Мыс, Капонир, о. Сергушкин, Слопцы и др.) Привалихиным В.И. был получен погребальный инвентарь, позволивший ему выделить цэпаньскую культуру раннего железного века, датированную VIII-II вв. до н. э. [Привалихин, 1993, с.21]. Материал погребений стоянки Пашина находит полные аналогии в материалах этой культуры. Такой датировке раннего железного века Северного Приангарья не противоречит радиоуглеродная дата-2270 $\pm$ 80 (ГИН 1743), полученная для первого культурного слоя стоянки Пашина, что соответствует IV-II вв. до н.э.

К этому хронологическому периоду следует отнести ажурные бронзовые бляшки из погребения с трупосожжением со стоянки Окуневка. Близкие аналогии эти изделия находят в погребении №1 кургана №5 могильника Новочекино-2 в Барабе [Полосьмак, 1987, с.82]. Сопроводительный инвентарь могильника Новочекино-2 датируется IV в. до н. э. [Полосьмак, 1987, с.91]. Подобные бляхи из Тувы (г. Кызылган, курган А-117) датированы V-IV вв. до н. э. В эти же хронологические рамки укладываются аналогичные находки из Минусинской котловины, Томской области (с. Бурбино – Пышкино Троицкого района), кото-

рые датированы V-IV в. до н. э. [Членова, 1961, с.134]. Н. Л. Членова подобные изделия отнесла «к категории вещей, широко распространенных в восточной части скифского мира» [Членова, 1961, с.139]. Косвенным подтверждением этого вывода может послужить большое количество подобных бляшек, найденных Гревцовым Ю.А. в святилище у Тасеевского «идола» (Мотыгинский район, р. Тасеева – левый приток р. Ангары). Среди них есть экземпляры, выполненные из железа [Гревцов, 2013, с.92-106]. Многообразие данных украшений дополняется бляшками в виде стилизованных изображений голов грифонов из могильника Сергушкин – 3. Бляшки датированы III в. до н. э. [Привалихин, Дроздов, Леонтьев, 1984, с.55-57]. География таких изделий сегодня расширилась за счет находки из культового комплекса «Мыс. Арбан» на р. Тасеевой [Тарасов, 1997, с.78-83, рис. 975].

Клад, содержащий многочисленные бронзовые изделия, близкие по стилю и характеру ангарским находкам, был обнаружен на р. Лене, около поселка Отонкон. Его материалы датированы V-IV вв. до н. э. [Окладников, 1955, с. 159-160].

В хронологические рамки этого периода следует включить бронзовые бляшки стоянок Чадобец и Дворец со стилизованным изображением птиц. Аналогичные находки известны из Айдашинской пещеры близ г. Ачинска [Молодин и др, 1980, с.148] и относятся к кулайской культуре [Молодин и др, 1980, с.30], что в хронологическом отношении приходится на III – I в до н. э. [Молодин и др, 1980, с.27]. Аналогичные бляшки хранятся в фондах Красноярского краевого музея, одна из которых найдена у совхоза Удачный близ Красноярска, место нахождения другой неизвестно.

Бронзовые ангарские птицевидные бляшки на сегодня являются самыми восточными находками кулайских изделий.

Очевидно, к этому хронологическому комплексу следует отнести остатки плавильных тиглей со стоянки Усть-Кова, датированных IV-III вв. до н. э., что подтверждает дата по углю 2 450 $\pm$ 50 (ГИН – 252) .

К этому этапу следует отнести керамику с широким орнаментированным налепом по внешнему краю венчика, фрагмент с аналогичным орнаментом был найден в погребении №3 стоянки Пашина. Эта манера орнаментации зафиксирована на керамике цэпаньской культуры, подобные способы украшения посуды отмечены на стоянке Чадобец. Такой же налеп с аналогичным орнаментом встречается на керамике поселения Усть-Илим (слой-2, раскоп-3). Орнаментальные композиции, сочетающие оттиски многозубчатого, плоского, личиночного штампов, оттисков отступающей лопатки с плоским и круглым концом, вдавления ногтем и пальцем, широко применялись для украшения керамики этого поселения [Березин, 1990, с.28-30].

Массивные налепные валики по внешнему борту с пальцевыми защипами и ногтевыми вдавлениями отмечены в третьей группе керамики поселения Долгая на Средней Ангаре. Тулово этих сосудов украшено тонкими прямыми и волнистыми валиками [Соколов, 1996, с.57-66]. Поселение датируется VI-II вв.до н.э.

Накладные типы орнамента, пальцевые защипы, ногтевые вдавления встречаются на керамике раннего железного века Байкальских археологических памятников, которые датируются V-III вв. до н. э. [Свинин, 1976, с.167-169].

Традиция орнаментировать керамику оттисками различных штампов появляется в Северном Приангарье в эпоху неолита и сохраняется на протяжении бронзового и железного веков. При помощи штампов наносились широкие и узкие многозубчатые оттиски, округлые и личиночные вдавления.

Оттиски многозубчатых штампов наносились, как правило, чаще всего под наклоном и располагались на поверхности сосудов горизонтальными рядами.

На ряде стоянок Приангарья были зафиксированы погребения, относящиеся к данному хронологическому периоду, но с различными способами захоронения.

Различие погребальных обрядов, по всей вероятности, объясняется разными этническими традициями, связанными с местным и пришлым населением. Очевидно, привнесенным элементом следует считать обряд трупосожжения, а трупоположение в свою очередь связать с местными традициями, уходящими своими корнями в эпоху неолита и бронзового века.

В.И. Привалихин, автор выделенной цэпаньской культуры раннего железного века, считает, что исходным этническим компонентом для ее формирования был местный, ведущий свое происхождение от близких или этнически родственных глазковцам групп населения. Вместе с тем он считает, что формирование этой культуры шло при участии степного компонента [Привалихин, 1993, с.20].

Много самобытных черт можно обнаружить в материальной и духовной культуре таежных племен Приангарья эпохи железного века, к таковым можно отнести керамическую посуду, охотничий культ лося, поклонение шаманам-предкам и др. Однако, обитатели таежного региона не были изолированы от внешнего мира и имели, судя по всему, взаимные контакты с соседними территориями. Эти контакты нашли свое отражение в наскальных рисунках и предметах материальной культуры.

Судя по археологическим материалам, районы Северного Приангарья во второй половине I тыс. до н. э. подвергались воздействию степных племен. В этой связи интересны наскальные рисунки в низовьях р. Ангары напротив пос. Манзя.

Возраст рисунков этой писаницы, очевидно, определяется наличием на них изображений характерных котлов «скифского типа» с высоким коническим поддоном [Окладников, 1966, с.314-315].

Такие котлы изображены на Большой Боярской писанице, датируемой II в. до н. э – первой половиной I в. до н. э. [Дэвлет, 1976].

По всей вероятности, писаницу у пос. Манзя можно датировать серединой – второй половиной I тыс. до н. э.

Таким образом, на основании имеющийся данных, археологический материал первого периода железного века Северного Приангарья можно отнести к двум

хронологическим этапам: первый датируется VIII-IV вв. до н. э. и второй – IV-II вв. до н. э.

Второй период (Iв. до н. э. – Хв.н.э.)

Второй период железного века Северного Приангарья также, на мой взгляд, делится на два этапа. Первый в хронологическом отношении охватывает I в. до. н. э. – IV-V вв. н. э., второй – V-X вв. н. э.

К первому этапу второго периода, вероятно, следует отнести многочисленные фрагменты керамики с оттисками различных штампов, правда, былого их сочетания и чередования на одном сосуде больше не наблюдается. Наряду с этими способами орнамента в качестве украшения на сосудах появляются тонкие прямые и волнистые налепные валики. Часто их поверхность рассечена прямыми или наклонными вдавлениями. Судя по имеющимся черепкам, сосуды сохранили круглодонную форму. На стоянке Пашина отмечены фрагменты толстостенной керамики, украшенные оттисками округлых и пальцевых вдавлений.

О наличии железоделательного производства на территории Северного Приангарья в этот период свидетельствуют находки шлаков, обломки плавильных сосудов-тиглей, керамические льячки. Изделия из железа не многочисленны и представлены простейшими листовидными наконечниками стрел и железными стерженьками стоянки Чадобец. Вероятно, на этом этапе в Северном Приангарье появляются железные ножи со сплошными кольцевыми навершиями. Один из них найден на стоянке Чадобец. Для первого культурного слоя этого памятника по углю получена дата 2230±100 (КРИЛ-251).

Ножи, обнаруженные на археологических памятниках Северного Приангарья, являются самой распространенной категорией изделий из железа. По форме клинка, навершия на рукоятке, характеру заточки лезвия их можно разделить на несколько типов: прямообушковые с одно и двусторонней заточкой, сплошным или разомкнутым кольцевым навершием; прямообушковые с односторонней заточкой и навершием в виде петли; прямообушковые с односторонней заточкой и навершием в виде крюка; черешковые и ножи с втульчатым насадом. Прямообушковые ножи со сплошными кольцевыми навершиями имеют достаточно широкие аналогии, которые датируются II-I вв. до н. э. [Мартынов, 1979, с.85].

Ряд других исследователей датируют подобные изделия в пределах IV – III вв. до н. э. [Сунчугашев, 1979, с.21.]

Подобные ножи, появившись, очевидно, на территории Северного Приангарья во II-I вв. до н. э. и претерпев затем некоторые конструктивные изменения навершия и клинка, просуществовали здесь, на мой взгляд, вплоть до VIII-X вв. н. э.. Об этом свидетельствуют находки из погребений и ритуальных захоронений стоянок Усть-Кова, Отика и Усть-Кода. Коллекции таких ножей с кольцевыми навершиями, состоящие в основном из случайных находок, сделанных в Приангарье, хранятся в фондах Красноярского и Енисейского музеев.

Второй период развития железного века Северного Приангарья также как и первый, связан с участием в этом процессе представителей степных регионов.

Отражением процесса их миграции на север могут служить сюжеты рисунков на Мурожных камнях. Датировать эти петроглифы можно концом I тыс. до н. э. Аналогии им находим на тагарских писаницах близ озера Шира. Здесь антропоморфные фигуры изображены в фас, имеют примитивно намеченную голову и стержнеобразное тело с опущенными руками, широко расставленными ногами и подчеркнутыми признаками мужского пола [Рыгдылон, 1959]. Возможно, на Мурожных камнях нашло отражение событие, связанное с военным вторжением извне. Предполагать это позволяет сюжет на втором Мурожном камне, где изображен вооруженный всадник, вероятно, подгоняющий пеших людей. Здесь же изображены обезглавленные фигуры людей. Судя по сюжету рисунков, вполне возможно, что событие, нашедшее отражение на камне, стало для древнего художника величайшим потрясением.

О высокоразвитом металлургическом производстве в Северном Приангарье в середине – второй половине I тыс. н. э. свидетельствует «домница» со стоянки Пашина. По своим конструктивным особенностям она является более сложной, чем известные плавильные сооружения в Хакассии, Туве и Приангарье. Очевидно, в хронологическом отношении пашиновская «домница» будет более поздней, поэтому вполне справедливо относити ее к середине I тыс.н.э. Подтверждением данного вывода является полученная для нее радиоуглеродная дата – 1250±50 (ГИН-1743), что соответствует второй половине I тыс. н. э.

Основная часть археологического материала, относящегося к этому периоду, происходит из погребений по обряду трупосожжения и ритуальных захоронений стоянки Усть-Кова.

Помимо уже упоминавшихся здесь ножей с разомкнутыми кольцевыми, петлеобразными навершиями и втульчатыми насадами изделия из железа представлены несколькими экземплярами тесел различных форм и размеров. Подобные изделия получили широкое распространение в VI-X вв. н. э. на огромной территории Сибири.

В коллекции предметов шесть железных пряжек. Круглые, четырехугольные и сложнопрофильные язычковые пряжки получили широкое территориальное и хронологическое распространение.

Наконечники стрел, обнаруженные в ритуальном захоронении стоянки Усть-Кова, по типологии, разработанной Соловьевым А. И., можно отнести к так называемым «лопатковидным с полулунной режущей частью.» По мнению автора монографии, эти наконечники бытовали с VI по XIX вв. н. э [Соловьев, 1987, с.43].

К IX-X вв.н.э. относится погребение со стоянки Чадобец раскопанное Н.И. Дроздовым. Погребальный инвентарь находит прямые аналогии в материалах могильника Аймарглыг II в Туве, датируемого IX-X вв. н. э. [Длужневская, Овчинникова, 1980, с.89-91].

К этому же хронологическому этапу следует отнести материалы погребения стоянки Усть-Кода, обнаруженного в 1990 г. [Леонтьев, Ермолаев 1992, с.17], а

также материалы погребений стоянок Отика и Сергушкин. Среди погребального инвентаря найдены бронзовые крестообразные бляшки, имеющие достаточно широкие аналогии. Подобные украшения обнаружены в кургане №4 Ирского могильника и датированы концом I тыс. н. э. [Беликова, 1996, с.247, рис. 83;19-20 и с.255, рис. 91;4-6].

Крестообразные бляшки имеют широкие хронологические и территориальные границы, подобные изделия встречаются в культуре амурских чжурчженей (Надеждинский могильник X XI вв. н. э.) [Медведев, 1977, с.216, табл. LVI, 24-26], в мохэских памятниках Среднего Амура [Деревянко, 1975, с.248, табл. LIII, 10]. Не меньшее распространение получили и бронзовые дугообразные бляшки, найденные на целом ряде памятников Приангарья. Близкие аналогии бляшкам встречаем в материалах Корсаковского и Каменушкинского могильников на Амуре, материалы которых датируются IX-X вв.н.э. [Медведев, 1986, с.113, рис. 51; 30,45-46].

Ряд погребений по обряду трупосожжения в разные годы были обнаружены на стоянках: Усть-Кода, Чадобец, Отика и Сергушкин III. Погребение стоянки Сергушкин III было укрыто берестой, анализ которой, проведенный в лаборатории Красноярского института леса и древесины, позволил датировать погребение (1181 ± 35 лет н. э.) [Привалихин, 1993, с.101-103].

Все эти погребения имеют общие черты обрядности:

–отсутствие надмогильных сооружений.

–трупосожжение производилось на стороне, причем вместе с умершим сожжению подвергались и его личные вещи (ножи, тесла, наконечники стрел, украшения из бронзы и кости).

–кремированные останки переносились на новое место и погребались в небольших ямах круглой или овальной формы.

Многие предметы погребений стоянки Усть-Кова находят аналогии среди этнографических материалов кетов, эвенков, бурят, нганасан. Особое внимание следует обратить на керамические сосуды из погребений стоянки. Орнамент на них представлен вертикальными оттисками плоского штампа, нанесенными по внешней стороне венчика. Тулово украшено тонкими вертикальными и наклонными жгутиками. Орнамент находит близкие аналогии на керамике со стоянки Подкаменная Тунгуска. По мнению Р.В. Николаева подобная керамика указывает на возможные культурные связи таежных племен со степным югом. «Подобная керамика может быть связана с южным этническим пластом, несомненно имеющимся в составе кетов» [Николаев, 1963, с.127]. В кетских легендах сохранилось повествование об их приходе с юга и столкновениях с самоедоязычными племенами (юраками), населявшими в прошлом места, занятые ныне кетами. Легенды сохранили и образ мифического животного – тангуся, на котором ездят верхом богатыри. Очевидно, в этом образе сохранилось воспоминание о коне, хорошо известном их предкам, подобно тому, как в якутском фольклоре сохра-

нилось воспоминание об известных им прежде верблюде и овце [Окладников, 1955].

По мнению В.И. Сосновского, в I тыс. до н. э. в Прибайкалье обитало племя урянхитов, оно образовалось путем слияния динов и древнего местного населения [Сосновский, 1928]. Под динами он подразумевал кетов, аринов, коттов. На вопрос об обитании в прошлом в районах Приангарья кетоязычных племен утвердительный ответ дают данные топонимики.

По обе стороны Ангары встречаются ассанские топонимы на (-ул) и аринские на (-кул) -вода, река. В качестве примера можно привести следующие названия: Ядуль, Шампикуль – притоки Каменки; Мунтуль – приток Ельчимо; Карабула – приток Ангары; поселок Кеуль и реки Кеуль и Каулец – притоки Ангары; Кармакул – приток Ангары; Шиниуль – приток Бадармы, левого притока Ангары. Кроме ассанских следует отметить коттские топонимы на (-шет и -чет). Это: Рунчичет, Тропончет – притоки Манзи, левого притока Ангары; Кунчет, Такунчеть, Чельчет – притоки Карабулы, левого притока Ангары. Здесь же выделяются аринские топонимы на (сес, – сет, – сас, – сат) – река. Калсасет – приток Мурмы, левого притока Усолки, Коксат – приток Чуны. В Приангарье встречаются топонимы, основа которых произведена из кетских языков. От ассанского и коттского -pei – ветер, аринского pai – ветер: Пея – приток Бирюсы, Паява – приток Чуны, Пай – приток Ангары [Гурулев, 1991, с.38].

Факт соседства и взаимодействия в Приангарье кетоязычных племен с бурятами, эвенками был отмечен русскими в XVII веке. Это нашло отражение в целом ряде географических названий. Топонимы Яманчет, Еманчеть очевидно произошли от бурятского яман (еман) – дикая коза, Модонкуль – от бурятского модон – дерево, лес, Ангуул – от эвенкийского анга – пасть, зверь [Гурулев, 1991, с.41].

Появление обряда трупосожжения в Северном Приангарье, на мой взгляд, следует связывать с проникновением в эти регионы представителей тюркоязычных народов. Судя по археологическим материалам, такое проникновение в эпоху железного века имело место неоднократно. Влияние степных народов на этапе раннего железного века прослеживается на материалах цэпаньской культуры. Следующий этап относится к началу новой эры. Именно на этот период приходится упадок и распад гуннской державы, приведший в движение большое количество племен и народов. «Толчок, данный гуннами и сянби, привел к тому, что некоторые народы, жившие до этого в степных районах Забайкалья и сопредельных странах, начали двигаться далеко на север по Лене, на восток по – Амуру и другим водным притокам [Деревянко, 1975, с.184]. Возможно, в это время на Ангару проникают отдельные группы курыкан. Важно то, что они владели высокой техникой обработки железа. Приемы изготовления отдельных предметов ковинского могильника свидетельствуют как раз о высочайшем кузнечном мастерстве.

Третий этап проникновения представителей степных народов, по всей вероятности, связан с деятельностью древнехакасского государства и приходится на конец I тыс. н. э. «В середине IX века древнехакасское государство на западе ограничилось Иртышом, на севере и востоке – Ангарой, Селенгой и хребтом Большой Хинган, на юге – пустыней Гоби» [Кызласов, 1981, с.58]. К этому периоду наибольшей территориальной экспансии относятся материалы, обнаруженные Н.М. Кюнером и В.С. Миличем в 1924 г. у деревни Матерая на Ангаре (хранятся в фондах Красноярского краевого музея ККМ, о/ф, колл, № 148, 39 – 44). Среди найденных предметов два железных ножа, один из которых — черешковый с односторонней заточкой, другой – с обломанным кольцевым навершием на рукоятке. Лезвие с односторонней заточкой, рукоятка по всей длине орнаментирована насечками. Здесь же обнаружен трехлопастной, с прорезями черешковый наконечник стрелы, стремя с петлей на шейке, удила и тесло.

Заключение

Оба периода развития железного века Северного Приангарья были связаны с влиянием степных племен на аборигенов тайги, но говорить сегодня о степени и интенсивности этого влияния достаточно сложно. Во всяком случае, на первом этапе и в начале второго, культуры железного века таежного региона испытывали влияние степных племен при сохранении известной доли самостоятельности. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют орнаментальные мотивы на керамике, уходящие своими корнями в эпоху неолита и бронзового века.

Литература

Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. – 301с.

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X-XIII вв. Томск, 1996. – 271с.

Березин Д.Ю. Визуальная характеристика керамики поселения Усть-Илим // Древняя керамика Сибири (типология, технология, семантика). Новосибирск: Наука, 1990. – С. 18-37.

Гревцов Ю.А. Воинские пояса скифской эпохи Северного Приангарья. По материалам Усть-Тасеевского культового комплекса // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск, 2013. – С. 92-106.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // СНИ. М., 1971, Вып. 3-12.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. – 203 с.

Гурулев С. А. Что в имени твоем, Байкал? Новосибирск: Наука, 1991. – 167с.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1975.

Длужневская Г.В. Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. – С. 77-94.

Дроздов Н.И., Леонтьев В.П., Привалихин В.И. К вопросу о хронологической принадлежности погребений стоянки Пашина в Северном Приангарье // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, Вып.- IV, 2005.- С.50-57.

Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. М., 1976.

Ивашина Л.Г. Новые материалы по археологии бронзового века Забайкалья // Изв. СО АН СССР, Серия общественные науки, 1975. – № 1, Вып. 1.

Леонтьев В.П., Ермолаев А.В. Погребение с трупосожжением со стоянки Усть-Кода // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск, 1992. – С. 16-19.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. – 207 с.

Медведев В.Е. Культура амурских чжурчженей. Конец X-XI век. Новосибирск: Наука, 1977.

Медведев В.Е. Приамурье конце I – начале II тысячелетия (чжурчжэньская эпоха). – Новосибирск: Наука, 1986. – 204с.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск: Наука, 1980. – 207 с.

Николаев Р.В. Материалы к археологической карте севера Красноярского края // Материалы и исследования по археологии и этнографии истории Красноярского края. Красноярск, 1963. – С. 127-131.

Окладников А.П. Археологические исследования в долине р. Ангары и на Дальнем Востоке в 1950 г. // СА. Т. 14. 1955. – С 46-48.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М-Л.: 1966. – 321 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144с.

Привалихин В.И. В поисках научной истины // Век подвижничества. – Красноярск, 1989. – С.189-199.

Привалихин В.И. О погребальной обрядности таежного населения Северного Приангарья в начале II тыс. н. э. // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск. 1993. – С. 101-103.

Привалихин В.И. Ранний железный века Северного Приангарья (Цэпаньская культура). Автореф. дисс. канд. ист. наук.- Кемерово, 1993.

Привалихин В.И., Дроздов Н.И., Леонтьев В.П. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве таежных племен Нижней Ангары во второй половине I тысячелетия до н. э. // Скифо- сибирский мир. – Кемерово, 1984.

Рыгдылон Э.Р. Писаницы близ озера Шира // СА, XXIX – XXX. 1959.

Свинин В.В. Периодизация археологических памятников Байкала // Изв. ВСОРГО СССР, Иркутск, 1976. Т. 69. – С. 167 – 169.

Соколов В.Н. Долгая — поселение эпохи бронзы и раннего железного века на Средней Ангаре // Археологическое наследие байкальской Сибири. Иркутск, 1996. – С. 57-66.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск: Наука. 1987. – 192 с.

Сосновский Г.П. К археологии ангарского края // Сибирская живая старина. Вып. 1. Иркутск.,1923.

Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1979.

Тарасов А.Ю. Культовый комплекс археологического местонахождения «Мыс Арбан» на реке Тасеевой (предварительные материалы) // Дуловские чтения. Иркутск, 1997.

Федосеева С.А. Усть-Мильская культура эпохи бронзы Якутии // Древняя история юга Восточной Сибири.- Иркутск, 1974. – С. 146-158.

Членова Н.Л. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других « скифских» культур Евразии // УЗ ТНИИЯЛИ, 1961, Вып. 9.

О. В. Минор[38]

МУЖСКОЙ НАБОР УКРАШЕНИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Хакасско-Минусинская котловина располагается в Южной Сибири. Эпоха поздней бронзы на ее территории датируется XIII – VIII вв. до н. э. Одним из ее отличий от других, предшествующих эпох, можно назвать многообразные украшения. Они являются своеобразным маркером данной эпохи в Южной Сибири. Украшения встречаются среди прочего погребального инвентаря в мужских, женских и детских захоронениях. Костяные, бронзовые и каменные украшения эпохи поздней бронзы имеют несколько особенностей: массивность некоторых категорий украшений; все изделия входят в состав наборов украшений, различающиеся по половозрастным признакам; находят аналогии в культурах эпохи энеолита, ранней и развитой бронзы, как на территории котловины, так и за ее пределами; к VIII в. до н. э. часть изделий уменьшается в размерах и получает развитие среди населения эпохи раннего железа. Настоящая статья отражает особенности мужского набора украшений и их местоположения в захоронениях.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, Хакасско-Минусинская котловина, украшения, мужской набор украшений, погребение, памятник.

[38] МИНОР Олеся Вячеславовна – кандидат исторических наук, инженер-исследователь лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского национального исследовательского государственного университета. E-mail: lesya-minor@yandex.ru

O. V. Minor

MAN'S ORNAMENT SET OF THE ERA OF LATE BRONZE OF MINUSINSK DEPRESSION

Minusinsk Depression is located in Southern Siberia. The epoch of Late Bronze in its territory is dated back to the XIII-VIII centuries BC. The diverse ornament found among other things funeral stock in man's, female and children's burials is a peculiar marker of this era. Bone, bronze and stone ornament have some features: massiveness of some categories of ornament; all products are a part of sets of ornament, differing on gender and age signs; find analogues in cultures of an era of an Eneolit, the Early and Developed Bronze, both in the territory of a hollow, and beyond by VIII century BC the part of products decreases in sizes and gains development among the population of early Iron Age. The present article reflects the features of a man's ornament set and their location in burials.

Key words: era of Late Bronze, Minusinsk Depression, ornament, man’s ornament set, burial, monument.

Для выявления особенностей местоположения украшений в мужских захоронениях и реконструкции способа их использования в погребальной практике населения эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины привлечен материал закрытых комплексов, нарушенных или нарушенных частично [Минор, 2011, с. 27].

Погребальные камеры рассматриваемой эпохи в Южной Сибири представлены цистами, каменными ящиками, срубами или грунтовыми ямами и находятся внутри каменной ограды. Встречается один или два ящика в одной ограде [Минор, 2012, с. 14].

Умершего укладывали на левом боку, вполоборота, прислоненным правым плечом к стенке ящика, правая рука согнута в локте и находится на бедре, левая – вытянута вдоль туловища, тыльной стороной ладони кверху, либо на спине с вытянутыми ногами или поднятыми коленями. Часто встречаются умершие с изгибом позвоночного столба [Лазаретов, 2006, с. 6].

Погребальный инвентарь представлен керамическими сосудами разнообразных форм: баночной, яйцевидной, плоскодонной и сосудами на поддоне. В ногах клали мясо домашних животных. Рядом с мясом находится бронзовый нож или фрагмент лезвия ножа [Вадецкая, 1986, с. 52–54; Павлов, 1999, с. 5–7].

Среди бронзовых изделий обнаружены ножи, кинжалы, зеркала, кельты, тесла, наконечники стрел, копья, боевые топоры, «предметы неизвестного назначения», серпы, проколки и украшения. Встречаются также кремневые и костяные наконечники стрел, иглы, гребни. Найдены остатки шерстяной ткани и кожи [Минор, 2012, с. 14].

Определить первоначальное местоположение украшений в захоронениях сложно, так как большая их часть потревожена. Чаще всего они зафиксированы на костях погребенных: черепе, шейных позвонках, позвоночнике, костях запястья, фалангах пальцев кисти, среди ребер, реже – на берцовых и тазовых

костях, фалангах пальцев стопы. Лишь 12 из рассмотренных нами более 700 погребений являются ненарушенными, закрытыми комплексами.

В рамках данной темы можно отметить непотревоженное погребение взрослого мужчины – это могила 26 памятника Сабинка II. С правой стороны черепа находилось височное кольцо из проволоки круглого сечения, с левой – разомкнутое височное кольцо в виде рога горного барана [Павлов, 1995, с. 49].

Помимо закрытых комплексов, встречаются частично потревоженные. К ним мы отнесли погребения, после нарушения, которых большая часть костей скелета и украшений находились in situ. Ограда D могильника Анчил-чон представляет собой захоронение двух мужчин. У одного из них найдена на правой височной кости полусферическая пуговица, имеющая ушки на обратной стороне, видимо служившие для пришивания, а под черепом – височное кольцо. Возле ребер зафиксированы три трубочки-пронизки, шесть обоймочек и одночастная штампованная бляшка с отверстием для пришивания – у локтевой кости. У другого мужчины встречено проволочное кольцо и трубочка-пронизка на правой височной кости, другая пронизка лежала под черепом. У затылочной кости обнаружена одночастная бляшка, возле плечевой кости – четыре обоймы [Bokovenko, Legrand, 2000, p. 227]. Материал частично потревоженных комплексов тоже может являться основой реконструкции использования украшений в погребальной практике населения эпохи поздней бронзы, так как большая часть изделий занимает в них первоначальное местоположение.

Кроме этого, в погребениях встречаются сохранившиеся до наших дней органические остатки, зафиксированные среди украшений или внутри изделий. Органические остатки позволяют реконструировать не только способ использования украшений, но и предположить способ их крепления (к одежде, обуви или головному убору) и изготовления. Так, благодаря деревянному стержню, найденному внутри одной из трубочек-пронизок, нам известно, что она изготовлена из тонкой прокованной пластины, которую сворачивали в трубочку вокруг стержня. После чего стык трубочки разглаживали. Затем изделие делили на участки определенной длины, а стержень оставляли либо выжигали, видимо, удалить его было сложно [Позднякова, Хаврин, 2009, с. 62].

Как уже было отмечено выше, лишь небольшое количество погребений не нарушено. В настоящее время существует несколько точек зрения относительно причин и целей ограбления могил эпохи поздней бронзы: ограбление с целью добывания бронзовых изделий на переплавку или ограбление – осквернение могил инородным населением [Павлов, 1999, с. 31].

Очевидно, ограбление нужно рассматривать как явление и освященную ритуалом форму общения с покойными. Это была необходимая часть религиозных представлений о загробном мире. Видимо, для тех, кто проникал в могилы, каждый предмет был освещен мистической силой, а обладание им было особенно желательным.

Можно только предположить, что кроме вещей, такими знаковыми символами могли являться пряди волос с голов умерших [Павлов, 1999, с. 31]. Отсюда можно объяснить такой факт, как отсутствие черепа (или обнаружения его в заполнении могилы) и перемещение костей. Возможно, что в погребальном обряде населения поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины предполагалась связь между набором предметов, которые родственники должны были положить умершему, и обрядом их возвращения из мира мертвых в мир живых.

Видимо, часть изделий могла быть абсолютно не связана с набором украшений погребенного. Эти предметы были положены родственниками (или близкими) в могилу. Такие изделия, вполне возможно, клались умершим целенаправленно, чтобы они возвратились затем в мир живых через ограбление захоронений [Павлов, 1999, с. 31–33].

Погребальный инвентарь свидетельствует о том, что население поздней бронзы Южной Сибири своих умерших снабжало в загробный мир всем необходимым: посудой с пищей, которая, скорее всего, нужна была лишь умершим по дороге в страну мертвых и не являлась предметом, обладавшим магической силой [Павлов, 1999, с. 32], оружием и украшениями.

На основе выше изложенного и проведенного анализа 90 мужских погребений могильников эпохи поздней бронзы Южной Сибири (выявлены категории украшений, их местоположение, рассмотрены половозрастные признаки умершего), вырисовывается следующая картина.

В захоронениях мужчин встречаются украшения, распространенные среди населения этого времени на территории Хакасско-Минусинской котловины – височные кольца. Они представлены в погребальных памятниках: Тепсей VIII, Тепсей XIV, Мара, Малые Копены III, Кюргеннер I, Окунев Улус I – II, Карасук VIII, Лугавское III, Анчил-чон, Белое Озеро I, Белый Яр V, Тесь IX, Сабинка II. Всего 33 экземпляра. Височные кольца не редки в женских и детских погребениях и фиксируются в них от 1 до 8 экземпляров.

Из 18 захоронений в 15 нам известно местоположение колец. В восьми случаях они найдены на черепе, еще в пяти – в заполнении могил, и по одному случаю – рядом с ребрами и на дне могилы.

В комплексе Еловский II среди погребального инвентаря мужчины обнаружены височные кольца [Матющенко, 2004, с. 28]. Видимо, традиция использования колец мужчинами была распространена в эпоху развитой и поздней бронзы.

Пожалуй, самым распространенным украшением в мужских погребениях являются трубочки-пронизки. Они встречены в следующих памятниках: Абакан III, Тепсей XIV, Терт-Аба, Малые Копены III, Тагарский Остров IV, Окунев Улус II, Карасук IV, Абакано-Перевоз II, Белый Яр V, Сабинка II. Обнаружено 59 экземпляров.

В двух случаях они зафиксированы в развале ребер, на черепе – в трех случаях, на шейных позвонках – в двух, в большинстве случаев (в 12) – в заполнении и на дне могил. Погребения могильника Сабинка II (м. 30, 34) и Анчил-чон (огр.

D) частично нарушены. В первом памятнике изделие находилось на шейных позвонках, во втором – в области черепа и в развале ребер.

В погребениях мужчин найдены обоймочки. Всего 23 экземпляра, встреченные во время раскопок памятников: Терт-Аба, Кюргеннер I, Сабинка II и Анчилчон. Обоймочки изготовлены из кованых пластин прямоугольной формы с загнутыми краями. Местоположение их в захоронении следующее: на поясных позвонках украшения зафиксированы в двух случаях, в заполнении могил – в трех, у плечевой кости, фаланг пальцев кисти и среди ребер – по одному случаю.

В памятниках Терт-Аба, Анчил-чон, Белый Яр V и Хара-Хая обнаружены бляшки. Они изготовлены из тонкой кованой пластины, состоящие из двух-четырех частей, вогнутой формы механическим путем на основе круглой или овальной формы и являются штампованными изделиями. Встречаются бляшки у плечевой кости и на черепе. В трех могильниках зафиксировано семь двухчастных бляшек. Это памятники Тепсей XIV, Окунев Улус II и Июсский. Из них в двух захоронениях они лежали у черепа. Остальные случаи местоположения бляшек нам неизвестны. В могильнике Окунев Улус I найдена трехчастная с шейкой бляшка на дне погребения. Более бляшки у мужчин не встречены.

Среди погребального инвентаря могильников обнаружены составные бляхи в количестве 3 экземпляров. Технология их изготовления выглядит следующим образом. Скобки, которые служили для крепления лепестков к основному тулову бляхи, отливали в специальных углублениях створки литейной формы или же протыкали в этих формах. По мнению Ю. С. Гришина существовал и другой прием изготовления скобок. В створку литейной формы с обратной стороны бляхи заключают заранее изготовленные стерженьки. При заливке металла в форму они сваривались вместе с туловом бляхи. Скобки хорошо заметны на бляхе, с ее оборотной стороны, выделяются накладной формой, но при этом составляют с бляхой единое целое [Гришин, 1971, с. 32]. Бляхи зафиксированы среди погребального инвентаря памятников Лугавское III, Июсский и Белое Озеро I. Одна из них встречена у бедренной кости, другая – на черепе (на правой глазнице).

Бусины зафиксированы в комплексах Терт-Аба, Лугавское III. Это бронзовые и аргиллитовые бусины. Технология изготовления бронзовых бусин идентична пронизкам, а аргиллитовых очень проста – аргиллитовый стержень разрезали на небольшие трубочки. К сожалению, их количество нам неизвестно. Все изделия найдены в заполнении могил. Интересные находки представлены в могильнике Окунев Улус I. В углу могилы обнаружены бусины из отшлифованного камня, с отверстием в середине [Поляков. В печати].

Основой реконструкции способа использования украшений в погребальной практике населения эпохи поздней бронзы является местоположение изделий в захоронениях, особенно материалы ненарушенных, частично нарушенных погребений, а также статистические данные часто повторяющихся мест располо-

жения этих предметов в захоронениях и сохранившиеся органические остатки среди украшений или внутри них.

Местоположение височных колец в погребениях свидетельствует об использовании их как украшений прически и/или головного убора. Представляется возможным, что кольца вплетали в косички (косы), заплетенные у висков. Причем вплетали несколько колец, соединенных между собой. О чем свидетельствуют находки этих предметов с правой и левой сторон головы. Видимо, кольца также прикрепляли к головному убору в области висков, так как в погребениях они встречаются вместе с остатками ткани или кожи.

Предположительно, головным убором могла быть шапочка или налобная (головная) повязка из ткани или кожи.

Материал захоронений позволяет предположить, что украшениями головных уборов и/или прически (косы) могли быть трубочки-пронизки, зафиксированные у мужчин.

К изделиям, украшающим одежду, относятся бусины, одинарные и двух, трехчастные бляшки. Они служили для декора, скорее всего, передней части одежды, подола. Во многих погребениях бусины встречаются на шее и груди погребенных. Мы предполагаем, что ими декорировали (или обшивали) одежду, нашивали внизу курточки или рубахи (?). Большинство этих предметов, также являлись украшением головного убора и шеи. Местоположение данных изделий на груди погребенных в ненарушенных могилах дает нам возможность предположить, что они служили либо украшением одежды, либо нагрудным украшением.

О способе крепления бляшек и бусин можно судить по ушкам или отверстиям в них. Вероятнее всего, они являлись нашивными украшениями. Другой способ крепления нам неизвестен, и выявить его по материалам погребений не представляется возможным.

Очевидно, трубочки-пронизки являлись еще и шейным украшением – ожерельем. Они встречаются на шее (или вокруг нее) погребенных. Ожерелья найдены в погребениях памятников Сабинка II, Анчил-чон и Терт-Аба. Такие ожерелья фиксируются у женщин и детей. Видимо, традиция украшать шею подобным образом была распространена у населения эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины. В памятнике Анчил-чон у захороненного мужчины встречено ожерелье из четырех гвоздиков, трех пронизок, шести обоймочек и большой пуговицы с орнаментом в виде насечек по краю с ушком на оборотной стороне.

Предположить, как изготавливались ожерелья, нам позволяет материал некоторых погребальных памятников. Среди них Орак I–II и Сабинка II. В двух первых могильниках найдены остатки шнурков внутри пронизок, в последнем – шерстяная нить с узелком. Видимо, изделия нанизывались на шнурок или нить, которую завязывали на шее, если длина ожерелья была небольшой. В тех случаях, если оно было длинным, его надевали на шею.

К нагрудному украшению мы отнесли бляхи. В большинстве случаев они обнаружены в заполнении могил, что затрудняет реконструкцию способа их использования в погребальной практике. На оборотной стороне они имеют ушко. Предположительно, через него продевали шнурок и использовали это изделие как нагрудное украшение. Возможен и другой способ. Через ушко бляхи могли нашиваться на одежду.

Таким образом, мужской набор украшений небогат и состоит из височных колец, трубочек-пронизок, обоймочек, бляшек, блях, бусин. Большинство изделий найдено в заполнении могил. Такие украшения малоинформативны и сделать выводы о способе их использования в погребальной практике населения Хакасско-Минусинской котловины не представляется возможным. Однако, малое количество изделий в мужском наборе украшений, возможно, указывает на следующий момент. В отличие от женщин, которым по традиции и мировоззренческим устоям, полагалось носить большое количество украшений (не надо также забывать и про «моду» того времени, ведь во все времена женщины оставались «модницами»), выполнявшие, очевидно, и магическо-охранную функцию. У мужчин же все было строго. Такую функцию выполняло для них оружие. Поэтому нужды в богатом наборе не было.

Исследование выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Литература

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л., 1986. – 179 с.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи неолита и бронзы // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1971. – С. 30–42.

Лазаретов И.П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее. Авторефер. дис…канд. ист. наук. – СПб., 2006. – 34 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть 2. Еловский II могильник. – Омск, 2004. – 468 с.

Минор О.В. Местоположение украшений в ненарушенных и частично потревоженных погребениях эпохи поздней бронзы бассейна Среднего Енисея // Альманах современной науки и образования. – 2011. – № 1. – С. 27–29.

Минор О.В. Мужские, женские и детские наборы украшений и местоположение изделий в погребениях эпохи поздней бронзы в Южной Сибири // Альманах современной науки и образования. – 2012. – № 1. – С. 14–16.

Павлов П.Г. К реконструкции карасукского погребального костюма // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. – СПб., 1995. – Вып. 24. – С. 47–56.

Павлов П.Г. Карасукский могильник Терт-Аба. – СПб., 1999. – 70 с.

Поляков А.В. Карасукский могильник Окунев улус I–II (раскопки Теплоухова С.А. 1926–1928 гг.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. В печати.

Позднякова О.А., Хаврин С.В. Средний период бронзового века (андроновский металлокомплекс) // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 57–73.

Bokovenko N., Legrand S. Das karasukzeitliche Gräberfeld Äncil Con in Chakassien. // Eurasia Antiqua, Berlin, Band 6, 2000. – S. 209–248.

Ю.И. Ожередов[39], А.Ю. Ожередова[40]

К ВОПРОСУ О КЕРЕКСУРАХ С ОЛЕННЫМИ КАМНЯМИ НА ПОВЕРХНОСТИ: НОВАЯ НАХОДКА В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Статья посвящена предварительному изучению керексура в Ховд сомоне Убсунурского аймака Западной Монголии. Особенностью объекта стала наличие на его территории разломленного оленного камня.

Ключевые слова: Западная Монголия, керексур, оленный камень, проблема их совместимости в рамках ритуала, организация пространства

Y.I. Ozheredov, A.Y. Ozheredova

KHEREKSURS WITH DEER STONES: A NEW FIND IN WEST MONGOLIA

The study represents a preliminary analysis of a khereksur located in Hovd sum, Hubsunuur aimag in West Mongolia. It is particularly interesting due to a broken Deer stone found on it.

Key words: West Mongolia , khereksur, deer stone, their combination in a ritual, space arrangement

Введение

Проблемы синхронности оленных камней и керексуров, причины появления изваяний на насыпях последних, а также на территориях ограниченных оградой керексура. до сих пор остается системно не изученной, вследствие чего окончательно не решенной. Прежде всего, это касается Западной Монголии, где керексуры являются наиболее распространенными памятниками эпохи древности.

Вместе с тем, крайне редко у исследователей имеется уверенность в изначальном местоположении статуарных памятников. Это относится как к общей географии размещения, так и в привязке к планиграфии отдельных керексуров. Оленные камни часто находятся вне пределов керексуров и даже на достаточно большом удалении от них, а иногда во множестве располагаются поблизости, в оградах и на насыпях. Точного объяснения такому разнообразию

в размещении пока не найдено, но, безусловно, для нынешнего состояния дел значима причина, названная Д.Г. Савиновым еще в 1994 г.: «степень ее (массы оленных камней – Ю.О.) изученности в археологическом отношении остается крайне низкой» [Савинов, 1994, с.57].

Как показывают литературные источники и полевые наблюдения, современная локализация изваяний во многом обусловлена спецификой отношения к памятникам древности современного монгольского населения и предшествовавших ему этносов. Так, например, общеизвестен факт перемещения оленных камней древними тюрками на свои поминальники и последующая перебивка

[39] ОЖЕРЕДОВ Юрий Иванович – к.и.н., заведующий Музеем археологии и этнографии ТГУ. E-mail: nohoister@gmail.com

[40] ОЖЕРЕДОВА Алина Юрьевна – Мастер искусств, независимый исследователь

древних изображений на современные. Такие случаи зафиксированы нашей экспедицией на р.р. Цалуу и Боданчин в сомне Муст Ховдского аймака, а также близ сомонного центра Улястай в Завханском аймаке [Ожередов, 2003; 2010]. Традицию сакрального использования керексуров и переустановки стел подхватили монголы [Савинов, 1994, с. 62]. На перевале Давдаг-Кутул нами зарегистрирован случай использования керексура в качестве *обо*. На вершину насыпи водружен в перевернутом виде оленный камень общеевразийского типа (по типологии В.В.Волкова) с прикрепленными ветками растений и хадаками [Ожередов, Мунхбаяр, 2010].

Если в отношении семантики оленного камня в литературе существует устоявшееся представление о скульптурном воплощении усопшего воина [Кубарев, 1979, с.44; Савинов, 1994, с. 84; Членова, 1962, с. 30; Она же, 1984, с.10], то загадкой по сию пору является назначение этих скульптур в обрядовой практике. Но и первая, казалось бы, доказанная позиция теперь категорически отвергнута международной группой исследователей, убежденных в том что *«в Центральной Монголии оленные камни использовались в качестве кенотафов»* [Ковалев, Рукавишникова, Эрдэнэбаатар, 2014, с. 50].

Насколько данное утверждение верно, покажут дальнейшие исследования. А их результативность может обеспечить лишь максимально широкий круг изученных источников, каковыми, в нашем случае, являются оленные камни и керексуры. Настоящее сообщение направлено на введение в научный оборот нового памятника, предварительно изученного автором в 2005 и 2014 гг. на территории Западной Монголии.

Обсуждение

Исследуемый комплекс Улан-Лонг-ула расположен на юго-восточном склоне одноименной горы, разделяющей долину оз. Ачит-нур и бассейн р. Ховд. Памятник находится примерно в 10-12 км к северо-западу от сомонного центра Ховд Убсунурского аймака (N49º 22' 138»; E90º 49' 537» h 1563 m).

Комплекс включает керексур, дополнительную насыпь и оленный камень. Керексур диаметром 13 м при высоте 0,6 – 0,7 м опоясывает круглая ограда диаметром порядка 28 м при ширине 1-1,5 м. Насыпь и внутреннюю сторону ограды соединяют четыре луча-выкладки шириной 0,7-0,8 м, ориентированные по сторонам света (рис. 1, 2). В 3 м к югу от ограды располагается еще одна каменная насыпь диаметром 5 м (высота около 0,2 м), в центре которой уложена каменная плита окруженная каменной наброской (рис. 3).

В юго-восточном секторе у подножия керексура в развилке двух лучей установлен обломок верхней части оленного камня общеевразийского типа со скошенной назад вершиной (рис. 4-7).

Высота обломка в передней части 44 см, в тыльной 36-37 см. Толщина блока 20 см вверху, 24 см внизу. Ширина соответственно 34 и 38 см. В небольшом углублении у южного края насыпи приблизительно в 4-х метрах от установленного об-

ломка обнаружен другой более массивный камень светло-серого цвета, представляющий собой сужающийся к низу блок длиной 0,75 м. (рис. 8). Ширина камня на линии слома 38-39 см, при толщине 23-25 см. При совмещении параметры и форма линий разлома двух частей блока полностью совпадают, что указывает на принадлежность данных обломков к некогда единой структуре, точнее к одному оленному камню, изначальная высота которого составляла 1,19-1,20 м. Дополнительным подтверждением данного вывода стал анализ породы обоих обломков. По устному заключению геолога С.И. Коноваленко, оба фрагмента являются идентичными по характеристикам диоритами глубинного магматического происхождения.

Для работы мастер выбрал крупный окатанный фрагмент породы с выглаженной поверхностью внешне напоминающей шлифовку. Однако искусственной обработке подверглась, видимо, лишь верхняя часть с антропоморфными символами, деталями одежды, украшениями и оружием. Безусловно, рукодельным является скошенное завершение («головы») фигуры.

Изображения нанесены контррельефным способом по всем сторонам изваяния. Сверху «голову» вкруговую опоясывает «диадема», (по некоторым сведениям это головной убор), а в 16 см ниже нее выбита цепь из овальных лунок (5х2,5см), символизирующая ожерелье, скрепленное сзади застежкой показанной в форме лунки (диметр 5-6 см), а не кольца, как это часто бывает. На обеих широких сторонах выбиты серьги в виде колец диаметром 8-9 см.

На лицевой стороне под диадемой три наклонные линии (длина 9 см), символизирующие антропоморфный контекст изваяния. Пояс «воина» графически не выделен, но подразумевается наличием вооружения носимого на поясе. Спереди наискось слева направо вниз двулезвийный кинжал (дл. 15 см, max шир. 3 см) с прямой рукояткой (длина 7 см), оснащенной прямым перекрестием (5 см) и круглым (дисковидным) навершием диаметром 2 см. На правом боку «воина» изображен чекан (14,5 см) с заостренным узким (гвоздевидным) бойком (7 см) и коротким обухом, направленным вперед. На обухе имеется ответвление вверх, вероятно, демонстрирующее украшение, возможно, зооморфного типа. На левом боку фигуры сохранилось нечеткое изображение горита с луком (max размеры 21 х 8 см).

В завершении описания следует отметить весьма симптоматичное дополнение к комплексу находок. Под вертикально установленный фрагмент оленного камня был подложен современный столовый нож заводского производства, с клинком, переточенным по форме этнического монгольского ножа. При всей утилитарности формы данного образца, безусловно, это символ и предмет жертвоприношения. И, нельзя исключать, что приношение осознанно совершено не скульптуре, а воину, которого она символизирует. В таком случае появляется редчайшая возможность фиксации не только элемента обрядовой жизни современных монголов, но и факт сохранения в народной памяти древнего осмысления оленных камней.

Рис.1. Керексур Улан-Лонг-ула. Вид с юга

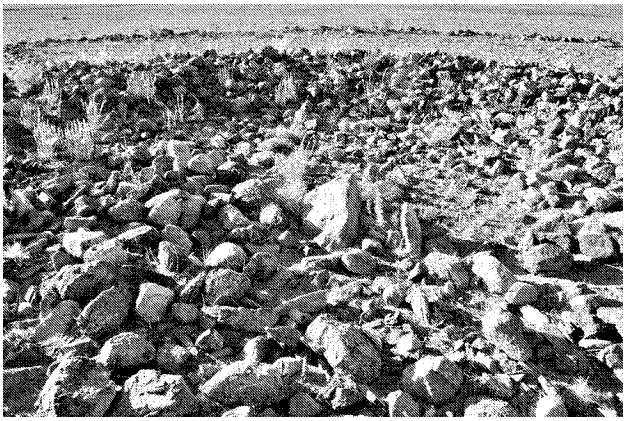

Рис.2. Насыпь керексура Улан-Лонг-ула. Вид с юга

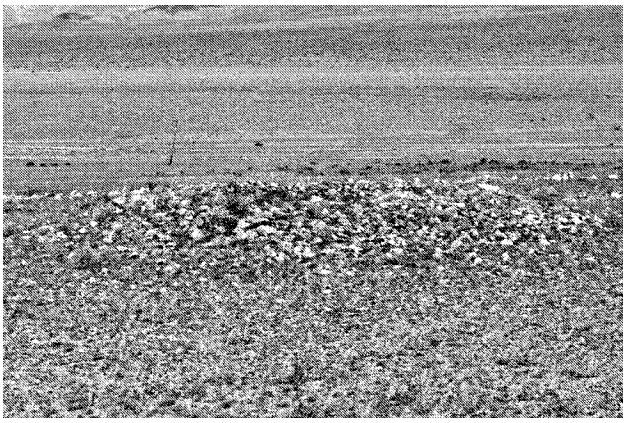

Рис.3. Насыпь рядом с керексуром Улан-Лонг-ула. Вид с севера

Рис.4. Лицевая сторона оленного камня Улан-Лонг-ула. Вид с юга

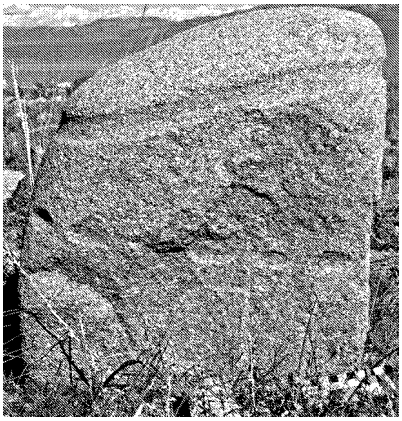

Рис.5. Правая сторона оленного камня Улан-Лонг-ула. Вид с запада

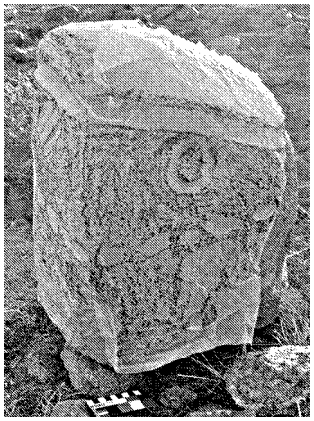

Рис.6. Левая сторона оленного камня Улан-Лонг-ула. Вид с востока

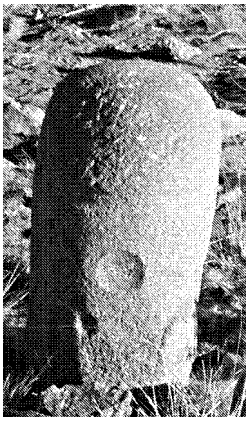

Рис.7. Тыльная сторона оленного камня Улан-Лонг-ула. Вид с севера

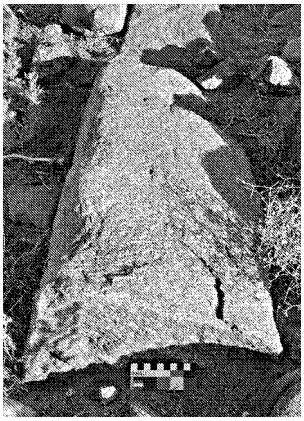

Рис.8. Нижняя часть (обломок) оленного камня Улан-Лонг-ула. Вид с севера

Заключение

Изученный объект представляет собой памятник с типичной для Западной Монголии структурой – керексур, дополнительная насыпь по соседству и оленный камень. Характер отношений монголов и их предшественников с памятниками древности обусловил современную локализацию монументальных сооружений и мобильных изваяний, как весьма не определенную. Очень редко бывает уверенность в изначальном местоположении оленного камня и в его предназначении.

Особенностью изученного оленного камня является форма построения символической композиции. В отличие от большинства аналогичных фигур привлекает внимание намеренное изменение зональной соразмерности элементов изваяния. Прежде всего, это заметное смещение изображений в верхнюю часть блока и непропорционально тесное размещение горизонтов диадемы и «пояса» воина. Вопреки реальности, они сближены вплоть до условного обозначения разделяющего их пространства.

Намеренно резкая стилизации масштаба, вопреки достаточным габаритам заготовки, а также смещение изобразительной части в верхнюю треть блока, вероятно, не случайны. Однако определенности в причинах появления столь своеобразной изобразительной модели пока нет. Образцов такого рода мало, находки из закрытых комплексов не известны. Поэтому в данном случае можно лишь отметить наличие данного варианта общеевразийских оленных камней (по типологии В.В.Волкова). Детально и, более того, весомо аргументировано, обсуждать семантику и роль данных памятников в погребально-поминальном обряде Центральной Азии, видимо, еще рано.

Литература

Ковалев А.А., Рукавишникова И.В., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни – это памятники–кенотафы (по материалам новейших исследований в Монголии и Туве) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – С. 41-54. (Алтай на перекрестке миров и смыслов. Вып.4).

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. (Оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.

Ожередов Ю.И. Комбинированное изваяние с реки Цалуу в Западной Монголии // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул. 2003. Кн.1. С.144-152.

Ожередов Ю.И. Древнетюркские изваяния в Завхане (К своду археологических памятников Западной Монголии) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Удэ. Изд-во БГУ, 2010. – С.257-264.

Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч. Археологический комплекс на перевале Давдаг – Кутул в Западной Монголии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. IV. Барнаул: Азбука, 2010. – С. 54-78.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Азии. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994. – 208 с.

Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. – Новосибирск: Наука, 1984. – 100 с.

Членова Н.Л. Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 27–35.

Вл.А. Семенов[41]

ЭЛИТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ УЮКСКОЙ КУЛЬТУРЫ У ГОРЫ КОШ-ПЕЙ (ТУВА)

В статье публикуются итоги исследования уникального комплекса курганов уюкской культуры – могильников Кош-Пей 1 и 2. Здесь было исследовано 4 кургана, которые незначительно различаются по конструкции и набору погребального инвентаря, что обусловлено достаточно большим временным отрезком, в который они были созданы – от конца VI до начала V в. до н.э. Под курганами в ямах глубиной более 5 м в невысоких срубах были погребены представители элитного сословия. В состав погребального инвентаря входит железное оружие, декорированное золотом, различные типы зеркал и остатки погребального облачения, которое было декорировано золотыми зооморфными нашивными бляшками и золотым бисером.

Ключевые слова: могильник, курган, уюкская культура, скифское время, погребальный инвентарь.

Vl.A.Semenov

Elite burials of the Uyuk Culture near Kosh-pei mountain (Tuva)

In this article, the results of studying of the unique mound complexes are published. Those are the gravefields of the Uyuk Culture – Kosh-Pei 1 and 2. Four mounds were been excavated here are slightly different from each other, this could be explained by the rather wide time span, when the mounds were built – from the end of VI b.c to the begining of V century b.c. Inside the burial mounds, in the pits more than 5 meters deep low timbers were been found with tombs of the Scythian elite class members inside Among the funeral inventory were discovered some iron weapons decorated with gold, different types of mirrors and remains of the funeral dressings, decorated with golden zoomorphic plaquettes and golden beads.

Key words: Gravefield, Burial mound, Uyuk culture, Scythian time, Funeral Inventory.

В Турано-Уюкской котловине, в долине, в центре которой находится поселок Аржаан, насчитывается несколько сотен курганов, из которых некоторые достигают гигантских размеров. В этой долине были раскопаны всемирно известные курганы Аржан и Аржан 2, давшие миру бесценные сокровища скифской культуры. В 1989, 1991 и 2008-2010 гг. здесь были исследованы элитные курганы, относящиеся к уюкской культуре. В начале XX века подобные памятники исследовал С.А.Теплоухов. Все это позволяет говорить, что в долине р. Уюк на протяжении всего скифского времени существовала некая сакральная территория, на которой возводились курганы умерших, обладающих высшим социальным статусом.

К ЮЮВ от поселка Аржаан возвышается изолированная горная гряда Кош-Пей высотой около 1100 м над уровнем моря, вытянутая в широтном направлении. Она имеет длинный пологий северный склон, от подошвы которого в направлении с Ю на ССВ расположены три цепочки земляных и каменно-земляных курганов, насчитывающих 55 насыпей различной величины.

[41] СЕМЕНОВ Владимир Анатольевич – к.и.н., старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН. E-mail: ranbovr@yandexl.ru

В 1989 г. Вл.А. Семенов исследовал два памятника на могильнике Кош-Пей 1, попадавших в зону дорожного строительства. Через год М.Е. Килуновская исследовала почти полностью распаханный земляной курган на могильнике Кош-Пей 2. В 2008-2009 гг. раскопан курган 3, а в 2010 г. начаты раскопки кургана 4. В работах принимали участие студенты Тувинского государственного университета [Семенов, 1992, с.63-65; Семенов, 1994, с.184-192; Семенов, 2010, с.241-246; Semenov, 2000, p.75-79].

В целом могильник Кош-Пей 1 включает 19 курганов – 2 из них расположены на склоне горы, 7 входят в цепочку, протянувшуюся в направлении Ю-С, 8 – земляных, сравнительно небольших насыпей образовали цепочку в направлении ЮЗ–СВ, и еще 2 кургана – один диаметром около 50 м, а другой около 10 м, – стояли особняком. Курганы 1 и 2 находились в зоне строительства автомобильной дороги Туран-Хадын, а курганы 3 и 4 располагались на краю карьера для дорожно-ремонтных работ. Таким образом, работы носили спасательный характер.

Курган 1 на могильнике Кош-Пей 1 имел земляную насыпь 38х30 м в поперечнике и высоту более 2 м. Через курган было проведено пять разрезов в направлении север-юг, что позволило детально изучить весь процесс сооружения памятника. Первоначально, перед погребением была зачищена поверхность земли до материка, то есть снят дерн и слой белой засоленной земли, на площади 1200 кв. м. Затем на этой «сакральной территории» развели огонь, то есть произвели некий обряд очищения, соответствующий каким-то нормам погребальной обрядности. После этого была выкопана яма размером приблизительно 8х8 м и глубиной около 4 м. Гигантский выброс, сложенный крупнозернистым песком, лег вокруг ямы, образовав первичное «тело» кургана овальной формы (21 м с запада на восток и 26 м с севера на юг, при высоте до 1, 2 м). С юго-западного угла в яму вел ход или дромос, по которому могли выносить грунт, а затем использовали при строительстве сруба в яме и в процессе собственно погребения. Вероятно, обломки гладкостенной керамики, обнаруженные на краю могильной ямы, и кости животных в северной поле кургана являются следами каких-то ритуальных действий (трапеза, поминки?). Бревно, лежащее на поверхности у края ямы, и кол в ее центре могут быть остатками коновязей или других конструкций, временно создававшихся у могилы до сооружения кургана. Этот процесс имел следующую последовательность – белый грунт, снятый предварительно при очистке погребальной площадки, уложили как платформу вокруг валика выброса и частично поверх него, при этом сюда же, то есть на выброс попала и прокаленная земля. Затем сверху курган досыпали грунтом, доставленным со стороны, который, оползая, перекрыл белую платформу. Позднее насыпь покрылась слоем дерна естественного происхождения.

Могильная яма была перекрыта накатом из бревен, настланных в направлении В-З. Яма имела округлые углы, ее размеры оказались немногим более 6 м по линии З-В и 5,7 м по линии С-Ю. С юга яма имела широкий уступ, а с востока

трехступенчатый спуск. Все это, вероятно, вспомогательные элементы, возникавшие в процессе рытья ямы, сооружения сруба и перекрытия и т.п. Сруб был значительно меньше ямы (4,1х3,6 м), ориентирован сторонами по странам света, высотой в два венца. Он был перекрыт тремя накатами горбылей, переложенных берестой. Направление досок перекрытия – З-В, параллельно половицам, которые лежали на материковой глине, над которой проходил водоносный слой. Сруб оказался затоплен грунтовыми водами и дерево хорошо сохранилось.

Кости скелетов раскиданы по всей площади сруба. Можно только догадываться, что погребенные были ориентированы головами на запад, так как именно тут найдено несколько бронзовых зеркал, которые обычно помещают за головами погребенных. У восточной стены сруба найдены два непотревоженных детских погребения. Костяки лежали на левом боку, головой на юг.

В срубе сохранились в основном изделия из золотой фольги. Украшения представлены главным образом птицами и птице-грифонами (16 экземпляров), кошачьими хищниками (6 целых и 2 обрывка), накладка в виде лошади с крылом, найденная у западной стенки сруба. Особого внимания заслуживают железные, плакированные золотом поясные пряжки, одна из которых выполнена в виде скребущего хищника, а две другие – спиралевидные с «запятыми» в центре. Из других украшений выделяется мелкий золотой бисер, голубые бусины (6 штук), золотое навершие головного убора в виде козла, стоящего на конусовидной подставке, золотая серьга с витой из золотых нитей цепочкой с сердоликом. Специфическими предметами являются два оселка, один из которых в верхней части покрыт золотой фольгой. Также здесь найдены бронзовый наконечник, остатки золотой основы гребня, пронизки, остатки железных предметов, бронзовые черешковые трехперые наконечники стрел.

Курган 2 не имел высокого могильного холма. Его насыпь была сложена вынутым при рытье ямы грунтом без дополнительной подсыпки. Часть этого грунта ушла в сруб при оседании внутримогильного сооружения, в результате чего мы видим курган блюдцеобразной формы. Подобная ситуация складывается в силу того, что могильная яма с уступом была перекрыта накатом из бревен на глубине около 2 м от уровня древней дневной поверхности (деталь, выявленная только на двух уюкских курганах), Так как до могилы оставалось еще более 2,5 м, то и на месте небольшого холмика образовался значительный прогиб. На это верхнее перекрытие ямы, по-видимому, вел ступенчатый спуск, зафиксированный в южной части разреза. На перекрытии были выявлены углистые прослойки с костями животных, в том числе лошадиной челюсти (жертвоприношения, или остатки поминальной тризны, сброшенные в яму?). Яма была перекрыта горбылем, настланным в направлении З-В, который под тяжестью грунта прогнулся до кровли сруба, что демонстрирует наличие незаполненного землей пространства между этими перекрытиями.

Перекрытие сруба опиралось на западную и восточную стенки. Оно состояло из 14 досок и в четыре наката. Сруб относительно площади ямы был невелик

– 3х3 м. Стенки ориентированы по странам света. Нижние три венца рублены из бруса и наращены двумя венцами из горбыля. Пол лежал параллельно перекрытию. Он сбит из горбыля и настилался на нижний венец сруба. Сохранность дерева была исключительно хорошей из-за грунтовых вод, затопивших погребение в очень древнее время. Но, вероятно, еще до того, как грунтовые воды стали поступать в яму, сруб был разграблен и, особенности погребального обряда восстанавливаются по фрагментированным остаткам скелетов и другим косвенным признакам. Судя по этим данным, погребенные были ориентированы головой на З (у западной стенки сруба лежали два камня, рядом с которыми найден мешочек с зерном). От скелетов остались обломки черепов. Не потревоженными были длинные кости ног, судя по которым, погребенные лежали на левом боку. У южной стенки найдены берцовые кости ног со стопами, украшенными полосками золотой фольги, и лучевая кость с железной плакированной золотой пряжкой. У восточной стенки бревном был отгорожен какой-то отсек, может быть, для детских захоронений.

Сохранившийся погребальный инвентарь включал более 100 различных предметов. Даже суммарная характеристика их свидетельствует о принадлежности погребенных лиц к высшему слою скифского общества (воинскому сословию, нобилитету). Здесь обнаружено шесть бронзовых зеркал (медалевидных и с дужками по центру диска), наконечники стрел двух типов – трехгранные черешковые и трехлопастные, бронзовый котелок, вток от рукояти чекана, фрагменты трех железных кинжалов, остатки двух железных чеканов и другие, неопределенные изделия из железа, часть которых была плакирована золотом. Погребальные облачения украшались золотыми пантерами, оттиснутыми из фольги, орлами с распростертыми крыльями, золотыми пластинками, бисером, нашивными полусферическими бляшками и др. Помимо золотых украшений в срубе собраны сердоликовые, бирюзовые и пастовые бусы, мелкий голубой бисер, клыки кабанов.

Курган 3 на могильнике Кош-Пей 1 имел диаметр 54 м, высоту около 3 м, насыпь круглой формы с плоской вершиной. По периметру всего кургана примерно до середины его высоты была облицовка из рваного камня, глыбы которого достигают иногда значительных размеров. Вероятно, это было сделано в целях предохранения насыпи от оползания, так как курган был частично сложен из озерного мелкого грунта. Поверх каменной облицовки курган был еще надсыпан светло-коричневой супесью, которая частично сползла вниз. Рва, который характерен для такого типа курганов в Центральной Азии, на данном памятнике зафиксировано не было.

Насыпь возведена на платформе, сложенной по всей площади грунтом, который снимали с окружающей степной поверхности и суглинков, которые добывались на берегу или со дна озера. Этот грунт имеет светло-коричневую окраску и состоит из смеси пылеватых лессовых наносов и крупнозернистых включений песка, дресвы и щебня. Вся масса плотная, сцементировавшаяся. Она доходит

(не перекрывает) до валика выброса из могильной ямы, который состоит из щебня и крупнозернистого песка. Насыпь кургана состоит из перемешанного грунта с включениями глины, пылеватой темной (иногда черной) супеси, темного суглинка и степного светло-коричневого грунта, из которого состоит платформа кургана. Темная (черная) супесь, темный суглинок и глинистые включения происходят, вероятно, также из озерных отложений. По краю платформы под каменной облицовкой по всему периметру кургана прослеживается довольно мощный (15-25 см толщиной) слой золы и углей.

Под курганом к юго-западу от центрального погребения на платформе было обнаружено детское захоронение в колоде, обложенной каменными плитами. Колода размером 1,7х0,6 м была выдолблена из ствола лиственницы и имела деревянную крышку. Ориентация колоды ЮВ-СЗ (обычная для скифских захоронений в Туве). Погребенный в ней ребенок был ориентирован головой на СЗ и именно через эту часть колоды прошла кротовина, разрушившая верхнюю часть костяка, тем не менее, сохранились золотые украшения – две серьги с цепочками и трехлопастными стреловидными подвесками на них и тонкая пектораль. Детские золотые пекторали встречались и ранее, но серьги достаточно необычны. Целиком с кольцом сохранилась только одна из них. Кольцо диаметром 0,8 см свернуто из тонкой проволоки в полтора оборота. К нему подвешена цепочка, витая из тонкой проволоки. Цепочка эластичная, каждое звено имеет четыре грани, просматриваются стыки на креплениях некоторых звеньев. Трехлопастные подвески имели размеры 0,8х0,5 см. Детское погребение было совершено до сооружения кургана.

Могильная яма имела овальный контур размеры 6,6х6,95 м. Ее заполнение отличалось от валика выброса, поскольку яма была вырыта в отложениях крупнозернистого песка и мелкощебеночной породы, а заполнили ее озерным илом. Преднамеренность этого действия очевидна, но его причины лежат по всей вероятности в области идеологических представлений. По периметру яма была оконтурена четырьмя массивными бревнами лиственниц. Они предохраняли стенки ямы от осыпания и, видимо, использовались для подъема нарытого грунта на поверхность в каких-то емкостях типа мешков на веревках или плетенных из кожи арканах. Яма в разрезе имела форму усеченной пирамиды. Если сверху яма имела площадь, превышающую 45 кв.м., то внизу она достигала всего 18 кв.м. Стены ямы были облицованы деревянными плахами, покрытыми слоями бересты. Ширина плах 30 см, толщина около 10 см. Плахи не были скреплены между собой и упирались в земляные стенки ямы. На западной и восточной стенках прослеживается по 7 таких плах, сплошь покрытых вываренной берестой.

В верхней части ямы и над ней была выявлена решетчатая конструкция, также с частично сохранившимся берестяным покрытием. Вероятно, это было куполообразное сооружение наподобие юрты, покрытое затем курганной насыпью. В «юрту» через юго-восточный угол ямы вел дромос протяженностью 4,7 м.

На дне дромоса, заполненного супесью и древесной трухой, найдены пяточная кость и фаланга стопы человека. В погребальном обряде такой дромос имел чисто символическое значение. Но затем этим дромосом воспользовались грабители, пробившие по нему свой лаз вглубь кургана, вплоть до сруба, сооруженного на глубине 520 см от края ямы. Сруб имевший прямоугольную форму был сложен из горбыля – восточная и южная стенки в 2 венца, северная и западная в 3 венца. Пол и перекрытие насчитывали по 20 плах и были настланы параллельно по отношению друг к другу.

На полу у южной стенки были обнаружены останки одного человека. После разграбления сруба сохранились длинные кости и фрагмент черепа погребенного. Весь погребальный инвентарь находился на дне сруба в южном секторе ямы. Здесь найдено бронзовое зеркало с кнопкой на четырех шпеньках и вихревым орнаментом, одна сверленная сердоликовая бусина, три золотые тисненные в толстой фольге изображения птиц (большая кокарда 10х6,5 см и 2 меньшего размера, пришиваемые на диадему – 4х3,5 см), 6 фигур крупных пантер (4 левосторонние и 2 правосторонние) размерами 5х2 см, нашиваемые, как это было выявлено на могильнике Суглуг-Хем, на борта куртки с левой и правой стороны. Скифская мужская одежда имела левосторонний запах. Также на полу лежали несколько обрывков золотой ленты, нашиваемой как лампасы на штаны и сапоги. После реставрации оказалось, что лент всего две, каждая длиной около 25 см. Также после ограбления сохранилось еще 4 изделия из золотой фольги – овальной формы, которая наклеивалась, 2 нашивки и один обрывок зооморфного изделия. Также на дне были окислы железных предметов, формы которых совсем не читались. Зеркало свидетельствует в пользу женского пола погребенного здесь человека, о чем говорят и фрагменты нижней челюсти. Масштабность и сложность надмогильного сооружения и внутримогильной конструкции говорят о том, что здесь был захоронен человек высокого социального статуса.

На могильнике Кош-Пей 2 в 1991 г. был раскопан курган 1. Он подвергся сильной распашке. Его максимальная высота достигала 1 м. Диаметр кургана в пределах окружающего насыпь ровика составлял 30 м. Ровик был заполнен горелой землей. Ширина ровика 1,2-1,5 м, глубина 0,2-0,3 м. Курганная насыпь состояла из выкида материковых суглинков и красного грунта, полученного при рытье могильной ямы, и почвы вынутой при рытье ровика. Ровик имел перемычки с ЮВ и СЗ. Яма размером 3,6х3,2 м, глубиной 3,3 м, в отличие от курганов на могильнике Кош-Пей 1 не была перекрыта сверху. В яме на дне стоял сруб высотой в три венца. Он ориентирован углами по странам света. Размеры сруба 2,0х1,8 м. Пол и потолок настланы параллельно в направлении с ЮВ на СЗ. Погребение разграблено, и на полу в беспорядке находились кости приблизительно троих взрослых и ребенка. Поверх перекрытия лежал слой бересты. Обнаруженный здесь погребальный инвентарь состоял из 6 ромбических и 3 овальных с запятыми золотых нашивок, 8 тисненных в фольге горных баранов,

вырезанных из золотой фольги фигурок козла, двух кабанов, быка, серьги с серповидной подвеской все из той же золотой фольги, обрывков золотой полоски.

Курганы, раскопанные на могильнике Кош-Пей, представляют определенное культурное и хронологическое единство, о чем свидетельствует погребальный инвентарь.

Наконечники стрел представлены двумя типами – трехлопастными и трехгранными, высотой 35-40 мм при длине черешка равной длине головки (рис.1 – 1-21). У трехгранных наконечников грани опущены вниз. Черешки круглые, приостренные. Ближайшие аналогии мы находим в кургане 52 (раскопки А.В.Адрианова на левом берегу р. Уюк) и в Саглах, в могильнике Хову-Аксы кургана 3, на Аймырлыге. Подобные наконечники встречаются также в Минусинской котловине и в Забайкалье, но вне закрытых комплексов, тем не менее А.М.Кулемзин датирует их V – III вв. до н.э. [Кулемзин, 1976, с.43-56]. В разных наборах такие наконечники были обнаружены в погребениях тасмолинской культуры, где в целом укладываются в хронологические рамки II этапа, т.е. V-III вв. до н.э. Второй тип наконечников, трехлопастных с опущенными под острым углом вниз жальцами, также встречается на Аймырлыге, в погребениях могильника Саглы-Бажи II, в кургане 47 на левом берегу Уюка, в Хову-Аксах, Чарга 1 курган 2 в Туве [Семенов, 1994, с.187]. Среди учтенных экземпляров черешок не всегда равен высоте головки, а часто превышает ее по длине, Кроме того, здесь есть стрелы не только с круглым, но и плоским насадом.

Важен для датировки Кош-Пейских курганов и набор обнаруженных здесь зеркал (рис.2 – 1-7). Зеркала относятся к двум типам: дисковидные с петлей в центре и медалевидные с боковой ручкой-выступом с отверстием или скобкой с обратной стороны для крепления. Два зеркала имеют фигурные ручки – одно в виде клюва грифона и одно в виде закрученного бараньего рога. Медалевидные зеркала появляются в Туве не ранее V в. до н.э. и существуют вплоть до гунно-сарматского времени. Они найдены в могильниках Саглы-Бажи II, на могильном поле Аймырлыг, в памятниках второго этапа тасмолинской культуры, пазырыкских на Алтае. Дисковидные и медалевидные зеркала были обнаружены в одном комплексе в погребении 3 кургана 1 могильника Толстый Мыс V. Здесь же найден бронзовый котелок с двумя горизонтальными полукруглыми ручками. Дата этого погребения III – II вв. до н.э. [Курочкин, 1988, с.5-22]. Подобные бронзовые сосуды-курильницы происходят из могильников Ховужук курган 7 и Аймырлыг в Туве, из Шестаковского могильника и 2 Пазырыкского кургана, а также из сакских погребений Памира.

Определенный интерес представляют найденные в кургане 1 бронзовые бабочковидные бляшки (рис.2 – 9, 10) и их варианты, выполненные из железа, покрытого золотом из кургана 2 [Семенов, 1994, с.188]. Помимо Кош-Пея подобные бляшки были найдены в могильнике Казылган и вблизи Турана, на могильнике Холаш в Туве, в Забайкалье в могильниках Ацай 2, Курла, Александровский, в Монголии в подъемном материале в Среднегобийском и Центральном айма-

ках. Почти полные аналогии им обнаружены в долине р.Ээрбек (Килуновская, Семенов, 2014, рис.19). В Ордосе такие пряжки появляются в период «Весны и Осени» и существуют вплоть до позднего Чжаньго. Характерно, что там они претерпевают известную эволюцию. В VII-VI вв. до н.э. они имеют зооморфные детали, но к IV-III вв. почти их утрачивают, сохраняя стилизованные элементы клюва грифона. В Минусинской котловине такие пряжки известны только в подъемном материале, далее на север одна такая бляшка найдена в Арчекасских курганах вблизи Мариинска. В памятниках большереченской культуры подобные изделия известны в могильниках Березовка 1, Крохалевка 5, Новый Шарап (железо), а также на поселении Самусь II вблизи Томска. Широкое распространение бабочковидных бляшек от Ордоса до Алтая и присутствие в Южной Сибири, Туве и Забайкалье лишь поздних типов и в памятниках только V-IV вв. до н.э., а в некоторых случаях и III в. до н.э. позволяет наметить и хронологию Кош-Пейских курганов.

Золотые украшения представлены мелким бисером и полусферическими нашивными бляшками с петелькой внутри, известными по раскопкам Пятого Чиликтинского кургана, который традиционно датируется VII – VI вв. до н.э. Если дата этого кургана верна, то следует допустить, что два века спустя какие-то мастерские поставляли на Саяно-Алтай совершенно идентичные золотые украшения, попавшие в срубы Кош-Пея. Золотые цепочки с сердоликовыми подвесками также известны в Туве (Аймырлыг, Туран IV) и в Казахстане в могильнике Сары-Булак, датируемом IV-I вв. до н.э.

Фигурка козла (рис.3 – 24) на конусовидном навершии имеет близкие, но не полные, аналогии в курганах могильника Туран IV, на Аймырлыге и ряде других памятников Саяно-Алтая и Казахстана (озеро Боровое, Теплая к. 2, Тасмола). Лежащая с подогнутыми ногами лошадь (рис.3 – 18) имеет также близкие аналогии в кургане Аржан II, Саглы-Бажи и среди случайных находок в Минусинской котловине и Ордосе.

Кошачьи хищники трех типов: стоящие на прямых ногах в статичной позе, лапы не соединены (рис.3 – 14, 17, 20), имеют ближайшие аналогии в могильнике Обские плесы, где подобная бляшка сделана в бронзе; второй тип – хищник с соединенными вместе лапами (идущий), хвост прижат, закручен (рис.3 -19) – имеет аналогии в могильниках Куйлуг-Хем и Тагискен курган 31. Несмотря на широкие хронологические рамки могильника, М.И.Артамонов считает, что подобные изображения льва появляются не ранее VI в. до н.э. и наиболее вероятная дата их существования VI -V вв. до н.э. [Артамонов, 1973]. Третий тип – скребущие хищники – также имеет аналогии в Тагискене (курган 53) (рис.3 – 27). У Кош-Пейских хищников этого типа существует одна характерная особенность – их хвосты как бы перевиты, скручены наподобие пружинки. Хищники, с такими хвостами встречаются в Ордосе.

Орлы с распростертыми крыльями и головой, повернутой влево или вправо (рис.3 – 1-13), найдены в Туране, на Аймырлыге, на Суглуг-Хеме 1 [Килунов-

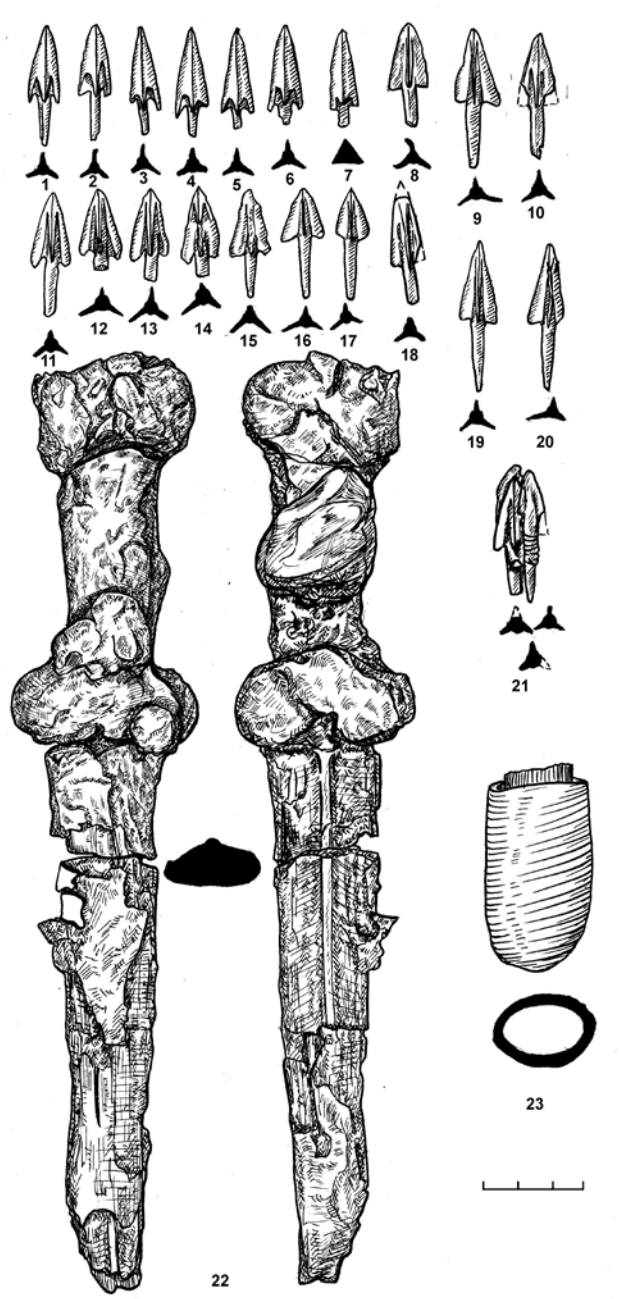

Рис.1. Оружие из Кош-Пейских курганов.
1-21 - бронзовые наконечники стрел, 22 - железный кинжал, 23 - бронзовый вток

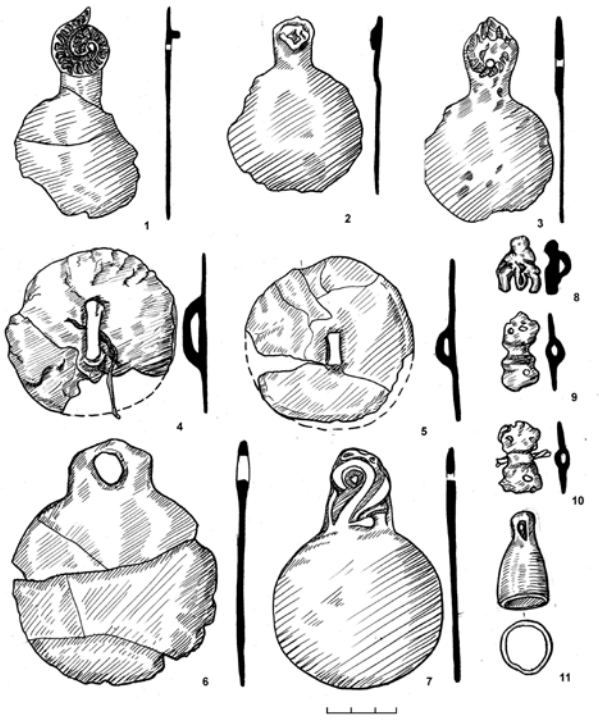

Рис.2. Бронзовые изделия из Кош-Пейских курганов.
1-7 - зеркала, 8 – подвеска, 9, 10 - бабочковидные пряжки , 11 – колокольчик

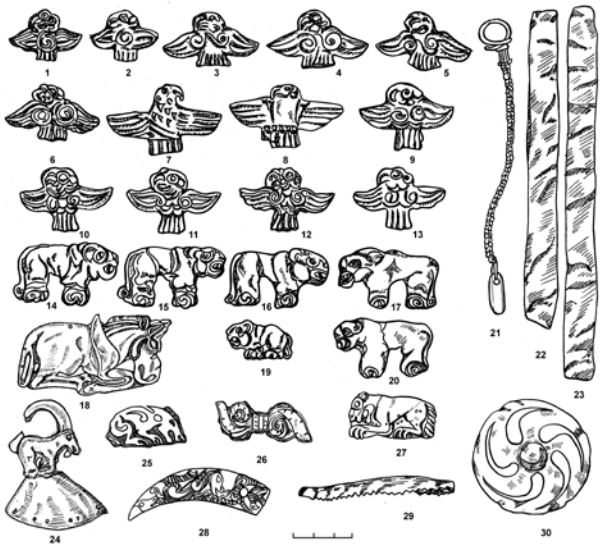

Рис.3. Украшения из Кош-Пейский курганов.
28 – клык кабана, остальное золото.

ская, 1994, с.107]. Эти изделия характерны только для Тувы, за ее пределами встречаются крайне редко. Характерно, что летящий орел с вытянутой вперед головой, найденный в Чиликтинском кургане, имеет аналогии в срубе 14 могильника Суглуг-Хем 1, датируемом II в. до н.э.

Анализ вещевого комплекса из Кош-Пейских курганов указывает на V в. до н.э. как наиболее вероятную дату их возникновения. Только украшения чиликтинского типа (бисер и полусферические бляшки) не выходят за пределы VI в. до н.э., следовательно, мы должны либо допустить выступание «чиликтинского комплекса» за пределы так называемого зевакино-чиликтинского этапа, либо отнести дату Кош-Пейских курганов к концу VI – рубежу V вв. до н.э., что также не противоречит данным перекрестного датирования. Даты полученные методом С14 для кургана 2 указывают на вторую половину VI в. до н.э., а для кургана 3 на начало V в. до н.э. Таким образом Кош-Пейский могильник функционировал достаточно долгое время, сохраняя без изменений погребальный обряда и свою материальную культуру.

Кош-Пейские курганы относятся к уюкской культуре Тувы и могут рассматриваться как погребения высшего социального слоя восточносакских племен, сменивших предшествующую им «элиту» алды-бельской культуры. На полученных материалах прослеживается отчетливая связь между большереченской и уюкско-саглынской культурой, а также возможные контакты с Ордосом.

Литература

Артамонов М.И. Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 280 с.

Килуновская М.Е. Золотые изделия скифского времени из Тувы // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. – СПб, 1994. – С.106-110.

Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Могильник скифского времени Саускен 3 в долине р.Ээрбек (Республика Тыва) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929-19.02.2010). Труды ИИМК РАН: Т.XLII. – СПб.:ИИМК РАН,: «Арт-Экспресс», 2014 – С.393-423.

Кулемзин А.М. Тагарские бронзовые наконечники стрел // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово, 1976. – С.43-56

Курочкин Г.Н. Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л.:Наука, 1988 – С.5-22.

Семенов Вл.А. Уюкские курганы. // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч.2. – Омск, 1992. – С.63-65.

Семенов Вл.А. Хронология курганов знати могильника Кош-Пей 1 в Уюкской котловине в Туве // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. – СПб, 1994. – С.184-191.

Семенов Вл.А. Кош-Пейские курганы в тувинской «Долине царей» (V1-V вв. до н. э.) // Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. – СПб: «Инфо-ол», 2010. – С.241-246

Semenov Vl.A. The chronology of the burial-mounds belonging to the Kosh-Pei group in Tuva.// Radiocarbon and Archaeology (14C). Vol.1. N 1. – StPb, 2000.- P. 75-79.

J. Bemmann[42], U. Brosseder[43], J.-O. Gantulga[44], G. Grupe[45], G. McGlynn[46], S. Reichert[47], Ch. Yeruul-Erdene[48]

BIOARCHAEOLOGICAL RESEARCH ON THE BRONZE AND IRON AGE CEMETERY OF MAIKHAN TOLGOI, UPPER ORKHON VALLEY, CENTRAL MONGOLIA

In this article we present the framework and first results of a recently initiated project that focuses on a unique necropolis where khirigsuurs, slab graves, deer stones and currently undefined structures co-exist in this ritual space, and in time. By combining the approach of landscape archaeology with bioarchaeological research and in-depth investigation of life-histories of monuments and their ritual structures we aim at a better understanding of the past population(s).

Key words: Bronze Age, Iron Age, Mongolia, bioarchaeology, isotope analyses

Я. Бемман, У. Бросседер, Ж.-О. Гантулга, Г. Груп, Дж. МакГлин, С. Рейхерт, Ч. Еруул-Эрдэнэ

В этой статье представлены обстоятельства и первые результаты недавно начатого проекта, в центре которого находится уникальный некрополь, где в ритуальном пространстве одновременно сосуществуют хиригсууры, плиточные могилы, оленные камни и пока еще не классифицированные структуры. Сочетая подходы ландшафтной археологии с биоархеологическими исследованиями и погружением в историю жизни памятников и их ритуальную структуру мы ставим своей целью более глубокое понимание народ(ов) прошлого.

Ключевые слова: бронзовый век, железный век, Монголия, биоархеология, анализа изотопов

Introduction

One of the most fascinating topics in the history of Inner Asia is the emergence of steppe empires, the earliest one having been established by the Xiongnu in the late third century BCE. The beginning of this empire and its roots in local traditions of the Bronze and early Iron Age have been discussed in various ways that do not complement one another. Understanding this epoch, however, is crucial as we witness at that time, ca. 1000 BCE, in southern Siberia the emergence of mounted warriors which made the ruling of vast spaces possible. This newly established group of elites in the steppes expressed their status in monumental tomb structures, furnished with rich assemblages, like in Arzhan, that were unprecedented in Inner Asia. Moreover, in the previous Bronze Age far-reaching networks of communication between southern Siberia and northern China were established as, for example, the distribution of Karasuk style bronzes indicates. While our knowledge regarding these fundamental changes in those areas has improved, information pertaining to the role of the polities

[42] Jan Bemmann – Prof. Dr., head of the Department Pre- and Early historical Archaeology of the University of Bonn
[43] Ursula Brosseder – Dr., Research Fellow of the University of Bonn
[44] J.-O. GANTULGA – Institute for history and archaeology of Mongolian Academy of Science.
[45] Gisela Grupe – Prof. Dr., Ludwig Maximilians Universität München, Biozentrum Martinsried
[46] G. McGlynn – Dr., Konservator, Staatssammlung für Anthropologie und Paläoanatomie, München
[47] S. Reichert – PhD-student, University of Bonn
[48] CH. YERUUL-ERDENE - Institute for history and archaeology of Mongolian Academy of Science.

in Mongolia remains scanty. On the one hand we witness the erection of monumental stone burial mounds (khirigsuurs) with numerous horse sacrifices that document the existence of mounted pastoralists and testify to the rise of an elite. On the other hand rich burial assemblages are missing, which indicates a different expression of elite status. In addition, investigations still need to be conducted to elucidate whether the mentioned processes started earlier in Mongolia than in Siberia. This poor understanding of the cultural and social transformations in the Bronze and early Iron Age of Mongolia is caused by a lack of systematic research. Although the past two decades have seen expeditions in northern Mongolia [e.g., Frohlich et al. 2009] and to the Altai [e.g., Jacobson-Tepfer et al. 2010; Төрбат 2014] devoted to this time period, central Mongolia has been largely neglected thus far. Yet it is exactly this region that is of special importance because of the existing overlap in time and space of the three known types of monuments – khirigsuurs and deer stones (c. 1500-700 BCE), as well as slab graves (c. 1100-400 BCE). The co-existence of khirigsuurs and slab graves in one space is traditionally explained within the old ethnic paradigm of the Soviet era in which different types of monuments represent different ethnic groups, and cultural change is caused by migration [Tsybiktarov 2003; Erdenebaatar 2004; criticized by Frachetti 2011].

Moreover, regional and structural variations of slab graves and khirigsuurs have yet to be delineated. For example, in central and northern Mongolia the central mound of a khirigsuur contains a burial, however, in southern Mongolia this characteristic is less regularly observed and the central grave chamber is sometimes found to be empty. The variability of khirigsuurs in terms of structure, size and their location in the landscape [Wright 2007; Wright 2014] can currently not be correlated to the age or sex of the deceased, nor does there seem to be a correlation with a different age of the khirigsuurs [Frohlich et al. 2009].

Another unresolved research problem is the time prior to the appearance of khirigsuurs and following the slab graves in central Mongolia (i.e. roughly the early and middle Bronze Age as well as the late early Iron Age), which is completely unknown because no archaeological features and no archaeological material can be dated to these time periods. A few graves are known from the Altai in western Mongolia dating to the third and early second Millennium BCE (Afanas'evo culture, Khemtseg/Chemurchek culture, Tsengel type graves), as well as from the fourth and third century BCE, which belong to the Pazyryk culture. However, central and southern Mongolia lack any material evidence of these archaeological features.

Goal and Design of the Project

In an effort to address the outlined research questions, a new project was initiated focusing on the central landscape of the upper Orkhon valley in the micro-region of Maikhan Tolgoi. Based on surveys conducted between 2008 and 2011, we chose the Maikhan Tolgoi cemetery which is characterized by a unique density and variety of structures situated along the slope of a mountain ridge. The necropolis exhibits at

least 108 identifiable surface structures (Fig. 1). A survey revealed that 31 structures are classifiable as slab graves and 37 as khirigsuurs, while the other surface structures observed, such as stone rings and coverings of various design, are not specific for any known culture. The density and variety of structures in this cemetery is not only exceptional for the whole upper and middle Orkhon valley, but also for other regions as well, for example, for the Khanui valley [Houle 2010] or Egiin Gol valley [Honeychurch 2004], where despite intensive pedestrian surveys no similar necropolis had been discovered.

For our research project we want to employ a strategy that highlights the analysis of space and combines the methodological framework of landscape archaeology with bioarchaeological research. Modern anthropological analyses of the human remains recovered from these sites provide valuable insights to population demography, health, and diet and allow for the reconstruction of various facets of past human life and of the population(s).

Work Conducted and First Results

So far a total of twelve structures of different shape, size, and construction have been investigated in Maikhan Tolgoi (Fig. 1; structures 3, 10, satellite 3 and 9 of khirigsuur 12, 13, 16, 17, 18, 51, 52, and 89). In the following we are going to present selected features which in our opinion provide new impulses for research. A complete presentation of our work is in preparation. The examination was concentrated on the northern part of the necropolis in an area densely packed with different structures. For most of the excavated structures we noted bioturbation and major rodent activities that occasionally led to a displacement of human bones but did not impede the anthropological studies. Both the looser soil found in grave pits and the human skeleton's natural cavities provide ideal places for animals to build their dens.

Figure-shaped grave 3 was E-W orientated, the construction consists of an oblong wall of bigger stones of which the long sides are clearly curved inwards, the small sides are less bent inwards (Fig. 2.1). Its corners are marked with bigger stones. The rectangular grave pit contained the disarticulated (rodent activity) skeleton of a male, 30-40 years old, about 158.4 cm high with signs of beginning arthrosis and enthesophytes characteristic of high musculo-skeletal strain during activity. The grave dates between 1737-1526 BC (Fig. 4.1). Currently, few comparable and dated grave structures can be named, most of which are known from southern Mongolia [Honeychurch 2015, 122]. One is Ex.04.05 from the Northern Gobi for which no absolute date was established (Amartüvshin/Honeychurch 2010, 193 Fig. 5). Other similar, roughly figure-shaped structures from Baga Gazaryn Chuluu are reported to date between 1200 and 700 BC [Амартүвшинб Жаргалан 2008, 84]. From Oiuut Ovoo, Erdenedalai sum, Dundgov' aimag, grave 21 is figure-shaped and dates between 1414 and 1192 calBC in the two-sigma range (Col 2109.1.1). Such figure-shaped tombs are supposedly characteristic for the so-called "Tevsh culture" of southern Mongolia dating between the 13th and 11th century BCE [Kovalev/Erdenebaatar 2009, 163-165], however, the definition of

this archaeological culture is hardly corroborated[49]. Overall, the date for grave 3 falls in the time period just before the khirigsuurs and is now the oldest structure known in central Mongolia and older than similar figure-shaped graves elsewhere.

Slab grave 13 proved to be undisturbed and yielded the skeleton of an adult individual (Fig. 3.2). A sheep scapula had been placed on the chest directly on the sternum. The skull, left scapula, both clavicles and all seven cervical vertebrae are missing. While the displacement of few small bones, like foot bones and lower ribs which were found above the skeleton can be explained by rodent activities it would have been very difficult for small rodents to remove the skull in its entirety. At present the situation cannot be fully explained. The placement of an animal scapula with the deceased is a fairly regular practice in other slab grave burials. For example, it is also known from tomb A92 in Tsatsyn Ereg in a neighboring valley in Central Mongolia, and also elsewhere in Mongolia and Buriatiia (Gantulga et al. 2009, 119 fig. 4; see also Цыбиктаров 1998, fig. 27,3; 31,1; 35,4). An anthropological examination revealed the skeleton belonged to a male over 50 years of age and approximately 166.3 ± 3 cm in height. Degenerative changes are more apparent on the lower extremities indicating more mechanical burdening of the lower compared with the upper body. The observed enthesiopathies are indicative of heavy musculo-skeletal strain over time, probably related to physical work.

Slab grave 18 is E-W orientated and was originally thought to be undisturbed, but had in fact likely been opened. The grave did not contain a human skeleton, however, two horse scapulae were found to have been carefully placed in the grave. We know of taphonomic processes reported for archaeologically undisturbed khirigsuurs that may lead to the decomposition of bones [Littleton et al. 2012], however, the presence of two well preserved horse scapulae in this grave do not support this. Since traces of reopening became visible in the course of our excavation we suspect either the removal of the human remains or possibly no interment of a body at all. Just outside of the grave structure we found fragments of ceramics which may point to ritual activities performed in connection with erecting the structure. While slab grave 18 dates between 996 and 816 BC, slab grave 13 is younger and falls into the so-called Hallstatt-Plateau between 752 and 403 BC (Fig. 4.1). Although the youngest date for two slab graves are reported to belong to the fifth through third centuries BCE [Honeychurch 2015, 127], for Maikhan Tolgoi such a possible young date may be a chimera as it cannot be dated more accurately within the Hallstatt Plateau. However, it seems that the people building the slab graves may have chosen their place among already existing structures in the vicinity of khirigsuur 12. It is a fairly common phenomenon in Central Mongolia that slab graves are found in the vicinity of khirigsuurs [Wright 2007; Wright 2012], something that is evident in Maikhan Tolgoi where in its central part a group of slab graves seems to be associated with khirigsuur 30 (Fig. 1). In this respect it is also noteworthy that slab graves in Maikhan Tolgoi are generally oriented east to

[49] But compare now Honeychurch 2015, 122-125 who is inventing a new archaeological culture.

west while khirigsuur and square mounds are both aligned with their sides parallel to the mountain ridge.

As expected, the investigation of two satellites of khirigsuur 12, numbers 3 and 9, yielded animal remains and no human remains. Both satellites are structures associated with horse sacrifice, and underlines the importance the horse had for the group. Satellite 9 is a stone ring that yielded calcined animal bones[50], and satellite 3 is a small stone mound from which a few unburnt horse bones were recovered and dates between 1212 and 937 BCE, the expected time range for khirigsuurs (Fig. 4.1). Taking this single date for a working hypothesis we note that the khirigsuur is slightly older than the neighboring slab graves 13 and 18. The investigation of the satellite structures aimed primarily at providing us with an approximate date for the central burial mound of the khirigsuur, at gaining insight into the length of time a khirigsuur was the focus of ritual activities, and at providing information to its history over the course of time. The practice of placing several horse sacrifices at the perimeter of the central grave chamber and outside of the fence reveals a defining element of khirigsuurs. It indicates a different social practice and ideology compared to the placement of horse offerings in close association with the dead as observed in the slab graves. The investigation of such satellite structures sheds light not only on the possible change of appearance of the monument to which they belong, but also raises the question about the space planning in the cemetery. Possibly, room had to be left around the larger khirigsuurs in Maikhan Tolgoi, like no. 50 and 61 to provide enough space for ritual activities (Fig. 1). Single stone rings north of khirigsuur 50 may be indicative of such a practice. The standard scheme of a khirigsuur is a central mound surrounded by either a square or round fence which on their outside can be accompanied by satellite structures (cf. Frohlich et al. 2009, 102 Fig. 4; 5). The detailed drawings of the khirirgsuur in our micro-region however, display numerous alterations and deviations (Fig. 4.2). The fence of Khirigsuur 10 is not complete, instead we note two stone lines connecting the central mound with the fence. It is also noteworthy that the satellites do not complete the circle but are missing in the south (Fig. 4.2). Moreover, the central mound of khirigsuur 84 displays a fence only on two sides with a rectangular structure within the hypothetical fence close to the central mound. Especially interesting is the building history of khirigsuur 18 and combined features. It has a central mound, an «alley» in the east, an incomplete fence and rows of satellite structures located only on its eastern side. On its western side the monument appears open, and instead of a fence demarcation surrounding the central mound we find a group of slab graves arranged in rows (Fig. 4.2). Thus it becomes clear that the current state of the documented structures simply represents a snapshot in the «life» of such a monument, some of which have undergone several alterations. Only our current view conceives them as static monuments. The investigation of the life-histories of khirigsuurs is an aspect that is not discussed in the scholarly literature. Therefore, not only the investigation of the history of a cemetery or ritual landscape, but also the micro-scale analysis of the life-

[50] The amount of calcined bones recovered was, however, not sufficient for dating.

history of a single monument bear great potential for future research. The processual reiteration of rituals that are performed around monuments like khirigsuur are important elements of the construction of memory and the past and thus provide decisive preconditions of legitimation [Parzinger 2010, 324-327]. In this respect we are also reminded of the fact that religious beliefs (after Bourdieu) play an important role for structuring physical space.

Grave 52 is a N-S orientated, packed stone mound khirigsuur without a fence, which J.-L. Houle calls slope graves [Houle 2010, 14]. It is an approximately square burial mound which yielded a stone cist over a shallow pit erected for a sub-adult individual (Fig. 3.2). Some skeletal elements were found displaced by rodents. The skeletal remains were found in extended supine position and belong to an approximately ten year old child of uncertain sex (tendency to female), and 120.5 ± 5.3 cm in height. Bone collagen samples yielded a date of 1290-1060 BCE (Fig. 4.1). We agree with our Mongolian colleagues Ts. Turbat and J.-O. Gantulga who think that the denomination of such structures as khirigsuurs is misleading not only because of their different structure but also because of their higher age in comparison with "real" khirigsuurs with a fence[51].

We also excavated the accurately built rectangular structure no. 10 (Fig. 2.2). It was chosen because, to our knowledge, such a feature has not been investigated in Mongolia. This rectangular structure was carefully erected with one small stone stele at its northern side. Its inside brought to light a small pit with burnt animal bones and pieces of ochre. The calcined bones however, yielded no radiocarbon date, but further investigation in this cemetery may eventually allow for absolute dating of such structures as in Maikhan Tolgoi where three more features of this type exist (Fig. 1, nos. 73; 74, 84). Currently, no similar structure from other sites in Mongolia is known to us. A situation that also holds for Siberia.

Anthropological and Isotope analyses

Three of the above mentioned structures (nos. 3, 13, 52) produced almost complete skeletons with good bone preservation, thus allowing for a complex anthropological investigation. All skeletons from Maikhan Tolgoi display muscle attachment features indicative of significant mechanical stress caused by work related loading that are more pronounced on the lower extremities than on the upper body. The isotopic analyses show variation in $\delta^{13}C$, both from collagen and carbonate which currently cannot be interpreted due to the small sample number but shows potential for further investigation [Wickler 2013].

The $\delta^{15}N$-values of humans between 10‰ and 14‰ are fairly high and lie in view of the data for herbivores within and above the expected ranges for carnivore animals. One plausible explanation for the elevated $\delta^{15}N$-values is a diet heavy in meat protein and dairy products. During lactation a body's internal effect on the trophic level is increased since milk proteins are formed out of the body internal proteins of

[51] Yet unpublished radiocarbon dates from their projects corroborate this hypothesis.

Fig. 1. Maikhan Tolgoi, upper Orkhon valley, Central Mongolia. Map of the cemetery.
Рис. 1. Майхан Толгой, верхняя Орхонская долина, Центральная Монголия. План могильника.

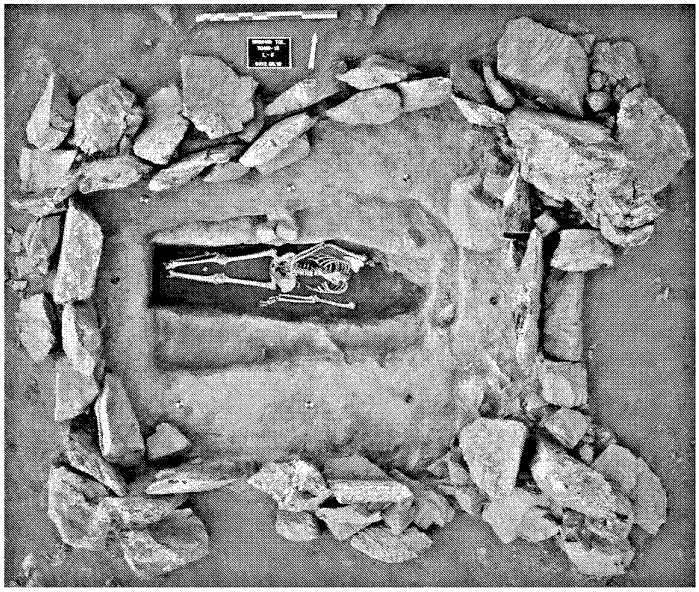

1

2

Fig. 2. Maikhan Tolgoi. 1 Figure-shaped grave 3, ortholevel 3. 2 Structure 10, ortholevel 2.
Рис. 2. Майхан Толгой. 1 Фигурная могила 3, 3-ый уровень. 2 структура 10, 2-ой уровень.

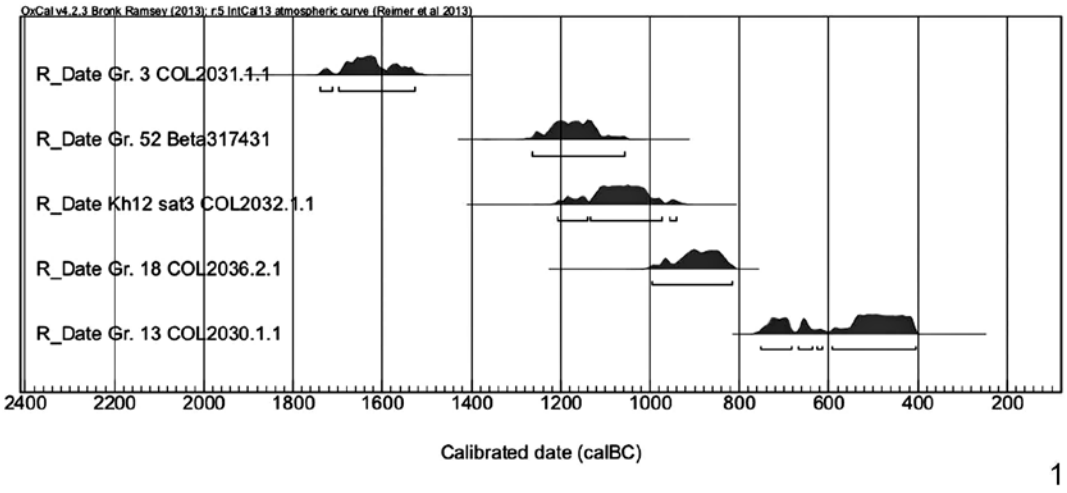

1

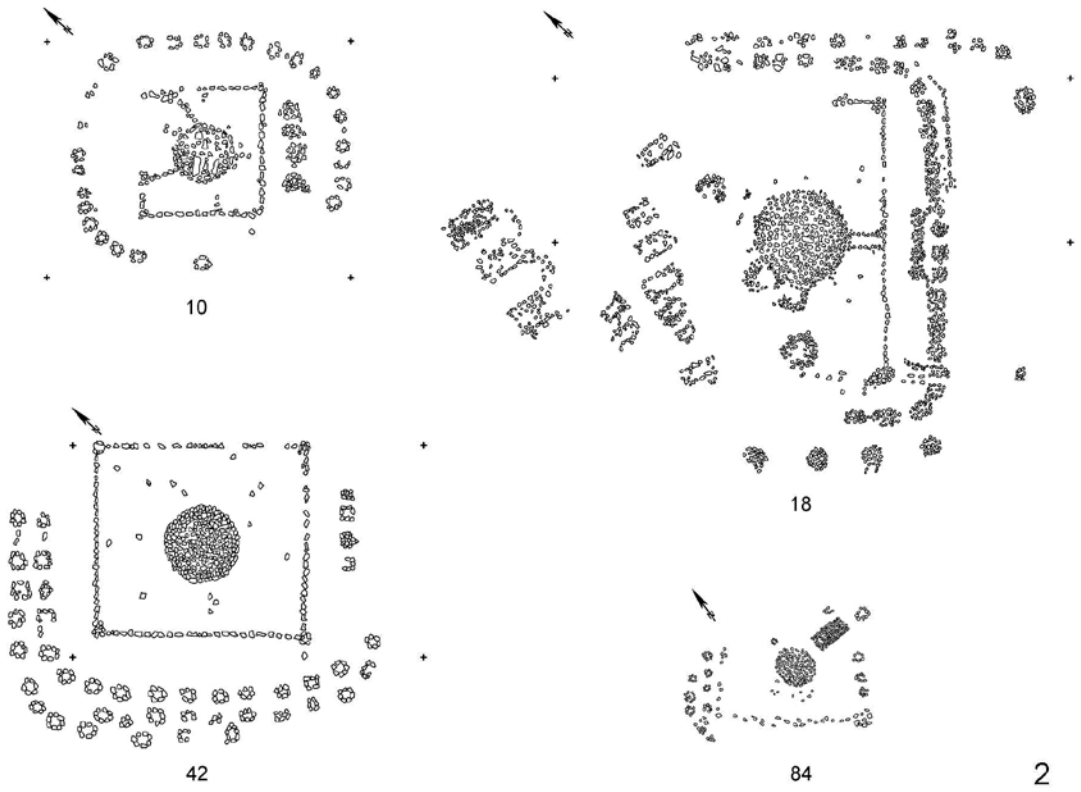

2

Fig. 3. Maikhan Tolgoi. 1 Slab grave 13, ortholevel 4. 2 Grave 52 ortholevel 4.
Рис. 3. Майхан Толгой. 1 Плиточная могила 13, 4-ый уровень. 2 Могила 52, 4-ый уровень.

1

2

Fig. 4. 1 Multiplot of the obtained radiocarbon dates from Maikhan Tolgoi, analyzed in the AMS laboratory of Cologne University (2-Sigma range).
2 Plans of khirigsuurs that exhibit a complex structure and "life history".
Рис. 4. 1 Мультиплот дат радиокарбон от Майхан Толгоя в лаборатории AMS Келна (2-сигма). 2 План хиригсууров со сложной структкрой и комплексной „истории".

the mother animal [Kornexl et al. 1997]. Consequently, the $\delta^{15}N$- values are elevated by about +3‰ and the $\delta^{13}C$-value are elevated about +1‰. Also today in Mongolia a great number of dairy products are consumed, thus the explanation for the high $\delta^{15}N$-values seems plausible. This would moreover explain why the average $\delta^{13}C$-values of humans (-18.2‰) lies +1 ‰ above the ones for animals (-19.4‰) and thus differ significantly. Also the $\Delta\delta^{13}C_{carbonate\text{-}collagen}$-values allow for conclusions on the trophic level of the respective species since (prey) animals contain considerably more fat than most plants. The respective values of animals (horse, cattle, sheep, rodent, marmot) all fall between 6.4‰ and 9.6‰, with a mean value of 8.4‰, thus in the range characteristic for herbivores. Isotopic values of humans (2.8‰ to 5.5‰) clearly belong into the range of carnivores. Since a high nitrogen isotope ratios are combined with a low $\Delta\delta^{13}C_{carbonate\text{-}collagen}$-values, a diet rich in animal products of the tested human was confirmed in two ways. At the moment there is no indication of a fish diet, however, this needs to be corroborated by further investigations as the base-line for fish from the Orkhon river has yet to be established. It should be noted that varying $\delta^{13}C$-values of different fish species were reported from Lake Baikal (Katzenberg et al. 2010, 184: Fig. 8.2).

Conclusion

Initial excavations confirm that bioarchaeological investigations in the cemetery of Maikhan Tolgoi can be conducted successfully since most structures yielded skeletons of good preservation, which allow for both thorough anthropological examinations as well as isotopic analyses. These are prerequisite for providing insights into the life-ways and the diet of these past people. The archaeological investigations brought to light new monument types. Although it is too early to draw far reaching conclusions, the radiocarbon dates calculated here show that an investigation of the cemetery, which was used as a ritual space over a long period, will elucidate our understanding of the use of different structures over time and provide the first insights into the history of this remarkable place.

References

Амартүвшин Ч., Жаргалан Б. Бага Газрын чулуунд хүрэл зэвсгийн түрүү үеийн булшны судалгаа // Studia Archaeologica. – 2008. – No. 26, Fasc. 5. – C. 77-91.

Bemmann J., Parzinger H., Pohl E., Tseveendorzh D. (eds.), Current Archaeological Research in Mongolia. Papers from the First International Conference on "Archaeological Research in Mongolia" held in Ulaanbaatar, August 19th – 23rd, 2007. Bonn Contributions to Asian Archaeology 4. – Bonn: vfgarch press, 2009.

Erdenebaatar D. Burial materials related to the history of the Bronze Age on the territory of Mongolia. // Linduff K. (ed.), Metallurgy in ancient eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River. – Lewiston: Edwin Mellen Press, 2004 – C. 189-221.

Frachetti M. D. Migration Concepts in Central Eurasian Archaeology. // Annual Review Anthropology. – 2011. – No. 40, 1. – C. 195-212.

Frohlich B., Amgalantögs Ts., Littleton J., Hunt D., Hinton J., Goler K. Bronze Age Burial Mounds in the Khövsgöl aimag, Mongolia. // Bemmann et al. 2009. – C. 99-115.

Gantulga J.-O., Grizeaud J.-J., Magail J., Tsengel M., Yeruul-Erdene Ch. Compte rendu de la campagne 2009 de la mission archéologique conjointe Monaco-Mongolie. // Bulletin du Musée d'Anthropologie préhistorique de Monaco. – 2009. – No. 49. – C. 115-120.

Honeychurch W. Inner Asian Warriors and Khans: A Regional Spatial Analysis of Nomadic Political Organization and Interaction. Unpublished PhD Dissertation, University of Michigan 2004.

Honeychurch W. Inner Asia and the Spatial Politics of Empire: Archaeology, Mobility, and Culture Contact. – New York: Springer, 2015.

Houle J.-L. Emergent Complexity on the Mongolian Steppe: Mobility, Territoriality, and the Development of Early Nomadic Polities. PhD. Dissertation, University of Pittsburgh 2010.

Jacobson-Tepfer E., Meacham J. E., Tepfer G. Archaeology and Landscape in the Mongolian Altai: An Atlas. – Redlands: ESRI, 2010.

Katzenberg M. A., Bazaliiskii V.I., Goriunova O. A., Savel'ev N. A., Weber A. W. Diet Reconstruction of Prehistoric Hunter-Gatherer in the Lake Baikal Region. // Weber A. W., Katzenberg M. A., Schurr T. A. (ed.). Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia. Bioarchaeological Studies of Past Life Ways. – Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. – 175-191.

Kornexl B. E., Werner T., Roßmann A., Schmidt H. L. Measurement of stable isotope abundaces in milk and milk ingrediences – a possible tool for origin assignment and quality control. // Zeitschrift für Lebensmitteluntersuchung und Forschung. – 1997. – No. A 205. – 19-24.

Kovalev A., Erdenebaatar D. Discovery of new Cultures of the Bronze Age in Mongolia according to the Data obtained by the International Central Asian Archaeological Expedition. // Bemmann et al. 2009. – C. 149-170.

Littleton J., Floyd B., Frohlich B., Dickson M., Amgalantögs Ts., Karstens S., Pearlstein K. Taphonomic analysis of Bronze Age burials in Mongolian khirigsuurs. // Journal of Archaeological Science. – 2012. – No. 39. – C. 3361-3370.

Parzinger H. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Ergebnisse und weiterführende Betrachtungen. // Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. – Mainz: Philipp von Zabern, 2010. – C. 303-329.

Төрбат Ц. Хэмцэгийн археологийн соёлын нэрийг нягтлах нь. // Studia Archaeologica. – 2014. – No. 34, Fasc. 9. – C. 109-122.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улаан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 1998.

Tsybiktarov A. Central Asia in the Bronze and Early Iron Age: Problems of ethnocultural history of Mongolia and the southern Transbaikal region in the middle second to early first millennia BC. // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. – 2003. – No. 1. – C. 80-97.

Wickler A. Stabilisotopenanalyse von menschlichen und tierischen Knochen aus der Mongolei aus Gräbern der Bronze- und Eisenzeit. Juni – August 2013; internal document of the AG Anthropologie und Umweltgeschichte, Ludwig-Maximilians-Universität, Munich.

Wright J. Organizational principles of Khirigsuur monuments in the lower Egiin Gol valley, Mongolia. // Journal of Anthropological Archaeology. – 2007. – No. 26. – C. 350–365.

Wright J. Temporal Perspectives on the Monumental Constellations of Inner Asia. // Furholt M., Hinz M., Mischka D. "As time goes by?" Monumentality, Landscapes and the Temporal Perspective [Proceedings of the International Workshop "Socio-Environmental Dynamics over the Last 12,000 Years: The Creation of Landscapes II (14th – 18th March 2011) in Kiel]. – Bonn: Habelt, 2012. – C. 73–84.

Wright J. Landscapes of Inequality? A Critique of Monumental Hierarchy in the Mongolian Bronze Age. // Asian Perspectives. – 2014. – No. 51, 2. – C. 139-163.

А.В. Тиваненко[52]

ОПЫТЫ ПО ИДЕОГРАФИЧЕСКОМУ ПРОЧТЕНИЮ НАСКАЛЬНОГО ПИКТОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СИБИРИ

В статье дается первый опыт идеографического прочтения наскального пиктографического письма древних племен Центральной Азии и Сибири при помощи билингвы – рисунчатой основы древних китайских иероглифов шан-иньского времени.

[52] ТИВАНЕНКО Алексей Васильевич – к.и.н., гл. редактор краеведческого журнала Забайкалья «Баргуджин-Токум». E-mail: baikalreg@accr.ru.

Ключевые слова: археология, лингвистика, бронзовый век, дешифровка, Центральная Азия, Сибирь.

A.V. Tivanenko

The experiments with the ideographic reading of the rock pictographic writing of the ancient tribes of Central Asia and Siberia

Введение

Письменность по праву относится к величайшим культурным ценностям человечества, являясь основой всех цивилизаций мира. Поэтому изучение ее на местном материале позволяет по-новому раскрыть духовную культуру кочевых племен региона, если найти билингвы для идеографического прочтения древних пиктографических (наскальных) знаков. Для дешифровки петроглифов региона автор использует билингву рисунчатой основы древнекитайских иероглифов.

Мировая письменность прошла три основных исторических этапа:

1. **Фигурный** (изобразительный), когда человек рисовал натуралистические фигуры тотемных или иных животных и предметы.

2. **Символический** (идеографический), когда эти образы предельно схематизировались или изображаемые сюжеты дополнялись условными поясняющими пиктографическими знаками.

3. **Фонетический**, когда на основе развития пиктографии появились настоящие письменные графемы, записывающие звук, а не отдельно взятое понятие (в Азии это иероглифы и руны).

Коренные народы Сибири сохранили воспоминания о наскальных рисунках как о древнейшей пиктографической письменности шаманского (магического) содержания, что нашло отражение в повсеместном бытовании терминов-топонимов от основы ***писать*** по отношению к священным скалам. У бурят и монголов это *зураг, бэшэгтуу, тмгату*; у тюрков – *бичигту, пичигтыг, суруктаах*; у эвенков – *онен, дукувучи*; у других народов – также на их родных языках с одинаковыми значениями. Поэтому именно памятниками древней письменности именовали петроглифы («писаницы») первые исследователи Сибири [Тиваненко, 2012, с. 4 – 8].

Специалисты-петроглифоведы до недавнего времени рисунчатые знаки на петроглифах Забайкалья рассматривали «неумелыми» произведениями древнего художественного творчества, основанного на традициях сибирского шаманизма, хотя признавали предельную схематичность наскальных изображений, сквозь которую, по выражению А.П. Окладникова, «с трудом пробиваются отзвуки реальной жизни». Это было искусство, как говорил он, «основанное на немногих ритуальных формулах и условных знаках-сигналах». Тем самым Окладников был близок к признанию петроглифов памятниками пиктографической письменности, но остановился на мнении об их принадлежности к «иератическому

искусству». [Окладников, Запорожская, 1970, с. 123]. И действительно, однотипность и каноническая повторяемость рисунков на любом петроглифе (в том числе и на вновь открываемом) свидетельствует о наличии в сознании древних людей неких устоявшихся стереотипов (знаковых символов) в записывании информации, что прямо приближается к признанию наскальных изображений пиктографическим письмом [Шер, 1980].

По поручению А.П. Окладникова мы продолжили изучение идейного смысла петроглифов Забайкалья, затем расширив границы сравнительных исследований на Прибайкалье, Якутию, Дальний Восток, Монголию, Хакасию и Туву, а также Венгрию, куда переселившиеся хунны принесли и сохранили элементы древней письменности Азии. О подобных же знаках нам сообщили коллеги из Алтая, Казахстана и Армении, где они до сих пор используются в декоративно-прикладном искусстве магического содержания.

В Забайкалье нами прежде всего был установлен принцип «двухярусности» (сверху вниз) размещения рисунков в наскальных композициях:

а) Знаки, олицетворяющие понятие Неба, как божества.

б) Символы, дающие понятие испрашиваемой у Неба цели [Тиваненко, 1990].

С этого момента работа по проблеме семантики велась в рамках четкой методологической конструкции: знак – образ – символ – дешифровка. Тем более, что такое же «двухярусное» построение устной информации несут и тексты шаманских молитв аборигенных народов Сибири, которые можно применять в качестве звуковых билингв (текстов приближенного смыслового содержания) [Тиваненко, 1987, с. 136 – 142]. Над этой проблемой плодотворно работали в различных регионах Евразии многие коллеги прошлого (Кнорозов, Таксами, Спеваковский, Соболева, Петри, Хангалов, Хороших, Балдаев, Мазин, Спасский и другие), собрав неплохие лингвистические, исторические и этнографические параллели.

Наш вклад в познание смыслового содержания наскальной пиктографии заключается в обнаружении новой билингвы – рисунчатой основы древнекитайских иероглифов – архаичной письменности шан-иньской эпохи – по поразительному сходству с изобразительными знаками петроглифов Центральной Азии и Сибири. А поскольку у пра-иероглифов есть точное прочтение, появляется редкая возможность по-новому осмыслить «безмолвные» до сих пор наскальные композиции, приближаясь к почти «дословному» пониманию заложенного смысла (все зависит от степени сохранности памятника) [Тиваненко, 2011]. Оговоримся сразу, что это не означает, что древнее население северных регионов Азии говорило на китайском языке: во-первых, древнейшие по начертаниям пиктографические знаки в Монголии датируются эпохой мезолита (Аршан-хад); во-вторых, шаманская идеологическая и обрядовая системы тогда были в высшей степени общи (а пиктография в Китае была превращена в пра-иероглифы именно жрецами для фиксации обрядовых действий); в-третьих, аналогичны-

ми знаками пользовались все другие народы региона, читая их на своих языках также, как и китайцы свою письменность. А это возможно только в том случае, если у всех этих знаков на заре становления письменности было единое идеографическое понимание. Вопрос только в том, почему у отдельных народов пиктография переросла в фонетическую письменность, а у других (напр. в Сибири) законсервировалась на разных стадиях развития.

По И. Фридриху, дешифровка – лишь восстановление забытых письменностей, и только если письменность ясна, то можно говорить об интерпретации [Фридрих, 1975, с. 35]. В соответствии с данным положением, наши работы по изучению идейного смысла петроглифов выполнили лишь первый этап дешифровки – поиск основных принципов «прочтения» наскальных рисунков как вероятных памятников древнейшей пиктографической письменности Центральной Азии и Сибири [Тиваненко, 2013, с. 103 – 113]. Первый шаг в этом направлении – выявление неких общих начертаний предполагаемого «пра-алфавита» протописьменности (пиктографии) со сформировавшимися идеографическими понятиями каждого из знаков на основе мифологии и философии традиционного шаманизма [Тиваненко, 1990, 2013]. В ***Табл. 1*** мы предлагаем часть из такого «пра-алфавита», где петроглифические знаки региона Забайкалья имеют «дословное» прочтение через древнекитайские рисунчатые билингвы. Все они объединяются по следующим основным темам: Божества Неба, родовые Предки, культовые предметы, философско-мифологические образы, ритуальные действия, смена дня и ночи, числительные знаки, семейно-родовая община, окружающий мир. Подобный «пра-алфавит» можно предложить также для Центральной Азии ***(Табл. 2),*** Якутии ***(Табл. 3),*** Приамурья (там выдающийся памятник Геткан дает целые «связные» идеографические тексты; см. ***Табл. 4***).

Чаще всего письменные знаки на петроглифах передают идею жертвенных подношений различным шаманским божествам или родовым Предкам. В качестве примеров предлагаем следующие переводы: Петроглиф Архара в Приамурье ***(«Приношу [Духу местности] животного в жертвенную чашу»);*** петроглиф Тепсей III на Енисее ***(«Приношу в жертву двух лошадей и верблюда»:*** помимо жертвенной чаши в сюжете изображено и мировое шаманское дерево как способ передачи дара небесным богам); Рисунок на плиточной могиле «Хонгор-Батора» в Западном Забайкалье ***(«Приношу [умершему Предку родовой общины] к жертвенной чаше четырех животных») (Табл. 5).***

Более информативны хорошо сохранившиеся петроглифы с не нарушенными сюжетами древних композиций. В качестве примера укажем на памятник Хачурт в Монголии. Пиктографические знаки группируются здесь на 5 смысловых значений (сверху вниз): «Светлая (божественная) птица-предок – Орел»; «Великий Предок рода»; Идея множественности родового (семейного) коллектива; Вход в загон для скота; Родовой коллектив у ограды со скотом. Применяя известные в литературе шаманские молитвенные термины, данный пиктографический текст можно прочитать так:

«Светлая (божественная) птица-предок Орел! Наш Великий (тотемный) Предок рода! Расплодите наш скот и табуны, сделайте нас богатыми и счастливыми! Размножьте наших внуков и правнуков, сделайте нас многочисленными и здоровыми!»

Вариант (из старинной бурятской молитвы):

«О, Вечное Синее Небо! (Либо конкретное лицо из Верхнего мира). Расплодите наш скот и табуны в не разрушаемой изгороди, сделайте нас богатыми и счастливыми! Размножьте наших внуков и правнуков, сделайте нас многочисленными и здоровыми!» [Балдаев, 1956, с. 7].

В Монголии известен и такой текст благопожелания к соседу, который, безусловно, исходит из молитвенного обращения к Небу о даровании счастья:

«Обзаведись ты многочисленным табуном, который заполнит все берега озера на водопое.

Обзаведись ты потомком-сыном, который последует за владыкой-хозяином.

Обзаведись ты многочисленным стадом овец, которые заполнят всю поляну в лесу.

Обзаведись ты дочерьми и сыновьями, которые послушно подчинятся власти и закону!» [Чулууны Далай, 1983, с. 168].

Письменная (наскальная) запись подобного обращения звучала у древних монголов эпохи средневековья еще короче: ***«Силою Вечного Синего Неба да будет счастье!»*** [Окладников, Запорожская, 1970, с. 168].

Из примеров дешифровок комплекса пиктографических знаков на других петроглифах Центральной Азии и Южной Сибири назовем еще несколько:

Ара-Киреть: ***«Небо породило народ»*** или ***«Небо ниспослало судьбу и породило наш народ».*** Смысл фразы будет понятен, если обратиться к формуле даосизма (впитавшем, как известно, многие идеологические концепции раннего шаманизма). В Древнем Китае Солнце или Птица олицетворяли Небо, от которого зависела судьба людей. «Небо ниспослало судьбу и создало наш народ», – говорится в одной из иньских молитв. У иньцев посредником между Небом и людьми являлась священная Птица: «Небо послало волшебную птицу, она опустилась на землю и породила (династию) Шан» [Го Мо-жо, 1959]. Совершенно аналогичные представления о священном Орле-тотеме бытовало и в бурятском шаманизме, по мифологическим понятиям которого люди (или первые шаманы) произошли от небесного орла, спустившегося на землю и вступившего в связь с женщиной.

Тамир, Усть-Кяхта: ***«Земное счастье».*** Это более краткая запись того, что молящийся просил у Неба.

Мандал-гоби, Селендума, Табангутское обо и др.: ***«Вечером (в конце дня) Солнце (на Небе) сменяется Луною».*** Китайский даосизм дает этой фразе такое объяснение: *«Солнце заходит и восходит Луна; заходит Луна и восходит Солнце. Солнце и Луна взаимосталкиваются и рождается свет <…> Сияние Солнце сменяется блеском Луны».* Отсюда понятно, почему все божественное

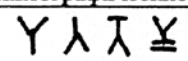
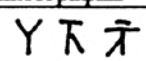
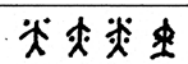
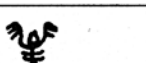
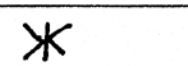
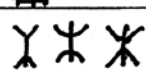
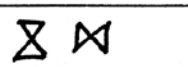
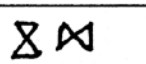
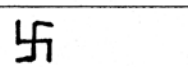
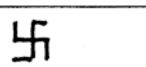
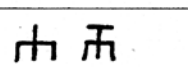
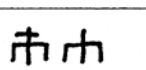
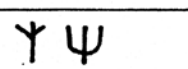
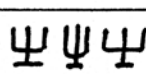
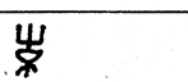
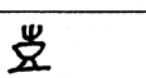
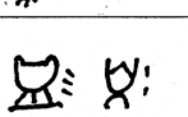
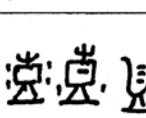
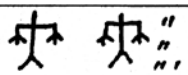
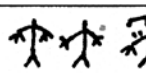
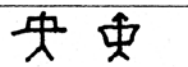
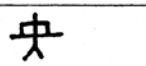
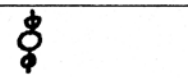
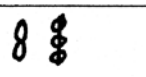
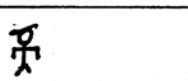
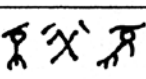
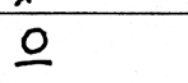
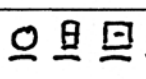
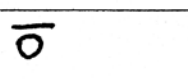
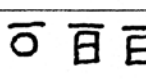
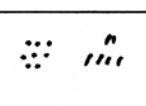
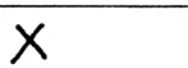
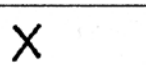
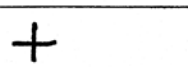
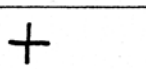
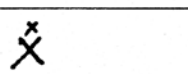
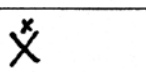
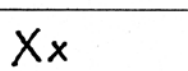
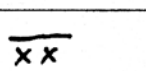
Реконструируемые наскальные пиктографические знаки	Аналогии в древнекитайской пиктографии	Идеографическое прочтение
		Прародительница и ее отец
		Мать – прародительница (семейной общины)
		Мировое дерево
		Пять (мифологическое)
		Счастье
		1) Ритуальный передник 2) Полотнище, платок, скатерть
		Приносить жертву
		Принести жертву в жертвенной чаше
		1) жертвенные яства 2) жертва 3) жертвоприношение 4) истечение обильной благодати, таящейся в священном сосуде
		Исполнять магический танец с целью вызвать дождь
		Молить
		Узелковый пояс (рассказывать)
		Старик, старый, покойный
		Утро, рассвет, рано, рассветать
		Вечер, конец дня
		Счетные знаки
		Пять
		Десять, десятый
		Черта в гексаграмме
		Два (предмета), оба, пара, двойной
		Вращать

Рис.1. Дешифровка наскальной пиктографии через древнекитайские билингвы

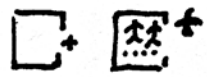
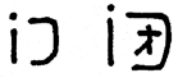
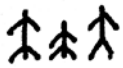
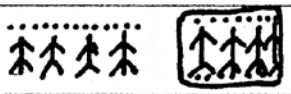
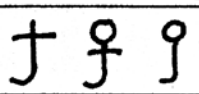
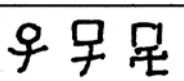
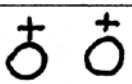
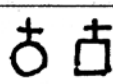
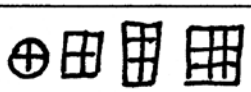
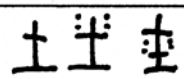
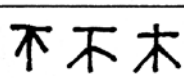
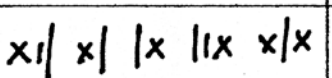
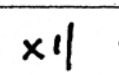
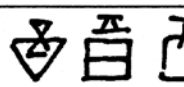
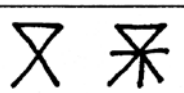
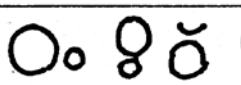
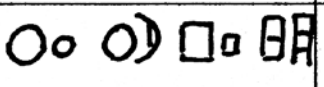
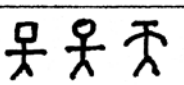
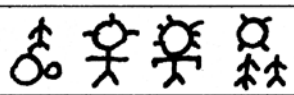
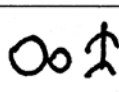
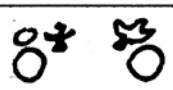
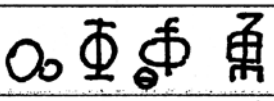
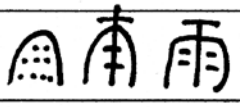
		1) дверь, ворота, семья, род 2) закрывать, затворять, замкнуть
		Семья
		Счастье (семейное)
		Родовой коллектив (община)
		Ребенок, сын, потомок
		Глаз (народ)
		Древний
		Поле, обрабатываемая земля, пашня, хлебопашество, охотиться
		Земля, почва, местный
		Дерево (обыкновенное)
		Косить, жать, убивать, собирать урожай
		Запад
		1) дерево (растительность) 2) растительность (процветание)
		Светлый, ясный, днем
		Небо
		1) светлый + 2) большой человек
		1) светлый + 2) орел (солнечный)
		Светлое (божественное) животное-предок (тотем)
		Дождь (небесный свод), из которого падает дожь

Рис.2. Дешифровка наскальной пиктографии через древнекитайские билингвы. (продолжение)

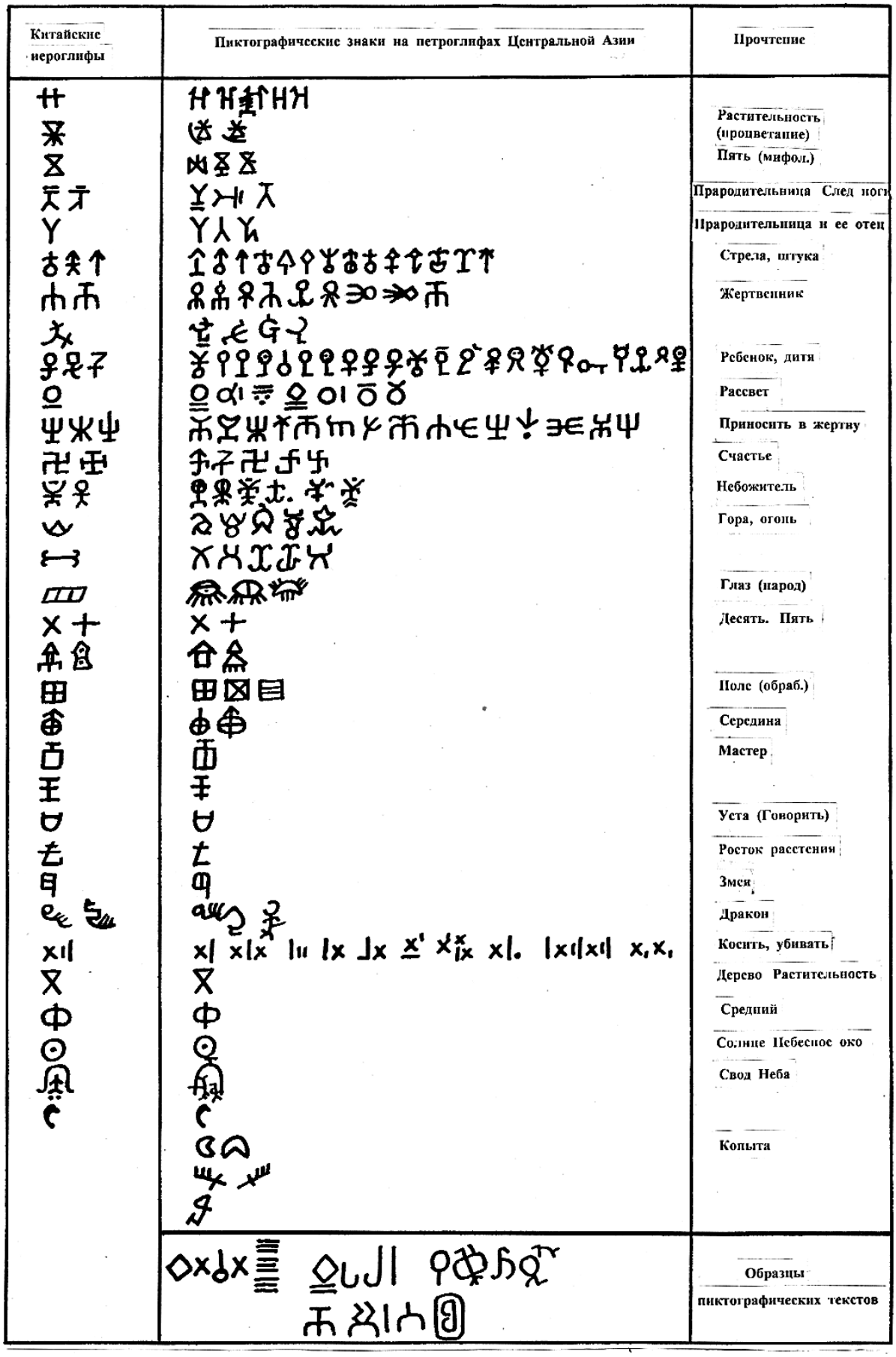

Рис.3. Пиктографические знаки на петроглифах Центральной Азии и их аналогии в древнекитайской иероглифике

Якутия	Китай	Прочтение	Якутия	Китай	Прочтение	Якутия	Китай	Прочтение
		Солнце			Яма			Животное ?
		Небосвод			Почтительность			Мать-прародит.
		Старый			Штука			Прарод. гор.
		Исполнять магический танец			Рука, росток			Приносить жертву
		Светлый			Человек			Середина
		Говорить			Древний			Глаз (народ)
		Ребенок			Пять			Приносить жертву
		Небо			Трава, множество			Возвращаться
		Баран			Солнце			Трипод
		Жертвы божеству			Жертва (челов.)			Пять (мифол.)
		Растительность			Поле (обраб.) Охотиться			Арык на поле
		Солнце			Собака			Поле (обраб.)
		Прародительница и ее отец			Горы			Сын (дитя)
		Десять			Прародительница ?			Дерево
		Уста			Небожитель ?			Одежда

Рис.4. Письменные знаки на петроглифах Якутии и их древнекитайские аналогии

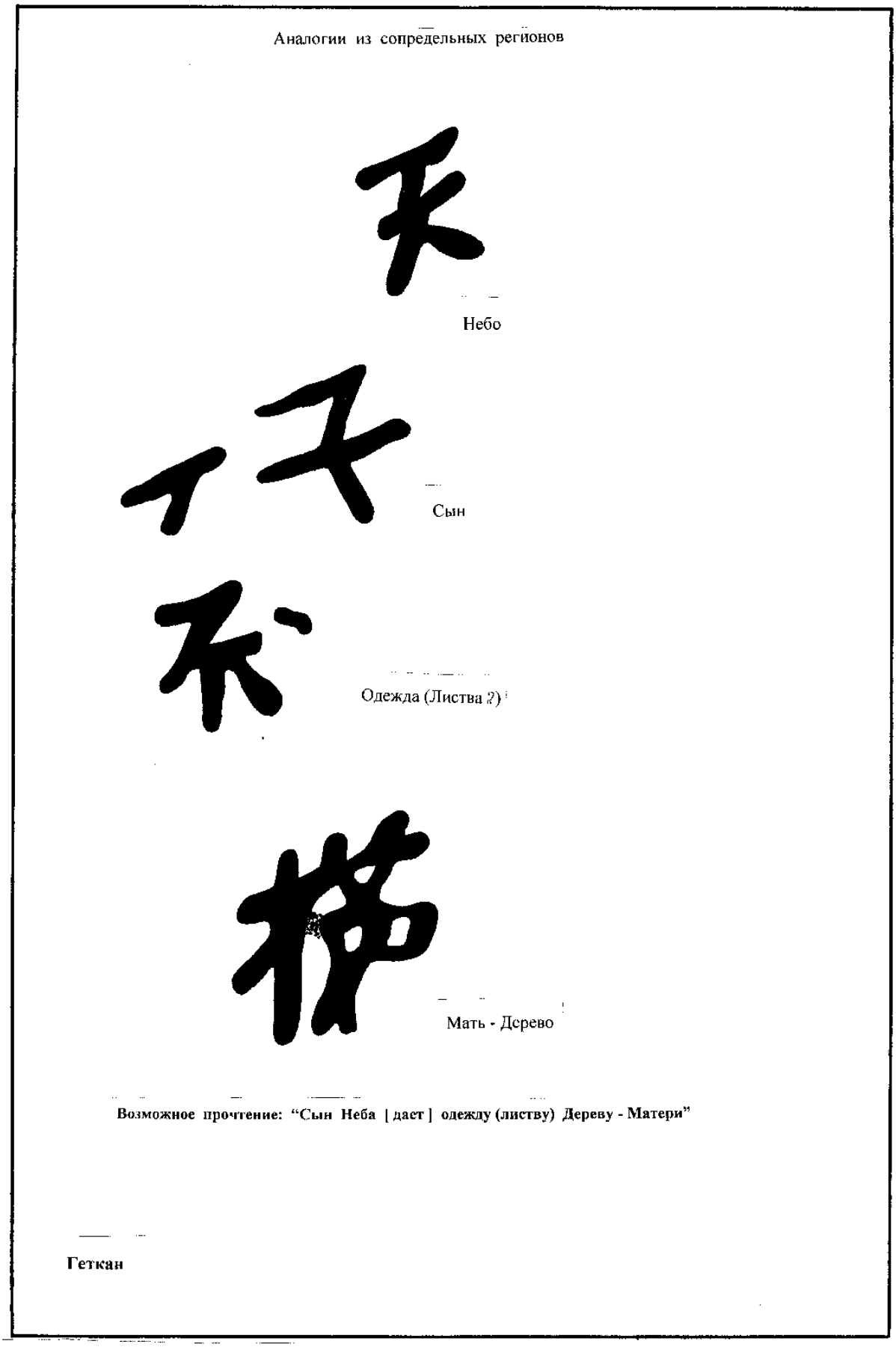
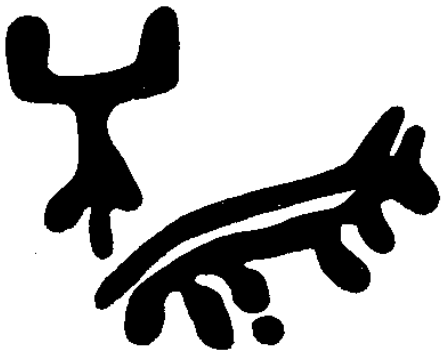

Рис.5. Понятие «Небо (божество)» на петроглифе Геткан

Образцы идеографического прочтения некоторых петроглифических композиций со сценами жертвоприношений

ПЕТРОГЛИФ АРХАРА В ПРИАМУРЬЕ.
"Приношу (Духу местности) животного в жертвенную чашу

ПЕТРОГЛИФ ТЕПСЕЙ III НА ЕНИСЕЕ.
"Приношу в жертву двух лошадей и верблюда". Помимо жертвенной чаши здесь изображено и мировое шаманское дерево как способ передачи дара небесным богам

РИСУНОК НА ПЛИТОЧНОЙ МОГИЛЕ "ХОНГОР-БАТОР" В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ.
"Приношу к жертвенной чаше четырех животных" (Умершему предку родовой общины)

Рис.6. Сцены ритуальных действий у жертвенной чаши

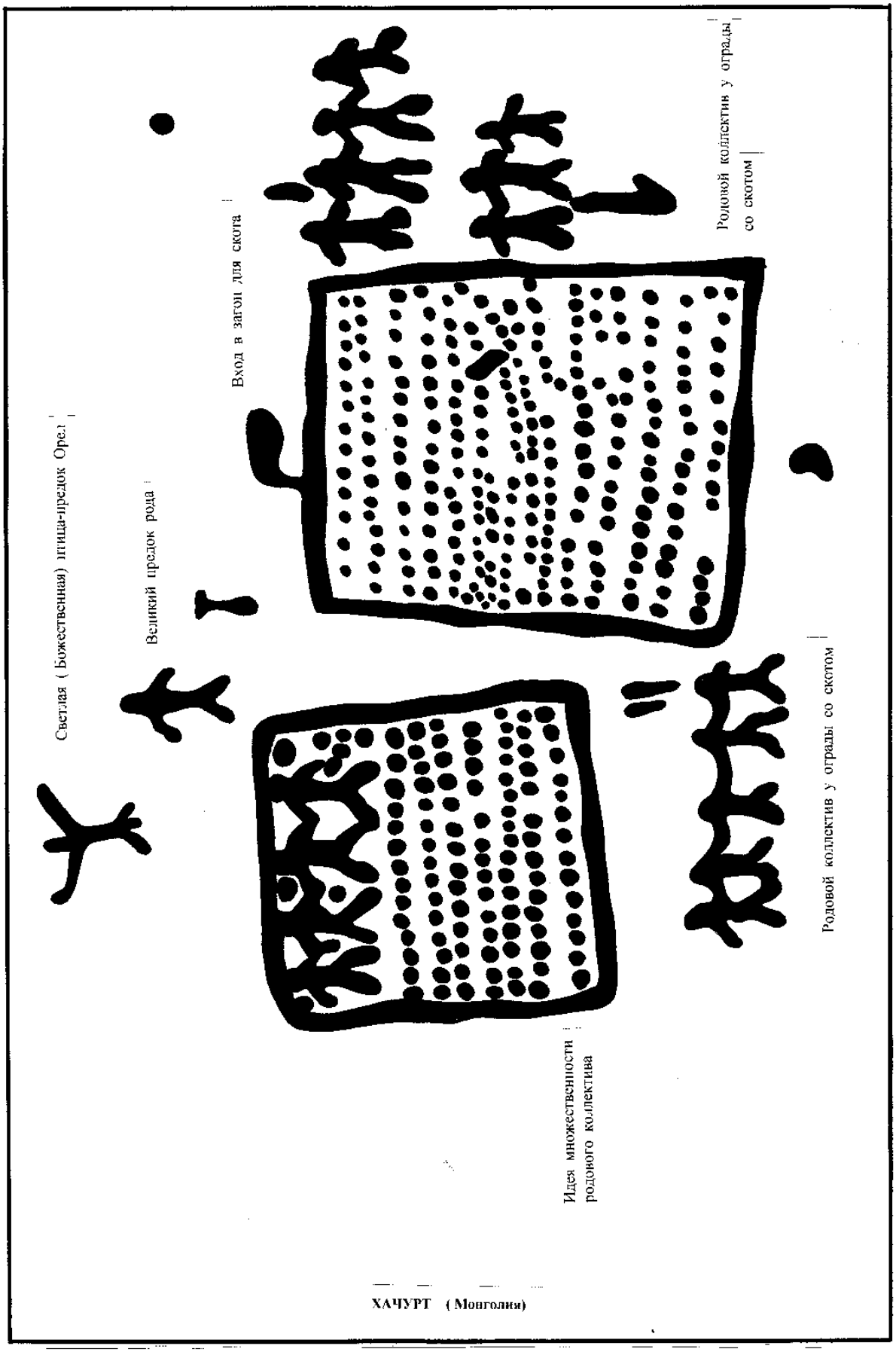

Рис.7. Типичная сцена «селенгинских» петроглифов, выражающая понятие «Родовой коллектив (община)»

появляется в небесном блеске и сиянии, отчего в бурятских шаманских молитвах небесные Боги называются «Светлыми» (вариант – «Белыми»).

Баин-Хара, Аршан-хад, Судунтуй, Суруктаах-аян, Далан-дзадагат и др.: ***«Жертвенник, на котором родовая община приносит жертву своим духам-покровителям».***

Свирск: ***«Приношу жертву»*** (и далее счетные знаки количества жертвенных даров животными).

Баин-Хара: ***«Жертвую Предкам возлиянием вина».***

Плодотворной может оказаться дешифровка петроглифов через древнетюркские руны, поскольку известно, что часть фонетического алфавита состоит из рисунков отдельных частей человеческого тела и животных (Аристов, Маллицкий, Соколов, Бернштам), а иные руны читаются не как отдельные звуки, а целыми неразделенными словами, как в пиктографии. А.П. Окладников выявил ряд памятников в Прибайкалье и Якутии, где рисунки и руны составляют неразрывное сюжетное единство. Например, на петроглифе Давыдово руническая надпись, вложенная в уста большого человека (Бога) в сцене загона оленей в ловчие сети, дословно означает: ***«Я благословил вас удачей»;*** на скалах Шишкино и Куртухай фигуры курыканских воинов-знаменосцев сопровождаются словами ***«Я умираю»*** и ***«Я не насладился (жизнью)»,*** что относится к категории древнетюркских эпитафийных надписей (Окладников, Ксенофонтов, Бернштам, Пекарский, Барашков) [Тиваненко, 2011].

Заключение

Вышеизложенное наглядно показало, что применение билингв значительно облегчает изучение идейного смысла памятников древнего наскального искусства региона. Вполне очевидно, что перед нами не просто рисунки, пусть и предельно схематичные, а неизвестная до сих пор пиктографическая письменность. Ее точное «прочтение» должно стать заботой ученых-лингвистов.

Литература:

Балдаев С.П. Культ писаниц у западных бурят//Записки БМНИИК. – Улан-Удэ: Бур. Кн. изд-во, 1956. – Вып. 22. – с. 34 – 42.

Го Мо-жо. Бронзовый век. – М: Наука, 1959. – 280 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Л: Наука, 1970. – Ч. 2. – 264 с.

Тиваненко А.В. Древнее наскальное искусство Бурятии: новые памятники. – Новосибирск: Наука, 1990. – 208 с.

Тиваненко А.В. Древняя письменность Сибири. (Основные принципы дешифровки наскальной пиктографии). – Чита: Экспресс-издательство, 2011. – 350 с.

Тиваненко А.В. К проблеме дешифровки петроглифов бронзового века Забайкалья и Восточной Монголии//Материалы V Международного конгресса монголоведов (Москва – Улан-Батор). – Т.III:Доклады советской делегации. – М: Наука, 1987. – с. 136 – 142.

Тиваненко А.В. У истоков сибирской письменности и ее дешифровки//Кирилло-Мефодиевские чтения-2012. – Улан-Удэ: БГСХА, 2012. – с. 4 – 8.

Тиваненко А.В. Реконструкция протоалфавита древних племен Центральной Азии и Сибири и проблема дешифровки идеографических понятий наскальных композиций//Кирилло-Мефодиевские чтения-2013. – Улан-Удэ: БГСХА, 2013. – с. 109 – 113.

Фридрих И. История письма. – М: Наука, 1979. – 463 с.

Чулууны Далай. Монголия в XII – XIV веках. – М: Наука, 1983. – 232 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М: Наука, 1980. – 328 с.

Л.Д. Чадамба[53]

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ТУВЫ

Статья посвящена анализу изобразительных традиций в наскальном искусстве эпохи поздней бронзы на территории Тувы. Тува в эпоху поздней бронзы была вовлечена в единый процесс сложения культурно-исторической «карасугской» общности. Об этом свидетельствуют в том числе и рисунки на скалах, выполненные в нескольких «стилистических вариантах в рамках одного стиля». Однако, на скалах Тувы есть изображения, выполненные в своеобразной манере, не зафиксированной на сопредельных территориях.

Ключевые слова: петроглифы, Тува, чайлагский стиль, чыргакский стиль, колесницы, варчинский стиль.

L. Chadamba

GRAPHIC TRADITION OF ROCK ART LATE BRONZE AGE TUVA

This article analyzes the fine traditions of rock art of the Late Bronze Age on the territory of Tuva. In the Late Bronze Age Tuva was involved in a single process of formation of the cultural-historical «karasugsky» community. This is evidenced by numerous monuments of Mongun-Taiga type and kereksurs, as well as drawings on rocks made in a few «stylistic variations within the same style.» However, on the rocks of Tuva there are images made in a peculiar manner, not recorded in the neighboring territories.

Tags: petroglyphs, Tuva, chaylagsky style, chyrgaksky style, chariot, varchinsky style.

Анализ изображений на скалах Тувы показал, что к концу бронзового века в Туве вырабатываются три художественных манеры, получившие название по самым характерным памятникам. Появление здесь петроглифов, выполненных в особой геометризованной изобразительной манере («карасукской»), отражает, очевидно, глобальные процессы, происходившие на обширной территории, не знавшей современных границ. Скорее всего, они объясняются общеисторической ситуацией, которую исследователи характеризуют как сложение культурно-исторической общности «карасукского» типа. В этот процесс была вовлечена и какая-то часть обитателей древней Тувы. Тем не менее, на территории Тувы выделяются и серии изображений, выполненные в своеобразной манере, не зафиксированной на сопредельных территориях. Это пласт рисунков особого «чайлагского» стиля. Скорее всего, его создателями была какая-то группа населения, строго оберегавшего свои территории и не вступавшего в контакты с соседями.

[53] ЧАДАМБА Лариса Дадар-ооловна – к.и.н., научный сотрудник Тувинского института гуманитарных исследований. E-mail: chadamba2001@mail.ru

Изображения в варчинском стиле

Наши наблюдения показали, что среди петроглифов эпохи поздней бронзы Тувы можно выделить две группы изображений, выполненных в «варчинском» стиле, – линейную и силуэтную. Аналогичная картина характерна и для петроглифов сопредельных территорий [Ковтун, 2001, с. 73].

Изображения колесниц.

Одним из ярких сюжетов эпохи поздней бронзы являются изображения колесниц. В настоящее время в Туве известны различные изображения колесниц (на памятнике Мортук, на горе Сыын-Чурек (Центральная Тува), на камне № 281 Мугур-Саргола (рисунки открываются при низком уровне воды в Енисее), на камне у горы Устю-Мозага, который М.А. Дэвлет назван «Каменным компасом», на «Дороге Чингисхана», на Ортаа-Сарголе (Саянский каньон Енисея), на камне у г. Догээ, на Чайлаг-Хеме (северные склоны восточного Танну-Ола), в пунктах Овюр 2, на Кара-Туруге (Овюрский кожуун).

У западного подножия горы Устю-Мозага, которая расположена на правом берегу Улуг-Хема, была обнаружена отдельно лежащая большая горизонтальная плоскость, получившая название «Каменный компас», так как в центре нее выбита большая фигура, напоминающая стрелку современного компаса [Дэвлет, 2004]. О колесницах, выбитых на этом камне подробно описано в работах известной исследовательницы памятников Саянского каньона Енисея М.А. Дэвлет.

На горе Алды-Мозага до затопления Саяно-Шушенским водохранилищем было известно две колесницы. У первой колесницы лошади стоят одна над другой, у второй спинами друг к другу. У первых хвосты прямые, у вторых оканчиваются кругами (завязаны узлом?). У колес по восемь спиц. У одной кузов круглый, разделенный на четыре сегмента, у другой фигурный, подпрямоугольный [Дэвлет, 1998, с. 107, табл. 52; с. 131, табл. 115].

На данном памятнике нами в 2007 г. было обнаружено еще одно изображение колесницы. Подмечено, что от шеи лошади отходит длинная извилистая линия (дышло), к которой пририсована повозка – два колеса с четырьмя спицами соединены линией. Если «тувинские» колесницы обычно изображались в плане, как бы сверху, то здесь лошадь и повозку древние художники попытались изобразить в профильной проекции. Фигура лошади изображена довольно реалистично, а над ней изображен олень с удлиненной клювовидной мордой. На другой грани этого камня выбиты еще три оленя выполненные в том же стиле. В монографии М.А. Дэвлет отмечено изображение двух колесниц (камень 52, 115) [Дэвлет, 1998, с. 108; 131]. Данная колесница не входит в их число.

На камне у г. Догээ изображена многофигурная композиция со сценой охоты, в центре которой находятся две большие фигуры оленей в монголо-забайкальском стиле, а на северной грани камня выбиты две колесницы с прямым дышлом, овальным кузовом и колесами без спиц, у одной по обе стороны дышла показаны лошади, стоящие друг под другом, но не связанные с колесницей перекладиной.

Колесницы Мугур-Саргола и Ортаа-Саргола представлены без лошадей и возниц. Все колесницы изображены в плане с двумя колесами, с дышлом, осью и ярмом-перекладиной. В местности Ортаа-Саргол одна повозка показана с колесами без спиц, другая с тремя спицами. Еще две с четырьмя спицами также представлены запряженными. У колесниц с тремя спицами в колесах на перекладине показаны в виде треугольника ярма, которые надевались на шеи лошадей. Между колесами находится у всех колесниц кузов округлой или овальной формы.

На памятнике Сыын-Чурек колесница представлена строго в плане с впряженными лошадьми, обращенными спинами друг к другу, без кузова и возницы. Тела животных очень вытянуты и фигуры схематичны. За колесницей следует стадо козлов, погоняемое пастухом, и две собаки. Выше колесницы показаны геометрические фигуры [Вайнштейн, 1991, рис. 91-1]. Совершенно иного вида колесницы изучены нами в урочище Чайлаг-Хем. Здесь нами было зафиксировано четыре колесницы. На одной плоскости мы видим пять мужских фигур с луками. Самая крупная мужская фигура находится около колесницы, над ней расположена фигура всадника. В правой нижней части композиции стоит женская фигура в длинном платье и руками, согнутыми в локтях и поставленными на талию. Все мужские фигуры с гипертрофированно большими фаллосами двигаются в направлении женской фигуры. Скорей всего перед нами иллюстрация древнего мифа, связанного с женитьбой-сватовством, свадебным поединком. У колесниц Чайлаг-Хема колеса и кузов показаны небольшими сплошными кругами с прямым дышлом. У двух колесниц лошади обращены спинами друг к другу и по своему выполнению очень напоминают лошадей с Алды-Мозага с «завязанными хвостами», у двух других фигуры лошадей более схематичные и изображены одна под другой. Все колесницы Чайлаг-Хема воспроизведены в сопровождении мужских фигур с луками [Килуновская, Чадамба, 2007, с. 17]. Еще одна колесница на памятнике Чайлаг-Хем изображена в композиции с лучниками и животными. За колесницей показана фигура «идущего» мужчины, а перед ней фигура лучника. За колесницей изображена другая группа, состоящая из оленя с большими и извилистыми рогами и ладьевидным туловищем и хищник, преследующий оленя.

На скалах Чайлаг-Хема есть изображение другого средства передвижения, а именно арбы и верблюда. Арба показана в плане. В кузове полукруглой формы черточками, по-видимому, изображены люди. Прямой линией она присоединена к двугорбому верблюду. У верблюда показана длинная шея с маленькой острой головой с треугольным ухом, четыре плавно изогнутые ноги с утолщением на концах, такое же плавно изогнутое туловище с небольшим прямым хвостом. Горбы – небольшие острые треугольные выступы. Между ними показана схематичная человеческая фигура с круглой головой. Вся процессия движется в одном направлении. В верхней части плоскости, над трещиной изображены силуэтные фигуры козлов. Вероятно, древний художник изобразил сцену переко-

чевки. Фигуры животных выполнены в манере, которая характерная для эпохи бронзы, может быть для начала скифского времени. В Туве подобные композиции не встречались, да и изображения верблюдов здесь единичны [Килуновская, Чадамба, 2007, с. 17]. Сюжеты, включающие изображения крытых повозок, с запряженными в них верблюдами зафиксированы в петроглифах Сулекской писаницы, в Хакасии, на Баян-Журеке, в Казахстане [Леонтьев, 1980, Байпаков, Марьяшев, 2008].

На памятнике Мортук 1, находящемся на левом берегу р. Торгалык, изображены три колесницы в композиции с животными. Колесницы показаны в плане и изображены с двумя колесами по четыре спицы, кузов различается по форме, дышло имеет Т-образную форму. Около двух колесниц изображены лошади, выбитые силуэтно: две около дышла, а третья рядом – пристяжная. Примечательная особенность этих колесниц заключается в том, что хвосты лошадей выполнены гравировкой. Около центральной колесницы расположены две лошади, выполненные схематичной манере.

В 2010 г. на памятнике Кадын-Халыыр в Овюрском кожууне, на большой плоскости (4 х 2 м) с многофигурной композицией обнаружено изображение колесницы. Есть еще одно изображение колесницы на этом же памятнике. Она показана в композиции с животными и выбита на горизонтальной плоскости.

Колесницы на скалах Тувы различны по своей конструкции: это телеги, двуколки, колесницы. При передаче повозок и колесниц зафиксированы различные ракурсы. Анализ передачи изображений колесниц на скалах Тувы показывает, что преобладающей является плановая проекция, при которой упряжные животные изображены спинами друг к другу, но встречается также и профильная проекция. По изображениям колесниц можно проследить развитие традиций изображения на скалах колесного транспорта: от простых типов повозок к сложным.

Схематичные изображения животных и людей. В эпоху поздней бронзы фигуры быков продолжают создаваться в прежней манере, близкой к реализму, но на каком-то этапе они полностью исчезают. В то же время появляются новые образы – лошади, олени, козлы, которые отличаются большей степенью схематизации рисунка. Мы отмечали, что вместе с колесницами в искусство приходит иная традиция, которую принесли пришлые племена (по мнению ряда исследователей – индоевропейские – носители андроновской культуры) [Семенов, 1993, с. 25-30]. В композициях с колесницами встречаются изображения животных, выполненные в схематичной манере. Наиболее выразительными изображениями в «варчинском» стиле в Туве являются фигуры животных на памятниках Сыын-Чурек и Хербис**.** Воспроизведение животных в этой же условно-реалистической манере мы видим на горе Хербис. Здесь выбиты фигуры козлов и хищников. Главной частью группы является композиция, которая состоит из четырех оленей, расположенных попарно друг над другом по диагонали плоскости. Навстречу к ним идет лошадь, расположенная по диагонали к горизонту. У всех фигур

туловища показаны одной линией со свисающими четырьмя прямыми ногами. Подобные фигуры есть и на других плоскостях горы.

Таким образом, по материалам петроглифов Тувы можно выделить небольшой пласт изображений, для которых характерен предельный схематизм, удлиненные пропорции фигур и другие признаки, характеризующие особый стиль петроглифов, т.н. «варчинский». Очевидно, данная серия рисунков пусть косвенно, но свидетельствует о тех миграционных явлениях, которые происходили в Центральной Азии в целом, и на территории древней Тувы, в конце эпохи бронзы (в конце II тыс. до н.э.).

Изображения в «чыргакском» стиле

В эпоху поздней бронзы встречается и другая схематичная манера (в основном воспроизводятся фигуры оленей), названная «чыргакским» стилем, так как впервые исследователи обратили внимание на его особенности по рисункам горы Шанчиг, расположенной в бассейне реки Чыргакы, Западная Тува [Килуновская, Миклашевич, Попов, Семенов, 1998, с. 28, 29]. В данной манере фигура животного воспроизводится следующим образом: прямоугольное (объемное, а не одной линией как в «варчинской» манере) туловище, четыре прямые ноги (причем задние показаны как бы с разворотом крупа), опущенная вниз прямая морда и два рога с отростками. Рога наверху имеют развилку, прямые отростки направлены наружу и два отростка внутрь, где они перекрещиваются косым крестом. У некоторых оленей между рогами показан косой крест, который мог использоваться отдельно без фигуры животных и обозначать знак оленя, замещать его. Такие олени участвуют в композициях с другими животными: козлами, хищниками, а также охотниками. На плоскости они изображены вместе со схематичной личиной. Это послужило дополнительным основанием для датировки композиции эпохой бронзы.

В дальнейшем при обследовании рисунков в разных регионах отмечалось, что эта манера имеет довольно широкое распространение. Например, фигуры оленей с древовидными рогами, перекрещенными в середине встречаются на скалах Овюра, на горе Шолде-Тей и др.

Таким образом, «чыргакский» стиль – это передача изображений животных (в большинстве случаев оленей) в своеобразной изобразительной манере, которая стала известна на территории Тувы впервые в бассейне р. Чыргакы. Он соответствует силуэтной группе «варчинской» изобразительной традиции (по типологии И.В. Ковтуна), когда при общей схематичности абриса рисунок выполнен не прочерченными или выбитыми линиями, а геометризованным силуэтом с характерной выгнутостью спины и морды животного [Ковтун, 2001, с.73].

Изображения в «чайлагском» стиле

Стиль, в котором выполнены животные на памятнике Чайлаг-Хем назван нами «чайлагским», так как на других памятниках в Туве он не встречается. У

животных массивное туловище с гипертрофированно большим выпуклым животом (ладьевидная форма), прогнутая спина, подшейные складки, опущенная вниз слегка приостренная морда и очень большие ветвистые рога. Поскольку в наскальных рисунках перспектива не фиксируется, фигура показывается либо в профиль, либо анфас. Среди петроглифов Чайлаг-Хема встречается и смешанный вариант, когда тело животного изображено в профиль, а рога – анфас. Антропоморфные фигуры изображались анфас, реже в профиль, но использовался и «компромиссный» вариант: тело в профиль, ноги анфас.

На данном памятнике имеется большое количество многофигурных композиций, причем плоскости, на которых они изображены, имеют большие размеры [Килуновская, Чадамба, 2007, с. 17].

Нужно отметить, что для искусства поздней бронзы характерно наличие больших многофигурных композиций. Некоторые из них представляют собой большое скопление фигур животных, обычно шествующих друг за другом. Здесь же присутствуют охотники (герои), в сопровождении своих верных помощников, главным образом собак, стреляющие из луков, чаще всего в оленей. В этом движении участвуют колесницы, быки с «вьюками», лодки, птицы и другие самые различные персонажи.

Таким образом, наскальное искусство Тувы эпохи поздней бронзы отличается устойчивым набором сюжетов и образов, которые выполнены в различных изобразительных традициях. В сюжетном отношении наблюдается определенная стабильность: выделяются три основных блока, связанные с колесницей, животным и человеком.

Литература

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Баян-Чурека. – Алма-Аты: Гылым, 2008. – С. 127.

Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. – М.: Наука, 1991. –296 с.

Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 288 с.

Дэвлет М.А. «Каменный компас» в Саянском каньоне Енисея. – М.: Научный мир, 2004. – 86 с.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001.–183 с.

Килуновская М.Е., Чадамба Л.Д. Памятники наскального искусства Тувы // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. – С. 10 – 17.

Килуновская М.Е., Миклашевич Е,А., Попов В.А., Семенов Вл.А. Петроглифы на реке Чыргакы (Западная Тува)//Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. – Кемерово: Вып 1. 1998, с. 28, 29

Леонтьев Н.В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. – Абакан: Хакасское книжное изд-во, – 1980. – 65-84.

Семенов Вл. А. Древнейшая миграция индоевропейцев на восток (к столетию открытия тохарских рукописей) // ПАВ.– СПб.: ИИМК РАН, 1993. – С. 25-30.

А.Д. Цыбиктаров[54]

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ХЕРЕКСУРОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В статье представлена характеристика слабоизученного аспекта изучения культуры херексуров Центральной Азии – погребального обряда. По материалам раскопок 61 херексура с территории Монголии и Забайкалья подробно описываются погребальные (составные элементы насыпей, оград, конструкции внутри насыпей) и жертвенно-поминальные сооружения, сопровождающие эти памятники, положение, ориентация останков костяков, характер находок и другие черты обряда захоронения. Обосновывается связь херексуров-погребений с родоплеменной знатью.

Ключевые слова: Центральная Азия, бронзовый, ранний железный века, культура херексуров, погребальный обряд.

A.D. Tsibiktarov

FUNERAL RITE OF THE POPULATION OF KHIRIGSUURS CULTURE IN CENTRAL ASIA

This article is devoted to the characteristic of the funeral rite of Khirigsuurs culture which poorly investigated in science. The author is based on the 61 graves of excavation materials in Mongolia and Transbaikalia, described in detail funeral structures (constituent elements mounds, fences, constructions inside mounds) and altars that are located near. Also the author described the position and orientation of the skeleton, the nature of the burial items and other features of the funeral rite. In the article the author substantiates the connection between khirigsuurs-burials and tribal nobility.

Keywords: Central Asia, Bronze Age, Early Iron Age, Khirigsuurs culture, funeral rite.

Введение

Херексуры являются одним из наиболее распространенных археологических памятников бронзового и раннего железного веков Центральной Азии. Ареал их распространения охватывает горностепные области Монголии, Бурятии, Тувы, Юго-Восточного Алтая, а также прилегающие к Северо-западной Монголии районы Китая и Казахстана. Они стали известны науке еще со второй половины XIX в. Однако до сих пор в литературе практически нет подробной и обстоятельной характеристики этих памятников. Предпринятые попытки их описания все же нельзя считать исчерпывающими [см., Волков, 1967, С. 45-48; Худяков, 1987; Цыбиктаров, 1995; Савинов, 2002, С. 16-23]. Основная причина этого недостатка кроется в большой трудоемкости их раскопок при практически полном отсутствии в них вещественных находок. Данное обстоятельство вызвало, образно выражаясь, нигилистическое отношение к их раскопкам. Вместе с тем отсутствие находок в какой-то мере объясняет, вероятно, и слабую опубликованность информации вообще о раскопанных херексурах. На восполнение, в какой-то мере, этого пробела в области погребального обряда направлена настоящая

[54] ЦЫБИКТАРОВ Александр Дондопович – доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей и Отечественной истории Бурятского государственного университета. E-mail: a.d.tsibiktarov@gmail.com

работа, основанная как на опубликованных, так и архивных материалах о раскопках более 60 херексуров на территории Монголии и Забайкалья.

Прежде чем перейти к означенной теме, хотелось бы оговорить какие археологические памятники, автор понимает под названием «херексуры» и как он относится к вопросу об их назначении. Херексуры – это сложноорганизованные памятники, состоящие из каменной курганной насыпи, заключенной в ограду разных форм (в виде круга, квадрата, прямоугольника, трапеции), и поминально-жертвенных сооружений, расположенных вокруг ограды. Центральная насыпь может соединяться с оградой каменными вымостками, дорожками и т. д. По своему назначению херексуры были многофункциональны, являясь погребальными памятниками, жертвенно-поминальными комплексами и составными частями святилищ.

Характеристика погребального обряда

В 26 херексурах из 61 при раскопках были обнаружены останки умерших. При раскопках еще одного херексура (Жаргаланта, херексур № 3, Бурятия) человеческие кости были найдены в поддерновой супеси на уровне древнего горизонта рядом с насыпью. Вероятно, они были выброшены туда при осквернении, поскольку в самой погребальной камере останки человеческого скелета отсутствовали.

Для закладки могильников люди культуры херексуров выбирали места у основания южной экспозиции склонов гор или прилегающие к горам участки на ровной местности. Возможно, при этом выполнялись какие-то обрядовые действия, связанные с подготовкой места для совершения захоронения умершего человека. Очевидно, что они выполнялись до сооружения центральной насыпи херексура. На могильнике Улзыт III в Бурятии под насыпью было выявлено 2 пятна. В одном из них найдена кость животного. Эти пятна, скорее всего, являются следствием выполнения подобных действий.

Для совершения захоронения на уровне древней поверхности сооружалась валунная камера, циста, камера комбинированного типа или ящик. Умерших укладывали на уровне древнего горизонта. Только в 2 случаях внутри камер было установлено наличие углублений в 15-20 см. В 3 случаях погребения были совершены в неглубоких могильных ямах до 50 см – могильники Овоот, Харганаик-гол и Худжиртэ. В последнем случае стенки ямы были обложены плитами [Гохман, Влчек, 1991, С. 48]. Обычно хоронили на спине в вытянутом положении (10 случаев), реже на боку с подогнутыми ногами или скорченно (по 1 случаю). В 10 херексурах положение скелета не установлено вследствие крайне плохой сохранности костей и отсутствия многих из них на месте. Умерших укладывали, ориентируя головой на западный сектор: в 10 случаях на З, в 5 случаях – СЗ. Могильные ямы иногда были перекрыты плитами – на р. Харганаик-гол и на могильнике Овоот [Ефремов, 1958, С. 316; Елин и др., 1994, С. 22].

Внутри камер непосредственно со скелетами вещественные находки, как правило, отсутствуют. Из 26 случаев только в двух были зафиксированы находки

керамики: в Арцын-голе – фрагменты с бороздчатым орнаментом ближе к ногам скелета [Букинич, 1933-1934, Л. 147]; в Сухом ключе – «обгоревшие черепки глиняного сосуда» внутри, судя по описанию, каменного ящика [Талько-Грынцевич, 1896, С. 21]. Таким образом для погребального обряда населения культуры херексуров был характерен так называемый безинвентарный обряд захоронения, т. к. трудно предположить, чтобы грабители забрали даже фрагменты керамики из могил. Значит, согласно нормам погребального обряда у населения этой культуры существовали запреты относительно сопровождения умерших инвентарем, обычным в повседневной жизни: орудиями труда, оружием, конской сбруей, даже украшениями и предметами туалета, связанными с одеждой, обувью, головными уборами. Не полагалось класть и глиняной посуды, обычной в быту. Внутри погребальной камеры лишь по одному разу были обнаружены обломки костей барана и зубы лошади. Значит, с умершим не полагалось класть и куски мяса с костями.

Над погребальной камерой сооружали курганную насыпь. У 20 конструкций диаметр был от 6 до 14 м, а у 5 – около 3,5-4 м. Высота колебалась от 10-15 см до 2 м. В 15 случаях в насыпях херексуров были найдены кости домашних животных и в 4 – фрагменты керамики, скорее всего сохранившиеся от каких-то жертвоприношений.

Насыпь огораживали оградой. В херексурах с остатками захоронений круглые ограды зафиксированы 15 раз. Из них в 3 случаях насыпь соединялась с оградой каменной вымосткой-дорожкой (Цаган-Усун, № 1, Шара-хад, Булык), по 1 случаю – шестью радиально расположенными перемычками из одного ряда камней (Худжиртэ), тринадцатью радиально расположенными перемычками-вымостками из камней (Хар говь). В 1 случае по сторонам света по окружности были установлены четыре огромные вертикальные глыбы (Харганаик-гол). У 12 херексуров ограды были четырехугольные. Из них достоверно они в 4 случаях были квадратными, в 1 – прямоугольной. В остальных случаях указана просто четырехугольная форма ограды. По углам 6 оград имелись так называемые наугольники. У двух херексуров восточная сторона ограды соединялась с насыпью вымосткой-дорожкой (Сахюртэ-Алтачей; Арцын-гол, № 3). Таким образом некоторые индивидуальные особенности херексуров в виде вымосток-дорожек между насыпью и оградой и выделение сторон света у оград совпадают у херексуров с разными формами оград, в данном случае с четырехугольными и круглыми.

Вымостки-дорожки, скорее всего, обозначали вход в сакрализованное пространство внутри ограды и кольцевого обрамления будущей центральной насыпи. В таком случае следует допустить, что на протяжении какого-то времени погребальная камера могла быть открытой для доступа. Она закрывалась насыпью спустя какое-то время, на протяжении которого совершались различные обряды, связанные, вероятно, с подготовкой души умершего человека к пути в иной мир. С ними же можно связать различные поминально-жертвенные сооружения, рас-

полагающиеся вокруг ограды херексура. Они представлены семи-, восьми- и девятикаменными колечками диаметром обычно около 1,2-1,3 м и миниатюрными плоскими курганчиками-набросками диаметром 2,5-3 м. Внутри колечек встречаются кальцинированные кости, фрагменты керамики, оставшиеся после обрядовых действий. Под курганчиками чаще всего находятся черепа лошадей, обращенные мордами на В, копыта. Вероятнее всего туда помещали шкуру коня с головой и копытами, оставшиеся после жертвоприношения. Перечисленные находки свидетельствуют о совершении различных обрядовых действий, связанных, видимо, с поминовениями умерших и обращениями к их душам. Они сопровождались, по всей видимости, угощением мясом жертвенных лошадей душ умерших и собравшихся на поминки людей.

В херексурах имеются, как нам представляется, и условные могилы-кенотафы. Так, на могильнике Старая Капчеранка нами был раскопан херексур № 19, ограда которого была перекрыта кладками двух плиточных могил. Плиточники при сооружении своих могил использовали камни херексура в качестве строительного материала. Для этого они разобрали насыпь херексура, но не полностью, а сняли только почти весь верхний слой камней. После этого оголилась конструкция камеры внутри насыпи. Однако она была нетронута и осталась целой. Какие-либо следы захоронения в камере полностью отсутствовали. Возможно плиточники по каким-то признакам знали, что в данном херексуре было совершено условное захоронение и, оскверняя его, не стали проникать внутрь погребальной камеры.

Необходимо кратко остановимся на характерной особенности погребального обряда населения культуры херексуров – безинвентарности могил. Наличие безинвентарных захоронений нельзя объяснить низким социальным положением умершего в обществе, т. к. сооружение надмогильных кладок херексуров, представляющих сложные планиграфические комплексы, требовало усилий больших коллективов людей. Следовательно, в них были похоронены не рядовые члены общества. Значительные объемы трудовых затрат на их сооружение позволяют связывать их с представителями родоплеменной знати населения этой культуры. Использование безинвентарного обряда захоронения было обусловлено, видимо, какими-то идеологическими, мировоззренческими представлениями, пока еще не понятными для нас. Возможно, что они были связаны с изменениями, произошедшими в области хозяйственной, экономической жизни степного населения Центральной Азии. Однако, не исключено, что сопроводительный инвентарь изготавливался из органических материалов (дерева, кожи, шерсти), и поэтому не сохранился.

В целом распространение безинвентарных погребений охватывает территории различных культур от Южного Забайкалья и Восточной Монголии до Алтая. Это позволяет говорить о том, что они зафиксировали собой определенный этап в культурно-историческом развитии древнего населения этих районов. Территориально существование безинвентарного обряда захоронения совпадает с

Центральной Азией и прилегающими к ней с севера районами Саяно-Алтая. Скорее всего, это указывает на общность исторических судеб населения этих районов в эпоху бронзы и начальный период скифского времени.

Заключение

Выше были охарактеризованы основные особенности погребального обряда населения культуры херексуров по материалам раскопанных могильных объектов от Юго-Западного Забайкалья на востоке до Северо-Западной Монголии на западе. Их описание носит обобщенный характер. Однако данное культурное образование существовало на протяжении очень длительного периода времени, по мнению автора статьи от середины II тыс. до н.э. до раннескифского времени, второй четверти I тыс. до н.э. Поэтому на повестку дня ставится задача более детальной разработки рассматриваемого аспекта изучения культуры херексуров с целью выявления изменений в погребальном обряде его населения на протяжении времени существования данной культуры.

Литература

Букинич Д.Д. Общий отчет по археологическим работам 1933 и 1934 гг. // Архив ИА РАН. Ф – 12. № 152. Л. 129-161.

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. – 148 с.

Гохман И.И., Влчек Э.Э. Древнее погребение из Худжиртэ // Сборник МАЭ. Т. XLIV. – СПб.: Наука, Петербургское отделение, 1991. – С. 48-54.

Елин В.Н., Эрдэнэцогт Р., Батмунх Г., Баяраа Д. Раскопки на могильнике Овоот в Монголии // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское кн. изд-во, 1994. – С. 22-24.

Ефремов И.А. Дорога ветров. – М.: Трудрезервиздат, 1958. – 360 с.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной центральноазиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – С. 104-117.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 204 с.

Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Протокол № 8 ТКО ПО РГО. – М.: 1896. – С. 14-31.

Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, Сибир. отделение, 1987. – С. 136-162.

Цыбиктаров А.Д. Херексуры Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 38-47.

II. Эпоха Хунну, городские и поселенческие комплексы кочевников

Посвящается С.В. Данилову

С. А. Васютин[55]

ГОРОДА КОЧЕВНИКОВ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В статье рассматривается влияние урбанизации в степном ареале на социально-политические процессы в кочевых империях Центральной Азии V–IX вв. Проанализированы факторы, способствовавшие возникновению и развитию городов в центральноазиатском регионе в раннесредневековый период. Выявлена определенная взаимозависимость между заинтересованностью кочевых элит в развитии городской инфраструктуры и последующими изменениями в управленческой практике. Показаны конкретные примеры изменений в социальной структуре кочевых обществ в результате урбанизации.

Ключевые слова: Центральная Азия, раннее Средневековье, кочевые империи, урбанизация, социальные и политические трансформации.

S. A. Vasyutin

NOMADS TOWNS AS A FACTOR OF SOCIAL AND POLITICAL TRANSFORMATIONS

The article deals with the steppe urbanization impact on the social and political processes in the nomadic empires of Central Asia of V–IX centuries. The factors of emergence and development of towns in Central Asia in Early Middle Ages are analyzed. An interconnection between the nomadic elites' interest in urban infrastructure development and further changes in the governing practice is determined. The author gives some specific examples of changes in the nomadic societies' social structure due to the urbanization.

Key words: Central Asia, Early Middle Ages, nomadic empires, urbanization, social and political transformations.

Возникновение городов в монгольских степях – важное свидетельство больших адаптивных возможностей городской культуры и, одновременно, исторической востребованности процессов урбанизации там, где, казалось бы, сама природа предопределила альтернативные городским формам жизнеобеспечения способы существования человека. Тем не менее, крупные поселения и города получили распространение в степных империях Центральной Азии.

Стационарные поселения возникают уже в первой кочевой империи – державе Хунну. По ряду показателей (площадь, незначительный культурный слой, характер артефактов, редкая фиксация торгово-ремесленных комплексов) их в стро-

[55] ВАСЮТИН Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории цивилизации и социокультурных коммуникаций Кемеровского государственного университета. E-mail: vasutin2012@list.ru, vasutin@history.kemsu.ru.

гом смысле нельзя отнести к городам. Это скорее укрепленные поселенческие центры разного назначения. Известно, что в степи находилось много китайских мигрантов и пленных [Крадин, 2002, с. 168–171], которым приходилось адаптироваться в иных природных и социокультурных условиях. Следует также учесть существование в империи Хунну зависимого полуоседлого населения, особенно в северных владениях хунну. На сегодняшний день из всех известных исследователям поселений хуннского времени единственным комплексно изученным является Иволгинское городище [Давыдова, 1985; 1995; Данилов, 2002, с. 35–37; Крадин, 2002, с. 81–94]. Его материалы, наряду с данными Иволгинского некрополя, являются прямыми свидетельствами пребывания здесь выходцев из Китая [Давыдова 1985, с. 85–86; Крадин, 2002, с. 81–86]. Поэтому пребывание ханьцев на территории Монголии и Бурятии можно считать главным фактором появления поселений в империи Хунну. Они строили ставки, ритуально-религиозные и военно-административные центры по запросу хуннской элиты. К таким поселениям могли относиться Гуа дов, Тэрэлжийн Дэрвэлжин, Барс Хот II, Баян Ундэр, Ундэр дов и др. [Данилов, 2002, с. 37–38, 40–44, 45; Danilov 2011, p. 129–136]. Но конкретизировать данные предположения можно только путем дальнейшего исследования городищ хунну в Монголии.

Возникновение полноценных городов у кочевников относится к периоду раннего Средневековья. Именно эта эпоха ознаменовалась урбанизацией евразийских степей (Монголия, Южная Маньчжурия, Внутренняя Монголия, Тува, Семиречье, Южный Казахстан, Поволжье и др.). Отправной точкой для урбанизации в аридной зоне Евразии стало создание Тюркского каганата (Великого Тюркского каганата, 552–602), раскинувшегося от Маньчжурии до Северного Причерноморья. К 670-м годам под контролем тюрков оказались не только степи, но и часть оседлых общин в Средней Азии. Но главным их достижением стало вмешательство с помощью согдийцев в международную торговлю шелком и другими престижными товарами.

Следует согласиться с Н.Н. Крадиным [Крадин, 2011, с. 335] в том, что тюрки использовали потенциал «внешних» городов в Средней Азии и Восточном Туркестане. В этом смысле урбанизация в Тюркском каганате была весьма специфичной и проходила за пределами основных владений Ашина путем включения давно существовавших городских общин в имперское пространство. Однако, этими достижениями тюрки не ограничились. В 670-х годах при Тобо-хане (Таспаре, 572–581) тюрки стали получать регулярные дани из Китая: государства Северное Чжоу и Ци стали «опустошать свои сокровищницы» для платы» тюркам [Liu Mau-tsai, 1958, с. 43]. По мере возрастания объемов торговли и под влиянием военно-политической конъюнктуры (союз каганата с Византией) Шелковый путь превратился в целую сеть торговых маршрутов. Его северные «ветви» проходили по территории современного Казахстана, находившегося под властью тюркских каганов. Сеть торговых связей, созданная согдийцами и обеспечивавшаяся политически тюрками, стимулировала урбанизационные процессы и воз-

никновение городских центров в южных владениях каганата. Ключевое значение на данном направлении торговли приобрело Семиречье и соседние территории. Именно здесь в VI–VII вв. возникли десятки городов, торговых центров, укрепленных местечек [Байпаков, 1966, с. 4–5, 7–10, 17–18; Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 12; Петров, 1981, с. 5, 112–120; Горячева 1983, с. 68, 103 и др.].

За редким исключением, мы не знаем, какие конкретные формы управления использовали тюрки в контролируемых городах, какие фискальные изъятия они практиковали. Можно более или менее уверенно предполагать, что тюрки собирали дани, налоги и пошлины в оазисах-государствах Восточного Туркестана. Однако, китайские хроники содержат лишь косвенные указания на фискальную деятельность тюрков в этом регионе. Более конкретная информация имеется о набегах, в частности, о разгроме четырех городов в 590 г. [Бичурин, 1950, с. 254]. Возможно, правители городов поставляли тюркам в качестве даров продовольствие, товары и часть пошлинных доходов. Такие поступления в каганат обеспечивались политически с помощью династических браков (Гаочан) либо возможного присутствия в городах Восточного Туркестана тутуков [Бичурин 1950а: 254; Восточный Туркестан… 1988: 296]. Аналогичной могла быть политика каганата и в Средней Азии. Здесь представители тюркской знати в отдельных случаях могли даже возглавлять местные администрации.

Наиболее конкретная информация о тюркских поборах сохранилась в армянской «Истории агван»: «князь севера» «…отправил смотрителей за разного рода ремесленниками, имеющими познания в золотопромывании, добывании серебра, железа и выделке меди», брал «пошлины с товаров и ловцов на рыбных промыслах великих рек Куры и Аракса» и дидрахму по обыкновенной переписи царства персидского» [цит. по: Гумилев, 1967, с. 188]. Однако, в собственно степных владениях тюрков отношения между властной элитой и кочевниками практически не менялись. Здесь преобладали редистрибутивные формы (дарение правителю небольшого количества скота к праздникам и ритуально-религиозным церемониям, включая посмертные ритуалы), а также даннические отношения с зависимыми племенами. Попытка введения налогообложения была предпринята при Хели-кагане (Эль-каган, 620–630). Тули-хан – правитель восточных владений империи тюрков (земли киданей, мохэ и других племен) стал собирать «беззаконные подати», что вызвало выступление племен сеяньто, хи и си [Бичурин, 1950, с. 259]. Таким образом, попытка увеличить поборы способствовала росту социальной и этнополитической напряженности, восстанию подчиненных племен против тюрков, междоусобицам среди членов правящего клана и, в конечном итоге, падению Восточно-тюркского каганата.

Возвращаясь к вопросу о судьбах городов в Семиречье, следует отметить, что они переживает подъем в VIII в. при тюргешах. На территории Тюргешского каганата существовало несколько крупных городов – Суяб, Невакет, Актаг и др. В городах каганата чеканилась монета с согдийскими надписями и тюркскими

тамгами [Аитова, 2000, с. 129–130]. Наряду с этим пользовались и китайскими монетами, половина которых являлись местными подделками [Камышев, 2000, с. 131–137]. Все эти данные говорят о процветании торговли в Тюргешском каганате и широком использовании фискальных практик, формировании бюрократических и торговых элит.

По всей видимости, в первой трети VIII в. назрел вопрос о создании укрепленного города и в Монголии. Инициатива исходила от Бильге-кагана, который предложил возвести вокруг ставки стены (построить город?). Тюркского правителя отговорил Тоньюкук, мотивируя это тем, что при огромном численном превосходстве китайцев, тюрки могут противостоять им, так как «следуют за травой и водой», не имеют «постоянного местопребывания и упражняются только в военных делах» [Бичурин, 1950, с. 273]. Но само стремление кагана построить на месте ставки город говорит о заинтересованности части тюркской элиты (желание правителя не могло родиться на пустом месте) в городском центре. Можно предположить, что не обошлось без влияния согдийского и китайского населения в степи. Тем более, что в центре владений тюрков уже был своеобразный «образец» – ранний уйгурский город Тогу-балык [см. подробнее: Васютин, 2011].

Какие причины определяли возникновение степных городов? Вне всякого сомнения, это потребности кочевых элит в престижных товарах городского производства. Именно это обуславливало стремление кочевых империй к контролю городов, расположенных на торговых путях, военное давление кочевников на соседние оседло-земледельческие государства с целью регулярного получения товаров земледельцев в качестве даней, подарков, откупов и т. д. Альтернативным вариантом было строительство города в степи, но для этого нужны были благоприятные внешние и внутренние условия.

Оптимальное сочетание этих факторов наблюдается в период существования Уйгурского каганата. Прежде всего, следует назвать проявившиеся уже в первые два десятилетия военно-политического развития каганата стремление маркировать завоеванные территории постройкой ставок-крепостей. Так, по распоряжению Элетмиш Бильге-кагана был возведены ставки с крепостными стенами «в Касар Кордане» «на западной окраине Отюкена, в верховьях (реки) Тез» (750 г.), в «Касар Куруге» на реке Тез и, возможно, на востоке в Эльсере [Кляшторный, 2010, с. 41, 63, 88]. В Терхинской надписи сообщается о сооружении в 752 г. ставки «посередине Отюкена к западу от священной вершины Сюнгюз и Ханской Священной вершины, у слияния рек Ябаш и Тукуш» [Кляшторный, 2010, с. 41, 44, 63]. В С.Г. Кляшторный предполагает, что речь идет об Орду-балыке (Карабалгасуне, Хара-балгасуне) – столице каганата [Кляшторный, 2010, с. 45–46]. Однако памятник из Могойн Шине-Усу указывает, что строительство главной каганской ставки, где располагались «державный трон и государственная ставка» («государственный дворец»), было осуществлено позднее на месте слияния Орхона и Балыклыка [Кляшторный, 2010, с. 65]. Поэтому, вероятнее всего, речь

идет о разных ставках-крепостях. Более ранняя находилась в центре Отюкена (бассейн р. Тола), где Элетмиш и Эльбильге были провозглашены каганом и катун [Кляшторный, 2010, с. 44], а имперская («государственная») ставка (будущий столичный город), была возведена на Орхоне.

Вторым важным фактором было наличие в степи согдийского и китайского населения. Контакты согдийцев и уйгуров были налажены еще в тюркскую эпоху. Влияние Китая на степные традиции и периодическое проживание на территории кочевых империй мигрантов и пленников из Поднебесной так же хорошо известны. Во второй половине 750-х гг. приток в каганат китайцев и согдийцев увеличился. В годы восстания Ань Лушаня к уйгурам из Китая сначала бежали сторонники Тан, включая членов императорской семьи [Кляшторный, 2010, с. 65–66, 75–76], а затем и часть разгромленных с помощью уйгуров мятежников. Не менее интенсивными были миграции согдийцев-манихеев из Средней Азии и Восточного Туркестана из-за преследования их мусульманами, а также перемещения в Уйгурию с торговыми целями персов и арабов. О значительности некочевого населения на территории Уйгурского каганата свидетельствует и факт назначения специальных должностных лиц (Билиге-сенгуна и Озыл Онг-иркина) для руководства согдийскими и китайскими общинами [Кляшторный, 2010, с. 43]. Поэтому недостатка в специалистах, способных осуществить строительство городских стен уйгуры не испытывали. В надписи из Могойн Шине-Усу прямо указано, что Элетмиш Бильге-каган «приказал» согдийским и китайским мастерам «построить на Селенге город Бейбалык [Кляшторный, 2010, с. 66].

Нельзя не учитывать, что перед уйгурами стояла важная задача сохранения контроля над завоеванными племенами и народами, а так же регулярно возникала необходимость отбивать нападения наиболее настойчивых противников (кыргызов, карлуков, тибетцев). Это требовало возведения крепостей и оборонительных рубежей. В этом случае уйгурские правители с лихвой воспользовались ресурсами оседлого населения каганата. Только в Туве было построено несколько крупных крепостей (1-е и 2-ое Шагонарские городища, Бажын-Алак, Пор-Бажин) и около десяти укрепленных городищ [Кызласов, 1959; Данилов, 2004, с. 60–61, 63–64].

Еще одним ключевым фактором было влияние экономики Арабского халифата, переживавшего стремительный подъем в VIII–IX вв., и оживленной торговли по Шелковому пути. Для развития городов Уйгурского каганата большое значение имел захват Тибетом в 60–90-х гг. VIII в. всего «центрального участка Великого шелкового пути от Ичжоу до Ганьсуского коридора» [Лубо-Лесниченко, 1988, с. 380]. Торговые пути стали проходить через территорию Монголии, способствуя процветанию городов и торговли. На основании археологических изысканий мы можем говорить, что в монгольских степях в конце VIII – начале IX в. возникли городские центры, известные нам как городища уйгурского времени Чилим балгас, Хэрмэн дэнж, Цаган Сумийн балгас, Тойтен-Толгой, Тайджин-

Чуло и др. [Киселев, 1957, с. 95; Худяков, 1990, с. 85–86; Данилов, 2004, с. 58–59; Крадин, 2008, с. 333; 2011, с. 336 и др.].

Расцвел Орду-балык (Хар-балгас) – главный военно-административный и торговый центр каганата. По описанию Тамим ибн Бахра, Орду-балык был «большим и богатым городом, вокруг которого располагались бесконечным рядом деревни… здесь много народу, толкотни, рынков, товаров» [Асадов, 1993, с. 45, 46]. Именно Орду-балык наглядно демонстрирует изменение образа жизни кочевой знати, среди горожан преобладали тюрки-манихеи [Асадов, 1993, с. 45]. В городе и за его пределами размещались представители кочевой элиты. Тамим ибн Бахр указывает, что рядом с городом располагались шатры кагана и 17 верховных военачальников, а так же около 20 тысяч воинов (гвардия?) [Асадов, 1993, с. 46]. Столица так же служила объектом репрезентации власти кагана. Тамим ибн Бахр сообщал, что золотой шатер кагана, установленный на цитадели, был виден за 5 фарсахов (примерно 27,5 км). Шатер (юрта) вмещал 100 человек и был местом праздников и церемоний.

Слова Тамим ибн Бахра подтверждаются исследованиями городища Орду-балык и его окрестностей. Вокруг крепости с цитаделью и сторожевой башней фиксируются многочисленные усадьбы, деревенские поселения, торгово-ремесленные пригороды, поля, ирригационные каналы. Общая площадь всего комплекса составляет 25 км^2 [Киселев, 1957, с. 93–95; Пэрлээ, 1961, с. 49–50; Данилов, 2004, с. 57–58; Hüttel, Erdenebat, 2009, с. 4–7, 17–21, 35 abb. 32; Крадин, 2011, с. 336 и мн. др.].

И, наконец, глубокие перемены принесло принятие уйгурской элитой манихейской религии. Манихейство, носителями которого изначально были согдийские мигранты, сделало более предпочтительными занятие торговлей и ремеслом, создавая социокультурный фон (например, получение образования, престижность городской жизни и т. д.) для развития в степи оседло-земледельческой экономики. Тамим им Бахр сообщал, что многочисленные деревни и города Уйгурии были населены манихеями [Асадов, 1993, с. 45, 46].

Специфику Уйгурского каганата и его отличия от предшествующих кочевых империй Центральной Азии в связи с градостроительством отмечали Л.Р. Кызласов [1959; 1979, с. 145 и др.], А.К. Камалов [2001, с. 7], С.В. Данилов [2004, с. 56; 2005, с. 109, 110, 111], Н. Широиси [2008, с. 247–248], Н.Н. Крадин [2008, с. 333–334; 2011, с. 335–336] и мн. др. Однако, масштаб и историческое значение возникшей в Уйгурской империи сети городов, поселений и военных крепостей, на взгляд автора этих строк, еще не получили соответствующей всесторонней оценки (одна из таких попыток принадлежит Ю.И. Дробышеву [2009; 2014, с. 357–369]) . Во многом это связано с тем, что, несмотря на широко известные исследования памятников уйгурского времени в 2000-е гг., речь идет пока об этапе накопления данных. Общая картина далека от ясности.

При этом очевидно, что столь мощный рост городской инфраструктуры не мог не затронуть социальную систему и институты управления каганата. Трансфор-

мация социальной организации каганата в связи с развитием городов привела к появлению в степи страт, не характерных для традиционных обществ: горожан (крупных, средних и мелких торговцев, ремесленников), священников-манихеев, городских чиновников, крестьян из предместий, снабжавших жителей города продовольствием. Города оказались привлекательными для уйгурских правителей, их окружения, представителей кочевой знати. Мы можем предполагать, что уйгуры усвоили многие государственные практики согдийцев и китайцев, ввели торговые пошлины и различные налоги для городского населения.

В итоге можно говорить об определенной этапности возникновения городов на степных просторах Центральной Азии. В качестве предварительного этапа выступает строительство поселений с валами в империи Хунну. В отношении раннесредневекового периода можно наметить три этапа, связанных с процессами урбанизации:

1) установление тюрками контроля над существующими городскими центрами, расположенными на торговых путях (середина VI – начало VII в.);

2) развитие городской инфраструктуры во владениях тюрков, примыкающей к магистральным маршрутам Шелкового пути, а так же на территориях каганата, через которые проходили северные ответвления этой евразийской торговой сети (Семиречье; VII – середина VIII в.);

3) развитие градостроительства в степи (вторая половина VIII – первая треть IX в.).

В дальнейшем в более сложных номадно-оседлых обществах Ляо и Монгольской империи города стали неотъемлемой частью жизни кочевых элит, торговцев, городских чиновников и других социальных групп.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки России № 33.1175.2014К.

Литература

Аитова С.М. Статистический анализ находок древнетюркских монет в Семиречье и Отрарском оазисе // Известия Министерства образования и науки республики Казахстан, Национальной Академии наук республики Казахстана. Серия общественные науки. – 2000. – № 1. – С. 125–130.

Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. – Баку: Элм, 1993. – 204 с.

Байпаков К.М. Средневековые города и поселения Семиречья (VII–XII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1966. – 21 с.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. – 390 с.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. I. – 380 с.

Васютин С.А. Киданьское городище Хэрмэн Дэнж и Тогу-Балык кошо-цайдамских надписей: к вопросу о происхождении и этнокультурной принадлежности города начала VIII в. на р. Толе // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2011. – № 4. – С. 63–71.

Горячева О.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан). – Фрунзе: Илим, 1983. – 144 с.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. – 504 с.

Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 202 с.

Данилова С.В. Строительные традиции кочевников Центральной Азии // Россия и АТР. – 2005. – № 2. – С. 108–114.

Дробышев Ю.И. Уйгурский каганат – нетипичная кочевая империя // Восток (Oriens). – 2009. – № 3. – С. 17–26.

Дробышев Ю.И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н. э. – XVI в. н. э.). – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 608 с.

Камалов А.К. Древние уйгуры VIII–IX вв. – Алматы: Наш мир, 2001. – 216 с.

Камышев А.М. Местные подражания китайским монетам // Известия Министерства образования и науки республики Казахстан, Национальной Академии наук республики Казахстана. Серия общественные науки. – 2000. – № 1. – С. 131–137.

Киселев С.В. Древние города Монголии // Советская археология. – 1957. – № 2. – С. 91–101.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. Изд. 2-е. – М.: Логос, 2002. – 312 с.

Крадин Н.Н. Урбанизационные процессы в кочевых империях монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – Кн. 3. – С. 330–346.

Крадин Н.Н. Города в средневековых кочевых империях монгольских степей // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. – М.: Наука, 2011. – Вып. 72 (1–2). – С. 330–352.

Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы // Советская археология. – 1959. – № 3. – С. 66–80.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 211 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: очерки истории. – М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1988. – С. 352–391.

Петров К.И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI – начала XIII вв. – Фрунзе: Илим, 1981. – 233 с.

Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт, дундад уеийн хот суурины товчон. – Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн хэрэг хрхлэх хороо, 1961. – 127 с.

Худяков Ю.С. Памятники уйгурской культуры в Монголии // Центральная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 84–89.

Широиси Н. Этапы кочевых государств монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – Кн. 3. – С. 239–251.

Danilov S.V. Typology of Ancient Settlement Complexes of the Xiongnu in Mongolia and Transbaikalia // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. – Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. – P. 129–136.

Hüttel H.-G., Erdenebat U. Karabalgasun und Karakorum – zwei spätnomadische Stadtsiedlungen im Orchon-Tal. – Улаанбаатор: Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн, 2009. – 57 s.

Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). B. I. Texte. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. – 484 s.

Е.И. Гельман[56]

БОХАЙСКИЕ ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

В статье представлены основные итоги изучения жилищ и хозяйственных построек, раскопанных на бохайских городищах и поселениях, обнаруженных на территории Российского Дальнего Востока. С учетом новых данных, полученных в последние десятилетия на раскопках государства Бохай (698-926 гг.), прослежена эволюция жилищ, рассмотрены их основные типы и конструктивные особенности, отопительные системы, ориентировка. Затронут вопрос происхождения бохайского кана. Охарактеризованы разновидности объектов и построек хозяйственного назначения внутри жилищ и дворов, включая хранилищные ямы, погреба и колодцы. Намечены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: археология государства Бохай, Приморский край, городища, поселения, жилища, отопительные системы, хозяйственные постройки.

[56] ГЕЛЬМАН Евгения Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; доцент кафедры всеобщей истории, археологии и этнографии Дальневосточного федерального университета. E-mail: gelman59@mail.ru

E.I. Gelman

THE BOHAI DWELLINGS AND HOUSEHOLD CONSTRUCTIONS

The paper presents the main results of the study dwellings and outhouse buildings, excavated in the Bohai walled towns and settlements found in the Russian Far East. The new data were obtained in the last decade on the excavation of the Bohai State (698-926 years.). There were traced evolution of dwellings, considered their basic types and construction features, heating systems, orientation. The origin of Bohai khan heating system touched upon. The main kinds of objects and buildings for household purposes in dwellings and yard constructions were characterized, including storage-pits, cellars and wells. The perspectives for further research were outlined.

Key words: Archaeology of the Bohai state, Maritime province, walled town, settlements, dwellings, heating systems, household constructions.

Введение

Будучи жизненно необходимой частью материальной культуры, жилища и хозяйственные постройки всегда находились в центре внимания археологов и этнографов [Токарев 1970; Типы традиционного 1979; Крюков 1983; Очерки культурогенеза 1994]. Зависимость этих объектов от природных условий, хозяйственной специализации, этнических традиций, социальных отношений определяют основные направления их изучения. На разнообразных археологических материалах можно выявить корреляционную связь между формой жилища и географической широтой, между площадью жилища и типом социального организма, а также между размерами жилищ и поселений, с одной стороны, и продуктивностью их зоны хозяйственного использования с другой [Вострецов, 1987]. В данной статье предпринята попытка обобщить имеющиеся к настоящему моменту археологические источники, пригодные для всестороннего изучения бохайских жилищ.

Жилища бохайской культуры изучены недостаточно, поскольку на большинстве бохайских памятников они вообще не раскапывались, а на некоторых из них исследованы в единичных случаях (Константиновское-1 и Корсаковском селищах, Новогордеевское, Николаевское-I, Марьяновское, Стародеченское городища и др.) [Шавкунов, 1994-а, с. 73-80]. На Николаевском-II городище отчетливо прослежено около десятка жилищ из двух строительных горизонтов, а на городищах Краскинском и Горбатка, где установлено наличие пяти строительных горизонтов, полностью или частично раскопаны разной степени сохранности 23 и 13 жилищ соответственно. На Ауровском городище, существовавшем в конце эпохи Бохая – в постбохайское время, раскопаны 7 жилищ [Шавкунов, Гельман, 2002]. В результате получена информация о типах бохайских жилищ, их размерах и форме, ориентировке в пространтстве, их конструктивных особенностях и отопительных системах, хозяйственных объектах в жилищах и межжилищном пространстве.

Жилища

К настоящему моменту известны два типа жилищ: полуземлянки с очагом и наземные, слегка заглубленные с кановой отопительной системой (рис. 1-3). В обоих случаях они имеют прямоугольную форму, редко – квадратную, углы чаще всего округлые. Только на Константиновском-1 селище найдена полуземлянка до 1 м глубиной с каном [Болдин и др., 1990].

Ориентировка жилищ независимо от их типа бывает различной даже на одном памятнике, с определенно выраженными предпочтениями в пользу одного-двух направлений. Так, например, на Краскинском городище чаще всего жилища ориентированы по линии северо-восток – юго-запад, реже встречается ориентировка по линии северо-запад – юго-восток, север-юг, запад-восток. На городище Горбатка жилища сооружались с преимущественной ориентировкой по линии северо-запад – юго-восток и запад-восток.

Полуземлянки. Глубина котлованов полуземлянок различается от памятника к памятнику и достигала 0,4-1,35 м, чаще всего пол углублялся до 0,5-0,6 м. Их площадь достигала 16-20 м^2. В некоторых случаях (на городище Горбатка) определена толщина стен, достигавшая в среднем 0,2-0,35 м. Большинство жилищ этого типа имело обычный вход в виде проема в стене жилища, иногда он смещен в сторону от центра [Гельман, 2002]. На Николаевском-II городище найдены полуземлянки с тамбуром перед входом, улучшавшим теплоизоляцию жилищ [Государство Бохай, 1994, с. 75].

В большинстве случаев в полуземлянках найдены очаги, чаще всего они имели овальную форму, их максимальный диаметр достигал 1,6 м, а глубина – 0,2-0,4 м. Они могли располагаться как ближе к выходу, так и у противоположной стены от входа. Последний вариант встречен на городище Горбатка, где к тому же напротив очага в двух жилищах обнаружены земляные нары, вырубленные в материковой глине одновременно с котлованами. Часть очагов имела каменную обкладку, возле них нередко встречались крупные камни, использовавшиеся в качестве наковаленки, точила и др.

В некоторых полуземлянках найдены столбовые ямки, которые располагались в основном по периметру жилища, реже в центральной части. Однако, полученных данных пока не достаточно для надежной реконструкции полуземлянок. Причиной гибели части бохайских жилищ были пожар и наводнения, почти все полуземлянки после разрушения использованы в качестве мусорных ям.

Наземные жилища. Жилища этого типа обычно немного заглублены на 0,2-0,3 м. Их площадь составляет 15-57 м^2, но чаще в среднем не превышала 20-30 м^2. Для основания стен нередко использовался камень, который укладывался в 1-3 слоя и обмазывался глиной. Общая ширина основания не превышала 0,25-0,35 м.

Вход в наземных жилищах был устроен также, как и в полуземлянках. В одном из жилищ верхнего горизонта Краскинского городища была обнаружена пристройка, имевшая каменное основание. Она могла использоваться или как тамбур, или как открытая веранда под крышей перед входом в жилище.

Все наземные жилища имели отопительную систему типа кан, часто плохой сохранности. В большинстве случаев использовались двухканальные каны, преимущественно П-образной формы в плане. На Ауровском городище в жилищах найдены Г-образные каны [Шавкунов, Гельман, 2002]. При их сооружении использованы крупные каменные плиты. У многих жилищ была прослежена труба диаметром до 50 см, круглая в плане и каменным основанием. Такой же Г-образный кан обнаружен на Константиновском-1 селище в жилище площадью почти 49 м^2, и это единственное пока жилище с каном, устроенное в котловане глубиной до 1 м [Болдин и др., 1990]. В этом жилище сохранилось также основание вытяжной трубы квадратной формы, сложенное из каменных плит. Крыша жилища была покрыта черепицей, на которой в некоторых случаях отмечен сетчатый рисунок-штамп от колотушки на выпуклой стороне нижней черепицы.

При сооружении дымоходных каналов кана их стенками являлись врытые вертикально каменные плиты или крупные плоские гальки, перекрытые сверху другими подходящими камнями. Реже стенки каналов сооружались из глины, в сочетании с камнем (городище Горбатка), и пока в единственном случае были вырыты в полу жилища (поселение Чернятино-2), но также перекрывались сверху камнем [Гельман, 2002; Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2008, с. 311]. Таким образом, дымоходные каналы кана имели в сечении П-образную форму. Вся конструкция обмазывалась слоем глины. На городище Горбатка в одном из жилищ обнаружены следы деревянного каркаса, использовавшегося при сооружении кана, а также остатки трубы диаметром 0,5 м с каменным основанием.

Длина секций канов зависела от размеров жилищ, ширина секций чаще всего превышала один метр. Ширина дымоходных каналов в среднем составляла 22-30 см. Каны обычно имели два очага, реже три, диаметры очагов различны – от 0,55 до 1,4 м в диаметре, глубина – 0,25-0,5 м. Столбовые ямы прослежены в отдельных случаях, но позволяют предполагать, что жилища имели каркасно-столбовую конструкцию.

Большинство полуземлянок соотносятся с ранними отложениями на бохайских памятниках. На Николаевском-I, II, Марьяновском, Стародеченском городищах, где пока выявлены только два горизонта обитания, полуземлянки относятся к нижнему горизонту. На Краскинском городище полуземлянки обнаружены в нижнем, пятом, и третьем горизонтах, а на городище Горбатка из пяти строительных горизонтов – только в нижнем. Таким образом, полуземлянки с очагами маркируют ранний этап заселения бохайских памятников на территории Приморья, а наземные жилища с канами – более поздний и наиболее продолжительный.

Таким образом, на территории Приморья на всем протяжении существования Бохая, а также в постбохайский период, использовался способ сооружения дымоходных каналов кана, который восходит к более ранней традиции. Каны такого же типа – с использованием вертикально поставленных каменных плит (одноканальные П-образные, Г-образные, I-образные), существовали в кроунов-

ской археологической культуре раннего железного века на позднем этапе (поселение Кроуновка-1, Корсаковское-2, Киевка и др.) [Вострецов, Жущиховская, 1990], а затем в ольгинско-польцевской культуре – Г-образные в плане, одно- и двухканальные (Новогордеевское городище, Новогордеевское селище, Ауровское городище, Рудановское городище) [Болдин, Ивлиев 2002; Гельман 2002; Шавкунов, Гельман 2002]. Вместе с тем, мохэские жилища с канами на территории Приморья пока не известны. Поэтому нельзя исключать, что кан такого типа мог быть привнесен в бохайскую культуру одновременно разными группами населения, в том числе и непосредственно когурёсцами, которые также сооружали каналы из вретикально поставленных каменных плит. Согласно летописным источникам мохэ имели длительные контакты с когурёсцами, а кроме того, часть когурёсцев вошла в состав государства Бохай. Таким образом, наличие в бохайских жилищах кана с дымоходами, П-образными в сечении, является результатом сложных многокультурных процессов.

Хозяйственные сооружения

Самыми распространенными хозяйственными сооружениями на бохайских памятниках являются *ямы*. Они, судя по их заполнению, были многофункциональны, но чаще всего использовались как хранилищные ямы для продуктов и строительных материалов (хозяйственные) и как мусорные ямы. Например, на Краскинском городище над некоторыми хозяйственными ямами сооружались навесы, а сами они обмазывались толстым слоем глины. На городище Горбатка под навесами находились несколько хозяйственных ям и открытый очаг, там же найдено сооружение на сваях с галечным основанием под столбы (периметр 1,7 × 2 м), предположительно остатки амбара, так как в его границах было собрано большое количество обугленных зерновок проса.

На трех памятниках были обнаружены погреба, которые различались по размерам. На городище Горбатка погреб был округлый в плане, диаметром около 1,5 и более 1 м глубиной [Гельман, 2002]. Его стенки были обложены большими фрагментами разбитой корчаги и чугунного котла, на дне найдены остатки сосуда с отваренными наземными улитками. Остатки четырех погребов с каменными основаниями стен изучены на поселении Чернятино-2, размеры самого позднего из них составили около 5 м^2 [Никитин, Чжун Сун-Бэ, 2010, с. 52-53]. После длительного использования по прямому назначению, котлованы погребов становились мусорными ямами, а каменная кладка разбиралась для сооружения других построек.

Колодцы. К настоящему времени известно три бохайских колодца: один из них раскопан в Верхней столице Бохая [Тю Ён Хон, 1979, с. 66-67], другой на Краскинском городище и третий – на городище Горбатка. Колодец Краскинского городища был построен на территории храмового комплекса и существовал длительное время, имел общую глубину около 3 метров [Гельман и др., 2000]. Шахта колодца имеет круглую в плане форму вверху и квадратную форму внизу. Диаметр верхней части на разном уровне составлял 70-115 см, а длина одной

стороны квадрата 115 см. Углы колодца были ориентированы почти по сторонам света. Он был построен вблизи черепичных печей и, видимо, предназначался, в первую очередь для нужд черепичного производства. Колодец сооружался из камня вперемешку со старой и бракованной черепицей, только внутреннее кольцо колодца, а также кладка нижней квадратной шахты были сложены целиком из камня. Колодец возводился на деревянном срубе из 2-х венцов плах и брусьев (2 ряда) толщиной 14-15 см. Дно было выложено каменной галькой средних и мелких размеров, под которой располагался фильтр оригинальной конструкции. Он состоял из слоя песка, который находился между двумя плетнями – сплетенными из тонких ивовых прутьев, закрепленных на дубовом каркасе. Все деревянные конструкции колодца сохранились в естественном виде. Колодец был заброшен в последний период существования городища и завален камнями, ветками деревьев, в том числе фруктовых, керамическими сосудами и черепицей. В заполнении ямы, вырытой для колодца найдена голова миниатюрного керамического изображения дракона.

Другой колодец раскопан на городище Горбатка [Гельман 2005-а, с. 290-291]. Общая глубина колодца также составила около 3 метров. Колодец сооружен целиком из камня. Шахта колодца также имеет вверху круглую в плане форму, диаметром около 90 см, но с квадратным отверстием. Нижняя часть шахты колодца имеет форму близкую к квадрату, размером 94 × 98 см. Углы нижней части шахты колодца также ориентированы по сторонам света. Ниже каменной кладки до естественного галечного дна шел слой глины и плотный ожелезнённый песок. На высоту этих слоев, т. е. 60-80 см стенки колодца были обшиты деревом – досками шириной около 15-20 см и толщиной 3-5 см, т.е. в 4 ряда. Они большей частью обгорели, видимо, в период почти полного пересыхания колодца. Часть досок сохранилась в истлевшем виде. В заполнении колодца были найдены кости животных, включая челюсть лошади, клыки дикого кабана, а также фрагменты керамических сосудов. В заполнении ямы, в которой был сооружен колодец, обнаружена чугунная чашка-утюжок, аналогичная той, что была найдена на Краскинском городище.

В целом описанные колодцы близки когурёскому колодцу, раскопанному в Пхеньяне [Кан Тхэ Он, 1986: 38-39]. Он найден и раскопан в трех километрах к югу от Тэсонанской стены, в квартале Коса. Глубина когурёского колодца была 9 метров. Он также имеет деревянный сруб внизу, каменную кладку шахты, круглое сечение в верхней части, восьмиугольное в средней и квадратное в нижней части колодца. Диаметр шахты в нижней части колодца составил 115 см, в средней части – 120 см и 105 см в верхней части. Деревянный сруб (квадратной формы) сложен из бревен диаметром 15 см, длиной больше метра. В когурёском колодце, также как и в колодце из Краскино были обнаружены остатки керамических сосудов (более 30 экземпляров), обломки черепицы, а кроме того, кирпичи и железные и бронзовые изделия. Среди найденных экофактов из колодца – раковины моллюсков, кости и рога оленя, персиковые косточки.

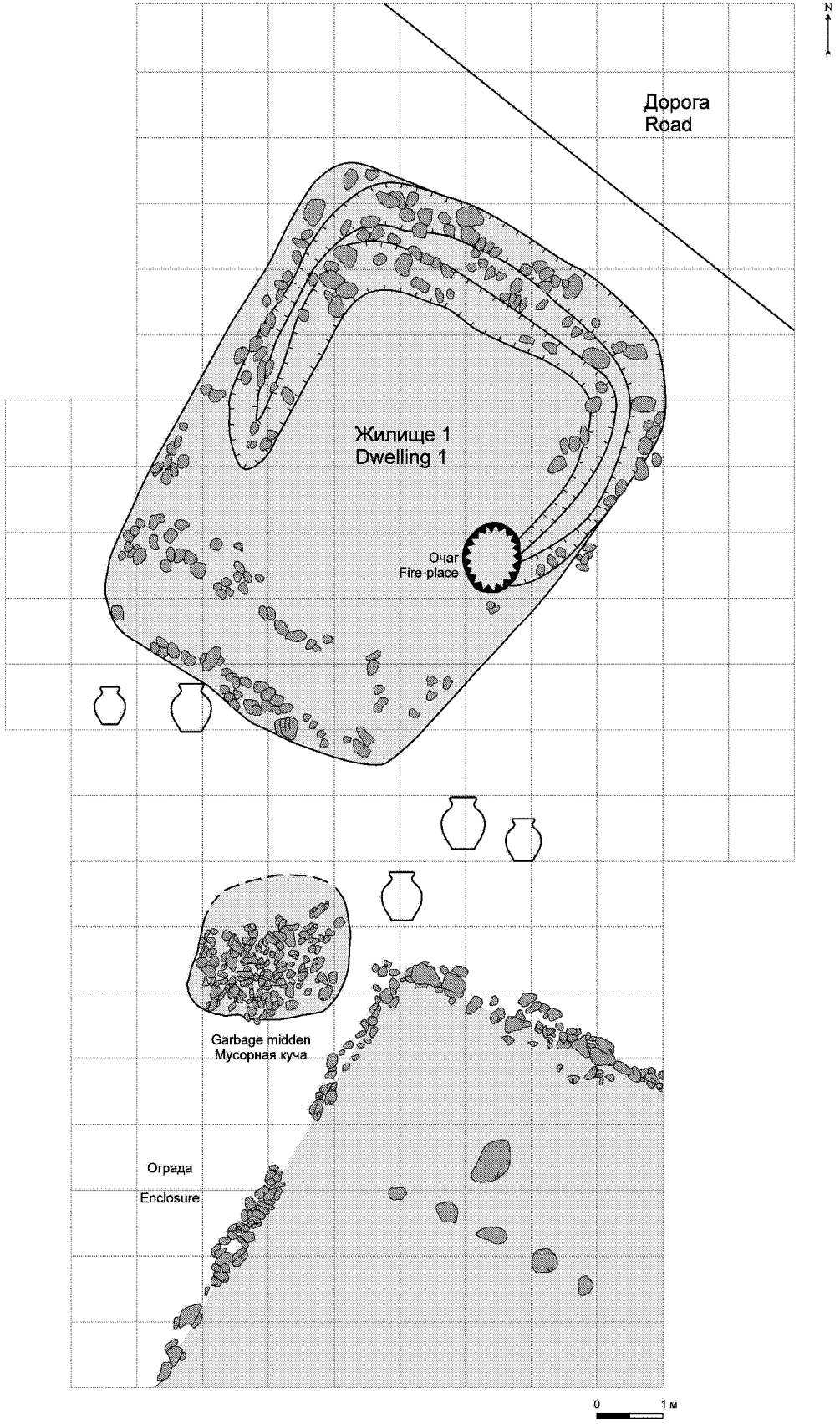

Рис. 1. Жилище с каном и постройка с каменным фундаментом из верхнего строительного горизонта Краскинского городища

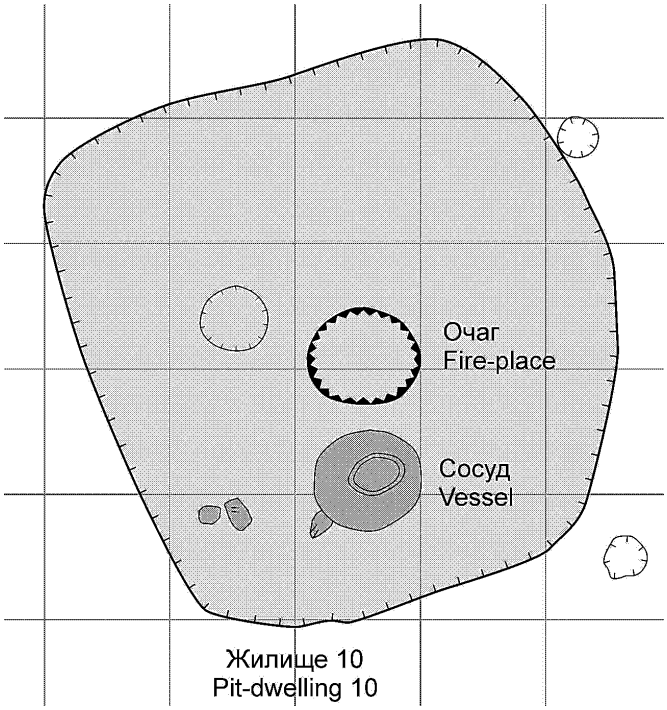

Рис. 2. Полуземлянка с очагом из нижнего строительного горизонта Краскинского городища

Рассмотренные когурёский и бохайские колодцы имеют целый ряд общих черт. Среди них выделяются такие конструктивные особенности, как сочетание круглого сечения шахты колодцев в верхней части и квадратного сечения в нижней части. Общим для бохайских и когурёского колодца можно назвать использование строительных материалов двух типов – камня для шахты и дерева для ее основания. Можно отметить близкие значения основных размеров конструкций: длина стороны квадратной части шахты и Краскинском и в когурёском колодцах равны 115 см. Почти совпадает толщина бревен (15 см) из когурёского колодца с толщиной плах и брусьев (14-15 см) из Краскинского колодца и шириной досок (15-20 см) из колодца городища Горбатка. Вместе с тем использование когурёских традиций в строительстве колодцев в Бохае нельзя назвать простым копированием, так как бохайские строители творчески применяли свои знания на практике. Для строительства Краскинского колодца кроме камня и дерева была использована старая и бракованная черепица. Для колодца из Горбатки, учитывая местные геологические условия, были использованы доски для обшивки стен в нижней части шахты. Размеры шахты этого колодца, построенного на последнем этапе существования памятника, несколько меньше, чем Краскинского. Возможно, изменения некоторых стандартов в отдельных областях знаний стали результатом общих временных изменений в культуре Бохая.

Заключение

Предварительные исследования полученных к настоящему моменту археологических данных о бохайских жилищах, позволили выяснить, что раскопаны около 50 объектов разной степени сохранности. Известны два типа жилищ – полуземлянки и наземные, которым соответствуют разные системы отопления. Полуземлянки с очагами соответствуют нижним строительным горизонтам на памятниках, где выявлены несколько уровней застройки (городища Горбатка и Краскинское). В верхних горизонтах абсолютно преобладают наземные жилища с каном. Размеры жилищ изменялись во времени, самые большие соответствуют верхним горизонтам. Каны в бохайских жилищах – в подавляющем большинстве случаев двухканальные, П-образные, реже Г-образные. Им соответствуют два, реже три

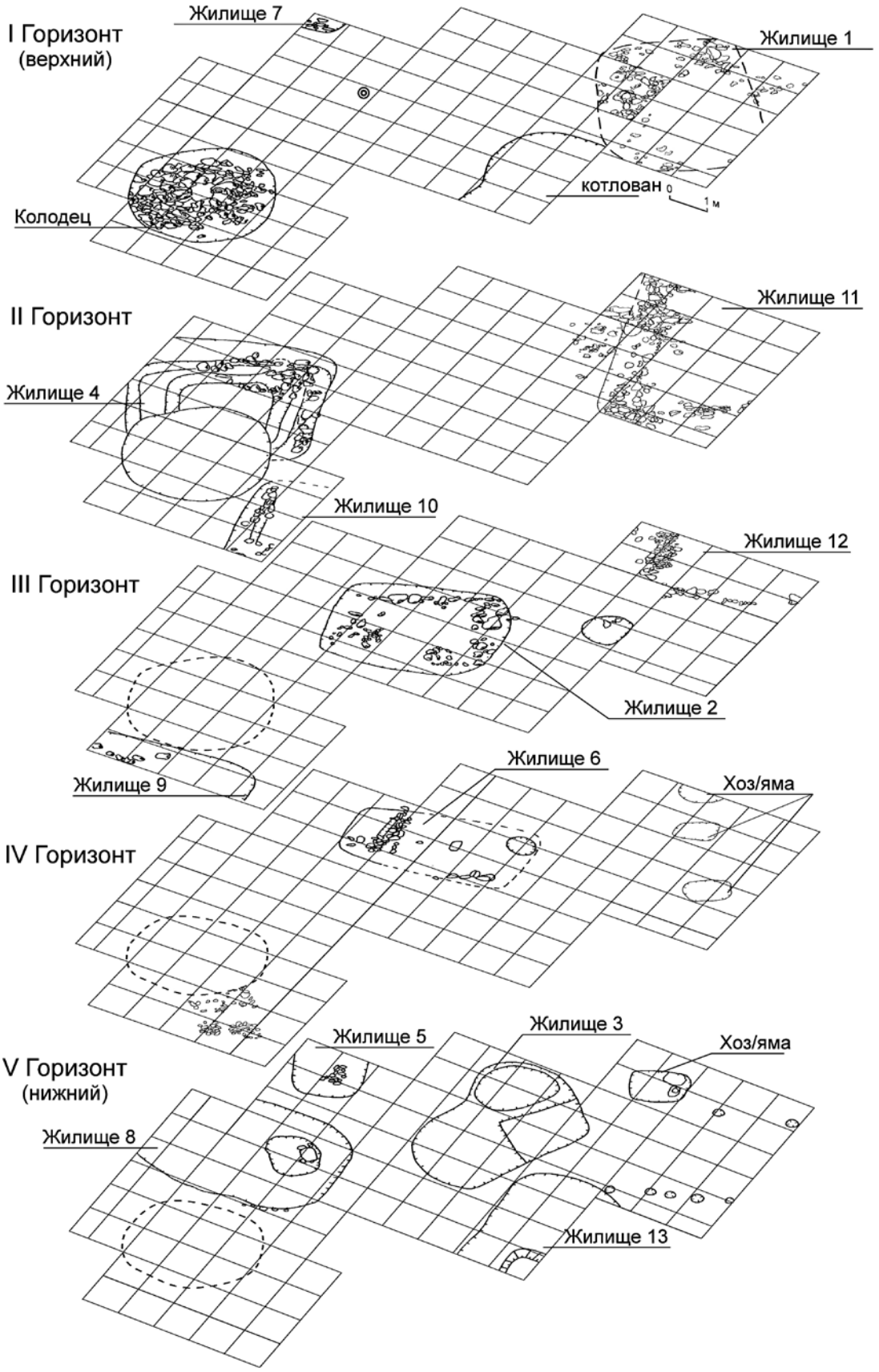

Рис. 3. Жилища и хозяйственные постройки из пяти строительных горизонтов городища Горбатка

очага, некоторые из них были полузакрытого типа. Дымоходные каналы устроены из вертикально вкопанных галек или каменных плит, П-образные в сечении.

Хозяйственная деятельность была сосредоточена как в жилищах, так и вокруг них. На разных памятниках удалось выявить разные типы хозяйственных сооружений – от ям-хранилищ разного назначения, в том числе погребов, до наземных зданий с каменным фундаментом и свайных построек. Особое место среди них занимают колодцы, обеспечивавшие водоснабжение городского населения. В целом рассмотренные археологические материалы могут быть пригодны для следующего этапа в изучении бохайских жилищ и хозяйственных объектов. Наиболее перспективным представляется демографическая оценка жилищ и некоторых поселений, а также анализ хозяйственной активности домохозяйств.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

Литература

Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Хорев В.А., Шавкунов В.Э. Новый тип бохайского жилища в Приморье // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. – 153-159.

Болдин В.И., Ивлиев А.Л. Многослойный памятник Новогордеевское городище. Материалы раскопок 1986-1987 годов // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Том. XI. Актуальные проблемы дальневосточной археологии. – Владивосток: Дальнаука, 2002. – С. 46-58.

Вострецов Ю.Е. Некоторые демографические аспекты развития кроуновской культуры // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток, 1987. – С. 34-42.

Вострецов Ю.Е., Жущиховская И.С. К вопросу о канах на памятниках кроуновской культуры Приморья // КСИА. – Вып. 199. – 1990. – С. 74-79.

Гельман Е.И., Болдин В.И., Ивлиев А.Л. Раскопки колодца Краскинского городища // История и археологи Дальнего Востока. – Владивосток: изд-во Дальневосточного университета, 2000. – С. 153-165.

Гельман Е.И. Предварительные итоги исследований городища Горбатка в 2000-2001 гг. // Россия и АТР. – 2002. – № 3. – С. 95-98.

Гельман Е.И. Археологические исследования на городище Горбатка в 2004 г. // Отчет об археологических исследованиях бохайских памятников в Приморском крае России в 2004 году. Сеул: Koguryo Research Foundation, 2005. – С. 235-444. На русс. и кор. яз.

Государство Бохай (698-926 гг.) и племена Дальнего Востока России. – М.: Наука, 1994. – 219 с.

Ивлиев А.Л. Жилища киданей // Дальний Восток и Центральная Азия. – М.: Наука, 1985. — С. 95 – 105.

Кан Тхэ Он. Обнаружен колодец периода Когурё // Корея. – 1986. – № 2. – С. 38-39.

Крюков М.В. О принципах типологического исследования явления культуры // Советская этнография. – 1983. – № 5. – С. 3-13.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на поселении Чернятино-2 в Приморье в 2007 году. – Сеул: Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Дальневосточный государственный технический университет, Корейский государственный университет культурного наследия, 2008. Т. 1. – 346 с. Русс. яз

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. Исследование бохайских погребов на поселении Чернятино-2 // Бохай: история и археология. В ознаменование 30-летия с начала археологических раскопок на Краскинском городище. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2010. С. 50.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища / Под общ. ред. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – Кн. 1. – 288 с.; 1995. Кн. 2. – 490 с.

Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979. – 286 с.

Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. – 1970. – № 4. – С. 3-17.

Тю Ён Хон. Боккай бунка (Культура Бохая). Перевод [на японский яз.] Исторического отдела Общества корейских ученых в Японии. – (Кокогаку сэнсё. Т.16). – Токио: Юсанкаку, 1979.

Шавкунов В.Э., Гельман Е.И. Многослойный памятник Ауровское городище // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Том. XI. / Актуальные проблемы дальневосточной археологии. – Владивосток: Дальнаука, 2002. – С. 75-109.

Н.Ганбат[57] , Г.Одмагнай[58]

КРАТКИЙ ОЧЕРК О ГОРОДИЩАХ ЮЖНЫХ ХУННОВ
(по сведениям источника “Цзинь шу”)

В статье рассматривается история перехода группы хуннского населения по южную сторону Великой китайской стены после распада Империи Хунну. Это история о том, как южные хунны не только создали своё государство, а о том, как они продолжили налоговую политику когда-то внедренную единой империей Хунну, это история о том как кочевники ведущие мобильный образ жизни, кочевое животноводство постепенно переходят к полуосёдлому, а затем полностью оседает на определенной местности и в процессе культурного обмена и образа жизни перенятых у своих осёдлых соседей, в тесном и непосредственном контакте, создают новую этническую группу сохранившую обычаи и образ жизни как осёдлых народов, так и кочевников.

Ключевые слова: Хунну, южные хунну, Цзинь шу,

N. Ganbat, G. Odmagnay

OVERVIEW ABOUT FORTIFIED SETTLEMENTS OF SOUTH XIONGNU
(According to the source «Jin Shu»)

The article discusses the history of the transition group population of Xiongnu on the southern side of the Great Wall of China after the collapse of the Xiongnu Empire. This is the story of how the southern Xiongnu not only created their own state, and how they have continued the tax policy once the implementation of the unified Empire, is the story of how the nomads leading mobile lifestyle, nomadic livestock are moving to semi-sedentary and then completely settles on a particular area and in the process of cultural exchange and ways of life have taken over their sedentary neighbors in close and direct contact, create a new ethnic group to keep the customs and way of life as sedentary peoples and nomads.

Key words: Xiongnu, south xiongnuu, Jin shu

История переселения хуннов первым из которого был переход под предводительством Хуханье (31 г. до нашей эры) по южную сторону Великой китайской стены, это прежде всего история о том, как кочевая цивилизация соседствовала в непосредственной близости с осёдлой цивилизацией в составе одного государства, о том как кочевники (южные) создали хоть и кратковременную, но своё кочевое государство (*Северная Хань, Ранняя Чжао /304-329 он/, Великое государство Ся /407-431/*) в периферии древнего Китая, то есть в окрестностях округа *Южоу и Шуожо* [Цзинь шу, 1968], в степях указанных ханьским императором[59].

[57] Н. ГАНБАТ – Ph.D., ученый секретарь Института истории и археологии АН Монголии. E-mail:

[58] Г. ОДМАГНАЙ – MA, научный сотрудник Института истории и археологии АН Монголии. E-mail:

[59] В совете сановников при дворе во время обсуждения предложения южных сюнну все члены совета считали, что «не следует соглашаться, так как трудно отличить искренность и фальшь и-ди (варваров)». Лишь один у-гуань-чжунланцзян (чжунланцзян – возглавлявший пять ведомств) Гэн Го предложил последовать примеру императора Сюань-ди (74 – 48 гг. до н.э.), принять предложение южных сюнну, для того, «чтобы на востоке охраняли от сяньби, на севере отражали сюнну (северных), строго управлять сы-и (всеми варварами) и полностью, восстановить пограничные области». Таким образом, в середине 1 в. н.э. были установлены добрососед-

Это история о том, как южные хунны не только создали своё государство, а о том, как они продолжили налоговую политику[60] когда-то внедренную единой империей Хунну, это история о том как кочевники ведущие мобильный образ жизни, кочевое животноводство постепенно переходят[61] [Материалы по истории кочевых народов в Китае III-Vвв., 1989, табл. 96] к полуосёдлому, а затем полностью оседает на определенной местности и в процессе культурного обмена и образа жизни, перенятых у своих осёдлых соседей, в тесном и непосредственном контакте, создают новую этническую группу сохранившую обычаи и образ жизни, как осёдлых народов, так и кочевников. Этот переход от мобильного образа жизни к осёдлости и образование новой этнической группы продолжался почти триста лет, в ходе чего в китайской культуре и языке образуется две группы, в которой обычай и разговорная речь сильно отличается друг от друга, это северный и южный диалект, ярким примером чему является китайская пословица "от Наньцзина до Пекина меняется мир. Вообще в современном Китае до недавних времен, как отмечено в "Британике" насчитывалось 256 диалектов, а позже их стало 255, здесь речь идёт о манчжурском языке, которую из-за отсутствия носителей языка, как вымерший язык вычеркнули из списка.

Хунны под предводительством Би шаньюй переселившияся по южную сторону Великой китайской стены открыли дорогу кочевникам путь за Великую китайскую стену. Этот исторический переход открыт при императоре Сюань ди (74-49 гг.) в 51 году когда шаньюй Хуханье явился с челобитным и выразил покорность как гласить источник "...дом Хань поощеряя желанье Хуханье выделил кочевку в северных пределах округа Бичжоу. По следам чего пять тысяч семей последовало в округ Шоуфан и другие округа и поселились среди ханьцев...". Согласно источнику с тех пор и началось интенсивное переселение кочевников по южную сторону Великой китайской стены. Государство Хань по мере прибытия хуннов, все сведения связанные с хуннами, которых стали отмечать как "*Южные хунны*", были чётко оформлены. Например, "Среди переселенцев переселившихся по южную сторону линий укреплении есть таковые как: *чугэ, сяньжи, куотоу, утань, чицинь, ханьжи, хэйлан, чиша, юйби, вэйсо, тутун, боме, чянцюй, хэлай, жунчи, далоу, юнцюй, жэньшу лижэ. Каждый булуо, то бишь аймак имеет своё определенную кочевку и меж собою никогда не смешиваются. Самый сильный среди них является род "чугэ", предвотиля сего кочевья и назначили в шаньюй, сей предводитель и держит управление над другими кочевьями. В их кочевьях разряд сте-*

ские отношения между южными сюнну и Китаем, что способствовало впоследствии покорению последним северных сюнну с помощью южных сюнну и сяньби.

[60] Өмнөд хүннү нар нь суурин иргэдийг эрхшээн суухдаа тэдгээр иргэдийг нүүдэлчдээс салган ойролцоогоор нэгэн түмэн өрхийг нэг "нэйши" (内事) /дотоод хэргийг хамаарагч/-д хариуцуулсан байдаг. Нийт 43 "нэйши" байсан ба баруун зүүн жигүүрт хуваасан ажээ

[61] Материалы по истории кочевых народов в Китае III-Vвв. Выпуск 1. Сюнну (匈奴) Москва. Наука. 1989. Табл. 96 "...Лю Яо эн түрүүнд түшмэдийн хэргэм зэрэггүй этгээд агт морь уналганд хэрэглэхийг хориглон, жилийн 800 дан буудай болон түүнээс дээш орлоготой өрхийн эмэгтэйчүүд хатгамал болон хээ угалз шагалсан болон торгон хувцас өмсөх эрхтэй. Газар тариалангийн ажил дууссаны сүүлээр намрын адаг сард бор дарс хүртэж болох бол газар шороо, үр тариа ивээгч эздэд тахилга үйлдэхэд бод мал хойлоглохыг хориглов. Зарлигийг зөрчвөл үхэх ялтай буюу

пеней в шестнадцать ступеней...". Также пишется, что "*...они /переселившияся хунны-Н.Г./ не платять налог и не дают даней...*", "*... за многие годы проживания в указанной территории сюнны так размножились, что держать над ним власть нынче весьма трудно...*" и в конце властвования Дома Поздней Хань (25-220), в целях предотвращения со стороны кочевников и их внезапных нападении стали принимать меры предосторожности. Так, "*...Жянь Ань (196-200) император Дома Вэй У Ди впервые разделил всех сюнну на пять частей, и одного из самых знатных и родовитых вельмож поставил над всеми главенствующим и в целях контроля над их действиями приставил к нему "ханьского" воеводу...*". "*...Воевод левого крыла начальствует над десятью тысячами семьями и кочуют они в местности Сюаньши округа Тайюань. У воеводы правого крыла имеется шесть тысяч семей, кочуют в округе Цисянь. Воевода главных войск юга имеет более трех тысяч семей, кочуют в округе Синьсин. Во владении воеводы центра имеется более шести тысяч семей, которые кочуют в Тайлине...*". Таким образом по сведению источников можно предположить, что южные хунны в первых порах проживания по южную сторону Великой китайской стены всё еще сохраняют свой прежний образ жизни, то есть кочевой (мобильный) образ. По истечению определенного времени и по накоплению достаточной силы, кочевники совершали рейды в города и населенные пункты оседлых соседей, как гласить источник "*... В 7-ом году правления Тайши (271), шаньюй Мэн (Лю) поднял смуту и засел в городе Куньечэн...* ", а в ответ таким выходкам кочевников со стороны ханьских чиновников поставленных в приграничных районах принимались меры по рассеиванию военных сил южных хуннов и принималось ряд мер предосторожностей и разработав план то бишь "*... опираясь на решения мудрых чиновников и отважных воевод выступить с войсками в округа Бэйди, Сихэ и Аньдин, освободить округ Шанцзюнь и заселить округ Фэньи. Для дела сего из округа Пинъян всех преступников приговоренных к смертной казни выслать на сея место, далее жителей из округа Саньхэ и из округа Вэйцзинь разделенных ранее на три части, всего сорок тысяч семей переселить в северные земли, постепенно вытесняя хусцев с земель Пиньян, Хуннун, Вэйжюнь, Цзинчао, Шандан округов, поставить под контроль любое передвижение варваров, укрепить охрану и установить надзор ними, далее возобновить налог установленный прежними властителями...*" преподнесли императору.

Между тем южные хунны находясь во дворце императора и в городах шли в ученики к знаменитым ханьским мудрецам своего времени, где учились философии, военному исскуству, каллиграфии, вникали в суть правления государством. Некоторые хунны по источниковым сведениям "*...далеко превзошли своих сверстников...*". Например, " в *детстве [Лю Юаньхай] был жаден к книгам, учителем котрого был Цуй Ю, из округа Шандан. Он прочитал "Книгу песен" (Ши цзинь) составленный Мао, просмотрел "Книгу перемен" (И цзинь), также трактат составленный Ма "Шаншу" (Главная книга). Особенно зачитывался историческими записями, составленный Цзуо Цюмина "Весна, осень", а военные трактаты Сун цзы, У цзы знал наизусть. Прочитал все книги по истории*

и философии династии Хань...". После того, как Лю Юаньхая возвели в шаньюй он завоевав несколько городов, в том числе и Цзогочэн[62], где расположилась его ставка. Здесь он собрал под свое знамя крупную силу и сказав "*сопка не должна всегда оставаться маленькой горкой, он всегда должен стремится стать высокой горой!*" стал ждать удобного случая, чтобы создать своё государство.

Исходя из источниковых сведении южные хунны создали три государства, при Северная Хань и Раннее Чжао у южных хуннов не было городов и укрепленных крепостей, они как и прежде вели интенсивное мобильное животноводство в выделенных им землях. А вот со времен, когда Хэлянь Бобо создает свое "Великое государство Ся" встает вопрос где создать столицу. Его полководцы уговаривают и выдвигают идею о том, что надо отыскать такое труднопроходимое место, куда не так просто добраться, выбрать место с естественными природными преградами, но он отклоняет эту идею. Полководцы и воеводы снова настойчиво уговаривают его о выборе труднопроходимой местности со словами "*... Ваша Светлость, объединяя Поднебесную, вы хотите на юге присоединить себе Чанъан. Вам следовало бы сначала укрепить основу, создать надежную опору, только тогда ваши планы осуществимый. Извольте напомнить, что в местах округа Гао пин, много естественных преград, она со всех сторон окружена высокими горами. Тучных пастбищ и богатств там много, разве не это самое подходящее место*". В ответ им Бобо сказал "*Вы смотрите на вопрос только с одной стороны. Я, начав великое дело пока слаб мощью военною, а Яо Син великий муж, чья слава вознеслась на сей час. И значить, закрепиться на земле среди укрепленных городищ, не соответсвует нашему положению. К тому же войска получившие от Яо Синя приказ покарать нас будут слушаться и следовать только его приказу. Я, который мощью военной слабый, затаись в какой-нибудь укрепленной крепости, мигом разнесут меня с войсками в пух и прах, это для них раз плюнуть. А если я во главе своих войск быстрых и ловких, стремительных как облака обуздавшие ветер, буду нападать внезапно на врага, это залог успеха. И если они устремятся вперед дабы помочь передовым своим частям, мы внезапно нападем сзади, когда же они повернутся назад, мы ударим в лоб. Только так мы одержим победу над этими неуклюжими, у которых нет сноровки. И будут они топтаться и кружиться на одном месте, а мы где бы то не были обеспечим себе прежнюю спокойную и привольную жизнь...*", это была тактика предпринятая шаньюйем, который отталкивался именно от мобильного, не схожего и совершенно непонятного образа жизни и мировосприятия для осёдлых земледельцев. Но хоть он и говорил, что осёдлый образ жизни губителен для хуннов, всё же создал свою столицу в Тунване (统万 tong wan). На вопрос почему Хэлянь Бобо именно так назвал столицу своего государства, источники дают следующее сведение. "*...Он в честь великого замысла,*

[62] Цзогочэн – современный административный центр Китая, находится в 10 километрах от окружного центра в северо-востоке. В этом городе в Позднеханьский период располагалась ставка шаньюйя. При государстве Цзинь в Цзогочэне прибывал воевода правого крыла. Когда Сыма Ин возвел Лю Юаньхая северным шаньюй, он (Лю Юаньхай) переехал из города Е в Цзогочэнь и обосновавшись в этом городе объявил его столицей своего государства.

то есть собрать под свое знамя и объединить (тунъи) десять тысяч владении (ванов) Поднебесной, назвал столицу Тунвань...". Хэлянь Бобо кроме Тунваня построил еще ряд городов, здесь мы приводим беглую перечень, это Дун чэн (东城), Сы чэн (西城) или же Нэй чэн (内城), эти и другие города Великого государства Ся делились на три разряда.

Южные хунны у коих урбанизация шла полным ходом, не только строили города, возводили крепости, у них и земледелие была в широком приминении, а скотоводство как и кочевое (мобильное), так и в полуокочевом виде тоже развивалась.

Знать и зажиточные хунны как и шаньюй возводили храмы духам предков, хозяйну Земли и урожая. Шаньюй и знать, как писалось выше возводили роскошные здания не уступавшие свое красотой и изысканностью ханьским, о чём отмечено в источниках древних. Так, согласно источнику "Цзинь шу", Хэлянь Бобо выбрав местность для создания столицы своего государства, а это южнее реки Хэй шуй (Чёрная вода-Н.Г.) и по левую сторону реки Шуо фаншуй, поручил постройку главного дворца уроженцу из Чигань, некоему Али и издал указ "*...подтянуть рабочую силу...*", а это сто тысяч сы ся (древние китайцы-В.Т.), заселявших северную часть Великого хребта (Хребты Хянган-Н.Г.).

Али был умелым и опытным руководителем, но слава о его жестокости шагала далеко впереди него. Так, "*...проверяя прочность крепостных стен, он втыкал в утрамбованную землю крепостной стены булаву, если булава входила в землю на один цунь (1 цунь приблизительно равен ~2.5 см) он тут же предавал смерти рабочих работавших там и утрамбовывал их трупы вместе с землею...*". Города и дворцы возводимые под непосредственным руководством хуннов и принявших гражданство иностранцев, как писалось выше, ни чем не отличалась, и ни в чём не уступала своей исызсканностью и тонкостью. Так по источниковым сведениям "*...сей Али расплавляя медь отливал большие медные барабаны, фейлянь (сказочное животное-грифон?), медные статуй, верблюда, дракона, образы диких животных и украсив и покрыв всё это золотом расставил перед дворцом. Поскольку казнено было сотни и тысячи рукодельцев, мастеров, каждая статуя была под стать живой...*".

Южные хунны создали кочевое государство, где определенное время кочевое и осёдлые цивилизации совмещались как две части одного неразрывного целого, как знак инь и ян. В этом составляющем одно целое государстве, на стыке совершенно разных мировоззрении и образа жизни, а если быть более точным, то именно на границе кочевья кочевников и его осёдлых соседей и зачастую строились города кочевого государства. Южные хунны когда-то живя на своей исконной земле при возведении города строго учитывали особенности местности. И этот опыт и навык они умело применяли и в землях заново приобретенных ценой обмена самого сокровенного у кочевников, которого кочевник ставил превыше всего, ограничением свободы. В большинстве случаев южные хунны исходя из стратегических целей, учитывая рельефные особенности местности, при возведении гор-

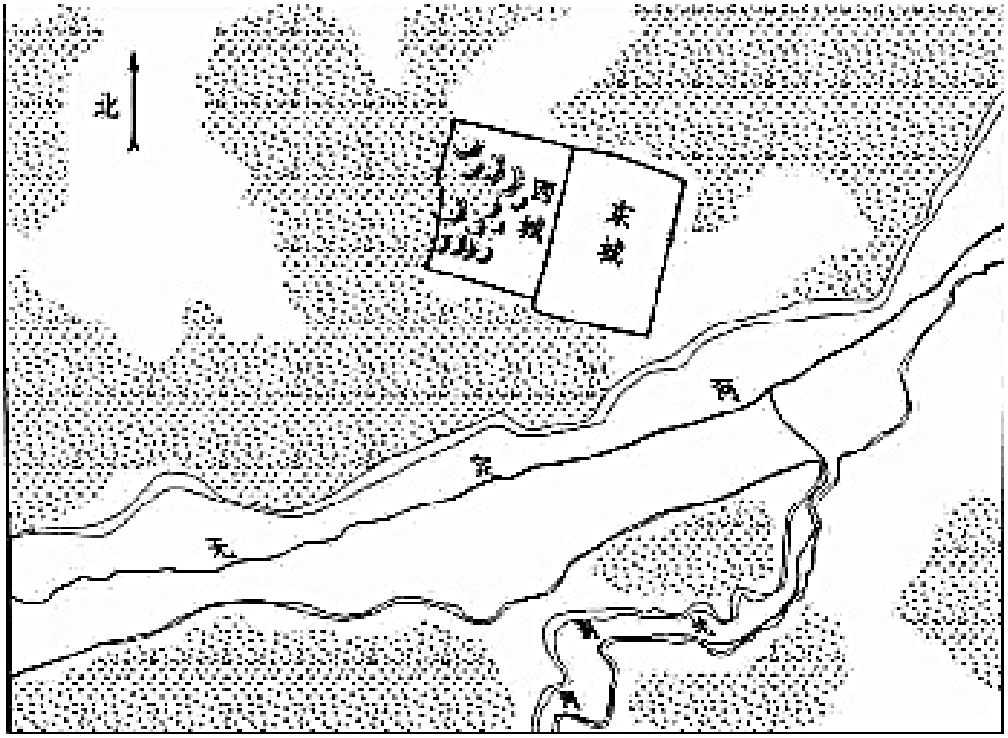

图1　统万城位置图

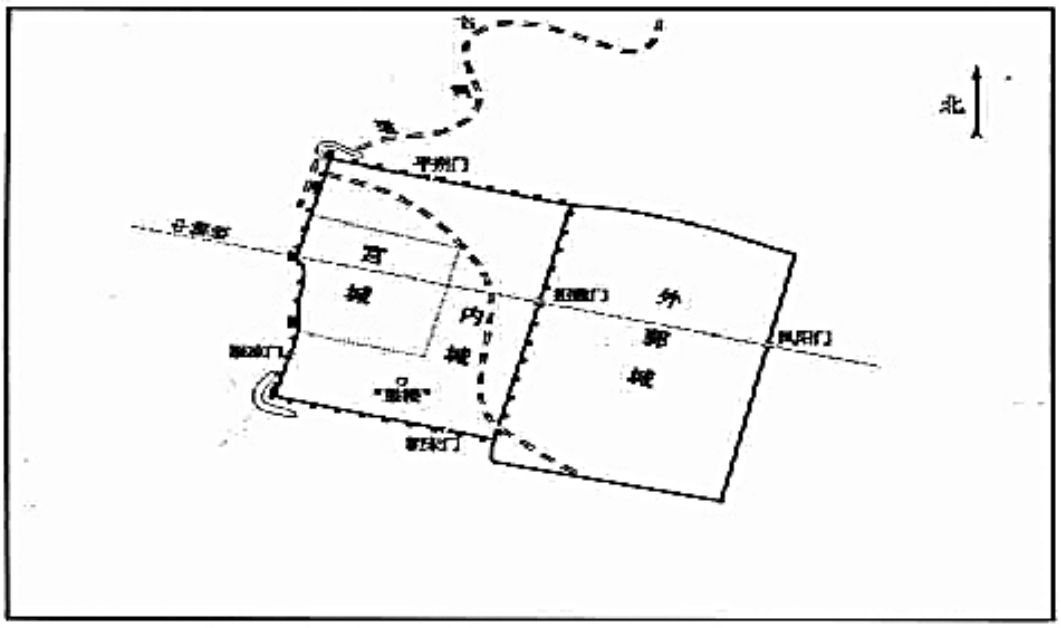

图2　根据航空摄影测量复原的统万城形态

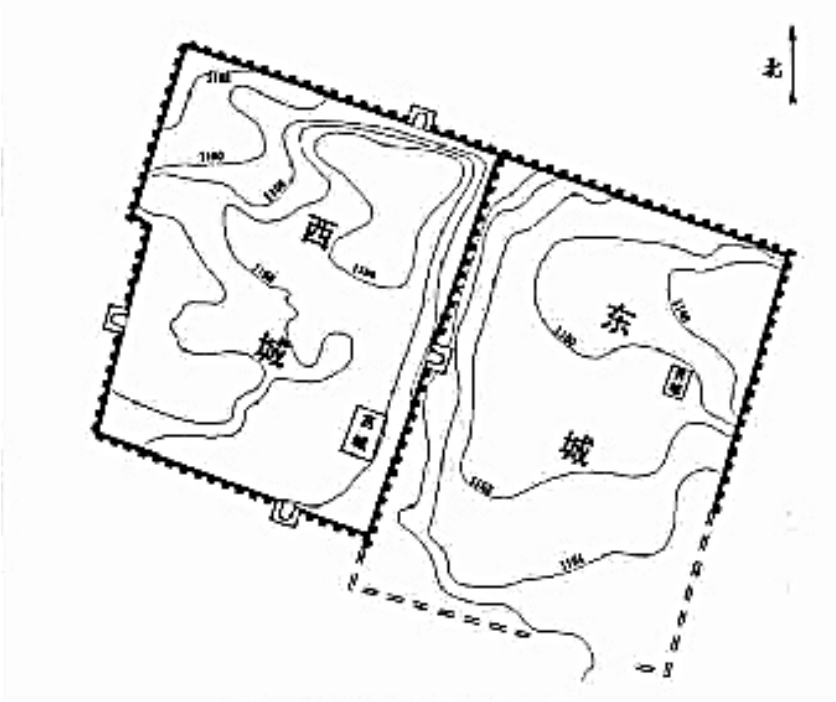

图3　1981年统万城实测图

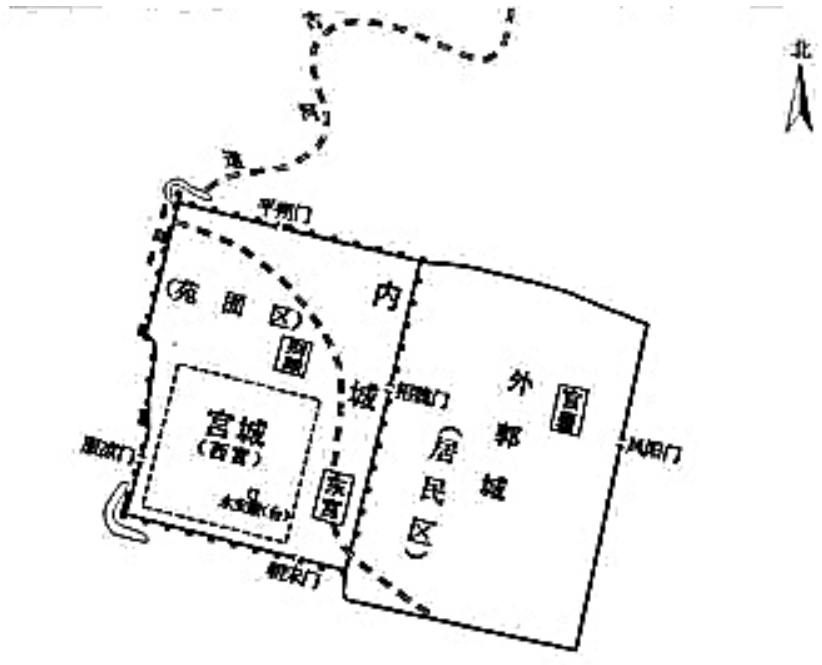

图4　统万城形态与内部布局推测图

дищ [关于大夏国都统万城的城市形态与内部布局问题_吴宏岐. CAJ. 2004; 薛正昌。Journal of Tianshui Normal University. Aug., 2003], чаще выбирали предгорье, чтобы горы прикрывали его сзади, а перед городом должна простираться степь или равнина, сам город должен был быть на возвышенности, на берегу реки.

У южных хуннов, у коих на высоком уровне была не только архитектура и строительство, ничем не уступавшая как по качеству и красоте, также была высоко развита обработка металла, меди. Например, тот же Али уроженец Чигань, о ком писалось выше, под чьим прямым руководством кузнецы не одну сотню раз закалив железо выковали саблю, невиданной доселе прочности. На рукоятке, которого было вычеканино "*Сабля **лунцяо** Великого государства Ся*". По другую сторону сабли было вычеканино " В давние времена У и Чу имели острые сабли ***жаньлу***, ныне сабля ***лунцяо*** превзошла всех, равных которому в священной столице [Тунвань] нет.

Литература

Материалы по истории кочевых народов в Китае III-Vвв. Выпуск 1. Сюнну (匈奴) Москва. – Наука, 1989.

Цзинь шу. – Тайвань,1968 /

关于大夏国都统万城的城市形态与内部布局问题_吴宏岐. CAJ. 2004, sep, Vol.198 №3.

薛正昌。Journal of Tianshui Normal University. Aug., 2003. Vol.23 №4 53-56 page

П.К. Дашковский[63], И.А. Мейкшан[64]

КОЧЕВАЯ ЭЛИТА ХУННУ: ПО МАТЕРИАЛАМ АНАЛИЗА ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ И СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ

Статья посвящена проблеме изучения характеристик элитных погребальных памятников хунну, расположенных на территории Западного Забайкалья и Северной Монголии. Анализ показателей внешних параметров, а так же особенностей инвентарного комплекса погребений хуннуской элиты позволяет сформировать совокупность определенных параметров, маркирующих элитные группы в данный период времени.

Ключевые слова: хунну, кочевая элита, погребальные памятники, Северная Монголия, социальная реконструкция.

P.K. Dashkovskiy, I.A. Meykshan

THE NOMADIC ELITE OF XIONGNU: ANALYSIS OF THE **FUNERARY** MONUMENTS IN WESTERN TRANSBAIKALIA AND NORTHERN MONGOLIA

The article is devoted to research the characteristics of elite Xiongnu funerary monuments located on the territory of Western Transbaikalia and Northern Mongolia. Analysis of the external

[63] Дашковски Петр Константинович – доктор исторических наук, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, e-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru

[64] Мейкшан Илья Александрович — преподаватель кафедры политической истории Алтайского государственного университета, e-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru

characteristics, as well as features of the burial inventory complex of Xiongnu elite allow us to create a specific collection of parameters which mark elite groups in this period of time.

Keywords: Xiongnu, nomadic elite, funerary monuments, Northern Mongolia, social reconstruction.

В исторический период господства хуннуских племен в степях Центральной Азии происходит ряд кардинальных изменений в культуре и политической организации номадов. Уникальным явлением потестарно-политической организации хунну является формирование первой в истории Центральной Азии «степной империи» [Крадин, 2002, с. 197], хотя исследователями признается вероятность наличия политических структур кочевников и в более раннее время [Мартынов, 1989; Васютин, Дашковский, 2009; Тишкин, Дашковский, 2005; и др.].

Усложнение социальной структуры общества сюнну опосредовано отразилось и в археологическом материале. Анализ хуннуских захоронений показал, что их можно разделить на несколько групп, значительно отличающихся друг от друга по степени сложности погребальных конструкций и богатству инвентаря [Руденко, 1962; Коновалов, 1976; Давыдова, 1978, 1982; Миняев, 1998, 2007, 2007а; Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, Эрдэнэ-Очир, 2006, 2008; Treasures of The Xiongnu..., 2011; и др.]. К элитным хуннуским курганам можно отнести погребения в Ноин-Уле (к. 6, 20,24 и др.) [Руденко, 1962; Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, Эрдэнэ-Очир, 2008; Полосьмак, Богданов, 2014], Ильмовой пади [Коновалов, 2008] и пади Царам [Миняев, 2009].

Характерными отличиями данной группы являются: 1) наличие мощной насыпи с ярко выраженным дромосом, 2) погребения в двойных срубах и гробе, 3) богатый сопроводительный инвентарь с обширным комплексом импортных вещей, 4) возможные человеческие жертвоприношения. Ноинулинские курганы отличаются значительными размерами, а также сложностью конструкции погребального сооружения. Вместе с тем в данных памятниках представлен обширный набор престижных вещей, к большему числу которых относятся предметы китайского импорта.

Внешние параметры хуннуских элитных памятников несколько уступают в размерах памятникам предшествующей эпохи. Так, например, размер насыпи кургана №24 в Ноин-Уле составляет 15 метров, кургана №6 – 24 метра [Руденко, 1962, с. 9 – 12], №20 – 20 метров [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, Эрдэнэ-Очир, 2008, с. 77], а погребение в пади Царам имело насыпь со сторонами в 32 м [Миняев, 2009, с. 50]. Высота насыпей данных курганов варьируется от 1,5 до 3 м. Однако следует подчеркнуть, что при этом данные объекты имеют значительную глубину могильной ямы, до 18 м и более. Внутримогильная конструкция в хуннуских элитных комплексах представлена двойным срубом (63, 6%) (7 объектов) и гробом (72, 3%) (8 объектов), декорированными шёлковыми тканями и коврами [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, Эрдэнэ-Очир, 2008, с. 84;

Полосьмак, Богданов, 2014; Руденко, 1962, с. 16]. Гораздо реже использовалась конструкция из одного сруба (9,1%) (1 объект)

Предметы импорта являлись наиболее престижными в кочевой среде [Филиппова, 2005]. В памятниках хуннуской элиты он представлен не только многочисленными тканями, но также лакированными шкатулками, чашечками, различными украшениями из нефрита и стекла. В кургане №20 Ноин-Улы и в кургане №7 пади Царам в заполнении могильной ямы находились остатки китайских колесниц [Миняев, 2009, с. 52; Миняев, Сахаровская, 2007, с. 163; Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, Эрдэнэ-Очир, 2008, с. 82].

В кургане №6 обнаружено большое количество китайского шёлка в виде лент, флагов и простых полотен – всего более 8 видов. Подобное многообразие изделий из ткани характерно для большинства элитных памятников хунну Ноин-Улы, Ильмовой пади, пади Царам [Руденко, 1962; Миняев, 1998, 2009; Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, Эрдэнэ-Очир, 2008]. Шелк присутствует в составе погребального инвентаря как в виде отдельных лоскутов, так и в виде одежды. Шелковая одежда встречена в 54,4% (6 объектов) элитных памятников, что составляет наибольший показатель. Довольно частым в рассматриваемых курганах является шелковый тюль (36,3%) (4 объекта), гладкий шелк (27, 2%) (3 объекта), шелковая лента (27, 5%) (3 объекта). По причине ограбленности многих «царских» курганов хунну, часто не дается установить характерные особенности шелковой материи, однако ее фрагменты представлены в 100% погребений элиты.

Другим не менее важным элементом импорта, присутствующим в составе инвентарного комплекса элитных памятников, являются китайские изделия из лака. В большинстве случаев исследователями были обнаружены лишь фрагменты лаковых предметов (81, 8%) (9 объектов). Тем не менее, в 45,4% (5 объектов) захоронений присутствовали лаковые чашечки. Гораздо реже встречались палочки (36,4%) (4 объекта) и лаковые сосуды (27,2%) (3 объекта).

Материалы памятников Ноин-Улы в полной мере позволяют оценить количество импортных предметов, находившихся в пользовании элиты хунну – многочисленные шелковые ткани, бархат, ковры, лакированные изделия, изделия из нефрита [Руденко, 1962, с.117 – 122]. Показательными в этом отношении являются материалы из кургана №6, которые содержали не только китайский импорт, но так же меха камчатского и байкальского соболя, что демонстрирует северные экономические и политические отношения кочевников [Руденко, 1962, с. 118].

Многочисленными находками в элитных памятниках хунну являются украшения, выполненные из металла, реже из полудрагоценных камней. Наиболее распространенными являются различного рода пряжки (45,4%) (5 объектов), подвески, (45, 4%) (5 объектов). Широкое использование в погребальной практике получают янтарь и нефрит (36, 4%) (4 объекта).

Предметы комплекса вооружения редко встречаются в элитных памятниках хунну. В составе погребального инвентаря присутствуют стрелы (18,1%) (2 объ-

екта) и кинжал (ритуальный меч) (9,1%) (1 объект). Предметы вооружения были встречены при исследовании кургана №7 в пади Царам [Миняев, 2009, с. 57 – 58], в ноинулинских курганах предметы вооружения отсутствуют, вероятно, вследствие ограбления [Руденко, 1962].

Обращает на себя внимание тот факт, что комплекс вооружения, характерный для скифо-сакской эпохи, представленный кинжалом, чеканом, наконечниками стрел, шитом, практически полностью отсутствует. Более того, имеющиеся находки вооружения указывают на ритуальный, но не боевой, характер его использования. В то же время, материалы раскопок рядовых памятников хунну в Ильмовой и Черемуховой падях показывают наличие различных предметов вооружения (сложносоставной лук, стрелы) [Коновалов, 1976].

В погребальном инвентаре элиты хунну значительно увеличивается показатель использования металлов. Как и в предыдущую эпоху, доминирующую роль играет золото. Встречаемость предметов из этого металла составляет 90,9% (10 объектов). Бронзовые изделия обнаружены в 72, 7% (8 объектов) исследованных «царских» памятниках. Значительно чаще встречаются вещи, выполненные из железа (54, 3%) (6 объектов), а так же медные предметы (54,3%) (6 объектов). В меньшей степени представлены находки, выполненные из серебра — 45, 5% (5 объектов). Вероятно, возрастающее количество используемых в кочевой среде металлов в определенной степени связано с наличием торговых связей с Китаем. При этом, в условиях «престижной» экономики, контроль над ними принадлежал именно элите номадов.

Примечательно, что для хунну не характерно использование в погребальной практике как элиты, так и рядовых кочевников, сопроводительных захоронений коней. Данная практика, наиболее распространенная в скифо-сакское время, приобретает у хунну символическое, ритуальное значение. Например, положение в могилу черепа животного, конского волоса или элементов снаряжения (Руденко, 1962). Так, узда (удила) встречается в 27,2% (3 объекта) элитных памятников, реже встречаются нагрудник, подседельник, псалии, налобник (9,15%) (1 объект).

Кроме мегалитичных погребальных памятников элиты в Ноин-уле имеются и рядовые захоронения. К ним относятся несколько объектов, изученных Ц. Доржсурэном в 1954 – 1955 гг. в верхнем течении р.Суцзуктэ. В каждом из четырех исследованных погребений находились предметы импорта. Показательным является объект №20 (нумерация Ц. Доржсурэна), представлявший из себя «могилу с дромосом», материал которого включал в себя основные характеристики элитного погребального обряда: шелк, ковры, лаковые изделия, остатки ханьской колесницы [Доржсурэн, 1962, с. 39 – 40]. Шелк являлся не просто предметом товарообмена номадов с Китаем, но выступал в качестве основного элемента в механизме его внешней политики, направленной на сдерживание военной агрессии хунну путем предоставления «подарков» [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 249 – 251]. Широкое распространение среди хунну предметов импорта находит

подтверждение в письменных источниках, в частности – предупреждение о негативных последствиях привыкания кочевников к роскоши [Материалы..., 1989, с. 26].

В шести из двадцати исследованных рядовых погребений в местности Гол-Мод так же обнаружены предметы импорта: лаковые изделия, остатки шелковой материи, зеркало [Доржсурэн, 1962, с. 42 – 44]. Китайские изделия в составе погребального инвентаря выявлены при раскопках в Ильмовой пади. В кургане №50 были найдены остатки ковра, покрывавшего конструкцию внутримогильного сооружения; в девяти погребениях находились лакированные предметы. Наличие шелка зафиксировано в объектах №45 и №62. В погребении №51 обнаружено китайское зеркало [Коновалов, 1976]. В Черемуховой пади в десяти исследованных погребениях были найдены остатки лакированных изделий. В курганах №15 и №38 находились китайские зеркала [Коновалов, 1976].

Обращает на себя внимание отсутствие предметов вооружения в элитных погребальных объектах хунну (за исключением Андреевского кургана в Ноин-уле [Руденко, 1962, с.123] и погребения в пади Царам [Миняев, Сахаровская, 2007], тогда как, например, в «царских» памятниках пазырыкской культуры комплекс предметов вооружения представлен достаточно широко [см. обзор: Руденко, 1952, 1953, 1960; Полосьмак, 1994, 2001 и др.].

В то же время предметы вооружения (части сложносоставного лука и наконечники стрел) обнаружены во многих рядовых погребениях Ильмовой и Черемуховой падях [Коновалов, 1976], могильника Нухтийн ам, Чандмань-уул [Цэвэндорж, 1985, с. 77]. Вполне вероятно, что в структуре социальных отношений хунну происходит постепенное деление общественного пространства на профессиональные группы, формируется комплекс вещей-символов, присущих каждой из них.

Импортные предметы также были обнаружены при исследовании хуннуского могильника Тэбш-уул в пади Дуут. В погребениях №7 и №8 найдены остатки шелковой материи. Части лакированных изделий выявлены при раскопках кургана №20 Тэбш-уул и №7 памятника Наймаа-толгой [Цэвээндорж, 1985, с. 54 – 77].

Изменение традиционной культуры привело к широкому распространению импортных вещей в культуре хунну, механизмы регламентации потестарного пространства, характерные для номадов скифо-сакского мира, утрачиваются. В результате этого категория импортных предметов в погребальных памятника сюнну во многом теряет свои маркирующие признаки.

Характерной особенностью элитных памятников хунну является наличие сопроводительных человеческих захоронений, располагавшихся рядом с центральным погребением. Так, в пади Царам около кургана №7 выявлено 10 погребений, которые исследователи интерпретировали как сопроводительные [Миняев, Сахаровская, 2002, с. 86 – 87]. В непосредственной близости с ноинулинскими памятниками обнаружен ряд ритуальных выкладок, связанных с центральным

погребением [Доржсурэн, 1962, с. 40]. Находки большого количества кос, а так же ритуальных кукол в элитных курганах указывают на существование практики символического соумирания с правителем. В частности, например, в кургане №6 некрополя Ноин-улы находилось 74 косы в накосниках [Руденко, 1962, с. 184], а в погребении №7 пади Царам обнаружены три ритуальных куклы [Миняев С.С., 2009, с. 55 – 56].

Рассмотренный материал показывает, что для хуннуской эпохи характерно определенное изменение комплекса признаков элитности. В первую очередь это касается масштабности погребальных памятников, которая менее мегалитична в наземной части по сравнению с предшествующей эпохой, хотя внутримогильная конструкция очень масштабная. Вместе с тем в хуннуской империи начинается процесс формирования государственной идеологии власти, основанной на «учении о сыне Неба». Выражение сакральности личности правителя происходит посредством реализации медиативных функций шаньюя, вследствии чего «опредмеченные» формы сакрализации во многом теряют свою актуальность.

Погребальные памятники элиты хунну отличаются особенностями внешней и внутренней конструкции. Во-первых, используется подквадратная в планировке насыпь кургана в сочетании с дромосом. Данный показатель является устойчивым внешним маркером. Ширина стороны насыпи варьируется от 14 метров, длинна дромоса — от 8 метров. Минимальное значение глубины могильной ямы 7 метров. Внутренняя конструкция в большинстве случаев представляет собой двойной сруб в сочетании с гробом, реже представлен одиночный сруб. Традиции использования колод или различных типов погребального ложа не представлено. Во-вторых, для погребальной практики элиты хунну характерна традиция ритуального человеческого жертвоприношения, соумирования с правителем, что находит выражение в многочисленных находках человеческих кос. Некоторые исследователи поддерживают идею наличия сопроводительных захоронений, которые производились рядом с курганом представителя элиты (Падь Царам, курган №7) (Миняев, Сахаровская, 2002). В-третьих, в составе инвентаря погребальных памятников элиты хунну представлены многочисленные предметы импорта, что так же является важным маркирующих признаком. Импорт включает в себя различные типы шелковой материи, лаковых изделий, нефрит. Существенной чертой погребальной практики элиты является так наличие китайских колесниц в составе инвентарного комплекса. В целом китайский импорт был важным инструментом внешней политики хунну, что объясняет его накопление в элитной группе хуннуского общества, хотя он получает определенное распространения и в других социальных группах

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Формирование и функционирование элиты в социальной структуре кочевников Саяно-Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья» (проект №13-31-01204)

Литература

Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2009. – 400 с.

Давыдова А.В. О классификации и хронологии памятников сюнну // Проблемы археологии. Вып.2. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – С. 110 – 113.

Давыдова А.В. О социальной характеристике населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника // Советская археология, 1982. – №1. – С. 132 – 142.

Доржсурэн Ц. Раскопки могил в горах Ноин-Ула. // Монгольский археологический сборник. – М.: Наука, 1962.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976. – 221 с.

Коновалов П.Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2008.

Крадин Н.Н. Империя хунну. – М.: Наука, 2002. – 312 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на шёлковом пути (шёлк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). – М.: Восточная литература, 1994. – 332 с.

Мартынов А.И. Скифо-сибирский мир – степная скотоводческая цивилизация – V–II вв. до н.э. // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. – Кемерово: КемГУ, 1989. Ч. I. С. 5–12.

Материалы по истории кочевых народов Китае в 3-5 вв. Вып. 1. / предисл., комм. и пер. с кит. С.В. Таскина. М.: Наука, 1989. 282 с.

Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Отв. ред. В.М. Массон. – Алма-Аты: Наука КазССР, 1989. – С. 284 – 291.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник. – СПб.: Фонд «Азиатика», 1998. – 233 с.

Миняев С.С. Элитный комплекс сюннуских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – №2. – С. 49 – 58.

Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса №7 в могильнике Царам // Археологические вести. – СПб., 2002. –Вып. 9. – С. 86 – 119.

Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // Российская археология. – 2007а. – №1. – С. 159 – 166.

Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Ханьская колесница из могильника Царам // Археологические вести. – 2007б. – Вып. 14. – С. 130 – 137.

Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Курганы Суцзуктэ. Ноин – Ула, Монголия. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2014. – Ч. 1. – 120 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Раскопки кургана хунну в горах Ноин-Ула, Северная Монголия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Наука, 2006. – Т. XII. – Ч. 1. – С. 460 – 462.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдэнэ-Очир Н. Изучение погребального сооружения кургана №20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – №2. – С. 77–87.

Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 268 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 524 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 350 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 231 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. О государственности «пазырыкцев» // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 50–59.

Филиппова И.В. Культурные контакты населения Западного Забайкалья, Южной, Западной Сибири и Северной Монголии с ханьским Китаем в скифское и гунно-сарматское время (по археологическим источникам): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. – 25 с.

Цевендорж Д. Новые данные по археологии хунну // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 51 – 87.

Treasures of The Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia. – Ulaanbaatar, 2011. – 296 p.

Ю. И. Елихина[65]

НАХОДКИ КЕРАМИКИ ЭКСПЕДИЦИИ В.Л. КОТВИЧА ИЗ ГОРОДИЩА ХАРА-БАЛГАСУН, ХРАНЯЩИЕСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ

Статья посвящена фрагментам керамики уйгурского времени из Орду-Балыка. Эта керамика была найдена экспедицией В.Л. Котвича, которая работала там в августе 1912 г. Находки экспедиции не были описаны и введены в научный оборот.

Ключевые слова: археология, уйгурское время, столица, керамика, штампованный орнамент.

Yu. I. Elikhina

THE FINDS OF CERAMICS BY THE EXPEDITION OF V. KOTVICH FROM THE SETTLEMENT OF KHARA BALGASUN KEEPING IN THE STATE HERMITAGE MUSEUM

The article is devoted fragments of pottery of the Uyghur time from Ordu Balyk. This pottery has been found by the expedition V. Kotvich who worked there in August 1912. The Findings of the expedition have not been published and introduced into scientific use.

Keywords: archeology, Uighur time, the capital, ceramics, stamped ornament.

Важным критерием для датировки памятника могут служить находки сероглинянной керамики гладкой и со штампованным орнаментом, изготовленной на гончарном круге. Самое большое количество находок экспедиции В.Л. Котвича приходится на долю керамики.

Владислав Людвигович (20.03.1872 — 3.10.1944) — русский и польский востоковед. Окончил в 1895 г. Петербургский университет и был оставлен на кафедре. Он преподавал до 1923 г., до отъезда в Польшу.

В 1912 г. В.Л. Котвич путешествовал по Монголии, при его участии был открыт в развалинах Хара-Балгасуна орхонский памятник. Экспедиция В.Л. Котвича работала в Хара-Балгасуне в течение всего одного месяца, в августе 1912 г. Вероятно, экспедиция собирала преимущественно подъемный материал.

Городище Хара-Балгасун («Чёрный город») — столица Уйгурского каганата в VIII—IX вв., называвшаяся также Орду-Балык («Столичный город») или Балыклык, расположено на территории Монголии, на левом берегу реки Орхон. Этот город был основан примерно в 715 г. уйгурским ханом Пейло. Столица уйгуров имела чёткую планировку, имелись многоэтажные здания, крепость, дворец и другие сооружения. От некогда укрепленного города остались руины части столицы и следы городских кварталов.

В эпоху раннего средневековья важную роль в политической, военной и этнокультурной истории Центральной Азии играли сначала тюрки, а затем уйгуры.

[65] ЕЛИХИНА Юлия Игоревна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, хранитель тибетской, монгольской и хотанской коллекций. E-mail: je07@inbox.ru

Уйгуры входили в состав Тюркского каганата (VI—VIII вв.). В 745 г. воспользовавшись ослаблением тюркского каганата, уйгуры подняли восстание и основали свое государство. На территории Монголии образовался Уйгурский каганат. Стационарные оседлые поселения в послехуннское время появились именно в период уйгурского каганата [Кляшторный, 2010, с. 276]. Основной религией уйгуров было манихейство. Уйгурский каганат в 840 г. был разгромлен енисейскими кыргызами, которые захватили столицу уйгуров, Хара-Балгасун. Город был сожжен и разрушен. Кыргызы до начала X в. господствовали в центре Азии. В X в. господство в степях Монголии перешло к киданям, выходцам из Южной Маньчжурии. Образованное ими государство Ляо в начале XII в. распалось под ударами чжурчжэней и китайцев.

Хара-Балгасун был обнаружен в 1871 г. российским путешественником И. Падериным, затем описан в 1889 г. Н.М. Ядринцевым и в 1891 г. В.В. Радловым и Д.А. Клеменцом.

В 1933-1934 гг. здесь делал небольшие шурфы Д. Букинич. Раскопки в Хара-Балгасуне проводились в 1949 г. совместной Советско-Монгольской археологической экспедицией под руководством С.В. Киселева и Х. Пэрлээ.

В 1976 г. монгольский археолог Д. Цэвээндорж провел в Орду-Балыке сборы гончарной керамики. В 1979 г. такие же сборы были сделаны совместно Ю.С. Худяковым и Д. Цэвээндоржем.

В.Л. Котвичем был написан краткий отчет о поездке и находках [Котвич, 1914, с. VI-VII]. В экспедиции были задействованы десять казаков. Предметы были переданы в МАЭ, где они находились до 1931 г., затем находки передали в Государственный Эрмитаж.

Коллекция находок, происходящих с территории уйгурского городища Хара-Балгасун, насчитывает восемьдесят девять предметов. К ним относятся фрагменты надписей на камнях, архитектурные фрагменты, буддийские терракотовые образки (тиб. tsha-tsha) и миниатюрные субурганы, железные и чугунные предметы, керамика, фрагменты дерева, кости животных и железный шлак. Из них керамика составляет 31 инвентарный номер, к которым относятся 47 фрагментов различных сосудов.

В 1949 г. находки гончарной керамики и черепицы в ходе раскопок на площади города и крепости Орду-Балыка были сделаны С.В. Киселевым. Эти находки позволили установить синхронность и принадлежность к уйгурской культуре развалин жилых кварталов, крепости и цитадели Орду-Балыка [Киселев, 1957, с. 94-95].

Результаты этих работ 1976 и 1979 гг. Д. Цэвээндоржа и Ю.С. Худякова были опубликованы в 1982 г. [Худяков, Цэвээндорж, 1982, с. 87-93]. Были выделены различные формы уйгурской гончарной посуды и характерные элементы ее орнаментации. Большую часть находок из коллекции В.Л. Котвича составляют фрагменты керамики.

«Обнаруженные в Орду-Балыке во множестве черепки являются свидетельством того, что там жило много людей, занимавшихся гончарным ремеслом» [Данилов, 2004, с. 58].

Фрагменты уйгурской гончарной керамики были обнаружены В.Е. Войтовым в ходе раскопок поминальных сооружений рядовых кочевников уйгурского времени на памятнике Бага-Арцат-Ам, расположенном на левом берегу р. Орхон, в окрестностях Орду-Балыка. В Туве подобные фрагменты найдены на нескольких городищах, которые функционировали в период Уйгурского каганата [Худяков, 1989, с. 145].

Важным критерием для датировки памятника могут служить находки сероглинянной керамики со штампованным орнаментом, изготовленной на гончарном круге. Подобная керамика была обнаружена в ходе сборов и раскопок на площади городища Хара-Балгасун [Худяков, 1990, с. 84].

Уйгурская гончарная керамика из Орду-Балыка уже подвергалась специальному анализу. Из материалов орду-балыкской коллекции были выделены функциональные группы – тарная, кухонная, столовая посуда; охарактеризованы формы сосудов – хумы, корчаги, горшки, чаши, вазы; проанализирован орнамент [Худяков, Цэвээндорж, 1982]. Тем не менее, находки экспедиции В.Л. Котвича не были описаны и введены в научный оборот.

Среди находок на памятнике Хара-Балгасун выделяются фрагменты керамики от венчиков, тулова и днища толстостенных сосудов с гладкой неорнаментированной поверхностью. Всего 18 инвентарных номеров, 21 фрагмент. Судя по профилю сохранившихся фрагментов венчиков, шейки, тулова, придонной части и днища это могли быть крупные, вместительные сосуды большой емкости. Толщина венчиков – 1,8-2,2 см, толщина тулова – 1,8 см, толщина придонной части и днища от 2 до 4 см. Венчик отогнут наружу. У некоторых сосудов он имеет полуовальное сечение, у других – уступ по периметру горловины. Внешняя поверхность венчиков имеет выступ над шейкой. На сохранившихся фрагментах тулова имеется горизонтальный, полуовальный в сечении, налепной валик. Днище сосудов имеет утолщение при подходе к стенкам тулова.

Некоторые из этих сосудов напоминают среднеазиатские хумы. Они могли служить в качестве тарной посуды для хранения жидких и сыпучих тел. Близкие по форме фрагменты от тарных сосудов были найдены здесь и в 1979 г. [Худяков, Цэвээндорж, 1982, с. 87–88]. К таким же сосудам относятся и четыре фрагмента керамики (инв. № МР-2672), представляющие собой части венчиков больших сосудов. Все они имеют следы орнамента в виде зарубок.

Один из фрагментов сосуда украшен налепным жгутом (инв. № МР-2662, размер 10х7,5 см).

В большинстве случаев тулово сосудов украшалось разнообразным штампованным орнаментом. С подобным орнаментом в коллекции имеется 11 инвентарных номеров, 22 фрагмента керамики. Среди находок В.Л. Котвича можно выделить пять типов орнамента. Фрагменты относятся к стенкам тулова сосудов,

только один фрагмент имеет узкое горлышко (инв. № МР-2899). На некоторых фрагментах заметна вертикальная профилировка тулова, которое могло иметь яйцевидную форму. Толщина тулова – 1,2-1,5 см. Тулово сосудов с подобной профилировкой имело значительную высоту. Вероятнее всего, эти сосуды имели яйцевидное тулово с раздутой верхней частью, которое постепенно сужалось к днищу, и напоминали вазы или кувшины. Поверхность сосуда украшена полосами штампованного орнамента. Несколько фрагментов орнаментировано полосами в виде сочетания фигур из четырех ромбов, заключенных между волнистых линий, обрамленных с двух сторон сочетаниями расходящихся лепестков и завитками с ромбиками (инв. № МР-2667, 2678, 2899, 2908). Полосы такого орнамента присутствуют на четырех фрагментах, которые могут относиться к одному и тому же вазовидному сосуду.

На двух фрагментах (инв. № МР-2669, 2902) нанесен вдавленный узор в виде ромбической сетки. Д. Баяр и Ю.С. Худяков считают, что фрагменты сосудов могут относиться к горшковидным. Похожая орнаментация имеется на тюркских горшках [Баяр, Худяков, 2002, с 112]. Фрагменты подобных сосудов были найдены в Орду-Балыке и в 1979 г. Возможно, что горшки служили и для приема пищи.

На двух фрагментах имеются горизонтальные полосы штампованного орнамента, сочетающего вписанные ромбические фигуры и разделяющие их дуги полуокружностей (инв. № МР-2661, 2665). Подобный орнамент зафиксирован и на одном из фрагментов керамики, обнаруженном на городище Орду-Балык в 1979 г. [Худяков, Цэвээндорж, 1982, с. 90].

Несколько фрагментов (инв. № МР-2907, 2910) орнаментировано полосами из ломаных линий, образующих несомкнутые ромбические фигуры, площадь которых заполнена маленькими ромбиками. Иногда эти фигуры лишены ромбиков, но сочетаются с угловатыми линиями. На одном фрагменте ромбические фигуры состоят из отдельных, несомкнутых угловатых линий и отдельных ромбиков. На другом фрагменте имеется орнамент в виде трех горизонтальных полос, состоящих из ромбов в сочетании отдельными угловатыми, косыми, расходящимися вдавлениями.

В большинстве случаев тулово сосудов украшалось несколькими горизонтальными полосами штампованного орнамента. Вероятно, орнамент наносился прокатыванием цилиндрического штампа по сырой глине перед обжигом в керамической печи.

В отличие от традиции изготовления «кыргызских ваз» с «елочным» орнаментом, которая находит свои истоки в производстве гончарной посуды в Саяно-Алтае в предшествующее предтюркское время, уйгурское керамическое ремесло не имеет отчетливо выраженных прототипов в кочевых культурах Центральной Азии. Разнообразие форм и мотивов орнаментации уйгурской гончарной посуды свидетельствует о высоком уровне керамического ремесленного производства в Уйгурском каганате. Судя по некоторым формам и мотивам орнамента, керами-

ческое ремесло уйгуров развивалось под заметным влиянием среднеазиатской согдийской традиции. Это связано с важной ролью, которую играли согдийцы в политической, экономической и культурной жизни Уйгурского каганата [Худяков, 1989, с. 146-147]. Длительное время считалось, что гончарное ремесло было сосредоточено в столице Уйгурского каганата и обслуживало городское население и кочевников из соседней округи. По мнению Л.А. Евтюховой, находки гончарной керамики в погребениях уйгурских кочевников на памятнике Орхон Дель свидетельствует об их связи с городской культурой [Евтюхова, 1957, с. 224].

По мнению большинства исследователей, уйгуры изготавливали и тарную, и кухонную, и столовую посуду на гончарном круге. В середине IX в. после разгрома Уйгурского каганата, разрушения и сожжения Орду-Балыка, уничтожения других ремесленных центров кыргызами, уйгурская традиция в изготовлении гончарной керамической посуды была полностью утрачена кочевниками Центральной Азии.

Изготовление керамической посуды с помощью гончарного круга и отработанной технологии в кочевых культурах Центрально-азиатского историко-культурного региона справедливо считается важным показателем высокого уровня гончарного ремесленного производства.

Таким образом, керамика уйгурского времени хорошо изучена и опубликована. Находки В.Л. Котвича представляют собой типичные образцы керамики, аналогии которой известны по находкам на уйгурских памятниках.

Литература

Баяр Д., Худяков Ю.С.Коллекция уйгурской керамики с памятника Сангийн Толгой в Монголии. // Древности Алтая. № 9, 2002. – С. 107–117.

Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии.– Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН. – 2004. – 202 с.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии IX в. (по материалам раскопок курганов) // Советская Археология. 1957. – С. 205–227.

Киселев С.В. Древние города Монголии // Советская археология. –1957.– С. 92–101.

Кляшторный С.Г. Ордубалык: рождение городской культуры в Уйгурском каганате. // Наследие А.Н. Бернштама в археологии. СПб.: «Инфо-ол». – 2010. – С. 276–279.

Котвич В.Л. Поездка в долину Орхона летом 1912 г. // ЗВОРАО. 1914. Т. XXII. Вып. 1–2. – С. VI–VII.

Худяков Ю.С. К истории гончарной керамики в Южной Сибири и Центральной Азии // Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Издательство «Наука» СО 1989. – С.134–152.

Худяков Ю.С. Памятники уйгурской культуры в Монголии // Центральная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Издательство «Наука» СО. 1990. – С. 84–89.

Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Издательство «Наука» СО. – 1982. –С. 85–94.

Н.Н.Крадин[66]

ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЯХ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Ключевые слова: кочевники, урбанизация, кочевые империи, Внутренняя Азия, хунну, уйгуры, кидани, монголы

N.N. Kradin

THE FEATURES OF URBANIZATION PROCESSES IN THE NOMADIC EMPIRES OF INNER ASIA

The urbanization processes on the Inner Asia territory during periods of the nomadic empires were studied. Xiongnu had rural settlements and cities the population of which were mostly farmers. In Uighir empire was one imperial trading mega-city. The Khitans built large cities with gorgeous temples and palaces to house the imperial court and the emperor's officials. There were about fifty known Khitan towns. The Mongols organized a large scale mobilization of human resources and concentrated people in towns. They set up the conditions for an unprecedented intercultural exchange and integration of cultures, religions and civilizations.

Key words: nomadism, urbanization, nomadic empires, Inner Asia, Xiougnu, Uighurs, Khitans, Mongols

Вопрос о городах у кочевников Внутренней Азии неоднократно поднимался различными отечественными и зарубежными исследователями (Киселев, 1957; 1958; Пэрлээ, 1961; Майдар, Пюрвеев, 1980; Данилов, 2004; Rogers et al, 2005; Waugh, 2010; Крадин, 2013 и др.). При этом все согласны, что истоки урбанизации в монгольских степях относятся к периоду Хуннской империи (209 г. до н.э. – 48 г. н.э.). Хунну строили оседлые поселения и укрепленные городища. Самое известное из них - Иволгинское городище, расположенное неподалеку от г. Улан-Удэ (площадь 6 га). Долгие годы этот уникальный археологический комплекс (городище и могильник) исследовался А.В.Давыдовой (1985). Население городища составляли как кочевники, так и оседло-земледельческие группы перебежчиков и/или пленников из Китая. Жители занимались земледелием, животноводством, ремеслами. Численность населения составляла несколько тысяч человек (Крадин, 2002, с. 86-94). Городище вполне может считаться городом.

Какое место занимали подобные городища в структуре ранних кочевых империй? Ответ на этот вопрос дает описанный в китайских источниках случай с Сяньбийской кочевой империей во 2 в. н.э. Ее основатель Таньшихуай был обеспокоен нехваткой продовольствия. По этой причине он приказал переселить «с востока» в район реки Лаохахэ около 1000 семей народа вожэнь, занимавшегося рыболовством, с тем, чтобы они обеспечивали номадов дополнительной пищи (Таскин, 1984, с. 80, 331).

[66] КРАДИН Николай Николаевич – доктор исторических наук, чл.-корр. РАН, заведующий Центром политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. . E-mail: kradin@mail.ru.

Тем не менее, сами кочевники, обычно, не любили городов. Им был дискомфортен городской образ жизни, они задыхались в тесном пространстве замкнутого ландшафта. Тюркские лидеры выработали военную доктрину антиурбанизма, суть которой сводится к тому, что мобильность кочевников является их самым главным стратегическим оружием. Кочевники «когда они сильны, идут вперед для приобретений; когда слабы, то уклоняются и скрываются» (Бичурин, 1950, с. 274). В периоды существования Первого (552-630 гг.) и Второго (683-734 гг.) тюркских каганатов не известно городов на территории монгольских степей. Однако тюрки использовали для своих экономических потребностей потенциал городов Средней Азии.

В период существования Уйгурского каганата (745-842 гг.) велось активное строительство городов. Уйгуры были знакомы со строительством городищ еще до создания империи. Они создали на основе согдийского письма собственную руническую алфавитную письменность, приняли манихейство, заимствовали другие элементы культуры среднеазиатских народов. Известен ряд городищ уйгурского времени, расположенных по долинам Селенги и Орхона. Серия уйгурских городищ была построена на территории Тувы.

Принципиальным новшеством уйгуров стало создание крупного имперского столичного города. Он возник в 751 г. на месте мобильной ставки кагана в долине Орхона и с течением времени превратился в настоящий мегаполис – город Карабалгасун (Ордубалык). Город раскинулся по долине более чем на 20 км. Столица включала впечатляющую своими размерами крепость-цитадель, многочисленные усадьбы и кварталы жителей города (Hüttel, Erdenebat, 2009). По описанию современников это был многолюдный город с множеством торговых рынков. Вокруг него располагалось множество поселений, жители которых занимались земледелием (Minorsky, 1948, p. 283). Расцвет города был обусловлен синхронным подъемом раннесредневековой мир-системы в VIII в. Город быстро стал крупным центром транзитной торговли. Он просуществовал до 840 г. и был сожжен во время набега енисейских кыргызов.

После гибели Уйгурского каганата значительно усилились кидани, которые создали империю Ляо (907-1125 гг.). Кидани включили в состав своей империи большие земледельческие территории. Кидани строили крупные города, в которых селился императорский двор и чиновники, воздвигали пышные дворцы и храмы. В империи Ляо имелось пять столиц. Считается, что система пяти столиц была заимствована киданями у Бохая после завоевания в 926 г. На территории Внутренней Монголии, других провинций Китая и собственно Монголии найдено большое количество киданьских городищ, часть из которых идентифицируется с исторически известными городами (Ивлиев, 1983; Крадин, Ивлиев 2014).

Для поддержания своего присутствия на территории монгольских степей кидани построили серию крепостей в бассейне рек Керулен и Тола. Они были предназначены сдерживать местных кочевников, а также, по всей видимости,

обеспечивать прямые контакты Ляо с тангутами и государствами Средней Азии, минуя Сун. В течение 2004-2013 гг. эти памятники изучались совместной российско-монгольской экспедицией. Наиболее интересные результаты были получены в ходе раскопок 2004-2008 гг. городища Чинтолгой-балгас. Городище представляет собой почти правильный прямоугольник со сторонами 1256х655 м, ориентированный почти по сторонам света, вытянутый в направлении север-юг. За пределами города расположен сельскохозяйственный посад. С запада и юга юг городища находится русло реки. На городище имеется 35 башен выступающих наружу вала и 5 ворот, две поперечные и одна продольная улица.

Город имел компактную квартальную застройку. Жилые районы города состояли из кварталов, которые должны были делиться улицами и переулками. Внутри кварталов достаточно скученно располагались жилища. В процессе раскопок была обнаружена серия жилищ разных строительных горизонтов с отопительной системой (*кан*). Найдено большое количество артефактов, включая керамику, фарфор, украшения, черепицу, фаунистические остатки. К югу от городища за пределами городских стен найдены печи для обжига керамики. Данное городище являлось киданьским городом Чжэньчжоу. Согласно «*Ляо ши*» («*Истории династии Ляо*») в 1004 г. был построен город - крепость Чжэньчжоу - самый северо-западный рубеж киданьской империи. Сюда было отправлено для несения воинской службы две «тьмы» киданьских воинов, а также 700 земледельцев и ремесленников из числа бохайцев, чжурчжэней и китайцев (Крадин и др., 2011). Кроме этого, на территории Монголии исследовалось в 2009 и 2013 гг. городище Эмгэнтийн-хэрэм (Крадин и др., 2011а) и в 2010-2012 гг. городище Хэрмэн-дэнж (Крадин, Ивлиев, Васютин 2013), а также так называемый «вал Чингис-хана», который был построен киданями для защиты от монгольских кочевников. Вал протянулся на 700 км, пересекая Восточную Монголию, российское Забайкалье и Внутреннюю Монголию КНР. Вдоль него было построено 50 приграничных крепостей (Луньков и др., 2009).

Создание империи Чингис-хана и монгольские завоевания в XIII веке совпали с новым периодом влажности в степях Внутренней Азии и Восточной Европы, а также с демографическим и экономическим подъемом во всех частях Старого Света. Монголы были одержимы идеей покорения мира и принесли кровь и смерть многим народам Старого Света. Однако результаты их завоеваний имели не только негативные последствия. Завоеватели создали среду, благоприятную для развития культурных и торговых обменов. В течение короткого времени это сломало барьер между странами и цивилизациями и открыло путь мощным потокам товаров и идей. Все это стало основой для «средневековой глобализации» - плодотворного технологического и культурного обмена, способствовало претворению в жизнь новых возможностей и уникальных открытий, которым через несколько столетий было суждено перевернуть весь мир (Крадин, Скрынникова, 2006).

Одно из наиболее известных протогородских поселений раннемонгольского времени – Аврага. Оно расположено в излучине Керулена. В этом месте зафик-

сированы следы трех десятков подквадратных насыпей, вытянутых в линию с запада на восток примерно на 1200 м. Примерно по центру расположено главное сооружение – платформа прямоугольной формы (11.1 х 7.9 м.), где стояла юрта хана. С севера все поселение отгорожено невысоким дугообразным валом. Японские археологи полагают, что здесь располагалась ранняя ставка Чингисхана (Shiraishi, 2006).

Столица монгольской империи – Каракорум (монг. Хархорин) имела форму близкую к прямоугольнику (в южной части – к равнобедренной трапеции). Длинные стороны (около 2.5 км) были ориентированы по линии северо-восток – юго-запад. С северной стороны длина вала равнялась 1.6 км. С южной стороны – около 1.3 км. Город был разделен на несколько участков. В одной зоне располагались усадьбы аристократии и хаганский дворец, в другой были расселены чжурчжэньские и китайские ремесленники, третья была занята мусульманскими купцами. В городе существовало не менее четырех рынков, церкви и кумирни различных конфессий.

В 1948-1949 гг. в Каракоруме проводил раскопки выдающийся советский археолог С.В.Киселев (1965). Начиная с 1999 г. город исследуется германо-монгольской экспедицией (Bemmann, Erdenebat, Pohl, 2010). Исследования ведутся в двух местах. Один отряд под руководством Х.-Г.Хюттеля занимался изучением дворца, раскопанного С.В.Киселевым. Хюттель пришел к выводу, что данное сооружение было храмом, но не дворцом Угэдей-хагана. Дворец, по его мнению, должен был располагаться в районе современного монастыря Эрдэнидзуу. Там при исследовании культурных отложений в районе стены храма были обнаружены остатки стены средневекового времени (Hüttel 2009).

Другой отряд под руководством Э.Поля проводил исследования в районе перекрестка главных улиц. Была уточнена стратиграфия, обнаружены жилища с канами, большое количество самых разнообразных находок, которые свидетельствовали о смешении различных культурных стилей и традиций. Каракорум оставался столицей до 1260 г.

На территории Забайкалья также находятся памятники градостроительной культуры времени монгольской империи – Хирхиринское городище (Киселев, 1965; Артьемьев 2005) и синхронный с ним могильник Окошки (Харинский и др. 2014), Кондуйский городок (Кузнецов, 1925; Киселев, 1965), усадьбы дворцового типа Нарсатуй (Данилов, 2004. С.83-84) и Алестуй (Крадин и др., 2012).

Таким образом, города монгольской империи, как и города более ранних кочевых империй, имели самые разнообразные функции. Можно выделить наиболее значимые из них. Небольшие городища являлись местом сосредоточения земледельцев и ремесленников. Более крупные выполняли расширенный круг функций. Они являлись дополнительно центрами власти, сбора дани, торговли и обмена. В приграничных районах в условиях фронтира города могли быть местом защиты земледельцев и ремесленников, концентрации продовольственных и иных ресурсов. Вкратце функциональный статус городищ и городов в

кочевых империях Внутренней Азии может быть выражен следующим образом (табл. 1).

Табл. 1. Функции городов и городищ в кочевых империях

	админ.	дальняя торг.	ремесло	религия	землед.
Хунну	?		+		+
Сяньби			?		+
жужани	?				
Тюрки				?	
Уйгуры	+/-	+	+	+	?
Кидани	+/-	+	+	+	+
монголы	+/-	+	+	+	+

Важной особенностью, характерной именно для кочевых империй, является то, что город обязательно связан с какой-либо рекой, поскольку большинство территории Монголии не пригодно для занятия земледелием, а наличие поблизости водных источников давало возможность орошать поля. Еще одна типичная черта – сезонный характер присутствия в городах кочевой элиты. Психология кочевника отрицательно относилась к стационарности как оскорбляющей самолюбие свободного номада. Даже если элита кочевых империй создавала города, она не жила там круглый год, возвращаясь туда только время от времени.

Во Внутренней Азии четко фиксируется динамика урбанизационных процессов (Табл. 2). Если для ранних империй характерно только наличие укрепленных поселений, в которых было сосредоточено ремесленно-земледельческое населения, то в эпоху раннего средневековья в Уйгурском каганате уже существуют настоящие города и появляется огромный мегаполис – Карабалгасун. В эпоху империи Ляо эти процессы получили дальнейшее развитие. В стране была разветвленная система городов разных по функциям и своему рангу, существовала система пяти столиц. В монгольское время урбанизационные процессы получили дальнейшее развитие, но надо иметь ввиду, что в разных частях империи эти процессы проходили в соответствии с региональной спецификой. Общим было отсутствие системы укрепления городов в период расцвета империи (победители никого не опасались), а также формирование системы столичных городов мегаполисов с яркой многоэтничной культурой.

Табл. 2. Динамика урбанизационных процессов

	мир-система	столица	города	городища
хунну	рост/упадок		?	+
сяньби	упадок			+
жужани	упадок/рост	столица (?)		
тюрки	рост			
уйгуры	упадок	мегаполис	+	+
кидани	упадок/рост	5 столиц	+	+
монголы	рост	мегаполисы	+	

Имперские города кочевников представляют собой сложное многофункциональное явление. С одной стороны, это политический центр – место сосредоточения элиты и аппарата управления, место концентрации и перераспределения военной добычи и дани. С другой стороны, это крупный центр международной торговли и производства. Кроме того, имперский город – это обязательно своеобразный культурный котел, в котором смешиваются традиции различных народов и стран, рождаются новые моды, инновационные импульсы. Наконец, дворцы, стены и храмы имперского города – это своего рода материальная презентация власти, реализация в опредмеченной форме притязаний их владельцев на территориальное и идеологическое господство.

Подытоживая все вышесказанное, следует сказать, что для ранних типичных кочевых империй, существовавших, главным образом, за счет дистанционной эксплуатации было характерно в основном наличие поселений и городищ, в которых концентрировались ремесленники и земледельцы. Развитие шелкового пути способствовало появлению имперского мегаполиса – столицы Уйгурского каганата города Карабалгасуна. С формированием дуально-административной империи на территории Внутренней Монголии начинается активное строительство городов, формируется система пяти столиц и других городов подчиненного статуса. В эпоху монгольской глобализации урбанизационные процессы получают дальнейшее развитие. Формируется целая система имперских городов-мегаполисов.

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 14-18-01165

Литература

Артемьев А.Р. Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья // Вестник ДВО РАН. 2005. № 2. С. 3-18.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Срединной Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 381 с.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) - памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 111 с.

Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 201 с.

Ивлиев А.Л. Городища киданей // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Отв. ред. В.Л.Леньков. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. С. 120-133.

Киселев С.В. Древние города Монголии // Советская археология. 1957. №2. С. 91-101.

Киселев С.В. Древние города Забайкалья // Советская археология. 1958. №4. С. 107-119.

Киселев С.В. (ред.) Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. 372 с.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Логос, 2002. 312 с.

Крадин Н.Н. Города в средневековых кочевых империях монгольских степей // Средние века. 2011. Т. 72. № 1-2. С. 330-351.

Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История киданьской империи Ляо (907–1125). М.: Наука - Вост. литература.

Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Васютин С.А., Данилов С.В., Никитин Ю.Г., Эрдэнэболд. Л. Киданьский город Чинтолгой-балгас и др. М.: Восточная литература, 2011. 173 с.

Крадин Н.Н. Ивлиев А.Л., Очир А., Васютин С.А., Эрдэнэболд Л. Предварительные результаты исследования вала городища Эмгэнтийн хэрэм // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011а. Вып. 6. С. 100-107.

Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Васютин С.А. Киданьские города конца X – начала XI в. в Центральной Монголии и социальные процессы на периферии империи Ляо // Вестник Томского государственного университета, сер. История. 2013. №2. С. 53-57.

Крадин Н.Н., Саранцева С.Е., Харинский А.В., Ковычев Е.В. Исследование средневековой монгольской усадьбы Алестуй в Забайкалье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Мат. III межд. научн. конф. Т. 2. Улан-Батор, 2012. С. 381-387.

Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература РАН, 2006. 557 с.

Кузнецов А.К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток: Книжное дело, 1925. 63 с.

Луньков А.В., Харинский А.В., Крадин Н.Н., Ковычев Е.В. Пограничные сооружения киданей в Забайкалье // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 7. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. С.155-172.

Майдар Д., Пюрвеев Д. От кочевой до мобильной архитектуры. М.: Стройиздат, 1980. 216 с.

Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт, дундад уеиин хог суурины товчоон. Улаанбаатар, 1961. 161 с.

Таскин В.С. (перев.) Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Перевод и коммент. В.С.Таскина. М.: Наука, 1984. 487 с.

Харинский А.В., Номоконова Т.Ю., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Останки животных в монгольских захоронениях XIII−XIV вв. могильника Окошки I (Юго-Восточное Забайкалье) // Российская археология. 2014. № 1. С. 69-82.

Bemmann J., Erdenebat U., and Pohl E. (eds.). Mongolian-German Karakorum-Expedition Vol. 1. Excavations in the Craftsmen-Quarter at the Main Road. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2010 (Forschungen zur Archäologie Außereuropäischer Kulturen, Vol.8). 338 p.

Hüttel H.-G. Royal Palace or Buddhist Temple? On Search for the Karakorum Palace // Current Archaeological Research in Mongolia. Ed. by J.Bemmann, H.Parzinger, E.Pohl, D.Tseveendorzh. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universitat Bonn, 2009. P. 535–548.

Hüttel H.-G., Erdenebat U. Karabalgasun und Karakorum - Zwei spaaatnomadische Stadtsiedlungen im Orchon-Tal. Ulaanbaatar, 2009.

Minorsky V. Tamim ibn Bahr's journey to the Uyghurs // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1948. Vol. 12. P. 275-305.

Rogers D., Erdenebat U., Gallon M. Urban centres and the emergence of empires in Eastern Inner Asia // Antiquity. Vol. 79. 2005. P. 801–818.

Shiraishi, Noriyuki. Avraga Site: The 'Great Ordu' Of Genghis Khan // Beyond the Legacy of Genghis Khan. Ed. by L.Konaroff. Leiden and Boston: Brill, 2006. P. 83-93.

Waugh D. Nomads and Settlement: New Perspectives in the Archaeology of Mongolia // Silk Road. Vol. 8. 2010. P.97-124.

М. А. Очир-Горяева[67]

ПОСЕЛЕНИЯ СТЕПНОЙ ЗОНЫ ЕВРАЗИИ СКИФСКОЙ ЭПОХИ

Статья посвящена обзору памятников проживания: поселений и стоянок с культурным слоем, которые существовали в одно и то же время и на одной и той же территории с курганами кочевников скифской эпохи степного пояса Евразии. К обзору привлечены также грунтовые могильники с рассматриваемой территории. Количество открытых и исследованных памятников проживания и грунтовых могильников достигло количества, позволяющего выявить закономерности в их распространении и в соотношении с курганами скифов, саков, пазырыкцев Горного Алтая и племен скифской эпохи Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и степных долин Саянского нагорья.

Ключевые слова: Степи Евразии, скифская эпоха, курганы, поселения, стоянки, грунтовые могильники, оседлое население, кочевники.

Maria Ochir-Goryaeva

ARCHEOLOGICAL SITES OF ANCIENT DWELLINGS IN THE EURASIAN STEPPE OF THE SCYTHIAN EPOCH

The article gives a survey of archeological sites of ancient dwellings such as settlements and camps with preserved cultural layers, which were contemporary to the kurgans (mounds) of the

[67] ОЧИР-ГОРЯЕВА Мария Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. E-mail: mariaochir@rambler.ru.

Scythian epoch, as well as were located in their proximity in the steppe belt of Eurasia. The survey also takes into account graveyards of the region under discussion. Notably, the number of registered and examined ancient dwellings and graveyards has now formed a sufficiently representative database that allows for identifying general patterns in their spread as compared with kurgans of the Scythians, Saka, Pazyryk of Gorny Altai, as well as ancient populations of the Lower Volga, Southern Ural and steppe valleys of the Sayan mountains dating to the Scythian epoch.

Key words: Eurasian steppe, Scythian epoch, kurgans (mounds), settlements, camps, graveyards, sedentary population, nomads.

Введение

До последнего времени считалось, что основным источником по археологии степной зоны Евразии скифской эпохи являются курганы, то есть погребальные памятники. Считалось, что богатейшие царские курганы и курганы, на взгляд археологов, рядового населения были оставлены кочевниками. При этом памятники проживания: поселения и стоянки на тех же территориях рассматривались как не имеющие прямого отношения к кочевникам. Однако в последние годы исследователи все чаще обращают внимание на памятники проживания. Опубликованные в последние годы материалы и исследования поселений и стоянок показали, что количество и качество памятников оседлости на степных территориях не позволяют и далее игнорировать их значение как в экономической, так и в других областях культуры населения скифской эпохи степной зоны Евразии.

Постановка задачи

Традиционно в археологии понимается, что носители культуры скифского круга или скифского времени являются во-первых кочевниками, а во-вторых, если не родственными, то близкими. Такое представление базировалось на результатах изучения погребального инвентаря, в котором прослеживалась так называемая скифская триада – единые формы оружия, конского снаряжения и искусства звериного стиля. Установленная общность на базе погребального инвентаря интерполировалась на образ жизни и тип хозяйства. Между тем, погребальные памятники являются в первую очередь обьектами сакральной сферы культуры древнего населения. Прямое использование их для реконструкции типа хозяйства, образа жизни и других комплексных явлений профанной, практической сферы не совсем оправданно, прежде всего, методически. Общие черты погребального обряда свидетельствуют в первую очередь об общности религиозно-мифологических представлений. Захоронения в курганах не могут служить прямым доказательством кочевого образа жизни. Элитарные погребения в курганах практиковали и оседлые народы вплоть до эпохи средневековья.

Рассматриваемые в данной статье культуры классического скифского времени синхронны памятникам степной зоны Северного Причерноморья, которые принадлежали «собственным скифам», в землях которых побывал в середине V в. до н.э. Геродот[68] и описал их как скифов. Население остальных регионов при-

[68] Термин «собственные скифы» был введен Б.Н. Граковым и А.И.Мелюковой [Граков, Мелюкова, 1952, с. 93].

нято называть кочевниками скифской эпохи или скифского времени. Скифами их называют только в общем расширительном значении, в основном в научно-популярной литературе. К названному кругу культур относятся, если продвигаться от Северного Причерноморья на восток: памятники степей Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, памятники сакской культуры степных долин Семиречья, Ишимских и Кулундинских степей[69], памятники степных долин Горного Алтая (пазырыкская культура) и степных долин Саянского нагорья[70] (уюкско-саглынская культура).

В изучении культуры, искусства, идеологических представлений ранних кочевников Евразии достигнуты большие успехи. Однако изучению соотношения погребальных археологических памятников скифской эпохи – курганов и памятников проживания: городищ, поселений, стоянок, а также относимых к оседлому населению грунтовых могильников все еще уделяется недостаточно внимания. Данная статья ставит своей целью привлечь внимание исследователей к данной интересной проблеме.

Количество погребальных памятников в степной зоне Евразии.

В сводке «Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья», опубликованной в 1986 г., учтено 124 погребений конца VI–V в. до н.э. и 2300 погребений, датирующихся IV–началом III в. до н.э. [Черненко и др., 1986, с. 352]. Этот количество только курганных захоронений. Скифы-степняки Северного Причерноморья оставили также немалое количество грунтовых захоронений. В последнем издании труда по экономике Скифии Гаврилюк Н.А. оценивает общее количество погребений (курганных и грунтовых) в цифру приблизительно 4000 погребений [Гаврилюк, 2013, с. 85].

На всей территории Нижнего Поволжья в конце 1980-х гг. мной было учтено 226 инвентарных погребений конца 6–начала 4 века до н.э. [Очир-Горяева, 1988, приложение1]. По моим наблюдениям, количество погребений скифской эпохи в Нижнем Поволжье пополняется единицами, и вряд ли перевалило на сегодняшний день число 300. Поэтому, учитывая приблизительность расчетов можно считать именно эту цифру как приемлемую для памятников классической скифской эпохи Нижнего Поволжья.

---

[69] Территории, которые традиционно в скифской археологии определяют как степи северного Казахстана, географически совпадают с территориями Ишимской и Кулундинской степей. Последние относятся к южной части Западно-сибирской низменности, они вполне адекватны пониманию этой территории археологами, так как включают кроме североказахстанских в археологическом отношении единые памятники на территории Российской федерации. Ишимская степь расположена между реками Тобол и Иртыш , к ней относятся территории севера Казахстана и Курганской, Тюменской и Омской областей Российской федерации. Кулундинская степь расположена в междуречье Иртыша и Оби, к ней относятся территории Павлодарской области Казахстана и Алтайского края Российской Федерации. Ишимская степь совпадает примерно с Сергеевским и Ишимско-Чаглинским микрорайоном, а Кулундинская совпадает с Павлодарским микрорайоном, выделенными М.Хабдулиной [Хабдулина, 1994].

[70] То же самое с территорией, которую в российской археологии традиционно определяют как Тува или Верхний Енисей [Савинов, 2002]. Географическое определение степные долины (котловины) Саянского нагорья, на мой взгляд, более точно отражает приуроченность археологических памятников к степному ландшафту.

В Южном Приуралье, в свое время мной было учтено 106 инвентарных погребений [Очир-Горяева**,** 1988, приложение1]. Однако в последующие годы погребения скифской эпохи были раскопаны целым сериями, и по моим прикидкам, в настоящее время там насчитывается около 500 инвентарных комплексов скифского времени [Очир-Горяева, 2006а, с. 107–122; 2006б, с. 94–107]. В Ишимских степях М. Хабдулиной были учтены 165 погребений V-II вв до н.э. [Хабдулина, 1994, с.19]. Это без учета семиреченских сакских погребений, количество которых явно превышает количество погребений северных степей. Согласно последним опубликованным данным, насчитывается почти 600 погребений пазырыкской культуры [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 144]. В степных долинах Саянского нагорья, согласно учету памятников, проведенному в 1989 г., насчитывалось 334 погребения саглынской культуры скифского времени [Савинов, 2002. С. 107]. С учетом последующих раскопок в последние 24 года количество памятников должно достичь цифры около 500 погребений. Согласно этим примерным расчетам, количество раскопанных погребений по всему степному поясу Евразии составляет от шести до семи тысяч. В степях Евразии на перечисленных территориях позднее, в историческую эпоху проживали.

Рассмотрим теперь исследованные и учтенные памятники проживания на этой же территории.

Памятники проживания: поселения и стоянки степной зоны Евразии

В Северном Причерноморье по данным Гаврилюк Н.А. памятники оседлости известны по берегам пойм всех крупных рек: в Побужье-Поингульце, Поднестровье, Подонье, на реках Молочной, Утлюках, Корсаке и т.д. Но среди всех областей, именно в Нижнем Поднепровье плотность поселений скифской эпохи особенно высока. Здесь кроме Каменского городища, имеются еще два крупных городища (Совутинское и Копуловское), а также насчитывается 106 поселений, различных по размерам и степени изученности. Все они находятся на той же территории среднего течения Днепра, где находятся большинство скифских курганов, в том числе царских. По данным разведок известно также, что десятки памятников оседлости скифской эпохи не удалось исследовать до затопления их водами Каховского водохранилища [Гаврилюк, 2013, с. 158]. Аналогией столь интенсивному заселению в скифскую эпоху является Нижнее Подонье с Елизаветовским городищем в центре. О плотности населения степного Причерноморья свидетельствуют также впечатляющее количество грунтовых могильников скифского населения. По сводке Остапенко М.А. только в Правобережном Приднепровье насчитывается 22 грунтовых могильника, часть из которых насчитывает десятки погребений [Остапенко, 2007, с.143-179]. Например, в могильнике Скельки было исследовано 51 скифское грунтовое погребение [Попандопуло, 2011]. В некрополе у с. Николаевке – 68 погребений [Мелюкова, 1975]. Особенно можно выделить могильник Мамай-Гора, в котором были открыты 341 погребений V– IV вв. [Тощев, 2009, с. 189-190].

В **Нижнем Поволожье** не исследовано до сих пор ни одного поселения или стоянки скифской эпохи. Имеются сведения о находках раннескифского и скифского времени на развеянных дюнах на юге Республики Калмыкии и Астраханской области, на Маныче, и на левом берегу Волги, основанные на разведках, проведенных в 1929–1947 гг. Они были указаны в своде памятников и в статье К.Ф. Смирнова «Производство и характер хозяйства ранних сарматов» [Смирнов, Петренко, 1963, с.10-17; Смирнов, 1964, с.45–63]. Но в последующие годы, несмотря на масштабные раскопки ряда поселений среднего бронзового века [Малов, Филипченко, 1995, с.52–61], и многочисленных поселений позднего бронзового века [Памятники срубной культуры, 1993] ни разу не были зафиксированы слои скифского времени на левом берегу Волги. В указанных Смирновым К.Ф. местах на юге Республики Калмыкия и Астраханской области были проведенные разведки поселений в 1970-х годах [Кольцов, 1982, с. 100–107] , в 1980-90-х годах [Малов, 1989; Шаральдинов, 1995], а также автором строк в 2002 и 2010 гг. [Очир-Горяева, 2003; 2011], тем не менее, не удалось обнаружить ни одно местонахождение, которое можно было бы интерпретировать как поселение или стоянку скифского времени. Отдельные находки скифо-сарматской эпохи были сделаны В.И. Марковиным на территориях, приграничных с Республикой Дагестан [Марковин, 1979, с. 117-118; 1980, с. 117; 1991, с. 20–52]. Похоже, что даже если поселения скифской эпохи и существовали, количество и размеры их были незначительными, соответственно они не играли существенной роли в экономике племен скифского времени в Нижнем Поволжье.

В степях **Южного Приуралья** также еще не исследованы поселения скифской эпохи. М.Г. Мошкова в публикации Аландского могильника предполагала частичную оседлость племен, живших в бассейнах рек Сакмары, Чагана, Илека и Белой, исходя из природно-географической среды, факта существования обширных дромосных могил с последовательными подхоронениями и преобладания в качестве заупокойной пищи костей крупного рогатого скота [Мошкова, 1972, с. 49]. Позднее к аналогичному предположению о частичной оседлости населения на более обширной фактологической базе пришел Б.Ф. Железчиков [Железчиков, 1983, с. 56]. Список из семи местонахождений с керамикой скифского времени, «позднесавроматскской и раннепрохоровской» [Пшеничнюк, 1983, с. 74] был опубликован Н.С. Савельевым. Пока ни одно из этих местонахождений не подвергнуто стационарным раскопкам, но примечательна серийность местонахождений и приуроченность памятников проживания к крупным курганным могильникам скифской эпохи: Аландского и Переволочанского и др. [Савельев, 1998, с. 53–58].

В **Ишимских и Кулундинских степях** по данным М. Хабдулиной насчитывается целый ряд поселений раннего железного века, а также ряд более мелких поселений-стойбищ с тонким культурным слоем, открытых А.З. Бейсеновым в Каркалинских горах [Хабдулина, 2003, с. 189–199]. Поселения Кеноткель–Х, Таскора, Таскора–1 были открыты впервые в 90-х годах прошлого века. На этих

памятниках были исследованы жилища двух типов: землянки и полуземлянки, стены которых были зачастую выложены камнем. На поселениях зафиксированы следы жилых конструкций. Количество жилищ на поселениях колеблется от 3-4 до 10-40. Керамика этих памятников определена как кеноктельско-таскорской комплекс, который служит датирующим признаком. По аналогиям с материалом вновь открытых поселений, в виде мотыжек и кеноктельско-таскорской керамики были передатированы сакским временем целый ряд поселений, ранее относимых к переходному периоду: Тагибай Булак, Кулман. «Существование поселений с капитальными и трудоемкими по возведению строениями – свидетельство их круглогодичного и стационарного использования. Наличие оседлых памятников второго типа – небольших по площади стойбищ, расположенных в горных мелкосопочных долинах, свидетельствует о сезонном характере отгонного скотоводства» [Хабдулина, 2003, с. 198].

В горных долинах Семиречья, где расположены знаменитые Бесшатырские курганы и курган Иссык, в 1994-2001 гг. казахско-американской экспедицией были проведены комплексные исследования. В долинах небольших рек Талгар, Цыганка и Талды-Булак были обнаружены 16 поселений сакского времени. На трех из них – поселениях Тузусай, Цыганка-8 и Цыганка-4 проведены раскопки, которые выявили жилища полуземляночного типа, с очагами и обмазкой полов. Палеоботанические исследования выявили наличие зерен пшеницы, проса, ячменя. На поселении Тузусай обнаружены зерна риса и рисовая шелуха. Один из найденных сортов пшеницы мог культивироваться только с помощью искусственного орошения. Кроме скотоводства оседлая часть сакского населения практиковала богарное и орошаемое земледелие, выращивала ячмень, просо, пшеницу и, возможно, рис [Chang and i.al, 2002].

На территории распространения пазырыкской археологической культуры в **степных долинах Горного Алтая** с 1983 по 1990 гг. было открыто 92 поселения эпохи энеолита, бронзы, раннего железного века и средневековья. Культурный слой раннего железного века встречался намного чаще и зафиксирован на 89 поселениях. Из них 37 поселений были однослойными пазырыкскими. Важным является, что поселения также как и в Ишимских и Кулундинских степях делятся на два типа. Одни из них с тонким культурным слоем расположены в высокогорных районах и демонстрируют строгую ландшафтную приуроченность. Все они расположены в логах горных долин, защищенных от ветров. Поселения с мощным культурным слоем расположены на склонах южной экспозиции в широких долинах правых притоков р. Катуни. П.И. Шульга предполагает, что поселения с тонким слоем были оставлены скотоводами, в то время как поселения с мощным культурным слоем оставлены населением, ведшим комплексное земледельческое хозяйство. По результатам разведочных раскопок на ряде поселений установлено наличие солидного культурного слоя до 40 см с костями животных и фрагментами керамики. Поселенческая керамика сходна с фрагментами керамики из насыпей и поминальных колец пазырыкских курганов. На иссле-

дованных П.И. Шульгой поселениях получено более 10 тысяч фрагментов костей животных. Вид животных удалось установить на 5940 фрагментах костей. В процентном отношении первое место занимают кости лошади, затем овец и последнее место занимают кости крупного рогатого скота, т.е. коров. Соотношение перечисленных видов животных варьирует в различных регионах Горного Алтая [Шульга, 1990; 1998, с. 44–47].

Степные долины Саянского нагорья. На территории распространения уюкско-саглынской культуры в последние годы также открыты несколько поселений с культурным слоем, часть которого сформировалась в скифское время. Одно из них открыто П.И. Шульгой в знаменитой Уюкской долине Саянского нагорья, где были раскопаны два царских кургана Аржан и Аржан-2. «Судя по мощности культурного слоя (более 80 см) и керамике поселение функционировало в раннем железном веке и, возможно, в гунно-сарматское время. Нельзя полностью исключить и наличие более ранних слоев III-II тыс. до н.э. Культурный слой насыщен хорошо сохранившимися колотыми костями животных, керамикой (сосуды с валиками, один – с поддоном) и углями. Зафиксированы фрагменты жилищных (?) конструкций из камня» [Шульга, 2011, с. 267]. Схема расположения в логах горных долин, защищенных от ветров, полностью совпадает с пазырыкскими поселениями, в чем выражается, конечно же, одинаковая ландшафтно-географическая ситуация. Судя по приведенным данным, племена Нижнего Поволжья оказываются чуть ли не единственными в степной зоне Евразии, ведшими экстенсивное кочевое скотоводство без симбиоза с анклавами оседлого населения на их территории.

Географические условия регионов и их влияние на схемы сезонных миграций.

Основной массив погребальных памятников скифов **Северного Причерноморья** располагается в нижнем течении Днепра, региона по благоприятности водных и кормовых ресурсов, в скифскую эпоху напоминавших плодородную дельту Нила, поскольку в этом регионе скифская эпоха совпадает с этапом климатического оптимума с заметным потеплением климата. В нижнем течении Днепра леса тянулись сплошной широкой полосой на 40–50 км до начала Крымского полуострова. В районе расположения лиманов более крупных рек, таких как Днепр, Южный Буг и Днестр, которые в связи с понижением уровня Черного моря либо еще не существовали, либо были заметно мельче, господствовали заливные низины [Ievlev, 1991, p. 18–23; Ивлев, 1991, с. 311–319]. Это обстоятельство позволяет предполагать, что амплтитуда кочевания скифов давала возможность не изнурять себя длительными сезонными миграциями.

В Нижнем Поволжье оба берега Волги использовались ранними кочевниками скифской эпохи попеременно для сезонных миграций. При этом с максимальной выгодой использовались географические особенности двух побережий. Скудость

жизнеобеспечивающих ресурсов полупустынных степей на правом берегу р. Волги не позволяла кочевникам выпасать там скот летом, поэтому летом они вынуждены были покидать правый берег и кочевать на левом берегу р. Волги. Зимовать на левом берегу кочевники не могли из-за высокого снежного покрова, не позволявшего пасти скот. Поэтому им приходилось осенью возвращаться на правый берег. Таким образом, обстоятельства вынуждали нижневолжских кочевников предпринимать сезонные меридиональные миграции, преодолевая 300-700 км.

Протяженные сезонные миграции, по всей видимости, вынуждено было совершать южноприуральское население скифской эпохи. Согласно разработкам А.Д. Таирова, сезонные миграции во многом совпадали с путями миграций степных антилоп, имели и по протяженности достигали нескольких сот километров [Таиров, 1993, с.35-40]. По Ишимским и Кулундинским степям данных мне неизвестно. Население степных горных долин Семиречья, Горного Алтая и Саянского нагорья, то есть племена сакские, пазырыкские и уюкско-саглынские могли кочевать только в пределах своих долин, протяженность которых варьировала в пределах десятков километров, редко – пары сотен километров. Например, самая крупная Чуйская степь Горного Алтая представляет собой слабоволнистую равнину длиной 70 км и шириной от 10 км до 40 км [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 93–98].

Соотношение погребальных памятников и поселений.

По определению А.М. Хазанова проживание в одной экологической зоне кочевников и оседлого населения приводило к интеграции их в единую социально-политическую и экономическую систему [Хазанов, 2002, с. 366–369]. Такую же схему предполагает Чанг К. и для саков Семиречья, когда усиление кочевников и подчинение оседлого сельскохозяйственного населения региона привело к накоплению огромного богатства благодаря контролю над торговыми путями и развитию сельских и урбанистических поселений в конце сакского времени [Chang et al., 2002, p. 89–90].

Показателем экономического процветания населения скифской эпохи можно считать наиболее богатые, или, как их еще определяют, «элитные» погребальные комплексы в Северном Причерноморье по подсчетам Мозолевского Б.Н. выделялись 23 кургана царского ранга [Мозолевский, 1979, с. 152, табл. 4] и более сорока курганов знати, которые он разделил на четыре категории по высоте курганов от 3 м до 21 метра. Несметные в буквальном смысле слова сокровища скифских элитных курганов приобрели всемирную известность, о чем свидетельствуют десятки солидных томов каталогов выставок по скифскому золоту [Artamonov, 1970; Gold der Steppe, 1991; Gold der Skythen,1993; Scythian Gold, 1999]. Основой богатства скифов, как полагают специалисты, была торговля зерном, сбор дани с греческих городов, а также широко развитая работорговля для тех же греческих колоний.

Среди памятников скифской эпохи Нижнего Поволжья не удается выделить ни одного погребения, которое можно было бы отнести к категории элитных.

Не встречены в курганах Нижнего Поволжья и сопровождающие захоронения коней. Имеется только 17 погребений с предметами узды. В целом отсутствие элитных погребений обнаруживает некий провинциальный характер культуры и скудость материальных и социальных ресурсов.

В соседнем Южном Приуралье категорию царского имеет курган 1 Филипповского могильника [Пшеничнюк, 1989; The golden deer of Eurasia, 2001]. Около десятка элитных курганов того же Филипповского могильника и могильника Прохоровка содержат солидное количество золота, предметов искусства и импортов из Передней Азии [Яблонский, 2008; 2010]. Элитными курганами саков являются Чиликтинский курган, Иссык с погребением «золотого человека», а также большие курганы Бесшатырского могильника [Черников, 1963; Акишев, Кушаев, 1963; Акишев, 1976]. Элитными курганами пазырыкской культуры являются два Туэктинских, два Башадарских [Грязнов, 1960; Руденко, 1953; 1960], Большой Катандинский [Радлов, 1979], курган Шибе [Баркова, 1978, с. 37–44] и два кургана могильника Берель [Сорокин, 1969, с. 208–236; Samashev und andere, s. 237–277]. Пять курганов могильника Ак-алаха, один курган из могильника Кутургунтас также обладают всеми признаками элитных погребений [Полосьмак, 2001; Феномен алтайских мумий, 2001). В степных долинах Саянского нагорья имеется ряд богатых погребений развитой уюкско-саглынской культуры. Ярким элитным погребением генетически связанного, раннего алдыбельско-уюкского этапа является курган Аржан-2 [Cugunov, Parzinger, Nagler, s. 113–162].

Получается, что во всех регионах известны элитные погребения, кроме Нижнего Поволжья, где также не известно ни одного поселения этого времени. Не может ли слабая экономическая база племен Нижнего Поволжья в скифскую эпоху объясняться тем, что на их территории не существовало значительных поселений, анклавов оседлого населения, занятого обработкой земли, добычей полезных ископаемых, ремеслами и другой интенсивной деятельностью, то есть производством прибавочного продукта?

Заключение

Проведенный обзор показывает, что памятники проживания: поселения и стоянки скифской эпохи остаются недостаточно исследованными, также как вопросы о соотношении их с давно и хорошо изученными курганными погребениями и роли оседлого населения в процветании кочевой элиты в скифскую эпоху на просторах степей Евразии.

Литература

Акишев К.А. Культура саков долины реки Или (VII–IV вв. до н. э.) // Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: б/и, 1963. – С. 9–136.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 130 с.

Баркова Л.Л. Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ. 1978. Вып. 19. – С. 37–44.

Гаврилюк Н.А. Экономика Степной Скифии VI−III вв. до н. э. – Киев: ИА НАНУ, 2013. – 712 с.

Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР в 1952 г.). – Изд-во АН СССР. М. 1952. – С. 39–94.

Железчиков Б.Ф. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э. // История и культура сарматов: Межвузовский научный сборник. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. – С.54–58.

Ивлев М.И. Приложение 4. Палеогеографическая обстановка в районе Нижнего Поднепровья в IV в. до н. э. // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н.э.). – Киев: Наукова думка, 1991. – С. 311–319.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1997. – 233 с.

Кольцов П.М. Результаты археологических разведок 1976-1980 гг. на территории Калмыцкой АССР // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков / Отв. ред. проф. У.Э. Эрдниев. – Элиста, 1982. – С. 100-107.

Малов Н.М. Отчет об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР, Саратовской и Волгоградской областях в 1989. // Архив ИА РАН. – Р-1, 13669.

Малов Н.М., Филипченко В.Р. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологический Вестник 4. СПб., – 1995. – С. 52-61.

Марковин В.И. Материалы к историко-археологической карте Калмыкии // Материалы и исследования по археологии Калмыкии – КГУ. – Элиста, 1991. С.20-52.

Марковин В.И. Разведки в юго-восточных районах Калмыкии и предгорном Дагестане // АО. 1979. – М.: Наука, 1980. – С. 117-118.

Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. Наука. – М., 1975. – 259 с.

Мозолевський Б.М. Товста Могила. – Київ: Наукова думка, 1979. – 213 с.

Мошкова М. Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. – М.: Наука, 1972. – С. 49–78. (МИА; № 153).

Остапенко М.А. Скифские бескурганные могильники Степного Поднепровья // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор.– М-Киев-Запорожье. Дикое поле. 2007. – С. 143–179.

Очир-Горяева М. А. Савроматская культура Нижнего Поволжья (VI–IV вв. до н. э.): Дис... канд. ист. наук. – Л., 1988. – 197с.

Очир-Горяева М.А. Отчет об археологических исследованиях на территории Республики Калмыкия в 2002 г.// Архив КИГИ РАН. – Опись 2. Дело 48.

Очир-Горяева М.А. Погребения с сопровождающими захоронениями коней и предметами конской узды скифской эпохи Южного Приуралья // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006а. Вып. 3, 4. – С. 107–122.

Очир-Горяева М.А. Уздечные наборы скифской эпохи Южного Приуралья // Lieber Archaeologicae: Сборник, посвященный 60-летию Б.А. Раева. – Краснодар. Ростов на Дону: ЮНЦ РАН, 2006б. – С. 94–106.

Очир-Горяева М.А. Отчет об археологических исследованиях на территории Республики Калмыкия в 2010 г. // Архив КИГИ РАН. – Опись 2. Дело 54.

Памятники срубной культуры. Волго-уральское междуречье. САИ. – Вып. В 1-10. Том 1. Саратов. 1993.

Полосьмак Н. В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

Пшеничнюк А.Х. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. – 1983. Уфа. – С. 72–80.

Пшеничнюк А.Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале. – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. – 32 с. (Препринт)

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: АН СССР, 1953. – 401 с.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: АН СССР, 1960. – 359 с.

Савельев Н.С. К вопросу о поселенческих памятниках ранних кочевников Южного Урала // Уфимский археологический сборник. – № 1. Уфа, 1998. – С. 53–58.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). – СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002. – 204 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. – М.: АН СССР, 1961. – 101 с. (МИА; №104).

Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья – М.: АН СССР, 1963. – 76 с. (САИ; Вып. Д1-9).

Смирнов К.Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. – 3. 1964. – С.45–63.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1965 и 1959 гг.) // Культура и искусство народов Востока. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1969. – С. 208–236. (Труды ГЭ; Вып. 7).

Таиров А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в 1тысячетелетии до н.э. // Кочевники урало-казахстанских степей. – Челябинск. 1993.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2003. – 429 с.

Тощев Г.Н. Мамай-Гора и археологические культуры степного Причерноморья // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. XV. Збірник науковых праць. – Запоріжжя, 2009. – С.189–190.

Хабдулина М.Х. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Ракурс, 1994. – 170 с.

Хабдулина М.Х. Поселения раннесакского времени на реке Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Том 1. Древние эпохи. Астана, 2003. – С. 189–198.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Дайк Пресс. Алматы, 2002. – 604 с.

Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.П., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1986. – 353 с.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». – М.Наука. – 188 с.

Шаральдинов С.В. Отчет о разведках в Яшкульском районе Республики Калмыкия // Архив КИОН РАН, Оп.1, 123. – 1995.

Шульга П. И. Поселения раннего железного века в Горном Алтае: – Автореф. дис. канд. ист. наук. Кемерово: КемГУ, 1990. – 24 с.

Шульга П.И Древние скотоводы Горного Алтая (по материалам поселений) // Поселения: среда, культура, социум. – СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1998. – С. 44–47.

Шульга П.И. О топографии поселений древних скотоводов в горно-степных ландшафтах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 года. Том XVII. Новосибирск, 2011. С. 265–268.

Яблонский Л.Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. – Таус, М. 2010.– 383 с. (МИАР. 12).

Яблонский Л.Т. Сокровища сарматский вождей (материалы раскопок Филипповких курганов). – Оренбург. Димур. 2008. – 142 с.

Artamonov M. Goldschatz der Skythen in der Ermitage.– Leningrad; Prague: Artia, 1970. – 341s.

Chang C., Tourtellotte p., Baipakov K.M.,Grigoriev F.P. The Evolution of Steppe Communities from the Bronze Age to Medieval Periods in Southern Kazakhstan (Zhetysu).(The Kazakh-American Talgar Project 1994–2001). – Sweet Briar-Almyty, 2002. – 179 p.

Cugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythische Fürstengrabhügel von Arzan 2 in Tuva // Eurasia Antiqua. – 2003. Bd. 9. – S. 113–162.

The golden deer of Eurasia. *N.Y.*: The Metropolitan Museum of Art, 2001. 303 p.

Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. – Neuenünster: Karl Wachholtz Verlag, – 1991. – 423 s.

Gold der Skythen. Schaetze aus der Staatliches Eremitage. – St Petersburg. Neumuenster: Karl Wachholtz Verlag, – 1993. 262 s.

Ievlev M.M. Die naturräumliche Gliederung der Ukraine // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. – Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1991. – S. 18–23.

Samasev Z.S., Bazarbaeva G.A., Zumabekova G.S. Die «goldhütendenGreife» des Herodot und die archäologische Kultur der Früheren Nomaden im Kazachischen Altai. Skythenzeitliche Kurgane von Berel und Tar-Asu // Eurasia Antiqua. – 2002. – Bd. 8. – S. 237–277.

Scythian Gold. The treasures from ancient Ukraine. – N.Y.: Abrams Inc, – 1999. – 352 p.

Я.Е. Пискарева[71]

МОХЭСКИЕ ГОРОДИЩА ЮЖНОГО ПРИМОРЬЯ

В статье дается обзор мохэских городищ южного Приморья. Рассматриваются особенности фортификации и топографии памятников.

Ключевые слова: мохэская культура, городища, укрепления, раннее средневековье, южное Приморье

Y.E. Piskareva

MOHE WALLED ANCIENT TOWNS OF SOUTHERN PRIMORYE

The article is devoted to Mohe sites of ancient towns of southern Primorye. It considers the features of fortification and topography of archeological sites.

[71] Пискарева Яна Евгеньевна, к.и.н., научный сотрудник Центра политической антропологии ИИАЭ ДВО РАН. Mail: 7yana7@mail.ru

The key words: the Mohe culture, sites of ancient towns, fortification, early Middle Ages, southern Primorye.

Введение

Мохэские памятники добохайского времени представлены преимущественно поселениями. Городищ и могильников известно значительно меньше. Вряд ли это можно объяснить только степенью изученности региона: южное Приморье, в отличие от северных территорий исследовано значительно лучше. Начиная еще с деятельности Дальневосточной экспедиции под руководством А.П. Окладникова, практически каждый сезон приносил новые сведения о памятниках мохэской культуры. Благодаря полевым исследованиям приморских археологов стали известны Синельниковское и Новоселищенское городища, Петровское, Борисовское, Криничное и другие. К сожалению ни на одном из них, кроме Синельниковском не проведены полноценные раскопки, а о принадлежности некоторых памятников к мохэской культуре можно говорить лишь предположительно. В данной работе представлен обзор мохэских укрепленных памятников, расположенных на территории южного, юго-западного Приморья при этом учитывались только те городища, с которых получен археологический материал мохэской АК.

Термин «городище» словари определяют следующим образом: «остатки укрепленного поселения (города, крепости или замка), в виде валов, рвов, остатков каменных или кирпичных крепостных стен или построек» [Губайдуллин, 2003, с.39]. Типологические построения основываются, как правило, на топографии памятников. В дальневосточной средневековой археологии выделяют мысовые (мысовидные), горные и долинные городища. Эти типы исследователи в рамках предложенных ими классификаций подразделяют на виды в зависимости от сложности фортификационных устройств и места расположения [Шавкунов, 1990; Болдин, 1992; Государство Бохай, 1998; Шавкунов, 2000]. Мохэские городища не были предметом отдельного исследования, но в различных публикациях авторы пользуются уже сложившимися схемами классификации [см.: Дьякова, Сакмаров, 1996; Дьякова, 1998]. Большинство известных на сегодняшний день мохэских городищ южного Приморья можно отнести к мысовым.

Кроме «городища» исследователи используют такой термин как «укрепление», подразумевая под ним памятники меньших размеров, на которых также есть остатки фортификационных сооружений, иногда один и тот же памятник может называться в разных работах и городищем и укреплением. «Укрепление» как и его синоним «форт» происходят из военно-инженерной терминологии и обозначают отдельное долговременное сомкнутое укрепление, а также элемент внешнего пояса обороны крепости, содержащее только воинский гарнизон и защищавший отдельные объекты [Губайдуллин, 2003, с.88; Стоякин, 2010, с.150]. На наш взгляд это удобный термин, отражающий специфику археологического памятника.

Основная часть

При строительстве защитных сооружений любой крепости всегда учитывается рельеф и условия местности. Мохэские городища – не исключение, планировка их укреплений также подчинена окружающему рельефу.

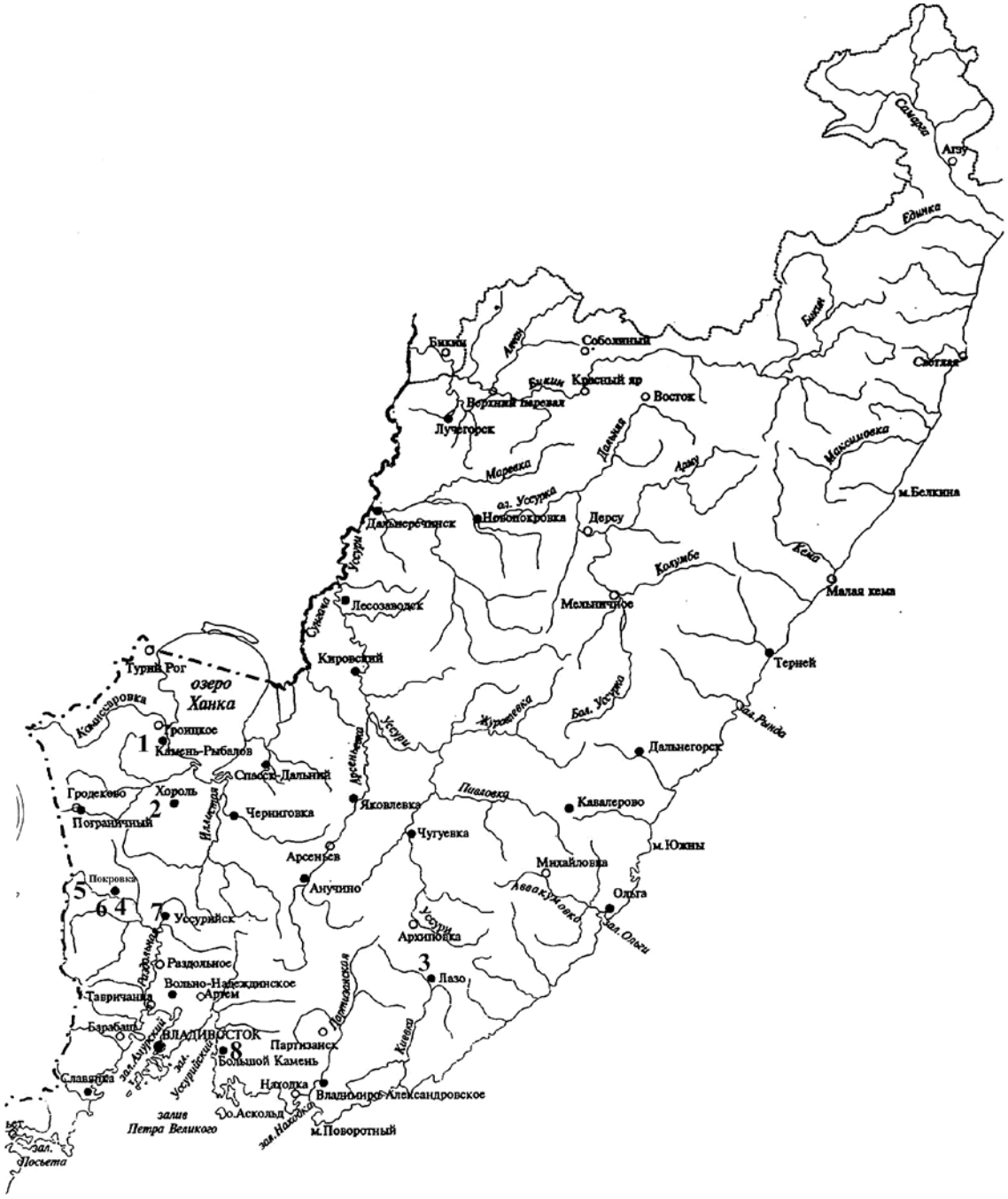
Известные на сегодняшний день мохэские городища южного Приморья расположены в различных физико-географических провинциях. Новоселищенское и Криничное находятся в Уссуро-Ханкайской равнинной провинции, для которой характерны холмисто-увалистые равнины разнотравно-злаковыми лугами. Возвышенности этого ландшафта представлены в основном невысокими мысами. На одном из таких мысов, расположенном в 20 км от о. Ханка А.Л. Ивлиевым в 1978 г. было обнаружено древнее городище, получившее название Новоселищенское (табл.1, рис.1). Его укрепления представлены двумя валами: один вал, высотой от 0,5 до 1 м, перегораживал узкую оконечность мыса от юго-западного до северо-восточного склона. Перед валом, на оконечности мыса располагались две западины. Второй вал огораживал поселение, пересекая широкую часть мыса и поворачивая почти под прямым углом на юго-восток на его пологом склоне. За валом находился ров, глубина которого составляла 0.6-0.8 м. Таким образом, укреплениями были защищены самые уязвимые части города. Между валами на вершине мыса и на пологом юго-восточном склоне находились 35 западин древних жилищ квадратной формы с закругленными углами, образовывавшими некое подобие улиц. Западины различных размеров, самая крупная имеет диаметр 9 м, а самая маленькая 4 м. Большинство западин диаметром 6-8 м, а глубиной от 0.4 до 0.8 м. На северо-восточном склоне мыса обнаружен пандус – пологая наклонная площадка шириной 5 м. Другое городище, расположенное на расстоянии около 30 км к юго-востоку от Новоселищеского – Криничное (рис.1). Памятник занимает пологий склон горного отрога и обнесено валом высотой 0,4-1,2 м, с двух сторон от вала есть рвы глубиной 0,4-1,2 м [Археологические…, 2013, с.363]. В отличие от Новоселищенского вал Криничного городища замкнутый, не имеет разрывов. Площадь Криничного в два раза больше Новоселищенского, и оно более «густозаселенное»: насчитывается 100 западин в пределах вала и 2 западины рядом с городской стеной (табл.1) [Археологические…, 2013, с.363].

Самое крупное мохэское городище, Петровское, находится на вершине сопки. Расположен памятник в 4 км юго-восточнее с. Петровка в Южно-Приморской горно-долинной провинции, ландшафты которой характеризуются низкогорьем с широколиственными лесами. Площадь памятника составляет около 7 га [Археологические.., 2008, с.350]. Планировка городища обыгрывала особенности рельефа: валами, в том числе двойными защищены лишь легкодоступные участки города, с обрывистого края валов нет [Археологические.., 2008, с.350] . Этот памятник отличается от других мохэских городищ усложненной системой укреплений, (присутствует внутренний город, отделенный двойным валом) и высотой валов, достигающих 2 м [Мезенцев, Бурдонов, 2007, с.61-66].

Памятники среднего течения р. Суйфун (Синельниковское, Борисовское, Константиновка-4, Новогергиевка-2) расположены в Хасано-Гродековской низкогорной провинции, ландшафт которой представлен низкогорьем с широколиственной растительностью и горными плато, покрытыми тайгой. Самое крупное городище – Синельниковское. Этот памятник считается уникальным для Приморья: в результате исследований, проводившихся с1996 по 1998 г., здесь впервые удалось зафиксировать смену мохэской культуры на бохайскую [Болдин, 2002, с. 181]. Раскопки вала показали, что сначала он был сооружен мохэсцами и был земляным, укрепленным снаружи крупными камнями, а впоследствии был достроен каменными блоками [Болдин и др., 1999, с.260]. Высота мохэского вала составляла около 0,5 м. Укрепления отсутствуют на северном участке сопки, где находится крутой обрыв. Ворота шириной 2 м располагались в юго-западной части крепости [Болдин, 2002, с. 181]. Остальные памятники отличаются небольшими размерами и в научной литературе описываются как «укрепления» [Никитин, 1989; Дьякова, 1998]. Все они сосредоточены в одном регионе, на вершинах мысовидных сопок, расположенных вдоль среднего течения р. Суфун и ее притоков, как по правому, так и по левому берегам. Среди них большими размерами выделяется Борисовское городище (табл.1). Укрепления этого памятника, относящиеся к мохэской культуре, представлены внешним валом, перегораживающим мыс в его широкой части и внутренний вал, отстоящий от оконечности мыса на 50 м [Мезенцев,2007, с.46-47]. Высота валов составляла около 1 м, также с северной и южной сторон зафиксированы рвы [Болдин, Никитин, 1996]. Два укрепления, Таловское (Новогеоргиевка-2) и Константиновка-4 самые маленькие укрепленные памятники региона, расположенны на вершинах небольших сопок (табл.1). Таловское находится на левом берегу р. Раздольная, а Константиновка-4 на правом [Никитин, 1989, с.144]. Первое неправильной формы, частично огорожено валом высотой до 3,5 м и рвом. Второй памятник окружен замкнутым земляным валом высотой 1,5-2 м.

Заключение

Несмотря на небольшое количество известных на сегодняшний день мохэских городищ в южном Приморье можно говорить об определенных различиях памятников, расположенных в разных регионах. Такие памятники как Криничное городище, Новоселищенское, Петровское производят впечатление долгосрочных хорошо обжитых поселений, в отличие от небольших крепостей среднего течения р. Суйфун, скорее являвшихся убежищами или фортами для небольшого гарнизона. Исследователи этих городищ предполагают, что сооружение таких укреплений может быть связано с появлением в данном регионе бохайцев и неизбежными военными конфликтами между местным населением и пришлым [Болдин, 2002, с.184; Никитин, 2000, с.151]. Различаются памятники и по конструкции своих оборонительных укреплений. В большинстве своем они довольно простые и ограничиваются валом и рвом. Но такие городища как Петровское

Условные обозначения

1 - Носелищенское городище
2 - Криничное городище
3 - укрепление Можаев Ключ
4 - Синельниковское городище
5- Таловское укрепление (Новогеоргиевка-2)
6 - укрепление Константиновка-4
7 - укрепление Борисовка-1
8 - Петровское городище

Рисунок 1. Мохэские городища южного Приморья

явно выбиваются из этого ряда. К сожалению, практически невозможно судить о хронологии большинства этих памятников в связи с незначительным количеством материла, полученного при обследовании или шурфовке.

В изучении мохэских городищ пока больше вопросов, чем ответов. Исправить ситуацию могут только планомерные широкие исследования этих уникальных памятников средневековой археологии.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-01165 Города средневековых империй Дальнего Востока

Литература

Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья (по материалам исследований 2007 г.).- Деджон: Изд-во Ин-та культур.наследия Респ.Корея, 2008 – 400 с.

Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья. По материалам исследований 2012-2013 гг.// Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего востока ДВО РАН; Государственный исследовательский институт культурного наследия республики Корея. – Сеул, 2014. – 398 с.

Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья (по материалам исследований 2006 г.). – Сеул: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего востока ДВО РАН; Государственный исследовательский институт культурного наследия республики Корея, 2007.- 405 с.

Болдин В.И. Бохайские городища в Приморье // Россия и АТР, 1992, №2 – С. 58-69

Болдин В.И. Городище Синельниково-1 и периодизация средневековых археологических культур юго–западного Приморья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. – Владивосток : Изд-во ДВО РАН, 2002. – С. 181–185.

Болдин В.И., Ивлиев А.Л. Никитин Ю.Г., Гельман Е.И. Исследования на Синиловском городище в Приморье // АО 1997 года. – М. : Наука, 1999. – С. 259–261.

Болдин В.И., Никитин Ю.Г. Отчет об археологических исследованиях в Октябрьском, Уссурийском и Чугуевском районах Приморского края в 1996 году.// Архив ИИАЭ ДВО РАН, ф.1, оп.2, № 401.

Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России / Н.Г. Артемьева, В.И. Болдин, Т.А. Васильева, Е.И. Гельман, О.В. Дьякова, А.Л. Ивлиев, Л.В. Конькова, Н.Н. Крадин, В.Д. Леньков, Н.В. Лещенко, Г.Л. Силантьев, В.Э. Шавкунов, Э.В. Шавкунов. – М. : Наука, 1994. – 219 с.

Губайдуллин А.М. Фортификационный словарь. – Казань: Институт истории АН РТ, 2003. – 104 с.

Дьякова О.В., Сакмаров С.А. «Мысовидные» укрепления юга Дальнего Востока и культурогенез региона // Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции «Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему». 18-20 июня 1996 г. Владивосток, 1996. – С.106-107

Дьякова О.В. Мохэские памятники Приморья. Владивосток: Дальнаука. 1998. – 318 с.

Мезенцев А.Л. Борисовская группа мохэских памятников // Проблемы отечественной истории: материалы науч. Конференции. Ч.2 / отв. Ред. О.Б. Лынша. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2007. С.45-60

Мезенцев А.Л., Бурдонов А.В. Петровское городище // Проблемы отечественной истории: материалы науч. Конференции. Ч.2 / отв. Ред. О.Б. Лынша. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2007. С.61-66

Никитин Ю.Г. Результаты археологических исследований в окрестностях села Константиновка в Приморском крае // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1989 – С. 140-146

Никитин Ю.Г. Население долины р. Суфун в предгосударственный период // История и археология дальнего всотока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. – Владивосток: Изд-во Дальневост ун-та. 2000. –С.147-152

Рубленко Н.Г. Отчет об археологической разведке в Лазовском районе Приморского края в 1985 г.- Архив ИИАЭ ДВО РАН, ф.1, оп. 2, дело 331.

Стоякин М.А. Форт — новый тип оборонительного памятника периода Когурё на территории Республики Корея.// Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2010. Т. 9, вып. 3. Археология и этнография. С. 150-160.

Шавкунов В.Э. Средневековые городища южной части Приморского края // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – С.166-173

Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1990. – 281 с.

Название	Район	расположение	Площадь	укрепления	Кол-во западин
Новоселищенское	Ханкайский	Невысокий мыс	11000	Вал, ров и пандус	35

Криничное	Хорольский	Пологий склон горного отрога	21057 м²	Замкнутый вал и два рва	100
Синельниковское	Октябрьский	Вершина сопки	13000м²	Земляной вал, в основании укрепленный камнями	
Борисовка-1 (Борисовское городище)	Уссурийский	Вершина мыса	3300 м²	Земляной вал высотой до 1 м и ров	17
Константиновка-4	Октябрьский	Вершина небольшой сопки	580 м²	Невысокий сомкнутый земляной вал	
Новогеоргиевка-2 (Таловское укрепление)	Октябрьский	Мысовидная сопка	650 м²	Земляной вал высотой 3-3,5 м и ров	
Петровское	Шкотовский	Вершина сопки	70000 м²	Двойной вал, внутренний город	39

Таблица 1. Мохэские городища южного Приморья [по: Археологические…, 2014; Болдин и др., 1999; Мезенцев, 2007; Никитин,1989;Археологические…, 2008]

С.Д. Прокопец[72]

РАЗНОКУЛЬТУРНАЯ КЕРАМИКА ИЗ ГОРОДИЩА НИКОЛАЕВСКОЕ I

В статье рассматривается вопрос многокультурности некоторых средневековых городищ Приморья, как археологических памятников, на примере керамического комплекса Николаевского I городища.

Ключевые слова: Приморская археология, государство Бохай, мохэ, ольгинская культура, кроуновская культура, зайсановская культура, вафельная керамика, керамический комплекс.

S.D. Prokopets

MULTICULTURAL CERAMICS FROM THE SETTLEMENT NIKOLAEVSKOE I

The article discusses multiculturalism some medieval settlements of Primorye as archaeological sites, the example of ceramic complex Nikolaevskoe I settlement.

Keywords: Maritime Archaeology, state Bohai Mohe, olginskaya culture, krounovskaya culture, zaysanovskaya, culture waffle ceramics, ceramic complex.

Известно, что из-за своего удобного для проживания ландшафтного расположения, многие бохайские городища несут на себе следы культурных слоев различных археологических культур. В первую очередь это выражается в присутствии керамики разных культур на этих городищах. Так, например, мохэская керамика является непременной составляющей керамических комплексов бо-

[72] ПРОКОПЕЦ Станислав Данилович – к.и.н., м.н.с. Института Истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: stas842005@mail.ru

хайских памятников [Пискарева, 2013, с. 82]. Иногда отмечается присутствие и более ранней керамики - кроуновской и ольгинской [Никитин, 2005, с. 525]. Не исключением является и городище Николаевское I (табл. 3).

Памятник расположен в Михайловском районе Приморского края, относится к долинным городищам и датируется VIII-X вв. Городище обнесено оборонительным валом прямоугольной формы, который ориентирован по сторонам света. Внутренняя площадь этого памятника составляет 6.1 га, площадь по внешней стороне вала 7.5га.

В 1977 году В.И. Болдиным был заложен небольшой раскоп у южных ворот городища [Болдин, 1977]. Археологический материал, собранный в ходе раскопок, позволил исследователю датировать его VIII-X в. и отнести к бохайскому времени. На основании этого же раскопа было отмечено, что помимо бохайского слоя на этом памятнике есть слой раннего железного века – кроуновский [Государство Бохай… 1994, с. 59].

С 2010 года начались планомерные исследования этого памятника. На данный момент вскрыто 125 кв. м. Раскоп 1 (5х5 кв. м.) был заложен в восточной, а раскоп 2 (10х10 кв. м.) в юго-западной частях городища. Раскопы исследовались по пластам, каждый из которых составлял в среднем по 10 см. Керамический материал фиксировался по линиям в каждом слое. Если керамика присутствовала в ямах, то она фиксировалась и там (табл. 1,2).

В ходе работ на раскопе 1 было снято 8 пластов. Найдены остатки платформы забутованной камнем, которая относится к фортификационной системе городища. Под платформой найдены остатки древних построек, относящихся к более раннему времени [Прокопец, 2011].

В 2012 году был заложен раскоп 2. В ходе работ было снято 9 условных пластов. Во время раскопок зачищено большое количество хозяйственных ям. Было найдено большое количество наконечников стрел и бытовых инструментов. В результате исследований на раскопе 2, участок предварительно был отнесен к хозяйственному [Прокопец, 2012].

В обоих раскопах, попадались фрагменты керамических сосудов, которые относятся как к бохайскому времени, так и к совершенно другим культурам. Ниже представлено краткое описание фрагментов керамических сосудов из Николаевского I городища, которые встречались в раскопах (табл. 4). *Средневековье*

Конечно же, основной массой является бохайская керамика, представленная станковыми, лепными и станковыми, доработанными на круге экземплярами. Всего было найдено в раскопе 1 – 768 фрагментов, а в раскопе 2 – 3881 фрагмент. Было реконструировано несколько сосудов вазовидной формы, горшковидные сосуды с горизонтальными ручками, чаши и т.д.

Кроме того, в обоих раскопах периодически встречалась смольнинская или «вафельная» керамика. Всего было найдено в раскопе 1 – 3 фрагмента, а в раскопе 2 – 33 фрагмента. В основном это стенки с «вафельной» выбивкой. Кроме того, в раскопе 2 был найден фрагмент прямого венчика. К настоящему времени

существует несколько версий происхождения этой керамики [Гельман, 2006; Жущиховская, Шавкунов, 2006]. В нашей таблице она условно помещена наверху, но стоит отметить, что фрагменты этой керамики равномерно распространялись по пластам, вперемешку с бохайской. Каких-либо стратиграфических слоев, которые можно связать с этой керамикой, к настоящему времени на городище не найдено.

Раннее средневековье

Мохэская керамика представлена несколькими фрагментами венчиков и стенок. Все венчики прямые с налепным валиком. На одном черепке видны следы сильно затертого мелкоячеистого штампа, что может быть признаком горбаткинской группы мохэсской керамики [Пискарева, 2013, с. 85]. Всего было найдено в раскопе 1 – 10 фрагментов, а в раскопе 2 – 18 фрагментов.

Развитый железный век

Керамика польцевской историко-культурной общности представлена в раскопе 1 – 1 фрагментом, а в раскопе 2 – 39 фрагментами. В раскопе 2, яме 2 был найден развал сосуда.

Все найденные фрагменты сосудов относятся к лепным. Имеют шаровидную форму с узкой горловиной, которая орнаментирована параллельными линиями, нанесенными от руки. На тулове прослеживается «вафельный» или «пальцевый» орнамент. На венчиках иногда видны волновые налепы. Подобная керамика характерна для ольгинской культуры польцевской ИКО [Коломиец, 2005, с. 384].

Ранний железный век

К этому времени относится несколько донышек и стенок. В раскопе 2 была найдена половина довольно массивного сосуда без горловины. Сосуд красного цвета, лепной, лощенный. Тесто довольно грубое. Всего найдено в раскопе 1 – 6 фрагментов, а в раскопе 2 – 12 фрагментов. Сама керамика лепная, немного залощенная, красного цвета. Донышки довольно массивные, что в принципе является характерными особенностями кроуновской керамики [Жущиховская, 2004, с. 201 – 209].

Неолит

В раскопе 1 при пробивке проверочного шурфа была найдена яма, уходящая в южную и западную стенки раскопа, которая возможно является котлованом жилища. На дне этой ямы было найдено несколько фрагментов лепной керамики с гребенчатым орнаментом. Всего там было обнаружено 34 фрагмента, которые принадлежали нескольким сосудам. Интересен тот факт, что эта керамика была найдена только в одном раскопе и только в одном месте. По своим морфологическим признакам, она относится к приханкайскому варианту зайсановской культуры [Крутых, 2012, с. 147-150].

К настоящему времени это самый ранний материал с этого памятника, Кроме того, зайсановский слой является единственным не относящимся ко времени существования городища, который нам удалось проследить.

До этого отмечалось, что в раскопе 1977 года тоже был встречен слой с котлованом, правда, кроуновского жилища [Государство Бохай… 1994, с. 59]. В новых раскопах вычислить кроуновский слой пока не удается, также как и все остальные (конечно же, кроме бохайского). Скорее всего, многие объекты раннего и развитого железного века, а также раннего средневековья, просто напросто были уничтожены при строительстве городища. Смольнинская керамика, возможно, существовала параллельно с бохайской. На эту мысль наталкивает распределение этой керамики в пластах раскопов.

Представленное разнообразие керамики говорит о том, что место, где находится городище, привлекало людей еще задолго до появления бохайского городища.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научно-исследовательского проекта №14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока»

Литература

Болдин В.И. Отчет об археологических исследованиях на городище Николаевское I и Николаевское II в Михайловском районе Приморского края. 1977г. // Архив ИА РАН. – Р-1. №6748, 177л.

Гельман Е.И. Керамика чжурчжэней Приморья // Россия и АТР.- 2006. - №1. - С. 93-104.

Государство Бохай (698-926 гг.) и племена Дальнего Востока России. - М.: Наука, 1994. - 229 с.

Жущиховская И.С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. - Владивосток: ДВО РАН, 2004. - 312 с.

Жущиховская И.С., Шавкунов В.Э.. Новая культурная традиция в средневековом гончарстве Приморья // Вестник ДВО РАН. №2, 2006. - С. 97-108.

Коломиец С.А. Памятники польцевской культурной общности юга Дальнего Востока // Российский дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. - Владивосток: Дальнаука, 2005. - С.381-394.

Крутых Е.Б. Зайсановская археологическая культура: проблема интерпретации // Россия и АТР. №1, 2012. - С. 139-154.

Никитин, Ю.Г. Тан, Бохай и «восточные варвары» (Восточная периферия Бохая) // Российский дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. - Владивосток: Дальнаука, 2005. - С.517-542.

Пискарева Я.Е. Новые результаты исследований мохэсской культуры Приморья // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2013. - С. 80-85.

Прокопец С.Д. 2011. Отчет об археологических исследованиях на Николаевском I городище в Михайловском районе Приморского края в 2010-2011 годах // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф.1, Оп.2, №679, 140 л.

Прокопец С.Д. 2012. Отчет об археологических исследованиях на Николаевском I городище в Михайловском районе Приморского края в 2012 году // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф.1, Оп.2, №713, 185 л.

пласт	смольнинская	бохайская	мохэ	ольгинская	кроуновская	зайсановская
1	-	56	-	-	-	-
2	-	92	1	-	1	-
3	-	200	3	-	-	-
4	2	141	1	-	-	-
5	1	83	1	-		-
6+ямы	-	108	4	1	3	-
7+ямы	-	88	-	-	2	-
8 контр.	-	-	-	-	-	34
ИТОГО	3	768	10	1	6	34

Таблица 1. Статистика керамики из раскопа 1

пласт	смольнинская	бохайская	мохэ	ольгинская	кроуновская
1	-	280	-	1	-
2	4	615	1	4	-
3	8	612	3	7	2
4 +ямы	5	320	6	12	8
5	3	270	1	1	-

6	6	713	3	8	1
7	2	477	1	4	-
8	1	204	2	1	1
9 + ямы	4	390	1	1	-
ИТОГО	33	3881	18	39	12

Таблица 2. Статистика керамики из раскопа 2

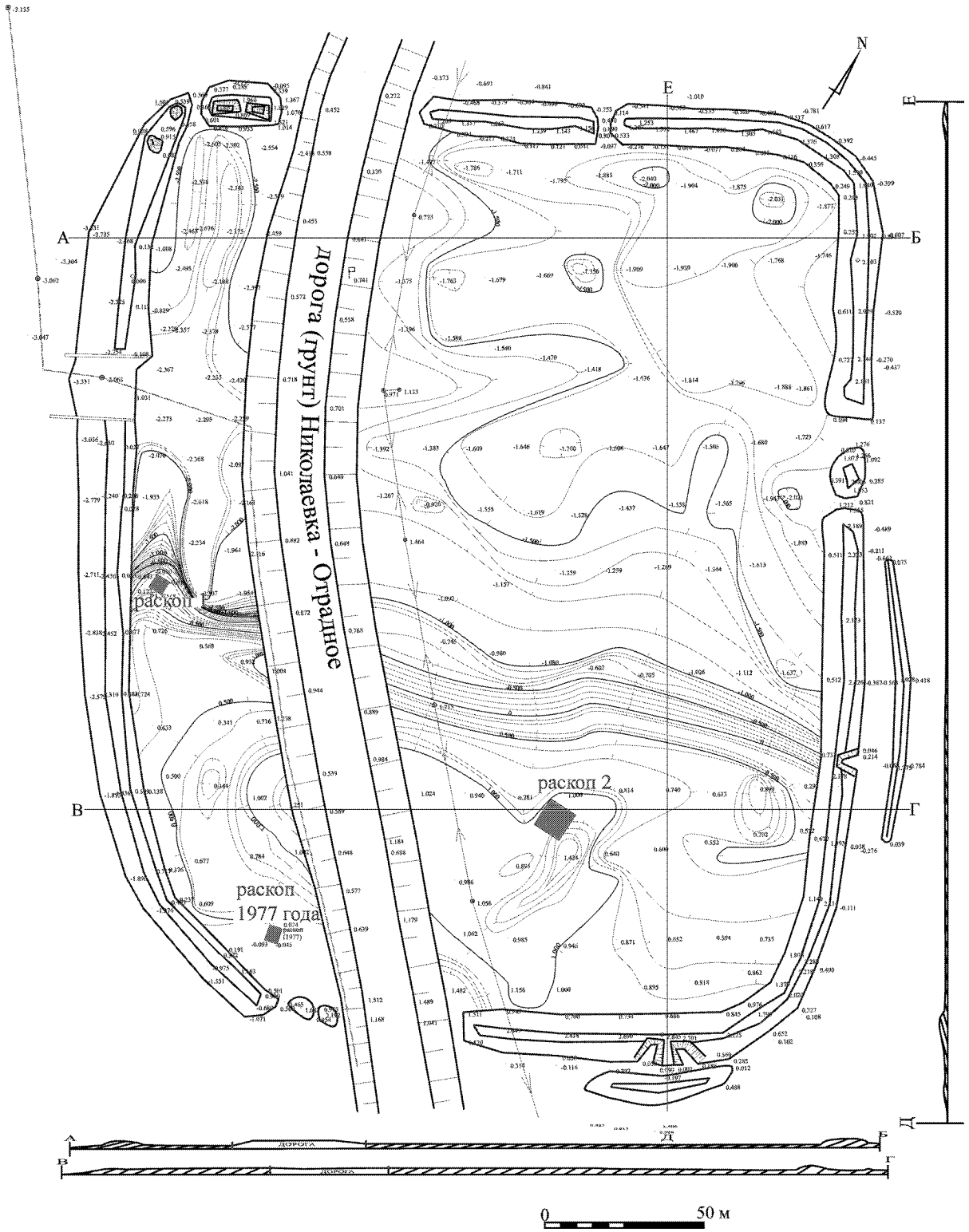

Таблица. 3. План николаевского городища

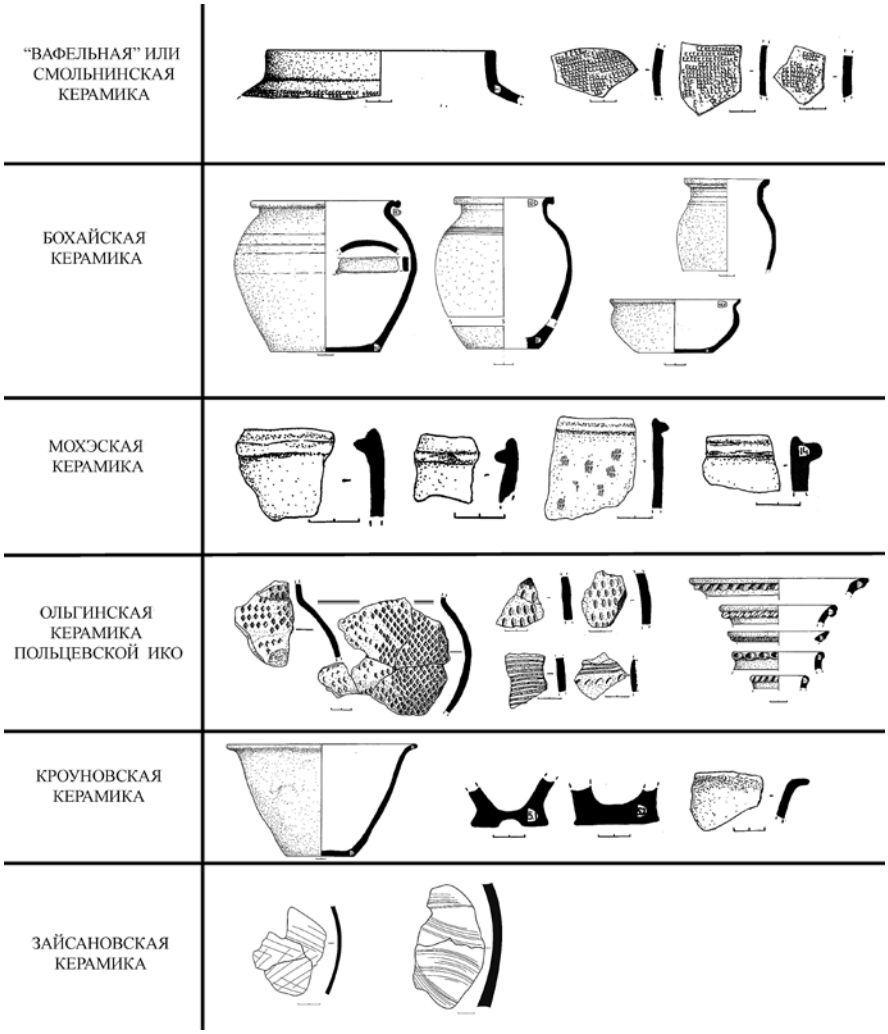

Таблица 4 Хронологическая колонка керамики разных культур с Николаевского I городища

Т. Р. Садыков[73]

КАТЫЛЫГ 5 – ГОРОДИЩЕ КОКЭЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена раскопкам 2014 года на городище Катылыг 5. Катылыг 5 – первое исследуемое поселение кокэльской культуры, известной до этого только по погребальным памятникам. Рассматриваются вопросы, возникшие в связи с открытием памятника нового типа.

Ключевые слова: городище, Тува, кокэльская культура, гуннское время

Timur Sadykov

KATYLYG 5 – FORTIFIED SETTLEMENT OF KOKEL ARCHAEOLOGICAL CULTURE

The article is devoted to the excavations on Katylyg 5 fortified settlement in 2014. Katylyg 5 is the first excavated settlement of Kokel archaeological culture (Xiongnu time period in Tuva). This

[73] САДЫКОВ Тимур Рашитович – младший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН. E-mail: tim.sadykov@gmail.com

archaeological culture was known before only by the grave finds. There's many new questions about this new type of site.

Keywords: fortified settlement, Tuva, Kokel archaeological culture, Xiongnu time period

Летом 2014 года один из отрядов Тувинской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН проводил раскопки на городище Катылыг 5, которое было обнаружено за два года до этого разведками этой же экспедиции [Садыков, 2013]. По результатам разведки было высказано предположение о гунно-сарматском времени существования поселения. Такого рода памятники в Туве до сих пор не исследовались, авторы единственного известного нам описания подобного объекта [Кызласов, 1979, с. 95-96] ограничились внешним осмотром.

Городище расположено на правом берегу реки Ээрбек (правом притоке Улуг-Хема), на абсолютной высоте 985м (рис. 1). Это уже таежная зона, но поселение не залесено, оно занимает край террасы на большой поляне. До открытых пространств – 4 км вниз по течению. Общая площадь – чуть больше 4 тысяч квадратных метров, северный край осыпается в пойму Ээрбека. В первый полевой сезон раскопано 2000 кв. м (рис. 2). В следующем сезоне мы надеемся доследовать памятник полностью.

Данная статья не столько представляет предварительные итоги исследований, сколько очерчивает круг вопросов, которые открывает новый памятник.

Первое – местоположение. Мы не можем, конечно, сказать сейчас что-то определенное о путях, дорогах и системе расселения в целом для интересующего нас времени, но на первый взгляд не кажется, что поселение находится на каком-то пути или каким-то образом доминирует над округой. До Улуг-Хема далеко (25 км по прямой), а путь на север, в Турано-Уюкскую котловину традиционно проходил не по Ээрбеку, а по другим притокам. Скорее наоборот, место больше подошло бы для убежища.

Но более вероятно, что при выборе места для поселения основным фактором выступила близость необходимого сырья, и само городище это в первую очередь производственный железоделательный центр. Здесь нам понадобятся дополнительные консультации коллег-геологов.

В настоящее время в окрестностях поселения люди появляются только в июне, уже в сентябре откочевывая сильно ниже. Отсутствие на раскопанной (а это больше половины) части площадки поселения следов капитального строительства, углубленных в землю построек позволяет предположить, что жилища были легкими и, возможно, летними.

Второй интересный момент – необычная система укреплений. Площадка городища расположена на краю террасы и огорожена внешним и внутренним валом и двумя параллельными рвами между ними, разделенными материковым останцом (рис. 3). Общая ширина оборонительной линии порядка двенадцати

метров, каждый вал около четырех метров в ширину и менее метра в высоту, каждый ров не глубже и не шире двух метров.

На современной поверхности оба рва читаются как один. В пределах раскопанного участка они не прерываются. Как внешний, так и внутренний валы сформированы из материкового выброса из рвов и не производят впечатления непреодолимой преграды. Остатков деревянных или каменных конструкций не прослежено.

Все это порождает некоторые сомнения в фортификационном значении прослеженных конструкций, и гипотезы о технологической или даже ирригационной функциональности рвов со стороны коллег кажутся приемлемыми.

Недалеко от городища (около 200 м) проходит ров, который можно трактовать, как ирригационный. Он не исследовался в прошедшем сезоне и его связь с поселением не кажется однозначной. Рвы городища в современной топографической ситуации не обнаруживают какого-то водоносного смысла, да и в целом, неоправданно велики для этих целей. Они начинаются и заканчиваются в 15 метрах над рекой Ээрбек и не ведут к какому-то иному источнику воды. Возможно, эрозия края террасы уничтожила какие-то дополнительные каналы, которые вели к расположенному неподалеку ручью, но вся эта конструкция пока кажется маловероятной.

Что же касается использования валов и рвов в процессе железоделательного производства, то пока мы этого не обнаружили. Раскоп этого года открыл валы и рвы на протяжении 24 метров в южной части городища. Основная часть находок, связанных с производством железа, зафиксирована в северо-западной части площадки. Возможно, дальнейшие исследования как-то прояснят этот вопрос.

Как бы то ни было, рвы и валы ограждали как минимум от конной атаки, и полностью отказываться от их фортификационного значения мы причин не видим.

Отдельно следует отметить, что к началу работ не было уверенности в однозначной связи культурного слоя с системой укреплений. Разведками 2012 года было зафиксировано наличие подъемного материала на достаточно широкой площади, но наличие культурного слоя было выявлено только непосредственно на площадке городища. Для прояснения этой ситуации мы вывели южную границу раскопа за пределы укреплений. За внешним валом ям не зафиксировано, хотя и найдено крупное скопление керамики, которое, судя по всему, является развалом одного сосуда.

Третьим требующим осмысления фактом является выявленная внутренняя планиграфия исследуемого комплекса. Углубленных в землю жилищ, что отмечалось выше, не выявлено, как и столбовых конструкций. При этом на двух тысячах раскопанных метров (а если вычесть площадь раскопанных валов и рвов и территорию за площадкой городища, то и на полутора тысячах метров) зафиксировано более семисот ям. Ямы в большинстве случаев неглубокие, часто подквадратные в плане. При этом случаев перекрывания одной ямы другой не

так много. То есть следующая копалась, когда еще помнили про предыдущую. Все это как будто говорит о крайне недолгом времени функционирования памятника.

Расположение небольших каменных конструкций, условных «очагов» (в большинстве случаев без угля, пепла и явно выраженного прокала грунта) не образует очевидной взаимосвязи с системой расположения ям. Возможно, они маркируют вторую стадию жизнедеятельности на поселении.

Стратиграфически два уровня заселения на городище не фиксируется. Впрочем, в условиях крайне медленного почвообразования в один слой могут спрессоваться отложения самых разных эпох, не говоря уже о двух эпизодах в рамках существования одной археологической культуры. Материал городища достаточно однороден, и мы не видим пока отличий находок из поддернового слоя и вплоть до материка. Небольшой процент кремня и керамики неолита-бронзы, как и стекла и железа двадцатого века статистически незначим.

Четвертый аспект изучения связан с функционированием поселения в качестве производственного комплекса. После капитального труда Я.И. Сунчугашева [Сунчугашев, 1969], вопросы досредневекового железоделательного производства на тувинском материале не поднимались. На Катылыге 5 горны сосредоточены в северо-западном углу площадки городища компактной группой, частично уходящей за границы раскопа 2014 года. Один из горнов взят монолитом и отвезен в Национальный музей Республики Тыва им. Алдан-Маадыр (рис. 4).

Интересно, что при наличии на поселении железоделательного производства количество находок из железа крайне незначительно.

Пятым объектом исследований безусловно станет керамический комплекс. Работа над коллекцией (более 6000 фрагментов) только начинается, и сейчас можно только сказать, что керамика с арочно-лопастным орнаментом, широко представленная в кокэльских погребальных и поминальных памятниках, столь же характерна и для поселенческих комплексов (рис. 5), и не является какой-то особой «погребальной» посудой. Ее процент весьма значителен.

Отдельно можно упомянуть о сосудах со скошенным венчиком, доля которых также достаточно велика и для которых мы видим пока только очень дальние и неполные аналогии [Алкин, Гребенщиков, 1994].

Шестой вопрос – о погребениях на территории городища. Кокэльские погребальные памятники известны довольно давно [Савинов, 2010], но вопрос их отношения к синхронным поселениям за скудостью материала еще даже не поставлен.

Всего зафиксировано четыре детских и три взрослых погребения. Детские погребения безынвентарны, одно из взрослых разрушено. Два непотревоженных ориентированы на юг, при этом ни одно из них не содержит кокэльской керамики и поза погребенного со слегка согнутыми коленями довольно сильно отходит от кокэльского «канона». Немногочисленный железный инвентарь из

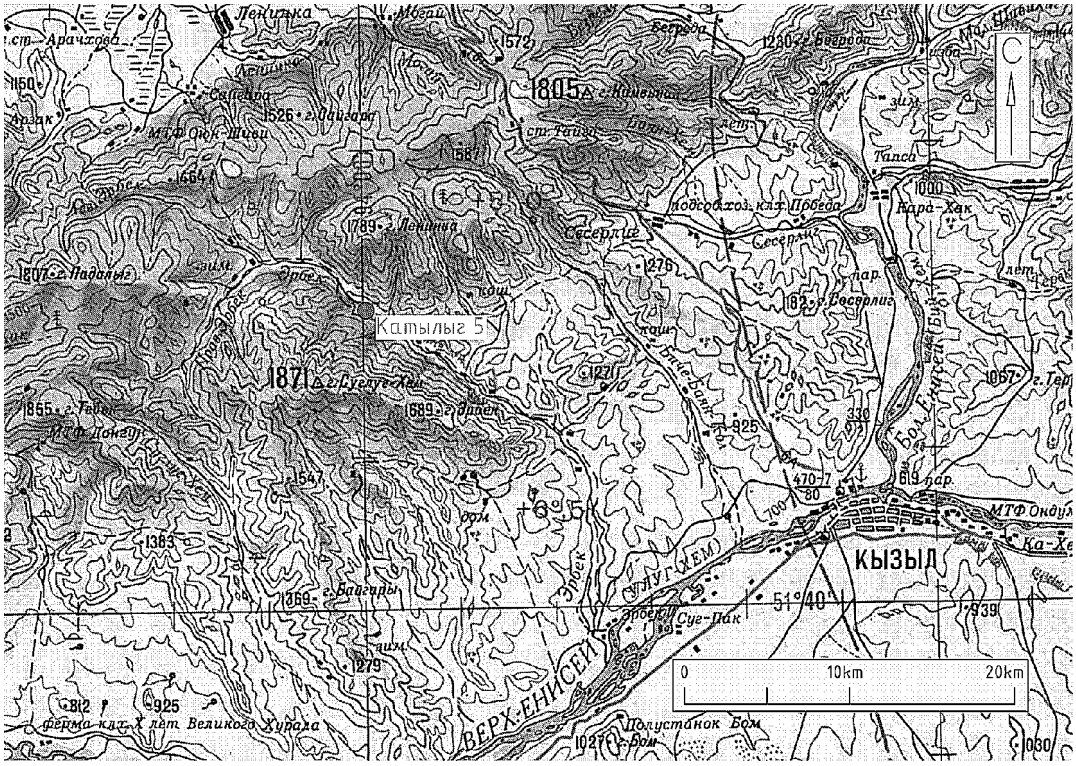

Рис.1. Катылыг 5 на карте

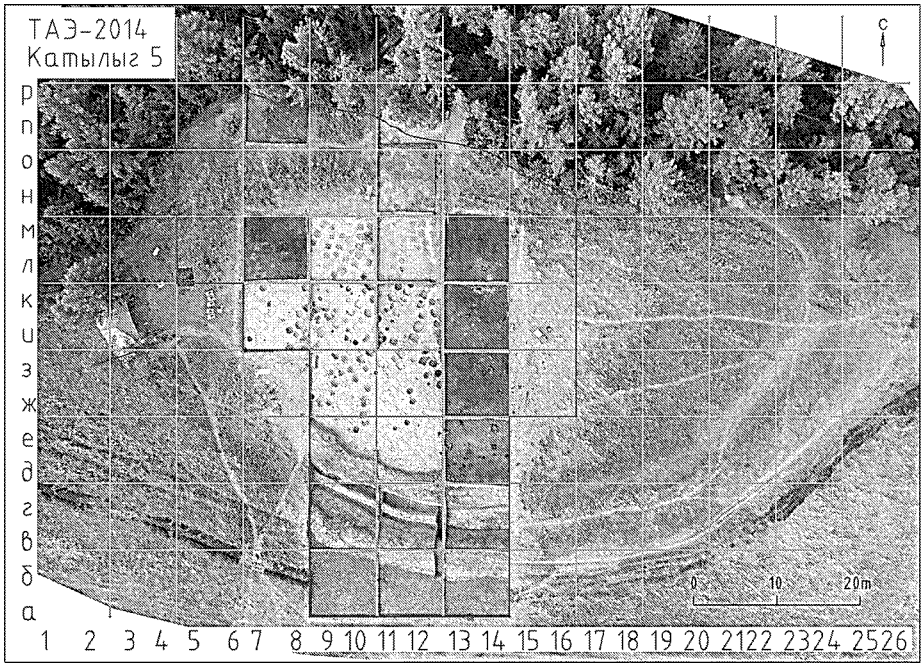

Рис.2. Катылыг 5. Ортофото в процессе работы с обозначением исследуемого участка.

Рис.3. Катылыг 5. Рвы и валы

Рис.4. Катылыг 5. Металлургический горн

Рис.5. Катылыг 5. Керамика

обоих погребений сильно корродирован и в настоящий момент находится на реставрации.

Таким нам видится основной круг вопросов, возникающих в связи с открытием памятника нового типа. Кажется маловероятной исключительность этого поселения. В ходе последующих разведок необходимо учитывать топографическую ситуацию вокруг известного городища Катылыг 5, как и неявную выраженность этого типа памятников в рельефе, что приведет, как нам представляется, к открытию многочисленных синхронных поселений, материалы которых поднимут возникающие вопросы в область более широких обобщений.

Литература

Алкин С. В., Гребенщиков А. В. Об одном уникальном сосуде из коллекции мохэской керамики Приамурья // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 62-67.

Кызласов Л. Р. Древняя Тува. – М.: Изд-во Московского университета, 1979. – 206 с.

Савинов Д. Г., Длужневская Г. В., Овчинникова Б. Б., Грач А. Д., Самбу И. У., Трифонов Ю. И., Дэвлет М. А., Васильева Н. А. Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. – СПб: ЭлекСис, 2010. – 252 с.

Садыков Т. Р. Предварительные итоги археологической разведки в зоне строительства железной дороги Кызыл-Курагино в 2012 году // Материалы международной научно-практической конференции «Историко-культурное наследие народов Центральной Азии: перспективы развития и проблемы сохранения» (14-15 сентября 2012 г.). – Кызыл: ТувГУ, 2013. – С. 59

Сунчугашев Я. И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. – М: Наука, 1969. – 140 с.

А.Ю. Санафеев[74]

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ, АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА ЧХОННИМСА

В данной статье дается описание особенностей храмового комплекса Чхоннимса. Рассматривается его место в истории государства Пэкче периода Саби и прослеживаемые изменения организации комплекса, произошедшие в период Корё. Основываясь на данных, полученных в результате археологических работ, проводимых более 30 лет, характеризуются географическое положение и тип пространственной организации комплекса, количество и сохранность павильонов на его территории. Анализируются размеры, соотношение и положение главных элементов, строительные техники, использованные при строительстве как храмового комплекса Чхоннимса в частности, так и храмовых комплексов периода Пэкче в целом.

Ключевые слова: Храмовый комплекс Чхоннимса, пространственная организация, государство Пэкче, период Саби.

A. Yu. Sanafeev

HISTORICAL CONTEXT, ARCHITECTURAL FEATURES AND THE SPATIAL ORGANIZATION OF THE JEONGNIMSAJI TEMPLE COMPLEX

This article describes the features of the Jeongnimsaji temple complex. Examines its place in the history of Baekje kingdom in Sabi period and track changes of complex organization in Goryeo period. Based on the data received as a result of archaeological work conducted for over 30 years, characterized geographic location, type of the spatial organization of the complex, and the number and safety of pavilions located on this territory. Analyzes the sizes, proportions and positions of the main elements, construction techniques used in the construction of the Jeongnimsaji temple complex in particular, and the temples of Baekje period as a whole.

Keywords: Jeongnimsaji temple complex, spatial organization, Baekje kingdom, period Sabi.

Введение

Храмовый комплекс Чхоннимса имел важное значение для государства Пэкче (I в. до н.э. – 660 г. н.э.) и являлся сосредоточением буддийской культуры периода Саби (538-660 гг.), ознаменованного расцветом и расширением влияния буддизма [Тян, 2001]. Этот период характеризуется переносом столицы государства Пэкче из города Йонджин (совр. Кёнджу) в город Саби (совр. Пуё), произошедшим в 538 г., который оставался в этом статусе вплоть до падения Пэкче в 660 г. На территории Саби сохранилось множество памятников периода Пэкче, в том числе и буддийских храмов, из которых Чхоннимса являлся самым крупным и играл главенствующую роль в столичном городе [Lee Won-Ho, et al, 2007]. Есть предположение, что восточнее комплекса пролегала главная городская дорога, начинавшаяся от горной крепости Пусо и подходившая к лотосовым прудам

[74] САНАФЕЕВ Арсентий Юрьевич – магистр ДВФУ, ШГН, Магистерская программа «Археология». E-mail: arss@bk.ru

Куннамчжи на юге. Этот факт подтверждается смещением комплекса примерно на 4-5 м западнее относительно основной оси.

Чхоннимса – многослойный памятник, при раскопках которого обнаружены три различных культурных слоя. Нижний слой относится к бронзовому веку, средний слой – к периоду Пэкче – Объединенного Силла и верхний слой – к периоду Корё. Территория памятника была заселена задолго до возведения храма, который функционировал в этом качестве в период Пэкче и Корё. Общая ширина двора составляет 62 м с востока на запад, а длина – 120 м с юга на север. В результате раскопок, проводимых с 1979 по 2010 г. были обнаружены и в настоящее время реконструированы: пятиярусная каменная пагода, каменная статуя сидящего Будды, пруды с лотосами и учебный павильон [Lee Won-Ho, et al, 2007]. Название Чхоннимса храмовый комплекс получил в период Корё, был проведен историко-филологический анализ, но установить оригинальное пэкческое название храмового комплекса не удалось, так как исторические материалы о названии храма отсутствуют. До 1930 г. на территории Чхоннимса находились только пагода и статуя Будды. В 1933 г. было возведено строение для защиты статуи, но в 1981 г. оно было разрушено для проведения раскопок, и вновь реконструировано в 1993 г. как учебный павильон [Тян, 2001]. Частичная реконструкция комплекса, осуществлённая в этом же году и проводимая по данным, полученным в результате многолетних раскопок, позволила воссоздать полную картину пространственной организации храмового комплекса.

Пространственная организация храмового комплекса Чхоннимса Пространственная организация Чхоннимса представлена типом «*иль кымдан*» (일금당식): одна пагода – одно главное здание, что характерно для буддийских храмовых комплексов периода Пэкче. Платформы зданий возведены с использованием техники *«вачок кидан»* (와적기단), то есть состояла из нескольких выложенных черепицей слоев, что также свойственно храмовой архитектуре Пэкче (рис. 1). Подобная технология использовалась для сооружения платформ при строительстве храмовых построек в средневековой Японии. Внутри двора, огороженного галереей и примыкающими к ней с северо-востока и северо-запада сооружениями, находилась пятиярусная каменная пагода и молитвенный павильон, чьи размеры значительно превосходили размеры пагоды [Тян, 2001]. Южный участок галереи прорезан внутренними воротами, северный замыкается учебным павильоном. Павильоны располагаются по осевой линии север – юг, по правую и левую сторону от нее за внутренними воротами находились два квадратных пруда с лотосами. За пределами храмового комплекса, в семи метрах севернее учебного павильона находился квартал, где проживали монахи. Размер квартала точно неизвестен, так как раскопки проведены лишь частично. Опираясь на планы раскопок, можно предположить, что его размеры составляли примерно 70 м с востока на запад, и около 13 м с юга на север (рис. 2).

Молитвенный павильон. Здание молитвенного павильона не сохранилось, и его остатки прослеживаются лишь в базальтовом слое. Сооружение находилось на расстоянии 15 м от основания пагоды [Тян, 2001]. В ходе проведенных раскопок обнаружены 23 каменные базы, расположенные на расстоянии 3,36 м – 1,70 м друг от друга вдоль каменного фундамента главного павильона, длина которого составляет 18,75 м с востока на запад, а ширина13,80 м с юга на север [부여정림사지, 2011]. Также обнаружены две каменные базы внутри конструкции, они располагались по линии восток – запад на расстоянии около 5 м от восточного и 4 м от западного края фундамента. Установить первоначальные размеры павильона не представляется возможным, так как в период Корё он подвергся перестройке. Исходя из археологических данных касательно расположения внутренних и внешних столбовых баз, можно предположить, что размеры внутренней части составляли 15,15×10,20 м, она была разделена на 20 отсеков примерно одинакового размера. Также предполагается, что молитвенный зал размещался на каменной площадке длиной 20,55 м с востока на запад и шириной 15,60 м с юга на север, а её высота идентична площадке под главными воротами и составляет приблизительно 90 см [부여정림사지, 2011].

Пагода храма Чхоннимса относится к категории поздних пагод и подражает образцам деревянных пагод периода Пэкче. Она построена с использованием приема последовательного уменьшения измерений, практиковавшегося еще в древней Греции, он создает эффект стройности и изящности линий. Пятиярусная каменная пагода построена в эпоху перехода от деревянных к каменным пагодам, что проявилось в излишне выступающих прямых карнизах ярусов. Это единственная каменная пагода времени Пэкче, сохранившая свою оригинальную форму. Пятиярусная пагода состоит из 149 каменных блоков, ее высота 8,33 м, сторона квадратного основания пагоды составляет 3,75 м [Тян, 2001 с.85]. Нижняя часть пагоды возведена на платформе, сооруженной из утрамбованной земли высотой 120 см. Характеристика пагоды типична для пагод государства Пэкче и демонстрирует мастерство пэкческих зодчих (рис. 3).

Учебный павильон представлял собой сооружение с двускатной остроконечной крышей, украшенной резными коньками, его длина достигала 31,8 м с востока на запад, а ширина – 17,9 м с севера на юг [Lee Won-Ho, et al, 2007]. Эти размеры, судя по особенностям исполнения, павильон приобрел во время перестройки в период Корё и предназначался для защиты каменной статуи Будды (рис. 4). Часть камней находящихся в его сновании датируются периодом Пэкче. Оригинальный учебный павильон периода Пэкче располагался на черепичной платформе и имел иные размеры. Первоначально это было вытянутое узкое здание длиной 39,1 м с востока на запад и 16,3 м с севера на юг. В результате реконструкции периода Корё верхняя часть платформы, на которой возвышался учебный павильон, была увеличена на 35 см [Тян, 2001]. Платформа имеет ту же структуру, что и платформы периода Пэкче, обнаруженные в других храмовых постройках на Корейском п-ве. Обычно в качестве угловых камней платформы

и фундамента под ступенями использовались камни размерами 210-190 мм, 260-240 мм, но в результате раскопок северо-восточной части учебного павильона они не обнаружены. Центр учебного павильона находится в 31,7 м севернее центра главного павильона и 57,5 м севернее пагоды, и отклоняется на 20 см восточнее центральной оси храмового комплекса, идущей от севера на юг.

Внутренние ворота. Сами ворота не сохранились, их наличие прослеживалось по остаткам в базальтовом слое. Центр ворот находится на расстоянии 20 метров южнее основании пагоды. Ворота сооружены на площадке высотой примерно 90 см, сложенной из обточенных камней [Тян, 2001 с. 83]. По данным, полученным в результате археологических исследований, обнаружено, что для установки столбов использовалась техника «*чоксим сок*» (적심석). На площадку из обтесанных камней наносился слой грязи и небольших палочек, поверх которого водружалась каменная столбовая база (рис. 5). На выложенных камнями основаниях под столбы находились восемь крупных каменных баз, расположенных с востока и запад в два ряда по четыре в каждом, на них располагались колонны здания [부여정림사지, 2011]. Размер воротных сооружений составлял 11,3 метра с востока на запад, и 5,3 метра с юга на север. Ворота состояли из основного прохода, по обе стороны от которого находились два небольших отсека, и ворот в боковой части, которые соединялись с галереей [Lee Won-Ho, at al, 2007].

Галерея была устроена на черепичной платформе, и спроектирована таким образом, что она соединяет учебный павильон и внутренние ворота. Она симметрична с восточной и западной сторон от продольной оси. Северная часть западной галереи примыкает к жилому строению, которое в свою очередь соединялось северным участком галереи с учебным павильоном. Это сооружение служило местом проживания буддийских монахов в период Пэкче. Оно находилось на расстоянии 1,2 м западнее учебного павильона, имело длину 39 м с юга на север, и 12,1 м с востока на запад [부여정림사지, 2011]. Северный конец восточной части галереи также заканчивался идентичным сооружением, находившимся в одном метре восточнее учебного павильона, и так же соединялся с северным участком галереи. Западная галерея имела длину 45 м, и ширину 5,2 м. При раскопках западной галереи на протяжении отрезка от ее северного конца, до середины молитвенного павильона, обнаружено десять групп каменных баз, установленных в период Корё. Колонны разделяли галерею на отсеки длиной 3,85 м с севера на юг, и 5,2 м с востока на запад, в северной части галереи обнаружены две группы баз, половина одной из них была разрушена. Восточная часть галереи имела длину 44,5 м, ширину 5,2 м. В результате раскопок было обнаружено наличие десяти групп каменных баз на протяжении отрезка от северного конца галереи до середины молитвенного павильона. Так же была обнаружена еще одна группа в южной части галереи, расположенная параллельно воротам [Lee Won-Ho, et al, 2007]. Южная галерея соединялась с внутренними

воротами, а северная соединяла здания для проживания монахов с учебным павильоном (рис. 6).

Пруды с лотосами имеют квадратную форму и находятся с правой и левой сторон перед внутренними воротами, на расстоянии 2,1 м друг от друга (рис. 7). Длина восточного пруда составляет 15,3 м с востока на запад, и 11м с юга на север. Западный пруд имеет размеры 11,2×11 м. Глубина обоих прудов идентична и составляет около 50 см. Пешеходные платформы находились только вдоль северного и восточного берегов и отсутствовали в южной и западной частях. В результате археологических работ в почве были обнаружены семена лотосов.

Материалы, обнаруженные во время проведения археологических работ на памятнике Чхоннимса с 2008 по 2010 г., можно разделить на четыре группы: черепицу, изделия из керамики, камня и бронзовые изделия. Каменные изделия представлены несколькими каменными отвесами.

Самый многочисленным из обнаруженного материала являлась – черепица. Помимо обычной полукруглой и плоской черепицы, используемой как для кровли крыш, так и для возведения платформ под зданиями, обнаружено большое количество фрагментов фронтальной черепицы в виде дисков и их обломков, декорированных выпуклыми изображениями цветка лотоса в различных интерпретациях. В общей сложности в процессе раскопок храма найдено около 79 дисков светло-коричневого цвета различной степени сохранности, различающихся формой лепестков и центральной завязи.

По форме лепестков все обнаруженные диски можно разделить на три типа. Все типы имеют по восемь лепестков. К первому типу относятся диски с заостренными лепестками. Листья выпуклые, верхние концы лепестков слегка изогнуты и имеют заостренную форму. Второму типу присущи раздвоенные лепестки ближе к их концам. Третий тип представлен цветком лотоса с более округлыми лепестками. Размеры дисков довольно близки: их диаметр варьирует в пределах 14,0-15,2 см, диаметр центральной завязи составляет 3,6-4,1 см, ширина периферийной кромки – 0,8-1,6 см. Первый и третий тип черепичных дисков датируется периодом Пэкче, второй соотносят с периодом Объединенного Силла.

Декоративные отливы плоской фронтальной черепицы из храма Чхоннимса датируются периодом Корё (918 – 1392 г.). Они делятся на два типа: отливы с растительным орнаментом и отливы с изображением личин демонов «*квимьён*» (귀면). Растительный орнамент обнаружен на восьми фрагментах и представлен элементами переплетающихся стеблей, цветов, виноградной лозы. Длина обнаруженных фрагментов находится в пределах 3,7 – 6,9 см, ширина от 1 см до 2,7 см.

При изучении остатков храма собрана черепица с печатями «*инчанва*» (인장와), круглой или квадратной формы и черепица с китайскими иероглифами нанесенными методом оттиска «*миёнмунва*» (명문와). Всего обнаружено 12 фрагментов. Собственно по одной из таких черепиц с надписью и было установлено

название памятника. Однако оно не оригинальное пекческое, так как обнаруженная черепица датировалась периодом Корё (1028 г.).

Наиболее массовым черепичным материалом, являляется совокупность полуцилиндрической «*су-кива*» (수키와) и плоской «*ам-кива*» (암키와) черепицы. Из 74 образцов 29 фрагментов датируются периодом Пэкче и 45 – периодом Корё. Черепица отличается различными следами выбивки, которые можно рассматривать как технический орнамент (рис. 8). Помимо черепицы найдены остатки напольных плит с орнаментом, хорошо сохранились лишь пять из них.

При проведении раскопок храмового комплекса Чхоннимса обнаружены в большом количестве керамические изделия, представленные тушечницами и различными видами керамических сосудов, включая многочисленные чаши. Сохранность находок так же различна, встречаются как целые, так и мелкофрагментированные. Простые, неорнаментированные тушечницы с плоским дном представлены шестью фрагментами различных размеров (3–19,7 см). Так же обнаружены четыре фрагмента тушечниц (размерами 4–13 см) с налепным и прочерченным геометрическим орнаментом (кругов и параллельных линий), и 14 фрагментов тушечниц–триподов, различной степени сохранности. Средний диаметр одной из целых тушечниц составляет 10–11 см. [부여정림사지, 2011].

Плоскодонные чашевидные сосуды среднего размера имеют диаметр венчика до 16,9 см, высоту до 6,3 см и толщину стенок 0,4–0,9 см. Крышки-блюдца без выраженных держателей представлены двумя целыми изделиями с частично оббитыми краями, диаметр которых составляет 13,8–11.8 см, толщина стенок 0,3–1,0 см. Крышки-блюдца с ручками-держателями – более массовый материал, выявлено 19 фрагментов различной степени сохранности, от целых изделий до небольших фрагментов (диаметром от 33 до 9,5 см и толщиной стенок 0,3-1,6 см). Так же обнаружена одна крышка для сосуда в форме башни высотой 5,6 см диаметром основания 8,9 см. Как отдельные типы керамических изделий можно выделить три крупных и более плоских блюдца, напоминающие по форме тарелки (диаметром 17–26 см, толщиной стенок 0,3–0,9 см), и два образца полностью сохранившихся миниатюрных блюдец (диаметром 8,2 и 7,6 см, высотой 2,9 и 2,1 см).

В процессе раскопок храма обнаружены 11 фрагментов стенок сосудов, орнаментированных штампованным орнаментом в виде небольших подков, выпуклого гофрированного узора, в виде полос, состоящих из точек, кругов, волнообразных и горизонтальных линий. Также найдены более 240 фрагментов плоскодонных чаш, крышек-блюдец, и тарелок 5 фрагментов светильников диаметром 7,6–10 см, 3 грузила, 2 фрагмента стенок плавильных тигелей, 2 фрагмета крышек тигля. Среди большого количества остатков ручек сосудов в основном выделяются 2 типа: выпуклые ручки, круглые в сечении и закрученные на концах; и ленточные – налепные и продолговатые в сечении [부여정림사지, 2011].

Среди артефактов из храма Чхоннимса выделяются остатки керамических статуэток, несколько из них сохранились достаточно подробно. Одна из них

– небольшая статуэтка трех сановников, облаченных в платья. Верхняя часть статуэтки, изображающая головы была утрачена, высота оставшейся части 16,7 см, ширина – 18,1 – 22,6 см, толщина 3,6 – 5,1 см. От другой статуэтки сохранилась лишь ее верхняя часть (плечи) 10.1см, ширина 14,1 см, толщина 6,7 см. Так же была обнаружена верхняя часть статуэтки Будды или бодхисатвы (голова), на ней хорошо прослеживаются линии лица и прорисованы уши, длина 5,3 см, оставшаяся ширина 1,8 -3,4 см, толщина 1,7 – 3,5 см. Верхняя, грудная часть статуэтки оставшаяся длина которой составляла 13.1см, ширина 11,8 см, толщина 6,2 см. Помимо этого было обнаружено еще 21 фрагмент статуэток небольшого размера, не поддающиеся определению.

Глазурованная керамика представлена более чем 28 фрагментами глазурованных чаш и кувшинов различных типов, 15 из них покрыты зеленой глазурью, 13 – покрыты глазурью желто-оливкового цвета. По мимо этого, вблизи учебного павильона обнаружена китайская тонкокаменная глазурованная крышка. Цвет глазури – оливково-серый, диаметр 14 см, высота 4,1 см, толщина стенок – 0,4–0,7 см. Так же найдены: фрагмент тушечницы высотой 6,4 см, покрытый зеленой глазурью; горловина глазурованного сосуда светло-оливкового цвета высотой 10,4 см; два фрагмента стенок, покрытых зеленой глазурью, от сосуда, вероятно, используемого для хранения масла. Сосуд орнаментирован вертикальными прочерченными линиями [부여정림사지, 2011].

Бронзовый материал представлен более скудно. Имеется бронзовая чаша, датируемая периодом Корё (рис. 9), диаметр верхней части – 19 см, диаметр нижней – 8,1 см, общая высота 3,5 см, высота подставки 1см, толщина стенок 0,1–0,3 см. Бронзовая шпилька с двумя держателями, круглыми в сечении (рис. 9). Ее головная часть имеет ромбовидную форму в сечении. Длина навершия составляет 2 см, ширина 0,7, длина держателей – 3,3 см, ширина – 0,5–0,3 см, общая длина сохранившейся шпильки составляет 4,1см. Найдены две бронзовые палочки для еды (рис. 9). Первая палочка обломана, она прямоугольная в сечении (0,3×0,3 см), имеет длину 15,2 см Вторая – круглая в сечении и постепенно сужается к одному концу, имеет длину 19,8 см, диаметр 0,4–0,2 см, широкий конец палочки имеет спиралевидный орнамент и навершие в виде бутона с просверленным в центре отверстием, диаметр которого 0,2 см. Бронзовая монета «Чанпин тунбао» (рис. 9) периода Чосон, наступившим после падения Корё, когда страна управлялась династией Ли (1392-1897 г.), диаметром 3 см, в центре имеется квадратное отверстие (0,8×0,8 см). С обеих сторон монеты находятся хорошо сохранившиеся китайские иероглифы. Вес монеты 5,364г.

Заключение

Время, когда место столицы Пэкче занял город Саби, это период расцвета буддизма и совершенствования техники строительства храмовой архитектуры. Из десяти храмов, находившихся в тот момент в Саби, храмовый комплекс Чхоннимса по праву занимал главенствующую роль. Комплекс Чхоннимса на-

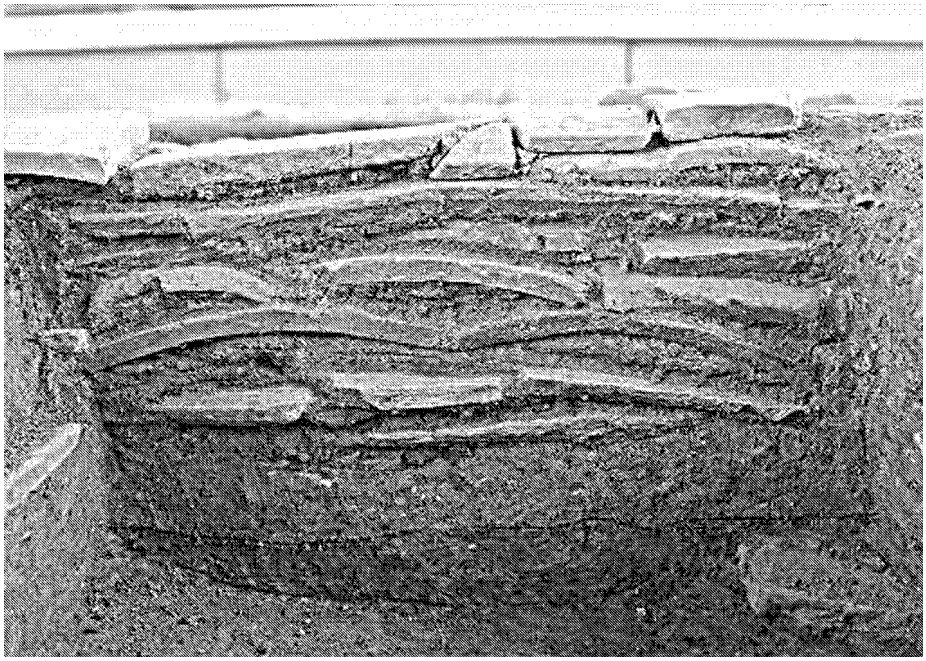

Рис. 1. Разрез фундамента платформы, сооруженной в технике «вачок кидан» (와적기단)
Pic. 1. Section of platform foundation, constructed in «wajuck-kidan» (와적기단) technique

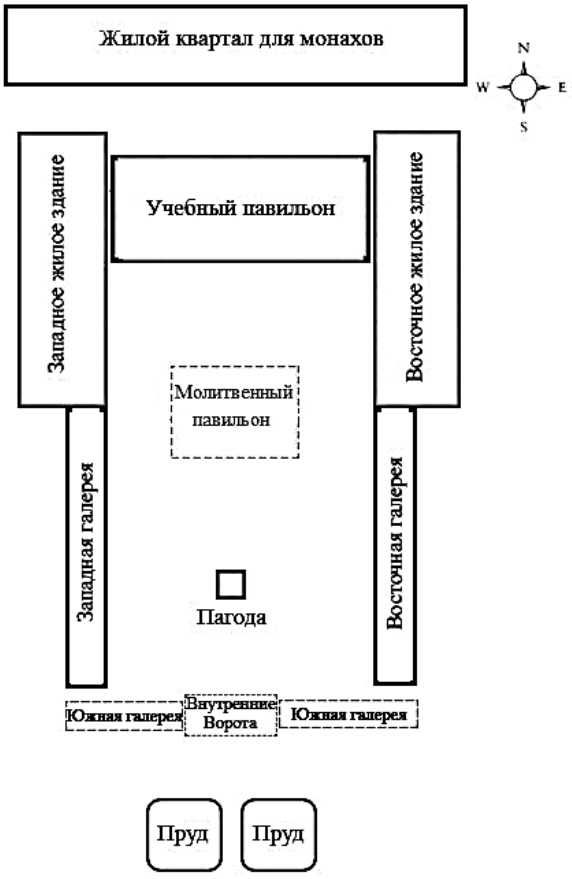

Рис. 2. План храмового комплекса Чхоннимса
Pic. 2. The pan of the jeongnimsaji temple complex

Рис. 3. Пятиярусная пагода храмового комплекса Чхоннимса
Pic. 3. Five-story pagoda of the jeongnimsaji temple complex

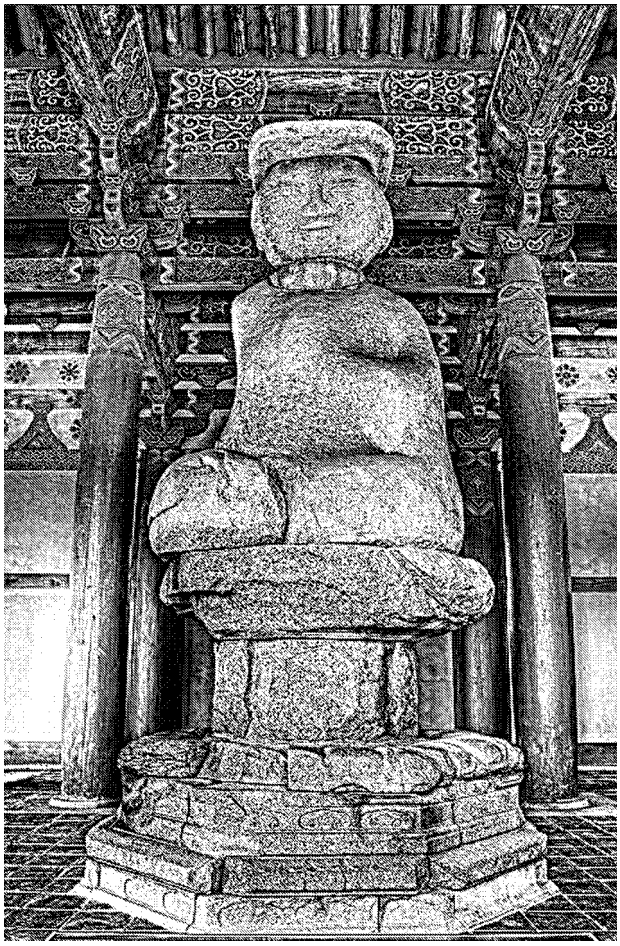

Рис. 4. Статуя Будды

Pic. 4. Buddha statue

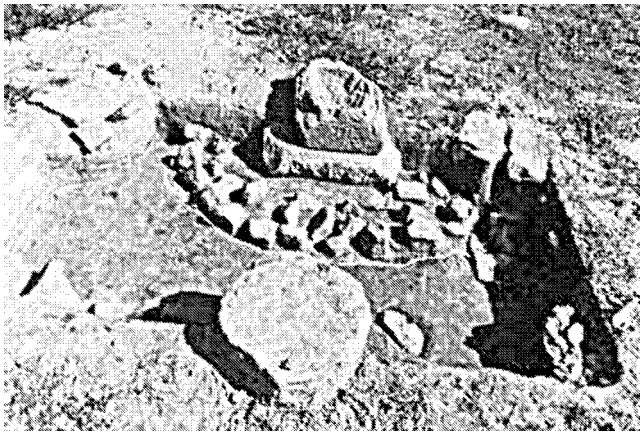

Рис. 5. Разрез фундамента столбовой базы, выполненной в технике «чоксим сок» (적심석)

Pic. 5. Section of pillars base, constructed in «Jeoksim-sock» (적심석) technique

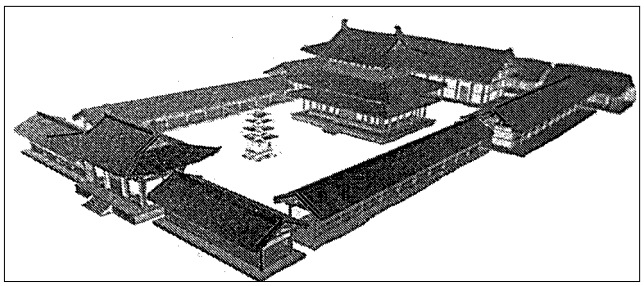

Рис. 6. Визуальная реконструкция комплекса Чхоннимса

Pic. 6. Visual reconstruction of jeongnimsaji temple complex

Рис. 7. Пруды с лотосами

Pic. 7 Lotus pounds

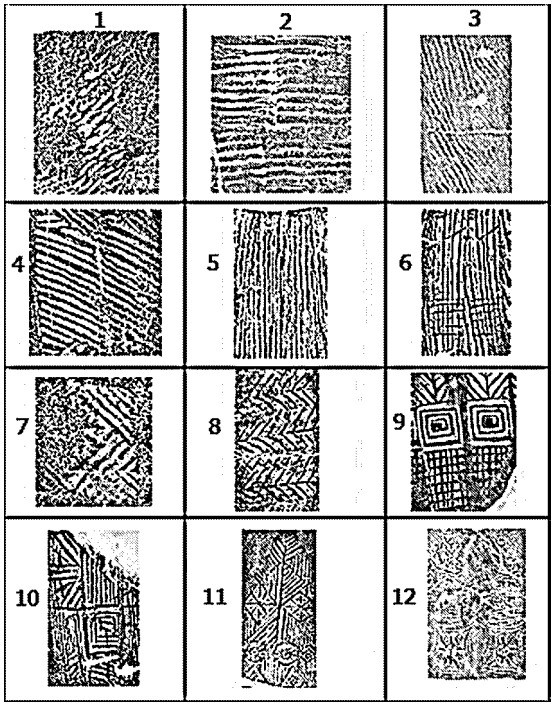

Рис. 8. Примеры технического орнамента черепицы

Pic. 8 Examples of the tiles technical ornaments

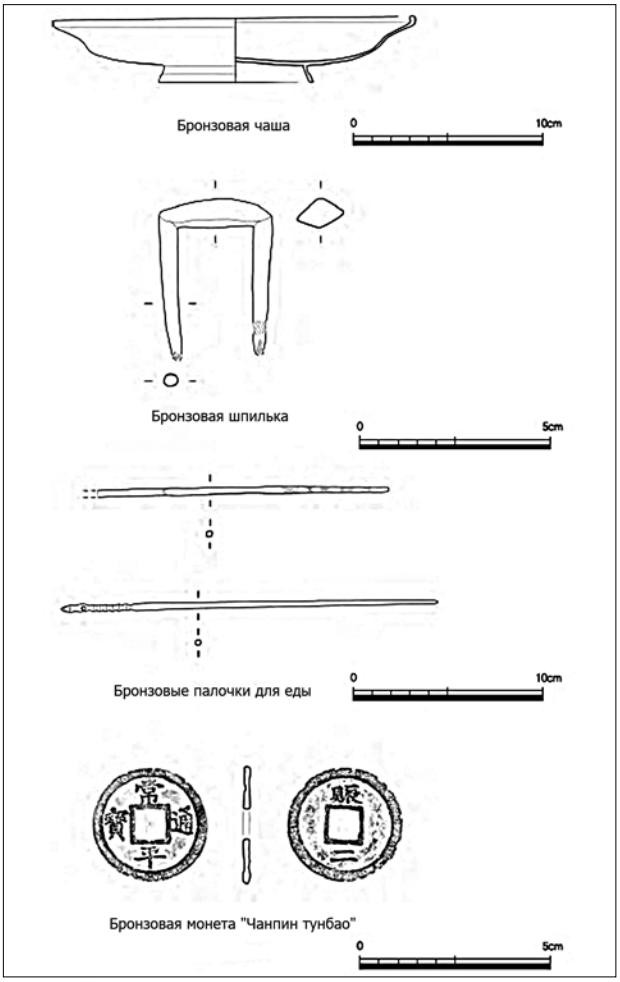

Рис. 9. Бронзовые артефакты, обнаруженные в процессе раскопок

Pic. 9 Bronze artifacts found in excavation process

ходился в центре столицы и соединялся прямой дорогой с горной крепостью Пусо. Чхоннимса имеет долгую историю. Появившись в период Саби, он был практически полностью разрушен после падения Пэкче, но был перестроен и обрёл новую жизнь в период Корё. Архитектурные элементы комплекса, находились внутри замкнутого двора, создаваемого галереей, которая соединяясь с восточным и западным жилыми помещениями, замыкалась учебным залом на севере и внутренними воротами на юге. Внутри двора располагались единственная хорошо сохранившаяся пятиярусная ранняя каменная пагода периода Пэкче и молитвенный павильон, перестроенный в период Корё. Галерея, жилые помещения и учебный павильон находились на черепичной платформе, этот архитектурный прием свойственен храмовой архитектуре периода Пэкче и средневековой Японии. Однако аналогии можно проследить и в других культурах, так, к примеру, черепица так же использовалась для закладки фундамента некоторых сооружений на территории храмового комплекса Краскинского городища, возможно, это проявление строительных традиций Пэкче в государстве Бохай [Болдин и др., 2001]. Основные сложности изучения и интерпретации памятника Чхоннимса объясняются его многослойностью. Коллекция находок представлена большим количеством разнообразного материала, датируемого различными периодами, но самым массовым из них являлась черепица. Здания комплекса разрушались и перестраивались вновь, размеры и положения павильонов видоизменялись. В настоящее время раскоп-

ки на территории комплекса завершены, комплекс частично реконструирован и открыт для посещения, рядом с ним возведен музей, демонстрирующий результаты многолетних исследований.

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

Литература

Болдин В.И., Гельман Е.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г. «Интеграция» на Краскинском городище: 4 года исследований // Вестник ДВО РАН. 2001. № 3. — С.74-90.

Тян В.Д. Буддийский храмы средневековой Кореи. История, архитектура, философия. – М.: изд-во РАН, 2001. – 170 с.

Lee Won-Ho, Jung Chi-Heon, Jeon Min-Kyung, Choi Jong-Hee. A study of the location and Spatial organization Characteristic of the neighbor of rear Jeong-Lim Buddhist temple foundation in Buyeo. Journal of the Korean institute of traditional landscape architecture. Seoul:The Korea Science and Technology Center, 2007- C.79-90

부여정림사지. 국립부여문화재연구소 (Отчет о раскопках памятника Чоннимса в городе Пуё) Buyeo National Research Institute of Cultural Heritage, 2011.-568 c.

동아시아고대사지비교연구 *3* -강당지, 승방기, 부속간물지, 문지, 회랑지편. 국립부여문화재연구소 (Сравнительный анализ буддийских памятников Дальнего Востока Азии том 3), vol. 66, Buyeo National Research Institute of Cultural Heritage, 2011.-420 c.

Н.А. Сутягина[75]

К ВОПРОСУ О КИТАЙСКОМ ВЛИЯНИИ НА КОНСТРУКЦИИ ЭЛИТНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ХУННУ

В статье представлен сравнительный анализ элитных погребальных конструкций хунну, результаты которого позволяют выделить несколько групп захоронений. Сравнение этих комплексов с китайскими погребениями показывает, что большие курганы хунну по внутреннему устройству могил сопоставимы с захоронениям китайских чиновников среднего уровня, «малые» же курганы – с погребениями представителей более низких социальных слоев.

Ключевые слова: Хунну, погребальные конструкции, деревянные саркофаги, княжество Чу.

N.A. Sutiagina

SOME REMARKS TO CHINESE CULTURAL INFLUENCES ON THE CONSTRUCTIONS OF THE XIONGNU ELITE TOMBS

Xiongnu terrace tombs at first glance are quite homogeneous, but they can vary in such details as surface construction, grave pit and interior burial construction. According to analyses of general data of Xiongnu elite tombs we could compare it with Chinese tomb. The central problem lies in the fact that the Elite Xiongnu tombs are similar not high-rank aristocracy mausoleums, but lower-rank noble barrow.

Key words: Xiongnu, burial constructions, wooden chambers and coffins, Chu tombs.

Введение

На рубеже XX–XXI веков археология хунну оказалась на пике невероятного подъема. В течение двух десятилетий на территории Монголии и Забайкалья было обнаружено и исследовано множество памятников, в том числе более двад-

[75] СУТЯГИНА Наталья Александровна – младший научный сотрудник, Ученый секретарь Отдела Востока Государственного Эрмитажа. E-mail: na.sutiagina@gmail.com

цати пяти элитных курганов. Большой интерес к раскопам именно этой группы погребений был обусловлен несколькими причинами. Одной из них стало практически полное отсутствие сведений об особенностях конструкции элитных захоронений хунну. Вплоть до завершения полевых исследований погребального комплекса в пади Царам (раскопки С.С. Миняева) [Миняев, 2007] выводы ученых основывались на материалах двух полностью раскопанных курганов – №24 в пади Суцзуктэ (раскопки С.А. Теплоухова, 1925 г.) и №54 в Ильмовой пади (раскопки П.Б. Коновалова, 1970-е гг.) [Теплоухов, 1925; Konovalov, 2008]. На основании этих данных исследователями были сделаны наблюдения, многие из которых в настоящее время подтвердились новыми раскопками. В первую очередь, это касается выводов о глубоко проникнувших в культуру хунну китайских традициях. В отечественной и зарубежной историографии существует мнение, что погребальные сооружения элитных захоронений хунну копируют китайские образцы. Однако в настоящее время столь широкие аналогии требуют более детального изучения. Основной целью данной публикации является попытка выявить архитектурные прототипы дромосных гробниц хунну среди погребальных комплексов на территории Китая.

Особенности погребальных сооружений хунну. В настоящее время в научный оборот введены материалы более двадцати пяти хуннских гробниц с дромосом, раскопанных в разных регионах Монголии и Забайкалья. На первый взгляд, для них характерен относительно стандартный набор признаков. При более детальном рассмотрении оказывается, что различия между ними более существенные. У. Бросседер указала на очевидную разницу в размерах сооружений. На этом основании она выделила несколько групп погребений хунну, за которыми могли стоять различия в социальных статусах погребенных [Brosseder, 2011, p. 255-256, 266-267]. Монгольские исследователи отмечали, что размеры погребального сооружения напрямую связаны с внутренним устройством, оформлением и качеством внутримогильного инвентаря. Сравнивая курган №2 могильника Дуурлиг нарс с погребениями могильника Тахилтын хотгор по размерам насыпей, исследователи пришли к выводу, что первый мог принадлежать хуннской знати [Эрэгзэн Г., Батболд Н., 2008, с. 227].

Материалы элитных захоронений хунну демонстрируют довольно большое разнообразие специфических признаков конструкций: различаются наземные сооружения, способы оформления могильной ямы, устройство деревянной погребальной камеры. Наиболее очевидными являются различия наземной части погребальных сооружений по размерам. Исследованные курган №7 в пади Царам [Миняев, Сахаровская, 2007, с. 194-201], курганы могильников Гол-Мод-1 (к. №1 и №20) и Гол-Мод-2 (к. №1) [Desroches J.-P, André G., 2002, p. 194-205; 2011, p. 315–321; Erdenebaatar D., 2012, p. 463-468], Баллодовский курган в пади Цзурумтэ [Сутягина, 2014] представляют собой наиболее крупные захоронения – длина стороны насыпи составляет от 30 до 46 м, длина дромоса – от 20 до 37

м. К «средним» курганам можно отнести многие захоронения в пади Суцзуктэ [Руденко, 1962; Полосьмак, 2011, 2011а, 2013], курган №54 могильника Ильмовая падь [Konovalov, 2008] и подобные им. Длина стороны насыпи составляет от 19 до 29 м, а длина дромоса около 10 м (рис. 1 – 1а,б). К группе «малых» курганов относятся захоронения могильников Тахилтын хотгор (курганы №64 и №83) [Miller B., 2008. p. 28-29], Дуурлиг нарс (курганы №2 и №5) (рис. 1 – 3а,б) [Дуурлиг нарс…, 2011] и другие. Здесь размеры насыпи составляют около 10–11 м в длину. На современной дневной поверхности курганы оформлены каменными оградами с земляным и каменно-земляным заполнением (Царам, к. №7, Ноин-Ула, к. №20, №22), или же фиксируются каменные насыпи (Дурлиг нарс, к. №5, Ноин-Ула, к. №11). Ограды наземных сооружений различаются от высоких, специальным образом оформленных стен (2–4,1 м в к. №1 могильника Гол-Мод-2) до просто каменных выкладок в один слой на уровне дневной поверхности (Дурлиг нарс, к. №5). Что касается глубин могильных ям, то здесь фиксируются значительные различия от 5 до 19 м. Явной зависимости между размерами насыпи и глубиной ямы выявить не удалось [Brosseder, 2011, p. 255-261, fig. 9].

Немало различий фиксируется в способах оформления могильной ямы элитного погребения хунну. По количеству, качеству и материалу значительные различия обнаруживаются в способах строительства перекрытий и внутренних перегородок. Максимальное число перекрытий встречается в «средних» погребениях в Ноин-Уле (к. №20 и №22) и пади Царам (к. №7). В то же время в одном из самых больших курганов №20 могильника Гол-Мод-1 было зафиксировано только одно перекрытие. Сравнивая особенности перегородок в могильных ямах можно отметить, что наиболее мощные конструкции зафиксированы П.Б. Коноваловым в кургане №54 в Ильмовой пади [Konovalov, 2008; pl. 20–23]. В отличие от него в близком по размерам кургане №22 в пади Суцзуктэ (Ноин-Ула) перегородки располагались довольно бессистемно и фиксировались на разных уровнях в разной конфигурации [Полосьмак, 2013, с. 107, рис. 6–11]. В «малых» курганах с дромосом открыты деревянные однослойные крестообразные перегородки, которые демонстрируют наличие данного элемента, а не выполняют какую-либо строительную функцию (к. №64 Тахилтын хотгор, к. №5 Дурлиг нарс).

Отдельное внимание необходимо обратить на конструкцию дромоса. Несмотря на различную длину, ширину и глубину дромосов, объединяющими являются следующие признаки: во всех курганах присутствует только один вход без дополнительных подбоев и пристроек, практически во всех случаях дромос обрывается выше уровня деревянного погребального сооружения. Уровень обрыва дромоса (от первой до пятой ступени) и расстояние от уровня обрыва до уровня начала деревянного сооружения могли различаться.

Стены могильных ям в курганах хунну были оформлены в виде спускающихся вниз ступеней. Их количество насчитывает от одной до пяти, но какая-либо

зависимость этого признака от глубины или размеров могильной ямы пока не выявилась. Например, ступени не зафиксированы в курганах №20 могильника Гол Мод-1 и №82 могильника Тахилтын хотгор [André G., Desroches J.-P., 2011, p. 318, il. 3; Miller, 2008]. В то же время в курганах в Ноин-Уле фиксируется максимальное число ступеней – пять. Завершается могильная яма «шахтой» с прямыми или слегка наклонными стенками разной глубины и размеров, на дне которой помещалась деревянное погребальное сооружение. Здесь можно отметить некоторую закономерность: в большинстве крупных и средних курганов открыты двойные камеры и гроб (рис. 1 – 2). В курганах малых размеров встречается внешняя камера и гроб (рис. 1 – 3в). Уникальная конструкция наблюдается в кургане №11 в пади Гуджиртэ (Ноин-Ула), где сохранились остатки поперечной перегородки, которая делила пространство на основную часть и северный отсек [Архив РГО]. Часто деревянные камеры имели специальный пол и перекрытие из поперечно и продольно уложенных досок, бруса и бревен. Под полом иногда находились специальные балки (две или три), которые отделяли деревянную камеру от дна ямы. Кроме того необходимо отметить такие черты погребального обряда как каменная обкладка внешнего сруба, а также слои голубой глины и мощные угольные слои. Эти признаки фиксируется в отдельных курганах и не являются повсеместно распространенными.

Таким образом, выше рассмотрены признаки, характеризующие конструкцию элитных погребальных сооружений хунну. Несмотря на уникальность конструкции каждого кургана, очевиден набор черт, объединяющих большинство этих сооружений:

–наземная конструкция оформлена в виде ограды или насыпи с примыкающим с одной стороны дромосом;

–дромос обрывается на уровне перекрытий и/или начала шахты и не подходит прямо к деревянной конструкции;

–оформленная в виде ступеней могильная яма завершается «шахтой» с прямыми стенками;

–на дне «шахты» установлена погребальная составная деревянная конструкция в виде двойного сруба и гроба, внешнего сруба и гроба или же внешнего сруба с перегородкой.

Китайские прототипы погребального сооружения хунну. В научной литературе сформировалась гипотеза о том, что в основе конструкции элитного погребального сооружения хунну лежит китайская погребальная конструкция. Исследователи указывали на близкие аналогии среди погребальных сооружений эпохи Западная Хань (Н. В. Полосьмак), времени от Чжаньго до Западной Хань (С.С. Миняев). П.Б. Коновалов показал еще более глубокие корни погребальных конструкций с дромосом в китайской культуре [См.: Полосьмак и др., 2011, с. 68]. А.А. Ковалев охарактеризовал эту традицию следующим образом: «… обычай захоронения погребенного по принципу «гроб в срубе – не что иное, как

«калька» китайского погребального обряда эпохи Чжаньго (наличие «внешнего» и «внутреннего» гроба)… Естественно, что *хунну копировали обычаи высшего слоя китайского общества, с тем чтобы подчеркнуть свою равнозначность элите ханьской империи…*» (*курсив мой – Н.С.)* [Ковалев, 2002, с. 152].

Современный уровень развития китайской археологии и количество раскопанных памятников позволяют скорректировать данную гипотезу. Наиболее полно история развития китайской погребальной традиции была изучена в работе Хуан Сяофэнь [Хуан, 2003]. На примере многочисленных погребений из разных регионов Китая она показала определенные тенденции её развития. Изменения происходят постепенно от простых земляных сооружений в виде ям с дромосом (или несколькими дромосами) к более сложным по конструкции скальным гробницам, а позднее и гробницам, оформленным кирпичным куполом. В первую очередь, это касается крупных захоронений, которые принадлежали представителям высшей аристократии. К началу эпохи Западной Хань Хуан Сяофэнь отмечает наличие разных типов деревянных гробниц с дромосом, который расположен примерно на одном уровне с могильной ямой (подобно захоронению Сянбицзуй (象鼻嘴M1), к. №1, расположенного в окрестностях Чанша). С другой стороны, постепенно увеличивается количество больших скальных гробниц, которые представляют собой длинный коридор с множеством небольших помещений по обе стороны (подобно погребениям членов семей чуских ванов в Бэйтуншань (北同山崖墓) или Шицзышань (狮子山崖墓) в окрестностях города Сюйчжоу, провинция Цзянсу) [Хуан, 2003, с. 70–89, табл. 38]. Конструкция, которая использовалась в погребальном обряде хунну, повторяет в своих деталях только один тип китайского погребального сооружения – земляную гробницу с одним дромосом, на дне которой установлена деревянный саркофаг. В своем исследовании Хуан Сяофэнь показала, что регионально данный тип относится к южным регионам современного Китая. Согласно классификации, предложенной исследовательницей, они относятся к группе «средних» и «малых» захоронений [Хуан, 2003, с. 111–120].

Опираясь на выявленный ранее комплекс признаков погребального сооружения хунну, попытаемся найти наиболее близкие ему аналогии среди захоронений, раскопанных на территории Китая. Одним из наиболее известных памятников в русскоязычной литературе является гробница княгини Дай в Мавандуе (马王堆一号墓) (провинция Хунань) [Мавандуй, 1976]. Эта женщина занимала высокое социальное положение, являлась членом княжеского рода (“Marquises of Tai”) в Чанша. Именно это погребение часто приводят в качестве аналогий хуннским захоронениям. На первый взгляд, данная гробница действительно сопоставима с хуннскими элитными погребениями, подобно курганам №20 и №22 в Ноин-Уле или кургану №1 могильника Дуурлиг нарс как по размерам насыпи (длина сторон 19,5х17,8 м, глубина около 20 м), так и по оформлению могильной ямы. Существенное отличие заключается в устройстве деревянной конструкции: пространство внутри деревянного саркофага было разделено специальными пере-

городками, центральная часть которого предназначалась для размещения гроба. Кроме того, тело умершей было погребено в трех (!), вставленных друг в друга изящно оформленных гробах. Тройной гроб – небывалый случай для захоронения хунну. Таким образом, устройство этого погребения в комплексе Мавандуй демонстрирует более сложную организацию внутримогильного пространства по сравнению с «большими» и «средними» погребениями хунну. Подобная же картина повторяется в ряде других погребений аристократии. Примером может служить захоронение №1 могильника Тяньсингуань (天星观一号墓) (уезд Цзянлин, провинция Хубэй). По размерам насыпи это погребение скорее приближается к большим курганам могильников Гол-Мод-1 и Гол-Мод-2: длина стороны составляет около 40 м, длина дромоса – 18,8 м. Стены ямы оформлены пятнадцатью ступенями (ширина ступени – 0,8 м, высота – 0,5-0,6 м). Здесь, также как и в кургане №1 могильника Мавандуй, деревянная конструкция перекрыта брусом, уложенным в поперечном направлении, «запечатана» голубой глиной и остатками углей. Основное различие вновь заключается в конструкции деревянного саркофага. Он состоит из внешней камеры, пространство которой разделено специальными перегородками на семь частей. В центре помещены три гроба. Стены деревянного саркофага украшены росписью красного, желтого и золотого цветов в виде геометрического орнамента [Хубэй шэн…, 1982, с. 71–80]. Согласно текстам на бамбуковых планках эта гробница принадлежит Фань Чэну, представителю аристократии, правителю земель в княжестве Чу.

Вероятно, аналогии хуннским гробницам стоит искать среди погребений, относящихся к иным социальным группам. В комплексе Баошань (包山) (провинция Хубэй) были исследованы несколько погребений, которые относятся к последним десятилетиям существования княжества Чу. Здесь было исследовано несколько могил, расположенных к северу и югу от центрального погребения. По типу устройства могильной ямы и деревянного саркофага наиболее близка хуннским захоронениям могила №1 этого комплекса. Небольшая насыпь перекрывает могильную яму и дромос. Вниз ведут три ступени, а затем «шахта». Однако в отличие от хуннских курганов дромос спускается прямо к перекрытию деревянного саркофага. Внутреннее пространство было организовано с помощью перегородки, которая образовала «внутренний сруб». В него был установлен *двойной гроб*. Поверхности обоих гробов были оформлены тканями и орнаментальными композициями. Хотя устройство деревянного сооружения более сложное, чем в элитных хуннских захоронениях, по размерам могильной ямы погребение в Баошань соотносится скорее с «малыми» курганами хунну (глубина ямы – около 7, ширина стенки – 8,95х7,35 м; длина дромоса – 8,45 м, ширина у основания – 3,3 м) (рис. 2, *1*) [Баошань…, 1991, с. 8–20]. Данное захоронение принадлежало человеку в ранге *шанши* (上士).

Наиболее знакомая погребальная конструкция в виде двойного сруба и гроба устанавливалась в могилах зажиточных людей, чей социальный статус был достаточно низким. Примером таких захоронений служат могильники в уезде Иян

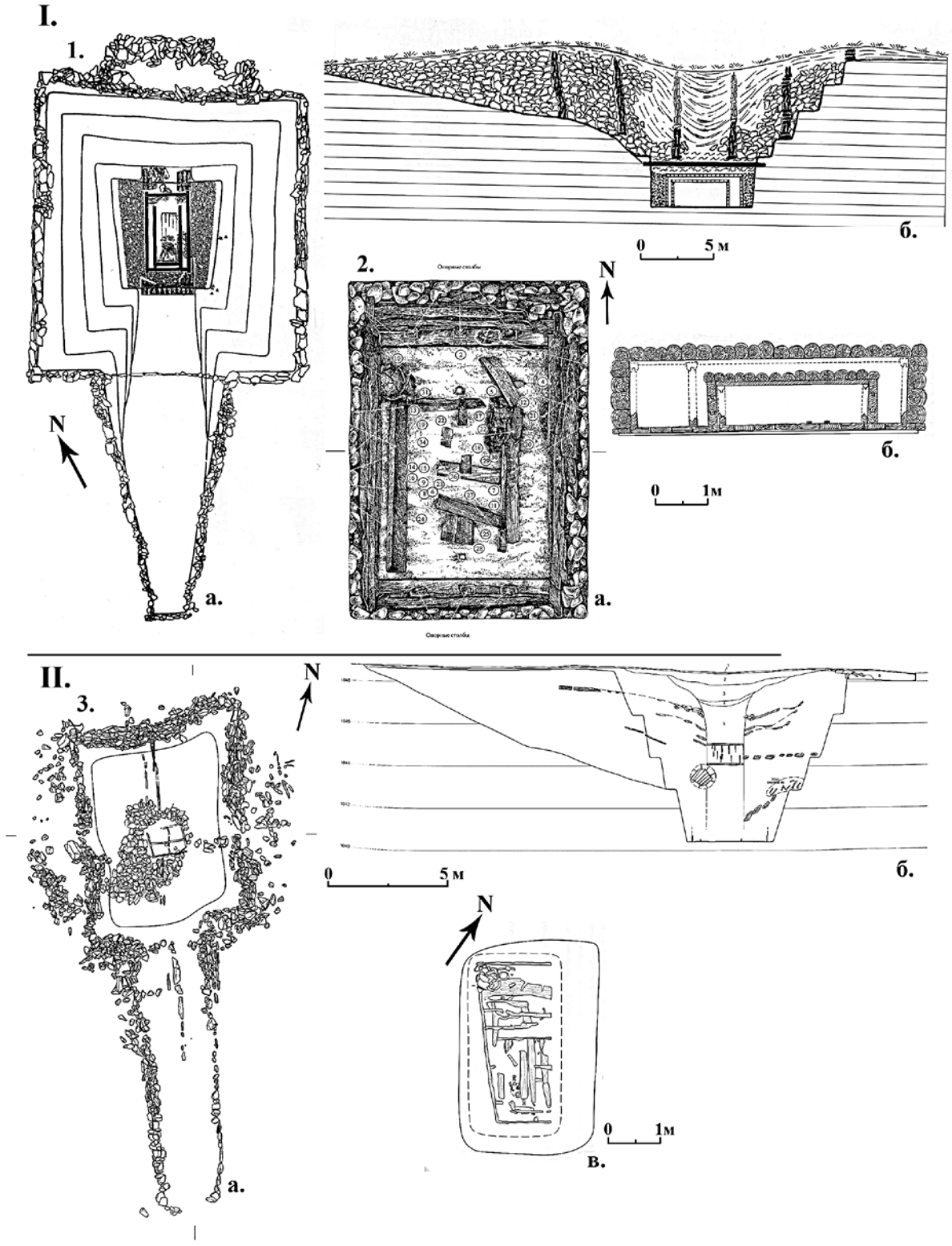
(провинция Хунань), наиболее богатые из которых были сделаны в могилах с одной-двумя ступенями и дромосом [Иян ши…, 2008]. В погребениях №452 и №489 на глубине около 5 м установлены деревянные конструкции, состоящие из двойного сруба и гроба (длина внешнего сруба – 3,08, ширина – 1,68 м; гроб – 2,38х1,04 м) (рис. 4,5). Внешний сруб установлен на две поперечные балки. В погребальном обряде также использовались уголь и глина [Иян ши…, 2008, с. 12-15, 329, 331]. Оба захоронения датируются в пределах завершающего этапа эпохи Чжаньго согласно китайской хронологии (рис. 2, *2*) [Иян ши…, 2008, с. 281–282]. Более простое устройство (деревянный сруб и гроб) могли позволить себе люди, не принадлежавшие к высшим социальным слоям.

Краткий обзор китайских погребений, принадлежащий представителям разных социальных групп, показал значительную разницу, закрепленную требованиями обряда. Попытка поисков буквальных аналогий памятникам хунну вряд ли позволит приблизиться к истинному пониманию взаимоотношений ставки шаньюя и императорского двора. В настоящее время можно отметить следующее: если размеры наземной конструкции позволяют сопоставлять захоронений хунну с погребениями китайской аристократии, то внутреннее устройство могил кочевников сопоставимо с захоронениями более низкой социальной группы.

Заключение

В письменных источниках встречаются многочисленные сюжеты, подчеркивающие равенство империи Хань и государства хунну, положения императора и шаньюя. С.В. Таскин писал: «…. Сюнну настолько укрепились, что стали представлять государство, равное по силе Ханьской империи…в подтверждение можно привести письмо императора Сяо-вэня, направленное в 162 г. до н.э. шаньюю Лаошану, в котором он писал «Хань и сюнну – равные по силе соседние государства» …» [Материалы…, 1973, с. 4]. В 199 г. до н.э. был заключен первый договор об установлении политики *хэцинь* – «мира, основанного на родстве». Одним из основных пунктов этих договоров было то, что Сюнну и Хань признавали себя равноправными государствами [Барфилд, 2009, с. 93-105]. Но к рубежу эр политическая ситуация сильно изменилась в обоих государствах. Хунну пережили тяжелый раскол середины I в. до н.э., после которого так и не смогли восстановить свою былую мощь. Китай раздирали политические интриги, в результате чего пала Западная Хань, и к власти пришел Ван Ман. Именно в этот период на относительно краткий срок появляются большие курганы хунну, подражающие китайским обычаям.

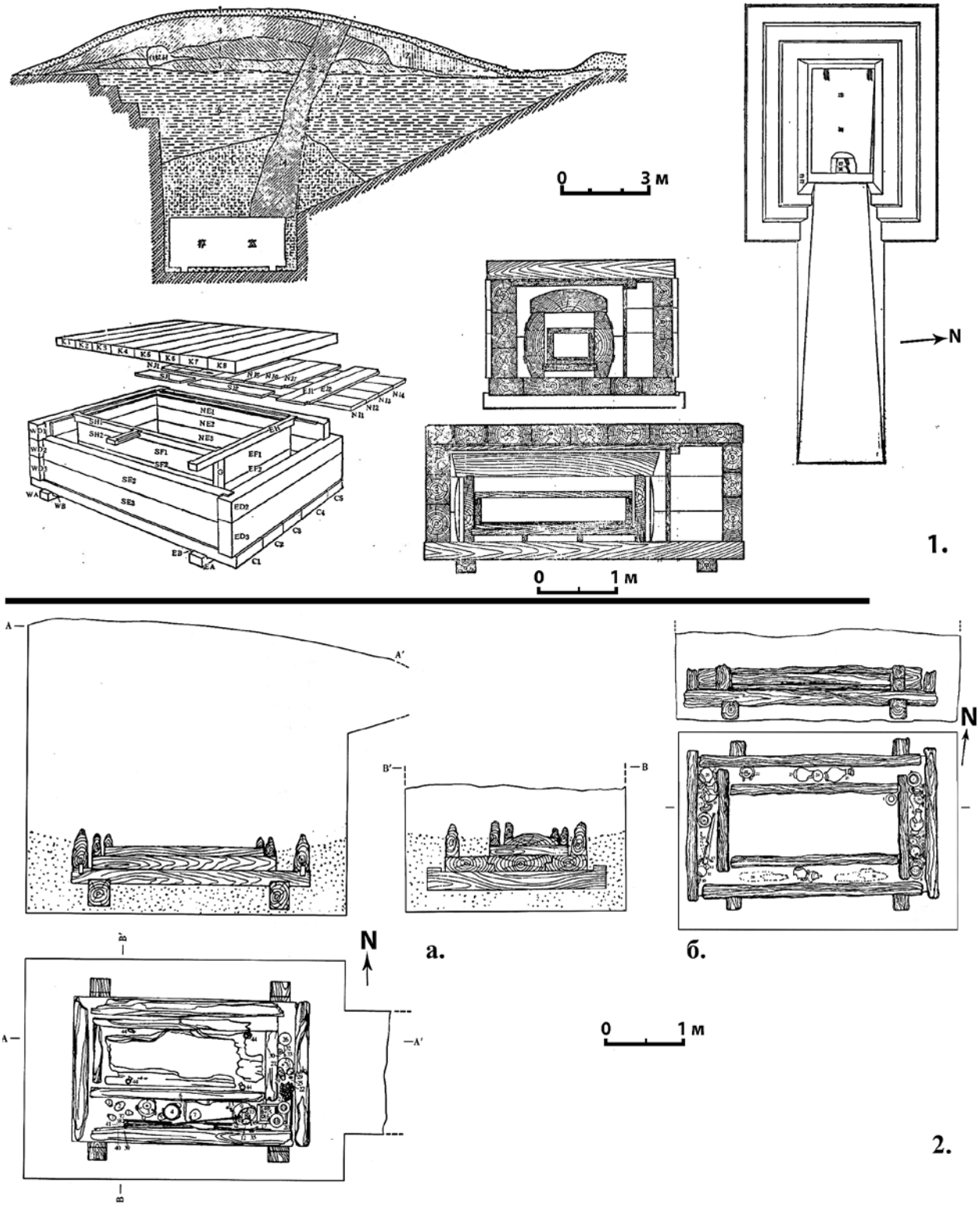
При сравнении китайских и хуннских гробниц оказывается, что даже крупные сооружению хунну по внутреннему устройству могил сопоставимы с захоронениям китайских чиновников среднего уровня, «малые» же курганы – с погребениями представителей нижних социальных слоев. Получается, что даже высшую знать хунну отправляли в мир предков по такому обряду, который в жесткой китайской иерархии демонстрировал относительно низкое положение в

1. Погребальные конструкции элитных курганов хунну.

I. Курганы средних размеров: 1– курган №54, Ильмавая падь (по: Konovalov, 2008),
2– Курган №20, падь Суцзуктэ (Ноин-Ула) (по: Полосьмак и др., 2011);

II. Курганы малых размеров: 3– курган №2 могильника Дуурлиг нарс (по: Дуурлиг нарсны…, 2011)

2. Погребальные конструкции на территории Китая.

1. Погребение №1 могильника Баошань (по: Баошань…, 2011)

2. Погребения № 452 (а) и №489 (б) из памятников в уезде Иян (по Иян ши…, 2008)

обществе (в сравнении с китайским императором и высшей аристократии). Любопытна и близость традиций погребальных конструкций хунну с памятниками среднего и нижнего течения Янцзы и более широко – погребениями княжества Чу. Если вспомнить о том, что шелка из хуннских погребений также связаны с южной традицией, то, возможно, за этим скрываются политические и экономические связи, плохо известные по письменным источникам.

Работа выполнена в рамках НИР «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н. э.)», финансируемой за счет бюджетных средств СПбГУ (Тем. М2, ИАС 2.38.525.2013)

Литература

Барфилд Т.Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. – 488 с., ил. (Серия «Nomadica»).

Дуурлиг нарсны Хүннү булш (I): Монгол-Солонгосын хамтарсан археологийн судалгааны тайлан-5 (Могильник хунну Дурлиг Нарс (I). (Отчет об исследованиях совместной Корейско-Монгольской экспедиции в Монголии V). Улан-Батор, 2011. 313 с.

Иян ши вэньу гуаньличу, Иян ши боугунь бяньчжэ. Иян Чу му. Бэйцзин: Вэньу чубаньшэ, 2008. – 397 с., ил. (益阳市文物管理处， 益阳市博物馆编者。益阳楚墓。北京: 文物出版社， 2008 – 397 с., ил.– Чуские могилы в Иян / Сост. Управление по культуре г. Иян, Музей г. Иян, Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2008. – 397 с., ил.).

Ковалев А.А. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа–Азия: проблемы этнокультурных контактов. К 300-летию Санкт-Петербурга. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – С. 150-194.

Кондратьев С. Отчет о разработке кургана №11 в долине Гуджиртэ. Архив РГО, ф. 18, оп. 4, д. 56.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисловие, перевод и примечания С.В. Таскина. М.: Наука, Вып. 2, 1973. – 171 с.

Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // Российская археология. – 2007. – №1. – С. 194-201.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1962. – 206 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО. 2011. – 184 с., ил.

Полосьмак Н.В. Богданов Е.С. Вести с полей // Наука из первых рук.– 2011а.–№3(39). – С. 6-13.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Курган № 22 в пади Суцзуктэ (Монголия): погребальный обряд // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – 4 (56). – С. 102-118.

Сутягина Н.А. Баллодовский курган (Ноин-Ула, Северная Монголия). Исследователи и коллекции // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (К 150-летию П.К. Козлова). СПб: Политехника-сервис. 2014. – С. 258-277, ил.

Теплоухов С.А. Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П.К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР. 1925. – С. 13-22; ил.

Хуан Сяофэнь. Хань мудэ каогусюэ яньцзю. Чанша: Юэлу шушэ, 2003 – 307 с., ил. (黄晓芬。 汉墓的考古学研究。 长沙岳麓书社。 2003 – Хуан Сяофэнь. Археологическое исследование погребений эпохи Хань. Чаншан: Юэлу шушэ. 2003.) (на кит. яз.).

Хубэй шэн Цзинчжоу дицю боугуань. Цзянлин Тяньсингуань и хао Чу му // Каогу сюэбао, 1982, №1. С. 71-116 (湖北省荆州地区博物馆。江陵天星观一号楚墓 // 考古学报，1982, №1.С. 71-119. –Региональный музей города Цзинчжоу, провиция Хубэй. Чуская могила 1 комплекса Тяньсингуань в уезде Цзянлин // Каогу сюэбая, 1982, №1. С. 71-119) (на кит. яз.).

Хубэй шэн Цзинша тулу каогу дуй. Баошань Чу му. Бэйцзин: Вэньу чубаньшэ, Шан цэ. 1991. – 397 с. (湖北省荆沙铁路考古队。包山楚墓. 北京文物出版社。上册。 1991 – 397 с.) (на кит. яз.).

André G., Desroches J.-P. Une tombe princière Xiongnu à Gol Mod, Mongolie (campqgnes de fouilles 2000-2001) // Arts asiatiques. – 2002. – Vol. 57. – P.194-205 (на франц. яз.).

André G., Desroches J.-P. New perspectives in Xiongnu archaeology through studies on the aristocratic necropolis of Gol Mog, Mongolia: activities of the French–Mongolian archaeological expedition (MAFM) in the context of Xiongnu archaeology // Current archaeological research in Mongolia. Papers from the first international conference on “Archaeological research in Mongolia” held in Ulaanbaatar, august 19th–23rd, 2007. Bonn contributions to Asian archaeology. Vol. 4. P. 315-321 (на англ. яз.).

Brosseder U. Xiongnu terrace tombs and their interpretation as elite burials // Current archaeological research in Mongolia. Papers from the first international conference on "Archaeological research in Mongolia" held in Ulaanbaatar, august 19th–23rd, 2007. Bonn contributions to Asian archaeology. Vol. 4. – P. 247-280 (на англ. яз.).

D. Erdenebaatar. Xiongnu king cemetery in Gol Mod-2 // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн.2. СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. – С. 463-468.

Konovalov P.B. The Burial Vault of a Xiongnu Prince at Sudzha (Il'movaia pad', Transbaikalia). Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 3. Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn. 2008. – 60 p. ill. (на англ. яз.).

Miller Br. K., Jamsranjav B., Tseveendorj E., Lee Ch. Xiongnu Elite Tomb Complexes in the Mongolian Altai. Results of the Mongol-American Hovd. Archaeology Project, 2007 // The Silk Road. – 2008. – Vol. 5, №2. – P. 27–35 (на англ. яз.).

The Han tomb 1 at Mawangdui, Changsha (长沙马王堆一号汉墓). / Hunan Provincial Museum and Institute of Archaeology (湖南省博物馆 中国科学院考古研究所). Heibosha – 1976. – Vol.1. – 233 p. (на яп. яз.).

Р. Төгссайхан [76]

МОНГОЛ ДАХЬ ЧИН УЛСЫН ҮЕД ХОЛБОГДОХ ХОТ СУУРНЫ СУДАЛГААНЫ ЗАРИМ АСУУДАЛ

This remain is less studied in terms of digging and exploring as observed from above researches. Therefore, we can say researches of Mongolian cities during Chinese Qing dynasty has not been studied well till now. To note at last, cities at that time should be explored more and this means it provides possibilities to imagine real state of that time and the city's management, designation, sculpture, and distinction of architecture from information source, archives, and notes from tourists of that time.

Key words: Mongolia, China,Qing dynasty.

R. Tugssaihan

SOME PROBLEMS OF RESARCHING OF THE CITIES OF QIN DINASTY IN MONGOLIA

Данное исследование подтверждает тезис о слабой изученности, в археологическом плане городов Цин династии на территории Монголии до сих пор остаются мало изученными. Отметим, наконец, города в этого периода должны быть изучены детальнее, и это даст возможность представить реальное положение того времени и управления городом, обозначение, скульптура, и различие в архитектуре по архивным источникам и заметок путешественников.

Key words: Моголия, Китай, династия Цинь.

Өнөөгийн Манай орны нутаг дэвсгэрт хадгалагдан үлдсэн эртний түүх соёлын олон дурсгалын дотор эртний хот суурингын дурсгал нэн чухал байр эзэлдэг. Монгол нутаг дахь археологийн дурсгалыг анхлан шинжлэх ухааны үүднээс тандан судалж эхэлсэн XIX зууны сүүл үеэс эртний хот суурины ор үлдэгдлийг илрүүлэн олж тодорхойлон бичиж, нийтэд мэдээлэх ажил эхэлсэн хэмээн үздэг.

[76] Рагчасурэн ТУГССАЙХАН – научный сотрудник-археолог музея Монгольских войск, Улан-Батор. E-mail: tugus.mr@gmail.com

Энэ хугцаанд 300 орчим хот суурин газрын ор үлдцийг олж тогтоосон бөгөөд цаг хугацааны хувьд МЭӨ II зуунаас дундад зууны сүүл буюу XYII зууныг хүртэлх үед холбогдож байна [Цэвээндорж нар.., 2007].

Монгол дахь хот сууринг археологийн үүднээс шинжлэн судалсан байдалыг авч үзвэл Хүннү, Уйгур, Кидан, Их Монгол улсын үед холбогдох хот суурингуудыг илүү анхаарч үзсэн нь харагддаг бөгөөд цөөнгүй нэгэн сэдэвт зохиол, эрдэм шинжилгээний өгүүлэлд үр дүнг нийтэлүүлжээ [Цэвээндорж нар.., 2007].

Харин XVI-XVII зууны үе буюу Чин гүрний үед холбогдох хот суурины судалгаа харьцангуй бага хийгдсэн хэмээн үзэж болно. Энэ үед хэдийгээр Монголчууд Чин гүрний эрхшээлд орсон боловч хот орон байгуулах ажил тасалдалгүй үргэлжилсээр байсан юм. Тухайлбал: Х.Пэрлээгийн Монгол Ард Улсын эрт, дундад үеийн хот суурины товчоон. Улаанбаатар, 1961 бүтээлийн энэ үеийн сууринг шинжилсэн тухай өгүүлсэн байдаг [Пэрлээ, 1961, с.120-130] бол Д.Майдарын Монголын хот тосгоны гурван зураг(эрт, дундад үе, XX зууны эхэн). Улаанбаатар, 1970 бүтээлд Манжийн үеийн цайз ба худалдааны хотуудх эмээх хэсэгт 130 гаруй суурин газрын нэрс оруулсан байдаг билээ [Майдар, 1970, с.24-32].

Мөн энэ үеийн хот түүхийг тодоруулах гол арга нь сурвалжийн мэдээнд дулдудан явагдсаар ирсэн юм. Тэр дундаа энэ үед олноор байгуулагдсан хүрээ хийдийн түүхийг архивийн баримт хэрэглэгдэхүүнд түшиглэн тодоруулах ажил баггагүй хийгдсээр байна. Эдгээр сурвалж, бичгийн мэдээ сэлтийг археологийн судалгаагаар батлах нэг боломж нь тухайн үеийн хот сууринуудыг малтан судлах ажил юм.

Манай улсад энэ үеийн хот сууринг малтан шинжилсэн судалгаа маш цөөн бөгөөд анхлан археологич Н.Сэр-Оджав Баянхонгор аймгийн Бөмбөгөр сумын нутаг Байдраг голын эрэгт орших “Хотын булан” хэмээх сууринг эрдэм шинжилгээний үүднээс хэмжилт хийж, тодорхойлон бичэн сурвалж бичигт энэ сууринг байгуулсан мэдээ сэлтийг олж тэмдэглэсэн нь энэ талын судалгааны эхлэл болсон байна. Тэрээр тус хотыг цэргийн зориулалтаар богино хугцаанд байгуулсан хэмээн үзжээ [Сэр-Оджав, 2003, с.43-45]. Үүнээс хойш академич Б.Ширэндэв Архангай аймгийн төвөөс Булган сумруу явах замд Цагаан суваргын аманд Тамир хотын турыг сонирхон 1966 онд тэр орчимд очиж үзэн нутгийн зарим өндөр настнуудаас Тамир хотын тухай хууч яриа зэргийг цуглуулжээ. Дараа нь тэрээр ШУАМ сэтгүүлийн 1967 оны №4 т Цэргийн цайз «Тамир» хотод холбогдох үйл явдлууд (18 дугаар зууны үе) гэсэн нэртэй өгүүлэл бичжээ. Үүндээ Тамир хотын байгуулагдах үеийн Монгол орны улс төрийн байдал, хот байгуулагдах шалтгаан, холбогдох үйл явц, нүүсэн зэргийг бичгийн сурвалжийн мэдээ сэлтээс шүүж, хотын туурийг хэмжин тодорхойлолт бичээд, тойм зургийн хамт нийтэлжээ. Түүний бичсэнээс үзвэл Тамир хотыг үнэхээр Манжийн хааны хошой эфу Цэрэн 1732 онд байгуулсан бөгөөд тухайн үедээ цэрэг дайны нэлээд чухал төв болж 3000 монгол цэрэг сууж байсан хэмээжээ. 1754 оноос манжийн цэрэг ойр-друу дайрах үеэс Тамир хотыг Улиастай газар нүүдэллэсэн байна гэсэн байна [Ширэндэв, 1967, 50-55].

1990-ээд оны эхээр түүхч Ж.Гэрэлбадрах Хөвсгөл нуурийн зүүн хойд эрэгт байх нэгэн сууринг нутгийн ардын мэдээлсэнийг, бичгийн мэдээ баримтаар энэ сууринги холбогдох он цаг, байрлал болон хэн байгуулсан зэргийг тодоруулжээ. XVIII зууны эхэн үеийн Оросын острог-шивээ бололтой хэмээн үзжээ [Гэрэлбадрах,1994,с.31-35].

1978 онд О.Намнандорж Завхан аймгийн Тэс сумын нутаг Тэсийн голын нэгэн арал дахь “Гандантэгчилэн хийд”-ийн балгасны ойр орчимд хэдийд барьсан нь тогтоогдоогүй эртний эвдэрхий балгасны турь нэлээд буй хэмээн тэмдэглэсэн байдаг [Намнандорж, 2003, с.448-453]. Үүнийг хожим доктор А.Очир нарын судлаачид шинжлээд хотгойдын дээдсийн үүсгэн байгуулсан суурин байж болно [Очир, Одбаатар,2010. с.371-373] хэмээн үзжээ.

Харин 1995 онд У.Эрдэнэбат Сарьдагийн хийдийн талаар эрдэм шинжилгээний өгүүлэлдээ уг хийд нь нийт 7 барилгын турь, 3 суваргын үлдэгдэл байгааг тодорхойлон дэвсгэр зураг үйлдэж, нэг суварганы оройд жижиг сорилтын малтлага хийж зарим эх хэрэглэгдэхүүнийг тодорхойлолт зургийн хамт нийтлүүлжээ. [1995, 67-77] Хожим 2013-2014 онд энэ газар ШУА-ийн Түүхийн хүрээлэнгийн хээрийн шинжилгээний анги малтлага судалгааны ажлыг зохион байгуулж нилээдгүй олдвор хэрэглэгдэхүүн илрүүлэн олоод байна.

Мөн 2005 онд Өмнөговь аймгийн Ханбогд сумын нутагт дахь Дэмчогийн хийдийн турийг сэргээн засварлах ажилтай холбоотойгоор бага хэмжээний археологийн малтлагын ажил хийгдсэн байна. Малтлагаар нилээд олдвор хэрэглэгдэхүүн илрүүлэн олж эрдэм шинжилгээний тайлан бичсэн байна [Khurelsukh et al., 2005].

2009 онд Монгол-Францын хамтарсан “Нүүдэлчдийн эзэнт гүрэн” төслийн хээрийн шинжилгээний ангийнхан Архангай аймгийн Эрдэнэ мандал сумын Цорго багийн нутаг дахь Дөрвөлжин, Цагаан чулуут хэмээх газарт сорилтын малтлага хийжээ. Дөрвөлжин хэмээх газраас дээврийн нөмрөг ваар, малын яс, гал түлсэн ором зэрэг зүйл илэрсэн бол харин Цагаан чулуутаас төрөл бүрийн төмөр багаж хэрэгсэл олджээ. Тухайн судлаач эдгээр дурсгалуудыг хоорондоо уялдаатай хэмээн үзээд он цагийг 1700 оны үеийн Манжийн цэргийн хотын үлдэгдэл хэмээн үзсэн байна [Ерөөл-Эрдэнэ нар, 2009].

Дээрхи судалгааны байдлаас үзвэл энэ үеийн дурсгалыг малтан шинжлэх ажил бусад түүхэн үеүүдийн судалгаанаас харьцангуй бага хийгдсэн нь харагдаж байна. Тиймээс Чин гүрний үеийн Монгол нутаг дахь хот суурины түүхийн судалганы асуудал өнөөг хүртэл бүрэн гүйцэд тусгайлан судлагдаагүй байна хэмээн үзэж болно.

Эцэст нь тэмдэглэхэд, тухайн үед холбогдох хот сууринг малтан судлаж, тэдгээрийн бүтэц зохион байгуулалт, зориулалт, уран барилга, архитектурын онцлогыг энэ үеийн сурвалжын мэдээ сэлт, архивын эх хэрэглэгдэхүүн, жуулчдын үлдээсэн тэмдэглэл зэрэгтэй харшуулан, тэр үеийн түүхийн үнэн төрхийг төсөөлөх боломжийг бүрдүүлэх юм.

Литература

Пэрлээ, 1961 – Пэрлээ Х. Монгол Ард улсын эрт, дундад үеийн хот суурины товчоон. Улаанбаатар.

Гэрэлбадрах, 1994 – Гэрэлбадрах Ж. Хөвсгөлийн эрэг дэх Хирвэстэг толгойн туурь // Түүхийн судлал. t 27-28. f.4. Улаанбаатар

Майдар, 1970 – Майдар Д. Монголын хот тосгоны гурван зураг (эрт, дундад үе, XX зууны эхэн). Улаанбаатар,

Намнандорж, 2003 – Намнандорж О. бүтээлийн эмхтгэл. Боть I, Улаанбаатар

Очир, Одбаатар, 2010 – А.очир, Ц.Одбаатар, Хотгойдын дээдсийн нэгэн суурины тухай. // Бүтээлийн эмхтгэл. Улаанбаатар

Пэрлээ, 1961 – Пэрлээ Х. Монгол Ард Улсын эрт, дундад үеийн хот суурины товчоон. Улаанбаатар,

Сэр-Оджав, 2003 – Сэр-Оджав Н. Манжын цэргийн хот. // Эрдэм шинжилгээний бүтээлийн эмхтгэл. Улаанбаатар

Цэвээндорж нар.., 2007 – Цэвээндорж Д., Баяр Д., Эрдэнэбат У. Монголын эртний хот суурины судалгаа // Монголын археологийн шинжлэх ухаан 32-р боть. Улаанбаатар

Ширэндэв, 1967 – Ширэндэв Б. Цэргийн цайз «Тамир» хотод холбогдох үйл явдлууд (18 дугаар зууны үе) // ШУАМ №4. Улаанбаатар

Эрдэнэбат 1995 – Эрдэнэбат У. Сарьдагийн хийд. // Археологийн судлал. t 29. f.12 Улаанбаатар

Ерөөл-Эрдэнэ нар, 2009 – Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Хатанбаатар П. Монгол- Францын хамтарсан археологийн экспедицийн 2009 оны хээрийн шинжилгээний тайлан. ШУА-ийн АХГБСХ. Улаанбаатар.

Khurelsukh et al., 2005 – Khurelsukh S., Munkhtulga R. The Brief Report of Archeologicalwork at a site of bDemchog Monastery in Khangogd soum of Umnugobi aimag in year 2005. Ulaanbaatar

Д.К. Тулуш[77]

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЭПОХИ ХУННУ НА ТЕРРИТОРИИ ТУВЫ

В статье автор опровергает существующую точку зрения об отнесении всех фортификационных памятников Тувы к периоду Уйгурского каганата (745-840 гг.). Современные исследования показывают, что городища с земляными валами (Целинное, Кочетово, Катылыг 5, Сенек, Барык, Ийме, Баян-Тала, Тээли 5, Чоон-Терек) были возведены в период хунну (III в. до н.э. – II в. н.э.). В пользу этого свидетельствуют материалы анализа стеновых конструкций, степени сохранности, находки отдельных элементов хуннского времени (фрагменты керамики, остатки полуземлянок) и др.

Ключевые слова: Тува, городище, фортификационное сооружение, период хунну, Уйгурский каганат, земляной вал, полуземлянка.

D.K. Tulush

FORTIFICATION CONSTRUCTIONS OF HUNNU ERA IN THE TERRITORY OF TUVA

In article the author disproves the existing point of view about building of all fortification monuments of Tuva in the period of the Uyghur khaganate (745-840). Modern researches show that ancient settlements with earth bank (Celinnoe, Kochetovo, Katylyg 5, Senek, Baryk, Iyma, Bayan-Tala, Teeli 5, Choon-Terek) were built in Hunnu period (III century BC – II century AD). In favour of this testify Materials of the analysis of wall designs, degrees of safety, a find of separate elements of Hunnu's time (fragments of ceramic, the remains of semi-dugouts) etc.

Keywords: Tuva, ancient settlement, fortification construction, Hunnu period, Uyghur khaganate, earth bank, semi-dugout.

[77] ТУЛУШ Демир Константинович – научный сотрудник Тувинского института гуманитарных исследований. E-mail: demirtdk@mail.ru

Республика Тыва расположена в самом центре азиатского материка и ограничена с севера и востока высокими хребтами Западного и Восточного Саян, с запада – Алтайским нагорьем, на юге – хребтами Обручева и Танну-Ола. Между этими горами – Тувинская котловина, по которой протекают р. Енисей (тув. – Улуг-Хем) и ее левый приток – Хемчик. Благодаря своему географическому положению территория Тувы издревле входила в зону политических и военных интересов древних государств Центральной Азии. Это стало одной из причин возникновения в бассейне Енисея фортификационных сооружений.

Научное исследование фортификационных сооружений на территории Тувы началось с конца XIX в. [Клеменц, 1895]. К концу XX в. науке было известно о существовании 17 укрепленных городищ и крепостей, в том числе одного наблюдательного пункта. Крупные археологические экспедиции 1950–1970-х гг. (С.И. Вайнштейна, Л.Р. Кызласова, А.М. Мандельштама и др.) позволили исследовать наиболее сохранившиеся памятники, локализованные чаще по левому берегу р. Енисей и правому – р. Хемчик. Наиболее масштабные работы были проведены на памятниках Пор-Бажын, Бажын-Алаак 1, Шагонар 3 (III Шагонарское) и Бажын-Алаак 2 [Вайнштейн, 1959; Кызласов, 1959; Кызласов, 1969; Мандельштам, 1970].

Большинство фортификационных сооружений Тувы представляют собой ровные площадки, окруженные четырехугольными прямолинейными валами глинобитной или земляной конструкции. Вокруг каждого фиксируется понижение почвы, свидетельствующее о возможном наличии рвов. Чаще всего валы были возведены из земли, выкинутой из рва. На всех глинобитных и некоторых земляных городищах фиксируются угловые и привратные выступы, которые можно принять за основания башен или внешние контрфорсы, направленные на сохранение целостности конструкции. Сходная форма и конструкция наиболее сохранившихся стен (техника «хан-ту»), находки в шурфах и раскопах отдельных предметов и фрагментов керамики уйгурского типа позволили датировать исследованные памятники уйгурским временем (VIII–IX вв.) [Кызласов, 1979; 2006].

Эта датировка была автоматически распространена на все выявленные городища и каменные крепости. При этом был оставлен без внимания ряд важных факторов: отсутствие на большинстве памятников внутренних построек (кроме памятников Пор-Бажын, Бажын-Алаак 1, Бажын-Алаак 2 и Шагонар 3), характерных для памятников уйгурского времени Монголии; слабая насыщенность или полное отсутствие культурного слоя на подавляющей части городищ; конструктивные различия, материал изготовления и степень сохранности стен и валов.

Изучение материалов предшественников и собственные археологические разведки автора (2006–2013 гг.) позволяют усомниться в датировке уйгурским временем ряда фортификационных памятников Тувы. Их следует отнести к эпохе хунну (III в. до н. э. – II в. н. э.). На такие выводы наталкивает анализ местоположения, линейных размеров, ориентации и геометрической формы, размеров и материала стеновых конструкций, степени сохранности, а также наличие таких элементов, как рвы и оросительные каналы, следы землянок или полуземлянок и т.д.

В настоящее время на территории Тувы выявлено и обследовано 21 городище (рис. 1), которые можно условно разделить на три группы:

1) укрепленные городища с земляными валами, высота которых не превышает 1,0 м, а ширина обвалованных стен достигает 16,0 м;

2) крепости с глинобитными стенами, выполненными в древнекитайской технике «хан-ту», высотой не менее 2,0 м;

3) наблюдательные пункты с каменными стенами, возведенными на вершине горы или высоком скалистом берегу.

Крепости с глинобитными стенами возведены в основном на участке слияния рек Хемчик и Енисей (до 0,5 км от берега реки) в центральных и западных районах. Компактно расположенные шагонарские городища, Бажын-Алаак 2, Балгаш-Бажын и Малгаш-Бажын образовывали своеобразную линию обороны, направленную дугой на север. Материалы археологических раскопок, проведенных советскими исследователями [Вайнштейн, 1964; Кызласов, 1988], позволили предварительно отнести их к уйгурскому времени (VIII–IX вв.). Эта датировка подтверждается также сходством конструкций стен с аналогичными уйгурскими памятниками на территории Монголии.

С глинобитными крепостями косвенно связаны каменные крепости, которые, возможно, являлись уйгурскими наблюдательными пунктами, позволявшими предотвратить вторжение неприятеля с северо-востока [Кызласов, 2001, с. 7]. Это наиболее простые в плане памятники, которые представляли собой квадратную каменную кладку (Боом – 30×30 м, Устьэлегестинская – 56×53 м). Часть Устьэлегестинской крепости разрушена, а камни с ее кладки были использованы на возведение курганов кыргызского времени [Кызласов И.Л., 2001]. Этот факт также подтверждает период существования каменных крепостей, т.к. енисейские кыргызы, вытеснив в середине IX в. уйгурские племена с территории Тувы, стремились разрушить их укрепленные пункты.

Выделенная нами третья группа памятников – городища с земляными валами, была изучена недостаточно в связи со слабой выраженностью конструкций и их неприметностью на фоне окружающей природной среды. На сегодняшний день на территории Тувы насчитывается девять городищ, окруженных земляными валами. Часть из них была известна исследователям ранее (Ийме, Баян-Тала, Тээли 5, Чоон-Терек) и датировалась уйгурским временем по аналогии с ближайшими глинобитными. В период с 2006 по 2013 гг. были обнаружены новые, ранее не исследованные памятники Целинное, Кочетово, Барык, Сенек [Тулуш, 2014, с. 265] и Катылыг 5. Из них только городище Целинное было локализовано по сведениям информаторов путем маршрутного поиска в 3,5 км к ЮЮЗ от с. Целинное Кызылского района. Все остальные памятники выявлены посредством методов дистанционного зондирования Земли – анализ аэро- и космоснимков позволил выделить границы памятников, а выезд по полученным географическим координатам – подтвердить местонахождение памятников [Тулуш, 2013].

Городища с земляными валами чаще возводились по берегам притоков Енисея – Элегест, Барык, Сенек, а также в верховье Хемчика. Эти памятники, вероятно, представляли собой укрепленные поселения со слабой фортификацией, о чем свидетельствует степень сохранности стен – не больше 1,0 м в высоту. Наличие вокруг них следов древних оросительных каналов дает основание предположить, что их обитатели занимались земледелием.

Все городища с земляными валами, за исключением памятника Катылыг 5 (овальное городище на правом берегу р. Ээрбек, в 20 км к С от с Ээрбек Кызылского района), имеют квадратную форму, вероятно, как наиболее простую фигуру для построения на местности. Размеры городищ варьируются от 70×70 м (Целинное) до 298×290 (Баян-Тала). Они строились с учетом рельефа конкретной местности параллельно течению реки. Поэтому для земляных городищ характерно отсутствие приоритетной ориентации – они часто были ориентированы углами по сторонам света или со значительным отклонением от оси С-Ю. Можно отметить, что глинобитные городища ориентированы стенами по сторонам света, изредка с небольшими отклонениями в 5–10°. Такая строгая ориентация была характерна для памятников периода Уйгурского каганата (745–840 гг.), обнаруженных на территории Монголии.

Большинство городищ с земляными валами возведено одинаково – на высоком берегу или верхней террасе по правому берегу реки. Площадка, выбранная под строительство этих памятников, с трех сторон, чаще севера и юга и запада, ограничивалась неглубокими естественными оврагами, которые могли нести функцию дополнительной преграды.

В связи с сильной обвалованностью стен сложно предположить наличие или отсутствие в этой группе памятников таких элементов, как башни и контрфорсы. Тем не менее, практически на каждом городище можно проследить плавные понижения с внешней стороны вала – возможные участки выемки грунта или заплывший ров.

Проемы ворот в валах земляной конструкции просматриваются только по небольшим понижениям в середине каждой стены – это характерная черта данных городищ. В этом, в первую очередь, просматривается возможность беспрепятственного выхода за пределы укрепленного городища в любую сторону или, наоборот, быстрого укрытия за стенами в случае внезапной опасности. Оборонительная функция здесь менее выражена, поскольку наличие четырех ворот подразумевает необходимость усиленной защиты каждого из них.

Вероятно, городища с земляными валами были лишь временными укреплениями или поселениями, т.к. на их территории до сих пор не выявлено остатков капитальных сооружений жилого характера. Площадки, ограниченные валами представляют собой ровные участки степного рельефа, местами прорезанные древними оросительными каналами. Лишь отдельные понижения, в частности, на городище Целинное, указывают на возможность существования на их месте землянок или полуземлянок, сходных с жилищами Иволгинского городища [Данилов, 2004, с. 35-36].

Среди городищ с глинобитными стенами выделяется памятник Бажын-Алаак 2, расположенный в пойме р. Чаа-Холь. Он был обнесен характерным для глинобитных

памятников квадратным валом размерами сторон 302×305 м, который со временем сильно оплыл. Внутри памятника было зафиксировано несколько всхолмлений и ям, особенно в центре. В результате первых раскопок были найдены остатки вытянутых землянок (ширина 2 м, длина 9–14 м) и наземных построек из сырцового кирпича [Мандельштам, 1968, с. 189–190]. Позже были исследованы остатки жилых и хозяйственных построек столбовой конструкции с каменной кладкой [Щетенко, 1983, с. 46]. Все это может свидетельствовать как о применении разных строительных технологий, так и о долговременном существовании памятника. Следует отметить, что ни на одном другом глинобитном памятнике Тувы не выявлено следов землянок, а на Бажын-Алаак 2 была зафиксирована также керамика гунно-сарматского типа и полированные каменные топоры неолитического типа [Щетенко, 1983, с. 46–47].

Разведки, проведенные автором в составе различных экспедиций (сектора археологии ТИГИ – в 2006 г., Пор-Бажын – в 2007-2008 гг., РМСАЭ – в 2011 г.) и самостоятельно (2011, 2013 гг.) на памятниках Барык, Сенек, Ийме и Тээли 5, показали почти полное отсутствие культурного слоя, слабую насыщенность подъемным материалом, что не может служить основой для уверенной датировки. В связи с этим была предпринята попытка хронологизации путем сопоставления строительных технологий, примененных для возведения оборонительных конструкций городищ с земляными валами в Туве и сопредельных территориях (Монголия, Забайкалье, Хакасско-Минусинская котловина, Горный Алтай). При этом на каждом памятнике выделены основные маркирующие элементы: материал изготовления и форма стеновых конструкций (строительная технология), местоположение, характеристика внутренних сооружений, наличие культурного слоя.

В данное сравнение не были включены материалы городищ Катылыг 5 и Кочетово, найденных в 2012 и 2013 гг., соответственно. На памятнике Кочетово, расположенном у подножья горы Могай Тандинского района, не выявлено культурного слоя, а конструкция земляного вала 73×73 м несет признаки как земляной (менее 1 м, значительный оплыв), так и глинобитной (достаточная хорошая сохранность рва, ориентация, предположительно глинобитная платформа) стены. В связи с этим датировка памятника пока невозможна. Памятник Катылыг 5, исследованный в 2014 г. Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН на правом берегу р. Ээрбек Кызылского района, по находкам предметов и фрагментов керамики в хозяйственных ямах был датирован кокэльским периодом (I–III вв.) гунно-сарматского времени. Однако сильные различия по форме (овал), конструкции (система вал-ров-ров-вал) и насыщенности культурного слоя (на площадке 85×40 м выявлено несколько десятков очагов, хозяйственных и мусорных ям и пр.) не позволяют сравнивать Катылыг 5 с другими земляными городищами.

По результатам проведенных исследований автор относит большинство городищ с земляными валами (кроме Кочетово) на основании ряда внешних признаков (строительная технология, степень сохранности, отдельные находки) и памятник Бажын-Алаак 2 к эпохе хунну (III в. до н.э. – II в н.э.). О вероятности существования на территории Тувы городищ хуннского времени на основе материалов памятника Бажын-

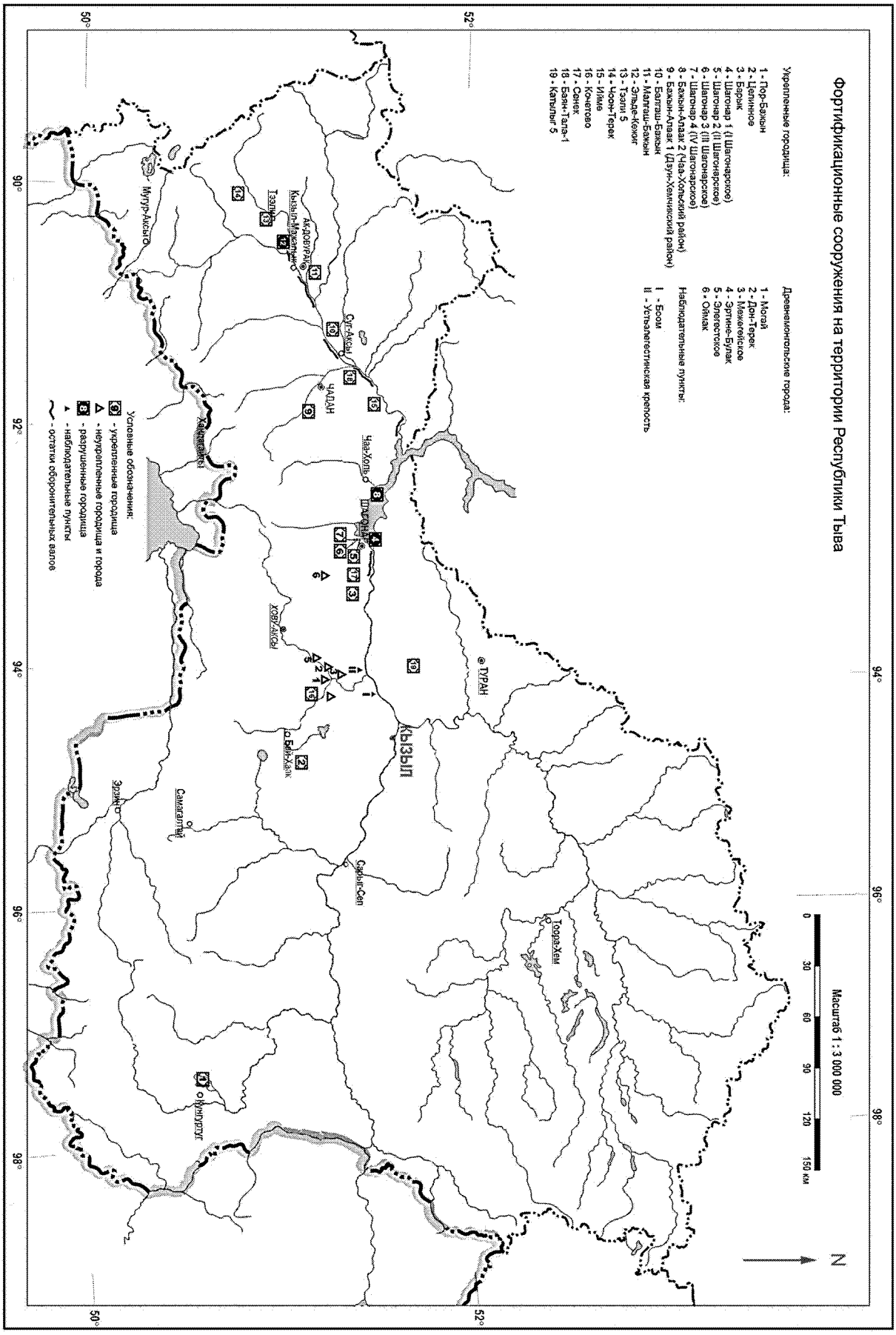

Рис. 1. Карта местонахождения фортификационных сооружений на территории Республики Тыва (по состоянию на 2014 г.).

Алаак 2 ранее писали А. Я. Щетенко и Ю. С. Худяков [Щетенко, 1995; Худяков, 1999].

Основная строительная технология эпохи хунну – глиняно-земляная забутовка сплошным массивом. В процессе естественного разрушения оборонительные валы, построенные по этой технологии, в течение 2200 лет сильно обваловывались вне независимости от первоначальной высоты стен, места расположения и природно-климатических условий региона. Максимальная высота памятников с глиняно-земляными стенами составила 0,9-1,0 м, в среднем высота валов составляет до 0,4-0,5 м. На территории Монголии у глинобитных городищ хуннского времени (Гуа дов, Тэрэлжийн дэрвэлжин газар, Барс Хот II, Ундэр дов и др.) высота сохранившихся стен не превышает 1,5-2,0 м [Данилов, 2004, с. 40-47].

Рис. 2. С.В. Данилов в ходе поисков следов городища Тээли 5, Бай-Тайгинский район Республики Тыва (2011 г.).

Вторым маркирующим фактором может являться наличие следов полуземлянок на памятниках Бажын-Алаак 2 и Целинное. Подобные конструкции типичны для хуннских памятников Забайкалья (Иволгинское городище, Дурены), но не характерны для уйгурского времени. Это не может служить абсолютным признаком, т.к. на городищах хуннского времени в Монголии не зафиксировано аналогичных остатков. Тем не менее, полуземлянки и землянки могли стать вынужденной необходимостью для приспособления жителей монгольских степей к суровым условиям Южной Сибири.

Для окончательного подтверждения предлагаемой датировки необходимо проведение дальнейших полевых исследований – раскопок на больших площадях. Одним из направлений работ может стать организация и проведение аварийно-спасательных раскопок на разрушаемых объектах (Ийме, Тээли 5 и др.). В первую очередь, на городище Тээли 5, территория которого в настоящее время полностью застроено жилыми и административными зданиями с. Тээли, в связи с чем памятник был обнаружен только в 2011 г. после длительных поисков (рис. 2). Тем не менее, существование на территории Тувы городищ, которые можно по характеристике стеновых конструкций датировать эпохой хунну, доказывает, что бассейн верховьев Енисея не только входил в состав хуннского государства, но и был важной зоной по производству продукции земледелия. Неслучайно городища с земляными валами располагались на берегах притоков р. Енисей, а территории вокруг них были изрезаны древними оросительными каналами, позволявшими выращивать различные зерновые культуры.

Литература

Вайнштейн С.И. Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве // УЗ ТНИИЯЛИ. – Вып. VII. – Кызыл, 1959. – С. 260-274.

Вайнштейн С.И. Древний Пор-Бажин // СЭ – 1964. – №6. – С. 103-114.

Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.

Клеменц Д.А. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г. Сборник трудов Орхонской экспедиции (отд. отт.), т. II. – СПб., 1895.

Кызласов И. Л. Отчет о полевых исследованиях Саяно-Алтайской экспедиции ИА РАН и Хакасской археологической экспедиции Министерства образования и науки Республики Хакасия в 2001 г. // Архив ИА РАН, ф.1, р. 1, д. 25769, л. 100.

Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы // СА – 1959. – № 3. – С. 66-80.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М., 1979.

Кызласов Л.Р. Городская цивилизация тюркоязычных народов Южной Сибири в эпоху средневековья // Историко-культурные связи народов Южной Сибири в эпоху средневековья. – Абакан, 1988. – С. 57-63.

Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. – М.: Вост. лит., 2006.

Мандельштам А.М. Исследования могильника Аймырлыг и городища Бажын-Алак // АО 1968 г. – М., 1969. – С. 189-190.

Мандельштам А.М. Исследования могильника Аймырлыг и городища Бажын-Алак // АО 1969 г. – М., 1970. – С. 183-184.

Тулуш Д.К. Опыт применения метода дистанционного аэрокосмического зондирования для выявления фортификационных сооружений на территории Республики Тыва // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – С. 106-110.

Тулуш Д.К. Археологическая разведка фортификационных памятников Тувы в 2013 году // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы V Междунар. науч. конф. Ч. 1. – Кызыл: РИО ТувГУ, 2014. – С. 264-269.

Худяков Ю.С. К вопросу об укрепленных поселениях и оборонительных сооружениях в Южной Сибири // Кузнецкая старина. – Вып. 4. – Новокузнецк, 1999. – С. 104-119.

Щетенко А. Я. Раскопки средневекового городища Бажын-Алаак // Древние культуры евразийских степей. – Л., 1983. – С. 45–47.

Щетенко А.Я. Бажин-Алаак – городище уйгурского времени в Туве // Южная Сибирь в древности. – СПб., 1995. – С. 173-179.

С.Улзийбаяр[78], Б.Очир[79], Э.Уртнасан[80]

К ВОПРОСУ РАННЕГО ЭТАПА ХУННУСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ МОГИЛЬНИКА САЛХИТЫН АМА)

Статья посвящена исследованию материалов хуннского некрополя в Салхитын ам, где, по мнению автора, обнаружены могилы, которые можно отнести ко времени, предшествующему «классической хуннской» археологической культуре, известной по большинству датированных памятников Монголии и Забайкалья. Автор полагает, что погребения человека в яме с подбоем и с захоронением его коня могут маркировать ранний этап сложения (формирования) культуры хунну и тем самым объяснить (аннулировать) противоречие (несогласованность, расхождение) между письменными источниками о хунну и археологическими датировками их памятников.

Ключевые слова: погребения хунну, обряды захоронения, письменные источники, археологическая датировка памятников.

[78] С.УЛЗИЙБАЯР – научный сотрудник Института истории и археологии АН Монголии. E-mail:

[79] Б.Очир – научный сотрудник Института истории и археологии АН Монголии. E-mail:

[80] Э.Уртнасан – научный сотрудник Института истории и археологии АН Монголии. E-mail:

S.Ulzijbajar, B.Ochir, Je.Urtnasan

ON THE QUESTION OF EARLY STAGE OF HUN ARCHAEOLOGICAL CULTURE (based on the Salhityn am burial)

The article is devoted to the materials Xiongnu necropolis Salhityn am, where, according to the author, discovered the grave, which can be attributed to the time preceding the «classic Xiongnu « archaeological culture known on most dating monuments of Mongolia and Transbaikal region. The author believes that the burial of a man in a hole with lining and dumping his horse can mark an early stage of the addition (formation) of the Xiongnu culture and thereby to explain (to cancel) contradiction (inconsistency divergence) between the written sources of the Hsiung-nu and archaeological dating of their monuments.

Keywords: burial of the Xiongnu, burial rites, written sources, archaeological monuments dating.

Местонахождение могильника. Экспедиционная группа «Северная Монголия» возглавляемая С.Улзийбаяром, организованная кафедрой археологии и антропологии Монгольского государственного университета, в 2009 г. обнаружила хуннуское погребение в местности «Салхитын ам» в долине реки Ац Рашаант сомона Хубсугульского аймака и в следующем году здесь раскопала четыре могилы. Национальная экспедиционная группа «По следам истории и культуры хунну» Института истории Монгольской академии наук работала здесь в 2011- 2012 гг и произвела раскопки 32 могил. Из них 27 были хуннускими погребениями, 1 – монгольской, 2 – не удалось определить и, наконец, еще 2 объекта (№9а и №10) не являются какими-нибудь сооружениями [Тумэн, Улзийбаяр, 2010; Улзийбаяр и др. 2011; Улзийбаяр и др. 2012]. Могильник в местности Салхитын ам состоит из 35 сооружений в пади, направлением с запада на восток в долине реки Ац, на северном склоне горы Булган (на южном склоне находится центр сомона Рашаант). Могилы расположены двумя группами, в левой части могильника было 20 могил, то есть больше половины всех памятников, могилы на краю правой части имеют сравнительно большие диаметры (рис. 1).

Устройство погребальных сооружений. Формы наземных каменных насыпей 27 погребений можно делить следующим образом: насыпи в виде дуги (13 погребений), кольцевидные насыпи (11 погребений), сплошная насыпь (2 погребения) и насыпь неопределенной формы (1 погребение). То есть, наблюдаются 3 разных насыпи – полулунные, кольцеобразные и бесформенные. На левой части погребальной площади находятся погребения с насыпьями полулунной формы, на южной части – насыпи со сплошной насыпью, на правой стороне кольцеобразные насыпи. Малолетные дети были похоронены в двух погребениях с насыпями неопределенной формы.

Ориентация могил: почти все погребения в местности Салхитын ам были ориентированы головой к западу. Только 3 погребения из 25 были ориентированы на восточный сектор, одно погребение – на север, остальные 21 погребение

имеют ориентацию головой к западу, к ним мы отнесли 2 погребения ориентированные по сектору $315^0 – 360^0$, т. е. головами к северо-западу. Погребения, ориентированные головами на западный сектор, занимают 85%, чем они отличаются от других хуннуских погребений. Ц.Торбат, который провел полное исследование по погребальным ритуалам хуннуских погребений Монголии и Забайкалья, разделил ориентации похороненных так: на северный сектор 80%, на восточный 18% и на юг 2% [Торбат, 2004]. Например, 9 погребений (29%) из 31 раскопанных в Бурхан Толгое, в местности Эгийн гол Булганского аймака, были ориентированы головой к востоку, остальные (71%) – к северу (сюда были включены ориентация головы к северо-западу) [Торбат 2002]. О забайкальских погребениях хунну исследователи отмечали, что такая ориентация очень редкая. «Основная ориентировка погребений меридиональная, головой на север, или с некоторым отклонением в обе стороны, чаще вправо, то есть на северо-восток» [Коновалов 1976, с. 158-159]. В Дырестуйском могильнике во всех случаях, когда удалось установить ориентацию погребенных, они были ориентированы головой на север, иногда с отклонением к востоку в несколько градусов. Исключение составляют лишь захоронения 87 и 88, которые ориентированы с отклонением в 20^0 к западу [Миняев 1998, с.41]. А погребельный ритуал, в котором доминирует погребения, ориентированные головой к западу (наклоном на 315^0), обнаружен в Чандмани в местности Бага газарын чулуу Среднегобийского аймака Монголии в 2005 году. И там было отмечено исследователями сопровождающее погребение лошади без головы [Бага газарын…2011].

В погребениях в степях Азии и Европы, где жили кочевники раннего хуннского периода, наблюдается способ захоронения с ориентацией в широтном направлении. Например, в 22 плиточных могилах в долине Эгийн гол в Хутаг-Ундэр сомоне Булганского аймака головы покойников были ориентированы к востоку и юго-востоку на $5\text{-}29^0$ [Эрдэнэбаатар 2002]. В херексурах головы покойников были ориентированы к северо-западу, иногда прямо к западу, как показывают около 200 памятников, которые были обнаружены при раскопке в Монголии [Амгалантогс, 2014. т. 98-106].

Однако с VI века до нашей эры ситуация изменилась и со времен Пазырыка стали укладывать покойника на левом боку, ориентируя головой к востоку. Кроме того, наблюдается явление класть покойника “наоборт”, то есть на левом боку, головой на запад или на северо-запад (это фиксируется в смежных местностях Тувы и Восточного Алтая, которые являются соседними с Пазырыком в хронологических рамках VI-II вв. до н.э. Таким образом, получается что обычай положить покойника в широтном направлении был распространенным в регионах Алтая, Саяна, Хангая и Гоби.

Однако со времен Хунну стал доминировать обычай класть покойника головой на север. Попытка пояснения причины такого явления приведет нас непременно к вопросу о появлении археологической культуры хунну. Многие иссле-

дователи не отрицают, что в скифское время внутри могильное устройство захоронений варварских племен Северного Китая и ранних хунну были сходны, и по ориентации покойников они тоже совпадали – головами на север [Коновалов, 2011, с. 114-128]. Погребения с покойниками головами на север, восток и юг, особенно на север (погребения №26, 28), являются свидетельством влияния хуннской культуры. Кроме того, погребения в западной части могильного поля Салхитын ама можно считать сравнительно поздними. Однако погребальный ритуал положить покойника головой на север был распространенным в VII-VI вв. до н.э. в Тасмолинской культуре Центрального Казахстана. Некоторые исследователи предполагают, что могильники скифского времени Северного Китая позволяют поставить вопрос о вхождении ираноязычного сакского населения в состав сюнну уже на раннем этапе сложения культуры [Полосьмак, 1990, с. 101-107].

Особенности погребений в местности Салхитын ам свидетельствует, что захороненные там люди были носителями культуры почитателей солнца, которые уложили покойников головой на запад. Такие погребения как будет показано далее, относятся к временам, более ранним, чем известные погребения в Монголии и Забайкалье. При анализе ориентации покойников в погребениях Салхитын ама относительно восхода или захода солнца, обнаруживается следующее: 3 погребения с ориентацией головы на юго-запад (№№12, 29, 31), были похоронены летом, 14 погребений – весной и осенью (№№ 1, 2, 3, 9, 16, 17, 23а, 24, 6, 6а и 7, 13, 15, 18), 4 погребения – зимой (№№8, 14, 19, 20). Таким образом, весной и осенью здесь было похоронено большинство покойников. Например, в погребении № 7 у молодой лошади были молочные зубы, похожие на зубы жеребенка возрастом 6-8 месяцев. И если учесть, что монгольская кобылица рожает ягненка в конце апреля, то похоронили покойника в этой могиле в конце осени. В этих могилах нет следов оттаивания мерзлой земли, что свидетельствует об отсутствии обычая хоронить покойника зимой.

В памятниках Восточного Алтая в VI-II вв. до н.э. в местностях, смежных с Тувой, наблюдается явление периода укладывать покойника на левом боку, головой на запад или на северо-запад, что отличает погребения в Салхитын аме от погребений Пазырыка. Такие погребения имеют квадратные ограды, покойника кладут обязательно головой на запад, в них мало жертвенного скота, в жертву не приносят коня, что характерно для саглынской культуры. В погребениях каракобинской культуры периода II в. до н. э. – Y в. н.э. в северных районах Алтая сильно отражены влияния культуры хунну и преобладает погребения, в которых покойники были положены головами на восток с жертвенной лошадью. Обряд хоронить покойника головой на запад вместе с жертвенным конем в Салхитын аме существенно сближает эти захоронения с погребениями Тувы и Горного Алтая.

Жертвенные домашние животные. В 19 погребениях из 27 в Салхитын аме были положены части тела домашних животных, кроме верблюда. В пяти

погребениях (№ 7, 14, 16, 17 и 19) были полные скелеты коней, в 15 погребениях 1-4 головы лошади. В 9 погребениях были обнаружены черепа и кости конечностей коровы, в 4 погребениях – кости барана или козы. Жертвенные головы коней и коровы являются особенностями этих погребений. Особенно примечательно, что сопроводивший конь лежит над покойником с подогнутыми ногами и головой на запад. В могиле № 7 в боковой стене ямы устроен подбой, уходящий глубже дна ямы, и там похоронили покойника, закрыв подбой плоскими камнями, а на дне ямы выше и сбоку захоронили коня. В погребении №14 подбоя нет, но покойник и сопровождающий труп коня отделены от друга плоским камнем. В остальных трех случаях (№ 16,17 и 19) конь был положен над покойником. Кстати, кроме погребения с подбоем (№ 7), в погребениях 9 и 24 для покойника сделаны неглубокие углубления. Таким образом, в погребениях Салхитын ама имеем такие варианты: камни-плиты, которые закрывают подбои (погребение № 7), плоские камни, отделяющие покойника от сопровождающего животного (№ 14 и 26), и камни, которые сложены над покойником, чтобы отделить его от положенного над ним коня (рис. 2).

В курганах пазырыкской культуры лошадей клали в северной половине ямы, с подогнутыми под брюхо ногами, лишь иногда на боку с вытянутыми или согнутыми ногами. Головой они ориентированы в одну сторону с погребенным человеком. Животные могли располагаться на уровне сруба или несколько выше, на специально подсыпанной земляной приступке. В тех случаях, когда в одну могилу клали несколько коней, трупы их в одной и той же позе помещали один над другим или же цепочкой вдоль северной стенки ямы [Кубарев,1987, с. 16]. Для булан-кобинских курганов характерно расположение животного обычно над погребением человека на внутримогильном перекрытии, или в «ногах» погребенного у торцевой стены ямы и частично у боковой стены на одном уровне с ним, иногда животное было завалено на перекрытие. Лошадь также могла размещаться сбоку от человека или выше его на земляной приступке на валунах [Тишкин, Матренин 2007, с. 47]. Положение животных отличалось неустойчивостью позы: на животе, на боку с подогнутыми или вытянутыми ногами, на спине. Одной из важнейших характеристик погребального обряда населения пазырыкской культуры является ритуальное убийство коней перед захоронением. Убивали животных ударом острым оружием в лобную или теменную части черепа. Но на черепах лошадей из курганов булан-кобинской культуры таких следов ритуального убийства не зафиксировано [Лукерина].

Как показывают сравнительные материалы, особенность погребального обряда могильника Салхитын ама похожа на погребальный обряд у носителей булан-кобинской культуры, нежели пазырыкской. К тому же, у жертвенных коней в могильнике Салхитын ама нет смертельных ударов, как у коней Пазырыка.

Некоторые особенные погребального инвентаря. *Бронзовое зеркало*. В Салхитын аме только в погребении №7 найдено два фрагмента, составляющие

при сложении большую часть бронзового зеркала (рис. 3а). Его диаметр 21.1 см, включая дужку. Задняя сторона зеркала имеет плоскую ровную поверхность. Художественная сторона зеркала представляет оригинальную композицию. В кружочках с диаметром 1 см четыре соска (на найденных частях зеркала остались три из них) и четыре S-образных знака, из которых на обнаруженной части зеркала остались два целых знака. В самом центре круга закреплена дужка. Ц. Торбатом в хуннуских погребениях насчитано свыше 30 зеркал [Торбат 2004; 2011]. Среди них нет экземпляра, аналогичного зеркалу из погребения №7, но есть экземпляры, похожие по типу и форме. Например, зеркало из погребения №3 в Ильмовой пади [Доржсурэн, 1961, с. 67] и из погребения №16 в Тариате имели тоже такие 4 соска с узором в форме S [Цэвээндорж, Цэрэндагва, 1999]. Такие зеркала относятся в типу зеркал "сы жу". Зеркала типа "сы жу" известны в трех формах: 1- зеркала с изображением птиц, которые китайские исследователи относят к подтипу сы жу бао няо цинь дай ("лента из восьсми пернатых птиц и четырех сосков"); 2- сы жу сы пань чжи ("четыре основных соска – четыре свернувшихся безрогих драгона"). Ю.Д.Талько-Грынцевич обнаружил в погребении №3 в Ильмовой пади зеркало с четырьмя сосками и четырьмя драконами – сы цинь сы чи («четыре птицы – четыре дракона»). Наиболее верным представляется опредление этого сильно стилизованного мотива как свернувшегося дракона, так как в более ранее время (начало Западной Хань и до периода правления императора У-ди) существовали зеркала с этим мотивом в орнаменте; 3- сы жу цинь шоу ("четыре соска с животным узором"). В орнаменте этого подтипа между четырьмя сосками встречаются различные животные – драконы, птицы, звери, а также духи-небожители (сы шэнь) и др. Данные зеркала были распространены в середины периода Западная Хань до начала периода Восточная Хань [Филиппова, 2000, с. 100-108]. Такие зеркала были обнаружены в погребении № 8 в горе Тэвш, № 16 – в Тариате, № 3 – в Дуурлиг нарс, №№ 93 и 19 в Бурхан Толгое и в погребениях Забайкалья. Кроме того, в погребении № 57 памятника Яломан-II в Горном Алтае была найдена почти «копия» таких зеркал, очень мало отличающаяся по дизайну. Такое зеркало было обнаружено недалеко от Бийска в 1930-х годах и оно относится, как полагают, к концу II-I вв. до н.э. [Тишкин 2006, с. 111-115]. Так что, такого типа зеркала были распростренены очень широко.

Бронзовое зеркало, обнаруженное в погребении № 7 Салхитын ама, несомненно относится к типу вышеописанных зеркал. У него в середине четырех S-образных фигур имеется нитевидный узор, который может быть признан драконом в одном из его вариантов. Следовательно, это зеркало становится надежным артефактом, который может помочь нам определить датировку погребений в Салхитын аме.

Датировка. Обзор датировки хуннуских погребений Монголии и Забайкалья в работах исследователей выглядит следующим образом. Ч.Ерөөл-Эрдэнэ

обобщил результаты датировки этих памятников, в том числе исследованных за последнее время в Ноён Ууле, Гол-Моде, Тахилтын хотгоре, Дуурлиг нарсе, Цараме, и сделал вывод, что они относятся «к периоду с I века до нашей эры по I век нашей эры» [Ероол-Эрдэнэ, 2010, с. 102]. С.С.Миняев датировку могил в Дэрэстуе в Забайкалье определил периодом не ранее конца II века до нашей эры, считая от 118 года до нашей эры. Некоторые исследователи изменили датировку Иволгинского могильника с периода III в. до н. э. – II в. н. э. на период с рубежа I в. до н. э. по первую половину I в. н. э. [Бросседер, Марсадолов 2010, с. 183-186].

Как показывают результаты анализа 20 погребений из 32 хуннуских могил в местности Бага газрын чулуу Дэлгэрцогт сомона Дундгоби аймака, “погребение № 3 (Ex.07.25a) относится к самому раннему периоду – к 390-200 гг. до н.э., а погребение №1 в Хурэн хондий (Ex.05.05) – к 20 г. до н.э.-130 г. н.э. [Амартувшин, Хатанбаатар, 2010, с. 231-232]. А большинство датировок, как показывают результаты на таблицах радиокарбонных анализов исследователей, в основном колебается внутри периода с конца II в. до н.э. до рубежа эр.

В рамках проекта по определению датировки хуннских погребений в Монголии и Забайкале по радиокарбону 7 образцов из погребений в Шомбуузын бэлчир, Тахилтын хотгор Ховд аймака, Хулхийн ам Архангайского аймака были аналазированы в ФРГ. В результате, самое раннее погребение (в Тахилтын хотгоре) относится к периоду 155- 55 гг до н.э., самое позднее (в Шомбуузын бэлчире) – к периоду 133 – 213 гг н.э. [Brosseder и др. 2011]. Кроме того, в рамках этого же проекта 12 образцов из погребений в Гоби и в средней части Монголии показали результаты радиокарбонных анализов временем не ранее I в. до н.э.

Вместе с там, некоторые результаты анализа привлекают внимание. Датировка погребения №12 в Наймаа Толгое определяется в рамках периода 790 – 670 гг. до н.э., датировка погребения №2 в Ухаа Худаге – периодом 395 – 262 гг. до н.э. [Brosseder. Yuruul-Erdene. 2011]. Внешний вид погребений в Ухаа Худаге сильно отличается от погребений хуннского периода костяным предметом, косо распиленным с обеих сторон, и имитацией бус. Исследователи определяют их датировку периодом III в. до н. э. – III в. н.э. [Амартувшин и др. 2008].

Как показывают результаты датировки хуннуских погребений, часто они относятся к рубежу нашей эры. Однако датировка некоторых погребений определяется сравнительно ранее этого периода, что не является случайным и имеет большое значение для изучения процесса формирования хуннусской археологической культуры. Это явление наверно будет продолжаться дальше.

Среди погребений со сравнительно ранней датировкой являются погребение в Чандмань ууле около Бага газрын чулуу. Например, здесь в двух могилах в западной стене каждой ямы устроен подбой и похоронен там покойник, потом подбой закрыли плоскими камнями и положили в яму жертвенного коня,

без головы. Один конь был положен с подогнутыми под живот ногами (погр. №1), а другой был положен на левом боку (погр. №2). Радиокарбонный анализ определил датировку этих двух погребений как период 210 – 40 г. до н.э. [Амартувшин, Хатанбаатар, 2010, с. 231, рис. 4].

Костяной наконечник с раздвоенным черешком, костяная трубочка с рельефом ввиде головы кабана (рис № 3б.), бронзовая пуговица с изображением волка, костяная пряжка с узором облака (рис № 3в.) и другие предметы, которые положили в погребения 8, 15, со времен плиточных могил не часто встречается среди погребальных предметов. Большинство предметов в Салхитын аме были сделаны из костей. Часть зеркала с четырьмя сосками, датируемого периодом Западная Хань, имеет большое значение при определении датировки памятника Салхитын ам. Анализ образцов из погребения №7 в лаборатории "Beta" (США) подвердил, что это погребение относится к периоду 210 – 170 гг. до н.э. (результат радиокарбонного анализа приложены – Рис. 5).

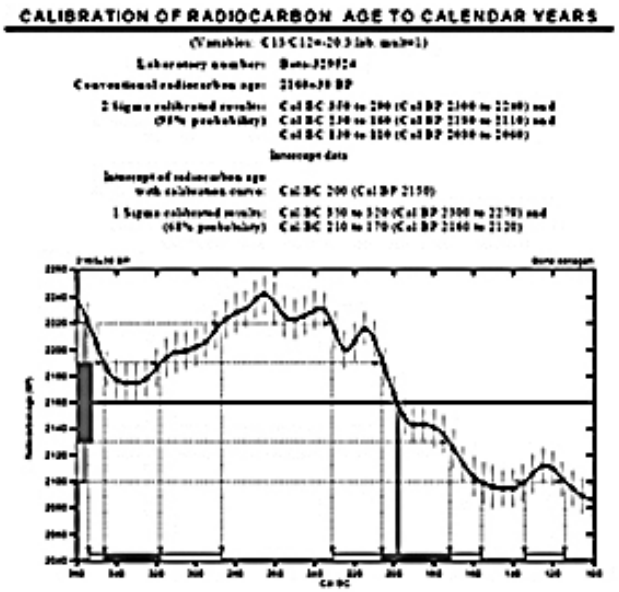
Одним из сопоставимых с могилами Салхитын ама примеров является хуннуское погребение в Чандмань ууле около Бага газара Дэлгэрцогт сомона Среднегобийского аймака. Здесь покойник был похоронен в подбое в западной стене ямы, головой на запад, и сопровождающий его конь был положен в яму несколько выше и сбоку, головой также на запад, что похоже на погребальный обряд в Салхитын аме. Возможно, в Чандмань ууле есть вероятность найти еще погребения со сходным обрядом захоронения, здесь нужны дальнейшие исследования. Пока отметим, что похожие на эти два погребения с конем головой на запад и с подбоем для покойника, кроме могил Сахилтын ама в Монголии и Забайкалье не обнаружены.

При этом следующие примечательные детали: сопровождающие кони были положены несколько выше и сбоку покойника, а в культуре Пазырыка покойник положены на правый бок, головой на восток, а конь на правый или левый бок, головой туда же, но на одном уровне с покойником. Кроме того, кони в погребениях пазырыка имеют явный след удара на лбу или макушке, а в памятнике в Салхитын аме таких следов не наблюдается.

На основе результатов радиокарбонного анализа образцов из двух вышеуказанных погребений можно делать вывод, что они представляют собой одну из необычных и особенных форм захоронений, быть может, относятся к раннему этапу "классической" хуннуской культуры с конем головой на запад, периода конца III – II вв. до.н.э.

Как утверждается в письменных источниках, хуннуские завоевания начались конце III века до н.э. Заключение исследователей, что все погребения, для которых были определены датировки, относятся к периоду конца II века до н.э- I в.н.э. [Миняев, 1998, с. 81], не совпадает с сообщением в источниках. Это привело к появлению термина "протохуннские погребения" и активному поиску таких погребений. И если рассмотреть вопрос с точки зрения "погребения с конем", которая предлагается нами, то такие погребения могут отно-

ситься к начальному периоду формирования археологической культуры хунну, что совпадает с информацией в письменных источниках. Следовательно, необходимо обратиться к вопросу об этнокультурных взаимоотношениях между памятниками исторического периода формирования хуннских погребальных комплексов.

Приложение. Результат анализа образцов из погребения №7 в Салхитын аме

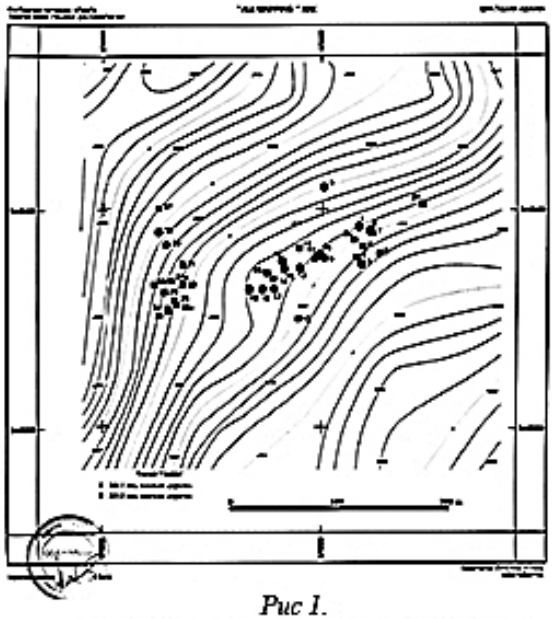

Рис 1.
Планография местности Салхитын ама

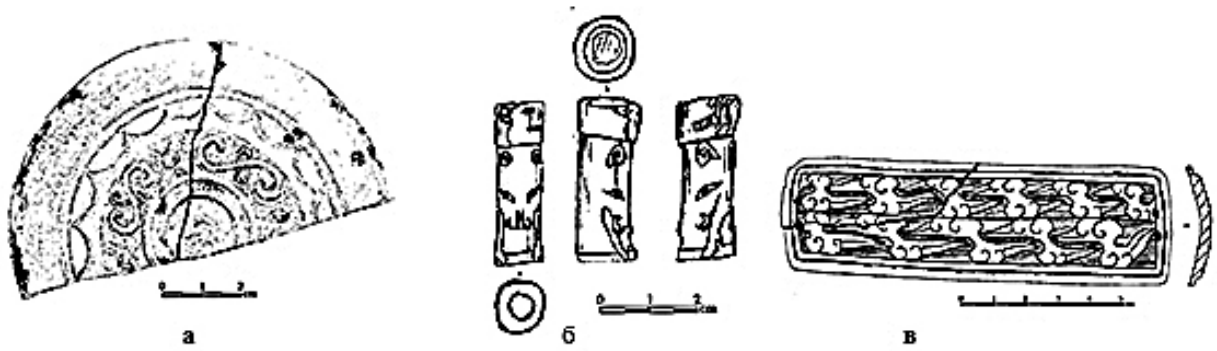

Рис 3.
а. Бронзовое зеркало. (погр №7), б. Костяная трубочка с рельефом в виде головы кабана. (погр №8), в. Костяная пряжка с узором облака. (погр №15)

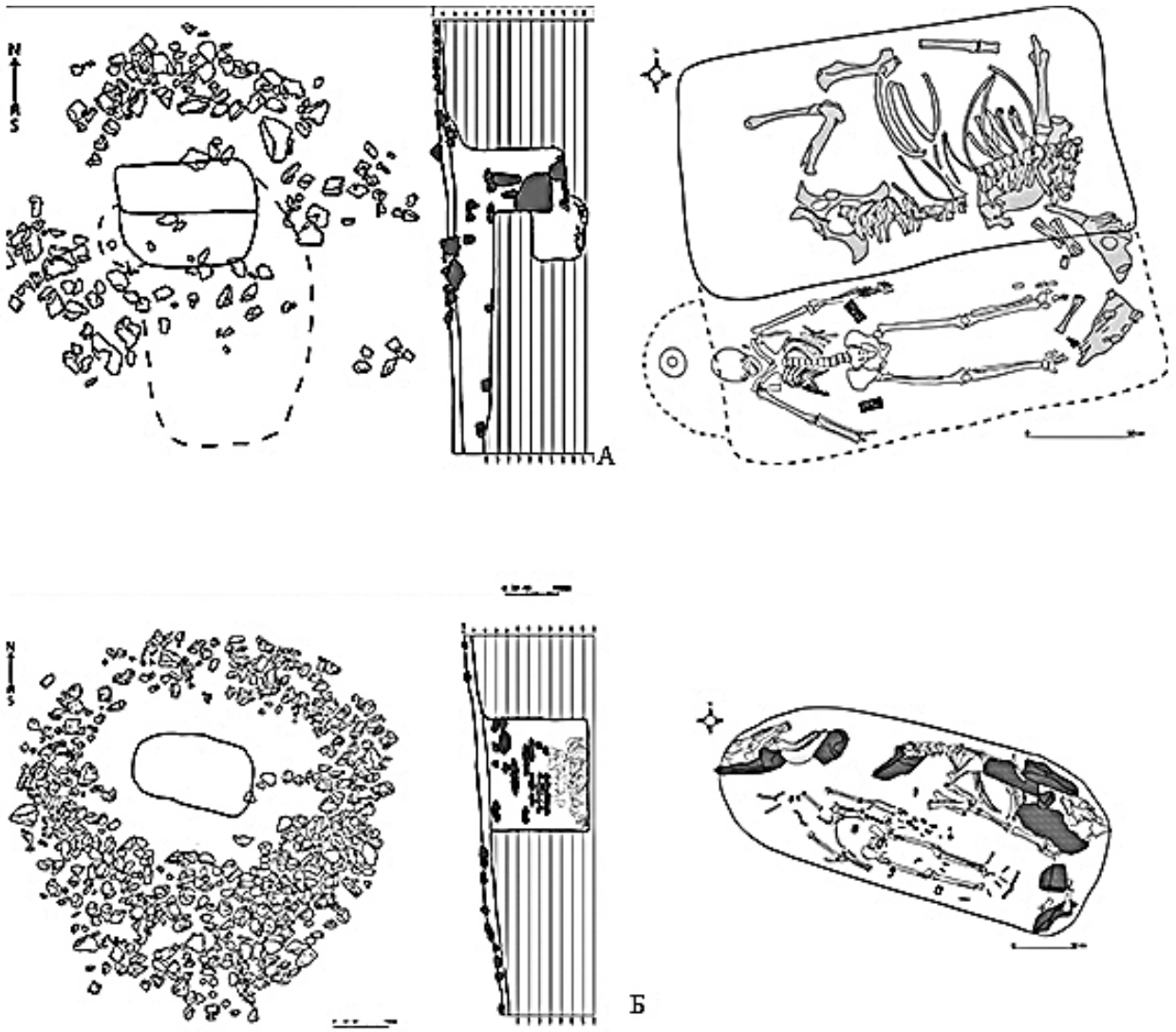

Рис 2. Погребение с конем Салхитын ама
(А. погр №7, Б. погр 14)

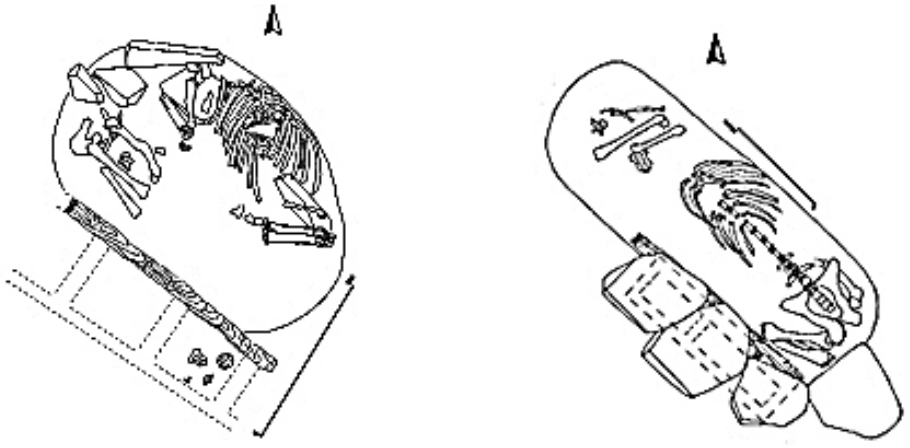

Рис 4. Погребение с конем гора Чандмань ула. (Ч.Амартүвшин и др)

Хатагины Д. Эрдэнээбаатар[81], Т. Идэрхангай

ЭРТНИЙ ТӨРТ УЛСУУДЫН ХААД, ЯЗГУУРТНЫ РШУУЛГА, ТАХИЛГЫН ЗАН ҮЙЛ

Улаанбаатарын Их Сургуулийн Археологийн тэнхимийн профессорын судалгааны баг “Нүүдэлчдийн хаад, язгуртны оршуулга, тахилгын зан үйл” (МЭӨ II мянган жилээс, МЭ-ний XIY зуун) сэдэвт төслийг 2000 оноос эхлэн хэрэгжүүлж, сүүлийн жилүүдэд Монгол орны нутгаар Алтайн, Хангайн, Хэнтийн нурууны бүс нутаг, тал хээрийн бүс нутгаар археологийн хайгуул, малтлага судалгааны ажил хийж анхны үр дүн нь 2011 онд Архангай аймгийн Өндөр-Улаан сумын Хануй багийн нутаг Балгасын тал гэдэг газар Гол мод-2-т илэрсэн Хүннүгийн хаад язгууртнуудын булш бүхий оршуулгын газар, 1-р язгууртаны булшыг, дагуул булшнуудын хамт малтан шинжилж дууссан юм.

Чухам энэ үеэс өнөөгийн Монгол орны хөрс шороонд хадгалагдан үлдсэн бидний өвөг дээдэс болох эртний төрт улсуудын хаад язгууртны оршуулга, тахилын байгууламжуудын бүтэц зохион байгуулалт, оршуулга, тахилгын зан үйл, уламжлалт соёл болон залгамж холбоог тодруулах шаардлага байгааг анзаарч энэхүү томоохон суурь судалгааны ажлын эхлэл тавигдсан билээ.

Бидний судалгааны гол зорилго бол Монгол нутаг дахь эртний нүүдэлчдийн төрт улсууд, түүнээс өмнөх Хүрэл зэвсгийн үеэс эртний Монголчуудын XIY зууны үе хүртэлх Монгол нутаг дээр оршин тогтнож байсан овог аймгууд, төрт улсуудын үлдээсэн хаад язгууртны оршуулга, тахилга тайлгын байгууламжуудыг байршил, тархацыг тодорхойлох, залгамж шинж чанарыг нь тодруулах зорилго тавин, тэдгээр оршуулга, тахилын байгууламжуудын эртний уламжлал, дараа үедээ хэрхэн яаж уламжлагдсан, залгамж холбоо нь ямар байсныг тодруулахын тулд оршуулга, тахилын зан үйлийг хийсэн уламжлалт арга барил, зүй тогтол зэргийг хооронд нь харьцуулан тодруулахыг оролдохоос гадна Монголын эртний төрт улсуудтай, эн зэрэгцэн оршин тогтнож байсан хил залгаа бусад төрт улсууд, тэр үеийн харь орнуудын улс төр-соёлын нөлөө тусгал, хэрхэн нөлөөлж байсныг орхигдуулалгүй харьцуулан судлахад анхааралаа бас хандуулсан болно.

Хайгуул судалгааны тухайд. Профессорын судалгааны баг өөрт байгаа нөөц бололцоо, санхүүгийн боломжиндоо тулгуурлан судалгааныхаа ажлын зорилго, ач холбогдолыг Улаанбаатарын Их Сургуулийн Эрдмийн зөвлөлөөр хэлэлцүүлэн шийдвэрлэж судалгааны ажлаа хийж эхэлсэн болно.

Бид сургалтын төлөвлөгөөнийхөө уламжлал болсон оюутны зуны хээрийн танилцах болон үйлдвэрлэлийн дадлагын ажлын хүрээнд өмнө нь жил бүр гүймэг үзэж танилцдаг байсан зарим эртний төрт улсуудын үлдээсэн оршуулга, тахилгын байгууламжуудын байршил, тархалтыг нарийвчлан тодорхойлох ажлыг систем, дэс дараалалтай хийн, мэдээлэлийн сан бий болгохоос ажлаа эхлэн, өмнөх жилүүдийн зарим томоохон дурсгалуудаа дахин шинээр нарийвчилсан хэмжилт

[81] ХАТАГИНЫ Д. Эрдэнэбаатар – к.и.н., профессор, заведующий кафедрой Археологии Улан-Баторского Государственного Университета. E-mail: ediimaajav@gmail.com

судалгаа хийж баримтжуулахын зэрэгцээ тэдгээр томоохон дурсгалуудын ойр орчмын дэнж хөвөө, гол мөрний ай сав газарт, тэр дундаа эртний нүүдэлчдийн төрт улсуудын үе үеийн улс төрийн төв болж байсан Орхон голын хөндий, түүний зүүн талаас цутгах томоохон голууд болох Тамир, Хануй, Хүнүй голын сав газраар хайгуул судалгааны ажлыг өргөжүүлэн тэлж, эртний нүүдэлчдийн хаад язгууртны дурсгалд зориулсан олон дурсгалуудыг баримтжуулан урьдчилсан тандалт, ажиглалт судалгааг явууллаа.

Энэ тандалт, ажиглалт судалгаанд Хүрэл зэвсгийн үеийн хиргисүүрийн томоохон цогцолбор болох Архангай аймгийн Цэнхэр сумын Өргөөтийн хөндийн 1, Өндөр-Улаан сумын Хануй багийн нутаг Урт булгийн 1, 2-р хиргисүүр, буган чулуун хөшөөний цогцолбор болох Өндөр-Улаан сумын Хануй багийн Жаргалант, Хүннү гүрний хаадын оршуулгын цогцолбор болох Гол мод-I, Гол мод-II, эртний Түрэгийн үеийн язгууртны тахилын онгоны цогцолбор болох Архангай аймгийн Өгийнуур сумын Бага булан, Батцэнгэл сумын Тоглохын тал, Шивэртийн ам, Хэвтээгийн булан, Их тамир сумын Гэндэн булаг, Эрдэнэ мандал сумын Их хануй нуур, эртний Түрэгийн бунхант булш болох Өвөрхангай аймгийн Хархорин сумын Эрдэнэ толгой, Архангай аймгийн Хотонт сумын Орхон голын хөндий Орхон-1, Орхон-2, Өгийнуур сумын Орхон голын хөндий Өндөрхангай, Тамирын голын хөндий Цантын эх, Батцэнгэл сумын төв, Хэвтээгийн булан зэрэг Хүрэл зэвсгийн үеэс эртний Түрэгийн үеийн хаад язгууртны оршуулга, тахилын цогцолборт газрууд хамрагдсан билээ [Эрдэнэбаатар, Идэрхангай, 2013].

Энэхүү өгүүллээр дээр дурдсан үе үеийн нүүдэлчдийн хаад язгууртны оршуулга, тахилын байгууламжийн цогцолбор дурсгалуудаас шинэ тутам илрүүлэн судалсан эртний Түрэгийн үеийн бунхант булшны судалгааг толилуулж байна.

БУНХАНТ БУЛШНЫ СУДАЛГАА

Монголын археологийн өнөөгийн судалгаанд “Бунхант булш” хэмээх нэр томьёо нь Монгол нутагт Хүннүгийн төр улсаас хойш ар араасаа залган гарсан Түрэг, Уйгур улсын үед хаад язгууртны оршуулгын байгууламж, оршуулгын зан үйлийг хадгалсан байгууламжуудыг нэрлэх нэр болоод байгааг сүүлийн жилүүдэд шинэ тутам хийсэн археологийн судалгаанууд харуулж байна.

Эртний Түрэг, Уйгурын хаант улсуудын үлдээсэн энэ бунхант булшнууд оршин байгаа газрыг өнөөгийн Монгол орны төв хэсэгт Архангай, Өвөрхангай аймгийн нутгийн иргэд, гаднах харагдах байдлаар нь “шороон бумбагар” (бомбогор), “шороон дов”, “олон дов”, “Өндөрхангай” хэмээн янз янзаар шууд болон хүндэтгэсэн утгаар нэрлэсэн нь тухайн газар орны нэр болтлоо хэлбэршиж тогтсон байдал харагдаж байна.

Уйгур улсын үед холбогдох бунхант булшны анхны археологийн малтлага судалгааны ажлыг Нүүдлийн Соёл Иргэншлийг судлах олон улсын хүрээлэн, Монголын Үндэсний музейн болон БНХАУ-ын Өвөрмонголын Өөртөө Засах Орны судлаачдын хамтарсан А.Очир, Ц.Одбаатар нарын тэргүүтэй судлаачид 2005-2008 оны хооронд Архангай аймгийн Хотонт сумын Баян голын ам, Хулхын ам,

Хундийн хоолой, Олон дов, Харанхуй ам зэрэг газруудад археологийн хайгуул, малтлага судалгаа явуулж өмнөх судалгаанд нь Уйгур улсын үеийн оршуулгыг морьтой цөөн тооны оршуулгаар төлөөлүүлэн үздэг байсныг, судалгааны шинэ эх хэрэглэгдэхүүнээр баяжуулан Уйгур улсын язгууртнуудын оршуулгыг судлах боломж бололцоог олгосон чухал судалгаа болсон юм.

2009 онд Монгол-Оросын хамтарсан А.Очир, С.В.Данилов, Л.Эрдэнэболд нарын тэргүүтэй судлаачид Төв аймгийн Заамар сумын Туул голын хөндийд "Шороон бумбагар" хэмээх газарт нэгэн язгууртны бунхант булшийг малтан судалж сонирхолтой олдворуудыг илрүүлэн, тухайн оршуулгын эзнийг Уйгурын Пугу аймгийн тэргүүний булш хэмээгээд МЭ 678 онд байгуулсаныг тухайн дурсгалаас олдсон гэрэлт хөшөөний бичээснээс тодруулсан байна [Очир *нар*, 2013а].

2010 оноос Монгол-Германы хамтарсан археологийн шинжилгээний ангийн судалгаанд орж ажилласан археологич У.Эрдэнэбат, З.Батсайхан нарын тэргүүтэй судлаачид Архангай аймгийн Хотонт сумын нутаг Уйгурын нийслэл Хар балгасыг малтан судлахын зэрэгцээ Олон довын оршуулгын газарт энэ үеийн дурсгалыг үргэлжлүүлэн судалж олон сонирхолтой судалгааны эх хэрэглэгдэхүүнийг хуримтлуулж хэвлэн нийтлүүлсэн байна [Эрдэнэбат нар, 2011; 146-185].

Дээрх судлаачдын судалгаа эртний Уйгурчуудын язгууртны булшны оршуулга, тахилгын зан үйлийн талаар бүдэг бадаг хоосон шахуу байсан судалгааг, хангалттай нөхөхүйц хэмжээний судалгааны шинэ эх сурвалжаар баяжуулж байгаа нь Монголын археологи, тэр дундаа Уйгур улсын үеийн язгууртнуудын оршуулгын зан үйл, тайлга, тахилгын байгууламж, түүний ёс заншилын талаарх ойлголт, мэдээлэл, тэдгээр язгууртнуудыг хэрхэн оршуулж байсан ёс зан заншил, уламжлал болон эдийн болон оюуны соёлын тухай Уйгурын хаант улсын үеийн нийгэм, эдийн засаг, гадаад дотоод харилцаа зэргийг тодруулан судлахад маш чухал эх хэрэглэгдэхүүн болсон байна.

Харин 2011 оноос эртний Түрэгийн үеийн язгууртны булшны судалгааг Монгол-Казакстаны хамтарсан археологийн шинжилгээний ангийн А.Очир, Л.Эрдэнэболд, С.Харжубай, Х.Жантегин нарын судлаачид Булган аймгийн Баяннуур сумын Майхан уулын өвөрт Улаан хэрмийн Шороон бумбагарыг малтан судласан нь эртний Түрэгийн язгууртны булш, оршуулга, тайлга, тахилын байгууламжийн талаархи хоосон байсан орон зайг нөхөх чухал судалгааны эхлэлийг тавьсан билээ. Энэхүү судалгаа нь эртний Түрэгүүдийн язгууртны оршуулгын зан үйл, тахилга, шүтлэг, эдийн болон оюуны талаар ойлголтыг тодруулахаас гадна Тан улсын үеийн зарим булш бунханы гадаад, дотоод зохион байгуулалт, эд өлгийн зүйлсийн хувьд төстэй байгаа явдал нь эртний Түрэгүүд Тан улстай хэрхэн ойр холбоо харилцаатай байсныг харуулахын зэрэгцээ эртний Түрэг улс Евразийн олон улс орнуудтай тэр дундаа Византийн улстай хүртэл эдийн засаг улс төрийн нягт гүнзгий харилцаатай байсны илрэл болсон тэр үеийн алтан зоос олон гарч байгаа нь үүнийг гэрчилж байна [Очир *нар*, 2013 б].

Дээрх судалгаа нь эртний Түрэгүүдийн түүхэнд чухал судалгаа болсоноос гадна эртний Түрэгийн язгууртны булш, бунханы бүтэц зохион байгуулалтын

талаарх судалгааг эрчимжүүлсэн судалгааны шинэ үр дүн болсон юм. Учир нь эртний төрт улсуудын язгууртны булш бунхануудыг зарим тохиолдолд нүсэр байгууламж байх мэтээр төсөөлж явсан бол энэ мэт энгийн жижиг дов толгод, овгор мэтээр үйлдсэн нь хэн нэгэнд анзаарагдаж харагдахгүй өдий хүрсэн нь эртний төрт улсууд хаад язгууртаныхаа болон өвгөд дээдсийн булш бунханаа нууцлан хайрлан хамгаалах ардын арга ухаан байсныг илтгэж байна. Тэр цагаас хойш энгийн жижиг уул толгод, овгор шороо зэргийг ч анзаарч харах сэдвийг олон судлаачдад төрүүлсний нэг нь бидний хийж буй энэхүү суурь судалгааны ажил билээ.

Бид 2012 онд Улаанбаатар Их Сургуулийн Археологи, Түүхийн тэнхимийн оюутны зуны хээрийн танилцах болон үйлдвэрлэлийн дадлагын хүрээнд Архангай аймгийн Батцэнгэл сумын төвд 4, Хэвтээгийн буланд 11 бунхант булшийг илрүүлэн олж, байршил тогтоох JPS багажын тусламжтайгаар байр зүйн зураг үлдэн, гэрэл зургаар баримтжуулсан билээ [Эрдэнэбаатар *нар*, 2012].

ШИНЭЭР ИЛРҮҮЛСЭН БУНХАНТ БУЛШНЫ СУДАЛГАА

Бид 2013 оны 07 сарын сүүлээс 08 сарын эхэн хүртэл Төв аймгийн Эрдэнэсант, Өвөрхангай аймгийн Хархорин, Архангай аймгийн Хотонт, Өгийнуур, Батцэнгэл, Их тамир, Өндөр-Улаан, Эрдэнэмандал, Увс аймгийн Зүүнхангай зэрэг сумдын зарим бүс нутгаар археологийн нарийвчилсан хайгуул судалгаа явуулж Хүрэл зэвсгийн үеийн буган чулуун хөшөө, хиргисүүрийн цогцолбор, дөрвөлжин булш, хүннү гүрний үеийн хаад язгууртны болон жирийн иргэдийн оршуулгын дурсгалууд, эртний Түрэгийн язгууртны болон жирийн иргэдийн тахилын онгон, бунхант булш зэрэг нийт 342 дурсгалуудыг үзэж баримтжуулсанаас 87 дурсгал нь шинээр илрэн олдсон юм. Эдгээр 88 дурсгалаас Төв аймгийн Эрдэнэсант сумын Цагаан толгойд 59 хүннүгийн жирийн иргэдийн булш, Өвөрхангай аймгийн Хархорин сумын төвд 1, Архангай аймгийн Хотонт сумын Орхон голын хөндийд 2, Өгийнуур сумын Орхон голын хөндий Өндөрхангайд 1, Тамирын голын хөндий Цантын эхэд 1, Хэрмийн хөндийд 14, Увс аймгийн Зүүнхангай сумын төвд 1 зэрэг эртний Түрэгийн бунхант булш, Батцэнгэл сумын Баян-Уул багийн нутаг Цагаан дэлд 6, Хүүшийн аманд 3 зэрэг эртний Түрэгийн жирийн иргэдийн тахилын онгонууд шинээр илрүүлэн олж бүртгэсэн болно. Тиймээс 2012-2013 онд илрүүлэн судласан 35 бунхант булшны тодорхойлолтыг доор товч өгүүлье.

Эрдэнэтолгой. Өвөрхангай аймгийн Хархорин сумын төв, 6-р хорооны нутаг Эрдэнэзуугаас баруун тийш 970 м зайд 23,2 х 29 м хэмжээтэй дугуй хэлбэрийн 3-4 өндөртэй нэгэн шороон бунхан бий. Уг бунханы дээр нутгийн иргэд овоо босгон түүндээ идээ будааныхаа дээжийг өргөн мөргөл үйлддэг байна (Зураг 1-2).

Орхон гол-1. Архангай аймгийн Хотонт сум, Өвөрхангай аймгийн Хархорин сумын төвөөс зүүн хойш 27 км зайд Орхон голын зүүн тал, эртний Уйгурын нийслэл Хар балгаснаас урагш 5 км орчим зайд дээрээ овоотой нэгэн шороон

бунхан бий (Зураг 3-4). Бунханы хэмжээ: 15, 3 х 16 м зууван дугуйдуу хэлбэртэй. Өндөр нь 1.5 м.

Орхон гол-2. Архангай аймгийн Хотонт сум, Өвөрхангай аймгийн Хархорин сумын төвөөс зүүн хойш 27.5 км зайд Орхон голын зүүн тал, эртний Уйгурын нийслэл Хар балгаснаас урагш 5.1 км орчим зайд айлын хаваржааны баруун хойд талд өмнөх дурсгалаас зүүн урагш 97 хэм 581 м-т нэгэн шороон бунхан бий (Зураг 5-6). Бунханы хэмжээ: 18, 3 х 19 м зууван дугуйдуу хэлбэртэй. Өндөр 2 м.

Өндөр хангай. Архангай аймгийн Өгийнуур сумын нутаг, сумын төвөөс зүүн хойш шулуун замаар 7.2 км, Орхон голын баруун талын тэгш тал дээр нэгэн овгор шороон бунхан бий. Уг шороон овгорыг нутгийн иргэд Өндөр хангай хэмээн нэрлэх бөгөөд ихэд дээдлэн хүндэтгэж ийнхүү нэрлэх болжээ. Мөн энэ хавьдаа хамгийн өндөр овгор бололтой. Бид уг бунханыг 2009 онд Улаанбаатар Их сургуулийн Археологи, Түүхийн тэнхимийн оюутны танилцах дадлагын хүрээнд Өгийнуур сумын зүүн тал Орхон голын баруун талд эртний Түрэгийн язгуурtны хээ бүхий тахилын байгууламж байдаг гэсэн мэдээллийг шалгах зорилгоор нийт оюутнуудыг хооронд нь 5-10 м зайтайгаар археологийн хайгуул хийх явцад илрүүлэн үзэж байсан болно. Энэхүү дурсгалын эргэн тойрон намаг шавартай ба намаг шаварны төв өндөрлөг хуурай дэнжид оршино (Зураг 7-8). Хэмжээ: хойноос урагш 31.4 м, зүүнээс баруунш 37.5 м, өндөр 2 м. Уг бунханы дээр дэрс ургасан байна.

Хэрмийн хөндий. Тамирын улаан хошуунаас баруун хойш харагдах уужим хөндийг Хэрмийн хөндий хэмээн эртний шороон хэрэм бүхий дурсгалын нэрээр нэрлэх бөгөөд энд шороон далантай үндсэн 3 бунхан, дагуул жижиг 11 бунхан бүхий нийт 14 бунхантай. Эдгээр бунхануудын гадна талаар шороон далантай ба шороон далангууд зүүнээс баруун тийш өргөрөгийн дагуу 92 хэм, хойноос урагш буюу уртрагийн дагуу 2 хэмд байрлана. Энэхүү дурсгалыг анх ахмад археологич Х.Пэрлээ “Монгол ард улсын эрт дундад үеийн хот суурины товчоон” бүтээлдээ он цаг тодорхойгүй хэрмийн үлдэгдэл хэмээн [Пэрлээ, 1961: 151-152] оруулсан байдаг бол 2001 онд МУИС-ийн Антропологи-Археологийн тэнхимийн оюутны зуны археологийн хээрийн дадлагын хүрээнд үзэж зарим газарт сорилтын малтлага явуулсан ч ямар нэгэн эд өлгийн зүйлс гараагүй байдаг [Батсайхан, Баатарбилэг, 2002; 36: Батсайхан *нар*, 2006: 207-208]. Тиймээс бид энэхүү дурсгалыг судлаач З.Батсайханы судалгаанд тулгуурлахаас гадна 2009 онд Төв аймгийн Заамар сумын нутагт, Туул голын хөндийд малтан судласан Заамарын хэрэмт бунхан, 2011 онд малтан судласан Булган аймгийн Баяннуурын хэрэмт бунхан зэрэгтэй ижил байж магадгүй хэмээн үзэж 2013 онд хэмжилт хийж баримтжуулан [Идэрхангай, Бадрах, 2013] энд оруулсан болно (Зураг 9).

Баруун бунхан. Баруун бунхан нь 454 х 400 м хэмжээтэй дөрвөлжин шороон далантай бөгөөд шороон далангийн зүүн урд болон баруун урд хэсэгт сэтэрхий үүд маягийн хаалгатай ажээ. Энэ шороон далангийн төв хэсэгт 44.5 х 30.5 м хэмжээ бүхий 5.5 м өндөр шороон бунхантай. Төв хэсгийн шороон бунханаас зүүн

урагш 178 хэм 77 м зайд 23 х 22 м хэмжээтэй 1 м орчим өндөр жижиг бунхан, төв бунханаас баруун урагш 208 хэм 127 м зайд 25 х 23 м хэмжээтэй 1.5 м өндөр жижиг бунхан, төв бунханаас баруун урагш 227 хэм 100 м зайд 29 х 24 м хэмжээтэй 1.8 м өндөр жижиг бунхан, төв бунханаас баруун урагш 248 хэм 121 м зайд 40 х 23 м хэмжээтэй 2.2 м өндөр жижиг бунхан тус тус бий (Зураг 10).

Дунд бунхан. Энэ бунхан нь баруун бунханаас зүүнш 173 м зайд 427 х 407 м хэмжээтэй дөрвөлжин шороон далантай бөгөөд шороон далангийн баруун болон урд хэсэгт сэтэрхий үүд маягийн хаалгатай. Шороон далангийн төв хэсэгт 55 х 51 м дөрвөлжиндүү хэлбэртэй, 5 орчим өндөр шороон бунхантай. Төв хэсгийн шороон бунханаас зүүн урагш 176 хэм 81 м зайд 23 х 22 м хэмжээтэй 60 см өндөр жижиг бунхан, төв бунханаас баруун урагш 210 хэм 130 м зайд 24 х 22 м хэмжээтэй, 2 м өндөр жижиг бунхан, төв бунханаас баруун урагш 235 хэм 112 м зайд 37 х 32 м 2.1 м өндөр жижиг бунхан, төв бунханаас баруун урагш 245 хэм 132 м зайд 33 х 24 м хэмжээтэй 1.5 м өндөр жижиг бунхан, төв бунханаас зүүн урагш 103 хэм 196 м зайд 23 х 20 м хэмжээтэй 1 м өндөр жижиг бунхан, төв бунханаас зүүн хойш 83 хэм 65 м зайд 2.6 х 2.5 м жижиг булш тус тус бий (Зураг 11).

Зүүн бунхан. Энэхүү бунхан нь дунд бунханаас зүүнш 289 м зайд 320 х 250 м дөрвөлжин шороон далантай бөгөөд шороон далангийн баруун, зүүн, урд хэсэгт үүд мэт сэтэрхий хаалгатай. Шороон далангийн төв хэсэгт 42 х 38 м хэмжээтэй 4.5 м өндөр шороон бунхантай. Төв хэсгийн шороон бунханаас баруун урагш 243 хэм 67 м зайд 26 х 25 м хэмжээтэй 60 см өндөр бунхан, төв бунханаас баруун урагш 247 хэм 113 м зайд 27 х 25 м хэмжээтэй 1.6 м өндөр бунхан, төв бунханаас баруун урагш 265 хэм 100 м зайд 39 х 24 м хэмжээтэй 1.2 м бунхан тус тус бий (Зураг 12).

Цантын булан. Өгийнуур сумын нутаг, Өмнө өгүүлсэн дурсгалаас баруун тийш, Хөх Өндөр хайрханы зүүн урд өвөрт эртний Түрэгийн үеийн нэгэн шороон бунхан бий. Бунхан нь холоос харагдах харууцтай тэгш дэнж дээр Тамирын голыг харагдахуйц тэгш дэвцэг дээр оршино. Бунханы дээр армаг тармаг ургасан дэрстэй (Зураг 13-14). Бунханы хэмжээ: хойноос урагш 41 м, зүүнээс баруунш 32 м, өндөр нь 1.7 м.

Хэвтээгийн булан-03. Архангай аймгийн Батцэнгэл сумын нутаг, сумын төвөөс зүүн тийш 10 гаруй км зайд Хэвтээгийн булан хэмээн газарт эртний Түрэгийн үеийн цэцгэн хээ чимэглэлтэй чулуун хавтан бүхий язгуртны тахилын онгон, түүний эргэн тойронд хуучин тариан талбайд нийт 12 бунхант булш бий. Бид бунхант булшнуудыг хээтэй чулуун хашлага бүхий тахилын онгоноос баримжаалан зүг чиг авч, тодорхойлж хамгийн хойд талаас нь эхлэн дугаар өгч бүртгэн баримтжуулсан юм (Зураг 15).

1-р бунхан. Хээтэй чулуун хашлага бүхий тахилын онгоноос баруун хойш 319 хэм 1820 м зайд оршино. Уг бунхан нь 30 м голчтой, баруун хойш сунасан үүдэвчтэй маягийн байгууламжтай. Бунханы өндөр 50 см. Бунханы дээгүүр нь

хагалж тариа тарьж байсан бололтой бусад хагалсан газрын хөрстэй адил нэгэн хөрстэй байна.

2-4 бунхан. 1-р бунханаас зүүн урагш 160 хэм 450 м зайд 43 м голчтой, 1.5 м өндөртэй нэгэн том бунхан бий. Уг бунханы дагуул бололтой 2 жижиг бунхан том бунханы баруун урд талд байрлана. Том бунханаас баруун урагш 208 хэм 79 м зайд 28 м голчтой 40 см өндөр 1, жижиг бунханаас баруун урагш 220 хэм 137 м зайд 25.5 м голчтой, 60 см өндөр 1 жижиг бунхан бий. 2-р том бунханы дээрээс хар саарал өнгийн шавар ваарны хагархай олдож байлаа.

5-8 бунхан. 2-р том бунханаас зүүн урагш 92 хэм 620 м зайд 52 м голчтой, 2 м өндөр мөн нэгэн том бунхан бий. Том бунханы дээрээс 3 ширхэг хар саарал өнгийн шавар ваарны хагархай илрэн олдов. Том бунхан баруун урд талдаа дагуул 3 жижиг дагуул бунхантай. Том бунханаас баруун урагш 205 хэм 86 м зайд 26 м голчтой 40 см өндөр нэгэн жижиг, том бунханаас баруун урагш 210 хэм 140 м зайд 25 м голчтой, 40 см өндөр 1 жижиг, том бунханаас баруун урагш 228 хэм 90 м зайд 26 м голчтой, 40 см өндөртэй 1 жижиг дагуул бунхан бий.

9-р бунхан. 5-р бунханаас зүүн урагш 145 хэм 1077 м зайд 29.4 м голчтой, 80 см өндөр нэгэн бунхан бий. Энэ бунханаас баруун урагш 257 хэм 343 м зайд хээтэй язгуартны хээтэй 2 хавтан бий.

10-р бунхан. 9-р бунханаас зүүн урагш 212 хэм 465 м зайд 31 м голчтой, 2 м өндөр нэгэн бунхан бий. Бунханаас зүүн урагш 132 хэмд үүдэвчтэй.

11-р бунхан. 10-р бунханаас баруун урагш 200 хэм 40 м зайд 18.4 м голчтой, 20-30 см өндөр нэгэн жижиг бунхан бий.

12-р бунхан. 10-р бунханаас баруун урагш 251 хэм 740 м зайд 21 м голчтой, 60 см өндөр нэгэн жижиг бунхан бий. Энэ бунханы дээр жижиг хөшөөг босгосон байна.

Батцэнгэл сумын төв. Сумын төв нийт 4 бунхант булш бий. Эдгээр бунхануудын дээр хүүхэд хөгшид хавар, зун, намрын цагт гарч салхилдаг, сэрүүцдэг өндөрлөг бөгөөд зарим үед ойр орчмын үзэгдлийг харах гэж хүмүүс гардаг жижигхэн толгод мэт дурсгал болой. Эдгээрийг нутгийнхан хогийн толгой гэж нэрлэх бөгөөд үндсэн учрыг мэдэх хүн үгүй ажээ (Зураг 16-17).

1-р бунхан. Сумын төвийн урд талын орон сууцны урд хамгийн урд талын нүүрний гудамжны өмнө бий. Бунхан нь баруун хойноос зүүн урагш сунаж тогтсон хэлбэртэй бөгөөд булшны тэнхлэгээр хэмжилт хийвэл зүүн хойноос баруун урагш 38 м, баруун хойноос зүүн урагш 72 м хэмжээтэй. Үүдэвчний өргөн дунд хэсгээрээ 15,5 м, булшны үүдэвч 110 хэмд чиглэсэн байна. Бунханы өндөр 5 м орчим.

2-р бунхан. Энэ бунхан нь сумын төвийн баруун захад эрчим хүчний хашааны зүүн урд талд оршино. Бунхан нь баруун хойноос зүүн урагш хагас дугуйрсан байдалтай өвөрмөц хэлбэртэй ажээ. Бунханы нийт урт 77,4 м, гол хэсгээрээ 21 м өргөн, хоёр үзүүр хэсэг рүүгээ 10-15 м өргөн, өндөр нь 3,5 м байна.

3-р бунхан. Уг бунхан нь сумын төвийн зүүн хойд Цагаан нуурын баруун талд айлын хашааны зүүн захад оршино. Өмнөх бунхантай ижил хагас саран хэлбэр-

тэй баруун хойноос зүүн урагш хагас дугуйрсан байдалтай бий. Бунханы нийт урт 61,2 м, төв хэсгийн өргөн 18 м, хоёр үзүүр лүүгээ 12-13 м. Өндөр нь 4 м орчим.

4-р бунхан. Энэ бунхан нь сумын төвийн зүүн талын айлын хашаадын дунд оршино. Бунхан нь баруун хойноос зүүн урагш сунасан байдалтай. Бунханы урт нь 40 м, өргөн нь 33 м, үүдэвч орчмоор 13 м, өндөр нь 4.5 м орчим болно.

Увс аймгийн Зүүнхангай сумын төв. Сумын төвд шатахуун түгээгүүрын станцын чанх урд 200 метр зайд нэг бунхант булш бий. Энэ бунхант булшыг 2000 оныг хүртэл сумын төвийн хүмүүс намрын их бой хийх үед ашигладаг байгаад 2000 оноос хойш гадуур нь модон хайс хийж цэцэрлэг хийж орой дээр салхивч барьсан байна. Одоо сумын төвийнхэн энэ бунхант булшыг археологийн дурсгалт зүйл гэдгийг мэдэхгүй дээр нь хүүхэд хөгшид хавар, зун, намрын цагт гарч салхилдаг, сэрүүцдэг өндөрлөг болгосон байна. Эдгээрийг нутгийнхан өмнө бой хийдэг толгой гэж нэрлэдэг байсан бөгөөд үндсэн учрыг мэдэх хүн үгүй ажээ (Зураг 18). Бунхан нь баруун хойноос зүүн урагш сунаж тогтсон хэлбэртэй бөгөөд булшны тэнхлэгээр хэмжилт хийвэл зүүн хойноос баруун урагш м, баруун хойноос зүүн урагш м хэмжээтэй. Үүдэвчний өргөн дунд хэсгээрээ м, булшны үүдэвч хэмд чиглэсэн байна. Бунханы өндөр м орчим.

Бидний сүүлийн жилүүдэд явуулсан археологийн судалгаанд эртний Түрэгийн үед холбогдох нийт 35 бунхант булш хамрагдсан бөгөөд Орхон голын хөндий, түүний зүүн талын хамгийн томоохон цутгал болох Тамирын голын хөндийд орших эдгээр дурсгалуудыг судалгааны эргэлтэд оруулж судлаачдын сонорт хүргэж байгаа болно. Ийнхүү эдгээр дурсгалууд судалгааны эргэлтэд орснооров судлаачдын сонорт хүрэхээс гадна тухайн орон нутгийн бүртгэл мэдээллийн сан, цаашлаад улсын түүх-соёлын бүртгэл мэдээллийн санд бүртгэгдэх, аливаа буруу сэтгэлт хүний гарт өртөхөөс хамгаалах, хараа хяналттай болох анхны алхмууд хийгдэх чухал ач холбогдолтой хэмээн үзэж байна.

Бунхант булшнууд нь эртний Түрэг улсын томоохон тахилын дурсгал болох Билгэ хаан, түүний дүү Күлтегиний дурсгал болон түүнээс холгүй орших Тоглохын тал, Гэндэн булаг, Цантын булан, Шивэртийн ам зэрэг эртний Түрэгийн үеийн томоохон язгууртны тахилын онгонуудын ойролцоо, бараг хамт шахуу голын наана цаана, уулын ар, өвөрт байгаа нь эртний Түрэгийн тахилга, оршуулгын зан үйлийн байгууламжуудыг хамт бус тус тусдаа үйлдэж байсан ч хоорондоо ойрхон холбоо хамааралтай байсныг харуулж байна. Бид л хаадын булш бунханыг маш том нүсэр байгууламжаар төсөөлөн хайж байснаас бус хажууд нь ойрхон байсныг анзааралгүй өдий хүрсэн бололтой. Тиймээс эртний нүүдэлчдийн язгууртны оршуулгын зан үйл доорхи зүй тогтлоор хөгжиж байсныг тодруулж болохоор байна.

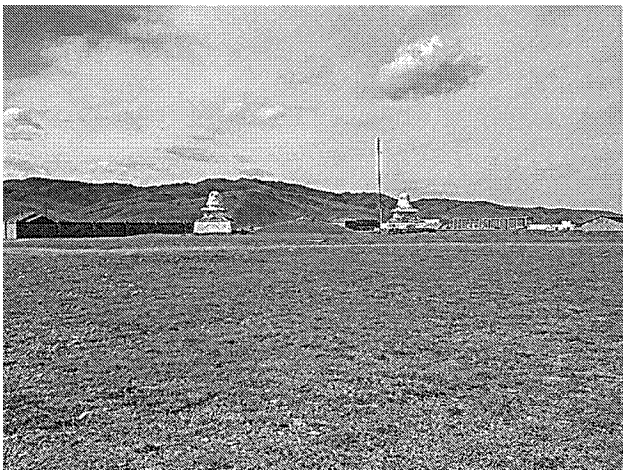
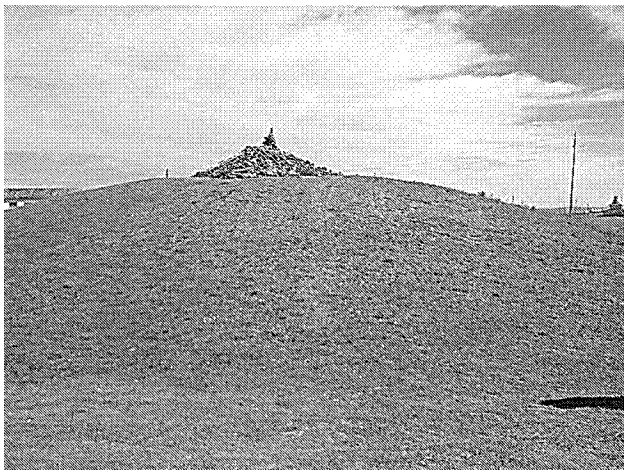
Өнөөгийн Монгол улсын нутагт хамгийн анхны төрт улсыг бидний өвөг дээдэс болох Хүннүчүүд байгуулсан хэмээн түүхийн холбогдолтой бүхий л ном бүтээлүүдэд хэвлэн нийтэлсэн байдаг. Гэсэн хэдий ч Хүннүчүүдээс өмнө 2000 жилийн тэртээгээс өөрсдийн их өв соёлыг өргөн уудам нутагт үлдээсэн буган

хөшөөт хиргисүүрийн соёл, дөрвөлжин булшны соёл хэмээх хоёр том соёлын оршуулга, тахилгын зан үйлийг өөрсдийн төрт ёсны зан үйл, ёс заншлаар баяжуулан хөгжүүлсээр, сүрлэг өндөр Алтайн уулсаас Хэнтий их уулс, Хянганы нуруунаас Хангай нурууны цаад бие хүртэл түгэн тархац олон мянган тооны нэгэн хэв загварт орсон оршуулга, тахилгын байгууламж дурсгалуудыг үйлдсэн нь өнөөгийн археологийн судалгаагаар тодорхой харагддаг. Тиймээс эртний Хүрэл зэвсгийн үеийн хиргисүүрийн соёлынхон өөрсдийн овог, аймгийн удирдагч язгууртнуудын булш бунханыг үйлдэхдээ газрын хөрсөн дээр ил маш том чулуун байгууламжийг үйлдэн түүнийг тойруулан олон зуу, хэдэн мянган адуугаар тахилга өргөн зан үйлийг гүйцэтгэж хүндэтгэл үзүүлдэг байсан бол, Төмөр зэвсгийн түрүү үе, Хүннү гүрний үед газрын хөрсөн дээр үйлдэх байгууламжийн хэмжээ жижгэрч дагуул байгууламжийн тоо багасч, оршуулгыг газрын гүн рүү шургуулан илүү гүн ухаж нууцлах маягаар үйлдэх болсон хэдий ч газрын хөрсөн дээрх байгууламж нь хэн ч харсан анзаарагдахаар байсан тул оршуулгын байгууламжуудыг тухайн үед нь ухах, тонох аюул хэвээр байсан бололтой.

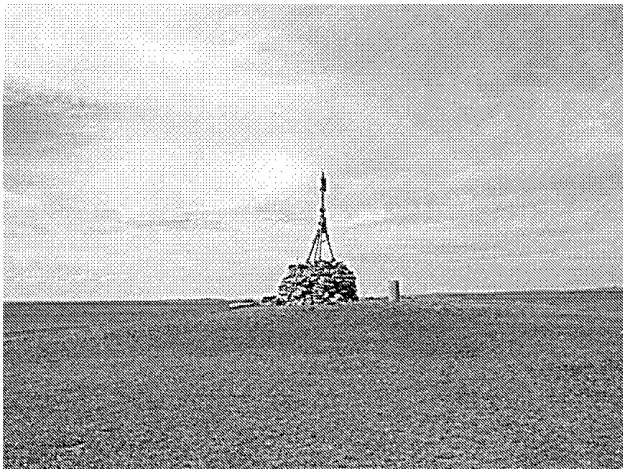
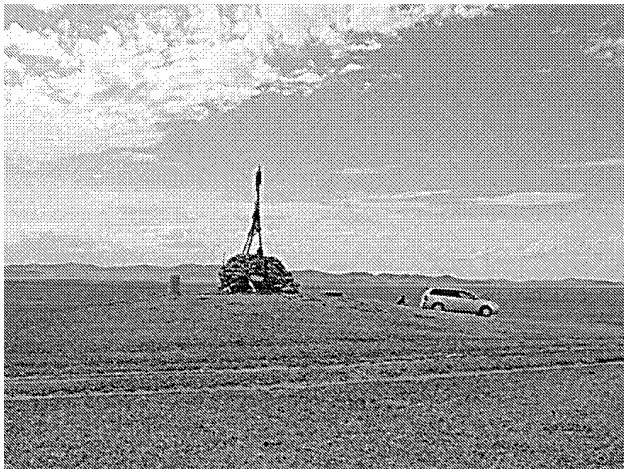
Тиймээс Сяньби, Жужаны эртний улсуудын үеэс хаад язгууртаны булшнуудыг далдлан нууцлах болж эхэлсэн бөгөөд эртний Түрэг, Уйгурын үед хаад, язгууртны бунханыг газрын гүн рүү улам нууцлан хийхдээ газрын хөрсөн дээр нүсэр чулуун байгууламж хийхээ больж, илт мэдэгдэх чулуун байгууламжгүйгээр газрын хөрснөөс ялгарахгүйгээр жижиг дов толгод мэт харагдахаар шороогоор, мөн эртний хуучин хотын үлдэгдэл мэт ижил харагдах намхан шороон хэрэм байгуулан үйлдсэн нь тухайн бунханыг ухах сүйтгэх аюулаас бага ч болов нуцлаж чадсан байна. Энэ үеэс хойших үе үеийн хаад язгууртны булш бунхануд олдохгүй байгаа явдал нь газрын хөрсөн дээр ил мэдэгдэх жижиг овгор ч үлдээлгүй нууцлан далдалсантай холбоотой байж болох юм. Учир иймд тэдний тухайн оршуулгыг олох арга зам нь маш нарийн чанд байсан нь тэмдэглэгдэн үлдсэн байдаг. Тухайлбал, Монголчуудын дунд, ардын ярианд *...хаадын булш бунханыг үйлдэж дууссаны дараагаар тэр оршуулга хийсэн газарт ингэн тэмээний нүдэн дээр нь ботгыг алж тахилга үйлдээд түмэн адуугаар тэр газрыг нь талхлуулсан гэх ба тийнхүү талхлуулаад хаана хийсэн нь мэдэгдэхгүй болсоны дараа тухайн газарт тахилга хийж эргэхээр болбол тэрхүү ингэн тэмээг тахилга хийх хүртэл тавилгүй уясаар тахилга хийх өдрөө уяанаас нь тавихад ботгоо үхсэн газраа андалгүй очдог тиймээс тэрхүү газарт нь тахилга хийж өвөг дээдсийг сүнс сүлдийг аргадан тахидаг уламжлал байсан* гэсэн нь хэдийгээр домог мэт зүйл боловч, ор үндэслэлгүй зүйл биш бололтой байна.

Түрэг-Уйгурын үеийн бунхант булшнуудын байршилыг ажиглахад, Түрэг-Уйгурын хаад язгууртануудын дурсгалд зориулан босгосон гэрэлт хөшөө бүхий тахилгын байгууламжуудаас 110-160 км зайд оршин байгаа явдал юм. Мэдээж энэ уламжлалыг Монголын их хаад залгамжлан авсан нь маш тодорхой. Тийм учраас Монголын их хаад, хатадын дурсгалд зориулан босгосон хүн чулуун хөрөгүүдээс 100-180 км-ын радиуст археологийн хайгуул судалгаа хийвэл Монголын их хаадын оршуулга, тахилгын байгууламжуудыг тодорхойлох боломж-

Хавсралт -01

Зураг 1-2. Өвөрхангай аймгийн Хархорин сумын төв, Эрдэнэ толгой дурсгалын ерөнхий байдал

Зураг 3-4. Архангай аймгийн Хотонт сум, Орхон голын хөндий, Орхон-1

Зураг 5-6. Архангай аймгийн Хотонт сум, Орхон голын хөндий, Орхон-2

Зураг 7-8. Архангай аймгийн Өгийнуур сум, Өндөр хангай

Зураг 9. Архангай аймгийн Өгийнуур сум, Хэрмийн хөндий ерөнхий байдал

Зураг 10. Архангай аймгийн Өгийнуур сум, Хэрмийн хөндий, Баруун бунханы ерөнхий байдал

Зураг 11. Архангай аймгийн Өгийнуур сум, Хэрмийн хөндий, Дунд бунханы ерөнхий байдал

Зураг 12. Архангай аймгийн Өгийнуур сум, Хэрмийн хөндий, Зүүн бунханы ерөнхий байдал

Зураг 13-14. Архангай аймгийн Өгийнуур сум, Цантын булангийн бунханы ерөнхий байдал

Зураг 15. Архангай аймгийн Батцэнгэл сум, Хэвтээгийн булан-3. Бунханы ерөнхий байдал

Зураг 16. Архангай аймгийн Батцэнгэл сумын төв, 1-р бунханы ерөнхий байдал

Зураг 17. Архангай аймгийн Батцэнгэл сумын төв, 2-р бунханы ерөнхий байдал

той болж мэдэх юм. Үе үеийн хаад язгууртны булш бунханыг тухайн үеийн шашин шүтлэг, зан үйл, уламжлал ёсоор үйлдэхээс гадна тухайн нийгэм улс төрийн байдлаас болон хэр хэмжээнд хэрхэн үйлдэж байсан нь ажиглагдаж байна. Тухайлбал, Хүрэл зэвсгийн үед овог аймгийн язгууртнуудын булш бунханыг аль болох ил нүсэр том чулуун байгууламж үйлдэж байвал их хүндэтгэл гэсэн ойлголттойгоор сэтгэн төсөөлж байсан бол цаг үе улиран эртний төрт улсуудын хаад язгууртны суу алдар, тэдгээрийг мөнхлөн үлдээх зорилгоор болон хожмын үр дагавараас хамгаалах зорилгоор нууцлах далдлах асуудал урган гарч, энэ нь нийгэмээ даган улам нарийссаар Монгол эзэнт гүрний үе хүрэхэд газрын хөрсөн дээр ил мэдэгдэх тэмдэггүй болтлоо далдлагдсан нь нүүдлийн мал аж ахуй эрхлэдэг, нүүдэлчдийн ахуй болон оюуны соёлтой ч холбоотой юм. Учир нь суурин соёл иргэншилтэй ард түмнүүд бол байнга хараа хяналттай булш бунханаа сахин хамгаалах боломжтой байсан бол нүүдэлчдийн хувьд байнгын харуул хамгаалалтай байна гэдэг бол туйлын хүнд асуудалтай юм. Тиймээс өөрсдийн язгууртны булш бунхануудыг хөндүүлэхгүйн тулд далдлах ухааныг нарийн тооцож үйлдэх болсон маш нарийн учир шалтгаантай ажээ.

Номзүй

Батсайхан *нар*, 2006 – Батсайхан З., Мөнхдэлгэр Ж., Зоригт Х., Мөнхболд З. Архангай аймгийн Тамирын Улаан хошуунд хийсэн Монгол-Америкийн хамтарсан судалгаа. // Mongolian Journal of Anthropoly, Archaeology and Ethnology, Vol.2, № 1(254), т. 207-208

Идэрхангай, Бадрах, 2013 – Идэрхангай Т., Бадрах Б. Архангай аймгийн Батцэнгэл сумын нутагт явуулсан археологийн хайгуул судалгааны ажлын 2013 оны тайлан. МУИС-ийн Улаанбаатар сургуулийн Археологийн тэнхимийн ГБСХ, Улаанбаатар.

Пэрлээ, 1961 – Пэрлээ Х. Монгол Ард улсын эрт, дундад үеийн хот суурины товчоон. УБ., т. 20-21

Очир *нар*, 2013а – Очир А., Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа (Төв аймгийн Заамар сумын Шороон бумбагарын малтлагын тайлан). Улаанбаатар.

Очир *нар*, 2013б – Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжубай С., Жантегин Х. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа (Булган аймгийн Баяннуур сумын Улаан хэрмийн Шороон бумбагарын малтлагын тайлан). Улаанбаатар.

Эрдэнэбат *нар*, 2011 – Эрдэнэбат У., Батсайхан З., Дашдорж Б., Амарбилэг Ч. Архангай аймгийн Хотонт сумын нутаг Олон дов хэмээх газарт 2010 онд хийсэн археологийн шинжилгээ. // Археологийн судлал, Tom. XXX, Fasc. 9, Улаанбаатар, т. 146-185.

Эрдэнэбаатар, Идэрхангай, 2013 – Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т. Нүүдэлчдийн хаад, язгууртны оршуулга, тахилгын зан үйл" (МЭӨ II мянган жилээс, МЭ-ний XIY зуун) төслийн профессорын багийн тайлан. МУИС-ийн Улаанбаатар сургуулийн Археологийн тэнхимийн ГБСХ, Улаанбаатар.

III. Социально-политическая история, духовная культура и мировоззрение кочевников (от эпохи средневековья до современности)

Е. В.Асташенкова[82], А. Л. Ивлиев [83]

ЛЯОСКИЕ АНАЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ БРОНЗОВЫХ ЗЕРКАЛ ИЗ ПРИМОРЬЯ

Статья посвящена сравнительному изучению декоров бронзовых зеркал киданьской империи Ляо и чжурчжэньских государств Цзинь и Восточное Ся. Определены ляоские по происхождению зеркала, имевшие хождение у чжурчжэней, отдельные заимствованные в Цзинь ляоские элементы в декоре, а также общие для Цзинь и Ляо сюжеты, развивавшиеся независимо друг от друга.

Ключевые слова: археология, бронзовые зеркала, империя Ляо, кидани, чжурчжэни, империя Цзинь, государство Восточное Ся.

E. V. Astashenkova, A. L. Ivliev

LIAO ANALOGIES OF THE MEDIEVAL BRONZE MIRRORS OF PRIMORYE TERRITORY

The article is devoted to comparative study of the décor of bronze mirrors of Khitan Liao Empire and Jurchen states Jin and East Xia. Authors have detected some mirrors of Liao origin that were used by Jurchen, some Liao elements of decoration adopted by Jin, and also common for Liao and Jin topics that developed separately from each other.

Key words: archaeology, bronze mirrors, Liao Empire, Khitan, Jurchen, Jin Empire, East Xia state.

Бронзовые зеркала являются уникальными предметами искусства, обладающими большой художественной ценностью и свидетельствующими об эстетике восприятия окружающего мира их создателей. Исследователи уже неоднократно отмечали, что это еще и очень информативный археологический источник, изучение которого позволяет осветить целый ряд аспектов, касающихся особенностей материальной и духовной культуры тех, кто их изготовил и ими пользовался. Декор бронзового зеркала наряду с деталями оформления является важным элементом для установления времени и места производства данного изделия, реконструкции мировоззрения его создателей.

Основой источниковой базы для данной работы послужили бронзовые зеркала, найденные в ходе раскопок горных городищ чжурчжэней времени государ-

[82] АСТАШЕНКОВА Елена Валентиновна – кандидат исторический наук, научный сотрудник Центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭ) ДВО РАН, astashenkova@mail.ru

[83] ИВЛИЕВ Александр Львович – кандидат исторический наук, ведущий научный сотрудник Сектора средневековой археологии ИИАЭ ДВО РАН, ivliev@mail.primorye.ru

ства Восточное Ся на территории Приморья, хранящиеся в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Многие из них были опубликованы ранее [Бродянский, 1988; Шавкунов, 1981; 1988; 1990; 1992; Шавкунов, Конькова, Хорев, 1987; Хорев, 2012]. Анализ орнаментов на тыльной стороне зеркал, найденных на территории средневековых памятников Приморья XII – XIII вв., свидетельствует о том, что многие из них восходят к ханьской, суйской, танской, сунской и ляоской традициям.

Цель нашего исследования установить степень преемственности между производством зеркал в Ляо и Цзинь, определить, какое место в искусстве чжурчжэней занимали зеркала ляоского происхождения и какие факторы оказывали на это влияние. Для этого необходимо выяснить, какие типы зеркал, распространенные в ляоское время, сохранили свою популярность в цзиньскую эпоху, установить есть ли у чжурчжэней такие типы зеркал, которые могли быть заимствованы у киданей, и в какой степени: полностью, либо только сюжет, отдельные формы, или отдельные детали.

В своем исследовании, посвященном анализу китайских бронзовых зеркал, К. Шультен, выделила для эпох Ляо (907-1125) и Сун (960-1279) следующие типы декоров: цветочный, цепочки монет, картуши с надписями, повествовательные сцены и космологический декор [Schulten, 2000]. В свою очередь, Лю Шуцзюань расширила и детализировала классификацию для ляоских зеркал, основываясь на их декоре [Лю Шуцзюань, 1997]. Согласно проведенному ею исследованию выделяются:

1) зеркала с изображением дракона;
2) зеркала с орнаментом из соединенных жемчужин, либо панциря черепахи;
3) зеркала в стиле Хань;
4) зеркала с буддийским и даосским декором;
5) зеркала типа *фэньхуа* («с деленным на части орнаментом»);
6) зеркала с орнаментом из ромбической сетки и жемчужника;
7) зеркала с фениксами;
8) зеркала с изображением облаков, птиц, рыб, драконов и людей;
9) зеркала с двойной кольцевой зоной цветочного орнамента;
10) зеркала с изображением листа лотоса.

Если сопоставить эти типы зеркал с цзиньскими, то мы получим следующую картину.

Совпадающие типы сюжетов:

- зеркала с драконами;
- зеркала в стиле династииХань;
- зеркала с орнаментом из ромбической сетки и жемчужника;
- зеркала с фениксами;
- зеркала с буддийскими и даосскими сюжетами (люди, играющие на *цине* в павильоне; свастика);
- зеркала типа *фэньхуа* («с деленным на части орнаментом»);

• зеркала с изображением облаков, птиц, рыб, драконов и людей;
• зеркала с изображением листа лотоса.

Цзиньские сюжеты, отсутствующие в Ляо:

• зеркала с рыбами;
• зеркала с буддийскими и даосскими сюжетами (передача веера, сцена у водопада, лунное зеркало, зеркала с циклическими животными);
• легендарные сюжеты: Уский бык [Ивлиев, Крупянко, 2012], сюжет с Чао Фу и Сюй Ю [Лубо-Лесниченко, 1975:74].

Рассмотрим каждую группу совпадающих сюжетов подробнее.

Зеркала с драконами

Образ дракона был чрезвычайно популярен в искусстве Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии, где он стал символом власти. Изображение дракона эпохи Ляо прошло сложный процесс эволюции. В начальный период оно наследовало стиль дракона Тан и Пяти династий с его мощью и величием, а в поздний испытало сильное влияние буддийской и даосской доктрин [Лю Шуцзюань, 1997, с. 31].

В искусстве и Ляо, и Цзинь этот тип декора представлен двумя видами, каждый из которых имеет варианты. Первый вид – изображение свернувшегося дракона. Второй – парные драконы, следующие один за другим. Поскольку среди декоров на зеркалах, обнаруженных в Приморье, изображений свернувшегося дракона не зафиксировано, в данной работе этот сюжет будет опущен, хотя в зарубежной литературе ряд зеркал с таким изображением отнесен к цзиньскому времени [Кун Сянсин, 1992, с. 805-807].

Парные изображения драконов есть как на ляоских, так и на цзиньских зеркалах, однако между первыми и вторыми есть существенные отличия.Так, зеркало, обнаруженное в ляоской могиле в Сяоламагоу, выполнено в высоком рельефе в стиле Тан. Оно имеет оригинальную предбордюрную зону с цветами, жемчужником и завитками облаков. Необычны положение передних лап драконов и крупная чешуя на их телах. Как отмечает Лю Шуцзюань это зеркало уникально и редко встречается вообще среди бронзовых зеркал (табл.1, № 1).

Еще одно ляоское зеркало украшено декором, выполненным гравировкой (табл.1, № 2), чего вообще не встречается на цзиньских зеркалах с драконами. Полусферическая петелька и широкий плоский бордюр – характерные особенности таких тяжелых толстых и больших зеркал, в большинстве относящихся к среднему периоду Ляо [Лю Шуцзюань, 1997, с.37].

Третье зеркало (табл.1, № 3) отличается от цзиньских основанием петельки в виде цветка лотоса, редко расположенными облаками во внешнем орнаментальном кольце, а также бортиком, трапециевидным в сечении. Такой бордюр является особенностью ляоских зеркал позднего периода. Тонкие тела драконов характерны для времени после среднего периода Ляо, однако, это зеркало не та-

кое толстое и тяжелое и датируется рубежом правления императоров Син-цзуна и Дао-цзуна (1050-е годы) [Лю Шуцзюань, 1997, с.39].

Схоже по иконографии с цзиньскими зеркалами с парными драконами зеркало, найденное на ляоском поселении в Бэйдао уезда Кацзо провинции Ляонин (табл.1, № 4).

В целом, в Ляо прослеживается эволюция декора и оформления зеркал с драконами: тела драконов становятся более тонкими и длинными, бордюр зеркала из широкого и плоского превращается в трапециевидный в сечении, и далее в еще более узкий ножевидный, отражая общую тенденцию эволюции ляоских зеркал. Сами зеркала становятся более толстыми, массивными [Лю Шуцзюань, 1997]. При этом цзиньские зеркала с парными драконами имеют широкий плоский бордюр, а тела драконов, как правило, узкие и вытянутые (табл.1, № 5, 6).

Таким образом, можно заключить, что цзиньские зеркала с парными драконами заимствовали ляоский сюжет, обладая характерным для Цзинь оформлением деталей. При этом, они существенно отличаются от сунских зеркал с парными драконами, где животные расположены в геральдической позе [Кун Сянсин, 1992, с. 693-703].

Зеркала в стиле Хань

Под таким названием в классификации Лю Шуцзюань проходят зеркала, имеющие только характерную для Хань зону, примыкающую к бордюру, тогда как основной декор с ханьской эпохой никак не связан, он представлен изображениями цветов, бабочек, птиц *луань* и, вероятно, восходит к танским традициям [Лю Шуцзюань, 1997, с.69]. В Цзинь таких зеркал не встречено, но, как и в Ляо, имеются зеркала ханьского происхождения, которые к киданьским не относятся [Лю Шуцзюань, 1997, с.16]. Таким образом, очевидно, что, несмотря на выделенную группу зеркал ханьского типа, в ляоском искусстве сохранились лишь отдельные элементы, восходящие к ханьскому времени. В Цзинь же, напротив, ханьские типы узнаются легко в силу их практически полного копирования. Возможно, это связано с попытками обойти существовавший в Цзинь запрет на частное изготовление бронзовых изделий, для чего новые зеркала выдавались за древние ханьские [Ивлиев, 1978].

Зеркала с орнаментом из соединенных жемчужин или панциря черепахи

Появление данного типа орнамента на зеркалах исследователи относят к эпохе Пяти династий, но именно в искусстве киданей он получает наибольшее распространение и развитие, появляясь довольно рано и постепенно исчезая лишь к позднему периоду Ляо [Лю Шуцзюань, 1997, с. 40-41]. Этот тип декора еще называют монетным и сеткой из четырехлепестковых розеток [Schulten, 2000, Шавкунов, 1988]. Лю Шуцзюань выделяет три типа этого орнамента, каждый из которых имеет варианты и разновидности [Лю Шуцзюань, 1997, с. 41-69]. В фондах музея ИИАЭ ДВО РАН есть пока только одно изделие соответствующее

данному типу декора (табл.1, № 7). Зеркало имеет форму восьми – лепестковой розетки. Тыльная сторона зеркала украшена «монетным» декором, снаружи ограниченным кольцом жемчужника.

На ляоских зеркалах этот вид декора, как правило, выступает в составе сложных композиций из разграниченных рамками квадратных и кольцевых орнаментальных зон в сочетании с изображением насекомых, людей, черепах и т.д. К приморскому зеркалу ближе всего зеркала из Южного Китая времени Пяти династий и начала Сун, у которых монетный декор занимает все поле и не ограничен рамками (табл.1, № 8). В то же время, декор приморского зеркала сближается с ляоскими наличием обрамления из жемчужника, как, например, у зеркала из Музея города Чаоян (табл. 1, № 9). При этом, сама форма зеркала в виде цветка мальвы с таким декором не встречается ни на юге Китая, ни в Ляо. Учитывая все это, так же как и то, что среди известных зеркал Цзинь это единственное с таким декором, скорее всего, оно не характерно для чжурчжэней и попало к ним из Ляо, либо из Южного Китая.

Зеркала с фениксами

С древности до сегодняшнего дня феникс всегда был символом мира и красоты, считается, что он может нести людям свет, спускает в мир счастливые предзнаменования. Изображения феникса на ляоских зеркалах в большинстве выступают симметричными парами. Исследователи выделяют три типа подобных декоров с вариантами [Лю Шуцзюань, 1997, с.122-128]. Наиболее близкими аналогиями цзиньским изображениям, которые представлены на зеркалах из Шайгинского городища (табл.1, № 25) и из коллекции музея им. Арсеньева, являются ляоские зеркала из провинции Хэбэй (табл.1, № 23, 24). Еще одно зеркало с фениксами, найденное на Ананьевском городище, отличается от известных ляоских как по композиции, так и по иконографии (табл.1, 28).

Зеркала с буддийским и даосским декором

Во времена Шэн-цзуна и Дао-цзуна (1030-1101 гг.) в Ляо появилось очень много бронзовых зеркал, отражающих идеи буддизма и даосизма. Исследователи выделяют 11 типов данного декора [Лю Шуцзюань, 1997, с.73-89], но мы обратимся лишь к тем из них, которые имеют аналогии среди цзиньских.

Зеркала с изображением людей, играющих на цине

Сюжет в виде сидящего в павильоне, играющего на цине человека есть на зеркале из Ананьевского городища (табл.1, № 13). Основу изображения составляют четыре беседки. Внутри каждой сидит человек с музыкальным инструментом на коленях. Между павильонами расположены сосны, над которыми с одной стороны висит облако, а с другой летит птица. Петелька-держатель заключена в кольцо жемчужника, от которого в сторону каждого павильона расположена крестообразная фигура, выполненная жемчужинами. Еще три цзиньских зеркала с похожим сюжетом хранятся в музее Верхней столицы Цзинь (табл., № 14). В отличие от ананьевского экземпляра, на них нет деревьев, но есть изображе-

ния длиннохвостых райских птиц и бабочек (в одном случае стрекоз). Зеркала с таким сюжетом были распространены ранее в Ляо, однако, у них имеются некоторые отличия от цзиньских. Изображения на ляоских изделиях заключены в медальоны (табл.1, № 10 – 12), тогда как на цзиньских такой элемент отсутствует. Кроме того, на ляоских зеркалах отсутствует внутреннее кольцо жемчужника и четыре крестообразные фигуры, образованные четырьмя выпуклыми точками. Ляоские зеркала с подобным сюжетом имеют широкий ровный бордюр. При этом, есть и сходства. Изображения павильона и всех его деталей, человека, дерева полностью совпадают. На одном из киданьских изделий разделителем между павильонами также служит дерево. Является ли приморское зеркало изделием эпохи Ляо или оно изготовлено в Цзинь, пока определить сложно, так как трапециевидный в сечении бордюр на приморском зеркале характерен для киданьских зеркал, но при этом есть чжурчжэньская регистрационная надпись.

Зеркала с изображением свастики

Декор в виде свастики появляется на бронзовых зеркалах среднего и позднего периода Тан и связан с расцветом буддизма и активным использование его символики. Известны два китайских зеркала танского времени, одно квадратное, второе в форме креста с короткими лопастями, на которых знак свастики помещен в центре [Кун Сянсин, 1992, с. 665, 666].

Зеркало со свастикой ляоского времени из уезда Пинцюань провинции Хэбэй (табл., № 15) украшено рисунком свастики «卍» в центре и размещенными по краям четырьмя облаками и четырьмя маленькими свастиками. Подобный тип декора представлен пока на одном цзиньском зеркале из Шайгинского городища (табл., № 16). Вокруг держателя расположено кольцо жемчужника, состоящее из 12 мелких полусфер и рельефного изображения кумирни с иероглифом «官» (*гуань* – «чиновник», «государственный») внутри. За жемчужным пояском по кругу расположены шесть знаков свастики.

Очевидно, что композиция цзиньского декора отличается и от танских, и от ляоского образцов. Но с последним зеркало сближает наличие пояска из жемчужин и использование не одного, а нескольких знаков свастики.

Зеркала типа *фэньхуа* («с деленным на части орнаментом»)

Так называемые зеркала типа *фэньхуа* украшены рисунками пиона, тыкв *гуаде*, бабочек, небожителей и облаков, в качестве изобразительного приема используется рисунок из симметрично расположенных двух, трёх, четырёх и более частей [Лю Шуцзюань, 1997, с.89]. В качестве аналогий на цзиньских зеркалах можно выделить, во-первых, орнаменты, выполненные в похожей технике (зеркало с цветами в технике рельефных линий) (табл.1, №№ 17, 20), во-вторых, прямые аналогии (изображение цветка на фрагменте цзиньского зеркала и декор в виде бабочек) (табл.1, №№ 18, 19, 21, 22), в-третьих, одинаковые сюжеты, выполненные в разной иконографии (изображения четырех человечков среди цветов) (табл.1, №№ 20, 33, 34).

Приморское зеркало из Ананьевского городища с бабочками (табл.1, № 22) является полной аналогией ляоскому зеркалу (табл.1, № 21). Отличие составляет треугольный в сечении бордюр Ананьевского зеркала. Такой бордюр характерен для ляоских зеркал и очевидно указывает на киданьское происхождение этого зеркала.

Можно выделить также сюжеты, которые встречаются и в Ляо, и в Цзинь, но имеют разную иконографию. Примером этого являются зеркала с 4-мя играющими среди цветов детьми (табл. 1, №№ 22, 33, 34). Если на ляоском зеркале детии изображены с веточкой в руках и без растительного фона, то на цзиньских они находятся среди густого переплетения ветвей и цветов. Такого рода декор еще встречается на белом фарфоровом блюде с рисунком рыбалки и охоты, которое найдено в ляоской могиле № 9 в Хаоцяньинцзы, и на серебряных деталях пояса с играющими детьми, найденных в Цяньчуанху в Чаояне [Лю Шуцзюань, 1997, с.120]. Таким образом, один и тот же сюжет нашел отражение и в ляоском, и в цзиньском искусстве, но был реализован в разных иконографических схемах и технике.

Зеркала с изображением облаков, птиц, рыб, драконов и людей

Зеркал этого типа найдено довольно много. Исследователи отмечают, что существует проблема их датировки. Есть разные мнения, согласно которым их относят ко времени Сун, Ляо, Цзинь. Лю Шуцзюань предлагает опираться на зеркала, обнаруженные в погребениях, как наиболее точно датированные [Лю Шуцзюань, 1997, с.129]. Для нас представляет интерес зеркало, найденное на городище Шитоучэнцзы провинции Цзилинь (табл.1, № 27). Декор его абсолютно идентичен тому, который представлен на фрагменте зеркала, хранящегося в фондах музея ИИАЭ ДВО РАН (табл.1, № 28). Орнаментальное поле разбито на четыре сектора линиями, состоящими из мелких выпуклых точек. Из таких же точек состоит окружность, обрамляющая центральную петельку. В секторах помещены друг против друга по паре людей, которые либо играют на музыкальных инструментах, либо играют в какую-то игру. Между человечками помещен маленький цветочек из пяти выпуклых точек. Зеркала с подобным членением орнаментального поля датируются периодом Северной Сун (XI-XII), считается, что они продолжали использоваться и в XII-XIII вв. [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 65, № 107-108]. Узкий треугольный в сечении бортик, не характерный для цзиньского времени, наличие разграничительных элементов в виде жемчужника, уникальный для чжурчжэней сюжет могут свидетельствовать в пользу того, что это зеркало было изготовлено в ляоское время.

Зеркала с изображением листа лотоса

Этот тип декора, появившись в период Пяти династий, получил развитие в культуре Ляо. В качестве доказательства ляоского, а не цзиньского происхождения данного сюжета Лю Шуцзюань рассматривает бронзовые зеркала и керамические и фарфоровые сосуды среднего периода Ляо, украшенные изображением листа лотоса. Ещё чаще оно встречается на трёхцветных чашах и блюдцах

позднего периода Ляо, а вот на цзиньских сосудах такой декор почти не известен [Лю Шуцзюань, 1997, с.154]. Е.И. Лубо-Лесниченко датирует подобного рода зеркало периодом Пяти династий (X век) [Лубо-Лесниченко, 1975, с.64].

В фондах музея ИИАЭ ДВО РАН есть два подобных зеркала (табл.1, №№ 29, 30). Оба круглые. Орнаментальное поле одного разделено на три окружности. Внутренний и средний круги заполнены изображением лепестков лотоса. Во внешнем круге помещен лист лотоса с частыми косыми прожилками. Ближайшей аналогией данному изделию является зеркало, найденное в могиле № 8 в Сядалун города Чанша (табл.1, № 31).

Второе приморское зеркало найдено в с. Дмитриевка Черниговского района (табл.1, № 30). Вся его тыльная сторона заполнена изображением листа лотоса с частыми косыми жилками. Близкой его аналогией является ляоское зеркало, которое хранится в Музее провинции Ляонин. Тело зеркала толстое и тяжелое (табл.1, № 32). Оба зеркала имеют ножевидный бордюр, не характерный для Цзинь.

На ляоское происхождение приморских зеркал указывают форма бортика и, конечно, декор, поскольку цзиньских зеркал с подобным орнаментом неизвестно.

Заключение

Цзиньские зеркала, безусловно, испытали влияние ляоских традиций. Они унаследовали такие особенности зеркал позднего периода Ляо, как толщину и вес, большую петельку, грубость декора (Лю Шуцзюань,1997, с. 27). Но влияние собственных культурных традиций способствовало формированию своего стиля. Это нашло отражение, прежде всего, в выборе сюжетов для украшения тыльной стороны зеркал.

Можно выделить три группы зеркал:

– ляоские зеркала, имевшие хождение в цзиньское время

– цзиньские зеркала, в декорах которых есть ляоские элементы

– зеркала с одинаковыми сюжетами, но выполненными в разной манере (техника, стиль, иконография (драконы, фениксы, играющие среди цветов человечки)).

К первой группе с некоторыми оговорками следует отнести зеркало с павильонами и играющим на *цине* человеком, с бабочками, с играющими в какую-то игру человечками, с лотосовым листом и, вероятно, зеркало с монетным декором. Их появление у чжурчжэней, вероятнее всего, объясняется тем, что большая часть территории Ляо вошла в состав Цзинь.

Заимствованный ляоский элемент в декоре цзиньских зеркал это оформление границ орнаментального поля жемчужником.

Есть универсальные сюжеты, которые были особенно популярны и в Ляо, и в Цзинь (драконы, фениксы, танцующие дети, свастика). Но в каждую эпоху они имеют свои стилистические особенности. Прямого заимствования здесь не наблюдается.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, 2014-2016, № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока»

Таблица 1. Бронзовые зеркала Ляо и Цзинь, рассматриваемые в данной работе.

№ п/п	название и описание	датировка	место находки	источник
1.	**Зеркало со следующими друг за другом драконами.** Зеркало круглое с маленькой петелькой. У бордюра изнутри есть поясок жемчужника и цветов, образованных точками. В центральной части сделано рельефное изображение двух больших драконов с изгибающимися телами, покрытыми чешуёй.	Ляо, X – начало XII в.	Обнаружено в ляоской могиле в Сяоламагоу小喇嘛沟 деревни Балипуцунь八里铺村поселка Линъюаньчжэнь凌源镇 города Линъюань凌源市провинции Ляонин, КНР.	Лю Шуцзюань, 1997, с. 36, рис. 21 А, В.
2.	**Зеркало со следующими друг за другом драконами.** Круглое, петелька полусферическая, в неё продета грубая полоска железа. Диаметр зеркала 38,5 см, ширина бордюра 1,4 см, толщина 0,4 см. Снаружи от петельки орнамент из четырёх благовещих облаков. С внутренней стороны бордюра есть поясок из облаков, в центральной части зеркала изображены два играющих с жемчужиной дракона. Вся поверхность зеркала заполнена рисунком из треугольников. Орнамент плоский, выгравирован тонкими линиями, которые прочерчены крайне равномерно с большим умением и тщательностью.	Время правления Шэнцзуна (982 – 1020 гг.)	Найдено в основании пагоды на горе Тацзышань塔子山 в волости Хунмаоцзысян红帽子乡уезда Фусинь阜新县 провинции Ляонин, КНР	Лю Шуцзюань, 1997, с. 37, рис. 22 А,В.
3.	**Зеркало со следующими друг за другом драконами.** Диаметр 22,6 см, ширина бордюра 0,8 см, высота петельки 0,7 см. Зеркало круглое, петелька уплощенно-круглая, ее основание в виде цветка хризантемы, снаружи от него кольцевой валик. Центральная часть украшена двумя драконами. Туловища драконов вытянутые, головы подняты, пасти открыты, драконы играют с жемчужинами. С внутренней стороны от трапециевидного бордюра, на равном расстоянии друг от друга изображены шесть облаков *жуи* («что пожелаете»). На расстоянии в 1,5 см от бордюра есть кольцевой валик, делящий декоративное поле зеркала на внутреннюю и внешнюю зоны. Бордюр трапециевидный в сечении. Тела драконов вытянуты, им недостает живости и ощущения силы.	Рубеж правления Синцзуна (1031 – 1055 гг.) и Дао-цзуна (1055 – 1101 гг.).	Деревня Сидабацунь西大巴村волости Таинцзысян塔营子乡уезда Фусинь阜新县провинции Ляонин, хранится в музее уезда Фусинь, КНР.	Лю Шуцзюань, 1997, с. 39, рис. 23 А, В.
4.	**Зеркало со следующими друг за другом драконами.** Круглое, вокруг основания петельки изображены два расположенных симметрично, направленных в одну сторону дракона. Тела драконов тонкие и длинные. Снаружи от кольцевого валика зона украшена шестью облаками *жуи*. Бордюр ножевидный.	Поздний период Ляо (конец XI – начало XII в.).	Поселение в Бэйдао北道辽遗址Дачэнцзы大城子уезда Кацзо喀左县провинции Ляонин, КНР.	Лю Шуцзюань, 1997, с. 40-41, рис. 24.
5.	**Зеркало со следующими друг за другом драконами.** Круглое. Диаметр 16,6 см. Изображены два следующих один за другим дракона. Вдоль бортика проходит небольшой орнаментальный поясок в виде стилизованных облаковидных завитков. Бордюр широкий и плоский. На бордюре начеканена регистрационная надпись: 上京宜春县口 (Уезд Ичунь Верхней столицы /подпись/).	Цзинь, XII-XIII вв.	Уссурийский район, правый берег р. Раздольной близ с. Борисовка, Приморский край.	Шавкунов, 1981, с.102; Ивлиев, 1978, с. 106.
6.	**Зеркало со следующими друг за другом драконами.** Сохранилась половина зеркала с одним из драконов. Толщина зеркала 0,43 см, толщина бордюра 0,62 см, ширина бордюра 2,8 см. Вдоль бортика имеется орнаментальный поясок, состоящий из отдельных облаков. Бортик очень широкий, плоский, отделен от орнаментального поля прямоугольным в сечении валиком.	Цзинь, XII-XIII вв.	Шайгинское городище, Партизанский район Приморского края.	Хранится в фондах ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток.
7.	**Зеркало с «монетным» декором.** Имеет форму восьмилепестковой розетки. Диаметр 11,6 см, толщина 0,3 см. Диаметр петельки 0,8 см, высота петельки 0,55 см, высота бордюра 0,1 см, его ширина 0,9-1 см. Тыльная сторона зеркала украшена «монетным» декором, снаружи ограниченным кольцом жемчужника. Бордюр широкий, тонкий и плоский.	X – XII вв.	Зеркало найдено в составе клада из д. Хмельницкое Партизанского района Приморского края.	Шавкунов, 1960, с. 234-235.

8.	**Зеркало с орнаментом из соединенных жемчужин.** Круглое, диаметр 10,8 см, толщина бордюра 0,4 см. Снаружи от маленькой петельки вся поверхность зеркала покрыта орнаментом в виде соединенных жемчужин, внутри жемчужины украшены маленькими цветками, образованными точками, бордюр гладкий без орнамента.	X в.	Найдено в Ляньюньгане连云港провинции Цзянсу, КНР.	Кун Сянсин, 1992, с. 687; Лю Шуцзюань, 1997, с. 42, рис.25.
9.	**Зеркало с орнаментом из соединенных жемчужин.** Диаметр 15 см, ширина бордюра 1,4 см, толщина 0.2 см. Зеркало круглое с маленькой петелькой. Вокруг петельки вся поверхность покрыта орнаментом из соединенных жемчужин, снаружи от него двойной поясок жемчужника, бордюр скошенный, без орнамента, широкий и тонкий. Обратная сторона зеркала украшена черным лаком.	Ляо (?), X- XII вв.	Хранится в Музее города Чаоян 朝阳市 провинции Ляонин, КНР.	Лю Шуцзюань, 1997, с. 50, рис. 33.
10.	**Зеркало с павильоном и человеком, играющим на *цине.*** Круглое с квадратной петелькой. Диаметр 38,5 см, ширина бордюра 1,5 см, толщина 0,7 см. Украшено восемью пламенеющими жемчужинами и восемью круглыми медальонами, которые, чередуясь, образуют круг. В одних медальонах изображен в центре павильон, внутри которого сидит человек, играющий на *цине*. В других - рисунок горного леса, между деревьев и с двух сторон от них изображены олени, дикие гуси. Ближе к бордюру помещены восемь пламенеющих жемчужин на фоне благовещих облаков. Бордюр широкий и плоский.	Ляо, X – XII вв.	Найдено в кладе ляоской эпохи в деревне Синьдицунь新地村волости Дадяньцзысян大甸子乡хошуна Аохан-Ци敖汉旗 Внутренней Монголии, КНР.	Лю Шуцзюань, 1997, с. 80, рис. 66.
11.	**Зеркало с павильоном и человеком, играющим на *цине.*** Круглое, диаметром 27,3 см, толщина бордюра 0,7 см. Полусферическую петельку окружают четыре пламенеющие жемчужины. Снаружи от них помещены четыре круглых медальона с рельефным изображением павильона и играющего на *цине* человека. Границы медальонов обозначены цепочкой жемчужин. Между ними помещены четыре круглых парных изображения самки и самца фениксов с лентами в клювах. Бордюр не орнаментирован.	Ляо, X – XII вв.	Найдено в уезде Вэйчан围场县провинции Хэбэй, КНР.	Лю Шуцзюань, 1997, с.81, рис. 67.
12.	**Зеркало с павильоном и человеком, играющим на *цине.*** Зеркало круглое, с боковой петелькой-ушком. Диаметр 8,5 см, толщина бордюра 0,6 см. На тыльной стороне помещено рельефное изображение павильона, внутри которого сидит человек и играет на *цине*. Снаружи от павильона пространство декорировано цветами и травами, облаками и летящими птицами. Декор окружен пояском из мелких жемчужин.	Ляо, X – XII вв.	Найдено местными жителями города Чжанцзякоу张家口市провинции Хэбэй, КНР	Лю Шуцзюань, 1997, 80, рис. 68.
13.	**Зеркало с павильоном и человеком, играющим на *цине.*** Круглое, диаметром 18,7 см. Основу декора составляют четыре беседки. Внутри каждой сидит человек с музыкальным инструментом на коленях. Между беседками расположены сосны, над которыми с одной стороны висит облако, а с другой летит птица. Петелька-держатель заключена в окружность, состоящую из жемчужин, от которой в сторону каждого павильона расположена крестообразная фигура тоже выполненная жемчужинами. На бортике имеется надпись: «都右院官口» («Чиновник правого полицейского комиссариата Средней столицы, подпись»). Бордюр узкий, треугольный в сечении.		Ананьевское городище, Надеждинский район Приморского края	Шавкунов, Конькова, Хорев, 1987, с. 89; Хорев, 2012, с. 83 – 84, 224.

14.	**Зеркала с павильоном и человеком, играющим на *цине.*** Три зеркала. В отличие от ананьевского экземпляра, на них нет деревьев, но есть изображения длиннохвостых райских птиц и бабочек. Первое круглое диаметром 17,2 см. Сферическая петелька, широкий плоский бордюр, толщиной 0,5 см. Четыре группы декора распределен симметрично, в каждую групу входят павильон, человек, справа и слева от павильона по одному длиннохвостому фениксу и бабочке, внутри павильона сидящий человек на коленях поперек держит длинный предмет. Два других зеркала аналогичны. Одно из них меньше по размеру и имеет ушко-петельку. Второе отличается только тем, что с двух сторон от павильона у него летающие птицы и стрекозы. На бортике есть цзиньская регистрационная надпись.	Цзинь (XII – первая треть XIII в.).	Найдены на городище Байчэн – остатках Верхней столицы Цзинь в уезде Ачэн провинции Хэйлунцзян.	Ван Чуньлэй, 2003, с. 47
15.	**Зеркало со свастикой.** Круглое с круглой петелькой. Диаметр 13,6 см, толщина бордюра 0,4 см. Обратная сторона зеркала украшена рисунком свастики «卍» в центре, и размещенными по краям четырьмя облаками и четырьмя маленькими свастиками. Бордюр зеркала широкий без орнамента.	Ляо, X – XII вв.	Найдено местными жителями в уезде Пинцюань平泉县провинции Хэбэй, КНР.	Лю Шуцзюань, 1997, с.76
16.	**Зеркало со свастикой.** Круглое, диаметр 13,15 см, ширина бордюра 1,38 см, ширина петельки 1,8, высота петельки 1 см, высота бортика 0,4 см, толщина изделия 0,7 см. Вокруг держателя расположено кольцо жемчужника, состоящее из 12 мелких полусфер и рельефного изображения стоящей на цветке лотоса кумирни с иероглифом 官«*гуань*» внутри. За жемчужным пояском по кругу расположены шесть знаков свастики. Бордюр широкий, плоский, гладкий с начеканенной на нем регистрационной надписью: «铜院官 口» («Чиновник Бронзового двора /подпись/»).	Цзинь, XII-XIII вв.	Шайгинское городище, Партизанский район Приморского края.	Шавкунов, 1993, с. 41, рис. 14.
17.	**Зеркало с пионами.** Круглое, диаметром 21,7 см, ширина бордюра 1см, высота петельки 0,7 см. Декор выполнен тонкими рельефными линиями. Изображены цветы пиона с перевитыми ветвями, возле широкого и плоского бордюра есть кольцо жемчужника.	Ляо, X – XII вв.	Из ляоской могилы в Чжанцзяинцзы张家营子уезда Цзяньпин建平县провинции Ляонин, КНР.	Лю Шуцзюань, 1997, с. 111, рис. 116 А, В.
18.	**Зеркало с цветами.** В форме креста с широкими и короткими концами. Длина и ширина 13,2 см, ширина бордюра 1 см. Петелька маленькая. Снаружи от неё расположено четыре цветка пиона с изогнутыми ветвями, снаружи от цветов украшено пояском жемчужника. Бордюр широкий и тонкий.		Хранится в Музее провинции Ляонин.	Лю Шуцзюань, 1997: 107, рис.108 А, В.
19.	**Зеркало с цветами.** На фрагменте круглого зеркала сохранилось изображение цветка и жемчужного обрамления вдоль бортика. Диаметр 13,2 см, ширина бордюра 1 см.	Цзинь, XII - XIII вв.	Шайгинское городище, Партизанский район Приморского края.	Хранится в фондах ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
20.	**Зеркало с цветами.** Круглое. Диаметр 14,1 см. Тыльная сторона покрыта узором из лиан и цветов и четырех человечков между ними. Техника исполнения декора – контурные линии. На бордюре выбита надпись из семи иероглифов: «左巡院验记官 口» («Проверивший и зарегистрировавший чиновник Левого [столичного] полицейского двора /подпись/»). Бордюр широкий, плоский, гладкий.	Цзинь, XII - XIII вв.	Шайгинское городище	Шавкунов, 1981, с. 103; Ивлиев, 1978, с. 108 – 109..
21.	**Зеркало с бабочками.** Зеркало круглое с маленькой петелькой-носиком. Диаметр 12 см, ширина бордюра 1 см. Украшено двумя кольцами жемчужника возле бордюра и у основания петельки. Эти кольца соединены линиями жемчужника, делящими тыльную поверхность зеркала на четыре сектора. В каждом секторе есть по одной, расправившей крылья для полета бабочке. Бордюр широкий, тонкий, скошенный.	Ляо, X – XII вв.	Хранится в Музее провинции Ляонин, КНР.	Лю Шуцзюань, 1997, с. 101, рис. 98 А,В.

22.	**Зеркало с бабочками.** Круглое, диаметр 10,4 см, толщина бортика 0,54 см, ширина петельки 0,75 см, высота петельки 0,47 см, высота бортика 0,32 см, ширина петельки 0,7 см. Орнаментальное поле разделено линиями, состоящими из жемчужин, на четыре сектора. В каждом помещено изображение бабочки, выполненное рельефными линиями. Бордюр треугольный в сечении. На его наружной грани начеканена цзиньская регистрационная надпись: «肇州司徒司 口» (Управление *сыту* округа Чжаочжоу /подпись/».	Ляо (?)	Ананьевское городище, Надеждинский район Приморского края	Хорев, 2012, с. 84 – 85, 224.
23.	**Зеркало с фениксами.** Круглое с круглой петелькой, диаметр 9,6 см, толщина бордюра 0,22 см. На обратной стороне зеркала два феникса (самец и самка) летят в одном направлении вокруг петельки. Изображения фениксов сделаны мелким рельефом, линии грубые, бордюр широкий, без орнамента.	Ляо, X – XII вв.	Найдено в ляоской могиле в деревне Хулуньцунь囫囵村уезда Шанъи尚义县провинции Хэбэй, КНР	Лю Шуцзюань, 1997, с.126, рис.134
24.	**Зеркало с фениксами.** Круглое с петелькой-держателем в виде мостика. Диаметр 20,1 см, толщина бордюра 0,4 см. Вокруг держателя по кругу в одном направлении летят два феникса. Изображения фениксов сделаны мелким рельефом, линии грубые, бордюр широкий, без орнамента.	Ляо, X - XII вв.	Найдено в Сигоу西沟поселка Бушиин布施营волости Гэдаинсян疙瘩营乡уезда Лунхуа隆化县провинции Хэбэй, КНР	Лю Шуцзюань, 1997, с. 126, рис.135.
25.	**Зеркало с фениксами.** Медальоновидное зеркало. Имеет шестилопастную форму, при этом каждая лопасть выполнена в виде фигурной скобки. Вместо центрального держателя есть петелька-дужка на боку зеркала. Диаметр изделия 5,2 см. В левом верхнем секторе выгравированы иероглифические знаки. Отливка грубая и некачественная. Изображены две летящие друг за другом птицы (Э,В.Шавкунов определил их как драконов).	Цзинь, XII – XIII вв.	Шайгинское городище, Партизанский район Приморского края	Шавкунов, 1990, с. 131, 278.
26.	**Зеркало с фениксами.** В форме восьмилепестковой розетки. Диаметр 20,7 см. Орнаментальное поле разделено на три кольцевые зоны. В первой помещена 16-лепестковая розетка с петелькой-держателем в центре. Вторая включает в себя пространство между двумя двойными рельефными линиями. Здесь помещены рельефные изображения летящих друг за другом фениксов, отделенных друг от друга двумя цветами. Все пространство заполнено растительным орнаментом. Третья зона – восемь лепестков в которых помещено по два рельефных иероглифа: **鑄銅為鑑如月團圍脩爾顏皃整爾衣冠**: «Расплавив бронзу, сделал зеркало, подобное луне в полнолуние, чтобы вы следили за красотой своего лица и приводили в порядок вашу одежду и шапку». Бордюр широкий и плоский. На бордюре выгравирована регистрационная надпись**銅院口**: «Бронзовый двор [подпись]».	Цзинь, XII-XIII вв.	Ананьевское городище, Надеждинский район Приморского края	Шавкунов, Конькова, Хорев, 1987, с. 90-92.
27.	**Зеркало с играющими людьми.** Круглое с круглой петелькой, диаметр 12,5 см. Орнаментальное поле разбито на четыре сектора линиями, состоящими из мелких выпуклых точек. Из таких же точек состоит окружность, обрамляющая центральную петельку. В секторах помещены друг против друга по паре людей, которые либо играют на музыкальных инструментах, либо играют в какую-то игру. Между человечками помещен маленький цветочек из пяти выпуклых точек. Бордюр ножевидный.	Ляо, XI-XII вв.	Найдено на городище Шитоучэнцзы石头城子古城в уезде Фуюй扶余县провинции Цзилинь, хранится в Музее района Байчэн白城地区провинции Цзилинь, КНР.	Лю Шуцзюань, 1997, с. 140, рис. 152.

28.	**Зеркало с играющими людьми.** Фрагмент круглого зеркала. Размеры 11,9 х 6,5 х 0,8 см. Толщина зеркала 0,22 см, ширина бордюра 0,7 см, высота бортика 0,6 см. Орнаментальное поле разбито на четыре сектора линиями, состоящими из мелких выпуклых точек. Из такого же жемчужника состоит окружность, обрамляющая центральную петельку. В сохранившихся секторах помещены друг против друга по паре людей, которые играют в какую-то игру. Между человечками помещен маленький цветочек из пяти выпуклых точек. Бортик узкий, треугольный в сечении.	Ляо, XI – XII вв. (?)	Место находки не известно.	Хранится в фондах Музея ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.
29.	**Зеркало с изображением листа лотоса.** Круглое, диаметр 11,7 см. Петелька маленькая, коническая. Высота ее 0,5 см. Орнаментальное поле разделено на три концентрических круга. Во внутреннем круге, вокруг петельки-держателя расположены 10 цветочных лепестков, образованных рельефными линиями. В следующем круге в той же технике выполнены еще 18 лепестков, каждый из которых имеет дополнительную деталь в виде короткой прожилки посередине. В этом кольце лепестки слегка «закручены» по часовой стрелке. В последней окружности расположены 40 коротких рельефных линий, которые изображают лист лотоса. Они еще более «закручены» в том же направлении и это придает изображению динамизм. Бордюр узкий, ножевидный.	Ляо, XI – XII вв. (?)	Место находки не известно.	Хранится в фондах музея ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток.
30.	**Зеркало с изображением листа лотоса.** Круглое, диаметр 10,5 см, толщина 0,5 см, диаметр петельки 1,1 см, высота её 0,65 см, ширина бордюра 0,15 см. От петельки изогнутыми лучами расходятся тонкие и частые жилки, соединяющиеся с краем листа в местах его вогнутостей. Бордюр ножевидный.	Ляо, XI – XII вв. (?)	Найдено в районе с. Дмитриевка, Черниговского района Приморского края.	Шавкунов, 1992, с. 37, рис. 10.
31.	**Зеркало с изображением листа лотоса** Круглое, тонкое со слегка выпуклым внешним бордюром. Снаружи от петельки лепестки цветка сделаны в виде лучей, вытянувшихся наружу. Внутренний круг сделан в виде листа лотоса, наружный в виде стилизованных маленьких лепестков лотоса.	Сун, X – XII вв.(?)	Могила № 8 в Сядалун下大垅города Чанша长沙, КНР	Лю Шуцзюань, 1997, с. 154, рис. 173
32.	**Зеркало с изображением листа лотоса.** Круглое, диаметр 10,6 см, толщина бордюра 0,6 см, высота петельки 0,6 см. От петельки изогнутыми лучами расходятся тонкие и частые жилки, они сближаются с валиком у бордюра. Бордюр кинжаловидный. Тело зеркала толстое и тяжелое.	Ляо, XI – XII вв.	хранится в Музее провинции Ляонин.	Лю Шуцзюань, 1997, с. 159, рис.181 А,В.
33.	**Зеркало с играющими мальчиками.** Круглое, в форме 8-лепескового цветка мальвы, диаметр 16,2 см, ширина бордюра 0,8 см. Имеет маленькую петельку. Основное орнаментальное поле отделено от узкого и плоского бордюра кольцом жемчужника и 8 цветами, образованными точками. Основу декора составляют рельефно изображенные симметрично расположенные 4 играющих мальчика. Зеркало тонкое.	Ляо, X – XII вв.	Найдено в ляоской могиле в Шанцзягоу Маньтоуинцзы уезда Чаоян провинции Ляонин.	Лю Шуцзюань, 1997, с.120, рис.125
34.	**Зеркало с играющими мальчиками.** Круглое, диаметром 11,9 см. Орнаментальное поле разделено кольцевым валиком на две неравные по площади зоны. В первой зоне изображены бабочки. Во второй зоне помещены изображения детей и цветов. На бордюре выбита надпись «信州武昌县» («Уезд Учан округа Синьчжоу»). Бордюр широкий, плоский.	Цзинь, XII – XIII вв.	Шайгинское городище	Шавкунов, 1981, с. 103; Ивлиев, 1978, с. 106 - 107.

Литература

Бродянский Д.Л. Бронзовое зеркало с мифологическим сюжетом из Краснояровского городища // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. – С. 79 – 83.

Ван Чуньлэй. Сунские и цзиньские бронзовые зеркала с декором с изображениями людей, хранящиеся в Музее Верхней столицы Цзинь // Бэйфанвэньу. – 2003. – № 1. – С. 45–47 (王春雷. 金上京博物馆藏宋金人物纹饰铜镜 // 北方文物. 2003年第1期) (на китайском языке).

Ивлиев А.Л. О надписях на бортиках средневековых бронзовых зеркал // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1978. – С. 104-117.

Ивлиев А.Л., Крупянко А.А. О находке клада металлических изделий в долине р. Зеркальной (Кавалеровский район, Приморский край) // Россия и АТР. – 2012. – № 3. – С. 118-125.

Кун Сянсин. Иллюстрированная энциклопедия бронзовых зеркал Китая. Пекин: Изд-во Вэньу. 1992. 952 с. (孔祥星 著. 中国古代铜镜图典. – 北京: 文物出版社, 1992) (на китайском языке).

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. – М.: Наука, 1975. – 167 с.

Лю Шуцзюань. Исследование бронзовых зеркал эпохи Ляо. Шэньян: Шэньян чубаньшэ, 1997. – 195 с. (刘淑娟 著. 辽代铜镜研究. 沈阳: 沈阳出版社, 1997) (на китайском языке).

Хорев В.А. Ананьевское городище. – Владивосток: Дальнаука, 2012. – 340 с.

Шавкунов Э.В. Клад чжурчжэньских зеркал // Труды Дальневосточной археологической экспедиции. Т.1. Древние культуры Дальнего Востока. – М.-Л., 1960. [Материалы исследования по археологии СССР. № 86]. — С. 231-237.

Шавкунов Э.В. Описание бронзовых зеркал из Приморского края и их датировка // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981. – С. 93-110.

Шавкунов Э.В. О семантике декора из четырехлепестковых розеток на средневековых металлических зеркалах // Древний и средневековый Восток. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. Ч. 2. – С. 352- 363.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII – XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. – 282 с.

Шавкунов Э.В. Тайны древних зеркал. – Владивосток: Дальпресс, 1992. – 52 с.

Шавкунов Э.В., Конькова Л.В., Хорев В.А. Бронзовые зеркала Ананьевского городища // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. – С. 80 – 95.

Schulten C. Ancient Chinese Mirrors and their Legacies in the Tang (AD 618-906), Liao (AD 907-1125) and Song (AD 960-1279) periods.– Merton College, 2000. – 242 p.

Д.Д. Васильев[84]

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ НАДПИСИ И ПЕТРОГЛИФЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПЕРИФЕРИИ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА

Несмотря на краткость тюркских рунических надписей Южной Сибири, они содержат некоторые сведения или упоминания об участии их героев в событиях, известных по орхонским «каганским» текстам или иноязычным источникам. Сообщения в эпитафиях о подвигах отдельных воинов, маршрутах их походов, обозначение мест сражений, сведения о противниках и союзниках позволяют существенно дополнить событийную историю, как тюркского каганата, так и его отношений с окружающим миром.

Анализируя в комплексе надписи и сопутствующие изображения, можно существенно расширить возможности источниковедческого осмысления памятников периферии тюркского каганата и Государства енисейских кыргызов, особенно в отношении персоналий участников реальных исторических событий.

Vasilyev Dmitry

OLDTURKIC INSCRIPTIONS AND PETROGLYPHS OF SOUTHERN SIBERIA AS A SOURCE ON HISTORY OF THE PERIPHERY OF TURKIC KHAGANATE

Despite the brevity Turkic Runic inscriptions of Southern Siberia, they contain some data or mentions of participation of their heroes in the events known from Orkhon region «Khagan»'s texts or sources in another language. Messages in epitaphs about feats of separate warriors, routes of their campaigns, a designation of places of battles, data on foes and allies allow to add essentially details to the history of both Turkic Khaganate and its relations with world around.

Analyzing a complex of inscription and accompanying images, it is possible to expand essentially possibilities of source study and understanding of monuments of periphery of the Turkic Khaganate and the State of Yenisei Khyrgyz, especially concerning a personalia of participants of real historical events.

Несмотря на краткость тюркских рунических надписей Южной Сибири, они содержат некоторые сведения или упоминания об участии их героев в событиях, известных по орхонским «каганским» текстам или иноязычным источникам. Сообщения в эпитафиях о подвигах отдельных воинов, маршрутах их походов, обозначение мест сражений, сведения о противниках и союзниках позволяют существенно дополнить событийную историю, как тюркского каганата, так и его отношений с окружающим миром.

Первые ценные наблюдения подобного рода были сделаны еще В.В.Радловым и В.В.Бартольдом, однако последующие публикация новонайденных текстов не привлекли достаточного внимания более поздних исследователей в этом направлении.

[84] ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Дмитриевич – зав. Отделом истории Востока Института востоковедения РАН. E-mail: dmivas46@mail.ru

Мемориальный характер «вечных» надписей на скалах в сочетании с изобразительными сюжетами явно отражает стремление их авторов оставить потомкам воспоминание об определенном событии в жизни социума. Однако только письменных возможностей для этого оказывается иногда явно недостаточно. Особенно наглядные примеры такого рода могут быть названы среди эпиграфического наследия государства енисейских кыргызов и верхнее-енисейских племен чиков и азов. При этом, практика мемориальной записи и изображений общественно значимых событий не была единообразной на обширной территории Южно-Сибирского региона. Отчетливо выделяются графические особенности эпиграфики Улуг-Хемской котловины, Абакано-Уйбатской степной зоны, Алтая (для последнего можно дополнительно выделить тонко-гравированные Чуйско-Катунские и рельефно высеченные петро-эпиграфические комплексы монгольского Алтая).

Сейчас, пожалуй, никто из тюркологов не располагает полной информацией о всем фонде памятников тюркской рунической письменности. Известны музеи, где хранятся крупные коллекции тюркской руники, но значительно сложнее собрать сведения о местах хранения отдельных предметов с надписями, не говоря уже о тех надписях, которые остаются на местах первоначального сооружения. Казалось бы, многие надписи уже давно известны и неоднократно издавались, но, тем не менее, критические переиздания надписей продолжаются на протяжении более чем столетнего периода их текстологического исследования. Каждое критическое переиздание вносит что-то новое в осмысление текста, порождает новые гипотезы и стимулирует дискуссию, что весьма позитивно для всестороннего изучения эпиграфического памятника как историко-филологического источника. Иной раз, впрочем, в пылу дискуссии по поводу перевода отдельного фрагмента текста или в процессе модернизации языка перевода, не учитывается тот фактор, что первые по времени издания эпиграфических памятников основывались на оригиналах, которые в то время еще сохраняли надпись в более полном виде, менее поврежденную и имели непременную для изданий такого рода факсимильную или фотографическую копию. Поэтому коррективы, вносимые в эйфории нового видения текста, меняют чтение определенного фрагмента надписи, но при этом часто и заслоняют то, что накапливалось от первого издания к переизданиям в так до конца и незавершенном процессе воссоздании критического текста памятника.

Вместе с тем, краткость и орфографическая вариативность тюркской рунической эпиграфики, трудности (по этой причине) ее дешифровки и прочтения делают особенно важными для текстологических реконструкций сопоставления текстов и выявление аналогий на различных уровнях: аллографическом, морфологическом, лексическом и др. При этом, исследователь должен иметь возможность достаточно быстрого поиска и отбора необходимого материала из всего наличного фонда памятников. Эти исследовательские проблемы могут быть

разрешены только при наличии гипертекстовой базы данных или электронного каталога всех известных памятников тюркской рунической письменности.

В основу электронного каталога была положена гипертекстовая база данных, которую составили исследования примерно 100 тюркских рунических надписей из коллекций музеев Минусинска, Абакана, Красноярска, Кызыла и Горно-Алтайска, а также около 50 памятников, остающихся на местах первоначального сооружения. Кроме этого учтены также отдельные надписи на камнях, металлических и костяных предметах, хранящиеся в научно-исследовательских и краеведческих учреждениях. Основную часть составили эпиграфические памятники с текстами высеченными на каменной поверхности.

Структура базы данных для памятников тюркской руники Южной Сибири с самого начала строилась на многослойной гипертекстовой основе и на исходном формуляре через ключевые слова, выделенные иным цветом, можно было выйти в индексы терминов и понятий, а также в персоналии. По мере наполнения базы данных и с использованием ее гипертекстовой многослойности в качестве инструмента, стало возможным создание электронного каталога коллекций памятников.

Основной проблемой, возникшей при подготовке электронного каталога памятников тюркской рунической письменности, стало создание электронных копий объектов, имеющих различные формы, параметры, степень сохранности, технику исполнения и ряд других характеристик.

Большинство информационных блоков, составлявших первоначальную базу данных, составили, так называемое, ***Стандартное поле*** каталога. В этом поле собрана информация о типе и наименовании памятника, размерах и материале, сохранности, условиях и авторе его обнаружения, истории изучения и перемещениях, современном местонахождении, библиографические сведения, если он публиковался.

Второе информационное поле составили собственно ***Электронные копии*** памятников. При создании электронных копий тюркской руники учитывался более чем столетний источниковедческий опыт изучения этих памятников. Существующие у разных исследователей многочисленные разночтения одного и того же текста и отдельных фрагментов также потребовали гипертекстовой многослойности. Поэтому при создании электронных копий тюркской руники мы старались создать в каталоге как бы исследовательскую ретроспективу каждого памятника. Здесь демонстрируется вид первоначального сооружения на местности, план археологических раскопок, музеефицированный общий вид памятника, общий вид текста (иногда – по отдельности на каждой грани стелы), увеличенное изображение для того, чтобы исследователь мог особенно тщательно ознакомиться с определенным фрагментом текста и, наконец,- графическая реконструкция. Следует отметить, что исходным материалом при создании электронных копий могли стать только высококачественные фото или факсимильные копии, выполненные непосредственно с оригиналов. Выбор археоло-

гических схем и графических реконструкций основывался на архивных фондах разных исследователей, работавших на протяжении столетия с тем или иным памятником в оригинале.

Третье информационное поле – ***Текст.*** В основу этого поля положена текстологическая база данных, содержащая в отношении эпитафий, например, следующие рубрики:

1. Имя героя надписи (родовое и присвоенное “геройское”)
2. Возраст в момент определенных событий и гибели
3. Этно-родовая принадлежность
4. Именитые сородичи
5. Воинский или должностной титул
6. Имущественные характеристики
7. Родовые территории
8. Заслуги и подвиги
9. Другие этнонимы (враги и союзники)
10. Другие топонимы, маршруты походов
11. Тамговая геральдика
12. Надписи на других языках

Четвертое информационное поле, условно названное нами ***Полем комментариев,*** связано в основном с результатами научного освоения памятников. Здесь приводятся варианты чтения данного текста различными исследователями. Причем также используется гипертекстовая многослойность для выделения фрагментов, по-разному интерпретированных различными авторами. Приводятся датировки памятника, которые, как показывает история изучения тюркской руники Южной Сибири, – также противоречивы у различных исследователей.

Включены сюда и палеографические характеристики текстов, и дополнительные сведения, связанные с обстоятельствами находки, археологических раскопок или исторического исследования текста. Примером может стать, по-видимому, трофейный меч хазарской работы с арабской куфической надписью, извлеченный из курганного погребения в Туве, на котором была установлена стела с тюркской рунической надписью, содержащей имя героя.

Даже самые первые результаты систематизации в виде электронного каталога позволили установить взаимосвязи между отдельными памятниками и получить некоторые данные, которые было невозможно выявить путем традиционного источниковедческого исследования. Например, установить генеалогические связи между героями древнетюркских текстов Южной Сибири. Это позволило в определенной степени ввести героев саяно-алтайских эпитафий в качестве реальных действующих лиц в канву событий политической истории Тюркского каганата.

Последний период в тюркской рунологии характерен полемикой между лингвистами, археологами и историками по поводу вариантов чтения текстов, их реконструкций, датировок и этнической принадлежности. Для тюркской рунологии этот процесс предсказывался нашими предшественниками-тюркологами

еще в первой половине нашего столетия и он является объективным следствием развития этой научной отрасли. Тем не менее, как и всякая полемика, она имеет одновременно как новаторский, так и деструктивный характер. Благодаря этому, среди отвергаемых прежних мнений, могут пропасть и крупицы истины. Поэтому только создание электронного каталога памятников тюркской рунической письменности (сначала по регионам их концентрации, а впоследствии и обобщенного) позволит как решить спорные источниковедческие и текстологические проблемы, так и вывести эту достаточно консервативную отрасль тюркологии на уровень методики, отвечающей современным научным требованиям.

Создание электронного каталога в идеальном виде процесс весьма длительный и трудоемкий. И надо отдавать себе отчет в том, что, также, как например и при составлении Корпуса эпиграфических памятников, это вряд ли возможно, если использовать только материалы одного- двух исследователей. Электронный каталог таким образом может как использоваться, так и пополняться не только инициаторами проекта, но и другими тюркологами и тем самым представляет собой основу для плодотворного научного сотрудничества в фундаментальной отрасли тюркологии.

Несмотря на довольно большое количество публикаций, содержащих материалы и попытки анализа тюркской родовой тамговой геральдики, факты существования которой отмечены исследователями в весьма длительном хронологическом диапазоне примерно с середины первого тысячелетия н.э. и вплоть до настоящего времени, этот массив памятников, связанных с историко-культурной традицией кочевых цивилизаций Евразии, можно считать наименее изученным разделом тюркского источниковедения.

Практика изображения родовых тамг фиксируется на нескольких типах объектов, которые могут быть функционально выделены следующим образом:

– тамги обладания (территорией, имуществом, отдельным предметом);
– тамги наследования;
– тамги персонификации;
– тамги присутствия.

Первую группу, жизненно наиболее значимую, составляют тамги, маркирующие родовые пастбищные и обрабатываемые территории, пограничные, тамги-клейма на скоте и имуществе, тамги-метки владельца на предметах обихода.

Вторая группа имеет несколько дискуссионный характер, поскольку исследователями высказывались различные точки зрения на константность и эволюцию тамг в связи с преемственностью поколений. Высказывалось мнение, что наследующие родовую собственность владетели добавляли к исходному родовому тамговому символу новую деталь. Однако текстологический анализ древнетюркских эпитафий на стелах с тамгами (например, правобережья Улуг-Хема) подтвердил неизменность тамгового символа у прямого наследника родовых территорий и обнаружил его эволюцию у родственников, не имевших права на майорат.

Третья группа, в большинстве своем, имеет мемориальный характер и представлена тамгами, дополняющими эпитафийный текст, формула которого (имя-титул-род-прижизненныедеяния-скорбь-тамга) предусматривает этот компонент как этно-родовую и личностную атрибуцию.

К четвертой группе могут быть отнесены тамги, которые гравировались посетителями культовых объектов, путниками в определенных местах следования, охоты, жертвоприношения, а также одновременно представителями нескольких родов в моменты совместных знаменательных событий или при заключении договоренностей и союзов.

Семантика тамг, являющихся одновременно компонентом надписи (иногда в виде отдельной буквы) и пиктограммой, делает их маргинальным петроэпиграфическим памятником. Тамги всех четырех групп, кроме того, могут соседствовать с петроглифами, композиционно дополняя друг друга.

Особый интерес представляют в этом отношении наскальные комплексы, имеющие в репертуаре одновременно рисунки, тамги и надписи, типа скалы Хая-Ужу на Хемчике, горы Тепсей и Сулекской писаницы на Среднем Енисее, писаницы Ялбак-Таш на 731 км Чуйского тракта и ряда других. Факторы композиционного, идеографического и семантического характера явно выделяют здесь тамги в особый изобразительный жанр и придают им свою особую роль в общем репертуаре памятника. Анализ тюркской тамговой символики именно в составе наскальных петроглифических комплексов (и в некоторых случаях поверх петроглифических изображений на каменных сооружениях, а также, например, типологически близкими рисунками на одежде и коврах различного типа) позволяет исследовать тамгу как явление мировоззренческой и социальной культуры.

В восточно-европейской части ареала раннесредневековых тюркских кочевий в ряде случаев весьма перспективным может стать коррелятивный анализ тюркских, славянских и северо-кавказских родовых клейм и тамг, как источника по истории взаимодействия евроазиатских культур.

Анализируя в комплексе надписи и сопутствующие изображения, можно существенно расширить возможности источниковедческого осмысления памятников периферии тюркского каганата и Государства енисейских кыргызов, особенно в отношении персоналий участников реальных исторических событий.

Н.А. Клюев[85], И.Ю. Слепцов[86], А.Л. Ивлиев[87]

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА КОКШАРОВКА-8)

Статья посвящена анализу результатов исследований уникального погребального комплекса эпохи средневековья в Приморье. Получены данные, указывающие на широкие культурно-исторические контакты населения региона в эту эпоху.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, погребальный комплекс, культурно-исторические контакты, Приморье.

Kluyev N.A., Sleptsov I.Y., Ivliev A.L.

CULTURAL-HISTORICAL CONTACTS OF MEDIEVAL POPULATION OF PRIMORYE (ON MATERIALS OF KOKSHAROVKA-8 FUNERAL COMPLEX)

The article is devoted the analysis of results of researches of a unique funeral complex of an epoch of the Middle Ages in Primorye. The data specifying on wide cultural-historical contacts the population of region during this epoch are obtained.

*Key words: a*rcheology, Middle Ages epoch, funeral complex, cultural-historical contacts, Primorye.

Введение

В изучении эпохи средневековья Приморья долгое время объектами исследований оставались городища и, в меньшей степени, селища. Находки могильников были редкими. Это, прежде всего, относится ко времени существования государства Бохай (698–926 гг. н.э.). В числе последних работ на таких памятниках следует отметить исследования бохайской группы погребений, осуществленные Е.И. Гельман в окрестностях Краскинского городища [Гельман и др., 2014]. Между тем, необходимость в изучении могильников не вызывает сомнений, так как не только позволяет судить о погребальной практике средневекового населения Приморья, но и в ряде случаев получать археологические материалы, указывающие на культурно-исторические контакты этого населения. Одним из таких объектов является погребальный комплекс Кокшаровка-8, исследования которого были начаты в 2012 г. [Клюев, Слепцов, Саранцева, 2014].

[85] КЛЮЕВ Николай Александрович – кандидат исторических наук, зав. Сектором первобытной археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: kluyev2006@yandex.ru

[86] СЛЕПЦОВ Игорь Юрьевич – младший научный сотрудник Сектора первобытной археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: igorslep@yandex.ru

[87] ИВЛИЕВ Александр Львович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Сектора средневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: ivliev@mail.primorye.ru

Основные итоги исследований погребального комплекса Кокшаровка-8

Памятник исследовался в 2012 – 2014 гг. Курган расположен на одной из пойменных возвышенностей правого берега р. Уссури, являющейся левобережной террасой заросшей старицы (Чугуевский район Приморского края). Находится в 4 км на север-северо-восток от с. Кокшаровка и в 0,6 км на северо-запад от северных ворот городища Кокшаровка-1. Насыпь кургана высотой 1,1-1,35 м округлой формы, ближе к овальной. Ее средние размеры – 18×15 м в верхней части и 20×22 м – у основания. Площадь кургана составляет около 380 кв.м.

Исследования кургана после снятия его земляной насыпи выявили оригинальное каменное сооружение, не имеющее аналогий в средневековой археологии Приморья. Сооружение представляет собой прямоугольную платформу размером 15,2×16,2 м, ориентированную практически по сторонам света, сложенную из гранитных плит с остатками возвышающейся квадратной надстройки в центре. Западная, северная и восточная стенки платформы вертикальные. Южная часть платформы, в отличие от них, представляет собой своеобразную пологую и широкую ступень.

На платформе сохранились остатки каменной ограды, которой с востока, севера и запада была обнесена центральная квадратная надстройка.

Несмотря на значительные разрушения погребального комплекса, осуществленные грабителями еще в эпоху средневековья, сохранность отдельных его элементов позволила восстановить не только некоторые конструктивные особенности, но и последовательность этапов строительства (рис. 1).

Изначально сооружение представляло собой своеобразную прямоугольную конструкцию размером 9,2×8,2 м, возведенную над местом погребения, с незначительно возвышающейся по периметру надстройкой, ширина стен которой составляла около 1 м. Длина стен надстройки, вероятнее всего, равнялась длине сторон сооружения. Высота сооружения над древней дневной поверхностью не превышала 0,65 м. О том, что это была законченная конструкция, свидетельствуют несколько фактов: особенности кладки, с применением своеобразных угловых «замков», для чего использовались не только камни в виде подквадратных и ромбических плит, но и длинные каменные балки; возвышающаяся надстройка была возведена в единой связке с основанием; по периметру первичного сооружения сохранился каменный водоотбойник т.н. саньшуй – широко распространенный в Юго-Восточной Азии архитектурный элемент, характерный для законченных конструкций; сооружение со временем просело в слой гумусированного аллювия, на котором было возведено, на глубину 5-7 см.

Собственно погребение было осуществлено в углублении в толще аллювия. «Классической» погребальной камеры обнаружено не было. Ложем погребения служила подпрямоугольная плита (67×79 см), покрывавшая дно углубления. Толщина плиты 14 см. На плите сохранились остатки тлена и пятна охры. Стенами «погребальной» камеры служили плиты нижнего дополнительного ряда, который присутствует только под центральной частью сооружения вокруг места

погребения. Эти же плиты служили опорой для массивной крышки размером 86×115 см и толщиной 19 см. Над крышкой погребения была уложена еще одна плита в виде многоугольника, совпадавшая по глубине залегания с рядом плит, слагающих подошву погребального комплекса.

Вторым этапом строительства этого комплекса явилось обустройство внешнего пояса из гранитных плит, увеличившего периметр конструкции до размеров 12,2×16,2 м.

«Пояс» пристраивался вокруг центральной конструкции. Одновременно с его строительством была перестроена и видоизменена возвышающаяся надстройка. Ширина ее стен была увеличена до 1,74 м, а их высота – до 0,5 м. Надстройка стала занимать центральное положение в обновленной конструкции.

Стоит отметить, что на этом этапе у южного края сооружения, очевидно, стоял ряд колон, о чем свидетельствуют сохранившиеся базы и углистые остатки древесины. Позже к южной границе сооружения была пристроена пологая каменная ступень шириной до 2,8 м, увеличившая общую ширину сооружения до 15,2 м.

Следующим этапом достройки погребального комплекса стало возведение каменной стенки из крупнообломочного скальника, обрамляющей с запада, севера и востока центральную надстройку.

После постройки каменного забора над сооружением, очевидно, и была возведена земляная насыпь. Вероятно, что первоначально она не полностью перекрывала курган, оставляя открытыми верхнюю часть забора, квадратную камеру в центре, а также каменную ступень с юга.

Завершала строительство черепичная крыша. На данном этапе остается открытым вопрос была ли она сплошной кровлей над квадратной камерой или венчала каменный забор, что более предпочтительно. В пользу этого говорит как расположение черепицы, так и остатки сгоревших деревянных конструкций, обнаруженных вдоль внешнего периметра каменного основания кургана с его западной, северной и восточной сторон, которые могли быть опорными столбами, поддерживавшими черепичную кровлю.

Столь подробное описание конструктивных особенностей погребального комплекса, выявленного на памятнике Кокшаровка-8, не случайно. Ничего подобного ранее в Приморье не встречалось. Для определения характера раскопанного сооружения представляется логичным обратиться к подобным материалам средневековой эпохи соседних территорий. Ближайшими по времени и месту являются погребальные сооружения Бохая, представленные серией могильников аристократии и членов царского рода. К настоящему времени известны четыре места, где находились мавзолеи бохайских правителей, либо могилы членов правящего рода. Это: могильник Людиншань в уезде Дуньхуа провинции Цзилинь, могильник Саньлинфэнь в городском уезде Нинъань провинции Хэйлунцзян, погребения в дер. Хэнаньтунь и могильник Лунхай на горе Лунтоушань в городском уезде Хэлун Яньбяньского автономного

национального корейского округа провинции Цзилинь (все – на территории КНР) [Лю Сяодун, 2012]. Больший интерес для нас представляют погребения могильника Людиншань. Здесь встречаются наземные каменные склепы. Особенно интересна могила № 5 первого района Людиншани. Это могила с каменным склепом, сооруженным на выровненной на склоне горы площадке. Площадка оконтурена по краям однослойной кладкой камней. С юга к площадке примыкают еще две оконтуренные каменными кладками одинаковые с площадкой по ширине террасы, образующие ведущие к могиле ступени. Могильный склеп построен в центре площадки с отклонением к северу. Он не углублен в землю, а наоборот его пол слегка возвышается над поверхностью земли вокруг могилы. Стены склепа имеют наружную и внутреннюю каменные кладки из базальтовых плит, а пространство между кладками заполнено землей, перемешанной с камнями. Могильная камера прямоугольная в плане. Две поставленные у восточной и западной стен большие каменные плиты образуют ворота в склеп [Институт археологии провинции Цзилинь …, 2009; Бохайские погребения на горе Людиншань …, 2012, с. 119-120]. Данное сооружение отличается от кокшаровского тем, что ступени с юга ведут не на вершину каменного склепа, а к его входу. Стена наверху кокшаровского сооружения образована сплошной кладкой из плит, а не состоит из наружной и внешней кладок с каменно-земляным заполнением между ними.

Другой близкой к кокшаровской конструкцией являются каменные платформы, обнаруженные на могильниках Людиншань и Хунцзуньюйчан (городской уезд Нинъань, провинция Хэйлунцзян, КНР). На могильнике Людиншань найдено 12 каменных платформ.

Из всех платформ, сложенных однослойной вымосткой грубого камня, выделяется платформа № 11. Своим устройством она напоминает кокшаровское сооружение. В ее конструкции есть внутренняя и внешняя каменные стены, на западной и южной сторонах еще пристроена низкая платформа в виде длинных полос. В целом, похоже, что она расширялась в два или три приема [Бохайские погребения на горе Людиншань …, 2012, с. 170-171].

Платформы могильника Хунцзуньюйчан, где их обнаружено и раскопано 7 штук, имеют такие же размеры, как и на могильнике Людиншань. Их особенностью является наличие сложенной в несколько слоев каменных плит каменной стенки-бордюра с ровным наружным краем. На некоторых платформах прослежены прямоугольные котлованы строений глубиной до 0,2 м иногда со следами столбовых ям, а также следы оградок в утрамбованной земле поверхности платформы [Нинъань Хунцзуньючан …, 2009, с. 508-533].

Рассмотренные платформы, не будучи полностью идентичными кокшаровскому сооружению, обладают рядом сходных с ним черт.

При раскопках погребального комплекса Кокшаровка-8 был найден археологический материал, включающий керамику, в том числе глазурованную, черепицу, изделия из цветных и черных металлов, камня, а также драгоценных

металлов – золота и серебра. Большая его часть имеет прямые аналогии на других памятниках Приморья и, прежде всего, на городище Кокшаровка-1, расположенном рядом с этим археологическим объектом, но также есть артефакты, имеющие, вероятно, импортный характер. На некоторых из них хотелось бы остановиться подробнее. Несомненно, импортными были изделия из глазурованной керамики. При раскопках погребального комплекса было найдено несколько фрагментов таких изделий сорта юэяо, который производился в Южном Китае в провинции Чжэцзян с конца VIII по XI в. Весьма неожиданным выглядит обнаружение на памятнике обломков керамического сосуда со штампованный орнаментом, казалось бы, характерным для покровской культуры Приамурья, но с рисунком декора (вписанные ромбы) типичным для керамики уйгуров Центральной Азии (IX – X вв. н.э.). Также необычны для археологии Приморья и некоторые изделия из металла. Некоторым из них пока не найдено аналогий и за пределами региона. Так, был найден бронзовый браслет, состоящий из двух деталей, представляющих собой узкие дугообразно загнутые пластины с волнистыми краями. Каждому гребню волны соответствует сквозное полукруглое отверстие в пластине. На каждой пластине таких отверстий по 9 в ряду вдоль края. Между рядами полукруглых отверстий имеется три длинных узких прорези, расположенных на линии продольной оси симметрии пластины. Также у одного конца обеих пластин есть два маленьких круглых отверстия, которым соответствуют «волны» меньших размеров на краю. На этом конце пластины имеют замок в виде овального отверстия на одной пластине и заостренного штыря на другой. Штырь замка вставлен в отверстие в пластине и расклепан в нем. На противоположном отверстию замка конце одной из пластин есть широкое овальное отверстие-петля, служившее, скорее всего, для продевания кожаного ремешка. Вероятно, что и на конце второй пластины была подобная петля, впоследствии обломленная. Ее обломленные концы округлены в ходе длительного использования, не исключено, что пластина копировалась отливкой уже при обломленной петле. О том, что браслет сочетался с кожаным ремешком, можно судить по остаткам кожи, найденным вместе с ним. Браслет литой. При этом отливка довольно грубая, возможно, является копией оригинала, оттиснутого в глине. На пластине со стержнем замка одно из полукруглых отверстий слилось при отливке с длинной центральной прорезью, а пять отверстий у одного конца ее не получились сквозными. Длина пластины со стержнем замка 7,4 см, длина второй пластины 7,6 см, ширина обеих пластин 1,8 см, толщина 0,2 см (рис. 2).

Более определенно можно сказать о другом изделии из металла – серебряной сбруйной накладке. Накладка представляет собой относительно узкую пластину, две длинные и две узкие стороны которой имеют форму фигурных скобок, либо лепестков цветка мальвы. Лицевая поверхность состоит из двух смежных граней, стыкующихся под тупым углом. Ребро стыка проходит по продольной оси симметрии бляшки. На этой поверхности есть две симметрично расположенные

выпуклины в форме листа дерева. На внутренней стороне накладки есть четыре расположенные попарно стержня-шпенька, загнутые при креплении к ремню. Внутри накладки сохранились фрагмент кожаного ремня и бронзовая пластина-подложка, крепившаяся к накладке с другой стороны ремня. На пластине сохранились отверстия от двух шпеньков, ее толщина 0,05 см. Длина накладки 4,7 см, ширина ее 1,85 см, толщина 0,65 см (рис. 3).

Серебряная сбруйная накладка своей формой близка к накладкам ляоской эпохи. Однако, как правило, ляоские накладки плоские с рельефным – выпуклым либо прорезным растительным или животным орнаментом, как, например, в датируемой последними десятилетиями X в. ляоской могиле № 1 у деревни Бэйлинцунь уезда Кацзо провинции Ляонин [У Цзячан, 1986, с. 41-42, рис. 11:5], или из могилы рубежа X-XI вв. в Цяньчуанхуцунь города Чаоян провинции Ляонин [Цзинь Фэнъи, 1980, с. 22, 25, рис. 21:3]. Только в одном случае, в раннекиданьской могиле в Байиньтала хошуна Кэцзохоуци города Тунляо Внутренней Монголии найдены 15 сбруйных серебряных накладок такой формы с четырехгранной лицевой стороной [Бэй Хэлин, 2002, с. 16-17, рис. 5:4]. Подобную граненую поверхность имеют и бронзовые накладки из набора конской сбруи, представленного в экспозиции Музея Внутренней Монголии в Хух-хото. В подписи к предметам сообщается, что они собраны в аймаке Силиньголэмэн (это примерно в 270 км на запад от Верхней столицы Ляо в Линьдунчжэне) и датируются танской эпохой, т.е. VII – началом X в. (В этом же музее эти накладки вместе с другими входящими в набор предметами помещены на макете лошади, где они подписаны как тюркское снаряжение коня эпох Суй и Тан, то есть, здесь они датируются еще более ранним временем – VI-VIII вв.). Лицевая поверхность этих накладок, как и кокшаровской, поделена продольным ребром на две косые грани. При этом косые грани как бы обернуты снизу древесным листом, края которого, выступая рельефно над гранями, почти доходят до продольного ребра. Наконец, территориально ближайшей аналогией кокшаровской накладке следует считать находку в северо-западной части галереи дворца № 2 на городище бохайской Верхней столицы Лунцюаньфу. Это две одинаковые бронзовые сбруйные накладки с таким же, как у кокшаровской бляшки внешним контуром и лицевой поверхностью, состоящей из двух наклонных граней, сходящихся на продольной оси симметрии изделия [Городище Верхней столицы Бохая …, 2009, с. 215-216, рис. 156: 5,6]. Верхняя столица Лунцюаньфу была последней по времени столицей Бохая, ее дворцы были заброшены после начавшегося в 929 году перенесения столицы образованного киданями на месте Бохая государства Дундань в Ляоян. Таким образом, время бытования сбруйных блях с контуром в виде цветка мальвы и наклонными гранями на лицевой поверхности можно предварительно определить как VII-X вв.

Заключение

Исследования погребального комплекса Кокшаровка-8 выявили не только его уникальный характер, но и показали, что он, вероятно, был местом погребения

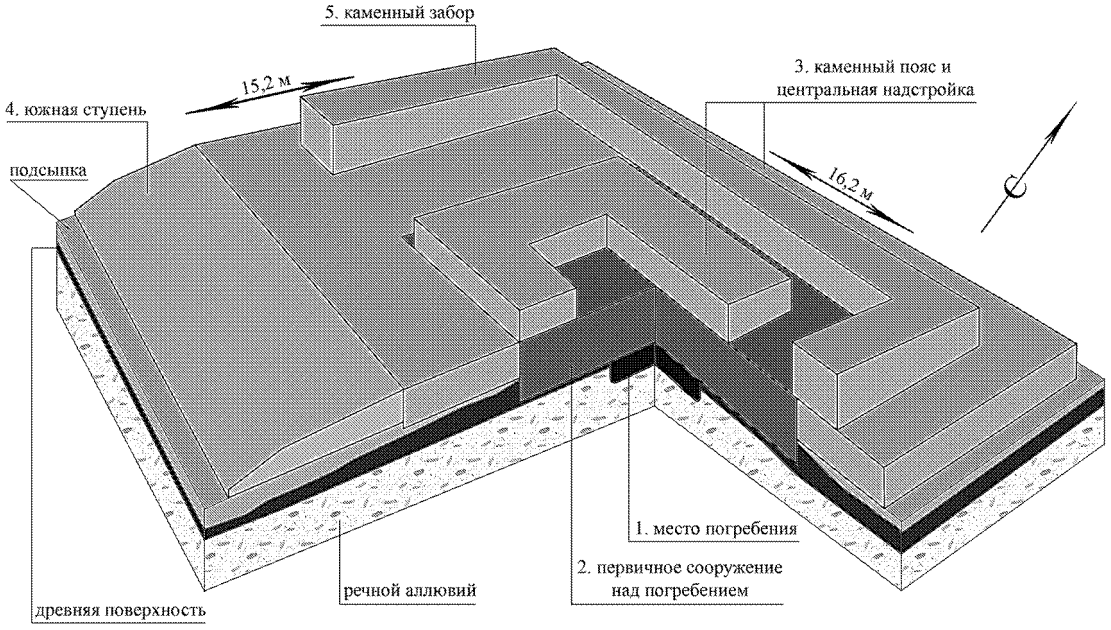

Рис. 1. Принципиальная схема строения погребального комплекса Кокшаровка-8

Fig. 1. The basic scheme of a structure of Koksharovka-8 funeral complex

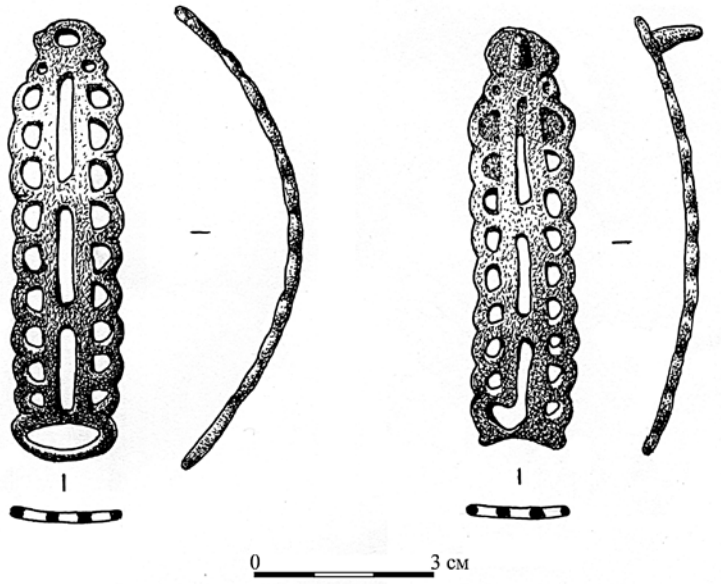

Рис. 2. Погребальный комплекс Кокшаровка-8. Бронзовый браслет.

Fig. 2. Koksharovka-8 funeral complex. Bronze bracelet

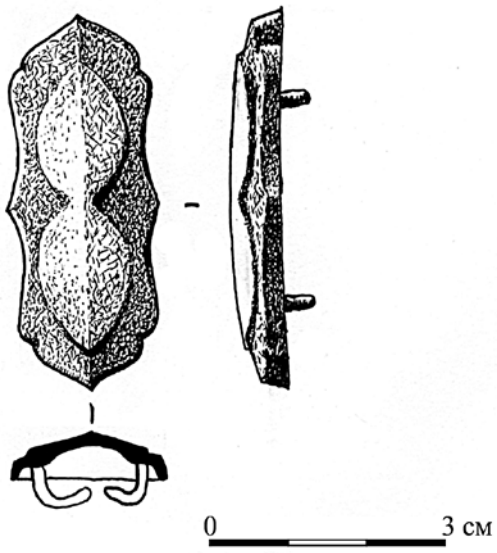

Рис. 3. Погребальный комплекс Кокшаровка-8. Серебряная сбруйная накладка.

Fig. 3. Koksharovka-8 funeral complex. Silver harness decorative plate

весьма знатной персоны. Об этом говорит и монументальность сооружения, и характер погребального инвентаря, большая часть которого, несомненно, была изъята грабителями еще в эпоху средневековья. Памятник имеет непосредственное отношение к городищу Кокшаровка-1, где был обнаружен аналогичный керамический материал. Судя по остаткам большого «дворцового» комплекса, исследованного на городище, оно было крупным административным центром в IX – X вв. н.э.

Обнаруженные на памятнике Кокшаровка-8 артефакты свидетельствуют о наличии культурно-исторических связей населения этого региона не только с близлежащими, но и отдаленными территориями Восточной Азии.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

Литература

Бохайские погребения на горе Людиншань: Отчет об обследовании и раскопках в 2004 – 2009 гг. – Пекин: Изд-во «Вэньу», 2012. – 238 с. – Кит. яз.

Бэнь Хэлин, Музей города Тунляо Внутренней Монголии. Киданьское погребение в Байиньтала хошуна Кэцзохоуци // Нэймэнгу вэньу каогу. – 2002. – № 2. – С. 12-18. – Кит. яз.

Гельман Е.И., Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е., Бессонова Е.А., Залищак В.Б., Зверев С.А. Исследования бохайской группы погребений в окрестностях Краскинского городища // Мультидисциплинарные исследования в археологии. – Владивосток: Дальнаука, 2014. – С. 46-58.

Городище Верхней столицы Бохая: Отчет об археологических раскопках и исследованиях в 1998 – 2007 годах. – Пекин: изд-во «Вэньу», 2009. – Т. 1. С. 1-571; Т. 2. – С. 573-666. – Кит. яз.

Институт археологии провинции Цзилинь, Бюро по охране памятников истории и археологии города Дуньхуа. Краткий отчет о раскопках могильника на горе Людиншань города Дуньхуа провинции Цзилинь в 2004 году // Каогу. – 2009. – № 6. – С. 3-14. – Кит. яз.

Клюев Н.А., Слепцов И.Ю., Саранцева С.Е. Археологический объект Кокшаровка-8 в Приморье: первые результаты исследований // Мультидисциплинарные исследования в археологии. – Владивосток: Дальнаука, 2014. – С. 67-72.

Лю Сяодун. Продолжение исследования царских мавзолеев Бохая и связанных с ними вопросов // Бэйфан вэньу. – 2012. – № 3. – С. 40-49. – Кит. яз.

Нинъань Хунцзуньюйчан: Отчет об археологических раскопках бохайского могильника в 1992 – 1995 гг. – Пекин: Изд-во «Вэньу», 2009. – Т. 1-2. – 621 с. – Кит. яз.

У Цзячан. Ляоские могилы в Бэйлине уезда Кацзо // Ляохай вэньу сюэкань. – 1986. – № 1. – С. 32-51. – Кит. яз.

Цзинь Фэнъи. Ляоская могила в Цяньчуанхуцунь Чаояна провинции Ляонин // Вэньу. – 1980. – № 12. – С. 17-29. – Кит. яз.

Е.В. Ковычев[88]

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ БАССЕЙНА Р. ЧИКОЙ (НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

В статье рассматриваются неопубликованные материалы двух разрушенных погребений VII-VIII вв. и XIII-XIV вв., раскопаных студентами Читинского педагогического института (ныне ЗабГУ) у сел Этытэй и Жиндо Красночикойского района Забайкальского края. Погребения характеризуют различные периоды забайкальского средневековья, указывая на общность исторического процесса в этом регионе.

Ключевые слова: Забайкалье, средневековье, погребения, инвентарь, погребальный обряд.

[88] КОВЫЧЕВ Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ЗабГУ, заведующий Лабораторией археологии и этнографии ЗабГУ. E-mail: kovychevevgenyi@mail.ru

E.V. Kovychev

MEDIEVAL BURIAL OF BASIN R.CHIKOY (UNPUBLISHED MATERIALS)

This article devoted to unpublished materials about two destroyed burials of VIII-IX and XIV-XV centuries. These burials were excavated by students of Chita Pedagogical Institute (now) ZabSU) in villages Etytey and Zhindo in Krasnochikoiskii area on the territory of Transbaikalie. The materials of these burials belong to different periods of the Transbaikal's Middle Ages and they indicate community of the historical process in the region.

Key words: Transbaikalie, Middle ages, burials, inventory, funeral rites.

Введение

В Лаборатории археологии и этнографии Забайкальского государственного университета хранятся материалы двух разрушенных курганных погребений, происходящих из окрестностей сс. Этытэй и Жиндо Красночикойского района Забайкальского края. В Лабораторию, тогда еще Читинского государственного педагогического института, они были переданы студентами В. Лыковым (1980) и А. Лоскутниковым (1986), которые представили, также, описание и схематичные рисунки самих погребений, с указанием деталей погребального обряда и мест расположения обнаруженных вещей. Дополнительно, А. Лоскутниковым были переданы несколько фотографий, подтверждающих достоверность представленных им материалов.

По особенностям погребального обряда и инвентарю было ясно, что погребения принадлежали разным историческим эпохам и разным археологическим культурам, выделенным на территории Забайкалья. С археологической точки зрения, интересным представлялось то обстоятельство, что они происходили из одной замкнутой элементарной геосистемы – Чикойской горно-таежной области, имеющей открытый выход только в сторону Орхоно-Селенгинской лесостепи (остальные направления перекрыты непроходимой тайгой и хребтами), что, естественно, должно было определять вектор основных культурно-исторических связей населения, оставившего эти погребения. Однако, в погребальном обряде и инвентаре памятников, неожиданно фиксировалось сходство как с западно-забайкальскими материалами, так и с восточно-забайкальскими, что требовало своего объяснения. Ниже мы приводим описание данных погребений и инвентаря из них.

Погребение в районе с. Этытэй (табл. I)

Располагалось в 5 км к юго-востоку от с. Этытэй, на крутом склоне сопки (65-70º), заполненном каменными осыпями от разрушающихся скал и в 70 м от р. Малый Этытэй. Выявить его удалось благодаря каменному карьеру, который разрушил большую часть верхнего перекрытия погребения и обнажил отдельные кости скелета, включая часть грудной клетки и черепа. Могильная яма практически не сохранилась и остатки забутовки ее не составляли какой-либо конструкции: камни располагались произвольно, в том числе, непосредственно

на костях скелета. Отдельные из них достигали размеров от 0,5 до 1,0 м. Умерший был погребен на спине, головой на северо-восток, на глубине около 0,7 м, причем верхняя часть скелета по уровню лежала выше (более 10º), чем нижняя. Скелет сохранился фрагментарно: у него не хватало костей рук, некоторых ребер и позвонков. Часть из них была раздавлена камнями и перегнила; кости рук отсутствовали по неизвестной причине (табл. I, 1).

С левой стороны костяка, в районе грудной клетки, лежали остриями вниз 13 железных черешковых наконечников стрел, разных форм и размеров. Большая часть их (8 шт.) имела вид расширяющихся к острию лопаточек-срезней – с прямыми боковыми, или слегка вогнутыми сторонами; 4 наконечника принадлежали к типу бронебойных, имели узкие утолщенные перья и приостренные лезвия; один наконечник имел раздвоенное перо. Здесь же найдено толстое короткое острие (10 см), выполненное из трубчатой кости животного (табл. I , 3). Параллельно им, в сторону бедра и ниже располагался короткий железный палаш, со слегка вогнутой спинкой. Он имел небольшой плоский черешок и овальную гарду. Длина полотна клинка – 44 см, ширина в верхней части – 3 см, в нижней – 1,5 см, толщина – 0,4 см; сечение – вытянуто-треугольное. Нижние края черешка были наварены на полотно клинка сверху с двух сторон. Длина черешка – 4,2 см; ширина в нижней части – 2 см. Края гарды были загнуты ободком в сторону лезвия. Ширина ободка – 1 см; ширина овала гарды – 3,7 и 5 см. Гарда была насажена на черешок и опиралась на небольшие плечики, которые выделены у клинка в верхней части (табл. I, 2).

На тазовых костях погребенного сохранились остатки волосяной веревки, фрагменты железного кресала, с загнутыми кверху концами и небольшой кремень-огниво (табл. I, 1). Справа от таза, острием вниз, лежал широкий железный нож, с плоским черешком и железной пластинчатой накладкой на рукоятку. Она была скреплена с черешком при помощи заклепки в нижней части. К сожалению, накладка сохранилась частично только с одной стороны рукоятки. Спинка ножа – прямая; лезвие скошено по дуге к острию. Конец черешка обломан, а сам он отделен от полотна уступом (0,5 см) только со стороны лезвия. Длина черешка – 4-5 см; ширина – 2 см; длина полотна – 12 см; ширина в верхней части – 2,5 см (табл. I, 4).

Левее ножа была найдена челюсть барана (табл.I, 1), а в верхней части груди, с обеих сторон от костяка, располагались два железных стремени арочного типа. У них почти прямые по форме дужки; расширенные, слегка вогнутые подножки и овальные вырезы для путлищ в верхней, уплощенной части дужек. Несмотря на общую схожесть формы, стремена отличались друг от друга тщательностью проработки (проковки) основных деталей и даже качеством металла, из которого были изготовлены. Одно стремя, поэтому, сохранилось лучше, а другое – хуже. Возможно, речь должна идти о так называемых «парадном» и «рабочем» стременах – как это обычно принято у кочевников. «Парадное» стремя имело округлые в сечении боковые дужки, диаметром около 1 см (табл. I, 5). Оно рас-

полагалось с левой стороны от погребенного, что подтверждает высказанную нами версию. У «рабочего» стремени дужки были прямоугольными в сечении и сужались к подножке до 0,4 – 0,5 см. Ширина между дугами арки в нижней части – 12 см; высота по наружному контуру – 11,5 см (табл. I, 6). Ширина подножки «парадного» стремени – 4,5 см, «рабочего» – 5 см. На черепе и под ним, сохранились фрагменты кожаной шапочки (табл. I, 9). В заполнении могильной ямы, встречались древесные угольки.

К сожалению, материалы из погребения у с. Этытэй были переданы не полностью. Отсутствовали, в частности, фрагменты железного кресала кремень-огниво и 13 железных наконечников стрел, По словам В. Лыкова, наконечники были изъяты студентами строительного отряда, при участии которых производились раскопки данного погребения.

Погребение в районе с. Жиндо (табл. II)

Располагалось на высокой террасе правого берега р. Чикой, у северо-восточной окраины с. Жиндо, в 120 м к северу от висячего моста. Сверху было обозначено однослойной каменной выкладкой овальной формы, наполовину разрушенной склоном горы в нижней, южной части. Размеры выкладки 1,2 х 1,8 м. Сложена из мелких и средних по размерам обломков крупнозернистого песчаника. Наиболее крупные камни окантуривали выкладку по краям (табл. II, 7 – 8). Могильная яма обозначилась сразу же под камнями. Она овальной формы, размерами 0,6 х 1,4 м, вытянута по линии юг-север. В яме, на глубине 0,3 м, обнаружен хорошо сохранившийся костяк ребенка (скорее всего девочки) 10-12 лет.

Ребенок был похоронен на левом боку, в скорченном положении, головой на север, лицом к востоку. Бедренные кости его располагались почти перпендикулярно позвоночнику; берцовые – в результате сгиба коленей, лежали по направлению к ним под острым углом и налегали друг на друга. Левая плечевая кость, располагалась параллельно позвоночнику, а лучевая – под прямым углом. Несколько необычным было положение правой руки. Плечевая кость ее, в отличие от левой, лежала перпендикулярно позвоночнику, а лучевая – была неестественно вывернута в локте и под прямым углом направлена в сторону таза, где пересекалась с лучевой костью левой руки. Создавалось впечатление, что в момент погребения, ноги и руки девочки были связаны в районе коленей, ступней и кистей рук. Возможно, именно поэтому, лицо ребенка было частично развернуто в сторону дна могильной ямы (табл. II, 9).

В районе шейных позвонков погребенной были найдены две тонкие пирофиллитовые бусины, цилиндрической формы, размерами 1,2 х 0,4 см (табл. II, 13). В нижней части позвоночника, прямо на костях, лежала небольшая по размерам, роговая подпружная пряжка прямоугольной формы (табл. II, 11). Длина ее – 4,6 см, ширина в верхней части – 2,1 см, в нижней – 1,5 см. Тыльная поверхность пряжки уплощена; лицевая – выпуклая. В нижней части пряжки были просверлены вертикально два маленьких отверстия для заклепок, при помощи которых пряжка крепилась к ремню. В верхней части было прорезано сквозное отверстие

в виде перевернутой буквы «Н» с округлыми краями. Помимо этого, пряжка имела боковые подрезы в нижней части, которые достигали 2/3 ее длины, а также небольшие врезки в средней части. По этим врезкам, в пряжке было проделано сквозное отверстие, в которое был вставлен тонкий стерженек, крепивший ее роговой язычок. Язычок был полностью утоплен в тулово пряжки, имел «Г» – образную форму и длину – 2,5 см. С обеих сторон от пряжки и чуть выше ее, лежали 5 небольших железных бусин, кружковой формы, с двумя шишечками по бокам (табл. II, 10). Диаметр бусин – 1,0 см; ширина – 0,7-1,0 см. Они были нанизаны на узкий ремешок, конец которого крепился к пряжке. Еще одна пряжка, но уже железная, квадратной в плане формы, с подвижным язычком, лежала в нижней части таза (табл. II, 12). Размеры ее: 3,0 х 2,7 см; толщина – 0,6 см.

Заключение

Мы уже отметили выше, что погребальный обряд и инвентарь памятников свидетельствуют о принадлежности данных погребений разным историческим периодам и разным культурам. Погребение у с. Этытэй, можно датировать позднемонгольским временем (конец XIII – XIV вв.), когда на территории единой прежде Монгольской империи, развернулся процесс формирования многочисленных феодальных улусов и государств, вступивших в борьбу друг с другом. Рядовые араты активно вовлекались в эту борьбу, и территория Южного Забайкалья постепенно превращалась в далекую окраину, где обитали немногочисленные остатки монгольских и не монгольских этносов, входивших прежде в империю Чингисхана. Монгольская культура и монгольские традиции в это время преобладали повсеместно, а «немонгольские» вещи попадали в отдаленные уголки бывшей империи в результате военных завоеваний. Это наглядно подтверждается и материалами погребения из окрестностей с. Этытэй. В нем обнаружены стремена, не получившие широкого распространения в монгольских памятниках Забайкалья. Основные аналогии им можно найти в памятниках XIII–XIV вв. оставленных тюркоязычным населением Южной Сибири, а далее на запад – в памятниках кочевников южнорусских степей.

Данный факт не является какой-то случайностью, поскольку, стремена подобного типа (арочной формы, с прямой подножкой), в основном использовались тяжеловооруженными всадниками, носившими обувь с жесткой подошвой [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 82; Савинов, 2005, с. 131-132]. Кожаные монгольские «гутулы», с загнутыми кверху носками, для такой цели подходили меньше всего. В пользу «западных» аналогий и указанной выше датировки, свидетельствует также форма железного палаша, который имеет короткий черешок и необычную по конструкции гарду с вывернутым наружу ободком. В забайкальских и монгольских памятниках рубящее оружие встречается крайне редко и имеет другую форму. Не противоречат такой датировке и типы железных наконечников стрел, распространенных в монгольскую эпоху по всему этому региону. Указанные особенности позволяют говорить о том, что погребение у с.

Этытэй могло принадлежать не потомственному монголу, а представителю иной этнической группы, близкой по происхождению тюркоязычным племенам этого региона – возможно, одному из потомков легендарных меркитов, выживших в дебрях чикойской тайги.

Более ранним по времени следует считать погребение из с. Жиндо. Судя по найденному здесь инвентарю и, прежде всего, роговой подпружной пряжке со сплошным «Н»-образным вырезом и роговым язычком, оно может быть датировано VII-VIII вв. – временем существования в этом регионе II Тюркского каганата. Этническую принадлежность погребенной девочки установить сложно, тем более, что погребена она была в столь необычной позе: лицом книзу, со связанными руками и ногами.

Мы можем отметить, однако, что в последнее время, применительно к районам Приольхонья и Баргузинской долины, захоронения на боку, с согнутыми в коленях ногами и ориентацией умерших на север и северо-восток, датируемые VI – VII вв., выделены А.В. Харинским в особый «черенхынский тип», с возможным переосмыслением его в археологическую культуру. Памятники «черенхынского» типа исследователь связал с племенами восточных динлинов, которых он также называет «протодарасунцами». Разбирая дальнейшую историю этих племен, ученый пишет, что в конце I тыс. до н.э., часть восточных динлинов, под давлением пришедших сюда хунну, была вынуждена переселиться из Южного Забайкалья на северо-запад – в Предбайкалье, а оставшаяся часть смешалась с хунну и тюркизировалась. Затем, уже с V в., когда в этом районе стали расселяться тюркоязычные племена теле, начинается новый этап переселения восточных динлинов. Из Селенгинской долины они перемещаются в Баргузинскую долину, а оттуда – в Приольхонье, распространяя в этих районах новый погребальный обряд – черенхынский [Харинский, 2010, с. 193-201]. Возможно, что погребение девочки из района с. Жиндо, на Чикое, каким-то образом связано с этими событиями, и она похоронена в соответствии с существовавшими у местных племен погребальными «динлинскими» традициями.

С другой стороны, хотелось бы обратить внимание на то, что на территории Восточного Забайкалья, погребения со скорченными костяками составляют основу выделенной здесь дарасунской археологической культуры [Кириллов, Ковычев, Кириллов, 2000, с. 64-73]. Она датируется в более широком диапазоне, чем черенхынские памятники Западного Забайкалья – VI – IX вв. При этом, часть погребений этой культуры исследователи соотносят с тюркоязычными племенами байырку, входившими в состав телеского объединения, а часть – с токуз-татарами, – тесно связанными с селенгинскими уйгурами (токуз-огузами). Не вдаваясь в детальную характеристику этой культуры, отметим, что погребения, включенные в ее состав, на самом деле демонстрируют большое количество вариантов погребальной обрядности, что требует своего логического объяснения. Есть погребения, в которых умершие похоронены на левом боку, на правом, в сильно скорченном положении, или со слегка подогнутыми ногами,

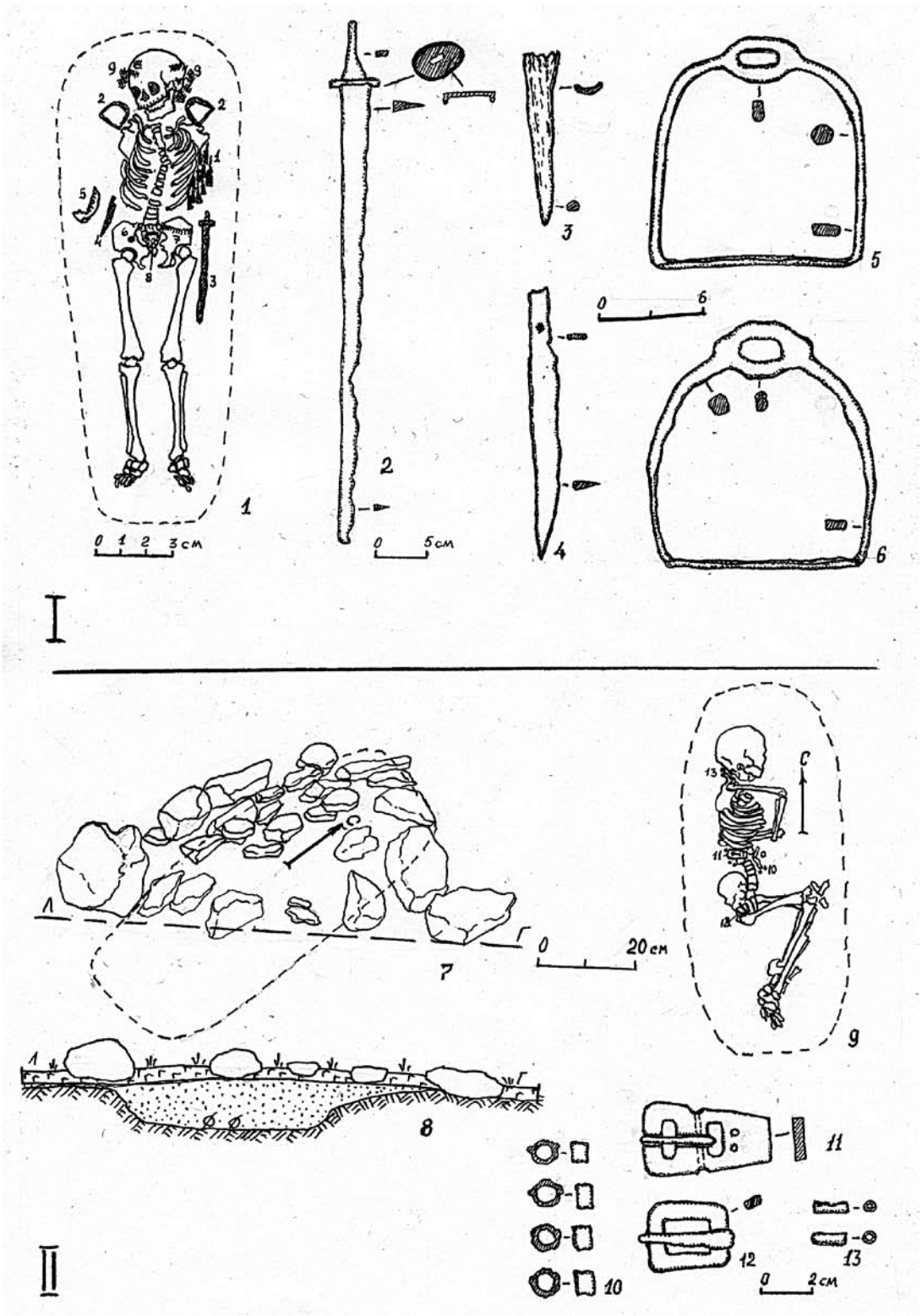

Табл. I. Погребение из окрестностей с. Этытэй.
(1 - план погребения; 2 – палаш; 3 – острие; 4 – нож; 5 – 6 – стремена).

Табл. II. Погребение из окрестностей с. Жиндо. (7 – 8 – план каменной выкладки и разрез погребения; 9 – план захоронения; 10 – железные бусины; 11 – костяная пряжка; 12 – железная пряжка; 13 – каменные бусины).

Explanation of table

Tabl. I. Burial from outskirts v. Etytey. (1- plan burial; 2 – saber; 3- point; 4 – knife; 5 – 6 – stirrups)/

Tabl. II. Burial from outskirts v. Zhindo. (7 - 8 – plan stone masonry and cut burial; 9 – plan burial; 10 – iron beads; 11 – bone buckle; 12 – iron buckle; 13 – stone beads).

с разной вариацией положения рук, головы и туловища. Имеются различия в ориентации умерших по сторонам света: начиная от северной – до южной и от восточной – до западной; а также в форме погребальных сооружений и в составе погребального инвентаря. Объяснение этих различий невозможно без широких и планомерных исследований таких памятников как на территории Восточного, так и Западного Забайкалья. Надеемся, что новые материалы помогут ответить хотя бы на часть стоящих перед забайкальской археологией вопросов.

Литература

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 176 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. – 262 с.

Савинов Д.Г. Миниатюрные стремена в культурной традиции Южной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии: сборник научных трудов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 129-135.

Харинский А.В. Курумчинская культура Прибайкалья в свете новых археологических данных //Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе /Кол. мон. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – Гл. 8. – С. 191-205.

П.В. Мандрыка[89], П.О. Сенотрусова[90]

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ СТОЯНКИ ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА-II НА АНГАРЕ

В статье представлены материалы, полученные при изучении средневекового погребения найденного на стоянке Проспихинская Шивера-II, расположенной в Северном Приангарье. Погребение совершено по обряду кремации на стороне. Отмечен богатый сопроводительный инвентарь, среди которого ножи, подвески, разнотипные нашивки, пластинчатые браслеты, монетовидный амулет, кресало и другие изделия. Находки имеют аналогии среди многих погребальных комплексах района и сопредельных территорий. Их анализ позволяет датировать погребение XIII–XIV вв.

Ключевые слова: Северное Приангарье, позднее средневековье, погребение, кремация

P.V. Mandryka, P.O. Senotrusova

The burial of the late middle Ages in the Parking lot Prosperina Shivers-II on the river Angara

The article presents the materials obtained in the study of medieval burials found in the Parking lot Prosperina Shivers-II, located in the North Angara region. Burial done according to the custom of cremation on the side. Marked by rich accompanying equipment, including knives, pendants, different types of stripe, plated bracelets, coins amulet, steels and other products. Findings were similar among the many funerary complexes of the district and adjacent areas. Their analysis allows to date the burial of the XIII-XIV centuries

Keywords: North Angara region, the late middle ages, burial, cremation

[89] МАНДРЫКА Павел Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета. E-mail: pmandryka@yandex.ru.

[90] СЕНОТРУСОВА Полина Олеговна – кандидат исторических наук, зав. сектором лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири Сибирского федерального университета. E-mail: Polllina1987@rambler.ru.

Проведение масштабных полевых исследований в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС позволило существенно увеличить источниковую базу по Древней и Средневековой истории Приангарья. Среди выявленных погребальных комплексов (на сегодняшний день около 130) большая часть относится к разным хронологическим отрезкам средневековья. Абсолютное большинство составляют погребения, выполненные по обряду кремации на стороне, содержащие разнообразный сопроводительный инвентарь.

К подобным захоронениям относится комплекс, зафиксированный на северо-западной оконечности ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино, на участке распространения культурного слоя Проспихинская Шивера-II. Памятник расположен на 12-15-метровой мысовидной ангарской террасе, которая лежит между Ангарой и пойменной частью долины р. Коды, и представлен многослойным поселением, на котором выявлено одиночное погребение.

Юго-восточной границей Проспихинская Шивера-II примыкает к многослойному комплексу Проспихинская Шивера-IV. Граница между ними была проведена условно по логу. После сплошного вскрытия пункта Проспихинская Шивера-IV стало ясно, что эти памятники плавно перетекают один в другой, и разрыва в распространении культурного слоя между ними нет.

Первые сборы на территории ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино были проведены А. П. Окладниковым, еще в 1937 году. Впоследствии на этой территории исследователи неоднократно собирали археологический материал, но без четкой его привязки [Выборнов, Субботина, 2010, с. 94]. Непосредственно на участке распространения культурного слоя Проспихинская Шивера-II в 2006 году П. В. Мандрыкой был собран археологический материал и определено наличие культурного слоя. Позже в 2008 г. по результатам обследования археологических памятников, попадающих в зону затопления Богучанской ГЭС, разведочным отрядом Института археологии и этнографии СО РАН под руководством А. Н. Зенина и А. В. Постнова, эта территория была включен в ансамбль археологических памятников Шивера Проспихино.

В 2009 г. в ходе работ Богучанской археологической экспедиции, на территории памятника под руководством А. Л. Субботиной и А. В. Выборнова, было заложено 29 рекогносцировочных раскопов. Это позволило очертить площадь распространения культурного слоя в пределах 24600 кв. м, определить степень его сохранности и датировку. Тогда же на краю террасы был заложен раскоп № 1 площадью 600 кв. м. В ходе работ было выявлено два поселенческих культурных горизонта. В первом зафиксировано наличие многочисленных отходов металлургического производства, единичные железные и бронзовые изделия, фрагменты тонковаликовой керамики. Горизонт датируется авторами работ серединой II тыс. н.э. Материалы второго культурного горизонта носили мешанный характер и датируются в широком хронологическом диапазоне от неолита до раннего железного века. Здесь были найдены фрагменты разнотипной ке-

рамики, каменные орудия, отходы первичного расщепления камня [Выборнов, Субботина, 2010].

В 2011 г. спасательные работы на пункте были продолжены Проспихинским отрядом Богучанской АЭ под руководством П. В. Мандрыки. Местом для раскопа был выбран склон террасы, обращенный в сторону средневекового могильника Проспихинская Шивера-IV. На этом склоне в 10 м от осыпи террасы в 100 м юго-восточнее раскопа № 1 был размечен раскоп № 2 площадью 50 кв. м. В нем также было выявлено два культурных слоя. Первый из них залегал под дерном в слое темно-серой супеси мощность до 10–20 см. Слой содержал разновременные материалы раннего железного века – средневековья. Второй слой, содержащий неолитические материалы, залегал на глубине 25–40 см и был приурочен к светло-бурой супеси.

Погребение, выполненное в обряде трупосожжения на стороне, зафиксировано в первом культурном слое, на восточном склоне гривы 15-метровой террасы.

Могильная яма была зафиксирована на глубине 10–15 см под дерном между камнями древнего руслового вала, с северной стороны от крупного валуна (рис. 1). Верхняя часть ямы разрушена. Сохранившаяся нижняя часть ямы глубиной 12 см имела ровное дно подпрямоугольной формы размерами 30×75 см со стенками, ориентированными по сторонам света. В яме в юго-восточном углу и вдоль восточной стенки размещалось небольшое количество обломков кальцинированных костей человека. Такие же обломки костей встречались и за пределами ямы, с северной стороны от нее, в пятне темной углистой почвы из разрушенной части могилы. Пятно неправильных очертаний размерами 4,7×2,4 м мощностью до 3-5 см. Участков прокаленной почвы вокруг погребения нет.

Антропологическое определение[91] костных останков показало, что в погребении, вероятно, могли быть захоронены фрагменты костей как минимум одного индивида – мужчины в возрасте Adultus. Кости сжигали при разных условиях, возможно, что в погребение были помещены фрагменты костей, сожженные в несколько приемов. Очаг кремации имел большое температурное разнообразие, от 100 до 1000 градусов по Цельсию. Большая часть костей была сожжена при относительно низких температурах, либо просто незначительно обожжена. Меньшая часть – наоборот подверглась продолжительному высокотемпературному обжигу. Горение длилось недолго. Скорее всего, тело умершего сжигали на открытом костре. Наличие мелких костей человека (кости стоп и кистей) указывает на то, что тело кремировано полностью, сжигались в основном скелетированные останки. Можно предполагать, что кремировали тело, различные отделы которого находились на разных стадиях разложения.

В могильной яме находились железный Y-образный предмет, бронзовая ажурная бляшка-амулет и 8 трехчастных бронзовых накладок. Остальные вещи,

[91] Антропологические определения проводились О. Е. Пошехоновой, за что авторы выражают ей особую благодарность.

относящиеся к инвентарю погребения, лежали вне ямы, в линзе темно-серой углистой почвы. Сохранность предметов хорошая, практически все побывали в огне, на что указывает окалина железных и оплавленность некоторых бронзовых предметов. Инвентарь состоит из 134 предмета из железа бронзы, рога и стекла (рис. 2). Отмечены орудия труда и украшения.

Железные прямообушковые черешковые **ножи** представлены двумя экземплярами. Один нож с обушковым и лезвийным уступами (рис. 2 – 7). Лезвие клиновидное в сечении, вогнутое, сточено. Черешок клиновидный с острым окончанием. Размеры ножа 16,9×1,9×0,4 см. Второй нож миниатюрный, с одним уступом со стороны лезвия, заточка односторонняя. Его размеры 8,4×1,3×0,3 см (рис. 2 – 5).

Железный **предмет Y-образной формы**. Стержень квадратный в сечении. Навершие имеет широкую U – образную форму с квадратно-прямоугольным сечением прутьев. Один прут отломан. Размеры изделия 13,4×8,5×0,6 см, длина стержня 10,4 см (рис. 2 – 6).

Железная **игла** обломанная, круглая в сечении с уплощенным ушком. Размеры 2,7×0,2×0,2 (рис. нет).

Железное **кресало** скобковидной формы, прямоугольное в сечении (рис. 2 – 8), размером 5,2×1,0×0,2 см.

Роговые **изделия** представлены обломками от двух предметов. Одно изделие, возможно, концевой вкладыш в кибить лука. Сохранился фрагмент с округлым окончанием и расширяющейся средней частью треугольно-уплощенного сечения. Размеры обломка 2,0×3,6×0,4 см (рис. 2 – 15). Второе изделие – концевой фрагмент накладки с линзовидным сечением, одна сторона плоская, другая – выпуклая. Торцовый край прямой. Размеры обломка 1,0×2,0×0,2 см (рис. 2 – 12).

Кольца (3 экз.) железные двух типов. Одно плоское в сечении (рис. 2 – 3), с гладкой поверхностью. Диаметр кольца 3,0 см, ширина 0,5 см, толщина 0,2 см. Два других кольца, выполнены из скрученного квадратного в сечении прута, концы которого скованы в наклад. Различаются размерами: одно диаметром 4,2 см толщиной 0,4–0,5 см (рис. 2 – 2), второе диаметром 10,3 толщиной 0,5 см (рис. 2 – 1).

Восьмеркообразное **звено цепи**, изготовлено из витого железного квадратного в сечении прута. Размеры 4,7х1,5х0,3 см (рис. 2 – 4).

Железные восьмеркообразные **подвески** (2 экз.) в виде кольца с петлей. Одна изготовлена из витого прута, вторая плоская. Размеры соответственно 4,0х3,6х0,5 см и 4,3х2,8х0,2 см (рис. 2 – 9, 10).

Браслеты (2 экз.) пластинчатые различны по материалу и оформлению. Один из железа, был сильно деформированным, разогнутым от современного разрушения могилы. Восстановлен гипотетически. На обруче в трех местах фиксируются расширения. Плоскость без орнамента. Длина обруча 16,7 см, ширина 0,6-0,7 см, гипотетический диаметр браслета около 5,0 см. (рис. 2 – 16, 16а). Второй браслет из бронзы, с завернутыми концами. По обручу браслета круж-

ковым метчиком чеканкой нанесен растительный спиралевидный орнамент, заключенный между процарапанными возле краев линиями. Диаметр браслета 6,7 см. Ширина обруча 1,0–1,3 см, толщина 0,2 см (рис. 2 – 14, 14а).

Бронзовый монетовидный **амулет**, плоский, круглой формы с отверстием посредине и двухсторонними рельефными изображениями двух драконов с лапами и извивающимся, скручивающимся хвостом. Диаметр амулета 4,0 см, толщина 0,2 см (рис. 2 – 17). Детали изображений читаются не четко, очевидно, амулет является копией с какого-то оригинала.

Бронзовые **четырехлепестковые нашивки** (9 экз.) выпуклые усеченопирамидальные. Отверстия для крепления проделаны в бортах с двух противоположных сторон. Размеры нашивок близки, от 1,7×1,7×0,3 до 1,7×1,8×0,3 см (рис. 2 – 11).

Бронзовые **трехчастные нашивки** (108 экз.), с двумя петлями для крепления с обратной стороны. Некоторые оплавленные или сломанные. У одной вместе сломанных петель пробиты отверстия. Размеры нашивок от 3,0×1,2×0,3 до 3,1×1,5×0,3 см (рис. 2 – 18, 19).

Бусина из стекла темного цвета. Сломана пополам. Уплощенной округлой формы с отверстием посредине. Диаметр 0,8 см, толщина 0,5 см (рис. 2 – 13).

Для датировки погребения определяющее значение имеет анализ сопроводительного инвентаря, среди которого имеются изделия импортного происхождения и местного производства.

В первой группе выделяется монетовидный амулет с изображениями драконов. Аналогичный амулет, но более высокого качества отливки, был найден экспедицией под руководством С. В. Киселева при раскопках Каракорума [Elikhina, 2010, Fig.4-h]. На территории Сибири подобные амулеты, в том числе весьма близкие по качеству отливки, хранятся в фондах Музея археологии и этнографии им. М.В. Флоринского Томского госуниверситета[92], в Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартьянова, в Музее археологии им. Е.С. Аннинского (п. Подгорный, Красноярский край). Все они происходят из сборов на территории Минусинской котловины и Красноярской лесостепи и к закрытым археологическим комплексам не привязаны.

В монгольское время торевтика малых форм с изображением драконов, заимствованная монголами в традиционной китайской символике [Крамаровский, 2001, с. 59], получает широкое распространение по всему евразийскому степному коридору. При этом, наиболее популярным было изображение извивающихся змееобразных драконов, которые могут быть соотнесены с китайскими Лу-ваном – драконом покровителем водной стихии [там же, с. 61]. Именно такие драконы и изображены на монетовидных амулетах, найденных в Сибири и Монголии.

К предметам импорта также следует отнести трехчастные нашивки, которые в массовом количестве встречаются в тайге Северного Приангарья. Они широко

[92] Информация любезно предоставлена Ю.И. Ожередовым, за что авторы выражают ему огромную признательность.

представлены в материалах некрополя Проспихинская Шивера-IV, а также на могильнике и стоянке Сергушкин-3 [Привалихин, 1993, рис. 1 – 32–34; Герман, Леонтьев, 2013, рис. 5 – 14], в погребении на р. Чадобец, на стоянках Пашино [Привалихин, Фокин, 2009, рис. 5 – 7–9] и Отико-1 [Богучанская…, 2014, с.793]. На сопредельных территориях подобные бронзовые изделия известны в материалах Нарымского и Сургутского Приобья в XI–XIII вв. [Семенова, 2001, с. 78; Федорова, Зыков, 1991, рис. 3–37]. Изготовление таких нашивок отмечено в Тазовской ювелирной мастерской XII–XIII вв. [Хлобыстин, Овсянников, 1973, с. 255]. Более поздний вариант нашивок встречен в курганах XVI–XVII вв. близ д. Тургай (Нижний Чулым) [Дульзон, 1953, с. 244]. Б. О. Долгих [1961, с. 112, рис. 9, 10] нашивки с серповидным телом из этих курганов сопоставляет с предметами, распространенными среди нганасан.

Другой вид нашивок, также массово распространенных в Северном Приангарье и происхождение которых может быть связано с таежными районами Западной Сибири, составляют четырехлепестковые нашивки. В Северном Приангарье они значительным количеством отмечены на могильнике Проспихинская Шивера-IV, присутствуют среди материалов погребений на р. Коде [Леонтьев, Ермолаев, 1992, с. 18], на р. Чадобец [Привалихин, Фокин, 2009, рис. 5 – 11], на стоянке Кода-2 [Басова, 2010, с. 488, 489], на могильниках Отика и Сергушкин–3 [Привалихин, 1993, рис. 10–11, 23–28; Герман, Леонтьев, 2013, рис. 5–21-23], на стоянке Окуневка [Березин, 2002, рис. 1 – 2]. Такие же и подобные нашивки широко использовались населением таежной зоны Северо-Западной Сибири в XI–XIV вв. [Федорова, 1998, с. 66]. Гладкие нашивки наиболее характерны для XI–XII вв., а изделия с насечками получают массовое распространение в XIII–XIV вв. [Боброва, 2003, с. 26]. В южных и восточных районах Сибири четырехлепестковые нашивки представлены единичными находками. Для северных территорий Сибири В. Н. Чернецов отметил, что подобные нашивки бытуют бесконечно долго [Чернецов, 1957, с. 181].

Особого внимания заслуживают находки в погребении на Проспихинской Шивере-II двух пластинчатых браслетов. В ангарской тайге подобные изделия являются большой редкостью. Известно только пять пластинчатых браслетов, все они найдены на могильнике Проспихинская Шивера-IV. Три из них бронзовые, два – железные [Лисина, 2014, с. 172]. По оформлению они отличаются от рассматриваемых в данной статье. Этот железный браслет не имеет прямых аналогий. Подобные, но бронзовые пластинчатые браслеты с чеканным растительным орнаментом в виде вьющейся лозы, известны среди находок Новгорода XII–XIII вв. [Седова, 1981, рис. 40].

К изделиям местного, таежного, происхождения следует отнести железные и роговые предметы, найденные в погребении. В первую очередь Y-образный предмет из железа. Аналогичные изделия часто встречаются на памятниках Северного Приангарья и таежной зоны среднего Енисея. Отмечены они в кладе железных предметов на стоянке Окуневка [Тереньтев, Глушенко, 2010, с. 347], в

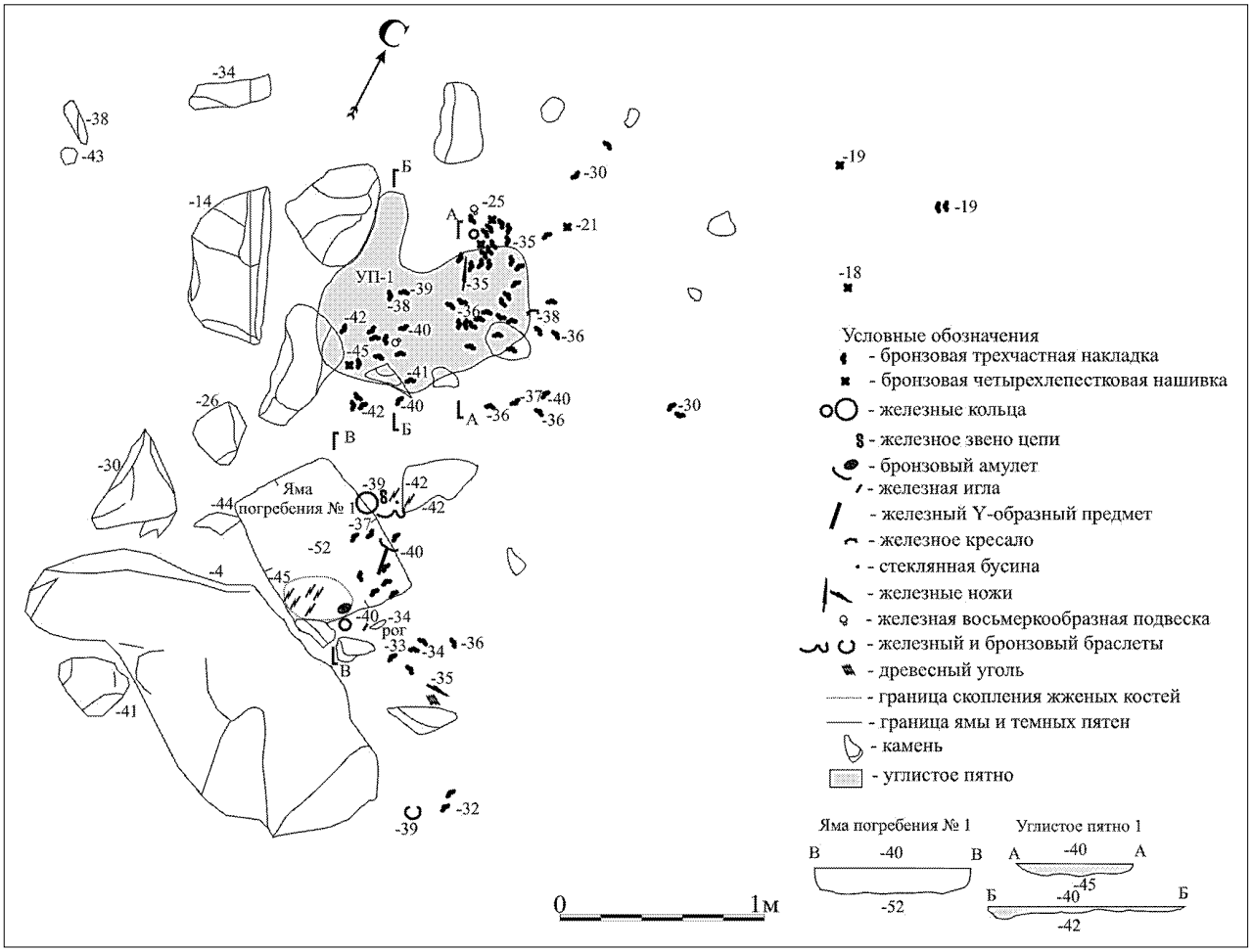

Рис. 1. План погребения.

Fig. 1. The burial plan

Каменском погребении [Мандрыка, 2006, с. 153], на поселении Шилка-9 [Мандрыка, 2005, с. 173], в Усть-Тасеевском могильнике [Лысенко, Гревцов, 2006, с. 47], широко представлены в материалах некрополя Проспихинская Шивера-IV. По-видимому, их появление и развитие связано с указанными таежными территориями. К наиболее ранним прототипам подобных изделий можно отнести массивные четырехгранные проколки с рогообразными навершиями, отмеченные в материалах Усть-Ковинского могильника на Ангаре и в Красноярской лесостепи [Леонтьев, Дроздов, 1996, с. 41; Фокин, 2003]. Единственная находка подобного изделия за пределами обозначенного региона известна в Сургутском Приобье, где она была поднята в урочище Барсова Гора [Чемякин, 2008, Рис. 5–8]. Вопрос о способе использования этих предметов пока может быть решен только предположительно. По материалам некрополя было установлено, что в большинстве случаев Y-образные изделия находились в погребениях мужчин [Сенотрусова, Мандрыка, Пошехонова, 2014, с110]. Возможно, что эти предметы использовались как подставка под копье на носу лодки при поколке оленей [Попов, 1948, с. 276] или как штандарт или навершие посоха, дополненное какой-нибудь привеской между «рогами».

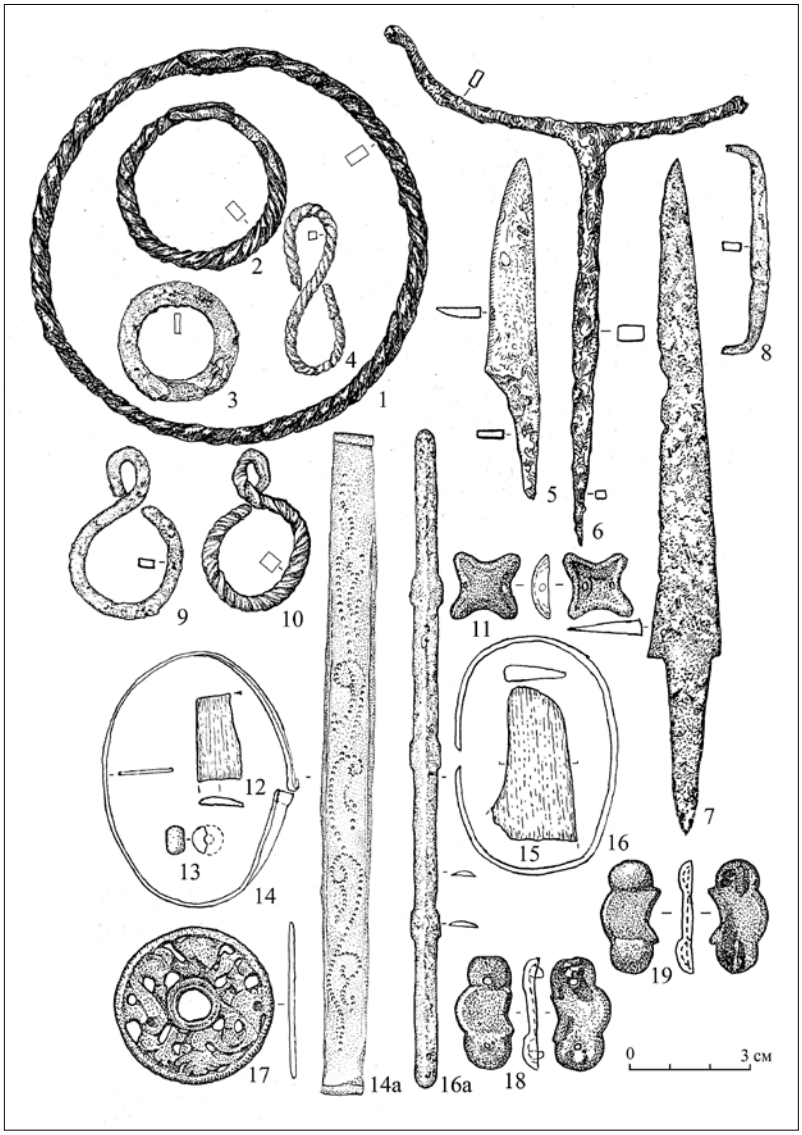

Рис. 2. Инвентарь погребения.
Fig. 2. Inventory of burial

К изделиям местного производства следует также отнести подвески, звено цепи и кольца, выполненные из витого железного прута. Они имеют прямые параллели находкам могильника Проспихинская Шивера-IV. Среди других аналогий следует отметить предметы из клада, найденного на одном из притоков Подкаменной Тунгуски [Макулов, Леонтьев, 2003, с. 60] и на могильнике Усть-Тасеева, датированного XII–XV вв. [Лысенко, Гревцов, 2006, с. 47].

В целом, набор инвентаря и погребальный обряд рассматриваемого погребения очень близок погребениям из могильника Проспихинская Шивера-IV, что позволяет относить их к одной археологической культуре. Учитывая данное обстоятельство и близость расположения захоронения к некрополю можно считать этот комплекс крайним, северо-западным погребением Проспихинского могильника, хотя формально оно и относится к другому участку распространения культурного слоя.

Найденные в захоронении предметы инвентаря, позволяют определить датировку всего комплекса в пределах XIII–XIV вв. Подчеркнем, что набор инвентаря представленного погребения характерен для поздних комплексов могильника Проспихинская Шивера-IV [Сенотрусова, 2013, с. 20], которые датируются в указанном диапазоне. При всем этом нельзя исключать, что захоронение могло быть совершено и несколько позднее, но точно определить верхнюю дату совершения погребения пока не позволяют имеющиеся источники.

Литература

Elikhina I. The most Interesting Artefacts from Karakorum in the Collection of the State Hermitage Museum, St. Petersburg // Mongolian-German Karakorum Expedition. Vol.1. 2010. C. 39–47.

Басова Н.В. Результаты исследования средневекового могильника на стоянке Кода-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 488–491.

Березин Д.Ю. Бронзовые предметы со стоянки Окуневка // История и культура Востока Азии. – Т. 2. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 161–162.

Боброва А.И. Шейные украшения средневекового населения Нарымского Приобья // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. – Томск: Изд. ТГУ, 2003. – С. 24–28.

Богучанская археологическая экспедиция. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. – 105 с.

Выборонов А.В., Субботина А.Л. Некоторые итоги исследования северо-западной оконечности ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино в Северном Приангарье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2010. – Т. 9. – Вып. 3: археология и этнография. – С. 94–102.

Герман П.В., Леонтьев С.Н. Многослойные стоянки острова Сергушкин (Краткие результаты полевых изысканий 2009–2011 гг.) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: ККМ, 2013. – С. 57–72.

Долгих Б.О. О похоронном обряде кетов // СА. – № 3. – 1961. – С. 102–112.

Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения Чулымских татар // Ученые записки ТГПИ. – 1953. – Т. X. – С. 127–334.

Крамаровский М.Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи. От Калки до Астрахани. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2001. – С. 43–75.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – №3. – С. 39–46.

Леонтьев В.П., Ермолаев А.В. Погребение с трупосожжением со стоянки Усть-Кода // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. – Т. 2. – Красноярск, 1992. – С. 16–18.

Лисина Е.А. Браслеты средневекового населения Северного Приангарья // Современные проблемы древних и традиционных культур Евразии. – Красноярск: СФУ, 2014. – С. 17–173.

Лысенко Д.Н., Гревцов Ю.А. Погребения по обряду трупосожжения могильника Усть-Тасеева // Археология, этнология, палеоэкология северной Азии и сопредельных территорий. – Красноярск: изд. КГПУ, 2006. – Т. II. – С. 47–48.

Макулов В.И., Леонтьев В.П. Новые данные по железному веку Эвенкии (бассейн реки Подкаменная Тунгуска) // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – С. 59–62.

Мандрыка П.В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири. // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 172–185.

Мандрыка П.В. Позднесредневековое погребение по обряду трупосожжения на стороне в енисейской тайге // Енисейская провинция. – Красноярск: Красноярский пед. университет, 2006б. – Вып. 2. – С. 150–158.

Попов А.А. Нганасаны. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – Вып. 1. Материальная культура. – 122 с.

Привалихин В.И. О погребальной обрядности таежного населения Северного Приангарья в начале II тыс. н.э. // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд. ТГУ, 1993. – С. 101–103.

Привалихин В.И., Фокин С.М. Железные ножи с кольцевидным навершием Северного Приангарья, Среднего Енисея и Эвенкии // Енисейская провинция. Альманах. – Вып. 4. – Красноярск: ККМ, 2009. – С. 311–326.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. – 198 с.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 296 с.

Сенотрусова П.О. Могильник Проспихинская Шивера-IV как источник для реконструкции погребальной обрядности и социальной структуры населения Северного Приагнарья развитого средневековья: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Баранул, 2013. – 26 с.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Пошехонова О.Е. Особенности погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья (по материалам могильника Проспихинская Шивера-IV) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 1. – С. 103–114.

Терентьев П.О., Глушенко М.А. Новые следы енисейских кыргызов на Средней Ангаре // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. – С. 346–348.

Федорова Н.В. «Ушедшие в холмы». Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. – Екатеринбург: «Екатеринбург», 1998. – 131 с.

Федорова Н.В., Зыков А.П. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: УрГУ, 1991. – С. 126–145.

Фокин С.М. Средневековое погребение Миндерла // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – С. 313–315.

Хлобыстин Л.П., Овсянников О.В. Древняя ювелирная мастерская в западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 248–257.

Чемякин Ю.П. Случайные находки на Барсовой Горе // Барсова гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург-Сургут: Уральское издательство, 2008. – С. 28–43.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры: обзор и классификация материала // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири: материалы и исследования по археологии СССР. – № 58. М.: Академия наук СССР, 1957.- С.136-245.

Г.Г. Пиков[93]

ДВА НАРОДА – ДВЕ СУДЬБЫ: ПОЧЕМУ ФРАНКИ СТАЛИ НАЦИЕЙ, А КИДАНИ НЕТ?

Статья посвящена компаративистскому анализу социокультурной истории двух евразийских народов, франков и киданей. Это позволяет не только выявить общее и особенное в их развитии, но и дать ответы на некоторые вопросы средневековой восточноазиатской истории. Кидани не только создали одно из самых могущественных государств в Евразии, но и сыграли важнейшую роль в этнополитической и социокультурной эволюции восточноазиатских народов.

Ключевые слова: франки, кидани, Восточная Азия, Ляо, империя, культура.

G.G. PIKOV

TWO PEOPLES – TWO FATES: WHY FRANKS BECAME NATION, BUT CHITANS NOT?

Выбор темы статьи и ее основных персонажей отнюдь не произволен и не случаен. И дело здесь не столько в возможности еще одного компаративистского исследования, уверен, лишь внешне кажущегося надуманным, сколько в появляющейся дополнительной возможности понять некоторые причины и механизмы этнополитической эволюции евразийских народов.

На востоке Азии и западе Европы существовали два народа, судьбы которых до определенного момента были почти одинаковы. Это *франки*, создавшие в VIII в. обширную «варварскую» *Каролингскую империю*, и *кидани*, основавшие одну из великих кочевых империй *Ляо* (Серебряную, 907–1124).

Оба народа известны с III в. н. э., оба были «варварами» в своих «мирах» и первыми из северных «иноземцев» создали имперские конструкции по образцу южных государств — Рима и Китая.

История обоих этих государств впервые удостоилась внимания со стороны имперских историографий. Китайские историки создали два крупных труда, посвященных киданям, – один об истории киданьского «государства» (*Е Лун-ли «Циданьго чжи»*), а второй стал одной из традиционных китайских династийных историй (*«Ляо ши» – «История династии Ляо»*).

[93] ПИКОВ Геннадий Геннадьевич – доктор культурологии, профессор кафедры всеобщей истории Гуманитарного факультета Новосибирского национального исследовательского государственного Университета (НГУ). E-mail: gennadij-pikov@yandex.ru, pikov@gf.nsu.ru.

Оба первоначальных этнических субстрата сложились в условиях сложно и противоречиво идущего процесса Великого Переселения Народов, один в виде самостоятельно действующего и мобильного союза племен, второй в форме вынужденного объединения родов, ради спасения связавших свою дальнейшую судьбу с территорией, контролируемой китайцами, и пожелавших жить по условиям особого «договора»[94].

Ляо — первая «варварская» империя, которая была в итоге признана всем восточноазиатским миром. Каролингская империя стала образцом для подражания как появившейся вскоре Священной Римской империи (962-1806), так и средневековых европейских монархий.

Оба государства существовали сравнительно долго. Каролингская конструкция и идея просуществовали почти три сотни лет (от объединения всех меровингских владений при Пипине Геристальском к 715 г. и до 987 г.). Столько же (от воцарения Апоки до прихода к власти Кучлука в Западном Ляо) просуществовали киданьские государства.

Оба народа создали самобытные и оригинальные культуры, отличающиеся от южных, оседлых, и, в то же время, северных, племенных.

Населявшие империи роды, в том числе и элитарные, частично существуют до сих пор. Представители французской и немецкой знати часто подчеркивают свое происхождение от Каролингов. Роды «кытай», «ктай» и др. до сих пор заметны и даже значимы среди различных евразийских народов.

В государствах были созданы свои письменности. Основой для них послужили универсальные средневековые языки (латинский, китайский) и в пределах зон влияния достаточно успешно конкурировали с исходными, впоследствии повлияли на становление и развитие других языков — французского и монгольского.

Итог же их истории оказался разным. Франки после раздела своей империи (843 г.) продолжили свое существование и во многом послужили этнической основой для формирования будущих французов и немцев, а кидани за какое-то столетие с небольшим полностью исчезли из истории.

Искать ответ на вопрос о причинах их исчезновения только в перипетиях предмонгольского периода, думается, мало. Здесь видится более широкий комплекс факторов.

Особенно заметен кризис земледельческого общества в Европе, а азиатские кочевники в первой половине II тыс. н. э. столкнулись с катастрофической нехваткой земли и системным кризисом кочевой экономики. В контексте этого процесса судьба киданей, равно как чжурчженей и монголов, была предопределена. Киданьская империя Ляо просуществовала 218 лет (907-1125), чжурчженьская империя Цзинь ровно в два раза меньше — 109 лет (1125-1234), монгольская, если считать с момента провозглашения, около сотни лет (1271-1368).

[94] Отсюда и наименование «цидань» – от иероглифов «ци» (договор) и «дань» (территория).

В Восточной Азии классическая империя продолжала существовать и именно в это время создается, по сути, образ киданьской империи как деспотической, милитаризованной и грабительской. Красной нитью через «Историю киданьского государства» и «Историю династии Ляо» проходят две темы — агрессивная сущность варварского государства и опыт управления кочевниками. Феноменально и то, что колоссальное наследие киданьской бюрократии в виде административных и юридических документов до нас не дошло. Исчезла куда-то и богатейшая киданьская литература, о существовании которой упоминали все соседи киданей. Разошлась по соседним странам (Китай, Корея, Япония) лишь буддийская литература, в переписывании и распространении которой активно участвовали киданьские монахи.

Киданьская культура воспринималась как искажение китайской, ее варваризация. На самом деле идея империи зрела внутри киданьского общества, логически стремившегося к созданию центрального государства, пока же ее модель не была выработана, «примеряли» чужую. В Ляо были свои задачи и проблемы, здесь нужна была родовая элита, а не «ученое сословие» (бюрократия). На юге больше социальных и экономических проблем, ибо там существовала сложносоставная экономическая и социальная структура. На Севере аналогичные проблемы решаются родами и племенами, соответственно там более заметны и существенны проблемы политические, регулирование взаимодействия полусамостоятельных территорий, отсюда и большая значимость властной составляющей. Оседлые народы своего рода стайеры, которые должны и могут долго работать на одном месте, кочевники же – спринтеры, их хозяйственная и политическая жизнь более динамична и стремительна.

Киданьская культура не только забывалась, но и сознательно уничтожалась, франкская же максимально сохранялась. Для Европы особая роль франков несомненна, ибо в этот период прежде всего они активно осваивали античную культуру и христианство. Им не мешали ни чужеземные народы, ни чужеземные религии (христианство), хотя и были проблемные периоды в их взаимоотношениях (Каролингское и Оттоновское Возрождения, Реформация). Киданям же мешали другие народы (китайцы, чжурчжени). Путь развития невезучего киданьского народа был искусственно прерван. Возможно, они бы и сохранились в какой-то форме, но монгольский ураган полностью переформатировал Восточную Азию.

Вероятно, фактическое уничтожение киданьской культуры было не только результатом сознательного ее уничтожения, но и следствием ее непонимания как оседлыми, так и кочевыми народами. Ляо была все же достаточно уникальным историческим конструктом. Если франки строили свою жизнь на основе практически исключительно южных цивилизационных компонентов — романского «начала» (латинские язык, право, идея империи, литература) и христианства, – то кидани смогли в большей мере задействовать свой собственный культурно-политический потенциал, а из кочевой и китайской культур путем фильтрации

брали не столько готовое, сколько идеи. В Ляо системообразующую роль играл киданьский опыт цивилизационного строительства. Так, роль конфуцианства в Ляо была несравненно более скромной, чем на юге. Из китайского языка они брали многие термины и слова, но вкладывали в них свое содержание, благо что за предшествующий «догосударственный» период они уже создали свою собственную семантику. Буддизм как «некитайскую» религию кидани сознательно поддерживали в своем обществе и тем самым способствовали его широкому проникновению в кочевую среду. Киданьский буддизм стал формой второй волны проникновения южноазиатской мировой религии в Восточную Азию. Обязательно надо отметить и то, что кидани брали буддизм как «некитайскую» религию (выражение Апоки).

Энергия франков и их потомков ушла в междоусобицы (файды), а кидани и чжурчжени боролись за модель, а не внутри нее. В Ляо не было классической раздробленности, аналогичной европейской, однако здесь также имела место смена элиты и династий. На Западе Меровингскую династию сменила тоже франкская династия из рода Пипинидов (рипуарские франки), Каролингов на территории Германии сменила Саксонская династия, тоже германская, но из другого региона. А Ляо была сменена чужеродной династией, с иной элитой, иными задачами и программой развития.

Рост социальных и политических противоречий в Европе привел в конечном итоге к вызреванию наций, в Азии же эффективная система межплеменного общения значительно сдерживала этот процесс.

В результате можно говорить, что франкская империя стала этапом в развитии общеевропейского общества, а киданьская стала одним из звеньев цепи кочевых восточноазиатских империй (Ляо, Цзинь, Юань). В Ляо встретились три варианта развития (кочевой, ханьско-сунский, киданьский) и их синтез оказался настолько самобытным, что повторить его смогли и то не в полной мере лишь чжурчжени и монголы. Три полноводных «реки» (кочевая, киданьская, китайская) впадали в «озеро» «Ляо», а из него вышла лишь одна «река», которая через чжурчженьскую империю докатилась до монгольского океана, в котором и растворилась.

Мы видим формирование этноса, который на протяжении примерно пятисот лет опирается на идеи и рецепты кочевой цивилизации в целом и свои ментальные механизмы. «Цидань» как форма менталитета после возникновения империи способствует образованию имперской культуры, а феномен «Ляо», если учитывать и историю западнокиданьского государства, исправно функционировал еще около трехсот лет. Очевидно в этом случае, что сначала формируются и развиваются социально-психологические механизмы и именно на их основе образуются необходимые идеологические компоненты.

В то же время стоит отметить, что киданьская модель – апогей цивилизационного конструирования кочевников, ибо они фактически использовали и исчерпали все средства строительства синкретического мира. Чжурчжэни лишь

копировали их модель и она какое-то время смогла просуществовать. Монголы в Азии еще несколько сот лет господствовали.

Разными оказались и судьбы франкской и киданьской культур.

Франкская монархия воспринималась европейцами первой полностью христианской римской империей, а Карл Великий первым христианским римским императором. В киданьской империи существовала не только полиэтничность и мультикультурность, но и неизбежная по этой причине какофония ментальностей.

Киданьская ментальность значительно эволюционировала на протяжении множества столетий, но не успевала до конца выработать собственную цивилизационную идеологию. Это и предопределило в итоге то, что кидани смогли реально и эффективно контролировать лишь свой собственный домен.

Киданьский вариант, существовавший тысячу лет, – один из редких в истории Восточной Азии практически чистых примеров полноценного формирования имперской культурной традиции на основе ментальной культуры. Образование киданьской империи в X в.— один из удивительных процессов в восточноазиатской истории, который вывел социально-политическую эволюцию кочевых народов на наивысший уровень.

На судьбе и интерпретации киданьского феномена сказались и некоторые другие факторы.

Франки создавали свою империю на основе южной модели, которую во многом просто копировали («возрождение Рима», renovatio imperii Romanorum), кидани же, как это ни странно звучит, создавали оригинальную модель, формой которой было *бэнь го* («коренное государство»), что мы до сих пор переводим как «империя». Мы изучаем киданьскую историю с помощью китайских исторических «источников», читаем ее через династийные истории, одной из которых и стала «Ляо ши» («История династии Ляо»). Идея династийной истории скрыла подлинную сущность этого процесса. На это работало и исконное ханьское представление о том, что варвары способны только на копирование китайского опыта. Можно даже рискнуть сказать о своеобразном историографическом подлоге, целью которого было сокрытие самобытности кочевого этатизма в целом и киданьского в частности. Именно китайские средневековые историки «добили» киданьскую историю, пропустив ее через фильтр своей цивилизационной парадигмы.

В «Цидань го чжи» («История государства киданей») и «Ляо ши» («История династии Ляо») мы видим две концепции киданьской истории, которые сменяют одна другую. Сочинение Е Лунли «Цидань го чжи» (1180г.) предназначалось для южносунского императора Сяо-цзуна, который хотел иметь изложенную в последовательном порядке историю Ляо. Среди многочисленных китайских исторических сочинений это первая, дошедшая до нашего времени самостоятельная работа, посвященная истории другого государства. До этого все имеющиеся сведения о соседних народах давались китайскими авторами как приложения к

отдельным династийным историям. регионов. Е Лунли все же не мог не рассматривать киданей вне китайского контекста, но больше говорил о их опасности для своей страны. В этом плане он фактически не выходил за пределы того понимания киданей, которое уже существовало в прежних династийных историях и исторических текстах, где вся информация сводилась, по сути, к фиксации военной истории.

«Ляо ши» в отличие от «Цидань го чжи» делает упор не на политических или военных аспектах, а на внутренней жизни киданьского народа. Так впервые дальневосточная культура признала притязания киданьских правителей на императорский статус. Понадобился и киданьский опыт имперского строительства, а для его обобщения мог быть использован только жанр династийной истории. С другой стороны, задачей авторов было максимально оторвать киданей от «варварского» общества и сделать их не «чужими», а «своими». Естественно, что это делалось с помощью не только китайских идей и представлений, но и соответствующей терминологии. Даже киданьские имена часто транскрибировались китайскими иероглифами. Так, например, вместо имени основателя киданьского государства Апоки было запущено знаменитое Абаоцзи. Разумеется, военные аспекты истории осталось и представление о бандитизме кочевников.

Мы во многом не можем правильно понять киданей и их культуру и потому еще, что считаем китайские тексты «источниками», а они — инструмент информационной атаки и необходимого искажения их истории. Кидани же в это время были уже «безмолвны» и не могли «возражать».

Информационным атакам кидани подвергались на протяжении всей своей многовековой истории, но тогда их больше просто обвиняли в военных преступлениях и называли варварами, это всегда легко было сделать по отношению к кочевникам. При династии Тан так называемое танское возрождение продемонстрировало сильную антиварварскую оппозицию, отчетливый антикиданизм. Киданям тогда не прощали даже малейших беспорядков на границе и поддержку ими буддизма, с которым боролись конфуцианцы.

После крушения империи Ляо начинается активная борьба с киданьским «началом» в восточноазиатской цивилизационной зоне. Были активно задействованы два метода – физическое уничтожение элементов киданьской модели и извращение ее истории.

Это видно и на примере трактовки чжурчженями названия империи. Иероглиф «ляо» традиционно переводится как «железный» и империя киданей как Железная. Эта традиция появилась, вероятно, в минскую эпоху, когда китайцы сбросили ненавистное монгольское иго и иначе стали «читать» историю взаимоотношений своего государства с северными варварами. Это прочтение основывалось не только на том, что слова «железо» и «железный» у многих монгольских племен было синонимом слов «сила» и «могучий», но имело и подтекст «железные оковы», «кандалы». Вполне возможно, что «железную» версию создал еще первый чжурчжэньский император Агуда, сказавший при вступлении

на престол: «Государство Ляо взяло для своего названия слово «железо», так как оно прочно. Однако, хотя железо и прочно, оно в конце концов изменяется и разрушается, не изменяется и не разрушается только золото» (Цзинь ши, цз. 2).

Все же особенно постарались по-новому трактовать киданьскую историю именно китайские авторы эпох Сун, и особенно Мин. Как для китайцев, так и, в какой-то мере, для монголов киданьская модель была опасна, ибо вполне конкурировала с южной и создаваемой монголами. «Варваров» в этом регионе все еще было большинство и именно киданьская могла показаться им оптимальной. Нечто подобное произошло в Европе, где победила (в «соревновании» с западно-римской и византийской) именно «варварская» Каролингская модель, ставшая образцом для Священной Римской империи, просуществовавшей до XIX в. (962-1806).

«Варвары» на разных концах Евразии создали две разные самобытные модели империи. Франкская подражала южной Римской, ставшей итогом развития средиземноморской ментальности, активно использовала пришедшую из-за периметра цивилизации «чужую» мировую религию христианство. Она тоже воспринималась многими европейскими этносами как чужая. Киданьскую по большому счету, возможно, и не надо именовать «империей». Киданьское «государство» стало итогом развития собственно киданьской ментальности.

Если китайские императоры развивали сложившиеся в «древности» общество и культуру, адаптировали их к новым реалиям, то кочевые правители лишь регулировали «бессмертную» родоплеменную модель.

В результате есть основания говорить об уникальном в истории эксперименте по дискриминации великого народа, его государства и культуры. Ни один из евразийских народов так жестко не уничтожался ни до, ни после. С франками так не поступали. Их «дети», французы и немцы, продолжили и развили их историю и культуру, у киданей же «детей» не оказалось. Они быстрее сменят свой этноним на чужой, станут не «киданями», а «чжурчженями» или «монголами». Этот фактор для киданей, как и чжурчженей, станет путами на ногах и будет сдерживать их этнополитическое развитие.

Процесс сложения единого ляосского народа и формирование оригинальной киданьской социо-культурной модели были прерваны чжурчженьским завоеванием, но культура Ляо нашла свое отражение не только в клонах киданьской империи (Бэй Ляо, Си Ляо), но и в культуре чжурчженьской и монгольской империй. Киданьскую имперскую идею пытались возродить в течение еще двух сотен лет (XII-XIII вв.), особенно активно при монголах. Еще живы были киданьские интеллектуалы, сохранялись остатки киданьской материальной и духовной культуры в виде текстов, архитектурных памятников и артефактов, однако в ситуации тотального контроля чжурчженей и хаоса монгольского продвижения на юг это сделать не удалось.

Кидани в III в. начинали со строительства своей специфической культуры, итогом развития которой и станет империя. В этом смысле у них было одно

важное методологическое преимущество: главное – культура, а не государство. Оно может сложиться только в конце процесса культурного развития, и будет существовать только до тех пор, пока есть цивилизационная необходимость и культурная основа. Ни того, ни другого в XII-XIII вв. для киданей уже не было.

Разумеется, на процесс развития этнонационального самоуважения восточноазиатских народов повлияли события, связанные с формированием монгольской империи, однако, киданей по многим параметрам стоит считать своего рода духовно-ментальными предками современных народов. На основе анализа их истории легко можно сделать вывод о том, что именно кидани на века создали пример и алгоритм социальной активности. Киданьское не хуже китайского — этот слоган вспоминали все потомки киданей. Франков хватило лишь на средневековый период, до формирования после Наполеона республиканской модели. Франкская ментальность уже ушла, в Европе в Новое время быстро набирали силу города и капитализм можно назвать порождением общеевропейской ментальности. Киданьский же опыт, в гораздо большей степени, чем опыт хунну, был востребован вплоть до современности.

Киданьская ментальность лежала в основе первой общецивилизационной попытки форматирования сложно-составного общества с множеством этносов, экономик, языков. Именно кидани, по сути, первыми выдвинули идею общего искусственного языка для кочевников. Зародившееся при киданях представление об особой роли в истории региона кочевников и их культуры, несмотря на некоторые естественные преувеличения, в наши дни совершенно без видимой связи с киданями широко идет по Монголии и Сибири.

В настоящее время можно говорить о складывании своеобразной меридиональной оси государств (Монголия, Бурятия, Якутия), развитие которых в культурно-цивилизационном контексте достаточно своеобразно. Монголию и Бурятию, в частности, как наиболее близкие друг другу общества, можно назвать своего рода наследниками той ментальности, которая когда-то очень ярко проявилась именно у киданей. У них, можно сказать, впервые в Восточной Азии фиксируется самосознание, в котором явственен акцент не на стремлении жить лишь в ритмах физического мира и решать проблемы политическими и военными средствами, а осознанная ориентация на строительство долговременной («вечной») и перспективной искусственной социокультурной модели.

По сути своей, это существеннейшая предпосылка для складывания национального миросознания. Национальное сознание с акцентом на территории, языке, культуре складывается задолго до появления развитой торгово-промышленной экономики. Это еще раз возвращает нас к мысли о том, что потенциально киданьский этнос мог перерасти в нацию, если бы для этого сложились подходящие условия. И это значит, что возможно развитие наций не только на той основе, которая была в Европе.

Н.И. Рыбаков[95]

МАНИХЕЙСКИЕ МАРШРУТЫ ПО ТОРГОВЫМ ПУТЯМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ЮГ-СЕВЕР (VIII-X)

Статья кратко излагает вопросы религиозного распространения манихейства среди средневековых этносов Центральной Азии в Тибете, Монголии и на Енисее.

Ключевые слова: средневековье, енисейские кыргызы, период раннего ламаизма, Падмасамбхава, источники иконографии Июсских степей северной Хакасии.

N.I. Rybakov

THE MANICHEAN ROADS ALONG THE MANY TRADE ROUTES OF THE CENTRAL ASIA: SOUTH-NORTH (VIII-X)

The summary of the article devoted to the subject of religious expansion of Manicheism in the historic environment among the medieval ethnos of the Central Asia: Tibet, Mongolia and Yenisej.

Key words: the Middle Ages, the Yenisej Kyrgizs, early Lamaism, Padmasambhava, Maudgalyayana.

Тибетские завоевания второй половины VIII века отключили Китай от прямого контакта с Западом: с 763 года до конца династии Тан, Китай больше не был основным фактором в центральноазиатской истории. После похода уйгуров на Енисей (758 г.) и разгрома кыргызов, последние все же сохраняли известную автономность и цементировали дружбу с соседними народами, придя к соглашению с карлуками, тибетцами и арабами относительно международной торговли и коммуникаций, в то время как контакты их с Поднебесной прекратились до 842 года. Это соглашение предусмотрело безопасность для тех, кто занимается торговлей между Тибетом и арабским халифатом, кто имел отношение к странствию через земли карлуков – торговый путь пролегал от Центрального Тибета, через восточные территории Джунгарии, северные склоны Тянь-Шаня на Иссык-Куль. На территории карлуков к караванам присоединялись кыргызские эскорты, которые защищали их от уйгурских притеснений. Арабы доставляли товары через Иссык-Куль на Енисей раз в три года, но в периоды мирных соглашений торговые караваны шли на север через Бешбалык и Карабалгасун и далее – через Кегмен на Енисей. Кыргызы покупали необычную одежду для своих женщин и другие товары из стран бассейна Тарима, Джунгарии и Аравии.

Особенно активный период тибетско-кыргызских связей приходится на последнее десятилетие VIII – начало IX вв., после успешных действий тибетских войск в Центральной Азии [Beckwith, 1987, с. 147]. К этой исторической справке показательно сообщение из надписи Чакул в переводе В. Радлова: «Ради доблести я ходил к тибетскому хану, в качестве посла ходил и приводил». В той же связи текст Алтын-кель, где сказано об умершем, который в ‘’четырех углах све-

[95] РЫБАКОВ Николай Иосифович – действительный член Петровской академии наук и искусств. E-mail: nikolayrybakov@yahoo.com

та был’’, предположительно отражает свидетельства китайской истории о торговых и дипломатических связях кыргызов и тибетцев [Бернштам, 1946, с. 168]. Не исключено, что через этот путь могли проходить и миссионерские группы. Как правило, где проходили караваны купцов, там же шли проповедники, более того – купец и проповедник могли быть в одном лице.

Достаточно сказать, что кыргызская средневековая история до сих пор покрыта тайной в отношении контактов кыргызской администрации на Июсах (север Хакасии) с пришлыми миссионерами в длиннополых мантиях. Заметим, что никаких других вариантов в енисейском корпусе петроглифического искусства и ближайших регионов касательно изображений пришлых религиозных элементов в период средневековья мы не знаем, кроме открытых 127 лет назад финской экспедицией в Междуречье двух Июсов. В качестве рабочей модели предлагаем их назвать синкретиками. Какие бы доводы мы не приводили против отождествления «длиннополых персонажей’» с синкретиками-манихеями, мы впадаем в недоказуемое – в силу причин особого рода. По сложившемуся мнению, приход чужеземцев относится к таштыкскому времени. Однако не обращается внимание на коварство палимпсеста камне-графического искусства, природа происхождения которого сопряжена с обрядовой «тайнописью» позднесредневековых духоведцев, таковой как ‘’вызывание женского божества’’, суть которой в многократной обводке изображений фигур в длиннополых (женских) нарядах по почитаемым плоскостям Ошкольской степи [доступные сведения: Рыбаков, 2007, с.101-106].

По новым материалам (рис. 1-2) касательно средневековых памятников Ошкольской степи Междуречья Июсов [Подкамень: Appelgren-Kivalo, 1931, abb. 100] один из персонажей, под мышкой которого трехсоставной жезл (рис. 1 – 1, 3), отождествляется с образом бодхисатвы Маудгальяяны (кит. Мулянь, монг. Молон-Тойн) [Рыбаков, 2013, с.148, рис.1]. Маудгальяяна, второй ученик Шакьямуни, известный в Китае в простонародной литературе с 4 века н.э. под именем Мулянь (‘’Баоцзуань о трех воплощениях Муляня’’). Начало популярности произведения приходится на VIII-Хвв. [Березкин, 2012, с.60, 103]. В текстах о Муляне просматривается синкретизм буддизма (идеи разных школ: Чань, Чистая земля), даосизма, конфуцианства и влияние идеологии тайных религий. Аспекты учения о загробном мире и методы спасения – главная идеологическая черта повествования о Муляне. ‘’Баотцзуань о трех воплощениях Муляня’’ широко распространилась в пределах Центральной Азии последователями так называемого примитивного ламаизма (VIII-Хвв.). (Позднее этот святой приобрел значительную популярность в Монголии, здесь он назывался Молон-Тойн). Примитивный ламаизм может быть определен как предельно синкретического свойства смесь мистики шиваизма, волшебства, и индо – тибетского поклонения дьяволу, «‘наложенного тонким лаком на тантрический буддизм Махаяны» [Waddel, p.30]. Другими словами: смесь верований древнего кочевника, скотовода, крестьянских традиций; космогонии, теогонии буддийской веры и религии

бон. В то время как народная религия впитывала элементы буддизма и бона, последние в свою очередь, оказались под влиянием местных верований. Но на путях Тибет – Монголия буддизм приобретает дополнительно напластования динамических шаманистских структур, включая изначальное искусство волхования тибетской религии бон. Такова общая синкретическая структура раннего ламаизма. Но важно подчеркнуть, что основоположник ранней секты ньингма-па индийский гуру Падмасамбхава, приглашенный царем Khi-srong lde-btsan во второй половине VIII века, использовал гибкий принцип подчинения местных божеств и включения их в огромный расширенный пантеон ламаизма. Такие же методы обращения различных религиозных представлений поразительно напоминают действия манихеев на всем пути их следования по торговым артериям Центральной Азии. Манихеи, чтобы модифицировать ядро их доктрины, религиозные понятия и имена богов, которые им были необходимы для изображения своего большого мифа, изымали местные понятия в мифологии народов и религиозных общин, которые, в конце концов, были использованы ими в своей проповеди [Hoffman, 1956, с.48].

В последнее десятилетие прошлого века большой интерес вызвали согдийские граффити, обнаруженные в верховьях Инда в Северном Пакистане, которые связывают с торговыми путями между Согдом и Тибетом, начиная с IV века. Но наличие многочисленных надписей и наскальных изображений в районе Драгтсе (Танксе) в 25 км к западу от оз. Пангконг иллюстрирует миссионерские контакты представителей мировых религий: буддизма, христианства и манихейства (VIII-IXвв.) [Симс-Вильямс, 1995, с. 66; Uraj, 1983, с.400].

Автор придерживается двух версий в отношении начала проповеднической деятельности в районе северной тупиковой ветви торговых путей – Юг Сибири (Междуречье Июсов, Северная Хакасия) по месту ставки кыргызской администрации, местонахождение которой подтверждают специфические памятники петрографики, локализованные здесь же (открытие финской экспедиции 1878г.).

Версия 1: одним из факторов свободного перемещения миссионеров мировых религий манихейства и несторианства по направлению Согд-Тибет явились открывшиеся торговые пути, относительно безопасные, между Тибетом и западными регионами Центральной Азии в конце VIII века благодаря усилению тибетской державы и активным участием ее в управлении континентальной торговлей и управлением некоторыми самыми важными торговыми маршрутами. На этих маршрутах согдийские торговцы, а часть их была обращена в манихейскую и христианскую веру, тут и там могли распространять проповедь среди местного населения. Более того, согдийские купцы нашли свой путь внутри Тибета и, по-видимому, основали там торговые колонии. По новейшим материалам есть доказательства того, что королевский двор последней четверти VIII столетия был знаком и с манихейством, и христианством [подробно см. Uray, 1983, с.421].

Надо полагать, что в этот же отрезок времени посольства от кыргызов с Енисея до Тибета двигались по открытым маршрутам через земли карлукской конфедерации, попадая на согдийские караванные пути, где встречаются следы, ведущие из Бактрии, Памира и западного бассейна Тарима в Индию и Центральный Тибет. Возможно, здесь были подхвачены идеи манихейской проповеди и, вполне вероятно, по этим маршрутам могли пройти на Енисей синкретики-манихеи, одетые в гибридные наряды. Возможно, толчком тибетского истока послужили события, связанные с так называемым диспутом в среде религиозных партий Тибета (792-794гг.). Источники сообщают, что бонский жрец Танг-наг бан-по выступал как оппонент Падмасамбхавы, а Шангри-бучан – как оппонент Шантиракшиты. Дискуссия закончилась победой буддистов, после чего исповедание бон объявили ересью, а китайских приверженцев школы чань отстранили и вытеснили в Китай. Какая-то часть бонцев-свастиков эмигрировала в сторону окраин Тибета или ушла в Монголию [Арутюнов, Жуковская, 1973, с.13; Иванова, 2011, с.48; Hoffman, 1986, с.239].

Где сформировался облик енисейского миссионера, отвечающего требованиям трех культов – манихейского, раннебуддийского и шаманистского, мы не знаем (дело будущих исследований). Все эти составляющие имеют ряд особенностей и характеристик. Из новых материалов: (рис. 1 – 4) – памятник (Барстаг) [Рыбаков, 2007, с. 101-106]. Шествующий первым священнослужитель в комбинированном наряде религиозных синкретических преобразований, несет под тиарой прядь волос, свисающую вниз по затылку, скрученную против часовой стрелки, что недвусмысленно напоминает принцип вращения бонской свастики. На голове его манихейская тиара, на лбу – моносилабба *ом*, подмышкой – монашеский скипетр *каккара*, на мантии – подвески шаманской атрибутики и т.д. В целом полный набор вещественных символов, чтобы быть воспринятым, постижимым и уменьшить впечатление от его иностранного происхождения и, вместе с тем, – быть узнаваемым любым этническим сообществом Юга Сибири, Саяно-Алтая, Туркестана, Тибета, Китая. Касательно длинных волос – эта деталь наряда характерна для адептов старой секты ньингмапа, основателем которой, как сказано выше, считается Падмасамбхава. Школа ньингмапа вобрала в свою доктрину идеи раннего буддизма, который в свою очередь заимствовал волшебство бонского шаманизма [Hermans, 1965, с.251]. Что касается персонажа в образе Маудгальяяны (Подкамень) оказавшегося на Енисее, можно предположить, что он имеет происхождение тибетского истока, хотя и не в меньшей степени – китайского, периода примитивного ламаизма.

Версия 2: по фактам хроник Поднебесной известно, что несториане и манихеи после 845 года императорским указом того же года были изгнаны из Китая [Аристов, 1897, с.91]. Вместе с тем на 83 года раньше (761-762) манихейские проповедники проникли в пределы Уйгурского государства при Бегю-кагане (759-779гг.), где манихейство утвердилось как государственная религия (762г.) [Klimkeit, 1993, с.271]. Одной из версий начала манихейской проповеди на Ени-

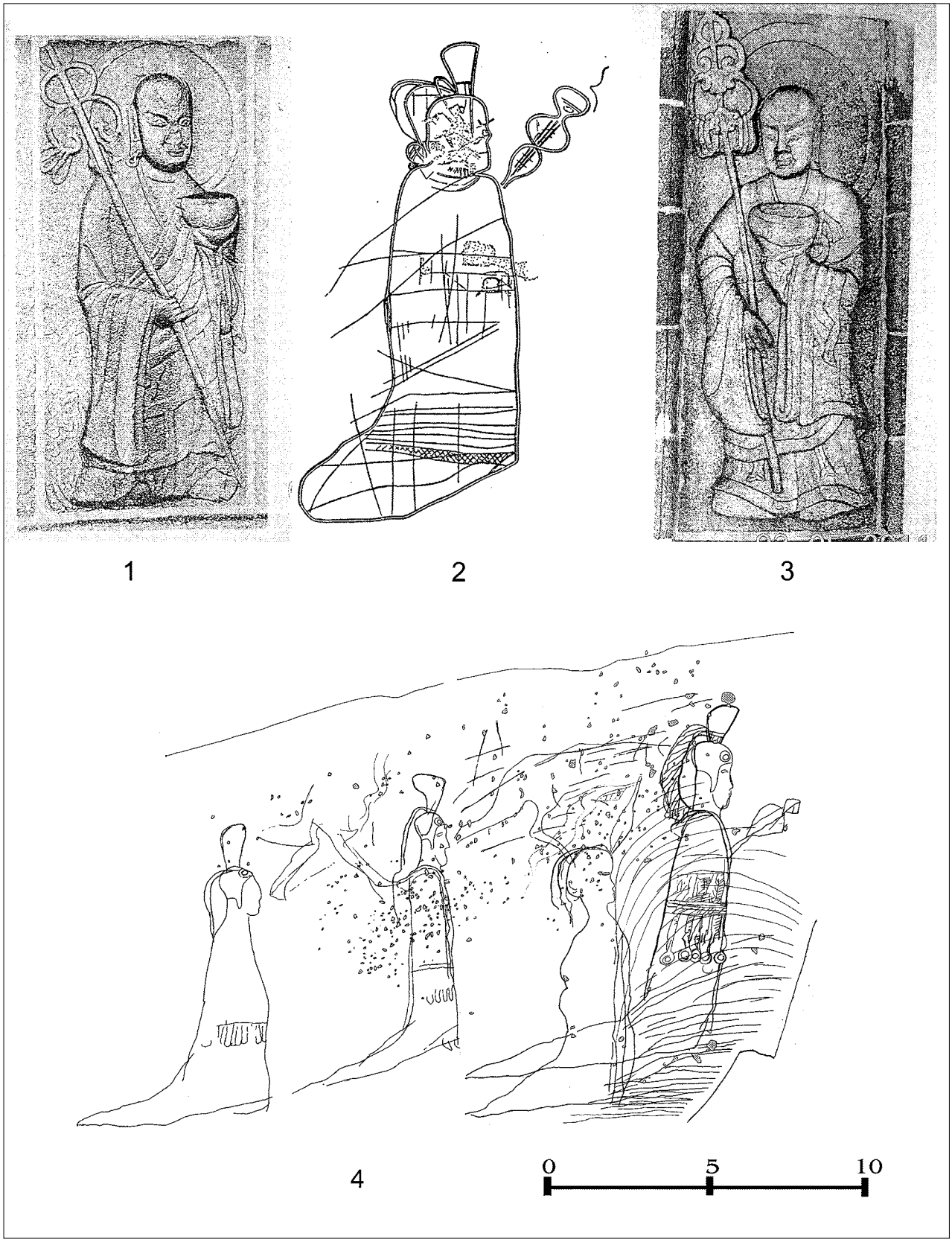

Рис. 1 – 1,3. Бодхисаттва Маудгальяяна – барельефы пагоды Чжуан-Чоу.
Китай, по: (P.Demieville, 1935, P.75,14E)
Рис. 1 – 2. Персонаж с ваджрой. Подкамень, по: (Appelgren-Kivalo N., 1931, P.58, abb. 304-308)
Рис. 1 – 4. Четыре фигуры. Барстаг, левый берег Белого Июса (материалы автора)

сее являются последствия кыргызской экспансии 840 года в монгольские степи, т.е. – принудительный привод проповедников на Июсы в качестве военнопленных. Не следует отстранять и то, что первое знакомство манихейских проповедников с шаманскими культами Енисея могло быть сопряжено с военным походом уйгурского правителя Элтмиш Бильге-кагана (747-759гг.) ранее на семь десятков лет на Енисей (759г.), в результате которого древне-хакасскому правителю пришлось признать свою вассальную зависимость и принять особый, принижающий его достоинство титул: Бильге (Тун) – Иркин. В 779 году в Ордубалыке произошел антиманихейский переворот. Правление захватил Алп Кутлуг Бильге Каган (779-789гг.). Манихейская вера была запрещена (все адепты двух конфессий: буддийской и манихейской, были изгнаны) и восстановлена только через 16 лет в 795 году. На смену им было принято несторианство, которое в свою очередь сменилось буддизмом, при сильном давлении на затухающее манихейство. Все эти временные отрезки событий в северных регионах Центральной Азии характерны принудительными гонениями на манихеев. Период последней четверти VIII века, как предполагаемое время первого прихода проповедников на Енисей или их насильное перемещение, наиболее вероятно согласуется с реальными историческими обстоятельствами.

Литература

Арутюнов С.А., Жуковская Н.Л. Бон-синтоистские параллели // Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. – Н., М.: 1973.

Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Отт. "Живая старина". – СПб.: 1897. – В. III и IV.

Бернштам А.Н. Социально – экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI-VIII веков. – М., Л.: 1946. – 201с.

Рыбаков Н.И. Иконографические свидетельства манихейства в памятниках Июсских степей // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2007. – Вып.6. – С.101-106.

Рыбаков Н.И. Бодхисаттва Маудгальяяна в Июсских петроглифах // Древности Сибири и Центральной Азии. – 5(17): Сб. научных трудов под ред. В.И. Соенова. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013.

Рыбаков Н.И. Феномен иконографического свойства: причина и следствие заблуждений…(вопросы северного манихейства) // Теория и практика археологических исследований: сборник научных трудов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – Вып. 3. – С.78-83.

Симс-Вильямс Н. Путешествие в Тибет: согдийские надписи Ладака // Вестник древней истории, 2. – М.: Наука, 1995. – С. 66.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunstdenkmaeler. – Helsingfors, 1931.

Beckwith Chr. I. The Tibetan Empire in Central Asia: A history of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs, and Chinese dvring The Early Middle Ages. – New Jersey. 1987.

Hermans M. Das national-epos der Tibeter Gling Konig Gesar. – Redensburg.1965.

Hoffman Helmut. Die religion Tibets, Bon und Lamaizmus. – Munchen, 1956.

Klimkeit H.J. Selected Studies // Heuser M., Klimkeit H.J., Studies in Manichaean, Literture and Art. Brill, Leiden – Boston – Koln, 1998.

Uray Geza Tibet's Connections with Nestorianism and Manicheism in the 8th-10th Centuries // Contributions on Tibetan Language, History and Cultury. Vol.1. – Wien, 1983.

Waddell Austine M.B. The Buddhism of Tibet or Lamaism. Cambridge. – London, 1964.

Н.Н. Серегин[96]

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ПЛАНИГРАФИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК МОНГОЛИИ

В статье представлен анализ особенностей распространения и планиграфии погребальных комплексов раннесредневековых тюрок на территории Монголии. Наиболее эффективным подходом при анализе этих немногочисленных объектов стало их сравнение с гораздо более полно изученными памятниками Алтае-Саянского региона 2-й половины I тыс. н.э. Выявлены два основных варианта планиграфии погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии. Учет зафиксированных закономерностей дает возможность для обнаружения захоронений в ходе дальнейших полевых исследований.

Ключевые слова: раннее средневековье, тюрки, погребальные комплексы, Монголия, планиграфия.

N. N. Seregin

DISTRIBUTION AND PLANIGRAPHY OF THE EARLY MEDIEVAL TYURKIC FUNERAL COMPLEXES IN MONGOLIA

The article concerns features of distribution and planigraphy of early medieval Turkic funeral complexes in the territory of Mongolia. The most effective approach in the analysis of these not numerous objects is their comparison with much better studied sites of the Altai-Sayan region dated by the 2nd half of I thousand AD. Two main variants of early medieval Turkic funeral complexes planigraphy are revealed. The accounting of the recorded regularities gives the chance for detection of burials during further field researches.

Keywords: early Middle Ages, Turkic peoples, funeral complexes, Mongolia, planigraphy.

На сегодняшний день в результате многолетних археологических работ на территории Монголии исследовано значительное количество памятников раннесредневековых тюрок, иллюстрирующих один из наиболее динамичных периодов истории региона. Однако большая часть этих объектов представляют собой «поминальные» сооружения – каменные оградки, изваяния, а также «каганские» мемориальные комплексов. Гораздо меньше информации о погребальных памятниках раннесредневековых тюрок на рассматриваемой территории. Увеличение интенсивности исследований археологических комплексов эпохи средневековья в различных районах Монголии в последние десятилетия позволяет надеяться на изменение обозначенной ситуации в положительную сторону. В связи с этим целесообразным является обобщение уже имеющихся материалов, что будет способствовать не только формированию объективных представлений об особенностях культуры кочевников, но и адекватной интерпретации новых данных.

[96] СЕРЕГИН Николай Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии; старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

К настоящему времени в Монголии известно около 30 объектов, с разной степенью достоверности относящихся к погребальным комплексам раннесредневековых тюрок [Серегин, 2014]. Несмотря на незначительность этой цифры по сравнению с количеством захоронений кочевников, исследованных на сопредельных территориях Алтае-Саянского региона, накопленные материалы являются важным источником для реконструкции истории и культуры номадов. В настоящей статье представлена краткая характеристика особенностей распространения погребальных комплексов и традиции планиграфии объектов.

Наиболее продуктивным подходом при исследовании погребальных памятников Монголии является их сравнение с гораздо более многочисленными объектами Алтае-Саянского региона 2-й половины I тыс. н.э. [Серегин, 2013, с. 186–204], а также комплексами, раскопанными на сопредельных территориях. Это позволяет не только осуществить более точную хронологическую и культурную атрибуцию анализируемых материалов, но также способствует определению их места среди тюркских «древностей» центрально-азиатского региона.

Большая часть некрополей раннесредневековых тюрок раскопана в центральных и северных районах Монголии (Архангайском, Баянхонгорском, Булганском, Селенгинском, Уверхангайском, Центральном аймаках). Кроме того, известна небольшая серия объектов в западной части страны (Баян-Улэгейский, Убсунурский и Ховдский аймаки), а также одно захоронение на северо-востоке (Хэнтэйский аймак). Такая локализация погребальных комплексов раннесредневековых тюрок лишь отчасти объясняется объективными причинами и спецификой расселения кочевников. В большей степени территориальные рамки распространения известных памятников обусловлены степенью интенсивности полевых исследований в разных частях страны. Потому в ходе будущих археологических работ в Монголии зафиксированная ситуация может измениться.

Погребения тюрок Монголии расположены, в большинстве случаев, на площади некрополей более раннего времени, или в непосредственной близости от них. Чаще всего, курганы 2-й половины I тыс. н.э. находились рядом с объектами хуннуского периода, либо с херексурами, относящимися к эпохе поздней бронзы и раннескифскому времени [Боровка, 1926, с. 172; Евтюхова, 1957, с. 207; Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967; Худяков, Цэвендорж, 1999, рис. 1; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004, с. 176; Олзийбаяр, 2007; Эрдэнэболд, Одбаатар, Анхбаяр, 2010]. Ситуация, зафиксированная на памятнике Хар-Ямаатын-Гол, где насыпи раннего средневековья обнаружены к востоку от цепочки курганов пазырыкской культуры, полностью повторяет ситуацию, распространенную для раннесредневековых объектов Алтая [Кубарев и др., 2007, с. 302]. Отметим, что традиция сооружения погребений на площади уже существовавших некрополей или в непосредственной близости от них, в целом, характерна для обрядовой практики тюрок и зафиксирована в ходе раскопок на обширных территориях Алтае-Саянского региона и Центральной Азии [Кубарев, 1992, с. 28; Кубарев, 1997, с. 4–5; 2005, с. 12–13; Митько, Тетерин, 1998, с. 397–398; Худяков, 2004, с. 42].

Второй вариант планиграфии погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии – расположение курганов одиночно или попарно, в отдалении от памятников предшествующих периодов [Худяков, Турбат, 1999; Гунчинсурэн и др., 2005]. Такая ситуация встречается более редко, однако также получила распространение во 2-й половине I тыс. н.э. на сопредельных территориях. Кроме того, в отдалении от каких-либо объектов находились известные скальные погребения Монголии раннего средневековья [Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004, т. 20–23, з. 1, 2; Турбат и др., 2008; Хурэлсух, 2008, т. 297, з. 2, 3, 10; Турбат, Батсух, Батбаяр, 2010].

Обозначенные закономерности расположения и локализации курганов раннесредневековых тюрок Монголии показывают, что традиции погребальной обрядности кочевников этого времени не предполагали сооружения больших отдельных некрополей. Чаще всего объекты 2-й половины I тыс. н.э. были исследованы в ходе раскопок памятников более раннего времени. Дисперсное расположение курганов раннесредневековых тюрок определенным образом осложняет массовые раскопки таких комплексов, и, возможно, является одной из причин небольшого количества известных курганов. Вместе с тем учет выявленных ситуаций дает дополнительные возможности для обнаружения захоронений в ходе дальнейших полевых исследований.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект «Центральная Азия в эпоху раннего средневековья: комплексная реконструкция этнокультурной и социально-политической истории», МК-2490.2014.6).

Литература

Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.

Гунчинсурэн Б., Марколонго Б., Пужетта М., Базаргур Д., Болорбат Ц. Турэгийн уед холбогдох хоёр булшны тухай (О двух курганах тюркского периода) // Археологийн судлал. 2005. Т. XXIII. Т. 104–112.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. 1957. №2. С. 207–217.

Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1992. С. 25–36.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая: Автореф. дис. … к. и. н. Новосибирск, 1997. 18 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В., Со Гилсу, Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Лхундев Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Ямаатын-Гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2007. Т. XIII. С. 298–303.

Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. Т. I. С. 396–403.

Олзийбаяр С. Огооморийн уйгур булш // Туухийн судлал. 2007. Т. XXXVII. Т. 26–31.

Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 206 с.

Серегин Н.Н. Изучение и интерпретация погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии (историографический аспект) // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1(9). С. 101–114.

Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т. Скальное захоронение с музыкальным инструментом в Монгольском Алтае (предварительные оценки) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 264–265.

Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т., Баярхуу Н., Идэрхангай Т. Монгол алтайгаас илэрсэн хадны оршуулгууд // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 274–292.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю.С., Турбат Ц. Древнетюркское погребение на памятнике Элст Хутул в Северной Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 82–87.

Худяков Ю.С., Цэвендорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в северо-западной Монголии // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 82–90.

Хурэлсух С. Монгол нутах дахъ агуйн эртний оршуулгын судалгааны байдал // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 293–310.

Хурэлсух С., Мунхбаяр Л. Рашаантын Ам ба Цанхирын агуйн оршуулгууд // Acta Historica. 2004. Т. V. Т. 20–30.

Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Древнетюркское впускное погребение на памятнике Эгин-Гол в Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2004. Вып. 2. С. 175–181.

Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б. Овор хавцалын амны турэг булш // Нуудэлчдийн ов судлал. 2010. Т. X. Fasc. 9. Т. 125–132.

Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report) // Acta archaeologica. 1967. T. XIX. P. 335–370.

А.В. Харинский[97]

КОСТИ БАРАНА В ЗАБАЙКАЛЬСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ X-XV ВВ.

Статья посвящена анализу костей барана (овцы) в погребениях 10 -15 вв. из Забайкалья. Анализ основан на материале из 30 могил, которые были раскопаны в середине 20-го – начале 21 веков. Кости найдены внутри ям, в надмогильных кладках и вместе с человеческими останками. Одним из интересных результатов раскопок стали находки определенных частей овечьей туши, помещенные вмести с умершим в могильную яму. Это большая берцовая кость, лопатка и поясничные позвонки. Они являлись важным элементом погребального ритуала в тот период.

Ключевые слова: остатки животных, могильники, могильная яма, голень барана, погребальный ритуал, монгольский период.

A.V. Kharinskii

THE BONES OF SHEEP IN THE BURIALS OF 10th –15 th cc. AD OF TRANSBAIKALIA

The article is devoted to the analysis the bones of sheep in the burials of 10th –15th cc. AD of Transbaikalia. Analysis is based on the material from 30 graves that were excavated in the mid-20th – early 21st cc. AD. These bones have been found inside the pits, mounds, and in the direct association with human remains. One of the interesting findings is a presence of certain sheep body parts that were left with some of the deceased individuals in their grave pits. These are tibia (sometime with tarsals), scapula, and lumbar vertebrae. These sheep body parts were an important element of the funeral ritual that period.

Key words: faunal remains, cemeteries, grave pit, sheep tibia, mortuary ritual, Mongolian period.

Введение

Остеологические материалы являются одним из наиболее часто встречаемых элементов погребального ритуала жителей Южного Забайкалья в I-II тыс. н.э. Преиму-

[97] ХАРИНСКИЙ Артур Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Иркутского государственного технического университета. E-mail: kharinsky@mail.ru.

щественно они представлены костями домашних животных, среди которых преобладают останки барана (овцы). Обычай их помещения в захоронения помимо утилитарного и сакрального значения, рассматривался некоторыми исследователями и как важнейший культуроопределяющий элемент. Так, например, Н.В. Именохоев объединил средневековые погребения с костью барана (овцы) в археологическую культуру, датируемую VIII-XIV вв. В неё вошли подбойные захоронения, погребения в дощатых гробах, выдолбленной колоде, деревянных рамах, берестяных коробах, завернутые в войлок или же овчину, положенные прямо на грунт, скорченно на левом или правом боку, на спине с вытянутыми или согнутыми ногами. Ареал распространения памятников этой культуры охватывал часть Иркутской области, Приольхонье, Западное и Восточное Забайкалье, Северную Монголию. [Именохоев, 1988]. Новую культуру было предложено назвать раннемонгольской и выделить в ней два этапа: хойцегорский (уйгурский) (VII-X вв.) и саянтуйский (монгольский) (XI-XIV вв.). Элементом, объединяющим эти захоронения, являлась нога барана, помещаемая в могилу [Коновалов, 1989; Именохоев, 1989, 1992].

Н.В. Именохоева считал, что погребальный обряд раннемонгольской культуры резко выделяется на фоне добайкальских и восточнозабайкальских культур. Своеобразные индивидуальные особенности этой культуры – установка вертикально части задней ноги барана (овцы) в сочетании с несколькими позвонками в могильной яме, достаточно стабильное ориентирование погребенных по сторонам света и др. Причем стегно барана ставилось узкой частью (голенным суставом) вниз, к дну могильной ямы, что указывает на особую значимость этого ритуала. Помимо сакральной стороны, ритуал помещения в захоронение ноги барана имел и меркантильное значение – заупокойная пища. В пользу этого, считал исследователь, говорили случаи находки в могиле полной ноги барана, и обязательные три-пять позвонков, положенные на самом дне в центральной части могилы [Именохоев, 1992]. Его позицию поддерживал П.Б. Коновалов, который писал, что при дифференциации прибайкальских захоронений, наличие берцовой кости барана имеет более существенное значение, чем положение в могиле самого погребенного, поскольку кость барана встречается, как в могилах с вытянутым трупоположением на спине, так и в захоронениях на боку с подогнутыми ногами [Коновалов, 1999, с. 150].

Погребения с костями барана достаточно часто встречаются на некрополях Южной Сибири и Центральной Азии конца I – первой половины II тыс. н.э., но до сих пор не предпринята статистическая обработка данных по этому элементу погребального ритуала, что не позволяет проводить корректные реконструкции, касающиеся этого периода истории Забайкалья. Опишем несколько примеров подобных захоронений, ограничившись памятниками первой половине II тыс., раскопанными в южных районах Забайкалья.

Кости барана в забайкальских погребениях

К числу некрополей, в которых был зафиксирован ритуал помещения костей барана в погребение, относится могильник Кибалино в Селенгинской долине, да-

тируемый XI-XIV вв. В 7 из 8 раскопанных монгольских могил некрополя обнаружена берцовая кость ноги барана. Одна такая кость найдена в головной части женского погребения № 2. Она располагалась в северо-восточном углу могильной ямы, в наклонном положении. В погребении № 8, принадлежащем юноше 14-15 лет, в изголовье слева обнаружена кость ноги барана, стоявшая вертикально. Ещё одна вертикально стоящая кость бараньей ноги зафиксирована в захоронении № 11 (вероятно, женском), в северной части могильной ямы, за гробом (берестяным футляром). Баранья кость (голень) от молодой особи найдена, также, в погребении № 12 – справа от черепа, в наклонном положении. В наклонном положении, эпифизом вверх, стояла баранья кость и в верхнем правом углу могильной ямы женского погребения № 13. Ниже располагался человеческий череп повернутый направо. Между бедрами погребенного, ближе к правому колену, найден спинной позвонок барана. В мужском погребении № 14 слева от черепа, найдена кость ноги барана верхним эпифизом кверху. В детском захоронении № 15 в изголовье, в левом верхнем углу могилы найдена вертикально стоящая баранья нога. В области пояса лежал бараний позвонок [Коновалов, Данилов, 1981].

Из пяти погребений начала II тыс. н.э. раскопанных И.В. Асеевым в районе с. Санномыск на р. Уде, только в одном обнаружены кости барана (№ 16). При этом в средней части колоды, в которой располагался погребенный, найден позвонок барана, слева берцовая кость барана и в области грудной клетки – вертикально стоящий обломок лопатки барана. Кости барана присутствовали и в погребении, исследованном на правом берегу р. Селенги, в 1 км на северо-восток от моста по трассе Улан-Удэ – Кяхта. У левой ключицы погребенного воткнута трубчатая кость барана, а у плечевой кости правой руки, с внешней стороны, располагались три бараньих позвонка [Асеев и др., 1984, с. 34]. В 15 км к востоку от Усть-Кяхты в местности Субуктуй раскопано парное захоронение. Мужской костяк лежал в западной части могилы на 15 см выше женского костяка, расположенного в восточной части ямы. Рядом с затылком мужчины воткнута трубчатая кость барана, а у кисти правой руки помещался позвоночник барана. В женском захоронении позвонок барана находился у локтя левой руки [Асеев и др., 1984, с. 36].

В могильнике на Варвариной Горе, в долине Уды исследовано 9 погребений, в 6 из них отмечены человеческие останки. В погребениях № 1 и 8 кости барана находились вместе с человеческим скелетом, в погребениях 5 и 7 в ямах без человеческих костей. В погребении № 1 кость ноги барана располагалась в домовине из досок, в северо-западном углу, у головы погребенного. Она стояла вертикально. В погребении № 5, в котором не было зафиксировано останков человека, на дне могильной ямы, посредине и в западной части найдено два бараньих позвонка. Трубчатая кость ноги барана обнаружена рядом с кладкой погребения № 7. В нём также не было человеческих останков, но в заполнении могильной ямы найдены позвонок и трубчатая кость барана. В погребении № 8, трубчатая кость ноги барана найдена между бедренными костями погребенного [Асеев и др., 1984, с. 38, 40].

Помещение кости ноги барана в захоронение неоднократно фиксировалось и в памятниках начала II тыс. в Восточном Забайкалье. Две бараньи кости были встречены А.И. Махаловым при раскопках погребения конца I – начала II тыс. н.э. в окрестностях Читы, в Сухой пади. Обе они находились в изголовье умершего, с левой стороны [Махалов, 1930, с. 7]. Вертикально стоящая задняя кость ноги барана отмечена в погребении № 3 в окрестностях с. Ононск. Она найдена у северо-западной стенки могильной ямы, на глубине 60 см, а ниже, на глубине 1 м обнаружен костяк человека, лежавшего на спине в вытянутом положении, головой по азимуту 5°. На груди погребенного найдена баранья лопатка. В двух других захоронениях могильника (№ 15, 17) костей животных обнаружено не было. В захоронении у с. Солонцово позвонок барана зафиксирован в районе таза погребенного, поверх берестяного перекрытия. Задняя кость ноги, воткнутая вертикально, найдена к востоку от тазовых костей. Захоронения датируются XI-XII вв. [Ковычев, 1981].

В могильнике Будулан на левом берегу Онона, останки человеческих захоронений отсутствовали в четырех погребениях из шести. Кости животных, при этом, встречены только в погребениях с человеческими останками. Под кладкой погребения № 2, на глубине 75 см, у правой голени погребенного была найдена баранья лопатка, а у северо-западной стенки могильной ямы выше черепа – мелкие бараньи кости, в том числе и берцовая кость. В разрушенном погребении № 12, в юго-восточной части под кладкой, в 50 см от могильной ямы, на глубине 20 см, обнаружен череп лошади [Асеев и др., 1984, с. 46, 47].

Из 17 погребений, раскопанных на могильнике Чиндант, на левом берегу Онона, только три захоронения не были потревожены (№ 2. 4, 11). Предварительно к числу захоронений XII-XIV вв. могильника Чиндант 1 можно отнести погребения № 4, 6-11, 14. Остальные захоронения или сильно разрушены, и поэтому их возраст установить проблематично, или датируются более ранним временем, как погребение № 2 [Харинский, 2013]. В погребении № 6 кости барана найдены у северо-восточного торца колоды. На крышке колоды бараньи кости зафиксированы в северо-восточной части погребения № 10. В погребении № 11 бараньи кости найдены в северной части могилы на каменной плите, перекрывавшей сверху деревянный гроб [Асеев и др., 1984, с. 49-56].

На могильнике Улан-Хада III на правом берегу р. Тургa (правый приток Онона) в 1979 г. Е.В. Ковычевым раскопано 3 погребения XII-XIV вв. Погребение № 9 принадлежало ребенку 5-7 лет, ориентированному головой на север, располагавшемуся в берестяном мешке-коробе. Слева от черепа стояла вертикально установленная берцовая кость барана. В погребении № 10 умерший располагался в колоде, головой ориентирован по азимуту 10°. В северо-западном углу ямы, за пределами колоды располагалась кость ноги барана. В погребении № 15, находившемся в деревянной раме и ориентированном головой на северо-восток, костей животных не обнаружено [Ухинов, 2014, с. 256-257].

В этом же году на левом берегу р. Турги на могильнике Благодатный Е.В. Ковычевым раскопано три захоронения XIII-XIV вв. В погребении № 6 умерший располагался вытянуто, на спине, головой ориентирован по азимуту 5°. С левой стороны, выше черепа погребенного была обнаружена берцовая кость ноги барана, стоявшая вертикально. В двух других погребениях (№ 1 и 7) кости животных не обнаружены.

Во время раскопок на могильнике Малая Кулинда на правом берегу р. Онон в 2003 г. из семи погребений, только в двух – № 1 и 7 были обнаружены кости задней ноги барана. Они вертикально располагались в северо-восточных углах погребальных конструкций, состоявших из гробов и каменных цист [Ковычев, Душечкина, 2004, с. 256-257].

В 2009-2013 гг. проводились раскопки могильника Окошки I, расположенного на левом берегу р. Урулюнгуй (левый приток Аргуни). Вскрыто семнадцать захоронений, из которых четырнадцать погребений датируется XIII-XIV вв. В 71 % захоронений зафиксированы кости животных (в 10 из 14). Лишь в погребениях № 13, 25, 29 и 47 они не были найдены. Возможно, их выбросили при разрушении захоронения. Кости животных найдены в курганной насыпи, среди камней кладок и непосредственно в могильной яме. Среди останков животных чаще всего встречаются кости барана. Большая берцовая кость – это наиболее часто встречаемый элемент скелета барана. Она присутствует в 5 захоронениях. К ним, вероятно, можно добавить берцовые кости из погребений № 46 и 48, определенные до уровня семейства (Caprinae). Возможность того, что они принадлежат козе, очень мала. В археологической практике пока не зафиксировано случаев, чтобы в монгольских захоронениях имперского периода находили берцовые кости козы. Единый блок с берцовой костью составляли другие кости ноги. В 7 погребениях это пяточная кость, в 6 – астрагал, в 2 – лодыжковая кость и в 1 – коленная чашечка. Мелкие кости ноги при разделке туши барана оставались вместе с большой берцовой костью. Этот блок костей вместе с мясом и помещался в могилу.

Следующей по частоте встречаемости частью бараньей туши в захоронениях был поясничный отдел позвоночника (филейная часть). Бараньи позвонки найдены в пяти могилах, в четырех из них они сохранили свое первоначальное положение. На одном из них отмечены следы разделки. В двух погребениях найдена лопатка барана. На лопатке из погребения № 10 имеются следы отделения/очищения мяса от кости в виде параллельных порезов [Харинский и др. 2014].

Расположение костей барана, обнаруженных на некрополях южного Забайкалья, показано в таблице 1. При обозначении отдельных частей могильной ямы условно принималось во внимание, что могила ориентирована на север, как и находившийся в ней погребенный. В таблице учтены только те кости, которые сохранили свое первоначальное положение.

Таблица 1. Расположение костей барана в захоронениях Южного Забайкалья

Название могильника	Часть могильной ямы						
	СВ	С	СЗ	Ц	В	З	ЮЗ
Кибалино	без внутримогильной конструкции (№ 3, 8, 13, 14), в берестяном футляре (№ 11, 12, 15)						
берцовая	4[1]	1	2				
позвонки				2			
Санномыск	в колоде (№ 16)						
берцовая					1		
позвонки				1			
лопатка				1			
Селенгинский мост	без внутримогильной конструкции						
берцовая	1						
позвонки						1	
Субуктуй	без внутримогильной конструкции						
берцовая		1					
позвонки						1	
Варварина Гора	в раме (№ 1), в колоде (№ 8)						
берцовая			1	1			
Сухая падь	без внутримогильной конструкции						
берцовая	2						
Ононск	без внутримогильной конструкции (№ 3)						
берцовая			1				
лопатка				1			
Солонцово	берестяной мешок						
берцовая					1		
позвонки				1			
Будулан	без внутримогильной конструкции (№ 2)						
берцовая			1				
лопатка							1
Чиндант	В колоде (№ 6, 10), в гробу (№ 11)						
берцовая	2	1					
Малая Кулинда	в гробу (№ 1 и 7)						
берцовая	2						
Улан-Хада III	в берестяном мешке (№ 9), в колоде (№ 10)						
берцовая	2						
Благодатное	без внутримогильной конструкции (№ 6)						
берцовая	1						
Окошки I	без внутримогильной конструкции (№ 20, 48), в колоде (№ 49), в гробу (№ 17), в раме (№ 5), в деревянной конструкции? (№ 2)						
берцовая			6				
позвонки				4			
лопатка	1						
Всего							
берцовая	14	3	11	1	2		
позвонки				8		2	
лопатка	1			2			1

[1] частота встречаемости костей

Обсуждение

На основании приведенных примеров можно сделать предварительные выводы о частоте встречаемости костей барана (овцы) в погребениях первой половины II тыс. на юге Забайкалья. В непотревоженном состоянии кости барана зафиксированы в 30 погребениях на 14 могильниках и одиночных захоронениях. Во всех захоронениях погребенные располагались вытянуто на спине, в могильной яме и были ориентированы головой на север или с отклонениями на северо-запад – северо-восток. На 9 могильниках (Кибалино, Санномыск, Варварина Гора, Чиндант, Ононск, Малая Кулинда, Улан-Хада III, Благодатное, Окошки I) из 57 комплексов с человеческими останками в 25 обнаружены кости овцы (барана) в непотревоженном состоянии, что составляет 44 %. При этом надо учитывать, что часть из указанных погребений оказалась ограбленной, и из них кости животных могли быть извлечены. Кроме этого в части комплексов вообще не зафиксированы останки человеческого захоронения, они являлись или кенотафами, или имели какое-то иное функциональное назначение.

Чаще всего в захоронениях встречается одна берцовая кость барана, но в могиле из Сухой пади слева от головы погребенного обнаружено две берцовых кости. Как правило, берцовая кость барана (овцы) располагалась слева (14) или справа (11) от черепа погребенного, реже сзади (3). В 3 случаях берцовая кость барана находилась возле других частей человеческого скелета. Позвонки барана чаще всего располагались в центре ямы (8), но иногда были смещены к западной стенке. Дважды баранья лопатка была обнаружена в центре ямы и по одному разу в ее юго-западном и северо-восточном углу.

В большинстве публикаций не упоминается, каким эпифизом вниз была установлена в могиле берцовая кость. Лишь при описании захоронений могильника Кибалино в двух случаях указывается, что кость располагалась нижним эпифизом вниз. Кроме этого ни в одной из работ не приводятся сведения о том, были ли вместе с берцовой костью в могиле обнаружены более мелкие кости ноги барана, составляющие с ней один блок – альчик, коленная чашечка, пяточная и плюсневая кости. Все указанные недостатки были учтены во время раскопок могильника Окошки, где были зафиксированы все кости животных и их положение [Харинский и др. 2014].

Вертикальное расположение берцовой кости барана в захоронениях имело важное сакральное значение, отголоски которого можно проследить в бурятской этнографии. По данным С.П. Балдаева, у части бурят, проживающих на юге Прибайкалья, считалось, что мозг, находящийся в бедренной и берцовой костях барана, содержит жизненную силу – сулдэ или хулдэ. При рождении ребенка, бедренная кость барана, заколотого по этому случаю, подвешивалась к колыбели. По числу этих костей можно было определить количество детей в семье. В дальнейшем, эти кости снимались и хранились как обереги [Балдаев, 1961. С. 107, 108]. Возможно, подобные представления о бедренной и берцовой костях барана, как вместилищах сулдэ, были присущи и древним предкам бурят – монголам XIII-XIV вв. Сулдэ великого человека, по мнению монголов, становится покровителем того рода, из которого он происходил [Влади-

мирцев, 1927, с. 23]. Вероятно, сулдэ была присуща каждому человеку и являлась абстрагированным понятием духовной силы человека [Данилов, 1985].

Если рассматривать берцовую кость, как хранилище жизненной силы человека, то обычай помещения задней ноги барана в могилу можно истолковать следующим образом. Желая сохранить жизненную силу умерших родственников для помощи здравствующим близким, при похоронах в могилу помещали баранью ногу. Значение ее было двояким. С одной стороны, баранье мясо являлось жертвенной пищей, которая поддерживала силы «души» (сулдэ) умершего человека. С другой стороны, оно становилось приманкой для «души» (сулдэ), которую пытались поместить внутрь берцовой кости, являвшейся основой ноги животного. Размещаясь в кости, сулдэ человека, в благодарность за оказанное ему внимание, должна была приходить на помощь близким и охранять родовые территории. Вертикальное положение ноги барана облегчало сулдэ возможность покинуть пределы могилы. По кости она поднималась вверх и оказывалась снаружи погребения, что позволяло ей влиять на происходящие на земле события.

Заключение

Одним из важнейших элементов погребальной практики, фиксируемой на материалах забайкальских захоронений X-XV вв., является помещение в могилу частей бараньей туши – голени, лопатки, поясницы. Голень, которая, вероятно, выполняла утилитарное и сакральное назначение располагалась вертикально, чаще всего у головы покойника. Частота встречаемости берцовой кости барана в погребениях Южного Забайкалья в первой половине II тыс. н.э. в среднем составляет около 50%. Примерно в 90% случаев их находят возле черепа погребенного и реже рядом с другими частями человеческого скелета. Расположение берцовой кости барана вблизи черепа можно рассматривать как свидетельство связи этих двух элементов погребальной практики. Если голова выступает как вместилище «души» (жизненной силы) человека при жизни, то берцовая кость, как ее хранилище и проводник после смерти.

Вертикально установленная голень барана фиксируются в могилах на территорию Южного Забайкалья и побережья озера Байкал с конца I тыс. н.э. На нынешнем этапе исследований сложно судить с какой из археологических культур или древним этносом этот ритуал был первоначально связан. В XIII-XIV вв. он являлся одним из основных элементов погребальной практики населения Южного Забайкалья и, вероятно, служил важным маркером монгольских захоронений имперского периода [Харинский, 2013]. Во второй половине II тыс. ритуал помещение в могилу голени барана на территории Прибайкалья уже не встречается.

Литература

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск, 1984.- 201 с.

Балдаев С.П. Избранное.- Улан-Удэ, 1961.- 256 с.

Владимирцев Б.Я. Этно-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Северная Монголия.- Л., 1927.- С. 1-42.

Данилов С.В., 1985 Жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племен Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи.- Новосибирск, 1985.- С.86-91.

Именохоев Н.В. Средневековый могильник у с. Енхор на р.Джиде (предварительные результаты исследования) // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье.- Улан-Удэ, 1988.- С. 108–128.

Именохоев Н.В. К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века.- Новосибирск, 1989.- С. 55–62.

Именохоев Н.В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии.- Новосибирск, 1992.- С. 23–48.

Ковычев Е.В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья.- Новосибирск, 1981.- С. 73–79.

Ковычев Е.В., Душечкина Т.А. Монгольские погребения Поононья (новые данные по погребальному обряду древних монголов) // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности. Материалы XLIV Региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых.- Кемерово, 2004.- С. 256, 257.

Ковычев Е.В., Ухинов З.Ч. Древнемонгольский могильник Благодатный в Восточном Забайкалье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV Междунар. науч. Конф.: в 2 ч. / Забайкал. Гос. ун-т; отв. ред. А.В.Константинов, М.В.Константинов.- Чита, 13-19 сент. 2013 г.- Чита, 2013.- Ч.II. – С. 50-54.

Коновалов П.Б. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века.- Новосибирск, 1989.- С. 5–20.

Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ, 1999.- 214 с.

Коновалов П.Б., Данилов С.В. Средневековые погребения в Кибалино (Западное Забайкалье) // Новое в археологии Забайкалья.- Новосибирск, 1981.- С. 64–73.

Махалов А.И. Древнее погребение из долины реки Чита.- Чита, 1930.- 17 с.

Ухинов З.Ч. Погребения XII-XIV вв. могильников Улан-Хада – I и III в Восточном Забайкалье // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии: тез. докл. LIV Региональной (X Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 130-летию открытия палеолита на Афонтовой горе и 100-летию первых раскопок памятников андроновской культуры, Красноярск, 25-28 марта 2014 г. / отв. Ред. П.В. Мандрыка.- Красноярск: Сиб. Федер. Ун-т, 2014.- С. 194-196.

Харинский А.В. Погребальная практика монголов в XIII-XIV вв. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV Междунар. науч. Конф.: в 2 ч. / Забайкал. Гос. ун-т; отв. ред. А.В.Константинов, М.В.Константинов.- Чита, 13-19 сент. 2013 г.- Чита, 2013.- Ч.II. -С. 125-131.

Харинский А.В., Номоконова Т.Ю., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Останки животных в монгольских захоронениях XIII−XIV вв. могильника Окошки I (Юго-Восточное Забайкалье) // Российская археология.- 2014.- № 2.- С. 62–75.

У.Т. Ховалыг[98]

НАСКАЛЬНЫЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ АЛАШ II

Статья посвящена переводу, интерпретации и вводу в научный оборот рунических надписей и тамг, найденных на памятнике Алаш II. По предварительным исследованиям этих материалов можно предположить, что они относятся древнетюркскому народу «аз» и могут быть датированы VIII–IX вв.

Ключевые слова: рунические надписи, р. Алаш, азы.

U.T. Khovalyg

ROCK RUNIC INSCRIPTIONS **ALASH II**

Article is devoted to translation, interpretation and introduces the scientific revolution runic inscriptions and tamgas found on the monument Alash II. According to preliminary studies of these materials can be assumed that they are the ancient turkic people «Az» and can be dated VIII–IX centuries.

Key words: runic inscriptions, r. Alash, Az.

[98] ХОВАЛЫГ Умар Тимурович – научный сотрудник сектора археологии и этнографии Тувинского института гуманитарных исследований. E-mail: tokhus@ngs.ru

Во время археологической разведки сотрудников ТИГИ, в составе к. и. н. Л. Д. Чадамба, водителя А. В. Монгуша и начальника экспедиции У. Т. Ховалыга, 23 сентября 2014 г. были исследованы наскальные рунические надписи Алаш II в Бай-Тайгинском районе Республики Тыва. Нами были найдены новые надписи и тамги.

Первым исследователем, зафиксировавшим надписи в долине р. Алаш является известный тюрколог И. В. Кормушин. Он нашел их с помощью сведений, полученных от тувинского ученого-этнографа и писателя М. Б. Кенин-Лопсана, который указал на наличие рунической надписи вблизи с. Кара-Холь, в сентябре 1990 года. В том году И. В. Кормушин в течение непродолжительного времени рассматривал и зарисовывал этот трудный для чтения памятник. В 2000 г. с экспедицией филологического факультета Тувинского госуниверситета он повторно исследовал надписи Алаш I и Алаш

II и в рубрикации енисейских памятников дал им индексы Е-153 и Е-154 [Кормушин, 2008, с. 69].

Научные сотрудники ТНИИЯЛИ Ю. Л. Аранчын и И. У. Самбу 19 мая 1994 г. впервые составили охранные документы стелы с руническими надписями Берт-Боом (Алаш I) в 8 км от с. Кара-Холь. Стела Берт-Боом стоит возле рукава р. Алаш, в верховьях которой, особенно в Кожээлиг-Хову, есть большие скопления древнетюркских захоронений [Аранчын, 1995, с. 77].

Наскальные надписи, обозначенные И. В. Кормушиным как Алаш II, находятся в 1,5 км выше по течению от надписи Алаш I, на том же правом берегу р. Алаш [Кормушин, 2008, с. 72]. Из подножия горы, на скальных плоскостях которой нанесены надписи, берет начало целебный источник (по-тув. «аржаан») и в связи с этим местные жители освятили данное место. Рунические надписи нанесены на разных скальных выступах, расположенных на высоте 0,7–2,5 м от земли. Географические координаты данного объекта: N – 51º16.711; E – 089º40.221. Высота над уровнем моря по GPS-приемнику – 1335 м.

По сведениям И. В. Кормушина в Алаш II были не менее пяти записей, которых он пронумеровал. Ему удалось расшифровать и перевести с древнетюркского на русский язык слово «täŋri» («небо», «бог», «божественный») [ДТС, 1969, с. 544] во второй строке и полностью лишь третью [Кормушин, 2008, с. 72–74].

В результате наших исследований были найдены новые рунические надписи и тамги. Таким образом, на памятнике Алаш II мы насчитали не менее 10 строк и 6 тамговых знаков.

В центральной части отшлифованного скального выступа на уровне 1,6–1,8 м от земли нанесены четыре строки и одна тамга (рис. 1), которых изучил И. В. Кормушин. Рунические знаки выполнены тонкими резаными линиями, их размер не более 2,5 см. Рунические знаки первой строки отличаются от рун орхоно-енисейского алфавита, которыми были написаны все остальные надписи памятника Алаш II. Скорее всего, первая строка относится к южноенисейской письменности.

Во второй строке вместо «täŋri» (по расшифровке И. В. Кормушина) мы отчетливо прочитали слово «täŋräkän». Расшифровка и перевод остальной части второй строки

трудно для чтения. Как мы предполагаем, данная проблема связана с нарушением рядности – смешение согласных палатального и велярного рядов. Такие особенности характерны для рунических памятников Алтая [Кляшторный, Кубарев, 2002, с. 82].

Руны третьей строки процарапаны и отчетливо видны, что и позволило нам прочитать их полностью.

Транскрипция: är atïm jeliz.

Перевод: мое геройское имя Йелиз.

Надпись третьей строки частично перекрывают руны четвертой строки, где по нашей расшифровке предложение начинается со слова: «täŋrikän» («божественный») [ДТС, 1969, с. 544].

В 20–25 см выше центральной части, расположен скальный выступ, на котором нанесены три короткие строки и четыре тамги (рис. 2). В начале и конце надписи первой строки вырезаны тамги, основным конструктивным элементом, которых является ромб. Нам удалось расшифровать и перевести с древнетюркского на русский язык только первое слово «täŋri» («небо», «бог», «божественный») [ДТС, 1969, с. 544].

Вторая строка с тамгой, напоминающей прописную букву «Х», состоит из двух знаков. Остальные знаки утеряны вместе с куском скалы, который откололся. Третья строка с тамгой в виде двух соединенных ромбов с черточкой, состоит из пяти (или шести) знаков, которые пока не поддаются расшифровке.

Самый высокий скальный выступ с рунической надписью состоящей только из одного слова «täŋrikän» с тамгой, которая аналогична тамгам стелы Алаш I и центральной части памятника Алаш II. Основным конструктивным элементом сопоставляемых тамг – ромб; в обоих случаях, т. е. в Е-153 и Е-154, тамгу составляют два параллельно соположенных ромба [Кормушин, 2008, с. 74].

В результате предварительных исследований рунических надписей на памятнике Алаш II мы пришли к следующим выводам:

Во-первых, очевидно, что рунические надписи и тамги в данном районе Западной Тувы, скорее всего относятся к народу аз, который часто упоминается в древнетюркских, древнеуйгурских и енисейских эпитафиях [Васильев, 1983, с. 36, 42–43; Кляшторный, 2010, с. 63; Тугушева, 2008, с. 59; Ölmez, 2012, s. 201; Tekin, 2003, s. 43–45, 51].

В древнетюркских эпитафиях в честь Тонюкука, Билге-Кагана и Кюл-Тегина азы вместе с кыргызами и чиками упоминаются как один из враждебных народов, проживавших на территории Тувы и Минусинской котловины. По сведениям надписи Билге-Кагана, когда ему было «двадцать шесть лет», т. е. в 709 г., «переправившись через Кем ходил в поход против чиков. Сразился в Орпене. Их войско ударил, народ аз взял» [Tekin, 2003, s. 71].

В 710 г., когда Билге-Кагану было «двадцать семь лет» древние тюрки совершили поход против енисейских кыргызов [Tekin, 2003, s. 73]. В связи с этими походами в орхонских надписях упомянуты названия местностей, рек, гор на террито-

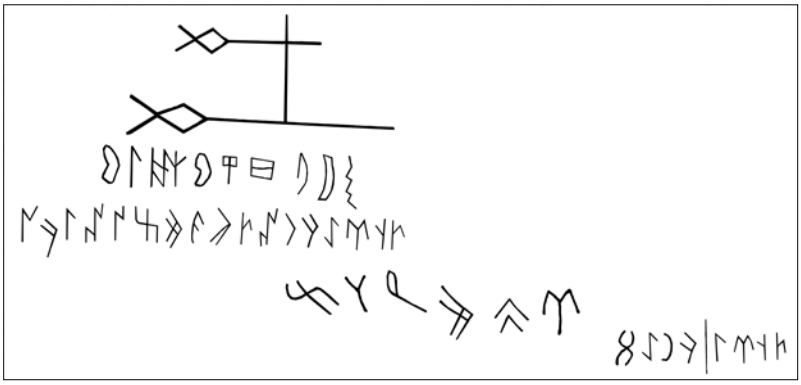

Рисунок 1. Алаш II – надписи и тамга центральной части.
Figure 1. Alash II – inscriptions and tamga central part.

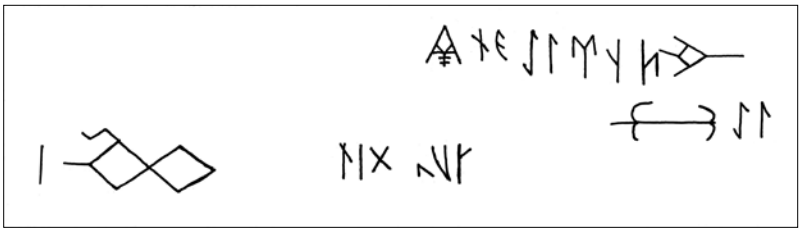

Рисунок 2. Алаш II – надписи и тамги верхней части.
Figure 2. Alash II – inscriptions and tamgas top.

рии азов, чиков и кыргызов: «Ак-Термел» – река Ак-Суг, левый приток р. Хемчик [Tekin, 2003, s. 87]; «река Аны» – река Она, правый приток р. Абакан [Ölmez, 2012, s. 173; Tekin, 2003, s. 89]; «Кара-Кол» – озеро Кара-Холь, откуда вытекает один начальных притоков р. Алаш. Именно около оз. Кара-Холь, когда «Кюл-Тегину было тридцать один год», т. е. в 715 г., древние тюрки повторно покорили народ аз [Ölmez, 2012, s. 86, 99; Tekin, 2003, s. 51].

Места проживания азов не ограничивались территорией Северной Тувы. Скорее всего, именно они наиболее часто упоминаются как народ ач, живший в хакасских степях от реки Черный Июс до Енисея (в Боградском районе), на юг по реке Уйбату (Усть-Абаканский район) до Койбальской степи [Евтюхова, 1954, с. 214–215].

Во-вторых, наскальные памятники рунической письменности Тувы Алаш II и Саргол по основным характеристикам близки к руническим надписям Алтая. Например, алтайские эпитафии не обязательно наносились на стелы. Самая крупная алтайская эпитафийная руническая надпись древнетюркского времени находится на большом экране на северной оконечности горной гряды горы Кургак недалеко от села Тебелер Кош-Агачского района близ современного зимника [Дэвлет, 2008, с. 237, 246; Тыбыкова и др., 2012. С. 21].

В-третьих, возможно термин «täŋrikän», зафиксированный несколько раз в Алаш II являлся названием титула главы народа аз. В наскальных надписях святилища Большой Яломан III, находящегося в урочище Уркош (Онгудайский р-н Республики Алтай) найдены рунические строки, где дважды написано «мой тенгрикен» [Тугушева и др., 2014, с. 77, 81]. Титул «тенгрикен» встречается и в рунической письменности II Восточнотюркского каганата (Онгинская надпись), и чаще в уйгурских манихейских и буддийских текстах из Восточного Туркестана. Во всех случаях термин входит в титулатуру высших носителей государственной власти или является единственным обозначением государя [Тугушева и др., 2014, с. 81–82; Ölmez, 2012, s. 190].

Литература

Аранчын Ю.Л. К истории открытия и изучения памятников орхоно-енисейской рунической письменности // Ученые записки ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1995. – Вып. XVIII. – С. 68-82.

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л.: «Наука», 1983. – 128 с.

Древнетюркский словарь (ДТС) / Ред. колл.: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л.: «Наука», 1969. – 676 с.

Дэвлет М.А. Петроглифы на «тропе Чингисхана» // Урянхай. Тыва дептер / сост. С.К. Шойгу. – М.: Слово, 2008. – Т. VII. – С. 134-259.

Евтюхова Л.А. Южная Сибирь в древности // По следам древних культур: от Волги до Тихого океана. – М.: Госное изд-во культ.-просв. лит-ры, 1954. – С. 193-224.

Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – 328 с.

Кляшторный С.Г, Кубарев Г.В. Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (юго-восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. – Новосибирск, 2002. – Т. II. – С. 78-82.

Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. – М.: Наука, 2008. – 342 с.

Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические письменные памятники из Монголии. – М.: ИНСАН, 2008. – 192 с.

Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В. Надпись уйгурским письмом и рунические надписи из местности Уркош (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2014. – № 4 (60). – С. 77-82.

Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал Марсель. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2012. – 152 с.

Ölmez, Mehmet. Orhon-Uygur hanlığı dönemi Moğolistan′daki eski türk yazıtları. – Ankara: BilgeSu, 2012. – 328 s.

Tekin, Talat. Orhon Yazıtları: Kül Tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk. – İstanbul: Yıldız, 2003. – 152 s.

Э.В. Батунаев[99]

КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ В МОНГОЛИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКА

В статье рассматриваются процесс колонизации Монголии, проводимой Цинской империей на рубеже XIX-XX вв., который в дальнейшем мог привести к катастрофическим последствиям для монгольского народа.

Ключевые слова: Цинская имерия, Монголия, колонизационная политика, реформа, «новая политика», Богдо-гэгэн.

E.V. Batunaev

COLONIZATION POLICY QING EMPIRE IN MONGOLIA IN THE XIX-XX CENTURE

The article deals with the process of colonization of Mongolia conducted the Qing Empire at the turn of XIX-XX centuries., which later could lead to catastrophic consequences for the Mongolian people.

Keywords: Qing, Mongolia, colonization policy reform, «new policy» Bogd-Gegen.

Начиная со второй половины XIX в., Цинская империя стала активно проводить ряд масштабных экономических, политических и военных реформ модернизационного характера, вошедших в историю под названием «новой политики» («синь чжэн»). Проведение реформ объяснялось, главным образом, поворотом цинской политики в Монголии, ставившей целью колонизацию монгольских земель, увеличение численности маньчжурских войск, отстранение монгольских феодалов от

[99] БАТУНАЕВ Эдуард Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: Batunaeveduard@mail.ru

управления страной и усиление экономического господства китайского торгово-ростовщического капитала.

«Новая политика» распространялась на всю территорию Цинской империи, в том числе и на Монголию, которая существовала несколько обособленно и в своем внутреннем развитии имела известную долю самостоятельности. В связи с этим, маньчжурские правители видели в Монголии объект своей колонизационной политики, направленной на захват монгольских земель и превращения ее в одну из провинций Цинской империи.

В 1906 г. Лифаньюань была преобразована в Министерство колоний (Лифаньбу), что в определенной степени символизирует отход Цинского двора от ранее патерналистского отношения к его монгольским вассалам и отражает характер так называемого «нового курса», проводимого в Монголии с конца XIX в.

Основным стержнем проводимого курса была политика китайской колонизации монгольских земель и превращение Монголии в обычную рядовую провинцию Китая. Интересно отметить, что историки по-разному оценивают цели «новой политики», проводимой цинскими властями.

По мнению И.Я. Златкина: «Изменившееся отношение маньчжуров к китайской колонизации Монголии было вызвано следующими причинами, во-первых, ослабить недовольство китайского крестьянства, страдавшего от безземелья; во-вторых, воспрепятствовать укреплению позиций России в Монголии, образовав вдоль границы широкую полосу китайских поселений.

Предполагалось, что таким путем будет создан прочный барьер, преграждающий путь русскому влиянию в Монголии. Маньчжуры не останавливались перед тем, чтобы в принудительном порядке переселять от границы вглубь страны коренное население и заменять его переселенцами из Китая, которые должны были по расчетам пекинских правителей стать надежным оплотом» [Златкин, 1957, с. 135].

Н.Е. Единархова считает, что «пересмотр маньчжурской политики в отношении Монголии в последней четверти XIX в. был связан, во-первых, со сращиванием интересов маньчжурских чиновников и представителей торгово-ростовщических кругов Китая, и, во-вторых, с развитием кризисной ситуации в Китае, делавшим положение Цинской династии шатким» [Единархова, 2009, с. 108].

Другой монгольский историк Н. Хишигт, в свою очередь, выделяет две основные задачи «новой политики», проводимой цинскими властями:

– ликвидация самостоятельного существования Монголии с последующим установлением над ней непосредственного контроля со стороны Китая.

– китаизация монгольского общества, что представляло собой настоящую угрозу существования монголов» [Хишигт, 2011, с. 21].

По мнению Е.А. Белова, «главной и конечной целью тогдашних пекинских правителей была, по всей видимости, постепенная китаизация, ассимиляция монголов с тем, чтобы они навсегда и прочно оставались в пределах Китая» [Белов, 1998, с. 16].

Таким образом, можно сделать вывод, что маньчжуры, начиная со второй половины XIX века, начинают постепенно отходить от своей традиционной политики изоляции и патернализма и берут курс на активную колонизацию Монголии. Для осуществления намеченной реформы цинское правительство провело большую подготовительную работу, которая началась с регистрации распаханных полей и всех свободных земель, пригодных для распашки, с одновременным изучением природных богатств Монголии. В связи с этим началась подготовка к усиленной колонизации монгольских земель, прежде всего для развития земледелия. Заселение китайцами монгольских земель тяжело отразилось на положении монголов-скотоводов.

Как отмечает Г.С. Горохова: «После утверждения плана колонизации, торгово-ростовщические фирмы стали захватывать монгольские земли за долги, использовали под пашни, огороды и пастбища, на которых они пасли награбленный у монголов скот или превращали землю в предмет спекуляции. По данным представителя России в Монголии в 1909 г. площадь отчуждаемых земель в Южной Монголии достигла 4905000 десятин» [Горохова, 1980, с. 105].

Разветвленная сеть колонизационных бюро, подключение к процессу китайских банков, принудительное переселение китайцев стали основным орудием колонизации Монголии. От аренды, как основного средства землепользования в Монголии, Китай переходит к прямым захватам монгольских земель. Цинскими властями был отменен закон, ранее запрещавший засевание монгольских земель. С этого момента начинают поощряться китайские переселенцы, переезжавшие в Монголию с семьями, что означало начало экспансии в северную часть страны.

В ходе проведения «новой политики» были организованы специальные «бюро», которые наметили планы дальнейшей колонизации и составили проект соглашения с монгольскими князьями. В то же время был разработан детальный план китайской колонизации, согласно которому поощрялась массовая миграция китайских крестьян, особенно в пограничные с Россией районы. Вместе с тем происходило усиление роли маньчжурской администрации и ограничение прав местных властей, готовилась реорганизация гражданского и военного управления в духе общей трансформации государственного устройства страны. В частности, был издан императорский указ об участии представителей Монголии в будущем китайском парламенте. Также для проведения ускоренной колонизации в Урге, Улясутае, Кобдо были открыты отделения китайского Дайцинского банка.

В целях усиления своих войск Цинская империя стала активно проводить военную реформу. Она предусмотрительно укрепляла армию на границе с Россией, заменяя монгольские караулы на маньчжуро-китайские военные гарнизоны. Что касается роста численности китайского населения, по данным К. Дэмбэрэла, «в 1909 г. в Монголии насчитывалось 20 тысяч китайцев, а в 1910 г. их численность достигла 100 тысяч только в одной Урге» [Дэмбэрэл, 2002, с. 47].

Таким образом, китайское население в городах Монголии, прежде всего, в Урге существенно увеличилось, цинские власти всячески поддерживали колонизацию

Монголии. Как известно, «новая политика» предусматривала весьма широкую программу по отношению к Монголии, поскольку на очередь ставилась задача использования огромных запасов свободных земель и полезных ископаемых этой страны. Кроме того, ярким примером вторжения маньчжуров во все сферы монгольской жизни стало снятие запретов на бракосочетание между монголами и китайцами, принятие монголами китайских фамилий, изучение ими китайской письменности и привлечение китайцев на службу в Монголии. С целью наведения общественного порядка и предупреждения недовольства масс в городах и поселениях Северной Монголии создавались отделы карательной полиции.

Вместе с тем стоит отметить, что китайское экономическое влияние в Монголии обладало существенным преимуществом по сравнению с российско-монгольской интеграцией, позволявшим маньчжурам активно действовать и использовать более китаизированную Внутреннюю Монголию как возможный плацдарм в наступлении на Северную Монголию. В то же время Цинская империя заявила о своем желании издать «Устав по организации при таможенных пунктах транспортных комитетов», которые с 1911 г. должны были заниматься сбором таможенных пошлин с любого вида транспорта между городами внутри Монголии и с ввозимых и вывозимых товаров из расчета за каждый вьюк верблюда. Собранные средства должны были пойти на обеспечение новой политики.

В целом нужно сказать, что в Монголии было создано более 20 новых организаций, подведомственных маньчжурам. При этом все намеченные для Монголии преобразования в основном осуществлялись за счет местного бюджета. Последнее является свидетельством того, что маньчжуры проводили в этом направлении целенаправленную политику насаждения китайской культуры, образования, нравов, что в дальнейшем могла привести к потере государственности, чувства национального самосознания монгольского народа. Реформа коснулась и других важных областей монгольской жизни. В частности, с конца XIX в. началось обучение детей монгольских верхов маньчжурскому и китайскому языкам. Данный факт говорит о дальновидности маньчжурских властей, заранее готовивших свои управленческие кадры в Монголии.

Несмотря на отсутствие указаний в проведении реформ в области традиционной религии, маньчжуры довольно ревниво относились к росту численности монгольских лам и стремились ослабить влияние буддизма в стране. Именно буддизм нес в себе консолидирующее начало, которое могло стать грозным идеологическим оружием в борьбе за независимость монголов. Не случайно, что именно религия в дальнейшем станет одним из организаторов борьбы за независимость монголов. Монголия издавна считалась буддистской страной, где более треть населения принадлежала к церковному сословию и в духовном, и в политическом отношениях. Она все больше отчуждалась от иноверных маньчжуро-китайских угнетателей. В этой связи наиболее характерным является тот факт, что возрождение монгольской государственности произошло в форме буддийской монархии.

Поэтому, именно Богдо-гэгэн, глава буддийской церкви, стал своеобразным знаменем и символом возрождения монгольского государства.

Буддистская церковь играла значительную роль в жизни монгольского общества, обладала значительным экономическим могуществом и мощным политическим влиянием. К числу влиятельных государственных учреждений Монголии относилось Велико-Шабинское ведомство (Ихэ-Шаби). В разное время монгольские князья в знак благодарности перед Богдо-гэгэном дарили ему людей, которые становились крепостными монгольской церкви. В дальнейшем религия сыграла важную роль в развитии национально-освободительного движения, во главе которого был духовный лидер всех буддистов Богдо-гэгэн.

Из вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что процесс колонизации охватил практически все монгольские земли и получил широкую поддержку в лице маньчжурских властей, что в будущем могло привести к катастрофическим последствиям для монгольского народа. По мере активизации цинской политики усилилась торгово-ростовщическая деятельность китайских купцов. Крупнейшими китайскими фирмами в Монголии, занимавшимися преимущественно ростовщическими операциями, были фирмы: Да Шэнху, Тянь Идэ, Юань Шэндэ и Юн Цзичэна. Общий годовой оборот всех китайских фирм во Внешней Монголии к концу XIX в. исчислялся в несколько десятков миллионов лан. О богатстве фирм Да Шэнху и Юань Шэндэ монголы образно говорили, что первая из них может устлать дорогу от Урги до Пекина (2 тыс. км) 50-лановыми серебряными слитками, а вторая – покрыть всю эту дорогу верблюдами по паре в ряд [История монгольской народной революции 1921 г., 1971, с. 228].

Следует отметить, что только одна китайская фирма Да Шенху ежегодно угоняла из Северной Монголии в Китай до 500 тыс. овец и до 70 тыс. лошадей [Майский, 1959, с. 172]. По образной оценке К. Дэмбэрэла, «Монголия в качестве китайской провинции, взятой за горло китайским рынком, являлась самой непосредственной жертвой китайской колонизации. Цинский Китай нес в Монголию экономическое рабство, разрушал основные устои монгольского экономического быта и, вместе с тем, выкачивал из Монголии весь ее доход, но с каждым годом вывозил капитал и подрывал ее народное хозяйство» [Дэмбэрэл, 2002, с. 49].

За счет исключительно низкой цены на монгольское сырье и искусственно установленной китайскими купцами высокой цены на привозимые ими товары, перепродавая сырье предпринимателям Европы, Америки и Японии, а также, отпуская товары в кредит под высокий процент монгольскому населению, они превращались в богатейших компрадоров.

По свидетельству известного русского монголоведа А.М. Позднеева: «Капиталы некоторых китайских фирм в Монголии возросли до десятков миллионов» [Позднеев, 1896, с. 317]. Кредитуя товарами и деньгами монгольских феодалов и аратов, торгово-ростовщические фирмы Китая делали все, для того чтобы превратить их в неоплатных должников. Они начисляли проценты на первоначальную сумму долга. Китайские ростовщические фирмы ежегодно отбирали у монгольских аратов в счет

погашения долгов и процентов все большее количество скота и сырья, которое вывозилось в Китай, а оттуда на рынки Англии, США и других стран мира.

Характеризуя китайскую торговлю, И.М. Майский отмечает: «Если хозяева отказывались от всего или части привезенного в долг товара, приказчик, сопровождавший караван вынимал хадак, глиняный горшочек с вином, какую-нибудь мелочь по части галантереи и все это с поклоном преподносил строптивому монголу. Не принять подарка было нельзя, по монгольским понятиям, это означало бы жестокое оскорбление… Таким путем китайские купцы, почти насильно, заставляли монголов влезать в долги, за которые впоследствии им приходилось тяжело расплачиваться» [Майский, 1959, с. 176].

Таким образом, китайский торгово-ростовщический капитал создал в Монголии гибкую организацию, помогавшую ему сохранять монопольное положение на монгольском рынке. В качестве основного средства закабаления и эксплуатации аратов применял систему продажи товаров в долг с условием погашения долга определенным видом сырья или скота. На долг начислялись высокие ростовщические проценты. Кроме того, каждый аймак, каждый хошун, каждая аратская семья находились в неоплатном долгу перед китайскими купцами.

В связи с этим необходимо дать оценку ученых, описывавших тяжелое положение монголов, находящихся в зависимости от маньчжуро-китайских властей. Известный монгольский историк Б. Ширендыб отмечает, что «разоренные араты бесплатно трудились у феодалов, батрачили у богатых аратов, занимались охотой и ремеслом, работали проводниками караванов у торговцев, а небольшое количество аратов начали заниматься земледелием, и лишь немногие шли на работу к иностранным купцам» [История монгольской народной революции 1921., 1971, с. 22].

В то же время, анализируя бедственное положение монголов, агент русского министерства торговли А.П. Болобан отмечает: «Все чиновники единогласно утверждают, что население хошунов уменьшается…» [Болобан, 1914, с. 51-52]. Практикуя крайний национализм, китайская политика того времени истребляла монголов для того, чтобы сюда устремилась переселенческая волна. Как отмечали в своих заметках русские ученые М.И. Боголепов и М.Н. Соболев, «волны Желтого моря… заливали изможденную Монголию» [Боголепов, Соболев, 1911, с. 72].

Другой известный монголовед А.В. Бурдуков пишет в своих воспоминаниях следующее: «Пробуждение к жизни монгольского народа было вызвано возрастающей агрессивностью Китая, двинувшего волны переселенцев, которые заполнили всю Внутреннюю Монголию, а затем устремились в Восточную Халху, Ургу и другие менее значительные центры Северо-Западной Монголии. Покровительствуемые китайскими властями, они захватывали наиболее удобные земли для поселения… Вот это-то, начавшееся поглощение Китаем Монголии и угроза неизбежной ассимиляции, и разбудили у монголов чувство национального самосохранения» [Бурдуков, 1969, с. 27]. Маньчжурское владычество губительно отразилось не только на материальных условиях жизни трудящихся масс, но и на росте народонаселения.

Таким образом, произвол цинских чиновников, хищническая деятельность китайского торгово-ростовщического капитала, массовое переселение китайцев, захватывавших лучшие земли в Монголии, утрата национальных ценностей не могли не вызывать сопротивления коренного населения. Все эти действия цинских властей в Монголии вызывали рост антиманьчжурских и антикитайских настроений, которые выливались в социальные выступления против иноземной власти. Нужно отметить, что все перечисленные процессы развивались на фоне обостряющегося внутриполитического кризиса империи, явившегося причиной Синьхайской революции в Китае в 1911-1913 гг. Проводимые маньчжурскими властями мероприятия вызвали широкое недовольство различных слоев монгольского общества, способствовали подъему национального самосознания, вылились в массовые протесты и выступления против цинских властей. Эти выступления в дальнейшем подготовили почву для национально-освободительной борьбы и сформировали мировоззрение монгольского народа.

Литература

Белов Е.А. Россия и Монголия в начале XX в. (1911 – 1919 гг.). – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. – 235 с.

Болобан А.П. Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении. Отчет Болобана за 1912-1913 год. – Пгт.: тип. В.О. Киршбаума, 1914. – 207 с.

Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии: Воспоминания и письма. – М.: Наука, 1969. – 419 с.

Горохова Г.С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII – начало XX в.). – М.: Наука, 1980. – 131 с.

Дэмбэрэл К. Влияние международной среды на развитие Монголии: Сравнительный анализ в историческом контексте XX века. – Иркутск: Оттиск, 2002. – 122 с.

Единархова Н.Е. Колонизация Монголии (XVII – начало XX вв.): учеб. пособие Вост.- Сиб. гос. акад. образования. – Иркутск, 2009. – 252 с.

Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. – М.: Изд. Вост., 1957. – 299 с.

История монгольской народной революции 1921. – М.: Наука, 1971. – 661 с.

Майский И.М. Монголия накануне революции. – М.: Изд-во вост. лит., 1959. – 310 с.

Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция в Монголию в 1910 г. / М.И. Боголепов, М.Н. Соболев; Т. I. – Томск: Типогр.сибирск.печ.дела, 1911. – 72 с.

Позднеев А. М. Монголия и Монголы: Результаты поездки в Монголию, исполн. в 1892-1893 гг. Т.1. Дневники и маршрут 1892 года. Изд. имп. русск. геогр. общ. – Спб, 1896. – 696 с.

Хишигт Н. Восстановление независимости Монголии в 1911-1921 гг. // Вестник БНЦ СО РАН. – 2011. – №3. С. 19-35.

Н.С. Гончарова[100]

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА (20-50-е гг. XX вв.)

В статье рассматривается начальный этап реконструкции мировоззрения населения Южной и Западной Сибири эпохи палеометалла. Период 20-50- гг. XX в. характеризуется накоплением источников, систематизацией имеющихся данных, постановкой первых вопросов

[100] ГОНЧАРОВА Наталья Сергеевна – хранитель фондов Музея археологии и этнографии Алтая, ассистент кафедры политической истории Алтайского государственного университета. E-mail: znsgns_p@mail.ru

относительно возможности мировоззренческих реконструкций на материалах памятников древних народов Сибири эпохи энеолита и бронзы.

Ключевые слова: мировоззрение, реконструкция, Южная Сибирь, Западная Сибирь, эпоха палеометалла, историография.

N.S. Goncharova

INITIAL STAGE OF THE RECONSTRUCTION OF WORLDVIEW OF POPULATION OF SOUTH AND WEST SIBERIA IN PALEOMETAL AGE: HISTORIOGRAPHY OF CONCEPTION (THE PERIOD FROM THE 20-S TO THE 50-S OF THE XX CENTURY)

The article takes up the issue of the initial stage of the reconstruction of worldview of population of South and West Siberia in Paleometal Age. The period from the 20-s to the 50-s of the XX century is characterized by the accumulation of sources, systematization of collected data, the statement of problem about the possibility of worldview reconstructions with materials of monuments of ancient peoples of Siberia at Eneolithic and Bronze Ages.

Key words: worldview, reconstruction, Southern Siberia, Western Siberia, Paleometal Age, historiography.

В начале XX века в отечественной археологии проводились активные полевые и теоретические исследования. Продолжалось изучение известной ранее карасукской культуры, по материалам которой уже имелась источниковая база, позволяющая делать определенные выводы о тех или иных аспектах жизни древнего человека [Киселев, 1951]. Велись работы на окуневских памятниках, культурная принадлежность которых была определена несколько позднее [Максименков, 1965]. Кроме того исследователями была выделена андроновская культура [Теплоухов, 1927; 1929], что стало одним из факторов роста интереса к древнему искусству и погребальному обряду как к источникам, отражающим различные компоненты представлений древнего человека о мире.

Обширное число работ отражают активную работу ученых на протяжении всего этого периода. В числе некоторых важнейших направлений исследований в частности следует отметить накопление источников посредством проведения археологических работ, определение культурной принадлежности и систематизацию полученных материалов [Грязнов, Шнейдер, 1926; 1929; Киселев, 1929; 1951; Комарова, 1947; Липский, 1949; 1956; и др.].

Рассматриваемый период по качественному содержанию направлений научной работы именно в области реконструкции представлений древнего человека о мире следует характеризовать во многом как подготовительный. При этом важно подчеркнуть, что реконструкция мировоззрения отдельных народов развивалась и ранее, но на материалах более поздних исторических периодов. К материалам эпохи палеометалла с территории Сибири для подобного рода изысканий исследователи обращаются только с 20-х гг. XX в. Следует отметить, что

в первоначальный период исследования мировоззрения ученые лишь косвенно касаются вопросов, связанных с интерпретацией назначения предметов материальной культуры, погребальных памятников и памятников искусства. При этом, несмотря на то, что исследователи не ставили своей основной задачей решение вопросов реконструкции мировоззрения, их труды уже тогда затрагивали основополагающие вопросы и содержали важные сведения, послужившие впоследствии для развития ряда идей и построения теорий.

Так, большое значение получила периодизационная схема С.А. Теплоухова, предложенная им еще в 1923 г. и окончательно уточненная в 1929 г. [Теплоухов, 1927; 1929]. Важность ее для развития направления реконструкции мировоззрения, прежде всего в том, что она строится на основе устройства могильных сооружений и погребального инвентаря. При этом затрагиваются вопросы назначения погребального инвентаря, его функций. Погребальный инвентарь ученым рассматривается, прежде всего, как источник сведений о хозяйстве населения. При упоминании особенностей устройства погребальных памятников и их масштабности упор делается на важности коллективной сплоченной работы при их сооружении [Теплоухов, 1929]. Такое акцентирование, безусловно, объясняется условиями существования советской исторической науки. Исследователи уже на начальном этапе обращают свое внимание на источники мировоззренческих идей древнего общества [Теплоухов, 1929; Киселев, 1933а; 1933б]. Однако попытки интерпретации таких источников определяются существовавшей в то время идеологической системой. Методология исторической науки этого периода, базирующаяся на трудах представителей марксизма-ленинизма, хотя и предполагала обращение не только к особенностям хозяйства, быта, но и культуры, однако оставляла в тени или без объективного освещения вопросы, касающиеся реконструкции мировоззрения. Исследователи стремились представить имеющиеся данные так, чтобы они отражали основные тенденции и выводы марксистко-ленинской теории относительно истории общественного развития. Показательной в этом отношении следует назвать работу С.В. Киселёва «Разложение рода и феодализм на Енисее» [1933]. Другие ученые и впоследствии сам автор работы указывали на ряд ее недостатков [Равдоникас, 1933; Киселев, 1949]. Вместе с тем следует отметить этот труд как одну из первых попыток обратить внимание, в том числе и на особенности культуры древних обществ Южной и Западной Сибири.

В кон. 40-х – нач. 50-х гг. XX в. в исследованиях наблюдается рост внимания к мировоззренческой проблематике. Ученые указывают, что определение назначения предметов материальной культуры позволяет не только расширить сведения о культуре некоторых древних народов Южной и Западной Сибири, но и даст возможность представить их мировоззрение [Грязнов, 1950]. Исследование М.П. Грязновым [1950] назначения минусинских каменных изваяний и воплощенных в них древних образов позволило сделать выводы о существовании определенных религиозных представлений (о наличии культа женщины-

прародительницы) в среде андроновских племен. Серьезный сдвиг в вопросах семантики в этой работе был связан, в том числе и с применением при реконструкции мировоззрения данных этнографии.

Значительным вкладом становится появление работы С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», изданной в 1949 г. и в 1951 г., где наряду с бытом, обществом, инвентарем автор рассматривает и особенности религиозных представлений. Основываясь еще во многом на собственных предположениях и логических догадках, ученый при этом активно использует традиционный подход к реконструкции мировоззрения древнего населения [Киселев, 1951, с. 99-100; 170]. Использование им некоторых параллелей довольно спорно (например, в китайской культурной традиции), тем не менее, работа насыщена массой удачных реконструкций и знаменует собой один из индикаторов переходу к следующему качественному этапу развития направления мировоззренческих реконструкций.

С 60-х гг. XX в. внимание к вопросам мировоззренческих реконструкций становится все более пристальным, значительно увеличивается объем работ по данному направлению [Вадецкая, 1965; 1967; Хлобыстина, 1971]. Во второй половине XX века изменились условия развития исторической науки, развиваются методологические принципы, растет число исследований в смежных дисциплинах [Васютин, Дашковский, 2009, с. 41; Дашковский, 2011]. Повышается интерес к интерпретации предметов древнего изобразительного искусства. Все чаще в своих трудах исследователи начинают прибегать к поиску этнографических параллелей к археологическому материалу, широкое распространение получает традиционный подход.

Таким образом, на данном этапе реконструкция мировоззрения древнего населения Южной и Западной Сибири по материалам эпохи бронзы только зарождается, предваряясь необходимыми для нее условиями. Ситуация в советской исторической науке того времени, отсутствие необходимого количества источников и должного уровня развития методологических принципов не самым лучшим образом сказывались на результатах изысканий. Обозначенная проблематика в это время закономерно еще не получила значительного развития как в последующие периоды. Однако, работа, проведенная учеными в 20-е – 50-е гг. XX в. позволила создать серьезную платформу для дальнейших исследований и в частности сформировать основу для последующего развития реконструкции мировоззрения населения Южной и Западной Сибири по материалам эпохи палеометалла.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект № 13-21-03001а/G, тема «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии»)

Литература

Вадецкая Э.Б. Древние идолы Енисея. – Л: Наука, 1967. – 78 с.

Вадецкая Э.Б. Изображения зверя-божества из Хакасии // Новое в советской археологии. – М. – 1965. – С.174-176.

Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 400 с.

Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА._– М- Л. – 1950. – С. 128-156.

Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. Древние изваяния Минусинских степей //Природа. – 1926. – №11-12. – С. 100-105.

Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. Древние изваяния Минусинских степей //Материалы по этнографии. Том IV. – Вып. 2. – Л.: Издание государственного русского музея, 1929. – С. 63-93.

Дашковский П.К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 244 с.

Киселёв С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Гос. Музея им. Н.М. Мартьянова в г. Минусинске. – 1929. – Вып. 2. – С. 1-162.

Киселёв С.В. Разложение рода и феодализм на Енисее // Изв. ГАИМК. – Вып. 65.- Л., 1933а. – 34 с.

Киселёв С.В. Семантика орнамента карасукских стел // Из истории докапиталистических формаций. – М.: Наука, 1933б. – С. 280-291.

Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. Вып.9 – М.-Л., 1949. – 364 с.

Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Издательство Академии наук ССС, 1951. – 635 с.

Комарова М.Н. Погребения Окунева улуса // Советская археология. – 1947. – Том IX. – С. 47-60.

Липский А.Н. Раскопки древних погребений в Хакассии в 1946 г. // КСИИМК – М.-Л., 1949. – Вып. XXV. – С. 76-86.

Липский А.Н. Карасукские погребения (1200—700 лет до н. э.) в г. Абакане // Краеведческий сборник № 1. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1956. – С. 96-155.

Липский А.Н. Раскопки древних погребений в Хакассии в 1946 г. // КСИИМК. – Вып. XXV. – М.-Л., 1949. – С. 76-86.

Максименков Г.А. Окуневская культура в Южной Сибири // Новое в советской археологии – М.: Наука, 1965. – С. 168-174.

Равдоникас В.И. Предисловие / Киселёв С.В. Разложение рода и феодализм на Енисее // Изв. ГАИМК. – Вып. 65. – Л., 1933. – С. 3-5.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. – Т. III. – Вып. 2. – Л.: Издание государственного русского музея, 1927. – 114 с.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. (В кратком изложении) //Материалы по этнографии. Т. IV. – Вып. 2.- Л.: Издание государственного русского музея, 1929. – С. 41-62.

Хлобыстина М. Д. Древнейшие сибирские мифы в памятниках окуневского искусства // Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 172–176.

Л.С. Дампилова[101]

ФОЛЬКЛОРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ШАМАНСКИХ ОБЪЕКТОВ

В статье представлены результаты исследования петроглифов и писаниц неолитического периода в Бурятии, связанные с шаманскими ритуально-обрядовыми действами. Сравнительное исследование вербального и реального пространства проводилось специалистами в области фольклора и археологии. Было выявлено, что у бурятских и монгольских шаманов в религиозную практику и мифологию входили такие объекты культового характера, как писаницы, петроглифы, горные городища-крепости, ранее входившие в пантеон святилищ у древних курыкан и протомонголов.

Ключевые слова: петроглиф, писаница, гора, рисунок, обряд, ритуал, святое место, символ, семантика.

[101] ДАМПИЛОВА Людмила Санжибоевна – д. филол. н., зав. отделом литературоведения и фольклористики ИМБТ СО РАН. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

L.S. Dampilova

FOLKLORE AND ARCHEOLOGICAL RESEARCH ON SHAMANIC OBJECTS

The article deals with results of joint research of petroglyphs and neolithic rupestrian drawings of Buryatia connected with shaman ritual and ceremonial actions. Comparative research of verbal and real space was conducted by specialists in folklore and archeology. It was revealed that religious practice and mythology of the Buryat and Mongolian shamans included such objects of cult character as neolithic rupestrian drawings, petroglyphs, mountain sites of ancient settlement, fortresses which were earlier entering a pantheon of holy places of the ancient Kurykans and Protomongols.

Keywords: petroglyph, neolithic rupestrian drawing, mountain, drawing, ceremony, ritual, holy place, symbol, semantics.

Благодатной почвой для комплексных фольклорных, этнографических и археологических исследований являются культовые памятники (горы, писаницы, шаманские камни, бариса), включенные в практику монгольского и бурятского шаманизма. Несомненный интерес представляет компаративистский анализ вербального и визуального (онгоны, писаницы, петроглифы) материалов, контекстное и интертекстуальное описание обрядово-ритуальных событий. Необходимо проводить исследование как существующих объектов, так и музейных шаманских коллекций и археологических материалов, показывающих эволюцию шаманских атрибутов в хронологическом срезе. Сравнение рисунков бурятских шаманов на одежде и атрибутах, онгонах и предметах быта с рисунками на писаницах дает нам основание проследить генезис, выявить корни шаманистических и дошаманистических верований, лучше понять сущность зарождения традиционных религиозных представлений рыболовов приозерья, охотников тайги и скотоводов степей.

Рисунки на писаницах Монголии и Бурятии представляют собой как мифологическую, так и историческую картину мира, шаманских божеств, культовые предметы, древние заклинания. Сибирскими археологами, этнографами и фольклористами собран богатейший материал о культовом почитании писаниц и петроглифов. Эти «отшлифованные веками ритуальные формулы, заклинания или молитвы» [Окладников, 1976, с. 225] прочитываются как знаки, посланные с неба.

Нами, фольклористами, совместно с археологами исследованы некоторые петроглифы и писаницы, связанные с шаманскими ритуально-обрядовыми действами. Как известно, существуют ежегодные ритуальные обряды почитания (тайлган, хаялга, дуhалга, заhал, хэрэг), посвященные как собственно божествам, так и их каменным изображениям или писаницам. Содержание шаманских песнопений сопряжено с определенным обрядово-ритуальным действом, и призывания необходимо комментировать, учитывая конкретную ситуацию, исполнителя и место проведения обряда. Многие символы шаманских песнопений раскрываются только в контексте ритуала.

Проведены экспедиционные исследования в Тункинском, Мухоршибирском, Хоринском районах Бурятии. Исследованы древние шаманские рисунки (писаницы) в Верхоленье (Шишкинские писаницы, Манхайские писаницы) и петроглифы Бурятии (писаницы Хойто-Хапсагай). По мнению Б.Б. Дашибалова, исследование городища Шара-Тэбсэг в Мухоршибирском районе Бурятии демонстрирует включенность древних городищ в культовую практику бурятских шаманов. При исследовании петроглифов Хойто-Хапсагай в Хоринском районе Бурятии отмечено наличие функционирующих шаманских культовых мест. Большое внимание уделено объектам культового характера курумчинской культуры, которые в последующем были включены бурятскими шаманами в религиозную практику (городища Манхай, Байтог). Изучены культовые горы в Тункинском районе (Буха-нойон, Шаргай нойон, Табан Хурган, Хойто-Хапсагай) и их роль в реальной практике местных шаманов, записаны обрядовые действа, посвященные Буха-нойону. Исследованы зураг Хан-Шаргай нойона, Боро-Шарга в Аларском аймаке в сравнении с обрядом, записанным С.П. Балдаевым [Балдаев, ф. 36; оп. 1; д. 1046]. Нами исследованы шаманский камень на острове Ольхон, знаменитая гора Ёрд, наполовину сложенная из принесенных верующими шаманистами камней, составляющих лестницу шамана. На вершине горы – вросший в землю краеугольный камень, как бы олицетворяющий вместилище духов шаманов.

В экспедиции в Качугский район Иркутской области мы сравнили богатый вербальный материал о «черных всадниках» Ажарай Бухэ и Харамцай Мэргэн с рисунками на Шишкинских писаницах. Многие места в Верхоленье и Шишкинские писаницы являются сакральными объектами, воспеваемыми в песнопениях о знаменитых «черных всадниках».

По родословным преданиям и легендам бурят Ажарай Бухэ принадлежал к монгольскому племени Архад и пришел в Предбайкалье из Халхи со среднего течения реки Керулен [Балдаев, 1970, с. 340; 358]. Почитаемая святыня верхоленских бурят – Шаманский камень является резиденцией хозяев реки Лены. Верхоленские буряты проводили ежегодные обряды жертвоприношения грозным духам «черных всадников» во главе с шаманом, в совершенстве знающим последовательность ритуала и текст призывания. Нашли место, где проводился тайлган хозяину реки Лены, записанный С.П. Балдаевым [Балдаев, ф. 36; оп. 1; д. 1103]. По сведению информантов, тропа на Шаманской горе являлась судным местом: подозреваемого в преступлении проводили по узкой тропе, и если он срывался с обрыва, считался виновным. Экспедиции были ценны и для уточнения топонимических названий, встречающихся в шаманских текстах. Например, в призываниях встречается название Хулмээнгэ, значение которого стало понятным только после посещения святых мест верхоленских бурят. Хулмээнгэ представляет бурятский вариант названия реки Куленга в долине Лены.

Символика «черных всадников» в шаманских призываниях проясняется в соединении с сюжетами петроглифов со священной скалы на Лене у деревни

Шишкино, около которой, по легенде, был убит Ажарай Бухэ. По этому поводу А.П. Окладников пишет: «Родство изложенных выше бурятских легенд о Хара-Ажирае с шишкинскими рисунками очевидно. На образе грозного хозяина Черного коня и владыки Лены, несомненно, так или иначе, отразились изображения воинственных курыканских всадников, сидящих на таких же черных от загара лошадях» [Окладников, 1976, с. 171].

В шаманских легендах бурят превращения исторических лиц в мифологические персонажи естественны. Функция героя меняется в семантическом контексте призывания в зависимости от поля обрядового действа.

В шаманских призываниях наскальные и пещерные рисунки имеют своих хозяев, которым ежегодно посвящались специальные ритуальные обряды поклонения. Духи шаманов и божеств выступают хозяевами этих письмен (зураг ай эзэн). На писанице, находящейся на горе Хашхай в долине реки Унги (левый приток реки Ангары), изображены сцены из жизни жителей долины. Нарисованы охотники, повседневный быт людей. Особо выделены хозяева данной писаницы Толгой Саган нойон и Толото Саган хатан, которым посвящался ежегодный обряд жертвоприношения как спустившимся по небесному начертанию божествам. Почитались они как духи-защитники, покровители пришлого рода сартул:

Бурхата тэнгэриин байтаран	При наличии божественного неба
Байса шулуунда hууридаһан,	На камне расположившиеся,
Хан тэнгэриин байсаран,	При наличии царственного неба
Хашхай шулуунда hууридаһан.	На Хашхай камне обосновавшиеся.

[Балдаев, ф. 36; оп. 1; д. 1275, л. 17]

Зачастую камни и скалы необычной формы становятся объектом поклонения. Подобным камням приписывают небесное происхождение и проводят обряды поклонения как спустившимся божествам в виде камня. Так, в улусе Шаралта (Шаралдай) Боханского района Иркутской области почитали как Буумал шулуун ‘Спустившийся камень’ большую плиту четырехугольной формы высотой более двух метров, одной стороной ушедшую в землю. Ежегодно жители Шаралдая проводили хозяину камня тайлаган лошадью и молочной водкой. Правила проведения ритуального обряда, посвященного камню, идентичны с обрядами поклонения хозяевам местности, ответственным лицом на церемонии может быть не только шаман, но и знающий обряды старик.

При обряде, проводимом данному камню, подразумевается наличие хозяина камня – определенного духа, спустившегося на землю и вселившегося в камень. В тексте дух-хозяин камня призывается как благодетель, даритель богатства и детей:

Энэ дайдаяа эзэлээшэн,	Этой землей владеющий,
Хаан дайдаяа хараашан,	За царственной землей следящий,
Адуутай баян болгоһон,	Скотом, богатством наделивший,
Ашатай унэр болгоһон,	Детьми, внуками одаривший,

Рис. 1 . гора Хашхай

Рис. 2. Дворец Ажарай Бухэ

Рис. 3. Шишкинская писаница

Буумал сагаан бурхан!	Спустившийся белый бурхан!

[Балдаев, ф. 36; оп. 1; д. 1196]

Не менее интересным представляется в некоторых призываниях указание на то, с какого именно неба данный камень спустился. Например, камень, почитаемый потомками рода улуухэн и расположенный недалеко от улуса Усть-Хамхар Нукутского района, призывался как спустившийся с Водяного тэнгри:

Уһан хадай тэнгэриһээ	С водяного тэнгри
Бударгатай буумал,	С мелким снегом спустившийся,
Сагаан шулуун,	Белый камень
Сахилгаата буумал.	С молнией спустившийся,
Ехэ шулуун,	Большой камень
Елбэтэй шулуун!	Шероховатый камень,
Улууханай буумал шулуун!	Улуханский спустившийся камень!

[Балдаев, ф. 36; оп. 1; д. 1196]

Итак, в культе гор и камней можно выделить отдельно горы со спустившимися на них небожителями или духами местных шаманов, ставших хозяевами, определенные скалы и камни необычной формы, а также писаницы с рисунками. Небесные мнемонические знаки как ритуальные символы, обладая определенной семантикой, обретают особый смысл в соотношении с ритуалом и вербальным материалом. В бурятской мифологии шаманский дар имеет небесную природу, поэтому шаманы, связанные с небожителями, способны расшифровывать коды, небесные знаки, не понятные для непосвященных. В связи с этим многие горы, скалы и камни как медиаторы между мирами являются объектами поклонения, которым посвящаются специальные ритуальные обряды. Сравнительное исследование вербального и реального пространства выявили, что у бурятских и монгольских шаманов в религиозную практику и мифологию входили такие объекты культового характера, как писаницы, петроглифы, горные городища-крепости, ранее входившие в пантеон святилищ у древних курыкан и протомонголов.

Литература

Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 1046 – Хаан Шарга ноёной дурдалга = [Призывание Хан Шарга нойона] : записано в Аларском районе во время общественного жертвоприношения в 1940 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. С.П. Балдаева № 36, оп. 1, д. 1046.

Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 1196 – Улуухэнэй буумал шулуун : записано от П. Тушемилова, 68 л., улус Нукут Унгинского хошуна, июль 1918 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. С.П. Балдаева № 36, оп. 1, д. 1196.

Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 1275 – Писаница на горе Хашхай. Улус Хашхай, сортолов род, Унгинское ведомство, Балаганский уезд, Иркутская обл., 1910 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. С.П. Балдаева № 36, оп. 1, д. 1275, 11 л.

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. I. / С. П. Балдаев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. – 364 с.

Окладников А. П. История и культура Бурятии / А. П. Окладников. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. – 460 с.

Б.С. Дугаров[102]

МОНГОЛЬСКИЕ ЭТНОНИМЫ В ТЮРКСКИХ ЭПОСАХ И ИХ ПАРАЛЛЕЛИ В «СОКРОВЕННОМ СКАЗАНИИ»

Статья посвящена выявлению монгольских этнонимов в тюркских эпосах «Манас», «Идегей» и «Алпамыш» с привлечением их этнонимических параллелей в «Тайной истории монголов». Исследовательские выводы свидетельствуют о значительной этнической интеграции тюркских и монгольских племен в период XIII – XVI вв. на территории Средней Азии, Казахстана и Поволжья, нашедшей отражение в эпических памятниках того времени.

Ключевые слова: эпос, этнонимы, этническая история, монголы, тюрки.

B.S. Dugarov

MONGOLIAN ETHNONYMS IN TURKIC EPOS AND THEIR PARALLELS IN THE «SECRET HISTORY»

The article is devoted to the identification of the Mongolian ethnonyms in Turkic epic «Manas», «Idegei» and «Alpamysh» involving their ethnonymic parallels in «The Secret History of the Mongols.» Research findings suggest considerable ethnic integration of Turkic and Mongol tribes in the period XIII – XVI centuries on the territory of Central Asia, Kazakhstan and the Volga region, as reflected in the epic monuments of the time.

Key words: epic, ethnonyms, ethnic history, the Mongols, the Turks.

Монгольские племена являются одним из доминирующих этносов в истории Центральной Азии на протяжении многих столетий. Их этнические предки и предшественники входили в состав различных степных империй, начиная с хунну, и создавали собственные кочевые государства, такие как сяньби, жужани и кидани. Звездный час монгольского этноса пришелся на тринадцатый век с образованием супердержавы под эгидой Чингисхана, оказавшей сильнейшее влияние на изменение этнической карты Евразии, о чем свидетельствуют не только завоевания монголов, но и их активное участие в этногенезе народов Средней Азии, Казахстана и Поволжья. Этот сложный исторический процесс нашел отражение в эпических памятниках тюркских этносов, в частности в киргизском эпосе «Манас», татарском «Идегей», узбекском «Алпамыш», которые привлекаются в качестве источников для нашей статьи, а также «Сокровенное сказание монголов» (1240) – для сравнительной этнонимии.

Эпос «Манас» по праву признается знаковым произведением устного народного творчества киргизов, отразившем, как в магическом зеркале, многовековую этнокультурную традицию и историю народа, создавшего это сказание. Одной из характерных особенностей этой многослойной эпопеи является то, что она в известной степени исторична, так как эпический текст отражает в художественной форме различные периоды киргизской истории. При этом в контексте со-

[102] ДУГАРОВ Баир Сономович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
E-mail: khairkhan@mail.ru

держания эпоса раскрывается мир этнических связей с народами Центральной Азии и других сопредельных территорий, начиная с древних времен.

По мнению исследователей, начальное ядро эпоса «Манас» сложилось в X веке в период экспансии кара-китаев, которые неоднократно упоминаются в эпосе. Причем они частично ассимилировались в составе киргизов, о чем свидетельствует этноним кара-китаи в их родоплеменной структуре. В эпосе «Манас» упоминаются также названия таких народов, как шибээ (шивей), уйгуры, найманы, чьи этнонимы в основном связаны, по всей видимости, с событиями, происходившими в XП-XIV вв. [Молдобаев, 1989, с. 94]. Есть и более поздние по времени монгольские этнические названия – ойрат, тыргоот (торгуты), калмак (калмыки) и др., в которых слышится отзвук джунгарского нашествия, оседание части калмаков в Киргизии, что также отразилось в этнической истории киргизов. Хронологически это охватывает период с XV по XIX вв. [Молдобаев, 1989, с. 92-95]. В целом родоплеменной реестр в структуре киргизского народа, нашедший отражение в эпосе «Манас», насчитывает свыше ста этнонимов, часть которых говорит в пользу тюрко-монгольской этнической общности.

Особый интерес вызывают роды и племена монгольского происхождения, известные по данным «Сокровенного сказания монголов» – историко-фольклорного памятника, созданного в 1240 году. Около пятнадцати монгольских этнонимов того времени прослеживается на материале эпоса «Манас», среди которых встречаются такие этнические названия как баргы (монг. *баргу* или *баргут*), баарын (монг. *баарин*), меркит, кереит, найман, конурат (монг. *хонгират* / *хунгират*), катаган, которое соотносится с монгольским *хатакин* / *хадагин*, и др. [Молдобаев, 1989, с. 94].

В связи с этим хотелось бы обратить особое внимание на этноним *катаган* / *хатагин*, поскольку он встречается в эпосе в связи с характеристикой богатыря Кошоя, одного из ведущих героев эпического сказания. В тексте неизменно подчеркивается этническое происхождение Кошоя: он «хан кыргызского племени катаганов», признанный всеми глава рода, ставшего «ядром» народа в силу исторических обстоятельств. По этому поводу эпос объясняет, что в период, когда киргизы были разгромлены, разобщены и разогнаны по чужим землям, Кошой со своим родом не покорился многочисленным вражеским ордам и продолжал жить на земле киргизов, беспрерывно сражаясь с посягавшими на нее врагами, до того времени, пока киргизские племена во главе с Манасом не возвратились на родину [Мусаев, 1985, с. 76-77].

При рассмотрении историко-этнографических данных, содержащихся в киргизском эпическом памятнике, выясняется, что катаганы с их предводителем Кошоем связаны с давним историческим этапом в жизни киргизов – их перекочевкой с Алтая в горы Ала-Тоо, когда Манас решает вернуть народу их родные земли. Перекочевку возглавляет «*Хан катаганов Кошой, / Опорой бывший Манасу*», как сказано об этом в эпосе [Молдобаев, 1995, с. 200]. В описании этой перекочевки, которая присутствует во всех основных вариантах эпоса, видится отзвук определенных исторических событий, приобретших со временем эпи-

ческое звучание. Вполне вероятно, что они связаны с эпохой Чингисхана и ее последствиями, вызвавшими большие миграционные процессы на территории Центральной Азии и Южной Сибири [Молдобаев, 1989, с. 94] и сказавшимися на родоплеменной структуре киргизского этноса, что мы видим на примере хатагинов / катаганов.

Для того, чтобы уяснить, что из себя в историческом плане представляли хатагины и каково их изначальное происхождение, следует обратиться к «Сокровенному сказанию». Согласно данным этого памятника, хатагины относятся к монгольским элитным племенам – нирун-монголам, чье происхождение отмечено «печатью небесного происхождения» [Козин, 1941, § 21]. Их праматерь Алан-гоа родила чудесным образом от лучей солнца (солярный миф о небесном происхождении героя) трех сыновей: Буга-Хатаги, Бухату-Салчжи и Бодончара, ставших соответственно родоначальниками племен хатагин, салджиут и борджигин, из которого происходит, как известно, род Чингисхана.

Несмотря на кровное родство и завещание Алан-гоа жить в мире и согласии (притча о пяти хворостинах), пути ее потомков в дальнейшем расходятся, как становится видно из текста монгольского памятника. Хатагины и салджиуты оказываются последовательными сторонниками Джамухи с момента возведения его в гурханы вплоть до его окончательного поражения. Они в союзе «с чжиргинскими богатырями» принимают участие в битве с войсками Чингисхана, составляя авангардный отряд объединенных сил Ван-хана и Джамухи. А при разгроме найманского ханства, как извещает автор «Сокровенного сказания», на Алтайском полугорье «сдались нам и все бывшие с Джамухой: Чжадаранцы, Хатагинцы, Салчжиуты, Дорбены, Тайчиудцы и Унгираты» [Козин, 1941, § 196].

Таким образом, судя по сведениям монгольского памятника, приведенным выше, хатагин и салджиут (потомки двух старших сыновей Алан-гоа) входили в античингисовскую коалицию, возглавляемую Джамухой, основным соперником Чингисхана в борьбе за власть в монгольском обществе конца XII – начала XIII века. Об этом пишет и Рашид-ад-дин в «Сборнике летописей» (XIV в.), но с некоторыми любопытными уточнениями: после своего поражения племена катакин, салджиут и их союзники (племена татар, дурбан, кунгират, инкирас, куралас), замыслившие войну с Чингисханом, бежали на Ангару, к низовьям ее притоков, где они все проживали [Рашид-ад-дин, 1952, с. 101, 165; Рашид-ад-дин (а), 1952, с. 117, 119, 120].

При образовании монгольского государства в XIII в. эта территория западной части Прибайкалья и Саяно-Алтая, примыкавших к Западной Монголии, вошла в состав владений Джучи – старшего сына Чингисхана. В удел Джучи входили хонгирады, хатагины, найманы и другие этнические группы. Большинство из них затем были уведены на территории нынешних Средней Азии и Казахстана, где до сих пор отмечаются названия кунграт (конрат, конурат), найман, мингат, керейд, джалайр, борджеген, баяут и др. [Галданова, 1996, с. 89-90]. Не осталось

в стороне и племя катакан (хатагин), чей этноним нашел своеобразное отражение в эпосе «Манас».

В связи с этим хотелось бы еще раз напомнить об эпических хатаканах как племени богатыря Хошоя, которое, судя по тексту, воспринимаются сказителями как киргизское племя. Об этом красноречиво свидетельствует, например, фрагмент сказания, в котором отмечается, что племя катакан в период временного отсутствия Манаса и его боевой дружины становится «ядром» сопротивления вражескому нашествию и оплотом независимости на земле киргизов [Мусаев, 1985, с. 76-77]. По всей видимости, и сам образ мудрого Кошоя – вождя катаканов не является случайным в галерее наиболее выдающихся персонажей в эпосе «Манас». Все это говорит о том, что катаканы играли, возможно, значительную роль в сложении киргизского этноса на одном из этапов национальной консолидации, что выразилось на эпическом уровне в отношении к этому племени и их предводителю Кошою – сподвижнику Манаса.

Следует сказать, что монгольская экспансия, вылившаяся в создание империи Чингисхана и его потомков, привела к формированию новых тюркоязычных этнических образований и на западных территориях, завоеванных монголами, в частности, в Поволжье. В данном случае имеется в виду Золотая Орда, в которой монгольские этнонимы четко прослеживаются не только по линии чингисидов – правителей улуса Джучидов, но и по линии их политических «оппонентов», претендовавших на власть в этом государстве. Это обстоятельство адекватно отразилось **в эпосе «Идегей»**, одной из самых известных и колоритных национальных версий которого считается одноименный татарский дастан (героическая поэма), которую мы рассматриваем в русле нашей темы.

В татарском дастане, основанном на действительных исторических событиях, происходивших в период распада Золотой Орды (90-е годы XIV века), дается эпическая интерпретация драматических коллизий, связанных с возвышением эмира Идегея (Едигея) и его борьбой с золотоордынским ханом Тохтамышем при участии Тимура (Тамерлана) – основателя империи Тимуридов (1370) со столицей в Самарканде. В эпическом тексте приводятся названия племен, откуда происходит вышеназванная триада ведущих персонажей. Это вполне соответствует этнокультурной традиции тюрко-монгольских народов, согласно которой этническое происхождение являлось визитной карточкой члена кочевнического общества, а понятие рода-племени определяло его социальный статус и отношение к нему. Не случайно один из персонажей эпоса «Идегей» заявляет: «Сын благородного отца, / Не возьму я себе бойца, / Если мне свое племя-род / Этот воин не назовет» [Идегей, 1990, с. 177].

Идегей: главный герой татарского дастана, судя по тексту, принадлежит к племени мангыт – одному из тюрко-монгольских этнических образований, значительная часть которых входила в состав Джучиева Улуса. «От мангыта рожденный на свет», – говорится о нем в сказании и приводится его родословная [Идегей, 1990, с. 14, 178]. Социально-этническую характеристику Идегея, сопряженную с

его ролью в истории Золотой Орды, приводит Л.Н. Гумилев. «По происхождению Едигей был мангут, – отмечает ученый, – но его опорой стали ногайцы – тюркское племя, кочевавшее между низовьями Волги и Яиком... Они признали своим вождем соратника Тимура – мудрого и храброго Едигея, легко возводившего ханов на престол Сарая и так же легко их убиравшего». Фактически мурза Едигей был «правителем двора», т.е. главой правительства Орды [Гумилев, 2008, с. 830].

Ногайцы также фигурируют в эпосе «Идегей» – как нугаи: так называли и поволжских татар, наравне с самими ногайцами, соседние народы на востоке (казахи, узбеки и др.) [Идегей, 1990, с. 248]. Сам же этноним ногай / нугай происходит от имени влиятельного ордынского темника Ногая (1-я половина 13 в. – 1300), чингисида по происхождению. Он являлся вождем племени мангытов, которые впоследствии стали именоваться Ногайской Ордой. В определенной степени мангытский этнический фактор сближает Ногая с историческим Идегеем, жившем столетие спустя.

Что касается этнонима мангыт, он имеет монгольское происхождение и встречается в «Сокровенном сказании» в форме мангуд / манхуд. Примечательно, что мангуды тоже относятся к нирун-монголам и являются потомками Хабичи-Баатура, родившегося от старшей жены Бодончара [Козин, 1941, § 42, § 43, § 45]. Мангуды, будучи ударной силой войск Чингисхана наряду с родственным им племенем урууд, принимают активное участие в разгроме кереитского ханства. О мангудах-урууудах, отличившихся на поле брани, сложен панегирик, вложенный в уста Джамухи:

То по прозванью Манхуд-Урууд.
Страшной грозой для злодея слывут.
Витязя, мужа с тяжелым копьем,
Им, заарканив, поймать нипочем.
Витязя ль, мужа с булатным мечом,
Или в крови своих жертв палача
Свалят, нагнав, и порубят с плеча.
Это с восторгом они обступают,
Это, ликуя, они подлетают.
[Козин, 1941, § 194].

Мангуды, причисленные к турхаутам, состояли в личной гвардии Чингисхана [Козин, 1941, § 278], что говорит об их особом статусе в иерархии монгольских племен. Более того, предводитель мангудов Хуилдар-сечен являлся андой-побратимом Чингисхана и входил в состав девяноста пяти нойонов-тысячников, список которых приводится в «Сокровенном сказании» [Козин, 1941, § 170. § 171. § 175, § 202].

Тимур: в эпосе указывается, что он принадлежит к племени бырлас / барлас.

... хромоногий Тимир,
из рода Бырласа эмир.
[Идегей, 1990, с. 7]

В полной титулатуре Тимура – «Эмир Бырлас Шах-Тимир, которую приводит эпический текст [Идегей, 1990, с. 90], также подчеркивается его этническое происхождение, согласно тюрко-монгольской традиции.

Сам этноним бырлас / барлас имеет монгольское происхождение и встречается в форме барулас в «Сокровенном сказании». В памятнике сообщается, что баруласы происходят от Хачиу и Хачулы – внуков Хабичи-Баатура, родившегося от первой, старшей жены Бодончара [Козин, 1941, § 42, § 43, § 45, § 46]. Баруласы, так же как и мангуды, поддерживали Чингисхана в его борьбе за власть. Предводитель этого племени – Худус также отмечен в вышеупомянутом списке девяноста пяти нойонов-тысячников – сподвижников Чингисхана.

Токтамыш: его происхождение очевидно: как правитель Золотой Орды он относился к чингисидам. В эпосе о нем сказано:

Там, где была Золотая Орда**,**
Там, где жили кыпчак и булгар, –
Ханствовал над страною татар
Хан по имени Токтамыш.
[Идегей, 1990, с. 5]

Токтамыш с гордостью говорит о себе: «... мой прародитель – Чингиз», «От Чингиза веду я свой род», подчеркивая тем самым, что он выше Идегея и Тимура по своему происхождению [Идегей, 1990, с. 8, 178]. Род же борджигин, из которого происходил Чингисхан, в эпическом тексте не упоминается. Напомним, что основателем рода борджигин считается Бодончар, фигурирующий в качестве родоначальника в родословных мангытов / мангудов и бырласов / барласов, рассмотренных выше.

Необходимо упомянуть еще род барын, который относился к золотордынской знати. Представитель этого рода входил в состав четырех карачи – ханского совета наравне с кланами аргын и кыпчак [Идегей, 1990, с. 241]. В эпосе представлен улус-бий **(**улусный правитель или князь**)** Барын, судя по всему, образ собирательный. Он присутствует на совете девяти мужей, «тех, чьим предком был Чингиз-хан», где решают вопрос, как поймать Идегея [Идегей, 1990, с. 218]. Барын-мурза возглавляет погоню за Идегеем и в схватке с ним добивает его, отрубив ему голову. Голова Идегея, катясь по земле, проклинает Барын-бия и предрекает закат Золотой орды [Идегей, 1990, с. 235-240, 253]. Этноним барын, по всей видимости, имеет также монгольское происхождение, которому в «Сокровенном сказании» соответствует название племени баарин. Оно тоже относится к потомкам Бодончара, но рожденным от его жены-пленницы, сына которого в связи с этим прозвали Бааридай. Он и стал предком рода баарин [Козин, 1941, § 41]. Бааринцы активно поддержали Чингисхана в его противостоянии с Джамухой, несмотря на близкое родство с последним [Козин, 1941, § 120, § 121]. Более того, Хорчи-Усун – один из предводителей племени баарин предсказал ханский престол Чингисхану, за что впоследствии, согласно иерархическому принципу, как потомок Баарина – старшего из сыновей Бодончара был возведен

в нойонский сан – беки. Также Чингисхан пожаловал Хорчин-Усуна и его соплеменников Хунана, Дегая и Коко-Цоса в нойоны-тысячники в знак признания их заслуг: за то, что они «потрудились вместе с ним в созидании государства» [Козин, 1941, § 202, § 207, § 216].

В заключение хотелось бы вкратце остановиться на эпосе «**Алпамыш**». Формирование этого дастана приходится на начало XVI в. – время распада Белой Орды и связано, согласно мнению известного эпосоведа В.М. Жирмунского, с племенем конграт, в среде которых на территории современного Южного Узбекистана сложилась эта обширная эпическая поэма [Жирмунский, 1959, с. 23]. Следует отметить, что в дастане этноним конграт является не только наименованием «шестнадцатиколенного племени», состоящего из шестнадцати родов, но и названием их отчих кочевий – страны Байсун-Конграт. «Род конгратский» достойно представляет Алпамыш – надежда и опора своего этноса, «богатырь степных просторов», чей образ выписан в лучших традициях тюрко-монгольского героического эпоса.

Что касается названия конграт, оно имеет, безусловно, монгольское происхождение, о чем свидетельствует «Сокровенное сказание», где часто фигурирует сходный по звучанию этноним хонгират / хунгират. Этот же этноним в форме кунгират многократно упоминается в «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина (XIV в.). Родство хонгиратов с ханским родом – чингисидами через брачные отношения обусловило их высокое положение в Монгольской империи. Тем не менее, часть хонгиратов, судя по «Сокровенному сказанию», была настроена против возвышения Чингисхана и входила в союз племен, поддерживавших Джамуху.

Будучи крупным и, по всей вероятности, неоднородным этническим объединением, многие хонгираты приняли участие в этногенезе ряда тюркских народов на завоеванных монголами территориях, главным образом в улусе Джучи (Золотая Орда). При этом они быстро тюркизировались, сохранив в тюркском произношении свой этноним. В качестве субэтноса они фигурируют в составе узбеков, казахов, каракалпаков, среди которых дастан «Алпамыш» признается как конгратский эпос [Алпамыш, 1982, с. 14].

Таким образом, нами рассмотрены три тюркоязычных эпоса – «Манас», «Идегей» и «Алпамыш», в которых рельефно представлена монгольская этнонимия, свидетельствующая об исторических и этнических взаимосвязях тюрко-монгольских народов. Монгольские этнонимы в данных эпических памятниках связаны с влиянием империи Чингисхана и ее улусов на социально-политическую и родоплеменную ситуацию в Средней Азии, Казахстане и Поволжье в период с XIII по XVI вв., вызвавшем новый этап этнической интеграции на этих территориях.

Необходимо отметить, что монгольские этнонимы в тюркских эпосах имеют очевидные соответствия в «Сокровенном сказании», которое служит важным источником для их исторической идентификации: ср. монг. *хатагин – катаган* (в киргизском «Манасе»), монг. *мангуд*, *барлас* (*барулас*), *баарин – мангыт*, *бырлас*, *барын* соответственно (в татарском «Идигее») и монг. *хонгират – кон-*

грат (в узбекском «Алпамыше»). Примечательно, что все названные этнонимы относятся к племенам нирун-монголов – потомкам Алан-гоа, к которым принадлежит и род Чингисхана – борджигин. Небезынтересно напомнить в связи с этим, что Алан-гоа как прародительница, связанная с солярным культом, упоминается в тексте на нефритовом надгробии эмира Тимура в Самарканде. Этот факт говорит о том, что монгольские племена, сменившие родные степи Трехречья – Онона, Керулена и Толы на среднеазиатские и поволжские просторы, помнили о своей прародине и своем происхождении. А их этнонимы в тюркских эпосах демонстрируют значимость монгольского фактора в исторических судьбах евразийских народов.

Литература

Алпамыш. Узбекский народный эпос. Перевод Л.М. Пеньковского. Вступ. ст., подг. текста и примеч. Т.М. Мирзаева. – Л.: Изд-во «Советский писатель», Ленинградское отделение, 1982. – 382 с.

Галданова Г.Р. Хонгодоры – хонгирады? // Монголо-бурятские этнонимы: Сб. статей. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. – 108 с.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Эксмо, 2008. – 848 с.

Жирмунский В.М. Вопросы генезиса и истории эпического сказания об Алпамыше. // Об эпосе «Алпамыш». – Ташкент, 1959. – С. 23.

Идегей. Татарский народный эпос. Перевод Семена Липкина. Научный редактор М.А. Усманов. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1990. – 256 с.

Козин С.А. Сокровенное сказание. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. – 619 с.

Молдобаев И.Б. «Манас» – историко-культурный памятник кыргызов. – Бишкек: «Кыргызстан», 1995. – 312 с.

Молдобаев И.Б. Эпос «Манас» о монголоязычных народах // Цыбиковские чтения. Тезисы докладов и сообщений. – Улан-Удэ, 1989. – С. 94.

Мусаев С. Эпос «Манас». Научно-популярный очерк. – Фрунзе: Изд-во «Илим», 1985. – 264 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1, кн. 1. Пер. с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания проф. А. А. Семенова. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952.

Рашид-ад-дин (а). Сборник летописей. Т.1, кн. 2. Пер. с персидского О. И. Смирновой, редакция проф. А. А. Семенова. – М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952.

Д.М. Маншеев[103]

Исследования Е.М. Залкинда и И.А. Асалханова о хозяйстве бурят

Статья посвящена историографическому анализу трудов Е.М. Залкинда и И.А. Асалханова по хозяйству бурят. В статье проанализированы подходы и методы исследователей.

Ключевые слова: исследования, буряты, хозяйство.

D.M. Mansheev

E.M. Zalkind and I.A. Asalhanov’s studies about the economy Buryat

The article is devoted historiographical analysis works E.M. Zalkind and I.A. Asalhanov housework Buryats. The author analyzed the methods and approaches.

Keywords: research, buryats, economy.

[103] МАНШЕЕВ Доржа Михайлович – доктор исторических наук, доцент кафедры истории, культурологи и архивного дела ВСГУТУ. E-mail: dorzham@mail.ru

Безусловно, Е.М. Залкинд и И.А. Асалханов внесли большой вклад в развитие исторической науки в Бурятии. Работы ученых, в том числе исследования по хозяйству бурят, остаются актуальными и дают базу для новых открытий. Анализ их трудов, ставших классикой, позволяет по новому взглянуть на развитие бурятского хозяйства.

В известной работе Е.М. Залкинда «Присоединение Бурятии к России» (1958 г.) использованы богатейшие материалы центральных архивов Москвы, Ленинграда, а также Иркутска и Улан-Удэ. Две главы книги посвящены истории хозяйства бурят. В главе «Хозяйство бурят в XVII – начале XVIII в.» автор рассматривает состояние скотоводства, земледелия, охоты, ремесла и торговли у бурят. Исследуя хозяйство бурят, Е.М. Залкинд приходит к вполне обоснованному выводу о том, что вследствие усиления русской колонизации Восточной Сибири и возникновения экономических связей между деревней и улусом в бурятскую экономику проникают товарно-денежные отношения, постепенно трансформирующие натуральный строй бурятского хозяйства [Залкинд, 1958, с. 196].

В главе «Изменения в бурятском хозяйстве в XVIII – начале XX в.» исследователь на основе анализа экономики Иркутской губернии сделал заключение о том, что русское влияние сказалось на хозяйстве бурят, которое в ходе широко распространявшегося земледелия и сенокошения стало более устойчивым и постепенно включилось в экономическую жизнь Восточной Сибири [Залкинд, 1958, с. 221].

Между тем в своем исследовании автор исходит из положения о единстве бурятского хозяйства. Он полагал, что в XVII – начале XVIII в. основным занятием всех бурят *«было кочевое экстенсивное скотоводство, близкое по своему типу к скотоводству Монголии и Центральной Азии*» и лишь под влиянием русской деревни к началу XIX в. значительная часть бурят переходит к оседлому и полуоседлому образу жизни [Залкинд, 1958, с. 165, 220]. Эта ошибочная точка зрения обусловлена слабой связью исторической науки с географической. Если тщательно исследовать природную среду, где обитали различные группы бурят, то безосновательным станет утверждение, о том, что буряты, обитавшие, например, в Тункинской долине или верховьях Лены, могли зимой содержать свой скот на подножном корму. В этих районах, как, впрочем, и в большей части Предбайкалья, пастбища покрываются значительным слоем снега, препятствующим зимнему выпасу скота. Безусловно, здесь встречаются участки с небольшим снежным покровом, но размеры этих участков недостаточны для зимнего выпаса скота.

Бурятия как переходная зона между степью и тайгой состоит из ряда локальных природных районов, различия между которыми значительны, что в прошлом обусловило наличие у народов, обитавших здесь, различных форм скотоводства (оседлого, полуоседлого, полукочевого и кочевого). Оседлое и полуоседлое скотоводство дополнялось земледелием. Такие формы скотоводства бытовали в Бурятии еще до ее вхождения в состав России. Сохранение элементов земледелия

в практике бурятского луговодства, где сенокосные участки удобрялись навозом и поливались посредством отведенных из рек каналов, послужило основанием для быстрого распространения среди предбайкальских бурят русского земледелия.

Во второй, также ставшей классической, книге Е.М. Залкинда «Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в.» (1970 г.) уделено внимание элементам хозяйства бурят – земледелию, скотоводству, охоте, рыболовству, ремеслам, промыслам, предпринимательству и торговле. Существенно то, что здесь он опирается на архивные материалы, не доверяя существующей литературе. Главным образом он использует фонды Степных дум, сохранившиеся в Государственном архиве Бурятской АССР. Между тем автор не имел возможности изучить в равной степени все фонды по причине неудовлетворительного состояния описей.

Стремясь не попасть под влияние установившихся представлений, исследователь использует полемику в раскрытии некоторых спорных вопросов, рассматриваемых в своем произведении. Автор затронул тему влияния государства на развитие земледелия у бурят. В частности, он приводит документы, свидетельствующие об определенной политике сената, которая способствовала внедрению земледелия среди бурят. Одним из таких документов является именной указ Анны Иоанновны, даровавший бурятам позволение заводить пашню безоброчно [Залкинд, 1970, с. 29]. Между тем в работе не использованы документы, раскрывающие политику государства в первой половине XIX в. по дальнейшему развитию бурятского земледелия. В результате остается в тени ведущая роль государства в расширении земледелия бурятами. Как мы уже отмечали, в советской исторической литературе была принята концепция о негативном влиянии царского правительства на развитие экономики России. Показывать эффективность решения царским правительством тех или иных экономических задач было проявлением плохого тона.

Заслугой Е.М. Залкинда является то, что он в некоторых случаях показывал влияние отраслей экономики Юго-Восточной Сибири на элементы бурятского хозяйства. Так, он писал: «*Постоянный спрос на шерсть, а затем и на мерлушку, бывшую важной статьей дохода в кяхтинской торговле, заставлял бурят уделять внимание овцеводству. <…>. Растущий спрос на шерсть вызвал и некоторые новшества: у бурят начинают появляется тонкорунные овцы, в частности в Балаганском ведомстве*» [Залкинд, 1970, с. 54]. Необходимо отметить, что в первой половине XIX в. хозяйство бурят было уже интегрировано в различные отрасли экономики края, такие как торговля, металлургия, суконная и кожевенная промышленность и грузоперевозки. Изменения в этих отраслях экономики тут же сказывались на динамике развития элементов хозяйства бурят, изменяя ее структуру.

Еще одним достоинством работы стало использование автором показателя – доход на душу населения бурятского ведомства от торговли [Залкинд, 1970, с.

103]. Такого рода показатели социально-экономической статистики, как количество скота, площади пахотных земель, урожаи зерновых и овощных культур, количество промышленного зверя, объем проданного товара, пересчитанные на душу населения, широко используются в нашем исследовании для сравнительного анализа уровня развития скотоводства, земледелия, охоты, рыболовства, ремесел и торговли.

В своей работе исследователь исходил из того же неверного положения, что и в предыдущем исследовании, т.е. из утверждения о единстве бурятского хозяйства. Тем не менее исследование Е.М. Залкинда выполнена на высоком научном уровне и служит примером использования различных методов в раскрытии закономерностей в подобных исследованиях.

Монография И.А. Асалханова «Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в.» (1963 г.) посвящена развитию капитализма в Иркутской губернии и Забайкальской области. В исследовании он использует широкий круг неопубликованных документов из архивов Улан-Удэ (Центральный Государственный архив Бурятской АССР), Читы (Государственный архив Читинской области), Иркутска (Государственный архив Иркутской области), Ленинграда (Центральный государственный исторический архив в Ленинграде) и Москвы (Центральный государственный военно-исторический архив). Эти документы, изобилующие цифровыми данными, позволяют исследователю сформировать таблицы, в которых прослеживается динамика развития различных отраслей экономики Юго-Восточной Сибири.

В работе рассмотрены климатические и почвенные условия Иркутской губернии и Забайкальской области, развитие сельского хозяйства, землевладение и землепользование русских, казаков и бурят, развитие капитализма в сельском хозяйстве, образование и рост торгового земледелия, развитие промышленности и торговля.

В своем исследовании И.А. Асалханов показал влияние природных условий на развитие земледелия в отдельных районах края. Так, в заключении к разделу «Развитие земледелия» он пишет: «*Уровень развития земледелия Восточной Сибири не был одинаковым. Основным районом земледелия в крае во второй половине XIX в. являлись четыре округа Иркутской губернии – Балаганский, Иркутский, Нижнеудинский и Верхоленский, среди которых особенно выделяется Балаганский округ, расположенный в южной, более благоприятной в почвенно-климатическом отношении части губернии. <…>. Слабое развитие земледелия среди бурят и эвенков Забайкальской области объясняется экономическими и неблагоприятными почвенно-климатическими условиями тех районов, в которых они были размещены*» [Асалханов, 1963, с. 46].

В разделе «Развитие скотоводства» автор акцентировал свое внимание на вопросах, связанных с усовершенствованием приемов и способов содержания скота, в частности на расширении кормовой базы путем улучшения луговодства, утужного хозяйства у бурят и практики орошения сенокосных мест. Все это,

по мнению автора, способствовало развитию производительных сил в сельском хозяйстве [Асалханов, 1963, с. 85].

В главе «Землевладение и землепользование» исследователь выявляет причины усиления земельных споров и конфликтов, охвативших земельные общества населения края, обусловленные процессом сосредоточения земельных угодий в руках растущего кулачества, с одной стороны, и неурегулированностью землепользования – с другой [Асалханов, 1963, с. 202]. Между тем в работе не рассмотрены причины, повлекшие за собой усиление земельных споров, среди которых быстрый рост населения и освоенность большинства земель в крае, а также выпаханность земель, используемых под посев зерновых культур.

В заключении И.А. Асалханов приходит к выводу о том, что земледелие и скотоводство бурят и русских, базировавшиеся в основном на экстенсивных началах, во второй половине XIX в. были глубоко втянуты в товарно-денежные, рыночные отношения. Автор отмечает, что капиталистический уклад не стал преобладающим в сельскохозяйственном производстве Юго-Восточной Сибири, так как слабое развитие транспортной промышленности тормозило развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли [Асалханов, 1963, с. 484-485].

В монографии рассматривается большой круг вопросов по хозяйству бурят, русских и казаков. При всем том автор не ставил задачи исследования особенностей хозяйства отдельных бурятских ведомств и некоторых компонентов бурятского хозяйства (охоты, рыболовства, ремесел и различных промыслов). Тем не менее представленный эмпирический материал, основные положения и выводы исследования И.А. Асалханова имеют большую историческую ценность. Они, как правило, служат базой при исследовании тех или иных аспектов истории хозяйства Бурятии.

В 1975 г. И.А. Асалханов публикует монографию «Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в.» [Асалханов, 1975]. В исследовании не выделены отдельно разделы, касающиеся хозяйства бурят. Тем не менее в ней определено состояние сельского хозяйства Сибири, характерное и для экономики бурят конца XIX в. И.А. Асалханов приходит к выводу о том, что земледелие и скотоводство претерпевают интенсивный процесс товаризации и специализации. Исследователь утверждает, что производительные силы края развивались экстенсивным путем лишь за счет расширения пахотных площадей и увеличения поголовья скота. Здесь автор акцентирует внимание на том, что примитивный севооборот, основанный на технологиях земледелия, который бытовал в Сибири еще с XVII в., приводил к истощению почвы, к засорению полей сорными травами, распространению сельскохозяйственных вредителей и снижению урожайности, а организация и технология скотоводства по-прежнему оставались примитивными и отсталыми [Асалханов, 1975, с. 263-264].

Вывод И.А. Асалханова важен тем, что он показывает влияние уровня развития технологий на сельское хозяйство Сибири. Технологии же являются одним из определяющих факторов, воздействующих на ход исторического процесса.

Литература

Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. – 494 с.

Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1975. – 265 с.

Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. – Улан-Удэ: Бурят.кн. изд-во, 1958. – 320 с.

Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. – М.: Наука, 1970. – 398 с.

А.М. Харитонов[104]

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ОСВЕЩЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Статья посвящена постановке некоторых географических проблем в изучении исторической географии и этнической истории Центральной Азии в древности и в средневековье.

Ключевые слова: этническая история, Центральная Азия, геополитика, историческая география, скифы

A.M. Kharitonov

THE GEOGRAPHICAL PROBLEMS IN LEANING ETHNIC HISTORY OF CENTRAL ASIA

The article is devoted few geographical problems in leaning history geography and ethnic history of Central Asia in ancient and Middle ages.

Key words: ethnic history, Central Asia, geopolitics, history geography, scythes

Современная историческая наука считает географию (историческую) всего лишь вспомогательной исторической дисциплиной на уровне эпиграфики, нумизматики и т.п. исторических дисциплин. Этому способствует слабый интерес географической науки к историческим событиям до эпохи Великих географических открытий. В результате порой возникают противоречия, которые далеко не так безобидны, как представляется историкам. Ведь представления ученых-историков в этом направлении остаются на уровне геополитиков 18-19 веков, тогда как географическая наука за это время ушла далеко вперед [Харитонов, 2014а].

Так, по современной классификации ООН Центральной Азией называют сегодня территории бывших советских республик Средней Азии и Казахстан, что не совсем правильно географически (скорее это Центральная Евразия). Но зарубежных геополитиков это не интересует. Для многих из них и Молдавия является республикой Закавказья, что, впрочем, уже мало отличает их по уровню знаний от многих современных российских студентов и школьников.

В нашем понимании Центральной Азией являются территории вокруг Алтая. При этом следует учесть (особенно при чтении работ Л.Н. Гумилева), что перво-

[104] ХАРИТОНОВ Александр Михайлович – научный сотрудник ФГБУН Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, E-mail: mavr@tig.dvo.ru

начально Алтаем называли не современный Горный Алтай, но его продолжение Алтай Монгольский и Гобийский. Современный же Алтай становится известен географам не ранее времен Чингисхана. По этой причине попытки историков отправить с современного Алтая отдельные тюркские племена в средние века на Кавказ через совсем неизвестный в раннее средневековье Казахстан выглядят для географа весьма проблематичными.

Еще более усиливается недоумение, когда всю раннюю евразийскую степь академическая наука заполонила «доителями кобылиц» ираноязычными скифами. Где же тогда развиваться не менее многочисленным туранцам, под которыми мифы и легенды Ирана явно подразумевают и тюркские племена и народы? Куда делись эти самые скифы, если на Кавказе от них остались только осетины, а в других местах не осталось даже заметных топонимических следов?

И как возникла особая близость алтайских и уральских языков, когда их носителей разделяли порой тысячи километров (предполагаемые прародины – Центральная Азия и Западная Сибирь)? Предлагаемая лингвистами теория моногенеза, предполагающая возникновение всех современных языков от одного языка-основы, в этом случае плохой помощник – слишком далеко во времени и пространстве от предлагаемой ближневосточной ностратической прародины располагаются прародины других языковых семей, чтобы эта теория оказалась правдой.

Можно, однако, попытаться расположить все предполагаемые прародины в пределах знаний античной географии. Тогда наиболее вероятной областью взаимодействия различных языков является территория к югу, а, возможно, что частично и к северу от Большого Кавказа. Именно здесь арабская география средневековья фиксирует этнические названия характерные сегодня для тюркских и финно-угорских народов.

Теория Гамкрелидзе-Иванова [1984] здесь же предполагает центр возникновения индоевропейцев. Действительно, расположенная рядом историческая область Арран сильно напоминает Ариану – легендарную прародину иранцев. Добавив сюда же картвельскую семью и лежащие к югу территории семитических племен, возможно предположить взаимодействие здесь языков по типу языкового союза и обойтись без распада гипотетической ностратической семьи языков. Законы компаративистики при этом остаются незыблемыми, но будут отражать не распад, а взаимопроникновение слов разных языков в лексику соседних народов.

Если бы еще где-то рядом располагались центры образования алтайских и уральских языков … Впрочем, ряд соображений по поводу ближневосточного, а не центральноазиатского происхождения тюркских языков автор данной работы высказал более 10 лет назад [Харитонов, 2002], а в последние годы стал разрабатывать в этом направлении и теорию уральской прародины [Харитонов, 2012 и др.]. Нет ли связи между современным топонимом Уралтау и государством Урарту?

Это предполагает, что современные алтайские языки в Центральную Азию проникли извне и связь языка и расы сложилась здесь позднее, что достаточно важно для этнической истории данной территории. Но подобный подход означает практически полный пересмотр общепринятых в истории и лингвистике взглядов и вряд ли понравится европейской науке за рубежом, хотя и нашел определенную поддержку в тюркологических кругах Азербайджана и Турции. Впрочем, автор далек от поддержки пантюркистских настроений в данной среде, а исходит из ряда собственных географических построений.

Вместе с носителями языка на новые места передвигалась и топонимика [см. Курбатов, 2005], что создает немалые трудности в идентификации легендарных и мифологических объектов в исторической географии. Да и окружающие незнакомые прежде народы на новой территории порой называли точно также как и раньше на прежней, невзирая на то, что их язык сильно отличался от знакомого ранее. Не исключено, что с представителями новых народов пытались и говорить как с прежде знакомыми (других языков ведь не знали), а те перенимали, в конце концов, слова этого языка и закрепляли их в своей лексике.

Так, самоназвание халха у монголов автору сильно напоминает … колхов – легендарных жителей Кавказа еще по античным источникам. Не с этими ли обстоятельствами связана выводимая В.И. Абаевым [1990] связь монгольского слова «солнце» с мифологическим этнонимом нарты? Да и название государства Бохай похоже на искаженное … Болгария. Это не столь удивительно, если сопоставить даты образования государства Бохай и Великой Болгарии на Кавказе, учитывая наличие на востоке Азии аналогичных по названию кавказским болгарских племен.

Возможно, наши предположения помогут разобраться в некотором внешнем сходстве топонимики современного Востока и древнего Запада. В частности, интересно было бы сопоставить название реки Амур и древнего народа амореев (амурру), притока Амура Уссури и страны Ассирии, реку Кумар (также приток Амура) и народ киммерийцев (ср. также историческую область Имерети в Грузии), реки Оронт и Орхон, страны Табал и Тува, имя столицы Митанни Вашшуканне и Васюганье в Западной Сибири и т.п.

Знание этнической истории позволяет прояснить и некоторые другие топонимические вопросы. Так, имя реки Хуанхэ традиционно связывают с понятием «желтая река» [Поспелов, 2001]. По нашему мнению перед нами типичный образчик «народной этимологии». Первоначальное значение названия, скорее всего, не «желтая», но «гуннская река». Интересно, что во Вьетнаме имеется река Хонгха («красная»), видимо, со времен, когда здесь хозяйничали захватчики из Китая.

Геополитические задачи, стоящие перед историками, заставляли их неоправданно расширять известные географической науке античности и раннего средневековья пределы ойкумены. С этой проблемой сталкиваются некоторые современные исследователи, когда пытаются разобраться с возникающими историко-

географическими вопросами [Малявкин, 1989 и др.]. Так произошло с озером Байкал, которое пытались выдать за известное еще в античные времена озеро Бэйхай [Харитонов, 2014б]. Постоянно забывают исследователи, что многие территории степи (в частности Казахстана и Украины) были непригодны для круглогодичного выпаса скота в античности и средневековье из-за значительного зимой снежного покрова. Да и завоевание Северо-Восточной Руси выходцем из Азии Батыем в зимний период (!?) должно выглядеть полным абсурдом [см. Пензев, 2012].

Кроме того, проблематичными остаются все предположения лингвистов о языковой принадлежности большинства древних народов, в т. ч. и в Центральной Азии, т.к. они чаще всего основаны на анализе нескольких сохранившихся фраз или слов, которые еще и передаются средствами чужих языков. Но даже при этом современная география населения плюс топонимика иногда может дать дополнительный шанс в изучении данных этнических и языковых проблем [Харитонов, 2011], если учитывать их в географическом комплексе, а не по отдельности, как принято в исторической науке.

Литература

Абаев В.И. Дети солнца (о героях осетинского эпоса Нартах) // В.И. Абаев. Избранные труды: религия, фольклор, литература. – Владикавказ: Ир, 1990. – С.261-283.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. В 2х кн. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – 1328 с.

Курбатов В.А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V – XIX вв.). – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. – 382 с.

Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. – 432 с.

Пензев К.А. Русский царь Батый. – М.: Алгоритм, 2012. – 320 с.

Поспелов Е.М. Географические названия мира. – М.: Астрель, АСТ, 2001. – 512 с.

Харитонов А.М. Вопросы этногенеза в современной географии населения // Актуальные проблемы современной экономической, социальной и политической географии. – М.: МГПУ, 2011. – С.215-219.

Харитонов А.М. Глобальные проблемы исторической географии и ее место в системе социально-политических наук // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания. – М.: Экон-информ, 2014а. – С.199-203.

Харитонов А.М. Древняя Передняя Азия и проблема древнетюркской прародины // География и региональные исследования. – Чебоксары, 2002. – С.43-46.

Харитонов А.М. К тюркскому происхождению названия озера Байкал // Современная тюркология: язык, литература, история и культура тюркских народов. – Елабуга, 2014б. – С. 117-119.

Харитонов А.М. Проблемы лингвистической географии финно-угорского региона // Проблемы регионального развития. Финно-угорское пространство в географических исследованиях. – Саранск, 2012. – С. 302-304.

В.В. Ушницкий[105]

ВЕРСИЯ МОНГОЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАРОДА САХА: ЯЗЫК, ЭТНОНИМИКА

Статья посвящена изучению версии о былом монголоязычии предков саха. Носители этнонимов ураангхай, саха, ханалас, баатылы, хоро могли быть связаны с монголоязычным

[105] УШНИЦКИЙ Василий Васильевич – к.и.н., научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера. E-mail: voma@mail.ru

компонентом в составе саха. Об этом свидетельствует и огромное количество монгольских заимствований в лексике, изучение грамматики и фонетики якутского языка.

Ключевые слова: Этногенез, якутский язык, монголы, этнонимы, лингвистика, письменные источники, татары.

V.V. USHNITSKY

VERSION MONGOLIAN ORIGIN OF THE SAKHA: LANGUAGE, ETHNONYMY

Article examines the version of the past mongoloyazychii ancestors Saha. Carriers ethnonyms uraanghay, Saha, hanalas, baatyly, Horo could be related to mongolojazychnym components in Sakha. This is evidenced by a huge number of Mongolian borrowings in vocabulary, grammar and phonetics of the Yakut language.

Keywords: Etnogenez, Yakut language, Mongols, ethnonyms, Linguistics, written sources, the Tatars

По поводу происхождения якутского народа, сложилась мнение о миграции их тюркоязычных предков под натиском монголоязычных племен, когда они осваивали территорию Байкальского региона в X в. Постольку к тюркам принято относить теле-огузские племена, то за предков якутов воспринимаются их самое северное племя – гулиганы-курыканы. Однако курыканская версия происхождения саха в последнее время все больше подвергается научной критике. Считается, что монголоязычные племена стали осваивать территорию Прибайкалья в X в. Их материалы были представлены в усть-талькинской археологической культуре XII-XIV вв. Но в последнее время доказывается этническая принадлежность этой культуры к тюркам, носители которой далее мигрировали на Среднюю Лену. В этой связи, интерес вызывают гипотезы, связывающие этнических предков саха с туматами и другими «лесными народами» начала XIII в. Например, баргуты отождествляются с телеским племенем байырку.

Приход монголоязычных племен на территорию Прибайкалья А.П.Окладников и Е.Ф.Седякина связывали с всадниками, оставившими Усть-Талькинский и Усть-Сэгенутский могильники [Седякина, 1965]. Более убедительным является версия о принадлежности усть-талькинской археологической культуры к племени усуту-мангун, упоминаемого Рашид-Ад-дином в первой половине XIII в. Бизли, приводя большой сравнительный этимологический материал по вопросу о происхождении всех обозначений племени монголов, замечает, что «к су-монголам преимущественно применялось название татар в отличие от великих монголов, или монголов собственно» [Алексеев, 2006, с. 15].

В согласии с традицией, отождествляющей этнос с этнонимом, слово монгол в языках алтайских народов принято связывать с монголами Чингисхана и его преемников. Между тем, достоверно не известно само происхождение этнонима монгол. В якутской мифологии и эпосе Тюёнэ Могол Тойон – первопредок саха, страна Могол Тойоно находится на Средней земле. В фольклорных и архивных

источниках фигурируют божество-покровитель домашнего скота Могол Тойон ‘Большой Господин’; Тюэнэ Могол – покровитель конного скота, Могол Хотун ‘высокая Госпожа Могол’, Могол тойон – дух-хозяин очага [АЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп.7. Д.32. Л. 189]. Таким образом, термин могол, как и название ураанхай был именем древних предков народа саха.

В древности могильную яму якуты называли «моголо, монголо» (информация к.и.н. В.Е. Васильева). Данный термин может быть семантически связан с Могол урасой, ставшей своеобразным склепом для кут – души предков. Следовательно, Могол ураса представляется как своеобразный культовый храм, связанный с культом предков [Данилова, 2012, с. 196].

В фольклорных источниках прародители саха Омогой и Эллэй выступают как выходцы из народа татар. Согласно Г.В. Ксенофонтову, мысль о татарском происхождении саха, могла зародиться сначала среди русских старожилов Якутска, потом могла быть усвоена самими саха. По его мнению, саха с татарами могли познакомиться только в XIX в. после прибытия ссыльных татар в улусы [Ксенофонтов, 1992, с. 39]. Однако еще в XVIII в. в Намском улусе почитали в качестве высших божеств: Кыыс-хаана – «в образе лебедя», Могол-хаана, Татаар-тайму [Элерт, 2001, с. 119]. Таким образом, саха безусловно знали, более того считали средневековых Татар в качестве своих предков. Тот факт, что только намцы почитали божеств под именами Могол и Татаар, указывает на то, что именно они могли быть собственно потомками водяных монголов и татар, или усуту-мангун. Однако Г.В.Ксенофонтов сам же указывал на то обстоятельство, что такой осведомленный и внимательный автор как Г.Ф. Миллер, выводил предков саха не от минусинских татар, а от настоящих татар Внутренней Монголии. Как указывал германский ученый, якуты кочевали с татарами Абульгази и монголами, а не жили среди татар Минусинского края, может статься, самих татар служило больше в войске Чингисхана, чем самих монголов, поэтому их имя получило широкое распространение [цит.по: Ксенофонтов, 1977, с. 46-47, 49]. По его мнению, «якуты не только не исключаются из числа татар, когда-то живших в Монголии, но даже выделяются из среды прочих, как наиболее отчетливо сохранившие следы своего соседства с древними монголами» [цит. по: Ксенофонтов, 1977, с. 52].

Следует указать, что кангаласцы – этническое ядро саха, по нашему мнению, были частью объединения татар. Племена канглы вплоть до XIII в. жили на территории Центральной Азии. В истории династии Тан, где рассказывается о падении Уйгурского каганата, упоминаются хэйчэзцы (чернотележники) шивеи, которых Ю.А.Зуев считает обьединением Канцзюй. По утверждению Ю.А. Зуева, область Канцзюй в IX в. продолжала существовать в северной части Внутренней Монголии и востоке Большого Хингана [2002]. Следовательно, это область находилась примерно на том самом месте, где позднее фиксируются татары Буир-Нура. Ю.А. Зуев считает шивэев тождественными татарам [2002, с. 105], поэтому хэйчэчжи шивэев можно считать тележными татарами.

Неизвестный лингвист, чья статья «Происхождение якутов по лингвистическим данным» в рукописном виде хранится в архиве МАЭ Сп-Б РАН (Кунсткамера)

сформулировал гипотезу о принадлежности якутского языка сначала к монгольским наречиям. Так он пишет: «Тюркизированный строй якутской речи во всем сходен со строем речи монгольской. В строе якутской речи наблюдаются явления, общие только якутскому и монгольскому языкам и совершенно отсуствующие в языке тюркском. Сюда, можно отнести употребление творительного падежа, имеющегося в монгольском и якутском языках. Тюркско-татарские наречия совершенно не имеют творительного падежа и отношения творительного падежа выражаются здесь падежом исходным или послелогами. Между тем, употребление якутского творительного падежа совершенно сходно с употреблением его в монгольском языке, хотя падежные аффиксы в том и другом языке различные. Подобное же явление констатируется в отношении употребления повелительного наклонения будущего времени. Монгольский язык имеет формы повелительного наклонения будущего времени, из которых некоторые даже по внешнему виду соответствуют якутским. Из приведенных соображений и указанных примеров видно, что в тюркизированном строе якутской речи при общем сходстве этого строя со строем монгольской речи, констатируются явления, общие только якутскому и монгольскому языкам и чуждые тюрко-татарскому языку» [Архив МАЭ Сп-Б РАН, Ф.12, О.1, с. 2].

Еще С. Калужиньский, крупный польский тюрколог, написавший специальную работу о монгольских элементах в якутском языке, сделал вывод, что монголизмы в якутском принадлежат либо какому-то неизвестному монгольскому языку, либо заимствованы в разное время из разных монгольских языков [Kaljuzynski St, 1961]. Этот неизвестный язык был определен В.М.Наделяевым как киданьский язык [Наделяев, Стариков, 1964].

Таким образом, есть два различных мнения о монгольских заимствованиях в якутском языке. Одно мнение исходит из изначального монголоязычия предков саха, другая, говорит о сильном влиянии монгольского языка на тюркский язык саха. Автор неизвестного труда продолжает свои идеи о монголоязычии предков саха «Анализ гласных звуков показывает, что гласные основ, равно как и гласные аффиксов в якутском языке, весьма часто не соответствуют гласным тех же основ и аффиксов в языках тюркских. Можно утвердительно сказать, что якутский язык обнаруживает явную тенденцию к сохранению гласных звуков в словах монгольского корня. Подобный же вывод, хотя и в не такой степени категоричности, можно сделать также относительно согласных звуков в якутских словах монгольского корня. Эти согласные обладают большой устойчивостью сравнительно с согласными тюркских основ. Таким образом, данные сравнительного фонетического и морфологического анализов показывают, что якутский язык, по внутренней природе своих гласных и согласных звуков, по слоговому, а частью и количеству своих основ ближе стоит к языку монгольскому, чем к языку тюркскому. Тот же морфологический анализ открывает, что из аморфных аффиксов в якутском языке преобладают аффиксы монгольские, чем подтверждается та мысль, что в своем древнем состоянии, когда аморфные аффиксы были аффиксами жизненными, якутский язык владел этими аффиксами как своими собственными органами». Далее

автор неизвестного труда, категорично заявляет о том, что «При этом в якутском языке сохранились, однако, и некоторые монгольские грамматические формы из области форм, не подвергавшихся флексионным изменениям. Равным образом, в якутском языке наблюдаются такие синтетические формы, которые являются общими для монгольского и якутского языков, но которые совершенно отсутствуют в языке тюркском. В своем древнем состоянии якутский язык ближе стоял, по своей внутренней природе, к языку монгольскому, чем к языку тюркскому и что он, вероятно, был языком монгольским по своему существу, к монгольской же группе народов принадлежали сами якуты» [Архив МАЭ Сп-Б РАН, Ф.12, О.1, с. 8].

Авторство этой статьи определить довольно сложно. Вроде бы общая концепция версии автора по поводу происхождения якутского языка и народа в целом совпадает с гипотезой академика В.В. Радлова о принадлежности якутского языка сначала к монгольским языкам и тюркизированного только на заключительной стадии. Однако в заглавии рукописи отмечено, что он относится к 1928-1930 гг. Как известно, В.В. Радлов в это время ушел из этого мира. Возможно, это статья принадлежит одному из учеников академика, который попытался дальше развить его выводы. Это мог быть тюрколог А.Н. Самойлович, работавший в Санкт-Петербурге.

Этноним ураангхай который выступает в качестве древнего самоназвания саха имеет монгольское происхождение, хотя в новое время этнонимом урянхай принято называть в основном тюркоязычные народы, обитающие в таежной области. Как показал советский синолог Н.В. Кюнер, носителем различных транскрипций этнонима «уранхай» в китайских источниках является конкретное племя (Хи) или Кумоси (Кумохи) испокон века обитавшее в Западной Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии [Кюнер, 1961, с. 367]. По одним данным предполагается, что кумоси принадлежали к протомонгольскому сяньбийскому племенному союзу, по другим предок хисцев Юйвынь Мохой был из племени хуннов и их обычаи «весьма сходны с туцзюе» [Бичурин, 1953, с. 370, Туголуков, 1980, с. 158].

По мнению исследователей, тюркоязычие предков саха подчеркивает их самоназвание. Этноним саха с подачи Н.А. Аристова принято связывать с ираноязычными саками. Однако и этот этноним, возможно, связан с монголоязычными предками саха. Согласно Ван Го-Вэю, в киданьской империи Ляо термин «татары» считался уничижительным. Вместо него употреблялось слово «цзубу» (по Виттфогелю, он происходит от тибетского «сог-по» — пастухи, кочевники [Гумилев, 2002, с. 99-100]. А сог-по это передача этнонима сак, сака или же обозначение средневековых согдийцев, полностью ассимилированных монголоязычными шивеями-татарами в Ордосе. Термином цзубу в литературе обозначаются не только татары, но и собственно монголы и родственные им кереиты, меркиты, найманы. Таким образом, в происхождении средневековых татар участвовал этнический триумвират: монголоязычные шивеи, тюркоязычные племена канглы и ираноязычные согдийцы-саки.

Сложное этническое смешение является характерным в этногенезе всех тюрко-монгольских народов. Смешанность народов можно увидеть в их родовом составе, в этнонимике, в лексике и в генетических материалах.

Источники

Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп.7. Д.32. .

Архив МАЭ Сп-Б РАН (Кунсткамера). Ф. 12. Оп. 1. Д. 135. Происхождение якутов по лингвистическим данным (1928-1930).

Литература

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Издание третье. – Новосибирск: Наука, 2006. – 504 с.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т.III. – М., Л., 1953. – 332с.

Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства (легенда о государстве «пресвитера Иоанна»). – М.: Айрис-пресс, 2002. – 432 с.

Данилова Н.К. Традиционные типы жилищ // Якуты (Саха). – М.: Наука, 2012. – С. 191-202.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 338 с.

Kaljuzynski St. Mongolishe Elemente in der jakutischen Sprache. – Warswawa, 1961.

Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – Новосибирск: Наука, 1977. – 245 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Т. I. Кн.I. – Якутск: Бичик, 1992 (1937). – 416 с.

Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во «Восточная литература», 1961. – 281 с.

Наделяев В.М., Стариков В.С. Предварительные сообщения о дешифровке киданьской письменности // Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма. – М., 1964. – С. 5-26.

Седякина, Е.Ф. Могильник Усть-Талькин // Материалы по истории и филологии Центральной Азии Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. комплек. науч.-исслед. ин-т. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1962 – Вып.2: Материалы по истории и филологии Центральной Азии. – 1965. – С .196-202.

Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. – М.: Наука,, 1980. – С. 152–177.

Элерт А.Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII века (статья первая) Общественное сознание и литература XVI – XX вв. Сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. – С. 107–124.

Л. Эрдэнэболд[106], Ц. Цэрэндорж

ИССЛЕДОВАНИЯ ГРОБНИЦ С ЗАХОРОНЕНИЯМИ ВЕЛЬМОЖ АЙМАКА “ПУГУ”

Статья посвящена описанию гробницы вельможы аймака «Пугу», раскопанной в 2009 г., вводится в оборот перевод текста каменной плиты, найденной в погребальной камере, в которой описывается жизненный путь погребенного.

Ключевые слова: Монголия, Тюркский каганат, уйгуры, аймак Пугу.

L. Erdenebold, Ts. Tserendorj

RESEARCHING OF THE BURIAL TOMBS OF NOBLES OF AIMAG «PUGU»

The article describes the tombs of the nobles aimag «Pugu» excavated in 2009, introduces a translation of the stone slab found in the burial chamber, which describes the journey of life buried.

Keywords: Mongolia, Turk Empire, the Uighurs, Pugu aimag.

[106] Лхагвасурэн ЭРДЭНЭБОЛД – к.и.н., доцент, Монгольского университета науки и технологий. E-mail: Erdene_ethnology@yahoo.com

В 2009 году монголо-бурятский научно-исследовательский археологический отряд изучал важный исторический памятник, который связан с историей кочевых народов евразийских степей. Должен отметить тот факт, что в своё время эта археологическая работа являлась большим открытием для начала нового шага и новой страницы в области исследования истории и археологии данного региона. Речь идёт об археологическом памятнике "Шороон бумбагар", который находится на территории сомона Заамар Центрального аймака Монголии. Этот памятник впервые был обнаружен археологической экспедицией под руководством профессора А.Очира в русле реки Тола вместе с другими памятниками, относящимся к различным эпохам прошлого [Очир, Энхтөр, Эрдэнэболд, 2005].

В ходе первой полевой исследовательской работы мы обнаружили большое комплексное сооружение, которое имело большую земляную насыпь куполообразной формы, высотой 4-6 метров и диаметром 20-30 метров и был огражден прямоугольным земляным валом. На основе сравнительного изучения подобных могил на территориях сопредельных стран была выдвинута версия о том, что данные могилы относятся к периоду Киданьского государства. Судя по большому объёму объекта этот памятник также можно отнести к киданьской знати. Мы решили раскопать курган с целью доказать или же опровергнуть вышеупомянутую версию. Так началась наша совместная монголо-бурятская археологическая работа.

Мы начали проводить раскопки и разведывательную работу с мая 2006 года, что привело к удивительным и непредсказуемым результатам.

Во-первых: погребальная традиция резко отличалась от предыдущих археологических памятников.

Во-вторых: в ходе раскопок мы обнаружили большой каменный монумент с китайской надписью, посвященной покойнику этой могилы [Очир, Данилов, Эрдэнэболд, Батболд, 2009; Эрдэнэболд, 2009]. Как описано в текстах, момент совершения похорон совпадает с периодом существования Тюркского государства на территории Центральной Азии.

При раскопках гробницы не были найдены общие артефакты, относящиеся к погребальному обряду тюрков. Тюрки обычно клали вместе с покойником оружия, ювелирные изделия и предметы домашнего обихода. Однако здесь мы не обнаружили артефактов, которые обычно бывают в тюркских могилах, такие, как треугольные железные наконечники стрел, бронзовые псалии, украшения в виде круглой выпуклой бляхи, поясные кушаки с красивыми подвесками, золотые серьги с развёрнутыми кончиками. В могиле не было найдено никаких останков или следов погребенного коня, наличие которого характерно для тюркского погребального обряда.

В ходе раскопок в могиле на глубине 5-ти метров мы нашли совершенно новые археологические артефакты: глиняные и деревянные фигурки, стоящих людей и всадников, а также мифических животных, таких как птица, дракон, рыба и т.д. [Данилов, Очир, Бураев, Эрдэнэболд, 2010].

По обе стороны двери были сооружены ниши, в котрые были помещены глиняные фигурки, стоящие охранники и всадники. В ходе раскопок на пути к гробнице был обнаружен каменный монумент с китайской надписью, и мы определили, что надпись посвящена покойнику племени “Пугу” уйгурского рода, который занимал высокую должность в период Танской империи.

Мы думаем, что в древнее время грабители пробили отверстие и через верхнюю часть канала проникли в гробницу. В гробнице некоторые глиняные и деревянные находки были растоптаны и разбросаны. Хотя покойник этой гробницы должен был носить одежду с яшмовым украшением, использовать золотой пояс и иметь изделия из драгоценных металлов и камней, мы почти ничего не обнаружили из драгоценных вещей. Это доказывает, что гробница была почти полностью разграблена. Мы выяснили, что грабители проникли в гробницу, пробивая отверстие и спускаясь вниз в то место, где пересекаются гробница и верхний канал. Из этого можно сделать вывод, что они хорошо знали конструкцию данной гробницы.

Уникальность данного памятника состоит в том, что мы впервые столкнулись с памятником такого рода не только в Монголии, но и в Центральной Азии. Каменная плита с надписью является первой подобной находкой, найденной в гробнице на территории Монголии. Это подтверждает что, данный памятник имеет такое же большое значение как монументы, возведённые в честь Бильге-кагана, Кюльтегина и Тоньюкука, чьи имена вошли в историю тюркского государства с большой буквы.

В этой статье мы хотели бы рассказать вам биографию владельца этой гробницы, а также многочисленные исторические события того времени, которые нам известны из этой надписи.

О надписи

Надпись гробницы имеет каменную крышку, и на ней была высечена надпись, которая состоит в целом из 12-ти букв, сгруппированных в четыре строки, каждая из которых содержит по три буквы. Надпись на китайском языке гласит: “Надпись гробницы “Пугу фу цзьюнь-и”, “Цзиньвей дуду” великой Танской империи”.

Но сама гробница также имеет надпись, состоящую из 774 китайских иероглифов. Хотя в верхней строке были утрачены некоторые буквы, но в целом их можно прочитать. В основном надпись состоит из двух больших частей: “Основной надписи” и “Прославления”. В основной части содержатся некоторые элементы из биографии владельца этого монумента – его происхождение, предки, подвиги и т.д. А в конце надписи появляется стихотворение под названием “Прославление”. Ясно и очевидно, что надпись составлена человеком, обладающим высоким интеллектуальным и профессиональным уровнем и предполагается, что автором является некий чиновник по имени Цю Чжао, который прибыл организовать траурную церемонию по приказу Танского императора.

В “Летописе Хуай-энь Пугу” из “Цзю Таншу (Старое Танское письмо)” упоминается, что “Гэлань баян” является его дедом, а “И-ли-чо-ба” является его

отцом. Из этого можно сделать вывод, что в этой надписи “Гэлань баян” является одним и тем же лицом, упомянутым в летописи. Потому что имя “Гэлань баян”, отмеченный китайским иероглифом как раз соответствует этой надписи. Хотя в начале летописи сообщается о “Пугу Хуай-энь” как о праправнуке “Пугу Гэлань-баяна” племени Теле, но позже упоминается, что его дедом является “Гэлань баян”. Так как “Пугу Хуай-энь” жил в первой половине ҮШ века и работал в государственной власти в танское время, он может быть двоюродным братом “И-ту-шо-е”, о котором описывается в надписи. Но в “Таншу” ничего не было написано о “И-ту-шо-е”, т.е. об авторе данной надписи. Поэтому совершенно ясно, что этот археологический памятник будет иметь большую историческую и археологическую ценность.

Надпись на каменной крышке

- 大唐金
- 微都督
- 僕固府
- 君墓誌

Надпись гробницы “Пугу фу цзьюнь-и”, “Цзиньвей дуду”-а великой Танской империи”.

Перевод надписи

Надпись и предисловие гробницы покойника “Пугу[107] фу цзюнь”, который был великим полководцем[108] по оперативному дозору Западного края Великой Танской империи, с чином “дуду[109] и “шанчжуго[110]” “Цзиньвей чжоу[111]”-ы, “кайго” граф “Линьчжун сян”ь-а.

---

[107] **Пугу** — племя Пугу (Бугу) – название племени населившего северную сторону реки Туул и быт и обычай их были почти одинаковами с тюрками, имевшего 10 тысяч лучших солдатов. Это племя было одним из 15 племён Теле при империи Тан позднее стал одним из 9 племён Уйгура. Вначале подчинился государству Тюрка, потом входил в подданство Сеяньто. После распада Сеяньто Танская империя создала Цзиньвэй чжоу на территории Пугу и Гэлань баян, который был главой Пугу в те времена назначен на должность “дуду” Цзиньвэй чжоу. Позднее, когда тюрки вновь возродились, они восстали против Танской империи и принял подданствоТюрка.

[108] Великий полководец по оперативному дозоруЗападного края – так звали министра или посла по дозору западного края. Он был чиновником 3-ого разряда.

[109] **Цзиньвэй чжоу** — Хотя о наименовании этой местности, некогда называемой Цзиньвэй существуют несколько предположений, как Тарвагатайн нуруу, Алтайн нуруу, однако поскольку имеется предположение о том, что местность, населенная Пугунами является северная сторона реки Туул, это вероятно может быть наименование горы, находящейся на устье реки Сэлэнгэ. Танская империя создала Цзиньвэй чжоу на территории Пугу и Гэлань баян, который был в те времена главой Пугу назначил на должность “дуду” Цзиньвэй чжоу.

[110] **Дуду** — военный чин. Впервые этот военный чин появился при династии Вэй или в 222 н.э., когда военными делами управлял чжоу. Позднее этот военный чин превратился большой “дуду” или “дайдуду”. В начале правления Танской империи были учреждены титулы “дайдудуфу” и “дудуфу”, что было подразделено на 3 категории: высшую, среднюю и низшую, во главе каждой из которых было назначено по одному “дуду” и они занимались подготовкой коней, войск и продовольствия. Позднее, была учреждена должность “цзедуши”, и назначенные на эту должность лица стали выполнять функцию дуду.

[111] **Шанчжуго** – Шанчжуго или высший титул чжигуя – эта должность создана с целью дарования ее заслуженным военным чиновникам в Северной Чжоу при императоре Уди от Цзяньдэ в 4-ом году (575).

Князя звали И-ту-шо-е. Он был родом из Алтан уул (Алтай уул), т.е. обособленного племени Теле. На территории Шиньюй[112] выбрано место со сверкающими золотыми вершинами гор, с удивительно прозрачными чистыми родниками, с самыми различными растениями, где было создано могущественное племя. Это племя развивалось очень сильно и далеко опередило другие племена. Там был построен город Луут (Лунчэн)[113], где родился известный деятель Риди[114], который честно служил династии Хань, пользовался большой репутацией, а его портрет был размещен на почетной доске дворца династии Хань. Ему доверили дело по сбору налогов от жителей «территории дикарей». В исторических литературах мы не сможем найти человека кого могли бы сравнить с ним.

Старый Гэлань баян[115] являлся великим полководцем по оперативному дозору Запада и дуду Цзиньвэй чжо. Его отец Сифу[116] также унаследовал дуду Цзиньвэй чжо. Он был сильным, умным и сообразительным человеком. Он стал чиновником благодаря не только своим физическим способностям, но и тому, что первым обратился к культуре “династии” и пользуясь случаем посетил дворец с визитом и заявил о подданстве. Как чиновник (феодал) сам поклонился и просил подданство. Князь с детства был ловким, энергичным и быстро научился ездить на коне и стрелять из лука. Он показал свои выдающиеся способности и таланты в стрельбе из лука и получил награды. После смерти отца сын унаследовал чин “дуду” и стал единолично управлять своим племенем. Он почтенно следовал указам Хуанди, умел уговаривать своих подданных и служил честно. Вскоре он перестал выполнять указы Хэлу[117], стал непокорным, самовольничал

[112] **Шинюй** – Шинюй – это название местности, где родился Юй ван. Эта местность находилась на территории династии Ся, находящейся в Сычуань области. В этой надписе на памятнике, происхождение предков Пугу с основателями династии Ся, самого первого государства Китая, что было несомнное попыткой показать их особое, необыкновенное происхождение. Однако это не означает, что происхождение Пугу связано с династией Ся. На светящемся памятнике Мунь му династии Шилла Корея , построенном в 682 году тоже были написаны такие слова, однако их смысл был неясным.

[113] . **Город Луут** – город Луут или Лунчэн являтся городом где находился дворец Хунну шаньюй.

[114] **Цзинь Риди** – Цзинь Риди (134-86 год н.э) был старшим сыном Хуннийского сословного князя Сюйт. Когда ему было 14, его отец был побежден в битве с Уди от династии Хань, и был взят в плен. Позже он заслужил доверие Уди и назначен на должность чиновника династии Хань, и был награжден фамилией Цзинь. Цзинь Риди является самым первым предком по фамилии Цзинь в Китае и хотя существует предположение о том, что фамилия Ким Корея является продолжением рода Риди, однако не найдено достаточных доказательств.

[115] **Гэлань баян** – Гэлань баян является главой племени Пугу (Фу-гу) и в 645 году после распада племени Сеяньто он принял подданство Танской империи, в результате чего на его территории была создана Цзиньвэйчжоу и Гэлань баян был назначен высокопоставленным начальником оперативного дозора Запада, “дуду” данного чжоу.

[116] **Сифу** – В «Синь Таншу» звание Гэлань баян указано как «софу сылифа», однако в этом источнике Сифу означает имя его сына. Судя по тому, что китайские иерориглифы «Фу» одинаковы, имеется вероятность, что слово софу, указывающее первые буквы звания Гэлань баяны написано с небольшими ошибками («Синь Таншу», 217-я книга, Трактат “Теле”)

[117] **Хэлу** – Хэлу от фамилии Ашина является внуком 5-ого поколения императора Истэми, основателя Западного Тюрка и старшим сыном Ебури шад ябгу тэгин, проживал около реки Талас и правил 5 племён. В 22 году по счёту Чжэньгуан Танской империи (648) принял подданство Танской империи, возглавляя своё племя и он был назначен полководцем оперативного дозора востока и взял титул “дуду” Яочи. Однако в следующем году он вместе с сыном побежал в Запад и там завоевал 10 племеней Западного Тюрка и города , после чего провозглашал себя Ишбара каган. Танская империя трижды направила против него войска и наконец во втором году Сяньцина или в 657 году войска генерала Су Динфан Танской империи поймал Хэлу доставил пленника в Чанань, столицу Танской империи. Таким образом Западное Тюркское государство распалось.

и попытался сам стать главой (все дела края стали закрываться). Поэтому династия направила войска, чтобы подавить сопротивление народа. Войска расправились с повстанцами, подобно с собаками или овцами. Однако князь первым принял меры – уничтожил повстанцев и обезвредил их и придумал тактику по захвату их знамени и относился к нему как к лучшему чиновнику, заслуживающему любовь и уважение покровителя.

Указом императора ему присуждено звание ю-у вэй ланцзян (ланцзян вооруженной охраны западного края), а также был присужден хуцзюнь и присвоено также звание кайго-цзы от Линьчжун сянь-ий. Вскоре ему также присвоено звание ю-у вэй да цзянцзюнь (главнокомандующий-умиротворитель западной вооруженной охраны).

Во втором году Линьдэ (665 он) он сопровождал императора Дайюе[118], который проездил для контроля северной границы и не встретил каких либо преград. Поэтому за такое старание он пользовался уважением. Стал носить почетную одежду, украшенную сокровищами – нефритом. Его прославили и даровали много титулов, чинов и жемчужные украшения. Хотя его положение и звание повысилось, но он еще больше старался и был последовательным. Показал свою верность и преданность и при участии в разгроме Мохэ[119] на востоке и устанавливании порядка в Туфань[120] на юге. Поскольку он проявил отвагу при подавлении жестоких и «недобрых» людей, то его заслуги и старания были выявлены, а его слава была признана. Непосредственно ему было присуждено звание главнокомандующего-умиротворителя западной вооруженной охраны. А также вдобавок к предыдущему званию ду-ду было присуждено звание шанчжуго и титул кайго гун от Линьчжун сянь (князь открывающий государство) с одной тысячей подданных. Постепенно его звание, чин и титул повышались и назначали его всегда на должность выше. И он стал чиновником, носящим войлочную и кожаную одежду. Он был включен в список чиновников, носящих головные уборы с почетным знаком отличия. Он развивал и всемерно способствовал процветанию своего владения. Он был возведен в сан владельца территории, посещал императора с визитом и приносил формальную дань танскому двору. А также ему был присвоен “венок персиковых цветов”, что было поистине высокой должностью.

---

[118] **Гора Дайюе** – Гора Дайшань провинции Шаньдун, Китая.

[119] **Мохэ** –общее наименование племен происхождения тунгус, поселивших территорию Суй из Китая, Манжуур или Маньчжур при Танской империи, и северную часть Корейского полуострова. В зависимости от места проживания они занимались различными видами хозяйства, в том числе охотой, земледелием, скотоводством, частичным совмещенным земледелием и скотоводством. Предполгают, что они связаны с такими племенами как Сушинь при династии Чжоу и Илоу при династии Хань. Хотя Уцзи племя, поселившое бассейн реки Сунгар был сильным, но их сила стала ослабляться со середины VI века, и пользуясь этим другие племена стали выходить из подданства и стали самостоятельными. В исторической литературе иногда этих племён называют Мохэ.

[в] настоящее время найдено 4 надписей на памятниках, где отмечено эти племени как Мохэ. Этот надпись таким образом является пятым.

[120] **Туфань** – В исторических трактатах древнего Китая тибеты называются как Туфань.

Его храбрость была твердой как камень и железо. Невозможно мыслить его слабым мальчиком, падающим при ветре или утренней росе. Он мог бы многое сделать и сказать, но солнечные дни превратились во тьму и он вечно ушел из жизни.

В 3-ем году Ифэн (678 год) 29 февраля он скончался в своем племени из-за болезни в возрасте 44 лет.

Небесные сыновья испытывали глубокую скорбь и очень сожалели по случаю его смерти и отправили Цю Чжао[121], имевшего чин и звание чаосаньдайфу шоудушоушичжэ (наименование звания и чина) Тяньщань цзюнь (цзюнь- /цзюнь нь – наименование административно территориального деления) (=князь открывающее государство) и выразили соболезнования с совершением жертвоприношения и дали 300 частей шелкового "дэлэ", пояс с золотым украшениям, лук и стрелы, чепрак для седла. На его похоронах была организована траурная церемония и по приказу императора возведен памятник. Его похоронили в (678) году 18 числа по лунному календарю синего петуха августа месяца, заворачивая тело в шелка с узорами и засыпая камнями, что было традицией их родов.

Как отмечено в надписи монумента, найденном в местечке Шороон бумбагар, уйгурское племя Пугу жило в горах Алтая и только потом обосновалось между реками Туул и Орхон. В древние времена племя Теле включало в себя племя Пугу, которое считалось одним из 9-ти внешних уйгурских племён.

По-видимому, это произошло во время Тюркского государства /YI-YIIIв/ на территории Монголии, когда они переселились из Алтая вдоль бассейна реки Орхон и Туул.

Восточно-Тюркское государство было под влиянием Танской империи около 50 лет с VII века и до конца этого века.

Политическая и военная деятельность владельца этой гробницы "Шороон бумбагар" сомона Заамар точно совпадает с периодом того времени. Для того чтобы сохранить власть и контроль над тюрками, власти Танской империи не только пытались притягивать к себе тюркских аристократов и князей, но и также хотели контролировать бывших уйгурских политических и военных деятелей, вождей племён, которые когда-то находились под властью Тюркского государства. Таким образом, они стремились использовать тюркскую военную мощь и политическое влияние против тюрок, а также всех остальных людей, которые могли им сопротивляться.

Некоторые уйгурские князья опирались на Танскую империю и даже стали их военными союзниками. Это доказывает, что они не хотели подчиняться тюркской власти. Глава племени Пугу по имени "**Иту Шое**", о котором здесь идет

[121] **Цю Чжао** –брат Цю Чжишэн, последнего князя государства Гоачан, поселивших в те времена территорию нынешнего Турфана, и сын Цю Чжичжань-а. В 640 году Танская империя разбила государство Гаочан и его отца Цю Чжичжань назначил на высокую должность, возведив в ранг князя Тяныланьцзюнь. Из надписи этой гробницы, Цю Чжао унаследовал от отца его чин и звание. Цю Чжао был человеком, который любил знания и овладел высокими письменными способностями, а также занимал должность сишаньцзин, отвечающий за питание императора («Синь Таншу», 221-й том, Сиюй (Западный край) трактат).

речь, также принял Танскую власть. Это наглядно демонстрируют его роли в военно-политической деятельности. **“Иту Шое**”, который был владельцем этой гробницы сомона Заамар был главой уйгурского племени Пугу и в то время это племя было могущественным и способным мобилизовать около 10000 тысяч солдат одновременно.

Танские правители присуждали вождям и князьям некоторых уйгурских и тюркских племён различные чины и звания и назначали их на высокие должности.

Иту Шое имел военный чин Дуду /Тутук/ и занимал должность великого полководца по оперативному дозору Западного края /Запада/. **Иту Шое** унаследовал от своего прадеда “Гэлань баян”-а вождя племени Пугу его чин, звание и должность.

Танская империя прислала специального посла на похороны **Иту Шое** и некоторые предметы, присланные из Танской империи были использованы на его похоронах. Можно заметить танское влияние на церемонию похорон среди погребальных предметов в гробнице сомона Заамар. Однако в гробнице также мы обнаружили предметы, связанные с погребальным обрядом уйгурских и тюркских племён и народов.

Литература

Данилов С.В., Очир А., Бураев А.И., Эрдэнэболд Л. Курган Шороон дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии //Древние культуры Монголии и Байкалькой Сибири. Материалы Международной научной конференции 20-23 сентября 2010г. Улан-Удэ.

Очир А, Энхтөр А., Эрдэнэболд Л. Хар бух балгас ба Туулын хөндий дэхь хятаны хот сууринууд. УБ., 2005.

Очир А., Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Батболд Г. Төв Азийн нүүдэлчдийн хот суурины судалгаа төслийн 2009 оны археологийн хээрийн судалгааны ангийн тайлан. УБ., 2009.

Эрдэнэболд Л. Шинээр олдсон түрэгийн үеийн бунхант булш. //Монгол дахь уйгурын археологийн судалгаа. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурал. УБ., 2009.08 сарын 01-02.

IV. Памятники археологии и проблемы сохранения культурного наследия

В.Н. Авраменко[122]

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ КАК РЕСУРС ТУРИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

В статье кратко приводятся основные формы музеефикации и экспонирования археологических объектов. Приводятся примеры создания заповедников и парков, содержащих археологические объекты, как в нашей стране, так и за рубежом. Перечисляются археологические памятники на территории Предбайкалья, которые, по мнению автора статьи, могли бы при проведении ландшафтно-пространственной организации территории стать дополнительными ресурсами туристического развития региона.

Ключевые слова: археологический объект, исторический ландшафт, археологический музей, археопарк, культурный ландшафт, охрана памятников.

V.Avramenko

CISBAIKALIAN ARCHAEOLOGICAL HERITAGE AS A SOURCE FOR TOURISTIC DEVELOPMENT OF THE REGION

The article briefly presents the main forms of museumification and exhibiting of the archaeological sites. There are some examples of the creation of nature reserves and parks containing archaeological sites, both in our country and abroad. Author lists archaeological sites in Cisbaikalia which could become additional tourist resources in the region after the certain landscape – spatial modification of the territory.

Key words: archaeological site, historical landscape, archaeological museum, archaeological park, cultural landscape, preservation of cultural sites.

За тысячелетия своего существования человечество накопило огромное количество предметов и объектов материальной культуры. Перед обществом неоднократно встает вопрос об отношении к своему прошлому и о взаимоотношении прошлого и настоящего. Предметом этой статьи является археологическое наследие.

Формы включения археологического наследия в пространство жизнедеятельности современного общества существуют самые разные: археологические музеи, археопарки, экскурсионные маршруты. В нашей стране также накоплен достаточный опыт в плане изучения и экспонирования археологических материалов. В диссертационном исследовании Антюфеевой О.А. «Архитектурно-градостроительные принципы экспонирования археологических памятников Великого Шелкового Пути на территории нижнего Поволжья», автором отмечается, что, одним из наиболее широко применяемых методов охраны и ис-

[122] АВРАМЕНКО Валентина Николаевна – магистрант кафедры архитектуры и градостроительства Иркутского государственного технического университета E-mail: valentine.avramenko.71@mail.ru

пользования памятников археологии является музеефикация, заключающаяся в преобразовании объектов наследия в объекты музейного показа. Объектами музеефикации могут быть недвижимые археологические комплексы и памятники – древние городища, погребения, различные оборонительные, культовые, гражданские сооружения. Сбором, хранением, изучением и представлением предметов, имеющих историческую и художественную ценность, обнаруженных в результате археологических изысканий, занимаются археологические музеи. [Антюфеева, 2014, с.17]. Основной формой показа археологических объектов (находок, вещей) является музейное экспонирование в интерьерах археологических музеев.

Со временем формы экспонирования материала стали совершенствоваться, что привело к изменениям самих музеев. Со второй половины XX века в нашей стране начали создаваться историко-культурные заповедники и музеи-заповедники. Наиболее известные из них: «Танаис», «Горгиппия», «Томская писаница», «Андреевское озеро», «Аркаим», «Костенки», «Иднакар», Билярский музей-заповедник, «Царский курган» и ряд других, получивших статус историко-культурных и природных музеев-заповедников.

Согласно Государственной стратегии формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в РФ главными задачами музеев-заповедников является обеспечение сохранности, изучения и публичного представления не только объектов наследия, но и «исторической территории, в том числе уникальных культурные и природные ландшафты» [Государственная стратегия формирования…].].

В связи с развитием туристической индустрии, приобрели популярность идеи создания проектов по экспонированию памятников археологии в историческом ландшафте – археопарки – «Гнездово», Смоленская область; «Перекресток миров», Алтайский край; «Самаров городов», Тюменская область; «Междуречье», Ульяновская область, «Древний мир», Самарская область и другие.

Музеи «под открытым небом» – широко распространенный вид сохранения и включения в жизнь археологического наследия. К таким музейным объектам относятся археологические парки, эко-музеи, историко-культурные центры, центры интерпретации. Больше всего таких музейных объектов в Германии (49), Франции (22), Швеции (21), Дании (17), Австрии (15), Чехии (14) . Они могут создаваться на месте существования исторического поселения (in situ), на основе перемещенных памятников, а также с включением прилегающего историко-культурного ландшафта [Антюфеева, 2014, с.35].

В Иркутске уже более века крупнейшим хранителем археологических коллекций является Областной краеведческий музей. Иркутский областной краеведческий музей долгие годы, наряду с Иркутским государственным университетом был основным исследовательским центром байкальских древностей, что и позволило собрать богатую археологическую коллекцию и довольно полно изучить археологическое наследие нашего края. Археологический материал также

можно встретить в более мелких музейных структурах – школьных или муниципальных краеведческих музеях.

Более современные формы организации музейных комплексов на территории Иркутской области представлены архитектурно-этнографическими музеями «Тальцы», «Ангарская деревня»…., но археологических объектов они не включают. Конечно, территория Предбайкалья не относится к числу центров формирования древних крупных поселений или развитых путей сообщения, однако уникальные природные условия привлекали сюда людей с древности. Археологами открыто и исследовано большое количество объектов, имеющим, в том числе и мировую известность и принадлежащих к числу памятников федерального значения: могильник «Локомотив», стоянка «Мальта», «Шишкинская писаница», стоянка «Улан-Хада», городище «Манхай» и др. Временной период существования этих объектов – от каменного до железного века. К сожалению, основная масса этих объектов известна только узкому кругу специалистов. Идея создания музея на территории могильника «Локомотив», который находится на территории г. Иркутска, возникла более 20 лет назад, однако до сих пор не воплощена. Подобные идеи возникают и по поводу других объектов. Согласно принятым законодательным актам некоторые археологические объекты на территории Иркутской области поставлены на учет и находятся под охраной государства. Однако это не способствует широкой популяризации знаний о древней истории, а вместе с этим и более бережного к ней отношения, многие памятники уничтожаются.

В Государственной стратегии формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в РФ отмечается: «Ресурс для создания музеев-заповедников содержится в объектах археологического наследия….. В целом же туристский потенциал памятников археологии использован недостаточно, несмотря на определенный интерес российских граждан и зарубежных туристов к древнейшему и средневековому наследию народов России» [Государственная стратегия формирования…].

Основные туристические маршруты за пределами города Иркутска проходят в сторону озера Байкал, наиболее популярным является Маломорское направление – в Приольхонье. Археологические объекты, на территории которых, на мой взгляд, возможно создание археологического парка находятся как раз в этом направлении – по Качугскому тракту, в долине реки Куды: Капсальские городища на расстоянии 45 км, городище «Манхай» – 80 км от Иркутска [Харинский, 2007]. Кроме того территория Приольхонья, привлекающая своей природной уникальностью, имеет большое количество археологических объектов. Сочетание природного и антропогенного ландшафтов дают так же возможность пространственной организации территории памятника непосредственно в исторической среде, что поднимает познавательность и информативность объекта в значительной мере.

В круг задач дальнейшей работы входит рассмотрение возможностей и обозначение принципов ландшафтно-пространственной организации территории

археологических памятников Предбайкалья, основываясь на изучении уже имеющихся примеров в других регионах.

Литература

Алексеев Ю.В., Сомов Г.Ю., Шевченко Э.А. Градостроительное планирование достопримечательных мест: в 2 т. М.: Изд-во АСВ, 2012. – 399 с.

Антюфеева О.А. Архитектурно-градостроительные принципы экспонирования археологических памятников Великого Шелкового Пути на территории Нижнего Поволжья. Специальность 05.23.22 – Градостроительство, планировка сельских населенных пунктов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры. На правах рукописи.

Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в РФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации. — Режим доступа: // http://mkrf.ru/dokumenty/583/detail.php?ID=61436

Жаркевич А.Н. Градостроительная организация территорий памятников археологии (методы предпроектных исследований на примере Керченско-Таманского региона) : Автореф. дис. ... канд..арх. — СПб: СПбГАСУ, 2000. — 24 с.

Харинский А.В. Капсальские «городища».//Известия лаборатории древних технологий.- Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007.-Вып.5. – С. 200-217.

Ю.Е. Антонова[123], С.А. Батурин[124]

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ С.В. ДАНИЛОВА В МУЗЕЕ БНЦ СО РАН

В статье представлена коллекция археологических материалов из фондов Музея БНЦ СО РАН, полученных в ходе экспедиций С.В. Данилова на территории Западного Забайкалья. Состав коллекции отражает основные исследовательские интересы С.В. Данилова, связанные со становлением кочевых культур Центральной Азии и процессами урбанизации в кочевом обществе. Предметы коллекции относятся к разным хронологическим периодам от эпохи бронзового века до позднего средневековья и нового времени. Результаты исследований С.В. Данилова составляют основу для ряда разделов археологической экспозиции Музея.

Ключевые слова: археологическая коллекция, бронзовый век, ранний железный век, средневековье

Yu.E.Antonova, S.A. Baturin

Archeological collection of S.V. Danilov in Museum of BSC SB RAS

Collection of archeological materials from the fund of Museum of BSC SB RAS derived in the course of S.V. Danilov's expeditions on the territory of Western Transbaikal is represented in the article. Collection's content reflects the main investigational interests associated with nomad cultures' formation and processes of urbanization in nomad society. Artifacts from collection are dated to different chronological periods from Bronze Age to Late Middle Age and Early Modern Period. A set of archeological exposition sections in Museum are based on results of investigations provided S.V. Danilav.

Key words: archeological collection, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Age

[123] АНТОНОВА Юлия Евгеньевна – хранитель Музея БНЦ СО РАН, yulya_an@mail.ru

[124] БАТУРИН Сергей Александрович. – к.и.н, главный хранитель Музея БНЦ СО РАН. E-mail: serba81@mail.ru

Музей Бурятского научного центра создан в 1969 г. по инициативе заведующего лабораторией минералогии, д.г.-м.н. Г.И. Туговика как «Музей Бурятского камня». С этого момента начинают формироваться фонды, создаются выставки и экспозиции Организованный как естественнонаучный музей в 1989 г. он приобретает профиль комплексного музея, включив в свои фонды биологические и археологические коллекции. В этот период Музей становится Объединенным музеем при Президиуме БНЦ СО РАН [Лбова, 2000, с. 111].

Важнейшей функцией любого музея является комплектование фондов уникальными и интересными музейными предметами, составляющие историко-культурное наследие страны и региона. В 1990-х гг. археологический фонд музея пополнился более 3000 ед. хранения, представленные археологическими коллекциями широкого хронологического диапазона, от палеолита до современности. Основные материалы переданы сотрудниками лаборатории археологии института Монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН: Е.А. Хамзиной, П.Б. Коноваловым, С.В. Даниловым, Н.В. Именохоевым [Лбова, 2000, с. 113].

Деятельность музея БНЦ СО РАН направлена на изучение естественноисторического развития нашего региона, углубленного исследования истории и взаимоотношения человека. Его задача отразить новейшие научные достижения языком музейной экспозиции и выставки. В 2001 году была создана новая археологическая экспозиция музея БНЦ СО РАН «Наследие народов Центральной Азии». Основу экспозиции составили многолетние исследования ученых Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Концепция новой экспозиции отражала альтернативную позицию. Она выражалась в системном подходе к историческому археологическому памятнику и оценке культурного наследия в контексте исторического развития природы и человека [Дудинова Л.Н., Лбова Л.В, с. 105].

На сегодняшний день археологическая экспозиция, созданная в 2011-2012 гг. отражает новейшие научные данные по истории региона. В ходе создания экспозиции совместно с учеными археологами ИМБТ СО РАН был собран обширный предметный комплекс, информационный и научно-вспомогательный материал. Ученые института выступили как авторы археологических коллекций, представленных в экспозиции. Кроме того, при ее подготовке ведущие археологи оказали неоценимую помощь, консультируя по наиболее важным направлениям археологической науки и указывая на новейшие данные, которые могли быть отражены в разделах экспозиции. Экспозиция включила в себя более тысячи экспонатов из коллекций артефактов, собранных в ходе многолетних исследований и переданные сотрудниками лаборатории археологии ИМБТ СО РАН: Е.А. Хамзиной, П.Б. Коноваловым, С.В. Даниловым, Н.В. Именохоевым, Л.В. Лбовой, Б.Б. Дашибаловым, Л.Г. Ивашиной, В.И. Ташаком и другими учеными. В экспозиции выделены разделы в соответствии с культурно-хронологической периодизацией региона: каменный век, бронзовый век, железный век, средневековье, новое время [Антонова Ю.Е., Батурин С.А., с. 122 – 125].

Музей Бурятского центра СО РАН уже на протяжении длительного времени ведет работу с учеными археологами Института Монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН. Особенности академического музея, призванного освещать новейшие научные достижения диктуют необходимость тесного взаимоотношения с учеными по различным направлениям музейного дела.

Большой вклад в формирование археологических коллекций музейного собрания, научной атрибуции музейных предметов, работу по популяризации научной деятельности внес Сергей Владимирович Данилов ведущий бурятский археолог, доктор исторических наук, заведующий отделом истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Многолетнее сотрудничество Музея БНЦ СО РАН и С.В. Данилова можно разделить на ряд направлений. Одно из направлений связано с комплектованием музейного фонда. На протяжении нескольких лет С. В. Данилов являлся членом Музейного совета БНЦ СО РАН. При его непосредственном участии принимались важнейшие решения, касающиеся деятельности Музея БНЦ СО РАН, принималась ежегодная отчетность. В состав основного фонда музея БНЦ СО РАН вошла коллекция артефактов, найденная С.В. Даниловым в ходе многолетних исследований. Большинство предметов вошли разделы археологической экспозиции. Экспонируемые находки раскрывают ряд научных идей выдвинутых ученым по результатам своих изысканий.

Коллекция предметов С.В. Данилова в Музее БНЦ СО РАН насчитывает 59 артефактов, причисленных к фонду уникальных предметов и относящихся к разным этапам развития кочевых обществ от эпохи бронзы вплоть до средневековья. Практически все предметы коллекции в Музее БНЦ СО РАН связаны с исследованиями Сергея Владимировича городов Центральной Азии, оставленных кочевническими обществами. Они представляют материалы таких стационарных поселений, как городище Баян-Ундэр, датирующегося эпохой хунну, городища Нарсатуй и Темниковского поселения, относящихся к эпохе монгольской империи.

Среди материалов коллекции С.В. Данилова, характеризующих поселенческие комплексы эпохи хунну, представлены многочисленные фрагменты керамических изделий, типичных для этого времени, полученные с раскопок городища Баян-Ундэр [Данилов, 1996а; 2004]. Фрагменты керамики демонстрируют лощение поверхности и орнаментацию в виде волнистых и прямых горизонтальных линий. Кроме этого в Музее БНЦ СО РАН хранится уникальная находка с городища Баян-Ундэр – бронзовое зеркало ханьского времени. Зеркало сильно повреждено – склеено из множества фрагментов, два фрагмента в центральной части – утрачены, в тоже время, зеркало сохраняет свою научную значимость, а также качества аттрактивности и репрезентативности как музейный предмет. Тем более что количество ханьских зеркал в коллекциях хуннских памятников исчисляется единичными экземплярами, а целые зеркала вообще являются редкостью [Данилов, Филлипова, Амоголонова, 1998; Филиппова,

2000]. В то же время ханьские зеркала отражают не только элементы социально-экономического развития хунну, расширение контактов в эту эпоху, что фиксируется по многим другим предметам быта и роскоши, распространившимся по всей территории хуннского государства [Данилов, 2000], но и дают возможность реконструировать некоторые стороны духовной культуры. Кроме представления привлекательных музейных предметов, в экспозиции нашло свое отражение положение С.В. Данилова о разном функциональном назначении хуннских поселений [Данилов, 2012].

Наибольшее количество предметов коллекции С.В. Данилова (34 предмета) демонстрируют материальную культуру кочевника средневекового времени. Материалы получены в ходе раскопок, проводимых С.В. Даниловым, Темниковского поселения и Нарсатуйской усадьбы [Данилов, 2003; 2004]. В количественном большинстве представлен керамический комплекс монгольского времени, отличающийся от предшествующих периодов составом теста и использованием поливы, в основном, зеленого и коричневого цветов. Кроме этого выделяются фарфорофаянсовые изделия в материалах Нарсатуйской усадьбы и керамика среднеазиатского типа с Темниковского поселения. Керамика среднеазиатского облика позволила предположить исследователю существование на Темниковском поселении торговой фактории, основанной выходцами из Средней Азии [Данилов, 2003; 2004]. Помимо керамики в поселениях зафиксированы некоторые предметы быта: железные кованые ножи, гвозди и петли, изделия из кости (шилья, пуговица, изделие из фрагмента челюсти и др.), прясло, бронзовые ременные пряжки, бисер и бусины. Любопытно изготовленное на керамическом фрагменте прясло, которое является примером вторичного использования битых фарфорофаянсовых изделий. Несомненно, с точки зрения привлекательности обращает на себя внимание бронзовая бляшка овальной формы. Внешняя поверхность пряжки украшена растительным орнаментом, который симметричен относительно центральной оси. В музее также представлены кирпичи, напольная плитка и фрагменты концевой черепицы и скульптурного украшения здания с Темниковского поселения. Они являются неотъемлемой частью современной экспозиции археологии Музея БНЦ СО РАН и демонстрируют конструктивные и архитектурные элементы градостроительной традиции монгольского средневековья.

В музее БНЦ СО РАН представлены также предметы, полученные в ходе совместных полевых исследований С.В. Данилова и коллег из ИМБТ СО РАН. К таким относятся материалы с раскопок могильника Пестерево (6 предметов) (совм. с П.Б. Коноваловым), датирующегося бронзовым веком, и шаманских погребений могильника Эдэрмэг (18 предметов), захороненных не ранее первой половины XVIII в. Материалы раскопок обоих местонахождений освещены в литературе [Данилов, Коновалов, 1987; Данилов, 1996б]. Здесь лишь остановимся на их значении для конкретных разделов экспозиции зала археологии. Украшения эпохи бронзы из цветных поделочных камней (бирюза, сердолик)

и пасты, безусловно, придают представленным в разделе материалам красочности. Тем более что украшения разных периодов составляют одну из наиболее привлекательных для посетителя частей экспозиции. То же самое можно сказать и о предметах вооружения, к которым относятся два трехгранных костяных наконечниках стрел с местонахождения Пестерево и бронзовый однолезвийный нож с Нижнего Бургултая, представленные в экспозиции в разделе бронзового века.

Предметы, относящиеся к шаманскому культу из погребения Эдэрмэг, были переданы в Музей БНЦ СО РАН С.В. Даниловым в соавторстве с Н.В. Именохоевым. На их основе вкупе с материалами других шаманских погребений строится раздел, посвященный шаманизму. Среди материалов этого времени самым ярким элементом предстает шаманская корона, выполненная из железа и имеющая вырезанные из железных пластин рога. Шаманские подвески с местонахождения Эдэрмэг вместе с подвесками с других местонахождений (Хуртэй) характеризуют облик шаманского костюма, количество подвесок на котором указывало на статус шамана [Данилов, 1996]. Здесь наиболее яркими предстают подвески, состоящие из множества элементов: колокольчиков, бубенчиков круглой формы с прорезью до середины изделия, миниатюрного бронзового стремени, железной модели лодки с веслами. Также к серии ярких предметов этого времени относится бронзовое зеркало, фрагментированное на три части. Качество отливки зеркала оставляет желать лучшего: фигуры четырех животных, изображенными бегущими по кругу в центре, расплывчаты, и опознать их довольно сложно. По центру зеркало имеет круглое отверстие. В этом же могильнике были найдены некоторые яркие предметы быта, относящиеся к новому времени и характеризующие культуру древних бурят. К таким относятся две бронзовые курительные трубки – ганзы, бронзовая ложка, серьги, ременные пряжки с металлическими пластинами с заклепками для крепления ремней, на одной из пластин выгравирован растительный орнамент.

В целом, несмотря на небольшое количественное выражение, коллекция предметов С.В. Данилова в фондах Музея БНЦ СО РАН отражает не только различные этапы развития материальной культуры древних кочевников, но и разнообразные стороны жизни, от простых повседневных моментов до ритуально-культовых практик. Однако наиболее значимыми для экспозиции музея являются его идеи о роли городов в кочевых обществах Центральной Азии. Начиная с эпохи хунну, в Центральной Азии появляются первые укрепленные поселения [Данилов, 2004]. С.В. Данилов подчёркивает, что появление городов у кочевников связано со сложными процессами в различных сферах общества. Города выполняли функции административных, ремесленно-производственных и торговых центров. Именно эти моменты акцентируются в разделах экспозиции, посвященных поселениям и городам Центральной Азии.

Рис. 1. Обсуждение экспозиции зала археологии Музея БНЦ СО РАН. Начало 90-х гг. XX в. На фотографии слева направо: Л.В. Лбова, С.В. Данилов, Б.Б. Дашибалов

Fig. 1. Discussion of archeological exposition of Museum of BSC SB RAS. Early of 90s XX century. On the photography (from left to right): L.V. Lbova, S.V. Danilov, B.B. Dashibalov

Рис. 2. Фрагмент современной экспозиции зала археологии Музея БНЦ СО РАН, представляющий материалы городищ раннего железного века.

Fig. 2. Fragment of the contemporary archeological exposition in Museum of BSC SB RAS, showing materials of settlements of early Iron Age

Литература

Антонова Ю.Е., Батурин С.А. Музей и наука: опыт подготовки новой археологической экспозиции Музея БНЦ СО РАН //Музей и наука: к 35-летию музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета: материалов Международной научной конференции (10-12 ноября 2011 г., Кемерово). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – 122 – 127 с.

Данилов С.В. Баян-Ундэр – новый памятник хунну в Забайкалье // Памятники и культуры бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1996а. – С. 26 – 38.

Данилов С.В. Захоронения шаманов близ села Эдермык Кижингинского района Бурятии // Центральноазиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные аспекты. – Улан-Удэ, 1996. – С. 152 – 155.

Данилов С.В. О направлении и характере сязей населения Центральной Азии в древности и средневековье // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. 1. Археология. Этнология. – Улан-Удэ, 2000. – С. 93 – 98.

Данилов С.В. Темниковское поселение и некоторые вопросы этногенеза бурят // Мир Центральной Азии. Мат-лы межд. конф. Т.1. Улан-Удэ, 2003. – С. 21 – 25.

Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004. 201 с.

Данилов С.В. О некоторых особенностях городищ Хунну Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор, 2012. С. 355 – 361.

Данилов С.В., Коновалов П.Б. К изучению плиточных могил Забайкалья и Монголии // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ, 1987.

Данилов С.В., Филлипова И.В., Амоголонов А.А. Китайские зеркала из памятников хунну // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998. С. 4.

Дудинова Л.Н., Лбова Л.В. Научная концепция экспозиции «Наследие народов Централной Азии: история и культура» (Музей Бурятского научного цнтра СО РАН) // Альманах – 2001. Музеи Российской Академии наук. М.: Научный мир, 2002. – 103 – 112 с.

Лбова Л.В. музей Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. // Альманах – 1999. музеи Российской Академии наук. – М.: Научный мир, 2000. – 111 – 119 с.

Филлипова И.В. Китайские зеркала из памятников хунну //Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 100 – 108.

С.В. Бахвалов[125], Ф.С. Малков[126]

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРАУДСОРСИНГА ДЛЯ СБОРКИ СОСУДОВ ИЗ ФРАГМЕНТОВ

В статье предлагается подход к разработке компьютерной программы, предоставляющей возможность желающим участвовать в процессе сборки керамических сосудов из множества фрагментов. Данный подход позволит исследователям увеличить количество человеческих ресурсов при выполнении задач подобного рода, с последующей проверкой предложенных вариантов.

Ключевые слова: краудсорсинг, геймификация, керамический сосуд, сбор керамических сосудов из фрагментов.

S.V. Bakhvalov, F.S. Malkov.

Ideas and opportunities of crowdsourcing for build vessels from fragments

The paper proposes an approach to the development of a computer program that provides the opportunity wishing to participate in the assembly process of ceramic vessels from a variety of

[125] Бахвалов Сергей Владимирович – кандидат технических наук, заведующий кафедрой автоматизированных систем института кибернетики им. Е.И. Попова. Иркутский Государственный Технический Университет. E-mail: bsv@istu.edu.

[126] Малков Федор Сергеевич – младший научный сотрудник лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии НИ ИрГТУ. E-mail: iksut@ya.ru.

fragments. This approach will allow researchers to increase the number of human resources for tasks of this kind, and then checking the variants

Keywords: crowdsourcing, gamification, ceramic vessel, collecting fragments of pottery vessels.

Введение

Регулярно, после проведения археологических работ, в организациях, проводящих археологические исследования, в том или ином виде появляются керамические сосуды с той или иной степенью фрагментации. В большинстве случаев, если местоположение фрагментов и их части легко определить, или у исследователей имеется время на сбор сосудов из фрагментов, сосуды полностью или частично собираются и склеиваются. Если же количество фрагментов слишком велико, или же они довольно мелкие, или таких сосудов довольно много, у исследователей, как правило, просто не хватает ни времени, ни физических возможностей для выполнения данной работы. Но задача сборки керамики, тем не менее, остаётся актуальной, и у исследователей появляется необходимость в автоматизации данного процесса для облегчения своей работы.

На момент написания данной статьи (январь 2015 года), не известно ни одного программного продукта археологической направленности, позволяющего с помощью компьютерных алгоритмов решать задачи по автоматической или автоматизированной сборке сосудов из керамических остатков. В данной статье предлагается технология, которая, возможно, в той или иной степени решит данную проблему.

О проблемах автоматизации сборки керамических сосудов из фрагментов.

Рассматривая задачу сбора керамических сосудов из фрагментов, многие археологи задаются вопросом, а почему же нельзя сделать такую же систему реконструкции, как и в случае авиационных катастроф. Сравним данные изделия в таблице 1.

Таблица 1.

Сравнение / Изделие	Самолёт	Сосуд
Наличие документации на изделие(я)	Да	Только для мануфактурных изделий
Наличие или возможность получения точных трехмерных моделей исходных деталей/фрагментов для сравнения	Да	Нет, либо близкое по форме, например, аналог
Точные сведения о местоположении деталей/фрагментов	Да	При наличии источников, явно позволяющих идентифицировать данный сосуд
Возможность получения данных о последнем состоянии объекта	Да	При наличии источников, явно позволяющих идентифицировать данный сосуд
Наличие технических, финансовых и человеческих ресурсов для обработки множества фрагментов и построения моделей	Да	В подавляющем большинстве случаев такой возможности нет

Анализируя сведения из таблицы 1, становится понятным, что в случае с керамикой довольно много не известных переменных, которые осложняют создание специализированных программ, которые могут по внесённым данным либо собрать сосуд, либо выдать инструкцию по его сборке, например:

– с каким, или какими фрагментами данный фрагмент имеет точки соприкосновения;

– не утрачены ли все промежуточные фрагменты, относительно данного фрагмента;

– имеет ли данный фрагмент отношение к остальным фрагментам, или же он привнесён случайно;

– какого его местоположение относительно других фрагментов и сосуда в целом;

– как данный фрагмент располагался на сосуде и так далее.

Но прежде, чем ответить на все эти вопросы, и решить, как с ними быть, исследователь должен перенести все имеющиеся фрагменты в двумерный (сфотографировать и разделить по отдельным файлам, или зарисовать с наивысшей точностью) или трехмерный вид (трёхмерное сканирование или фотограмметрия). На всё это требует, как временных затрат, так и наличия специализированной аппаратуры (3D сканеры), в случае трехмерного сканирования. Но даже, если все эти вопросы будут решены, возникает проблема, связанная с отсутствием специализированных алгоритмов, учитывающих особенности работы с керамикой, а довольно примитивный алгоритм перебора всех возможных положений фрагментов относительно друг друга в трёхмерном пространстве займёт слишком много времени.

Рассматривая задачу сбора керамики в двумерной плоскости, наиболее близкой к этой задаче является задача восстановления документов после шрёдера [Ализар, 2011]. Как показано в статье, процесс восстановления документов достаточно сложен и трудоёмок, и над этими задачами работают целые команды. В случае с керамикой, можно использовать подобный подход, который изложен далее.

Предлагаемое решение.

Задача сбора керамики из фрагментов, когда части сосуда разложены на какой-либо плоскости, очень близка к задаче сбора паззлов из коробки, в которой дети могли смешать несколько наборов. Если приравнять задачу сбора керамики из фрагментов к задаче сбора паззлов, возникает предложение, а почему бы не предоставить всем желающим возможность собирать керамику с использованием современных технологий? И такое вполне возможно с помощью краудсорсинга и геймификации (игрофикации).

Краудсо́рсинг (англ. crowdsourcing, crowd — «толпа» и sourcing — «использование ресурсов») — передача некоторых производственных функций неопределённому кругу лиц, решение общественно значимых задач силами доброволь-

цев, часто координирующих при этом свою деятельность с помощью информационных технологий [Хау, 2012].

Игрофика́ция (геймификация от англ. gamification, геймизация) — применение подходов, характерных для компьютерных игр в программных инструментах для неигровых процессов с целью привлечения пользователей и потребителей, повышения их вовлеченности в решение прикладных задач, использование продуктов, услуг [Mangalindan, 2010].

Но для полноценного использования всех возможностей краудсорсинга и геймификации, для решения данной задачи необходимо разработать соответствующее программное обеспечение. Данное программное обеспечение должно использоваться, как исследователями, для подготовки наборов частей сосудов для публикации, так и пользователями, которые смогут предлагать свои варианты того, как данные фрагменты могут стыковаться.

Со стороны исследователя на этапе подготовки требуются следующие действия:

1. Разложить фрагменты керамики на белой поверхности и сфотографировать их сверху;

2. Загрузить полученную фотографию (рис. 1-1) в программу и с помощью набора инструкций разбить полученное изображение на отдельные фрагменты (рис. 1-2);

3. Выставить соответствие между реальными фрагментами и их виртуальными аналогами;

4. При необходимости добавить дополнительные фрагменты, выполненные в том же масштабе;

5. Выполнить сохранение данных для передачи их волонтёрам или для публикации на специализированном ресурсе.

6. После проведения подготовительных работ, когда данные с фрагментами керамики подготовлены и опубликованы, пользователи могут прямо на ресурсе работать с данными.

Работа пользователя на сайте должна быть довольно простой. Пользователь заходит на сайт, выбирает набор керамики с определённым количеством фрагментов, уровнем сложности (по мнению исследователя) и степенью готовности, и начинает собирать керамику так же, как если бы собирал обычную мозаику.

Проверка достоверности может осуществляться путём сравнения вариантов, предложенных одним пользователем, с вариантами, предложенными другими пользователями. Например, 5 человек, для двух фрагментов предложили примерно одинаковое расположение одного фрагмента относительно другого. Соответственно, выдвигается гипотеза, что эти фрагменты так и должны располагаться и требуется проверка исследователем – специалистом. Для этого система уведомляет исследователя о предложенном варианте, и если исследователь, «в живую» подтверждает их сходимость, система начисляет определённые баллы

пользователям, а для всех прочих делает данный вариант недоступным для редактирования (перемещается, как единое целое).

В качестве вознаграждения, первым, правильно предложившим вариант, который подтверждает исследователь, могут начисляться баллы. Получаемые баллы, на данный момент, предлагается расходовать пользователям на бесплатное посещение музеев, или какие-либо другие вознаграждения, предлагаемые партнёрами проекта.

Заключение

При реализации предложенного в данной статье подхода, о сведении задачи по сбору керамики, к задаче по сбору паззлов, работа исследователей может быть существенно упрощена. Помимо этого, посетители данного ресурса, в процессе поиска вариантов расположения частей относительно друг друга смогут больше узнать об истории находки, о керамике, и прочих фактах, связанных с археологией, при предоставлении таких данных исследователем. То есть может реализоваться ещё и познавательная функция.

При дальнейшем развитии данного подхода, с накоплением достаточного количества эмпирических данных, о способах сбора керамики пользователями, может быть рассмотрена возможность использования различных методов искусственного интеллекта, которые смогут полностью или частично автоматизировать данный процесс.

При использовании данного подхода, исследователи могут получить колоссальный ресурс бесплатных рабочих рук для решения задач, на которые у самих, порой, не остаётся времени.

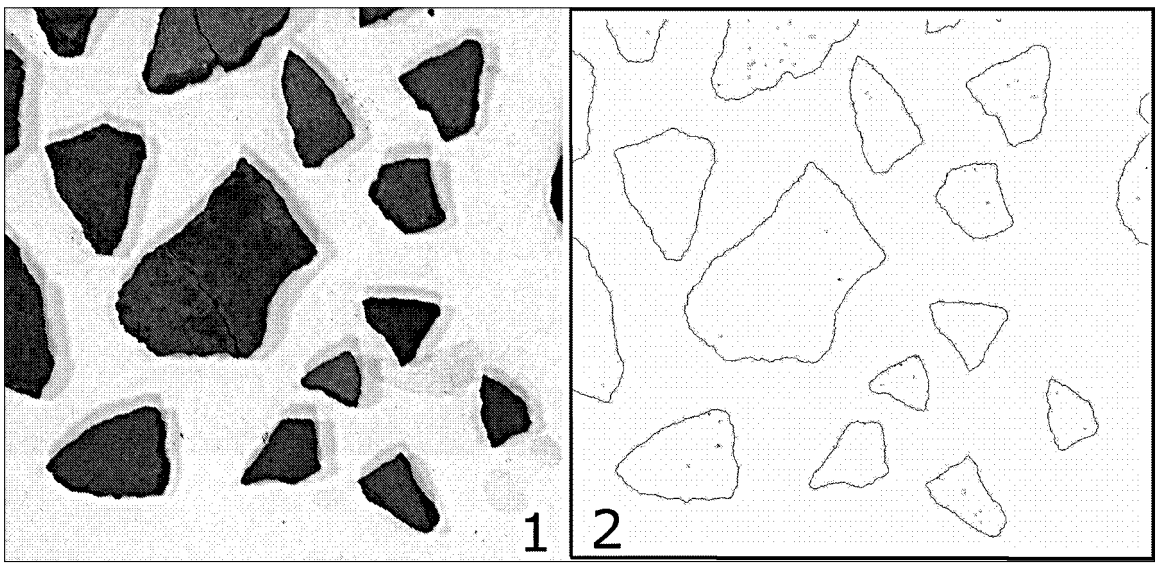

Таблица 1 - сравнение реконструкции самолёта и сосуда
Рис.1. Керамика: 1 - фрагмент необработанного изображения с керамикой;
2 - фрагмент с выделенными контурами, разбитый на отдельные файлы

Литература

Ализар А. Результаты конкурса по восстановлению документов после шредера [Электронный ресурс] // Хабрахабр. – 2011. – URL: http://habrahabr.ru/post/134047/ (дата обращения: 08.01.2015)

Хау Д. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса = Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd is Driving the Future of Business. — М.: «Альпина Паблишер», 2012. — 288 с.

Mangalindan J.P. Play to win: The game-based economy [Электронный ресурс] // Fortune. – 2010. – URL: http://fortune.com/2010/09/03/play-to-win-the-game-based-economy/ (дата обращения: 08.01.2015)

Т.А. Бороноева[127], Б.Ц. Гомбоев[128], Д.Д. Хубитуева[129]

БУРЯТСКИЕ НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

Статья посвящена актуальным проблемам формирования музейных коллекций и фондов Национального музея Республики Бурятия в современный период. Празднование 25-летия со дня придания национальному празднику Белого месяца Сагаалган официального статуса в Бурятии позволило актуализировать процесс сбора материалов по бурятским народным праздникам и пополнения фондов музея, использовать формы взаимодействия с архивными организациями, учреждениями культуры и сформировать начальную электронную базу для представления истории празднования Сагаалган.

Ключевые слова: музейные коллекции, бурятские народные праздники, праздник Белого месяца Сагаалган, Сурхарбан, традиции, культурный опыт, виртуальные экспозиции, культурный код нации, меценатская деятельность

T.A Boronoeva, B.Ts. Gomboev, D.D. Hubitueva

BURYAD NATIONAL HOLIDAYS: ACTUAL PROBLEMS OF FORMATION OF MUSEUM COLLECTIONS (THE CASE OF THE NATIONAL MUSEUM REPUBLIC OF BURYATIA)

The article is devoted to actual problems of formation of museum collections and the National Museum of the Republic of Buryatia in the modern period.

Celebrating the 25th anniversary of the national holiday of giving the White month Sagaalgan official status in Buryatia allowed to update the collection of materials on Buryat folk festivals and replenishment of the museum to use the forms of interaction with archival organizations, cultural institutions and to form the initial basis for electronic submission of stories celebrating Sagaalgan.

Keywords: museum collections, Buryat folk festivals, the festival of the White month Sagaalgan, Surkharban, traditions, cultural experience, a virtual exhibition, a cultural code of the nation, philanthropic activities

[127] Бороноева Татьяна Анатольевна – кандидат искусствоведения, директор ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия», E-mail: tatboronoeva@gmail.com

[128] Гомбоев Баир Цыремпилович – кандидат исторических наук, заместитель директора ГАУК «Национальный музей Республики Бурятия», E-mail: barguten@mail.ru

[129] Хубитуева Дугарма Дашинимаевна – главный хранитель ГАУК «Национальный музей Республики Бурятия», dugarma1014@mail.ru

Введение

За последнее время изменения в социально-духовной сфере, трансформация мировоззренческих оснований, культурной картины мира, развитие новых культурных форм особенно стали заметны и более того, стали ощутимыми факторы, влияющие на характер взаимодействия музея и общества. Для общества и человека остается насущной необходимость формирования отношения к традициям, переосмысления старых и освоения новых ценностных установок, что важно для межпоколенной трансляции культурного опыта, включения новаций в культурную систему, а также для субъективного восприятия современной культуры индивидом [Бороноева, 2013].

За 25 лет, с момента перемены государственного строя с социалистического на демократические основы, музейная деятельность претерпела много изменений, в частности, пополнения музейных фондов. Это коснулось и сбора свидетельств – документов, фотографий, предметов по традиционным народным праздникам бурят (Сагаалган, Сурхарбан), которые в музейных коллекциях оказались в малом количестве.

Несмотря на активную выставочную деятельность, Национальный музей Бурятии занимается своими первоочередными задачами – это комплектование, хранение и изучение музейного фонда. Музеи, как известно, это особый институт, на который государством и обществом возложена главная миссия сохранения культурного кода нации и в исполнение этой задачи без участия государственной поддержки, решить их представляется невозможным.

На сегодня музеи Республики Бурятия ставят перед сообществом два главных и болезненных вопроса: проблемы пополнения и реставрации Музейного фонда. За всю историю существования одного из центров Национального музея – Музея истории Бурятии, следует отметить, что активный сбор материалов и пополнение фондов происходило с 30-х по 60-е гг. XX века. Наиболее ярко освещены становление республики и строительство крупных объектов, материальная и духовная культура коренного населения региона, в том числе восточных и западных бурят.

По материалам 2014 года, музейный фонд составляет 144570 музейных предметов. Пополнение фонда с 2011-2013 гг. составило 2068 музейных предметов. В основном это архивные материалы: плакаты, фотографии, документы. В музей предметы поступают в основном: дар от граждан и организаций 45 %, переводы из старых фондов музея 44 % и сбор научных сотрудников 11 %. Последние закупы музейных предметов проходили в 2006 – 2007 гг. (2006 г. – 330 тыс. руб., 2007 г. – 260 тыс. руб.).

Начиная с 90-х гг. XX века, экспедиционные исследования и сбор материалов носили эпизодический характер, и это в дальнейшем отразилось пополнение фондов музея. Именно актуальность данных вопросов и послужило толчком для актуализации проблемы.

Итак, недавно Республика Бурятия отметила 25-летие традиционного праздника Белого месяца – Сагаалган со дня придания официального статуса.

Одним из главных национальных праздников современных бурят остается Сагаалган – Новый год (Белый месяц). В древности он был сугубо народным календарным праздником хозяйственно-бытового содержания всех монголоязычных племен Центральной Азии. С XIII в. Новый год отмечается в феврале, когда близится к концу зима, начинается массовый прием приплода, поступление обильной молочной пищи. Понятие «*Сагаан эдеэн*» – белая пища, молочная пища – относящееся к хозяйственно-бытовой сфере, лежит в основе происхождения названия праздника.

Так вот, при создании выставочной экспозиции по истории праздника, музей столкнулся со многими проблемами. Во-первых, в фондовых коллекциях Музея истории Бурятии не оказалось предметов по тематической коллекции, относящихся так или иначе бурятскому празднику Сагаалган, за исключением нескольких брошюр, буклетов и пригласительных. Этот пробел был связан с тем, что за это время мало внимания уделялось на пополнение фондовых коллекций по современному периоду.

Сотрудникам музея пришлось за относительно короткий период собрать свидетельствующие материалы, характеризующих основные моменты празднования Сагаалгана за 25 лет на республиканском и районном уровнях. Такие материалы как документы, фотографии, брошюры, пригласительные, афиши, календари, фиксирующие праздничные мероприятия (торжественные церемонии, праздничные спектакли, обрядовые моменты, религиозные и семейные обряды), позволили выстроить виртуальную музейную экспозицию. Стоит признать и то, что посредством других предметов материальной и духовной культуры бурят, можно воссоздать домашнюю обстановку и ритуалы поклонения буддийскому алтарю по поводу наступления Нового года, показать традиционную одежду и т.д. То есть показать празднование Нового года по лунному календарю в неразрывной связи с жизнью и бытом народа. Тем не менее, выстроить музейную экспозицию относительно празднования Сагаалгана за четверть века оказалось задачей не из легких.

Исходя из вышеизложенного, все же следует признать наличие данной проблемы и уделить большое внимание дальнейшей активизации работ по сбору материалов и пополнению музейного фонда, именно материалов по народным праздникам. Ведь впереди летний праздник – Сурхарбан, потерявший былую массовость и актуальность. Возможно, и в данном случае музей столкнется с аналогичными проблемами – в указанной тематической группе хранения найдется не более 10 предметов, имеющих отношение к празднованию Сурхарбан.

Ярким самобытным событием в культурной, спортивной жизни бурятского общества остается Сурхарбан, относящийся к группе весенне-летних праздников. В период господства традиционного общества празднование проводилось в масштабе селений. На соревнования по стрельбе из лука, борьбе-*бухэ-барилдаан*,

конным скачкам выставлялись команды улусов. Составляющими культурной программы праздника были чествование знатных скотоводов, землепашцев, охотников, многодетных семей; интеллектуальные игры; исполнение фольклорных песен, танцев; демонстрация национальных костюмов. В советский период Сурхарбан был адаптирован к массовым спортивным играм, дополнен играми в волейбол, легкой атлетикой; вовлекал не только бурятское население, но и всех жителей городов, районов, независимо от национальности. В последние годы в рамках реализации концепции развития национальных видов спорта началась работа по возрождению древних обычаев, ритуалов, правил игры. Так, стрельба ведется только из национальных луков, к соревнованиям допускаются спортсмены в национальной одежде. Активную роль в этом процессе играют дацаны, инициируя «Эрын гурбан наадан» – Три игры мужей.

В связи с этим, Национальный музей Бурятии начал активизацию сбора предметов по народным праздникам – собраны более 100 предметов в электронном варианте, даны информации о сборе предметов у населения, проведена работа в архивных учреждениях, в учреждениях культуры. В этом большую благодарность хочется выразить Национальному архиву Бурятии, Театру бурятской драмы, многим фотокорреспондентам, которые помогли создать начальный фонд, пусть даже электронный.

Что касается народных праздников, то они являются неотъемлемой частью традиционной культуры бурят. Истоки многих обрядов и традиций берут начало в глубокой древности. Во многом они были тесно связаны религиозными праздниками и в дальнейшем переходят в разряд сакрально-магических мероприятий.

Опыт музейной практики в изучении и трансляции народных праздников Сагаалгана, Сурхарбана, архивация свидетельств и празднований позволяет сделать определенные выводы. Налицо стремление бурятского сообщества к возрождению и сохранению, т.е. соблюдению старинных обычаев, ритуалов, внешних форм праздников как светских, так и религиозных. Сохранению народных обычаев способствует политика правительства Республики Бурятия в области культуры, направленная на «сохранение культурного наследия, обеспечение условий для развития национальной культуры, поддержание «баланса традиций и современности».

В рамках пополнения фондовых коллекций в музее произошли приятные события. Благодаря активной помощи и меценатской деятельности отдельных депутатов Народного Хурала РБ как В.П. Доржиева и Б.Б. Гармаева, в дар музею были приняты уникальные вещи (бурятские женские украшения) и художественные произведения (живописные картины) народного художника России Солбона Раднаевича Ринчинова. На сегодня это яркий пример меценатства и надеемся, что данный положительный пример даст возможность другим обратить внимание на сохранение культурного наследия народов Бурятии для подрастающего поколения. По завершению фотовыставки Леонида Пшеничникова,

фотографии известного фотографа были подарены музею ее организаторами в состав музейных коллекций.

В 2014 году проходили слушания в Народном Хурале РБ по вопросам комплектования, пополнения и реставрации музейного фонда с участием депутатов Народного Хурала, Министерства культуры РБ и музейных работников. Результатом совместной деятельности стало положительное решение Народного Хурала РБ о выделении финансовых средств по пополнению музейного фонда, которое было приостановлено с 2007 года.

Вовлечение человека в орбиту народных праздников позволяет, если не преодолеть, так смягчить «кризис этнической идентичности» личности. По мнению большинства ученых, «кризис идентичности» можно рассматривать как наиболее полное влияние глобализации в области культуры. Участие в народных праздниках укрепляет духовные связи личности с этносом, демонстрирует ее принадлежность к этносу и его культуре. Обновление отдельных культурных элементов, расширение масштабов празднования Сагаалгана, Сурхарбана и др. происходит под влиянием современной массовой культуры, преимущественно европейской, телекоммуникационных и информационных технологий. Большинство современных бурят осознает, что простое воспроизведение всех элементов праздничных культурных комплексов не гарантирует их сохранения, не предотвратит их архаизацию, «переселение» в музеи. Традиции должны быть направлены в будущее.

Заключение

Таким образом, развитие новых форм при бережном сохранении духовных ценностей, фиксации документов и свидетельств празднования, основ народных праздников, творческое развитие других сфер традиционной культуры позволяет бурятскому народу переломить тенденции ассимиляции, появившиеся в индустриальную эпоху и усилившиеся в советский период. Следует обратить особое внимание сбору музейных предметов, вещей и документов, относительно народных праздников, включая современный период. В этом большую роль в будущем будут играть именно музеи, сохраняющие «культурный код» народа в его первозданном виде.

Литература

1. **Бороноева Т.А.** Национальный музей Республики Бурятия: опыт, тенденции, перспективы // Проблемы сохранения, изучения и использования культурного наследия в современном музее: Музею истории Бурятии им. М.Н. Хангалова 90 лет. Сб.ст. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2013. – С. 6.

2. **Чойбсонова В.Р.** Проблемы сохранности коллекций музея // Музей истории им. М.Н. Хангалова. Сб.ст. Вып. II. Улан-Удэ, 1999.

3. **Дашиева Н.Б.** Календарь в традиционной культуре бурят (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования). Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2001 – 299 с.

4. **Жуковская Н.Л.** Монголия. Мир кочевой культуры: учебное пособие. 2-е изд. – М. РИОР: ИНФРА-МБ, 2014 – 239 с.

Л.Г. Ярославцева[130]

ПЕРВЫЕ АРХЕОЛОГИ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОГО (ВЕРХНЕУДИНСКОГО) КРАЕВОГО МУЗЕЯ – А.П. БАЖИН, В.В. ПОПОВ, Г.П. СЕРГЕЕВ. ИХ ВКЛАД В ФОРМИРОВАНИЕ ФОНДОВЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Статья посвящена истории формирования археологических фондов НМБ РБ и тем людям, которые стояли у истоков этого формирования – А.П. Бажину, В.В. Попову, Г.П. Сергееву. Некоторые из них вошли в историю археологии Бурятии ещё и как первооткрыватели известных памятников – В.В. Попов (Н. Берёзовка, Н. Иволга); Г.П. Сергеев (Сотниково, Ацагат). Несмотря на трудное время, они неизменно следовали лучшим традициям научно-краеведческой работы (энтузиазм, скрупулёзность, непредвзятость, разнообразие исследовательских интересов), существовавшие ещё со времён Забайкальского и Троицкосавского отделов Русского Географического общества. К сожалению, проблемой остаются их биографии, где по сей день остаются невыясненные вопросы.

Ключевые слова: г. Верхнеудинск, Бурятия, Краевой музей, археологические фонды, Научное общество, первые сборы, поездки и экспедиции, биография исследователей.

Larisa Yaroslavtseva

THE FIRST ARCHAEOLOGISTS OF THE BURYAT-MONGOLIAN LOCAL LORE MUSEUM A. BAZHIN, V. POPOV, G. SERGEYEV AND THEIR CONTRIBUTION TO THE FORMING OF THE MUSEUM ARCHEOLOGICAL COLLECTIONS

The article deals with to the history of forming the archaeological collections of the National Museum of the Republic of Buryatia. The researchers – archaeologists A. Bazhin, V. Popov and G. Sergeyev were the first scientists who started to form the museum collections on archaeology. Two among them, V. Popov and G. Sergeyev became famous in the science world as the first researchers to discover famous archaeological monuments. V. Popov discovered the archaeological monument at the Nizhnyaya Berezovka and the Nizhnyaya Ivolga; G. Sergeyev – The Sotnikovo and Atsagat monuments.

Despite of a very difficult time, the scientists followed the best traditions of the scientific and research school typical for the Zabaikal and Troitskosavsk departments of the Russian Geographic Society featuring enthusiasm, scrupulousness, impartiality and diversity of their scientific interests. Unfortunately, many data concerning their biographies are still unknown.

Key words: town of Verkhneudinsk, Buryatia, Regional museum, archaeological funds, science community, first gatherings (first museum items), expeditions, trips, biography of researchers.

Введение

Археологические фонды Национального Музея Республики Бурятия- Музей истории Бурятии им. М.Н. Хангалова (первоначальное название Бурят-Монгольский или Верхнеудинский Краевой музей) насчитывают около 15 тыс. ед. хранения. Формирование их началось ещё во время подготовки и создания

[130] ЯРОСЛАВЦЕВА Лариса Геннадьевна – хранитель группы хранения «Археология» НМ РБ. E-mail: Lgyar@mail.ru.

музея в 1923г. Задача статьи – выделить роль тех людей, которые стояли у истоков комплектования археологического фонда музея.

Бажин Александр Петрович (1878 – ?) **–** был первым заведующим Верхнеудинского музея с 1924 по 1928гг., родом из Вятки Орловского уезда. Закончил землемерные курсы в г.Томске и с 1905г. начал самостоятельную трудовую деятельность по своей специальности, сначала в таёжной переселенческой партии, затем в различных Земельных комитетах в Красноярске, Енисейске, Вятке, а с 1916г. в Верхнеудинске. Имел небольшой опыт работы в Географическом обществе в Красноярске, владел французским, немецким, немного английским языками. В Верхнеудинский музей был назначен 1-го января 1924г. [Бажин, 1924; Бажин, 1925].

Некоторые данные о нём отчасти сообщались ранее [Будажабэ, Алексеев, 1975; Саяпарова, 2012]. Исходя из имеющихся сведений, которых очень мало, главным образом, это его автобиография и его отчёты о музейной деятельности, можно сказать, что картина его жизни была достаточно напряжённой.

Весь объём работы лежал на заведующем, так как в штате музея было всего два человека – заведующий и сторож. Работа касалась регистрации и разбора экспонатов, доставшихся музею после Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и коллекций музея, существовавшего при Обществе Изучения Прибайкалья. Всего к октябрю 1924г. им было зарегистрировано 923 предмета (по другим данным, 1199), среди них по археологии – 153 [Бажин, 1924а]. В отчёте Бажин сообщает, что пополнение фондов музея могло происходить, в основном, либо путём даров (в незначительной степени), либо за счёт экскурсий.

Бажин А.П. был активным участником, создавшегося 19 апреля 1924г. Бурят-Монгольского Научного Общества им Д. Банзарова (БМНО). Летом 1924г. Бажин совершал экскурсии в окрестностях Верхнеудинска и предпринял поездку в Троицкосавск и Усть-Кяхту для ознакомления с музеями. На обратном пути, возле д. Номохоновой и Енхор им были собраны «образцы керамики и предметы железного века» [там же]. Стоянка Номохоново (Селенгинский район) известна с 1895г., [Мостиц, 1896]. Коллекция, собранная Бажиным в 1924г. находится в музее (НМБ-МИБ нвф 2631-2632) и представляет собой, большей частью, предметы из камня, керамики периода неолита-железного века.

Одной из заслуг Бажина А.П., является также то, что при его участии со второй половины 1924г. начала комплектоваться научная библиотека музея на базе коммунальной библиотеки отдела «Sibirica» и библиотеки бывшего Общества Изучения Прибайкалья.

В конце 1928г. А.П. Бажин был уволен из музея по результатам обследования деятельности Верхнеудинского Краевого музея Правительственной комиссией, в состав которой был назначен и В.В. Попов. Комиссия выявила много недостатков в работе музея и признала её недостаточно эффективной.

На наш взгляд, учитывая все сложные обстоятельства становления музея (отсутствие постоянного помещения, многочисленные переезды фондов, финан-

совые трудности, всего две единицы в штате и др.), можно испытывать только благодарность первому сотруднику музея, занимавшемуся организацией работы и комплектацией фондов, в т. ч. и по археологии. Дальнейшую судьбу А.П. Бажина, к сожалению, нам не удалось выяснить.

Попов Василий Васильевич (1876 – ?) – член Совета музея, затем сотрудник и временно исполняющий обязанности заведующего Верхнеудинского музея, учёный секретарь БМНО им. Д. Банзарова.

Биографией Попова занимался иркутский археолог Краснощёков В.В., который провёл специальное исследование, посвящённое жизненному пути и трудовой деятельности В.В. Попова, но в большей степени оно касалось иркутского периода жизни Попова [Краснощеков, 2000]. В других работах информации о Попове немного, более всего его имя упоминается, в связи с деятельностью Бурят-Монгольского Научного общества им. Д. Банзарова [Селихов, 2003].

Главная информация о нём заключена в его автобиографии [Попов, 1925]. В ней даны все важные сведения до 1925г.: родился в с. Сунтар Вилюйского уезда Якутии, по национальности русский, свободно владел якутским языком и знал местные условия. Высшее образование получил в Казанской духовной семинарии, которую окончил в 1902г. со степенью кандидата и получил профессию школьного работника – преподавателя семинарии. С 1902 по 1923гг. жил и работал в сфере образования в разных городах – Благовещенске, Тобольске, Якутске, Киренске, Иркутске. По отзывам киренских, а также якутских учащихся и учителей Попов был человеком гуманным, прогрессивным, заботился, прежде всего, о качестве, а не о количестве показателей в системе образования. Неудивительно, что со стороны некоторого начальства встречалось непонимание.

Так, после судебных разбирательств из-за «неправильной организации работы», но потом полной реабилитацией, В.В. Попов по собственному желанию в ноябре 1923г. переезжает работать в БМАССР инспектором Наркомпроса. Служба в Бурят-Монгольской республике представлялась ему перспективной в осуществлении своих научных интересов – изучении бурятского, монгольского языков, истории края, археологии. С момента приезда в Верхнеудинск Василий Васильевич сразу включается во все тонкости музейной и экспедиционной работы, поэтому уже 5 ноября 1925г. он был «перемещён» из Наркомпроса в музей в качестве препаратора, а потом стал членом музейного Совета.

Свои археологические и этнографические изыскания в Бурятии Попов, так же, как и Бажин, начал в 1924г. с поездки в Кяхтинский аймак для ознакомления с Троицкосавским музеем и сбора археологического материала на известной к тому времени по исследованиям П.С. Михно и Ю.Д. Талько-Грынцевича стоянки **Дурёны**, где произвёл подъёмные сборы, в основном, гуннской керамики (НМБ-МИБ оф 8108; нвф 2653). В этом же году Попов впервые собрал подъёмный материал в местности **Н. Жирим** и **Караванка (Карабановка)** Тарбагатай-

ского аймака – (НМБ-МИБ оф 8126, 8130; нвф 2635, 2857). Затем уже эти стоянки обследовались экспедициями Дебеца Г.Ф., Сосновского Г.П., Окладникова А.П. и другими археологами.

В 1925г. Попов осуществил подъёмные сборы на левом берегу, недалеко от её устья, реки **Саянтуйка** (НМБ-МИБ оф 8115). В этом же году стали организовываться совместные экспедиции БМНО им. Д. Банзарова и Буручкома, в составе которых работали Г. Цыбиков, В.В. Попов и др. В одну из таких поездок было обнаружено шаманское погребение в 7км от Онохоя, в пади **Шара-Кундуй** (?) (НМБ-МИБ оф 8133).

Свои главные открытия Попов и его соратники из БМНО сделали в 1926-1927гг. – **Нижняя Берёзовка** (НМБ-МИБ оф 8127; нвф 1247-1249 и др.) и **Нижняя Иволга** (НМБ-МИБ нвф 2656, 2658 и др.), так было положено начало формированию базовых фундаментальных музейных коллекций.

Н. Берёзовка (1926) – стоянка расположена на правом берегу р. Селенга, в 8 км к СЗ от Верхнеудинска (Улан-Удэ). Летом 1926г. Поповым вместе с Н.А. Удаловым там были найдены: разнообразная керамика, каменные, костяные, бронзовые изделия. Ещё ранее, подъёмный материал на стоянке собирали участники школьного краеведческого кружка, ставшие затем активистами БМНО – В.Е. Ольховик, П.Г. Брянский, а также Ф.А. Кудрявцев. Также, в августе того же года Попов В.В. осматривал Н. Берёзовку вместе с ленинградским археологом Г.И. Боровка, благодаря чему в дальнейшем стали развиваться связи с центральными институтами и музеями.

Н. Иволга (1927) – могильник (Н. Иволга) и поселение («Китайское место») гуннского времени расположены на некотором расстоянии друг от друга на левом берегу Селенги, в устье её притока – р. Иволга. В 1927г. здесь был собран подъёмный материал и произведены пробные раскопки. Были обнаружены предметы из кости, бусы, поделки из камня, железа, бронзы; фрагменты керамики и разбитый горшок. Тогда же, впервые, Попов со своими учениками и соратниками по БМНО Кобылкиным Артемием Фёдоровичем и Дуненко Виктором Петровичем раскопал погребение без сруба. Такие грунтовые погребения, как было выяснено позже, являются характерными для Иволгинского могильника [Давыдова, 1996]. Справедливости ради, надо признать, что Иволгинский могильник был открыт не в 1956г. [там же, с.6], а одновременно с городищем и открывателями его были Попов В.В., Кобылкин А.Ф. и Дуненко В.П. [АО-1, №7,8,9,20,23,27].

Кроме этого, Поповым совместно с другими участниками экспедиций в 1926-1930гг. было обнаружено много и других археологических объектов: **Верхнеудинская стоянка (**1926) – на правом берегу р.Селенга, у пароходной пристани произведены сборы разновременной керамики, изделий из камня (НМБ-МИБ оф 8107); **Баян-Хосун,** стоянка (1926) – правый берег р. Джида, на песчаных выдувах – сборы разновременной керамики, изделий из камня, железа (НМБ-МИБ нвф 2652); **Сотниково**, стоянка (1926) – в 10км от Верхнеудинска, на левом берегу р. Селенга найдены фрагменты керамики с орнаментом (ГАИМК); **Ст. Ичё-**

туй (1926) – Джидинский аймак – бронзовая бляха (ГАИМК**); Забока**, стоянка (1927) – правый берег р. Селенга, в 3км. выше по течению от Верхнеудинска – керамика, железо, камень (НМБ-МИБ оф 8117); **Тугнуй (Сутайская усадьба?) (**1927) – долина р.Тугнуя, место в степи, окружённое рвами и валами, в 3км от Батанай-Харганатского хотисполкома – черепицы (ГАИМК), в Верхнеудинске остались длинные кирпичи из серой глины (НМБ-МИБ оф 8102); **Цэрик-Нарасун**, выдувы (1927) – местность в Кункурском сомоне Агинского округа, в 4-5км от р. Онон – керамика, изделия из железа, камня, бронзы – (НМБ-МИБ оф 8091, 8140); **Стеклозавод** (1927) – в черте г.Верхнеудинск, по дороге на стеклозавод – зуб носорога (ГАИМК); **Ахур** (1930) – Гусиное озеро, поливная керамика (НМБ-МИБ оф 8129).

В Архиве Актов фондов музея имелись два списка предметов с описанием условий их нахождения с целью отправки и изучения специалистами в ГАИМК (г. Ленинград) и Антропологический институт МГУ (г. Москва): 1. «Коллекция черепков, костей, кремней В.В. Попова из Верхнеудинска, Забайкальской области, 1926г.» – опись составлена учёным секретарём ГАИМК И.И. Мещаниновым, принято археологом Г.П. Сосновским и 2. «В разряд палеонтологии Государственной Академии Истории Материальной Культуры» – за подписью учёного секретаря БМНО им. Д. Банзарова В.В. Попова. Лишь часть этих сборов осталась в музее.

Отправленные материалы по отзывам специалистов, представляли большой научный интерес [Попов, 1928, с.132]. Всё это способствовало организации в 1928-1929гг. археологической экспедиции АН СССР в Бурятии. Решение было принято, и руководителем экспедиции был назначен Г.П. Сосновский. Фактически, благодаря В.В. Попову, был обеспечен успех работы этой экспедиции [Сосновский, 1928. с.164].

В 1929г. в музее произошли изменения, он стал называться Центральным Музеем БМАССР, было увеличено штатное расписание до четырёх человек. Руководителем в 1929-1930гг. стал Шулунов Фёдор Михайлович, из БМНО в музей перешли В.В. Попов, М.П. Соллертинская, и одну ставку занимала тех. работник. После того как Шулунов Ф.М. в 1931г. ушёл работать в Архив, Попов до 30 июля 1931г. стал «временно исполняющий делами» заведующего музея.

В отчёте музея за 1929/30гг. указывалось, что Поповым были произведены разведки в Кабанском районе и обследовано древнее погребение [Попов, 1929/30, лист 39, с.12].

Широта исследовательской деятельности Попова не ограничивалась территорией Бурятии, в Забайкалье он описал, зарисовал, сфотографировал очень много могильников, сторожевых камней, пещер [Попов, 1928, с.158-159].

Сотрудники БМНО вели активную издательскую работу, но к сожалению, БМНО было закрыто в результате ревизии в 1930г., которая выявила, что тематика проводимых Обществом исследований не отвечала «запросам начавшейся социалистической реконструкции всего народного хозяйства» [Гаттенбергер,

1936, с.329]. В.В. Попов стал одним из первых, кто пострадал в результате трагической кадровой политики государства, так называемой, «культурной революции». Об этом свидетельствуют и архивные материалы Центрального музея БМАССР, где имеется справка, кратко объясняющая суть происходящих событий: «Ц. Музей 20. Выписка из протокола № 61. Заседания Центральной Комиссии по чистке аппарата БМАССР от 29-30 июля 1931 года. – Слушали: 1. Аппеляция гр. Попова, Василия Васильевича, научного сотрудника Обл. Музея, Зам. Директора Музея, с законченным высшим образованием, ранее окончил Духовную Академию, по профессии педагог, б/п, член Союза. Снят с работы по Н (?) категории комиссией по чистке музея по мотивам срыва попыток создать актив при музее, в идеализировании жизни пережитков феодально-родового быта скотоводов бурят и бесхозяйственность. Докл. Т. Хандранов, Попов присутствует. ПОСТАНОВИЛИ: Снять с работы в порядке освежения аппарата без отнесения к категории. – Н (?) / за надлежащими подписями. – В е р н о: Секретарь ЦК БМР …. (Панкратова) № 8-398» [Выписка…, Архив МИБ – НМБ. К- 24, с.76] (Рис.1).

После этого каких-либо сведений по деятельности В.В. Попова в Бурятии не встречается. Можно предполагать, что 1931-1932 годы и являются последними годами жизни Попова В.В. – скромного, настоящего труженика науки и культуры, стоявшего вместе с другими активистами БМНО у истоков становления археологической науки, краеведения, развития музейного дела, библиотечной и научно-издательской работы в Верхнеудинске.

Сергеев Георгий Павлович – первый профессиональный археолог, работавший в 1935-1936гг. в Антирелигиозном музее БМАССР (АМБ существовал с 1933 по 1941гг., потом стал отделом Краеведческого музея). Сергеевым были проведены две археологические экспедиции: «Хоринская археологическая экспедиция» была организована осенью 1935г. совместно с аспирантом ГАИМК Э.Р. Рыгдылоном (сотрудник ГАИМК) и «Селенгинская археологическая экспедиция» – работала с 11 по 17 июля 1935г. и в сентябре 1936г. с участием секретаря Общества Изучения БМАССР А.И. Войковой, сотрудника Центрального Антирелигиозного музея Н.А. Пупышева, заведующего Иркутского Историко-Археологического музея Г.П. Корнеева. В составе экспедиций работали также профессиональный фотограф и рабочие. Отчёты и дневник этих работ, а также сами коллекции имеют большое научное значение [Сергеев, 1935-1936а, б; 1935в]. Чертежи и рисунки, в т. ч. акварелью, были сделаны самим Г.П. Сергеевым на высоком профессиональном уровне.

Материалы данных экспедиций оказались очень значимыми для науки, к ним не раз обращались и обращаются до сих пор многие учёные [Диков Н.Н., 1958; Цыбиктаров А.Д., 1998; Именохоев Н.В., 2003 и др.]

В связи с этим, вызывает интерес биография исследователя. К сожалению, по этому поводу уже писал в своей статье читинский археолог Нестеренко В.В., что кроме археологической деятельности в Горно-Алтайске (1932-1933), Чите

(1934), Улан-Удэ (1935-1936) и отчасти Кишинёва (с 1946г.), многое из жизни Г.П. Сергеева нам пока остаётся неизвестным [Нестеренко, 2012].

Некоторые детали всё же можно дополнить. В рукописном историческом очерке по истории нашего музея С.П. Костарев писал, что Сергеев в 1935-1936гг. принимал активное участие в обсуждении нового плана экспозиции, разработанного Костаревым С.П. и вносил конкретные поправки [Костарев, 1959, с.12]. Костарев там же указывает, что Г.П. Сергеев работал в Антирелигиозном музее в период 1934-1937гг. [там же, с.22], но даты 1935-1936 годов нам представляются более верными, согласно его отчётам.

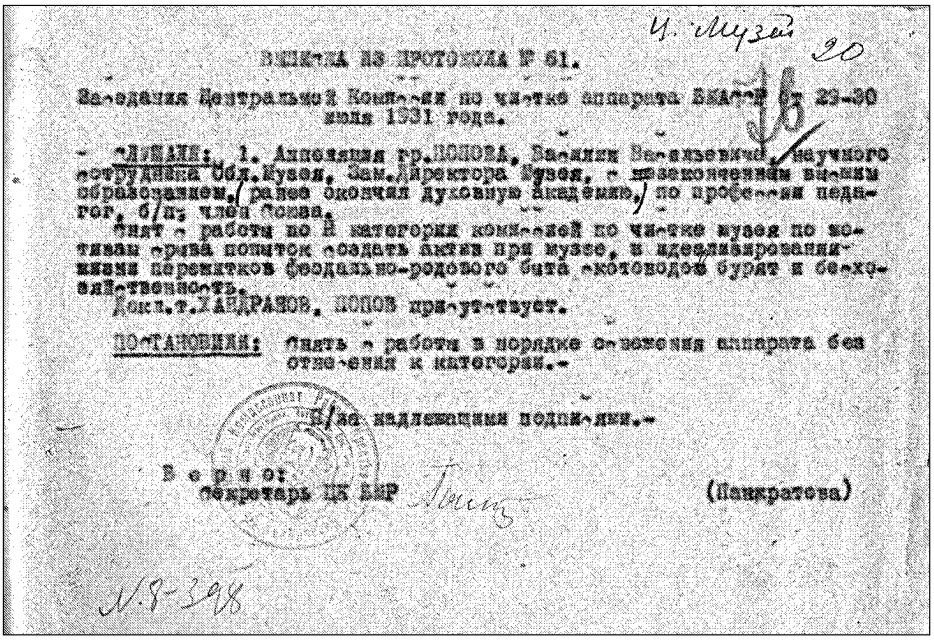
Кроме этого, Е.А. Хамзина устно сообщала нам, что видела Сергеева на одной из научных конференций в 1950-х гг. в Москве. В разговоре с ним она узнала, что он работает в Кишинёвском Краеведческом музее, что у него есть дочь, но, к сожалению, адрес не взяла.

Также, в библиотеке Э.Р. Рыгдылона, хранящейся в музее, имеется оттиск статьи Г.П. Сергеева из журнала «СА» (Сергеев,1950), с его дарственной надписью, которую он подарил Рыгдылону, но уже в Ленинграде 20 февраля 1951г.

Имя Г.П. Сергеева кратко упоминается в статье молдавского историка М.Е. Ткачука, но сама статья связана с другой темой [Ткачук, 1999, с. 9].

Заключение

В заключении отмечаем, что для составления полноценных справочных биографических материалов по А.П. Бажину, В.В. Попову. Г.П. Сергееву и в дальнейшем будут важны любые новые факты и сведения. Во всяком случае, остаются ещё неизвестными документы Архивов ФСБ, а также других учреждений и городов.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 61.

Заседания Центральной Комиссии по чистке аппарата ВКП(б) от 25-30 июня 1931 года.

СЛУШАЛИ: 1. Апелляция гр.ПОПОВА, Василия Васильевича, научного сотрудника Обл.Музея, Зам.Директора Музея, с незаконченным высшим образованием, ранее окончил духовную академию, по профессии педагог, б/п; член Союза.

Снят с работы по II категории комиссией по чистке музея по мотивам срыва попыток создать актив при музее, и идеализирования жизни пережитков феодально-родового быта скотоводов бурят и бескозяйственность.

Докл.т.АЛЕКСАНДРОВ, ПОПОВ присутствует.

ПОСТАНОВИЛИ: Снять с работы в порядке сокращения аппарата без отнесения к категории.-

П/ас надлежащими подписями.-

Верно:
секретарь ЦК ВКП (Панкратова)

Выписка из протокола №61. О снятии В.В. Попова с должности научного сотрудника Обл. Музея

Extract from the Protocol № 61: Dismissal of V. Popov from the position of the Research Assistant of the regional museum.

Литература

АО – 1 [Археологическая опись. Рукопись] // Фонды музея: Археология. – 1940-1941. – №1-39.

Бажин А.П. Автобиография, 1925г. // НАРБ. Ф.248, Оп.5, Д.81. – Л.109-110

Бажин А.П. [Рукопись] Отчёт о деятельности Краевого Музея Бурреспублики с I/I-24г. по I/X-24г. // Архив музея. К-24. Разные справки, протоколы, отзывы, переписка и т. д. О работе музея. Отчёт музея 1924г. -//-1929-30г. План музея 1924г. – С.12-14.

Бажин А.П. [Заметка] Краевой музей Б-М Республики // Бурят-Монгольская правда. – №218. – 30 сентября 1924а. – С. 4

Будажабэ Ф.Т., Алексеев Д.П. 50 лет Бурятскому Республиканскому Краеведческому музею им. М.Н. Хангалова // Вопросы краеведения Бурятии. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1975. – Вып.8. – С. 4-14.

Выписка из протокола № 61. Заседания Центральной Комиссии по чистке аппарата БМАССР от 29-30 июля 1931 года. [Рукопись] // Архив музея. К-24. Дело с директивами вышестоящих организаций, постановлениями, резолюциями и выписками из протоколов. Начато в 1928 году окончено в 1935 году на 162 листах. – С.76.

Гаттенбергер П.Ф. Музейно-Краеведческая работа в Бурят-Монгольской АССР // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. Тр. первой конф. по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР. – М.-Л.: Изд-во АН СССР – 1936. – Том 2. – С.329-331.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс: Иволгинский могильник. – Археологические памятники сюнну. – СПб: Петербургское востоковедение, 1996. – Т. 2. – Вып. 2. – 176 с.

Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 106 с.

Именохоев Н.В. Погребальные памятники XYII-XYIII вв. долины р. Уды (по материалам Хоринской экспедиции 1935 года) // Региональные музеи: настоящее и будущее. – Улан-Удэ, 2003. – С. 152-157.

Костарев С.П. [Рукопись] Республиканский Краеведческий музей Бурятской АССР им. М.Н. Хангалова. Исторический очерк. // Фонды музея: Фото. Документы. – 1959. – 109 с.

Краснощёков В.В. В.В. Попов – киренский педагог и краевед // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы: Материалы региональной научно-практической конференции. – Иркутск, 2000. – С. 123–128.

Мостиц А.П. Следы каменного века в долине р. Селенги. // Протоколы общего собрания ТКОПОИРГО. – 1896. – № 1-2. – С. 5-17.

Нестеренко В.В. Археологические исследования Г.П. Сергеева в Забайкалье // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. – 2012. – № 2 (30). – С. 41-46.

Попов В.В. Автобиография 1925г. // НАРБ. Ф.248, Оп.5, Д.144. -Л.53-56

Попов В.В. Отчет о деятельности Бурят-Монгольского Научного Общества имени Доржи Банзарова с 1-го октября 1926 по 1-е января 1928 года. // Бурятиеведение: Верхнеудинск, 1928. – Вып. IY (8). – С.107-161.

Попов В.В. [Рукопись] Отчёт о работе Центрального Музея Б.-М.А.С.С.Р. за 1929-30 год. // Архив музея. К-24. Разные справки, протоколы, отзывы, переписка и т. д. О работе музея. Отчёт музея 1924г. -//-1929-30г. План музея 1924г. – Л. 34-41. – С.1-15.

Саяпарова Е.В. История музейного дела в Бурятии (конец XIX – XXI вв.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2012. – 29 с.

Селихов Е. А. Краеведческая и археологическая деятельность секретаря Бурят – Монгольского научного общества Василия Васильевича Попова (1926 – 1928 гг.) // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. – Томск, 2003. – С. 76-78.

Сергеев Г.П. [Отчёт. Рукопись] // Селенгинская археологическая экспедиция 1935-36а. – Ч. 1. – МИБ нвф 2969/1. – 48 с.

Сергеев Г.П. [Отчёт. Рукопись] // Селенгинская археологическая экспедиция 1935-36б. – Ч. 2. – МИБ нвф 2969/2. – С. 49-55.

Сергеев Г.П. [Дневник. Рукопись] // Хоринская археологическая экспедиция 1935в. – МИБ нвф 2969/3. – 53 с.

Сергеев Г.П. [Оттиск] // Позднеашельская стоянка в гроте у сел. Выхватинцы (Молдавия) // СА. – 1950. – XII. – С. 203-212.

Сосновский Г.П. Краткий отчёт о летней работе археологического отряда Бурят-Монгольской экспедиции Академии Наук С. С. С. Р. В 1928 г. // Бурятиеведение: Верхнеудинск, 1928. – Вып. IY (8). – С.162-166.

Ткачук М.Е. Георгий Борисович Фёдоров (1917-1992) // STRATUM plus. – Кишинёв: Высш. Антроп. Школа, 1999. – № 5. – Неславянское в славянском мире. – С. 7-13.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 1998. – 288 с.

Е.Д. Жамбалтарова[131]

МАТЕРИАЛЫ ФОФАНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В ФОНДАХ МУЗЕЯ БНЦ СО РАН

Фофановский могильник является одним из опорных памятников первобытной археологии Восточной Сибири. В настоящей работе представлена характеристика комплекса фофановских материалов, хранящихся в фондах Музея БНЦ СО РАН на основании краткого описания музейной коллекции и оценки степени ее исследованности.

Ключевые слова: Фофановский могильник, неолит, бронзовый век, археологическая коллекция, Музей БНЦ СО РАН

E.D. Zhambaltarova

MATERIALS OF THE FOFANOVSKY CEMETERY IN THE FUNDS OF THE MUSEUM OF THE BURYAT SCIENCE CENTER OF THE SB RAS

The Fofanovsky cemetery is one of basic monuments of primitive archeology of Eastern Siberia. In the real work the characteristic of the complex of the fofanovsky materials which are stored in the funds of the Museum of the Buryat Science Center of the SB RAS on the basis of the short description of the museum collection and the assessment of degree of its study is submitted.

Keywords: Fofanovsky cemetery, Neolithic, Bronze Age, archeological collection, the Museum of the Buryat Science Center of the SB RAS.

Фофановский могильник является одним из крупнейших и древнейших погребальных комплексов Байкальского региона. Могильник расположен на субширотном участке нижнего течения р. Селенги, в 0,5-1 км выше с. Фофоново на юго-западном, юго-восточном и восточном склонах Фофоновской горы, на высоте 26-40 м над уровнем реки. Археологические и антропологические материалы более сотни фофановских погребений разрозненно хранятся в музеях и научных организациях страны (ГИМ, Государственный Эрмитаж, Кунсткамера, Отдел антропологии ИЭА РАН, Национальный музей Республики Бурятия, Музей БНЦ СО РАН). Следует отметить, что, несмотря на проводившиеся в разные годы широкомасштабные полевые работы на Фофановском могильнике сами материалы являются недостаточно изученными с позиций комплексного подхода.

Цель настоящего исследования – дать характеристику комплекса материалов Фофановского могильника, хранящихся в фондах Музея БНЦ СО РАН. Исходя из цели исследования, определены следующие задачи: краткое описание фофановской коллекции Музея БНЦ СО РАН и оценка степени ее исследованности.

Памятник открыт в 1926 г. А.П. Окладниковым [Окладников, 1928, с. 64]. Работы на могильнике проводились М.М. Герасимовым в 1931 и 1934-1936 гг., однако, при этом исследовались лишь отдельные обнажавшиеся погребения,

[131] ЖАМБАЛТАРОВА Елена Дашиевна – кандидат исторических наук, хранитель фондов музея Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: dashievna@yandex.ru.

общее количество которых установить затруднительно. Значительным раскопкам памятник подвергся в 1948 и 1950 гг., когда А.П. Окладников [Окладников, 1955, с. 14] исследовал 39 погребений.

В 1959 г. работы на могильнике были продолжены археологическим отрядом Иркутской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством М.М. Герасимова. Было исследовано 41 погребение на площади 1400 м^2. Авторы раскопок, основываясь на стратиграфии и планиграфии могил, выделили три группы погребений [Герасимов, Черных, 1975, с. 23]. Группа I (7 могил – погребения №№ 1-7) имеет общие черты с китойскими погребениями Ангарского бассейна [там же, с. 23-32]. II группа погребений (29 могил – погребения №№ 8-36) по ряду признаков близка глазковским памятникам Прибайкалья [там же, с. 32-45]. К III группе погребений авторами раскопок отнесено 5 могил – погребения №№ 37-41. М.М. Герасимов и Е.Н. Черных отмечают, что культурное положение третьей, самой поздней, группы погребений Фофановского могильника неясно. Исследователи предварительно отнесли эти погребения к I тысячелетию до н.э. [там же, с. 47].

Коллекция Фофановского могильника Музея Бурятского научного центра включает в себя материалы раскопок В.П. Конева (1987-91 и 1996 гг.) и Е.Д. Жамбалтаровой (2007, 2008, 2013 гг.). По хронологии их можно разделить на материалы раннего неолита (китойские) и бронзового века (глазковские).

К археологическим материалам раннего неолита относятся предметы инвентаря 17 погребений, раскопанных в 1987-91 и 1996 гг. экспедициями БГПИ и ВСГАКИ под руководством В. П. Конева. Также сюда относятся материалы из 4-х погребений и ритуального объекта, полученных в 2007, 2008 и 2013 гг. экспедицией Музея БНЦ СО РАН и ВСГАКИ под руководством Е. Д. Жамбалтаровой. Рассматриваемые погребения отнесены к китойскому (ранненеолитическому) комплексу погребений по совокупности таких признаков как: отсутствие надмогильных каменных выкладок, засыпка погребенных охрой, погребения без черепов и захоронения отдельных частей тела, «чужие» кости, групповые и парные захоронения, кальцитовые кольца, кинжалы с вкладышами, скульптура головы сохатого (лося), расщепленные клыки кабана, резцы марала, тарбагана, изделия из перламутра [Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008, с. 54-60]. Особый интерес представляет обнаруженный на территории могильника ритуальный объект с черепом медведя, возможно, свидетельствующий о существовании культа медведя у населения Юго-Восточного Прибайкалья в эпоху раннего неолита [Жамбалтарова, 2013]. Коллекция материалов раннего неолита Фофановского могильника из фондов Музея БНЦ СО РАН представлена орудиями охоты, рыболовства, собирательства, домашнего производства, украшениями, скульптурой, керамикой, обработанными и необработанными костями птиц и животных.

К археологическим материалам бронзового века (глазковским) Фофановского могильника, хранящимся в фондах Музея БНЦ СО РАН, относятся предметы инвентаря погребения 6/2013 г., которое достигало в длину 2,8 метров и

0,5-0,6 м – в ширину. Заполнение могильной ямы было полностью засыпано охрой. В погребении найдены фрагменты обожженных человеческих костей и предметы инвентаря (когти орла, иглы, отщепы, скребки, фрагменты костяных острий, фрагменты керамики, подвески из клыка марала и др.). Предметы также обожжены и в основном фрагментированы. В целом археологическая коллекция Фофановского могильника Музея БНЦ СО РАН включает в себя более 500 единиц хранения. Предметы описаны, сфотографированы, введены в музейную программу Hida.

В рамках проекта РГНФ № 13-01-00178 (руководитель Жамбалтарова Е.Д.) получены данные археологических, педолитологических, палинологических, изотопных, радиоуглеродных, минералогических, одонтологических исследований материалов Фофановского могильника. В рамках проекта были привлечены специалисты д.и.н. Волков П.В., Куклина С.Л., д.г.н. Безрукова Е.В., Панов В.С., к.г.-м.н. Избродин И.А., к.и.н. Лейбова Н.А. Проект направлен на реконструкцию адаптивных стратегий древнего населения Юго-Восточного Прибайкалья в природных обстановках среднего голоцена по материалам погребений неолита и раннего бронзового века Фофановского могильника.

Таким образом, следует отметить, что на сегодняшний день коллекция Фофановского могильника Музея БНЦ СО РАН является наиболее изученной. Обобщение данных трасологического, антропологического, изотопного, минералогического, педолитологического, радиоуглеродного и других анализов позволит реконструировать модели адаптивных стратегий населения неолита и раннего бронзового века Юго-Восточного Прибайкалья. Изучение антропоэкологических, хозяйственно-экономических, технологических, ритуально-обрядовых, коммуникативных и других адаптивных стратегий исследуемого населения с позиций синхронического и диахронического подхода позволит определить его роль и место в культурном контексте Байкальского региона в эпоху неолита и раннего бронзового века.

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 13-01-00178.

Литература

Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофоновского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 23-48.

Жамбалтарова Е.Д. Культ медведя у древнего населения Юго-Восточного Прибайкалья: интерпретация ранненеолитического объекта с черепом медведя Фофановского могильника // Россия и АТР. – 2013. – № 3. – С. 142-151.

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 248 с.

Окладников А.П. Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии // Северная Азия, 1928. – № 3. – С. 63-69.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3 (Глазковское время). – 373 с. (Материалы и исследования по археологии СССР: № 43).

Оглавление

Предисловие 5
Б.В. Базаров, П.Б. Коновалов, Н.Н. Крадин
СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДАНИЛОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ 7
С.В. Данилов, Н.В. Именохоев, Б.З. Нанзатов, А.И. Симухин
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ПРОЕКТУ: «СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КАРТЫ ГОРОДОВ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ» (2010–2014 гг.) 15
I. Культуры эпохи камня, бронзового и раннего железного веков
А.А. Анойкин
К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ НА ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА: ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА РУБАС-1 23
Ю.Е. Антонова
КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ДАБХУР (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ): ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ 31
М. А. Борисов, А. А. Анойкин
ПАЛЕОЛИТ ДОЛИНЫ РЕКИ РУБАС (ДАГЕСТАН) 39
А.П. Деревянко, А.В. Кандыба, А.А. Цыбанков, А.М. Чеха
КАМЕННЫЙ ВЕК ВЬЕТНАМА: МАТЕРИАЛЫ ПЕЩЕРНОГО КОМПЛЕКСА ЗИЕМ. 46
В.Н. Зенин, А.Г. Рыбалко
СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ (по материалам памятника Дарвагчай-залив-1) 52
А.М. Клементьев
ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ИЗ ИСТОРИИ ПАЛЕОЛИТОВЕДЕНИЯ БУРЯТИИ 58
К.А. Колобова, А.И. Кривошапкин
КАРЕНОИДНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЯХ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 64
А.И. Кривошапкин, К.К. Павленок
ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ КОМПЛЕКСОВ ОБИРАХМАТСКОЙ ТРАДИЦИИ В КАМЕННОМ ВЕКЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 71
А.Г. Рыбалко
ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ (по материалам памятника Дарвагчай-залив-1) 76

А.В. Санникова, Л.Н. Беседнов, Ю.Е. Вострецов
РЫБОЛОВСТВО НАСЕЛЕНИЯ ЗАЙСАНОВСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА КЛЕРК-5 В ПРИМОРЬЕ 83
В.И. Ташак
ПЕРВИЧНОЕ РАСЩЕПЛЕНИЕ В 6-М СЛОЕ БАРУН-АЛАНА-1 (западное Забайкалье) 89
А.В. Тетенькин
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ КОВРИЖКА IV НА НИЖНЕМ ВИТИМЕ 97
С.М. Фокин
НОВЫЙ ГОЛОЦЕНОВЫЙ ПАМЯТНИК НИЖНЕГО ПРИАНГАРЬЯ – ПОСЕЛЕНИЕ-МОГИЛЬНИК СКОРОДУМНЫЙ БЫК 102
С.В. Шнайдер
МЕЗОЛИТ ПАМИРО-АЛАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ТУТКАУЛ (ГОР. 3, 2А) И ОБИ-КИИК) 109
А. В. Варенов
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЮЖНОМ СКЛОНЕ ГОР ЯНЬШАНЬ БЛИЗ ПЕКИНА 117
Ганболдын АНХСАНАА
РАНЕЕ НЕИЗВЕСТНОЕ ДРЕВНЕЕ КАМЕННОЕ ИЗВАЯНИЕ В МЕСТНОСТИ ИХ БЭЛЧИР (МОНГОЛИЯ) 125
П.К. Дашковский
КУРГАНЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА МОГИЛЬНИКЕ ИНСКОЙ ДОЛ В ЗАПАДНОМ АЛТАЕ 128
Г.Л. Иванов
МАНХАЙ IV – СТОЯНКА В ДОЛИНЕ РЕКИ КУДЫ 132
М.Е. Килуновская
КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ В УЮКСКОЙ КОТЛОВИНЕ (Тува) 137
Г.Д. Коваленко
СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СЕМАНТИКЕ АРТЕФАКТОВ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (Хакасия, бронзовый век). 149
В.П. Леонтьев
ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ 157
О. В. Минор
МУЖСКОЙ НАБОР УКРАШЕНИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ 166
Ю.И. Ожередов, А.Ю. Ожередова
К ВОПРОСУ О КЕРЕКСУРАХ С ОЛЕННЫМИ КАМНЯМИ НА ПОВЕРХНОСТИ: НОВАЯ НАХОДКА В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ . . 173

Вл.А. Семенов
ЭЛИТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ УЮКСКОЙ КУЛЬТУРЫ У ГОРЫ КОШ-ПЕЙ (ТУВА) 178
Я. Бемман, У. Бросседер, Ж.-О. Гантулга, Г. Груп, Дж. МакГлин, С. Рейхерт, Ч. Еруул-Эрдэнэ
BIOARCHAEOLOGICAL RESEARCH ON THE BRONZE AND IRON AGE CEMETERY OF MAIKHAN TOLGOI, UPPER ORKHON VALLEY, CENTRAL MONGOLIA 188
А.В. Тиваненко
ОПЫТЫ ПО ИДЕОГРАФИЧЕСКОМУ ПРОЧТЕНИЮ НАСКАЛЬНОГО ПИКТОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СИБИРИ 199
Л.Д. Чадамба
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ТУВЫ 212
А.Д. Цыбиктаров
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ХЕРЕКСУРОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 218
II. Эпоха Хунну, городские и поселенческие комплексы кочевников
С. А. Васютин
ГОРОДА КОЧЕВНИКОВ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ. 223
Е.И. Гельман
БОХАЙСКИЕ ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ . 230
Н.Ганбат , Г.Одмагнай
КРАТКИЙ ОЧЕРК О ГОРОДИЩАХ ЮЖНЫХ ХУННОВ (по сведениям источника “Цзинь шу”) 240
П.К. Дашковский, И.А. Мейкшан
КОЧЕВАЯ ЭЛИТА ХУННУ: ПО МАТЕРИАЛАМ АНАЛИЗА ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ И СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ. 247
Ю. И. Елихина
НАХОДКИ КЕРАМИКИ ЭКСПЕДИЦИИ В.Л. КОТВИЧА ИЗ ГОРОДИЩА ХАРА-БАЛГАСУН, ХРАНЯЩИЕСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ. 254
Н.Н.Крадин
ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЯХ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ 259
М. А. Очир-Горяева
ПОСЕЛЕНИЯ СТЕПНОЙ ЗОНЫ ЕВРАЗИИ СКИФСКОЙ ЭПОХИ . 265
Я.Е. Пискарева
МОХЭСКИЕ ГОРОДИЩА ЮЖНОГО ПРИМОРЬЯ. 275

С.Д. Прокопец
РАЗНОКУЛЬТУРНАЯ КЕРАМИКА ИЗ ГОРОДИЩА НИКОЛАЕВСКОЕ I 281
Т. Р. Садыков
КАТЫЛЫГ 5 – ГОРОДИЩЕ КОКЭЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ 286
А.Ю. Санафеев
ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ, АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА ЧХОННИМСА. 293
Н.А. Сутягина
К ВОПРОСУ О КИТАЙСКОМ ВЛИЯНИИ НА КОНСТРУКЦИИ ЭЛИТНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ХУННУ 303
Р.Төгссайхан
МОНГОЛ ДАХЬ ЧИН УЛСЫН ҮЕД ХОЛБОГДОХ ХОТСУУРНЫ СУДАЛГААНЫ ЗАРИМ АСУУДАЛ 313
Д.К. Тулуш
ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЭПОХИ ХУННУ НА ТЕРРИТОРИИ ТУВЫ 316
С.Улзийбаяр, Б.Очир, Э.Уртнасан
К ВОПРОСУ РАННЕГО ЭТАПА ХУННУСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ МОГИЛЬНИКА САЛХИТЫН АМА). 323
Хатагины Д. Эрдэнээбаатар, Т. Идэрхангай
ЭРТНИЙ ТӨРТ УЛСУУДЫН ХААД, ЯЗГУУРТНЫ РШУУЛГА, ТАХИЛГЫН ЗАН ҮЙЛ 333
III. Социально-политическая история, духовная культураи мировоззрение кочевников (от эпохи средневековья до современности)
Е. В.Асташенкова, А. Л. Ивлиев
ЛЯОСКИЕ АНАЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ БРОНЗОВЫХ ЗЕРКАЛ ИЗ ПРИМОРЬЯ. 347
Д.Д. Васильев
ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ НАДПИСИ И ПЕТРОГЛИФЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПЕРИФЕРИИ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА 361
Н.А. Клюев, И.Ю. Слепцов, А.Л. Ивлиев
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА КОКШАРОВКА-8) 367
Е.В. Ковычев
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ БАССЕЙНА Р. ЧИКОЙ (НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ) 374

П.В. Мандрыка, П.О. Сенотрусова
ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ СТОЯНКИ ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА-II НА АНГАРЕ 381
Г.Г. Пиков
ДВА НАРОДА – ДВЕ СУДЬБЫ:ПОЧЕМУ ФРАНКИ СТАЛИ НАЦИЕЙ, А КИДАНИ НЕТ? 390
Н.И. Рыбаков
МАНИХЕЙСКИЕ МАРШРУТЫ ПО ТОРГОВЫМ ПУТЯМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ЮГ-СЕВЕР (VIII-X) 398
Н. Н. Серегин
РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ПЛАНИГРАФИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК МОНГОЛИИ . 404
А. В. Харинский
КОСТИ БАРАНА В ЗАБАЙКАЛЬСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ X–XV ВВ. . 407
У. Т. Ховалыг
НАСКАЛЬНЫЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ АЛАШ II 415
Э.В. Батунаев
КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ В МОНГОЛИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКА 419
Н.С. Гончарова
НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА (20–50-е гг. XX вв.) 425
Л.С. Дампилова
ФОЛЬКЛОРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ШАМАНСКИХ ОБЪЕКТОВ 429
Б.С. Дугаров
МОНГОЛЬСКИЕ ЭТНОНИМЫ В ТЮРКСКИХ ЭПОСАХ И ИХ ПАРАЛЛЕЛИ В «СОКРОВЕННОМ СКАЗАНИИ» 435
Д.М. Маншеев
ИССЛЕДОВАНИЯ Е.М. ЗАЛКИНДА И И.А. АСАЛХАНОВА О ХОЗЯЙСТВЕ БУРЯТ 442
А.М. Харитонов
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ОСВЕЩЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 447
В.В. Ушницкий
ВЕРСИЯ МОНГОЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАРОДА САХА: ЯЗЫК, ЭТНОНИМИКА 450
Л. Эрдэнэболд, Ц. Цэрэндорж
ИССЛЕДОВАНИЯ ГРОБНИЦ С ЗАХОРОНЕНИЯМИ ВЕЛЬМОЖ АЙМАКА “ПУГУ” 455

IV. Памятники археологии и проблемы сохранения культурного наследия

В.Н. Авраменко
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ КАК РЕСУРС ТУРИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ 463
Ю.Е. Антонова, С.А. Батурин
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ С.В. ДАНИЛОВА В МУЗЕЕ БНЦ СО РАН 466
С.В. Бахвалов, Ф.С. Малков
ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРАУДСОРСИНГА ДЛЯ СБОРКИ СОСУДОВ ИЗ ФРАГМЕНТОВ 472
Т.А. Бороноева, Б.Ц. Гомбоев, Д.Д. Хубитуева
БУРЯТСКИЕ НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ) 477
Ярославцева Л.Г.
ПЕРВЫЕ АРХЕОЛОГИ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОГО (ВЕРХНЕУДИНСКОГО) КРАЕВОГО МУЗЕЯ – А.П. БАЖИН, В.В. ПОПОВ, Г.П. СЕРГЕЕВ. ИХ ВКЛАД В ФОРМИРОВАНИЕ ФОНДОВЫХ КОЛЛЕКЦИЙ 482
Е. Д. Жамбалтарова
МАТЕРИАЛЫ ФОФАНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В ФОНДАХ МУЗЕЯ БНЦ СО РАН 490

Contents

B.V. Bazarov, P.B. Konovalov, N.N. Kradin
SERGEY VLADIMIROVICH DANILOV – RESARCHER OF NOMADIC CULTURES OF INNER ASIA 7
S.V. Danilov, N.V. Imenohoev, B.Z. Nanzatov, A.I. Simuhin
PRELIMINARY RESULTS OF THE INTERNATIONAL RUSSIAN-MONGOLIAN ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION ON THE PROJECT: «ESTABLISHMENT OF ELECTRONIC MAP OF FORTS OF ANCIENT CENTRAL ASIAN NOMADS « (2010-2014) 15
A.A. Anoykin
ON THE PROBLEM OF MIDDLE TO UPPER PALEOLITHIC TRANSITION OF DAGESTAN: ON MATERIALS OF RUBAS-1 SITE . 23
Yu.E. Antonova
STONE INDUSTRY OF DABHUR SITE (WESTERN TRANSBAIKAL): QUESTIONS OF CULTURAL AND CHRONOLOGICAL IDENTIFICATION 31
M. A. Borisov, A. A. Anoykin
THE MIDDLE PALEOLITHIC INDUSTRIES FROM RUBAS VALLEY (DAGESTAN) 39
A.P. Derevyanko, A.V. Kandyba, A.A. Tsybankov, A.M. Chekha
STONE AGE OF VIETNAM: THE MATIREALS OF DIEM CAVE . . . 46
V. N. Zenin, A. G. Rybalko
THE MIDDLE PALEOLITHIC OF THE WESTERN CASPIAN (according to the materials of the monument Darvagchai-Bay-1). 52
A. M. Klement'ev
DOCUMENTARY EVIDENCE FROM THE HISTORY PALEOLITHICS RESEARCH IN BURAYTIA 58
K.A. Kolobova, A.I. Krivoshapkin
CARINATED TECHNOLOGY IN WESTERN CENTRAL ASIA PALEOLITHIC INDUSTRIES 64
A.I. Krivoshapkin, K.K. Pavlenok
VARIABILITY OF OBIRAKHMATIEN ASSEMBLAGES IN PALEOLITHIC OF CENTRAL ASIA. 71
A. G. Rybalko
STUDIES OF THE EARLY PALAEOLITHIC ON THE TERRITORY OF THE WESTERN CASPIAN REGION (on materials of the monument Darvishi-Bay-1 site) 76
A.V. Sannikova, L.N. Bessednov, Yu. E. Vostretsov
FISHING OF POPULATION OF ZAISANOVSKY CULTURAL TRADITION ON KLERK-5 SITE IN PRIMORYE 83

V.I. Tashak
PRIMARY TECHNOLOGY IN THE 6 TH LAYER OF BARUN-ALAN-1 (WESTERN TRANSBAIKAL) 89
A.V. Tetenkin
THE RESULTS AND PERSPECTIVES OF RESEARCH OF THE SITE KOVRIZHKA IV ON LOWER VITIM RIVER 97
S.M. Fokin
NEW GOLOTSENOVY MONUMENT OF LOWER ANGARA REGION – THE SETTLEMENT-BURIAL GROUND THE SKORODUMNY BIK . 102
S.V. Shnaider
MESOLITHIC OF PAMIR-ALAI (BASED ON TUTKAUL (LAYER 2A, 3) AND OBI-KIIK SITES) 109
A. V. Varenov
BURIAL SITES OF SCYTHIAN TIME ON THE SOUTHERN SLOPE OF YANSHAN MOUNTAINS NEAR BEIJING 118
G.Ankhsanaa
EARLIER UNKNOWN ANCIENT STONE MAN STONE FROM THE IKH BELCHIR SITE (Mongolia) 125
P.K. Dashkovskiy
THE BURIAL MOUNDS OF THE THE BRONZE AGE AT THE INSKOY DOL. BURIAL GROUND IN WESTEN ALTAY 128
G.L. Ivanov
MANHAI IV – THE CAMP IN THE VALLEY KUDA. 132
M.E. Kilunovskaya
COMPLEXES OF SCYTHIAN AGE MONUMENTS ON THE BELOE LAKE IN UYUK BASIN (Tuva) 137
G.D. Kovalenko
SINERGETIC APPROACH TO THE SEMANTICS ARTEFACTS OF OKUNEV CULTURE (KHAKASSIA BRONZE AGE) 149
V.P. Leontiev
CHRONOLOGY OF IRON AGE MONUMENTS NORTH PRIANGARE 157
O. V. Minor
MAN'S ORNAMENT SET OF THE ERA OF LATE BRONZE OF MINUSINSK DEPRESSION 167
Y.I. Ozheredov, A.Y. Ozheredova
KHEREKSURS WITH DEER STONES: A NEW FIND IN WEST MONGOLIA. 173
Vl.A.Semenov
ELITE BURIALS OF THE UYUK CULTURE NEAR KOSH-PEI MOUNTAIN (Tuva) 178

J. Bemmann, U. Brosseder, J.-O. Gantulga, G. Grupe, G. McGlynn, S. Reichert, Ch. Yeruul-Erdene
BIOARCHAEOLOGICAL RESEARCH ON THE BRONZE AND IRON AGE CEMETERY OF MAIKHAN TOLGOI, UPPER ORKHON VALLEY, CENTRAL MONGOLIA 188
A.V. Tivanenko
THE EXPERIMENTS WITH THE IDEOGRAPHIC READING OF THE ROCK PICTOGRAPHIC WRITING OF THE ANCIENT TRIBES OF CENTRAL ASIA AND SIBERIA. 200
L. Chadamba
GRAPHIC TRADITION OF ROCK ART LATE BRONZE AGE TUVA 212
A.D. Tsibiktarov
FUNERAL RITE OF THE POPULATION OF KHIRIGSUURS CULTURE IN CENTRAL ASIA 218
S. A. Vasyutin
NOMADS TOWNS AS A FACTOR OF SOCIAL ANDPOLITICAL TRANSFORMATIONS 223
E.I. Gelman
THE BOHAI DWELLINGS AND HOUSEHOLD CONSTRUCTIONS 231
N. Ganbat, G. Odmagnay
OVERVIEW ABOUT FORTIFIED SETTLEMENTS OF SOUTH XIONGNU (According to the source «Jin Shu») 240
P.K. Dashkovskiy, I.A. Meykshan
THE NOMADIC ELITE OF XIONGNU: ANALYSIS OF THE FUNERARY MONUMENTS IN WESTERN TRANSBAIKALIA AND NORTHERN MONGOLIA. 247
Yu. I. Elikhina
THE FINDS OF CERAMICS BY THE EXPEDITION OF V. KOTVICH FROM THE SETTLEMENT OF KHARA BALGASUN KEEPING IN THE STATE HERMITAGE MUSEUM 254
N.N. Kradin
THE FEATURES OF URBANIZATION PROCESSES IN THE NOMADIC EMPIRES OF INNER ASIA 259
Maria Ochir-Goryaeva
ARCHEOLOGICAL SITES OF ANCIENT DWELLINGS IN THE EURASIAN STEPPE OF THE SCYTHIAN EPOCH 265
Y.E. Piskareva
MOHE WALLED ANCIENT TOWNS OF SOUTHERN PRIMORYE . 275
S.D. Prokopets
MULTICULTURAL CERAMICS FROM THE SETTLEMENT NIKOLAEVSKOE I. 281

Timur Sadykov
KATYLYG 5 – FORTIFIED SETTLEMENT OF KOKEL ARCHAEOLOGICAL CULTURE 286
A. Yu. Sanafeev
HISTORICAL CONTEXT, ARCHITECTURAL FEATURES AND THE SPATIAL ORGANIZATION OF THE JEONGNIMSAJI TEMPLE COMPLEX 293
N.A. Sutiagina
SOME REMARKS TO CHINESE CULTURAL INFLUENCES ON THE CONSTRUCTIONS OF THE XIONGNU ELITE TOMBS 303
R. Tugssaihan
SOME PROBLEMS OF RESARCHING OF THE CITIES OF QIN DINASTY IN MONGOLIA 313
D.K. Tulush
FORTIFICATION CONSTRUCTIONS OF HUNNU ERA IN THE TERRITORY OF TUVA 316
S.Ulzijbajar, B.Ochir, Je.Urtnasan
ON THE QUESTION OF EARLY STAGE OF HUN ARCHAEOLOGICAL CULTURE (based on the Salhityn am burial) 324

E. V. Astashenkova, A. L. Ivliev
LIAO ANALOGIES OF THE MEDIEVAL BRONZE MIRRORS OF PRIMORYE TERRITORY 347
Vasilyev Dmitry
OLDTURKIC INSCRIPTIONS AND PETROGLYPHS OF SOUTHERN SIBERIA AS A SOURCE ON HISTORY OF THE PERIPHERY OF TURKIC KHAGANATE 361
Kluyev N.A., Sleptsov I.Y., Ivliev A.L.
CULTURAL-HISTORICAL CONTACTS OF MEDIEVAL POPULATION OF PRIMORYE (ON MATERIALS OF KOKSHAROVKA-8 FUNERAL COMPLEX) 367
E.V. Kovychev
MEDIEVAL BURIAL OF BASIN R.CHIKOY (UNPUBLISHED MATERIALS) 375
P.V. Mandryka, P.O. Senotrusova
THE BURIAL OF THE LATE MIDDLE AGES IN THE PARKING LOT PROSPERINA SHIVERS-II ON THE RIVER ANGARA 381
G.G. PIKOV
TWO PEOPLES – TWO FATES: WHY FRANKS BECAME NATION, BUT CHITANS NOT?. 390

N.I. Rybakov
THE MANICHEAN ROADS ALONG THE MANY TRADE ROUTES OF THE CENTRAL ASIA: SOUTH-NORTH (VIII–X) 398
N. N. Seregin
DISTRIBUTION AND PLANIGRAPHY OF THE EARLY MEDIEVAL TYURKIC FUNERAL COMPLEXES IN MONGOLIA 404
A. V. Kharinskii
THE BONES OF SHEEP IN THE BURIALS OF 10th –15 th cc. AD OF TRANSBAIKALIA 407
U. T. Khovalyg
ROCK RUNIC INSCRIPTIONS ALASH II 415
E.V. Batunaev
COLONIZATION POLICY QING EMPIRE IN MONGOLIA IN THE XIX–XX CENTURE 419
N.S. Goncharova
INITIAL STAGE OF THE RECONSTRUCTION OF WORLDVIEW OF POPULATION OF SOUTH AND WEST SIBERIA IN PALEOMETAL AGE: HISTORIOGRAPHY OF CONCEPTION (THE PERIOD FROM THE 20-S TO THE 50-S OF THE XX CENTURY) 426
L.S. Dampilova
FOLKLORE AND ARCHEOLOGICAL RESEARCH ON SHAMANIC OBJECTS 430
B.S. Dugarov
MONGOLIAN ETHNONYMS IN TURKIC EPOS AND THEIR PARALLELS IN THE «SECRET HISTORY» 435
D.M. Mansheev
E.M. ZALKIND AND I.A. ASALHANOV'S STUDIES ABOUT THE ECONOMY BURYAT 442
A.M. Kharitonov
THE GEOGRAPHICAL PROBLEMS IN LEANING ETHNIC HISTORY OF CENTRAL ASIA 447
V.V.USHNITSKY
VERSION MONGOLIAN ORIGIN OF THE SAKHA: LANGUAGE, ETHNONYMY 451
L. Erdenebold, Ts. Tserendorj
RESEARCHING OF THE BURIAL TOMBS OF NOBLES OF AIMAG «PUGU» 455

V.Avramenko
CISBAIKALIAN ARCHAEOLOGICAL HERITAGE AS A SOURCE FOR TOURISTIC DEVELOPMENT OF THE REGION 463

Yu.E.Antonova, S.A. Baturin
ARCHEOLOGICAL COLLECTION OF S.V. DANILOV IN MUSEUM OF BSC SB RAS 466
S.V. Bakhvalov, F.S. Malkov
IDEAS AND OPPORTUNITIES OF CROWDSOURCING FOR BUILD VESSELS FROM FRAGMENTS. 472
T.A Boronoeva, B.Ts. Gomboev, D.D. Hubitueva
BURYAD NATIONAL HOLIDAYS: ACTUAL PROBLEMS OF FORMATION OF MUSEUM COLLECTIONS (THE CASE OF THE NATIONAL MUSEUM REPUBLIC OF BURYATIA) 477
Larisa Yaroslavtseva
THE FIRST ARCHAEOLOGISTS OF THE BURYAT-MONGOLIAN LOCAL LORE MUSEUM A. BAZHIN, V. POPOV, G. SERGEYEV AND THEIR CONTRIBUTION TO THE FORMING OF THE MUSEUM ARCHEOLOGICAL COLLECTIONS 482
E. D. Zhambaltarova
MATERIALS OF THE FOFANOVSKY CEMETERY IN THE FUNDS OF THE MUSEUM OF THE BURYAT SCIENCE CENTER OF THE SB RAS . 490

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Материалы международной научной конференции

Научное издание

Утверждено к печати ученым советом ИМБТ СО РАН

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 14.07.2015 г. Формат 60x84 1/16.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
Гарнитура Тип Таймс.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 27,78. Уч.-изд. л. 30,86.
Тираж 200 экз. Заказ № 139.
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.
Тел./ факс: (3952) 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru